

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
основан в 1940 году

**№ 3 (72)
2016**

Орел
ОГУ имени И.С. Тургенева
2016

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Orel State University named after I.S. Turgenev»

SCIENTIFIC NOTES OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL
it was founded in 1940

**Vol.3 No.72
2016**

Orel
OSU named after I.S. Turgenev
2016

Редакционно-издательская коллегия:

Главный редактор

Авдеев Ф.С. д-р пед. наук, проф.

Заместитель главного редактора

Пузанкова Е.Н., д-р пед. наук, проф.

Члены редколлегии:

Дудина Е.Ф. канд. филол. наук (Россия)

Хованская Е.А. канд. пед. наук (Россия)

Александрова А.П. канд. филол. наук, доц. (Россия)

Айзенштат М.П. д-р ист. наук (Россия)

Антонова М.В. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Аркажанян М.Ц. д-р ист. наук, проф. (Россия)

Арсентьева Н.Н. д-р филол. наук, проф. (Испания)

Беднарская Л.Д. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Видмарович Н.П. д-р филол. наук, проф. (Хорватия)

Гелла Т.Н. д-р ист. наук, проф. (Россия)

Зайченкова М.С. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Иванов А.Е. д-р ист. наук, проф. (Россия)

Изов В.П. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Ковалев П.А. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Ларионова Л.Г. д-р пед. наук, проф. (Россия)

Литвин Ф.А. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Львова С.И. д-р пед. наук, проф. (Россия)

Маймескулова А.Л. д-р наук, экстрорд. проф. (Польша)

Минаков С.Т. д-р ист. наук, проф. (Россия)

Михальченко С.И. д-р ист. наук, проф. (Россия)

Михенчева Е.А. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Никонова Т.А. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Новиков С.Н. д-р пед. наук, проф. (Россия)

Образцов П.И. д-р пед. наук, проф. (Россия)

Пастернак Е.Л. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Погосян В.А. д-р ист. наук, проф. (Армения)

Поншон Т. д-р филол. наук, проф. (Франция)

Ретинская Т.И. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Тамин М. д-р филол. наук, проф. (Франция)

Тер-Минасова С.Г. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Уман А.И. д-р пед. наук, проф. (Россия)

Чекова-Димитрова И. канд. филол. наук, доц. (Болгария)

Чельшьева И.И. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Черепанова Л.В. д-р пед. наук, проф. (Россия)

Чикалова И.Р. д-р ист. наук, проф. (Белорусь)

Ши Хуншен канд. филол. наук, проф. (Китай)

Ямагути Р. д-р филол. наук, проф. (Япония)

И.о. ответственного редактора

Дудина Е.Ф. канд. филол. наук

Адрес редакции:

302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95, каб. 237.

Тел. (486-2) 43-17-40

www.oreluniver.ru E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

Зарег. в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС 77-65752 от 20.05.2016

Подписной индекс 43366
по объединенному каталогу «Пресса России»

© Коллектив авторов, 2016

© ОГУ имени И.С. Тургенева, 2016

Содержание

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

С.Н. Абуков БРАК ЯРОСЛАВА СВЯТОПОЛЧИЧА С ВНУЧКОЙ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА И КОНФЛИКТ НА ВОЛЫНИ В 1117-1123 ГОДАХ	9
Г.А. Алексанян ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЗАКАВКАЗЬЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	15
Е.А. Антюхова ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ НАТО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	21
К.В. Бирюкова ПАТРИАРХ СЕРГИЙ (СТАРОГОРОДСКИЙ) НА СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ЯПОНИИ	28
Е.А. Волкова ОТРАЖЕНИЕ ТЕМЫ НИГИЛИЗМА В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «БЕСЬ»)	33
С.Г. Извеков ГЕНРИХ СТРОДС (1925-2012). ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛАТЫШСКОГО ИСТОРИКА	39
А.А. Киселев ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ЦЕН В КАРЕЛИИ (1990–1993 ГОДЫ)	42
М.В. Ковалева ПОГРАНИЧНАЯ КРЕПОСТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО: МЦЕНСК В XIV–XV ВЕКАХ. ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ	48
А.А. Майоров К ВОПРОСУ ОБ АССИМИЛЯЦИИ ВЯТИЧАМИ НОСИТЕЛЕЙ МОЩИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХОВСКОЙ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ В VII–VIII ВЕКАХ	55
А.В. Неслуховская ТРАДИЦИОННЫЕ РУССКИЕ ЖЕНСКИЕ ШЕЙНЫЕ УКРАШЕНИЯ ВЕРХНЕОКСКОГО РЕГИОНА XIX–XX ВЕКОВ	63
С.В. Рыбаков ОТСТАИВАНИЕ ИДЕИ СЛАВЯНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЖИТИЯХ КОНСТАНТИНА И МЕФОДИЯ	69
И.А. Филина, Н. Мохаммад РАЗВИТИЕ АПТЕЧНОЙ СЛУЖБЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ	74
А.С. Хворостов БРЁВНА, ПОПАВШИЕ В ИСТОРИЮ	80
А.А. Черниловский ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ В 1920-Х ГОДАХ ИТАЛЬЯНСКИМ ГЕНЕРАЛОМ ДЖУЛИО ДУЭ И КРИТИКА ЕГО ТЕОРИИ В СССР	84
С.А. Четвериков ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ ОРЕНБУРГСКОЙ ССЫЛКИ УЧАСТНИКОВ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863 ГОДА	89
П.И. Шестопалов ГЕНЕРАЛ А.М. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ НА СЛУЖБЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ	94
А.Н. Юшкова, И.А. Филина ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ АПТЕЧНОГО ДЕЛА В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД	98
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Н.В. Акимова РОЛЬ ВНУТРЕННЕГО МОНОЛОГА И НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ В СОЗДАНИИ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»	104
А.В. Алексеев ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ (СИМВОЛИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	110

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации от 09.02.2016 г. журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям и группам научных специальностей: 07.00.00 – исторические науки и археология; 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языкознание; 13.00.00 – педагогические науки.

Л.В. Алешина ВОПРОС О РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ В ПИСЬМАХ Н.С. ЛЕСКОВА	115
Л.И. Анохина ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ	120
М.В. Антонова, Я.В. Жарких «СВОЕ» И «ИНОЕ» ПРОСТРАНСТВО СКАЗКИ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА И.Ф. КАЛЛИНИКОВА)	124
Г.Л. Ачкасова, А.Г. Белых МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЛЕЙТМОТИВ ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ»	128
Т.В. Бахвалова ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ ТРАДИЦИЙ В ЛЕКСИКЕ ОРЛОВСКИХ ГОВОРОВ: НАЗВАНИЯ МОЛОКА И МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ	132
А.П. Богинская К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ: ЧЕТЫРЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДА «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»	138
Т.В. Гущина, М.В. Чернецова ПОНЯТИЕ НАРКОТИЗМА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ	145
А.Э. Дудко ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ СОНЕТОВ ДЖ. КИТСА В РОССИИ И ПРОБЛЕМА ИХ ВОСПРИЯТИЯ	150
И.Л. Золотарев ПРАВДОПОДОБИЕ НЕВЕРОЯТНОГО В ФАНТАСТИКЕ И.С.ТУРГЕНЕВА	155
Е.Р. Иоанесян ПРЕДИКАТЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ: ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ	160
Н.В. Кургузова НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СОБИРАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРА ОРЛОВСКОГО КРАЯ	167
В.А. Лукин СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ КРИЗИС ТОЛЕРАНТНОСТИ (I)	178
Л.А. Лысенко ОБРАЗ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» И Б.К. ЗАЙЦЕВА «ПУТЕШЕСТВИЕ ГЛЕБА»	185
Е.А. Михеичева, Н.А. Бондарева АНДРЕЕВ И ГЕРМАНИЯ. ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА В ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	190
О.В. Петешова ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ С ПОЗИЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА	195
А.Е. Петренко КОММЕРЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ РОМАНЕ «ВИЛЬГЕЛЬМ АНГЛИЙСКИЙ»	199
А.С. Поляков НЕНОРМАТИВНЫЕ ЭТНОНИМЫ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ КОММЕНТАРИЯХ К ТЕКСТУ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА («88 ЗАПОВЕДЕЙ ДЭВИДА ЛЭЙНА»)	206
Е.Д. Преснякова, М.В. Антонова ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ В СКАЗКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА И.Ф. КАЛЛИНИКОВА)	213
Сай На РОЛЬ БА ЦЗИНЯ В СТАНОВЛЕНИИ КИТАЙСКОГО ТУРГЕНЕВЕДЕНИЯ	217
А.О. Середина ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ В РАННЕЙ ПРОЗЕ А.А. ГРИГОРЬЕВА И И.С. ТУРГЕНЕВА	220
К.А. Снурницын ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОГО РАЗЛАДА ЛИЧНОСТИ В ПОВЕСТИ Ю. В. ТРИФОНОВА «ОБМЕН»	224
Н.А. Хамитов К ВОПРОСУ О ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТЕРМИНОВ СПОРТА В ТАТАРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	228
Е.В. Хвастова ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ ПЛЮРАТИВОВ	231
Е.М. Цуканова ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СУГГЕСТИИ В РЕКЛАМНОМ СЛОГАНЕ	234
С.Н. Шевченко МЕТОНИМИЧЕСКОЕ РАСШИРЕНИЕ СЕМАНТИКИ ЛЕКСЕМ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	240
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
А.А. Аксёнов ПРОПЕДЕВТИКА ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ЛОГИЧЕСКОМУ ПОИСКУ РЕШЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ	245
А.В. Амеличкин ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПО РАЗВИТИЮ ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ НА ОСНОВЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА	253
М.И. Богомоллова НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ, ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ПРИОБЩЕНИЯ К ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЦЕННОСТЯМ	257
Ю.Н. Борисова НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРОЛОГИИ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ - АРХИТЕКТОРОВ (ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД)	262
Ю.А. Воронцова ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ	268
Н.С. Гедулянова, А.М. Митяева ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ	274
Л.И. Губарева, Т.А. Сенькина, М.И. Тихонович МЕТОДОЛОГИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАНДАРТАМИ EUR-ACE	284
Е.В. Зеленина КОНКУРС ПРОЕКТОВ ЭКСКУРСИЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЧУВСТВ У СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ	291

И.Н. Иваненко РОЛЬ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ТЕКСТОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ» В ПОДГОТОВКЕ К ГИА И ОСВОЕНИИ ФГОС НОО И ООО	295
И.Н. Иваненко НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПО УПРАВЛЕНИЮ ИННОВАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ ФГОС НОО И ООО	298
М.В. Мартынова К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ	300
И.Ю. Попова ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ	304
О.В. Садыкова, Т.Б. Казиахмедов ПРОЦЕСС ПОСТРОЕНИЯ МЕТОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИНФОРМАТИКИ И ИКТ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОБУЧЕНИЯ НА ПРОФИЛЬНОМ УРОВНЕ	307
В.Д. Селютин, И.В. Корогодина ПРОВЕРКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ ФУЗИОНИЗМА ФИЗИКИ С МАТЕМАТИКОЙ НА ОСНОВЕ СТОХАСТИКИ В РАМКАХ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА	322
К.В. Скворцов ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ НОРМ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	326
Т.И. Смагина ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ БАКАЛАВРА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ К РАЗВИВАЮЩЕМУ ОБУЧЕНИЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	334
Е.А. Смагина ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ПРОФИЛЬ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК»)	338
Л.А. Терехова МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ» В СТРУКТУРЕ «ТРАДИЦИОННОГО» ШКОЛЬНОГО КУРСА МАТЕМАТИКИ	342
Л.А. Ходякова, И.К. Геро ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВИДОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЦИИ СЛОВА, ЖИВОПИСИ, МУЗЫКИ	348
РЕЦЕНЗИИ	
М.П. Нечаев НОВОЕ СЛОВО В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	354
Н.Н. Смоголь МЯТЕЖНЫЙ ВЕК, МЯТУЩИЙСЯ ДУХ, ТРЕВОЖАЩЕЕ СЛОВО (О НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ТВОРЧЕСТВА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА)	355
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ	357
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ	358

Scientific journal
It was founded in 1940
Is published 4 times a year
Vol.3 - No.72 2016
July-September

SCIENTIFIC NOTES OF OREL STATE UNIVERSITY

The founder – Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education

«Orel State University named after I.S. Turgenev»
FSBEI HE «OSU named after I.S. Turgenev»

Editorial board:

Scientific editor-in-chief

Avdeyev F.S. Doctor in Pedagogics, Prof.

Scientific deputy editor-in-chief

Puzankova E.N. Doctor in Pedagogics, Prof.

Board members:

Dudina E.F. Candidate of Philology (Russia)

Khovanskaya E.A. Candidate of Pedagogics (Russia)

Alexandrova A.P. Candidate of Philology, Docent (Russia)

Arsentat M.P. Doctor of History, Prof. (Russia)

Antonova M.V. Doctor of Philology, Prof. (Russia)

Arzakanyan M.Ts. Doctor of History, Prof. (Russia)

Arsent'yeva N.N. Doctor of Philology, Prof. (Russia)

Bednarskaya L.D. Doctor of Philology, Prof. (Russia)

Vidmarovich N.P. Doctor of Philology, Prof. (Croatia)

Gella T.N. Doctor of History, Prof. (Russia)

Zaichenkova M.S. Doctor of Philology, Prof. (Russia)

Ivanov A.E. Doctor of History, Prof. (Russia)

Izotov V.P. Doctor of Philology, Prof. (Russia)

Kovalev P.A. Doctor of Philology, Prof. (Russia)

Larionova L.G. Doctor of Pedagogics, Prof. (Russia)

Litvin F.A. Doctor of Philology, Prof. (Russia)

L'vova S.I. Doctor of Pedagogics, Prof. (Russia)

Maimeskulova A.L. Doctor of Sciences, extraordinary Prof. (Poland)

Minakov S.T. Doctor of History, Prof. (Russia)

Mikhail'chenko S.I. Doctor of History, Prof. (Russia)

Mikheicheva E.A. Doctor of Philology, Prof. (Russia)

Nikonova T.A. Doctor of Philology, Prof. (Russia)

Novikov S.N. Doctor in Pedagogics, Prof. (Russia)

Obraztsov P. I. Doctor in Pedagogics, Prof. (Russia)

Pasternak E.L. Doctor of Philology, Prof. (Russia)

Pogosyan V.A. Doctor of History, Prof. (Armenia)

Ponchon T. Doctor of Philology, Prof. (France)

Retinskaya T.I. Doctor of Philology, Docent (Russia)

Tamine M. Doctor of Philology, Prof. (France)

Ter-Minasova S.G. Doctor of Philology, Prof. (Russia)

Uman A.I. Doctor in Pedagogics, Prof. (Russia)

Chekova-Dimitrova I. Candidate of Philology, Docent (Bulgaria)

Chelysheva I.I. Doctor of Philology, Prof. (Russia)

Cherepanova L.V. Doctor in Pedagogics, Prof. (Russia)

Chikalova I.R. Doctor of History, Prof. (Belarus)

Shi Hunshen Candidate of Philology, Prof. (China)

Yamaguchi R. Doctor of Philology (Japan)

Acting chief editor

Dudina E.F. Candidate of Philology

Editorial Office address:

302026, Orel, 95 Komсомolskaya Str., of. 237.

Tel. (468-2) 43-17-40

www.oreluniver.ru E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate ПИИ № ФС 77-65752 from 20.05.2016

Index 43366

on general catalog «Press of Russia»

© Team of authors, 2016

© OSU named after I.S. Turgenev, 2016

Contents

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

S.N. Abukov

THE MARRIAGE OF YAROSLAV SVYATOPOLKOVITCH WITH THE GRAND-DAUGHTER OF VLADIMIR MONOMAKH AND A CONFLICT ON VOLYN' IN 1117-1123 9

G.A. Aleksanyan

THE MILITARY-POLITICAL ASPECT OF RUSSIA'S POLICY IN THE SOUTH CAUCASUS REGION AT THE PRESENT STAGE 15

E.A. Antyukhova

THE BASIC DIRECTIONS OF NATO'S PUBLIC DIPLOMACY IN THE EPOCH OF GLOBALIZATION . . 21

K.V. Biryukova

THE PATRIARCH SERGY (STAROGORODSKY) ON SERVICE IN THE RUSSIAN SPIRITUAL MISSION IN JAPAN 28

E.A. Volkova

REFLECTING THE THEME OF NIHILISM IN THE SOCIO-HISTORICAL VIEWS OF FYODOR DOSTOYEVSKY (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL «THE POSSESSED») 33

S.G. Izvekov

HENRIHS STRODS (1925-2012). SKETCH OF LIFE AND ACTIVITY OF THE LATVIAN HISTORIAN . . 39

A.A. Kiselev

PRICE LIBERALIZATION IN KARELIA (1990-1993) 42

M.V. Kovaleva

BORDER FORTRESS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA: MTSENSK IN THE 14TH-15TH CENTURIES. POLITICAL AND CULTURAL ASPECT 48

A.A. Mayorov

ABOUT VYATICH ASSIMILATION OF ETHNIC GROUPS ASSOCIATED WITH MOSCHINY CULTURE IN VERKHOVYE' HISTORICAL-GEOGRAPHICAL PROVINCE DURING THE VII-VIII CENTURIES . . 55

A.V. Neslukhovskaya

TRADITIONAL RUSSIAN NECKLACES FROM UPPER OKA REGION IN XIX-XX CENTURIES 63

S.V. Rybakov

ASSERTION OF IDEA OF SLAVIC ENLIGHTENMENT IN HAGIOGRAPHIC BIOGRAPHIES OF CONSTANTINE AND METHODIUS 69

I.A. Filina, N. Mohammad

THE DEVELOPMENT OF PHARMACY SERVICES IN THE OREL REGION IN THE FIRST YEARS AFTER THE REVOLUTION 74

A.S. Hovorostov

LOGS THAT BECAME HISTORY 80

A.A. Chernilovsky

THE PREDICTION OF THE FUTURE WAR IN THE 1920S BY THE ITALIAN GENERAL GIULIO DOUHET AND CRITICISM OF HIS THEORY IN THE USSR 84

S.A. Chetverikov

LIBERATION OF THE PARTICIPANTS OF THE POLISH UPRISING OF 1863 FROM ORENBURG EXILE 89

P.I. Shestopalov

GENERAL A.M. ZAYONCHKOVSKI ON THE SERVICE IN SOVIET RUSSIA 94

A.N. Yushkova, I.A. Filina

THE HISTORY OF FARMACY IN THE OREL PROVINCE IN THE PRE – REVOLUTIONARY TIME 98

PHILOLOGICAL SCIENCES

N.V. Akimova

THE ROLE OF INTERNAL MONOLOGUE AND NON-NATIVE-DIRECT SPEECH TO CREATE IMAGES OF THE CHARACTERS IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE IDIOT" 104

A.V. Alekseev

LEXICAL SEMANTICS IN OLD RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH (SYMBOLIC ASPECT) 110

L.V. Aleoshina

THE ISSUE OF THE ROLE OF WOMEN IN FAMILY AND SOCIETY LIFE IN THE LETTERS BY N.S. LESKOV 115

M.V. Antonova, Y.V. Zarkhih

«HIS» AND «OTHER'S» SPACE IN FAIRY TALE (BASED ON THE COLLECTION OF I.F.KALLINIKOV). 120

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science 09.02.2016 the journal "Scientific Notes of Orel State University" is included in the list of leading reviewed scientific journals and publications, in which the scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences. It covers the following scientific fields: 07.00.00 – historical sciences and archaeology; 10.01.00 – literary criticism; 10.02.00 – linguistics; 13.00.00 – pedagogical sciences.

M.V. Antonova, Y.V. Zarkhih «HIS» AND «OTHER'S» SPACE IN FAIRY TALE (BASED ON THE COLLECTION OF I.F.KALLINIKOV)	124
G.L. Achkasova, A.G. Belykh THE MUSICAL LEITMOTIF IN I.S. TURGENEV'S NOVELLA ASYA	128
T.V. Bakhvalova REFLECTION OF THE CULTURAL AND HOUSEHOLD TRADITIONS IN THE VOCABULARY OF THE OREL DIALECTS: FOOD NAMES	132
A.P. Boginskaya PROBLEM OF ANALYSIS OF PARALLEL TEXTS: FOUR FRENCH TRANSLATIONS OF «EUGENE ONEGIN»	138
T.V. Gushchina, M.V. Chernetsova THE CONCEPT OF NARCOTISM: PROBLEMS OF LEGAL AND LINGUISTIC INTERPRETATION	145
A.E. Dudko FIRST TRANSLATIONS OF SONNETS BY J. KEATS IN RUSSIA AND THE PROBLEM OF THEIR PERCEPTION	150
I.L. Zolotaryov THE CREDIBILITY OF THE INCREDIBLE IN THE IVAN TURGENEV'S FICTION	155
E.R. Ioanesjan EMOTIVE PREDICATES: PROTOTYPICAL SCENARIO AND SEMANTIC EVOLUTION	160
N.V. Kurguzova SOME RESULTS OF COLLECTING AND STUDYING FOLKLORE OF THE OREL REGION	167
V.A. Lukin SOCIOCOMMUNICATIVE CRISIS OF TOLERANCE (I)	178
L.A. Lysenko THE IMAGE OF THE RUSSIAN ORTHODOX IN THE AUTOBIOGRAPHICAL WORKS OF I.S.SHMELEV'S «SUMMER OF THE LORD» AND B.K. ZAITSEV'S «GLEB'S JOURNEY»	185
E.A. Micheitsheva, N.A. Bondareva ANDREEV AND GERMANY. THE PERCEPTION OF CREATIVITY LEONID ANDREYEV IN GERMANY IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY	190
O.V. Peteshova RENAMING OF GEOGRAPHICAL OBJECTS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LANGUAGE THEORY	195
A.E. Petrenko THE LEXIC OF COMMERCE IN THE OLD FRENCH NOVEL «WILLIAM OF ENGLAND»	199
A.S. Polyakov ETHNOPHAULISMS IN RUSSIAN COMMENTS ON EXTREMISTIC TEXT (“88 PRECEPTS BY DAVID LANE”)	206
E.D. Presnyakhova, M.V. Antonova PAST, PRESENT AND FUTURE IN THE FAIRY TALE (BASED ON THE COLLECTION OF I.F. KALLINIKOV)	213
Sai Na BA JIN'S ROLE IN FORMATION OF THE CHINESE STUDIES ABOUT TURGENEV	217
A.O. Seredina WOMAN'S PORTRAIT IN EARLY PROSE OF A.A. GRIGORIEV AND I.S. TURGENEV	220
K.A. Snurnitsyn THE PROBLEMS OF SPIRITUAL DISORDER OF THE PERSONALITY IN THE STORY YU. V. TRIFONOV “THE EXCHANGE”	224
N.A. Khamitov REVISITING PART OF SPEECH BELONGING OF SPORTS TERMS IN THE TATAR AND ENGLISH LANGUAGES	228
E.V. Khvastova THE PRINCIPLES OF CREATING LEXICOGRAPHY OF PLYURATIVES	231
Y.M. Tsukanova LANGUAGE MEANS OF EXPRESSING SUGGESTION IN AN ADVERTISING SLOGAN	234
S.N. Shevchenko METONYMIC EXTENSION OF NATURAL RESOURCES TERMS IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES	240

PEDAGOGICAL SCIENCES

A.A. Aksyonov PROPAEDEUTICS PROCESS TEACHING SCHOOLBOYS LOGICAL SEARCH FOR SOLVING MATHEMATICAL TASKS	245
A.V. Amelichkin THE PEDAGOGICAL POTENTIAL OF SOCIO-CULTURAL INSTITUTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL ABILITIES OF YOUNG PEOPLE: ACTIVITY APPROACH	253
M.I. Bogomolova FOLK PEDAGOGICS IN THE SYSTEM OF NATIONAL EDUCATION RESOURCES, HARMONIZATION OF CROSS-CULTURAL RELATIONS, FAMILIARIZATION WITH UNIVERSAL VALUES	257
J.N. Borisova SCIENTIFIC BASIS OF USING PROJECT ACTIVITIES IN LEARNING CULTURAL STUDIES FOR THE STUDENTS OF ARCHITECTURE TO DEVELOP PROFESSIONAL COMPETENCE (VOCATIONAL GUIDANCE APPROACH)	262
J.A. Vorontsova THEORY OF GENERATION THEORETICAL BACKGROUND	268
N.S. Gedulyanova, A.M. Mityaeva THE ORGANIZATION OF STUDENTS' RESEARCH ACTIVITY	274
L.I. Gubareva, T.A. Senkina, M.I. Tikhonovich THE METHODOLOGY OF DESIGNING EDUCATIONAL PROGRAMS IN ACCORDANCE WITH EUR-ACE STANDARDS	284
E.V. Zelenina COMPETITION OF THE ENGLISH LANGUAGE EXCURSION PROJECTS AS A MEANS OF LINGUISTICS MAJORS' PATRIOTIC FEELINGS DEVELOPMENT	291
I.N. Ivanenko ROLE OF IMPLEMENTATION OF THE «TEXT SPACE AS METHODOLOGY OF ARTS EDUCATION» PROJECT IN PREPARATION FOR SFE AND DEVELOPMENT OF FSES NOO AND LTD COMPANY	295

I.N. Ivanenko NEW EDUCATIONAL TECHNOLOGIES FOR MANAGEMENT OF INNOVATIVE PROCESSES IN THE CONDITIONS OF INTRODUCTION OF FGOS NOO AND LTD COMPANY.....	298
M.V. Martynova TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL SOCIO-CULTURAL COMPETENCE	300
I.Yu. Popova FORMATION OF COMMUNACATIVE COMPETENCE OF STUDENTS IN THE PROCESS OF TEACHING FOREIGN -LANGUAGE COMMUNICATION.....	304
O.V. Sadykova, T.B. Kaziahmedov THE PROCESS OF BUILDING A METHODOLOGICAL SYSTEM OF TEACHING INFORMATICS AND ICT ON LEARNING OUTCOMES AT THE PROFILE LEVEL	307
V.D. Selyutin, I.V. Korogodina TEST OF THE EFFECTIVENESS OF THE IMPLEMENTATION OF THE IDEA OF FUSIONISM OF PHYSICS WITH MATHEMATICS BASED ON STOCHASTICS WITHIN THE TECHNICAL UNIVERSITY	322
K.V. Skvortsov TRANSFORMATION OF BEHAVIOURAL NORMS OF THE STUDYING YOUTH IN CONDITIONS MODERN SOCIETY.....	326
T.I. Smagina THEORETICAL MODEL OF FORMATION OF PROFESSIONAL READINESS OF PEDAGOGICAL EDUCATION BACHELOR FOR THE DEVELOPING TEACHING OF YOUNG SCHOOL - CHILDREN	334
E.A. Smagina PROFESSIONAL PROJECT COMPETENCIES OF PEDAGOGY BACHELORS (SKILLS PROFILE «FOREIGN LANGUAGE»): AN OVERVIEW	338
L.A. Terekhova METHODS OF STUDYING THE CONCEPT OF “GEOMETRIC PROBABILITY” IN THE STRUCTURE OF THE “TRADITIONAL” SCHOOL MATHEMATICS	342
L.A. Khodyakova, I.K. Gero INTERACTION BETWEEN THE TYPES OF SPEECH ACTIVITY ON BASIS OF INTEGRATION OF WORD, PAINTING AND MUSIC	348

УДК 94 (367) : 929.5 «11»

UDC 94 (367) : 929.5 «11»

С.Н. АБУКОВ

кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории, Донецкий национальный университет
E-mail: legusha@list.ru

S.N. ABUKOV

Candidate of History, Senior Lecturer, Department of historiography, source studies, archeology and methods teaching history, Donetsk National University
E-mail: legusha@list.ru

БРАК ЯРОСЛАВА СВЯТОПОЛЧИЧА С ВНУЧКОЙ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА И КОНФЛИКТ НА ВОЛЫНИ В 1117-1123 ГОДАХ

THE MARRIAGE OF YAROSLAV SVYATOPOLKOVITCH WITH THE GRAND-DAUGHTER OF VLADIMIR MONOMAKH AND A CONFLICT ON VOLYN' IN 1117-1123

Статья посвящена политическим обстоятельствам брака волынского князя Ярослава Святополковича и внучки Владимира Мономаха. Автор рассмотрел причины отстранения Ярослава от наследования власти в Киеве и проанализировал ход его борьбы на Волыни за свои права и ее последствия.

Ключевые слова: Ярослав Святополкович, Владимир Мономах, Киев, Волынь, княжество, брак, власть.

The article is devoted to the political circumstances of a marriage of Yaroslav Svyatopolkovich with the grand-daughter of Vladimir Monomakh. The author considered the reasons of pushing aside from Kiev power heritage Yaroslav of Volyn' and made an analysis of his struggle on Volyn' for own rights and its consequences.

Keywords: Yaroslav Svyatopolkovitch, Vladimir Monomach, Kiev, Volyn', principality, marriage, power.

Начало XII в. – время правления на Руси киевских князей Святополка Изяславича и Владимира Всеволодовича Мономаха – важный период истории Киевской Руси, связанный с усилением феодальной раздробленности, непростыми межкняжескими отношениями и борьбой за владения между различными членами дома Рюриковичей. Безусловно, главным был вопрос о преемственности верховной власти и установлении порядка наследования Киева. Могущественные князья стремились создать условия для укрепления своих прав на киевский стол, где важнейшая роль отводилась бракам, роль которых для правителей имела исключительное политическое значение, особенно в феодальную эпоху. Можно даже сказать, что это был маркер, позволяющий понять направления политических союзов. В этом плане ведущее место принадлежит взаимоотношениям между Святополком II и Владимиром Мономахом, а позднее разразившемуся конфликту между уже великим князем Владимиром Всеволодовичем и старшим сыном Святополка волынским князем Ярославом, приведшим к его изгнанию с волынского стола, а потом и к гибели. К этому вопросу примыкает проблема наследования Туровского княжества в 10-20-е гг. XII в. и одна из генеалогических проблем в ранней истории Рюриковичей – происхождение клецкого князя Вячеслава Ярославича, правнука Изяслава Ярославича.

Историография истории Руси начала XII в. обширна, так как все дореволюционные, советские и постсоветские ученые, в первую очередь России и Украины, в своих фундаментальных трудах или монографиях, по-

священных теме, касались в той или иной мере этого периода. Большое внимание было уделено политической истории, княжеским отношениям, борьбе с внешней агрессией. Что касается брачной политики древнерусских князей, то в этом аспекте основное внимание было обращено на иностранные союзы, а внутрдинастические браки между Рюриковичами рассматривались вскользь, в общей канве событий. Это верно и для рассматриваемой темы.

На важность брака для укрепления «дружбы» между Мономахом и Святополком обратил внимание С.М.Соловьев, однако не раскрыл, какой именно смысл он подразумевал под этим словом [23. С.391]. Что касается причин конфликта между Ярославом Святополкичем и Мономахичами, то в источниках и историографии существует несколько мнений. Сам Мономах постарался не вдаваться в подробности, назвав причиной похода дурное поведение Ярослава («Не терпяче злобь его») [5. С. 44]. Ипатьевская летопись много внимания уделила непокорству владимирского князя старшим родичам и его гордыне [17. Стб. 287-288]. Никоновская летопись в качестве причины называла плохое обращение волынского князя с женой [19. С. 149-150]. Историки со своей стороны писали о стремлении Ярослава расширить пределы своего княжества (В.Н. Татищев) [24. С. 132]. Другие – о противоречиях между центром и стремлением к обособлению Волынской земли от Киева (П.А. Иванов) [9. С. 132]. Третьи видели причину, с одной стороны, в желании Мономаха властвовать над другими князьями, с другой – планах местной общи-

ны расширить подконтрольную территорию, а Ярослав выступил проводником этой политики (И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко) [27. С. 122]. Таким образом, волынский князь стал первопричиной разыгравшейся усобицы, а вопрос наследования Киева не затрагивается вовсе. Н.Ф.Котляр увидел в волыньских событиях нежелание Ярослава подчиняться центральной власти [12. С. 47]. Возможно, среди правящих элит Киева и Владимира имели место вышеуказанные причины, однако не они сыграли решающую роль. На причину конфликта, связанную с перемещением Мстислава из Новгорода и устранением Ярослава от киевского стола, указывает М.С. Грушевский, считавший Мономаха узурпатором после смерти Святополка Изяславича. Однако, ссылаясь на решение Любецкого съезда, он высказал некоторые колебания по поводу преемника киевского стола после смерти Святополка [6. С. 108-109, 111-112].

О стремлении Мономаха закрепить Киев за своей линией и о прямой связи перевода Мстислава Владимировича на юг и возмущения волынского князя пишет А.Е.Пресняков, сомневаясь в том, что Ярослав должен был стать преемником отца в Киеве. Он отмечает важность подчинения младшего родича старшим и «наказание» Ярослава Святополковича киевским князем [15. С. 64, 66]. Войну на Волыни С.М. Соловьев объяснил отстранением волынского князя от наследования Киева [23. С. 392]. На ту же причину событий на Волыни указывает П.П. Толочко, также назвавший Ярослава законным преемником отца в Киеве по решению Любецкого съезда [26. С. 103]. Отметим, что семье Ярослава Святополчича уделил внимание в специальной статье Н.А. Баумгартен [2].

Брак Ярослава Святополчича с внучкой Владимира Мономаха не был случайным, а имел далеко идущие политические последствия, связанные с вопросом власти в Киеве. Действительно, в правление Святополка II его отношения с переяславским князем Владимиром Мономахом были разными, вплоть до конфликтов, но в последние годы они выступали союзниками, которые совместно решали важнейшие вопросы, включая борьбу с половцами [17. Стб. 237, 252-255, 258, 260, 264-268].

Очевидно, что обе линии сыновей Ярослава Мудрого: Изяслава и Всеволода планировали этим родством закрепить свое доминирующее положение на Руси за счет других линий путем их оттеснения от прав на наследование верховной власти. По нашему мнению, конструкция наследования власти на Руси, о которой договорились двоюродные братья, предполагала, что Мономах станет преемником Святополка в Киеве, а после него киевским князем будет уже Ярослав Святополчич, которому наследовал бы уже Мстислав Владимирович. К тому же такая схема опиралась на отношения Изяслава и Всеволода Ярославичей, а затем самого Святополка. Брак Ярослава и Мстиславны следует рассматривать именно в этом контексте вопроса о Киеве. Поэтому нельзя согласиться с теми историками, которые считали, что преемником Святополка должен был стать его сын Ярослав на основании решения кня-

жеского съезда в Любече в 1097 г. [25. С. 200, 208]. В летописи сказано, что Святополк владеет Киевом как отчиной, как другие – волостями своих отцов, и только. Это подчеркивает и уточнение, что речь идет именно о «Киеве Изяслава» [17. Стб. 231].

Однако если даже в любецких решениях и сохранились преференции на особые связи Киева и Изяславичей, то их реальное воплощение столкнулось бы с колоссальными препятствиями. Пример тому – неудачная попытка Святополка в 1102 г. посадить сына Ярослава вместо старшего сына Мономаха Мстислава в Новгороде, традиционно воспринимавшемся как место княжения потенциального наследника киевского стола. Летопись прямо говорит, что перемена в Новгороде сыновей было результатом договора между Святополком и Мономахом, однако план не осуществился из-за упорства новгородцев в пользу Мстислава [16. Стб. 275-276]. Очевидно, что и Мономах, как замечает Грушевский, не хотел этого обмена [6. С. 101]. Святополку не мог не увидеть, с какими трудностями столкнулся бы его сын, заняв столицу после него, со стороны и могущественного клана Мономашичей. Никогда бы Мономах не отказался от своих прав, вероятно, как и Святославичи. Да и Ярослав предъявил бы свои претензии еще в 1113 г. против двоюродного дяди, якобы незаконно занявшего Киев, если бы таким был «ряд». Новгородская история наглядно показала, что даже в этом городе киевский князь не может посадить своего сына, не говоря уже о том, чтобы оставить Киев ему после своей смерти.

Вероятно, что Святополк этим родством хотел обеспечить ведущее положение своего старшего сына и своих потомков. В любом случае союз киевского и переяславского князей задевал династические интересы Святославичей. Любопытно, что перед этим жених продемонстрировал свои качества успешного полководца. О важности брака говорит и тот факт, что, судя по расчету возраста, женой Ярослава стала старшая из дочерей Мстислава, который родился в 1076 г. а женился ок. 1095 г. на шведской принцессе, что известно из саг [24. С. 91; 8]. В отличие от невесты Ярослав (в крещении Иоанн) был лет на 20 ее старше и едва не ровесником тестя. Его первый брак относят ко времени ок. 1091 г. [4. С. 357]. Вероятно, у самого Мономаха не было «подходящих» для брака дочерей, поэтому сватовство состоялось к внучке. Нельзя не учитывать и роль церкви, косо смотревшей по византийской традиции брак в близкой степени родства. Татищевское известие о внебрачном происхождении Ярослава (его обычно приводят) которого он уничижительно называет «Ярославцем» летописи подтверждают только в отношении его старшего брата «Мстиславца» [24. С. 119; 17. Стб. 245]. Некоторые из них также используют такую необычную форму его княжеского имени [19. С. 150]. Впервые он упоминается в 1097 г. во время конфликта на юго-западе Руси [17. Стб. 245]. В 1100 г. после Уветичевского съезда Ярослав получил Волынь, хотя О.М. Рапов обратил внимание, что летописи дважды сообщают о его вокняжении во Владимире [22. С. 88]. Брак с внучкой Мономаха был

для него третьим по счету. До этого Ярослав состоял в браках с венгерской принцессой и польской княжной [4. С. 357]. Польский брак лежал в общем контексте династической политики Святополка начала XII в., направленной на тесный союз с Польшей [4. С. 357-358].

После смерти Святополка в следующем году его преемник Мономах занял Киев. Переход власти, как известно, сопровождался волнениями киевлян, недовольных злоупотреблениями администрации Святополка. Ярослав Святополчич, якобы легитимный наследник умершего отца, как и трое Святославичей, не предъявил никаких прав. До этого не видно и попыток Святополка передать власть сыну, как традиционно делали другие киевские князья. Важным фактором в вокняжении Владимира Всеволодовича в Киеве была позиция столичной элиты, выступавшей в поддержку Мономаха, но до этого долгое время терпевшая власть непопулярного Святополка. Волнения в столице были чрезвычайно выгодны Мономаху, обеспечив его приход к верховной власти.

Первое время летописи ничего не говорят о враждебных отношениях между волынским и киевским князьями Ярославом и Мономахом. Так было до той поры, пока позиции Мономашичей не окрепли настолько, что им не был нужен союз с Святополчичами. Киевский князь откровенно взял курс на передачу Киева своему старшему сыну Мстиславу и монополизацию верховной власти за своими потомками, что прямо ущемляло права старшего Святополчича. В этой ситуации волынский князь был уже не нужен и даже опасен, а его обширное княжество представлялось лакомым куском. В 1117 г. Владимир Мономах перевел Мстислава из Новгорода в Белгород. В отличие от Лаврентьевской летописи эта статья в Ипатьевской летописи логично связала перевод Мстислава из Новгорода и последовавший затем конфликт Мономаха с Ярославом [16. С. 291; 17. Стб. 284]. Для амбициозного волынского князя это был очевидный сигнал того, что следующим киевским князем станет не он, а его тесть. Намеки на проблемы в семейной жизни Святополчича стали, вероятно, следствием его явного устранения из наследников Владимира Всеволодовича, а не наоборот, как считал С.М. Соловьев [23. С. 392]. Другие историки находят иные причины разыгравшегося конфликта [27. С. 123-124]. Не исключено, что поляки действительно подталкивали волынского князя к вражде с Мономахом, как и имело место желание Ярослава расширить свои владения [24. С. 132].

Однако сразу за летописным сообщением о переходе Мстислава на юг говорится о походе Мономаха на Ярослава и осаде Владимира. Можно сказать, что это одно смысловое известие. Таким образом, трудно не увидеть прямой связи этих событий. Как видно из дальнейшего летописного известия, волынский князь больше не признавал старшинства Мономаха. Киевский князь проявил огромное желание смирить непокорного родственника. Показательна очень продолжительная для времени 60-дневная осада города Владимира, к которой приняли участие черниговский князь Давыд

Святославич и Ростиславичи. Она завершилась капитуляцией Святополчича, которому был сохранен его стол [17. Стб. 284-285].

Но уже в следующем году Ярослав прогнал жену и ушел к родственникам «в Угры». Это лишний раз подтверждает, что волынский князь не испытывал никакой симпатии к супруге, брак с которой теперь был лишен политического смысла. Любопытное известие содержит поздняя Холмогорская летопись, в которой по этому поводу говорится: «Бежа же, княгини своей не любячи, и хотя пустити ю» [21. С. 41]. Интересно при этом подчеркивание летописцем того факта, что бояре волынского князя отступили от него. Никоновская летопись XVI в. расширила перечень отступивших от Святополчича до «воинов» [19. С. 150]. События показали слабую поддержку Ярослава во Владимире. Дальнейшие его попытки вернуть себе власть на Волыни он предпринимал с опорой на польские и венгерские силы своих родственников, которые, поддерживая изгнанника, преследовали на Руси свои цели. О польском влиянии на Ярослава пишет Татищев [24. С. 132]. Политика Венгрии и Польши была направлена против Киева, стремясь создать противовес Мономаху. Именно против поляков предпринял поход в 1120 г. сын Мономаха Андрей «с погаными» [17. Стб. 286].

Очевидно, что Ярослав, отстаивая свои династические и владельческие права, создавал большую проблему клану Мономашичей, захвативших Владимир, но вынужденных постоянно ожидать нападения со стороны Ярослава. В 1121 г. Святополчич «С ляхы» напал на Червен, но не смог взять город, обороной которого руководил воевода Мономаха Фома Ратиборович [17. Стб. 286]. О сложных русско-польских отношениях в более широком международном контексте писал еще В.Т. Пашуто [14. С. 152-154].

В 1123 г. Ярослав с войском из поляков, венгров и чехов во главе с самим королем Иштваном II, о чем предпочли умолчать русские летописи, но пишет венгерская хроника, именующая Ярослава «Бесеном», осадили Владимир Волынский, где укрылся младший сын Мономаха Андрей [3]. К войску иноземцев присоединились Ростиславичи. Как отмечается, силы, противостоящие Мономашичам, были очень велики. Взятие города открывало сыну Святополка большие перспективы и большие проблемы киевскому князю. Ярослав был уверен в своем успехе, хотя владимирцы были настроены против него. Мономах только собирал воинов, а Мстислав выступил на помощь осажденному Андрею только с небольшим числом ратников. Однако под стенами города Ярослав был коварно убит [17. Стб. 287].

Из летописи, закончившей рассказ христианским нравоучением о недостойном поведении волынского князя и правоте Мономаха, и даже о посетившем киевского князя божественном чуде избавления, может сложиться впечатление о случайном характере его гибели. Но это не так. Наемные убийцы специально вышли на охоту («ловяшеста его», как пишет «Московский летописный свод» [20. С. 29]) за своей жертвой. Смерть

амбициозного князя была очень выгодна Мономаху и его сыновьям, расчищая путь к Киеву Мономашичам. Волынь также досталась Мономашичам. В чем-то Ярослав повторил судьбу убитого дяди волынского князя Ярополка Изяславича [16. Стб. 206].

Смерть Ярослава привела к исключению Изяславичей из числа влиятельных линий потомков Ярослава Мудрого. Точно известен один сын Ярослава Юрий, который с трудом в 50-е гг. XII в. смог закрепиться только в Турово-Пинском княжестве [17. Стб. 491-492]. Дочери Ярослава: София и Прибислава. Первая вышла замуж за своего троюродного брата полоцкого и минского князя Ростислава Глебовича, внука по матери волынского князя Ярополка Изяславича, вторая – за поморского князя Ратибора I [4. С. 359; 1. С. 39-48]. Возможно, что брак Софии – попытка волынского князя восстановить давний союз дяди Ярополка с минскими князьями. Напомним, что двоюродная сестра Ярослава Святополчича Анастасия Ярополковна была женой минского князя Глеба Всеславича и матерью Ростислава [17. Стб. 492-493]. Смерть Софии Ярославны отмечена в летописях под 1158 г. [17. Стб. 491]. Возможно, что, судя по ориентировочному году брака, Прибислава рождена от дочери Мстислава, хотя в генеалогии существует другое мнение [11. С. 64]. Летописи полностью умолчали о дальнейшей судьбе жены Ярослава Святополчича – дочери Мстислава. Это единственная из дочерей Мономашича, о которой мы практически ничего больше не знаем, даже ее имени. Возможно, она рано умерла. Впрочем, возможно, она повторно вышла замуж и одна из дочерей Мстислава, известная по другим источникам, и есть вдова Ярослава.

Мстислав после смерти отца Мономаха без проблем стал киевским князем. Любопытно, что живы были два младших сына Святополка Изяславича Брючислав и Изяслав. Однако летописи практически молчат о них, ничего не сообщая о месте их княжения. Логично предположить, что этим малолетним сыновьям Святополк оставил Туровское княжество. Сохранилось молитвенное граффити малолетнего князя Брючислава: «Господи, поможи рабу своему, грешному, убогому Брючиславу-Павлу» в Софии Киевской, автора которого исследователи убедительно отождествили с сыном Святополка [11. С. 211-216]. Однако ни в конфликте единокровного брата Ярослава с Мономашичами, ни в походе на Полоцкое княжество Изяслав и Брючислав не упоминаются. М.С. Грушевский считал, что Мономах отобрал себе Туров сразу после занятия Киева как прежнюю часть Киевской земли [6. С. 110-111]. О.М. Рапов полагал, что они оставались на мелких уделах на Туровщине [22. С. 89]. Л.В. Войтович – что младшие Святополковичи оставались туровскими князьями до своей смерти [4. С. 358]. Скорее, они потеряли Туров во время конфликта Мономашичей с их братом Ярославом, оставаясь здесь на мелких уделах, или совсем утратили их. У юных князей не было ни влияния, ни сил, чтобы удержать Туровское княжество за собой. Вообще, владетельная ситуация в регионе остается неясной. По крайней мере,

летом 1127 г. в Турове сидел сын Мономаха Вячеслав [17. Стб. 297]. Это был удар по всей линии Изяславичей, лишенных в нарушение решений Любецкого съезда и Волыни, и Турова, которые были цинично присвоены Мономашичами.

Брючислав Святополкович, редкое имя которого – единственный такой случай среди потомков Ярослава Мудрого, умер, по Лаврентьевской летописи, в марте 1127 г. [16. Стб. 296]. Его брат Изяслав, по Ипатьевской, в декабре того же года [17. Стб. 293]. Воскресенская летопись также поместила смерть Брючислава под тем же годом [18. С. 26]. Рапов отнес ее к 1128 г. [22. С. 89]. Причем летописец в обоих известиях о смерти был лаконичен и ничего не сказал ни об их княжениях, ни о месте погребения. Из сообщения следует, что Изяслава похоронили на следующий день, а Брючислава Святополчича только на 9-й день после смерти, хотя погребение традиционно происходило на следующий день. Вероятно, его везли издалека, и это была не Туровская земля по соседству с Киевом. Можно предположить, что князей погребли в родовой усыпальнице – киевском Златоверхом Михайловском соборе, построенном их отцом

В заключение необходимо обратить внимание на одну генеалогическую проблему, а именно на происхождение клецкого князя Вячеслава Ярославича. Одни исследователи считают его сыном Ярослава Ярополчича, другие – Ярослава Святополчича [10. С. 106; 4. С. 358]. В пользу первого варианта может быть близость имени Вячеслава и его дяди Вячеслава Ярополчича, незначительность его владения и правление в туровских землях. Однако при более детальном рассмотрении предпочтение следует отдать второй версии. Во-первых, по всем данным сыновья Ярополка Изяславича были изгоями, нигде нет данных об их потомках. Во-вторых, полезен анализ участников похода на Полоцкое княжество 1127 г. Это братья Мстислава Вячеслав и Андрей, сыновья Изяслав и Ростислав, его зятя Всеволод Ольгович и Всеволод [16. Стб. 297-298]. Логично предположить, что Вячеслав не только сын Ярослава Святополковича, но и внук Мстислава от дочери. Этим и объясняется его участие в походе исключительно родни Мстислава. Именно родство с Мономашичами заставило выделить ему Клецк, в то время как его брат Юрий Ярославич от другого брака отца, как видно, оставался без достойного земельного обеспечения [16. Стб. 323].

Итак, брак Ярослава с внучкой Мономаха должен был укрепить союз Мономашичей и Изяславичей с целью сохранения за ними доминирующего положения на Руси и контроля за киевским столом. Старшему сыну Святополка отводилась важная роль в этом альянсе, что и стало причиной брака. Однако не он должен был стать преемником отца, а Мономах. Затем приходил черед Ярослава. Но позднее Мономах, став великим князем, взял курс на передачу Киева своему старшему сыну Мстиславу и отстранения волынского князя Ярослава Святополчича от наследования верховной власти.

Именно в этом необходимо видеть главную причину конфликта между волынским князем и семьей

жены, завершившегося распадом брака и утратой им стола во Владимире. Все попытки отстоять свои права для Ярослава закончились неудачей и его гибелью в специально организованной засаде. Причем на Руси он не нашел князей-союзников и собственные бояре покинули его. Летописи постарались оправдать действия Мономаха. Ярослав был последним крупным князем

среди Изяславичей. На удивление, довольно мало известно о его младших братьях Брячиславе и Изяславе, которые, похоже, еще при жизни утратили Туров. Скорее всего, сыном Ярослава Святополчица от внучки Мономаха следует считать клецкого князя Вячеслава Ярославича, видимо, рано умершего.

Библиографический список

1. *Baumgarten N.A.* Прибыслава княгиня Померанская // Летопись историко-родословного общества. М., 1907. № 2. С. 39-48.
2. *Baumgarten N.A.* Ярослав Святополкович и его семья // Известия Русского императорского генеалогического общества. СПб., 1906. № 3. С. 1-32.
3. «Венгерский хроникальный свод» код доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Hung_Pictum/frametext1.htm
4. *Войтович Л.В.* Князя доба на Русі. Портрети еліти. Біла Церква. 2006. 784 с.
5. *Володимир Мономах.* Повчання. Статут Володимира Всеволодовича. К., 2006. 312 с.
6. *Грушевский М.С.* Історія України-Русі. Т.2. К., 1992. 640 с.
7. *Донской Д.В.* Справочник по генеалогии Рюриковичей. Ч. 1. (Середина IX-начало XIV вв.). Ренн, 1991. 368 с.
8. Джаксон Т.Н. О скандинавских браках Ярослава Мудрого и его потомков // <http://norse.ulver.com/articles/jackson/marriage.html>
9. *Иванов П.А.* Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895. 328 с.
10. *Карамзин Н.М.* История государства Российского Т. 2-3. М., 1991. 832 с.
11. *Корнієнко В.В.* Молитовний напис Брячислава Святополковича з Софії Київської // Праці центру пам'яткознавства. Випуск 18. К. 2010. С. 211-216.
12. *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Киев, 1985. 184 с.
13. *Махновець Л.Є.* Літопис Руський. К., 1989. 590 с.
14. *Пащутто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. 474 с.
15. *Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. 635 с.
16. ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. 496 с.
17. ПСРЛ. Т. 2. М., 2001. 648 с.
18. ПСРЛ. Т. VII. М., 2001. 360 с.
19. ПСРЛ. Т. 9. М., 1965.
20. ПСРЛ. Т. 25. М-Л., 1949. 464 с.
21. ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. 250 с.
22. *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. 264 с.
23. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1988. 797 с.
24. *Татищев В.Н.* История Российская. Т.П. М.-Л., 1963. 354 с.
25. *Толочко О.П., Толочко П.П.* Київська Русь. Київ, 1998. 352 с.
26. *Толочко П.П.* Древняя Русь. Киев, 1987. 246 с.
27. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. 269 с.

References

1. *Baumgarten N.A.* Pribyslava Pomeranian Princess // Annals of Historical and Genealogical Society. M., 1907. № 2. Pp. 39-48.
2. *Baumgarten N.A.* Yaroslav Svyatopolkovich and his family // Proceedings of the Imperial Russian genealogical society. SPb., 1906. № 3. Pp. 1-32.
3. «Hungarian chronicle code» access code: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Hung_Pictum/frametext1.htm
4. *Voytovich L.V.* Prince's period on Rus'. Portraits of elite. Bila Tserkva. 2006. 784 p.
5. *Volodymyr Monomakh.* Sermon. Statute of Volodymyr Vsevolodovich. K., 2006. 312 p.
6. *Grushevsky M.S.* History of Ukraine-Rus'. V.2. K., 1992. 640 p.
7. *Donskoy D.V.* Reference book on genealogy of the Rurikids. Part 1. (mid. IX- early XIV c.). Rennes, 1991. 368 p.
8. *Jackson T.N.* About Scandinavian marriage of Yaroslav the Wise and his descendants // <http://norse.ulver.com/articles/jackson/marriage.html>
9. *Ivanov P.A.* Historical destiny of Volyn land from ancient times to the end of the XIV century. Odessa, 1895. 328 p.
10. *Karamzin N.M.* History of the Russian State. V 2-3. M., 1991. 832 p.
11. *Korniienko V.V.* Prayer inscription of Bryachislav Svyatopolkovicha in Kiev Sofiya // Works of monument studies center. Issue 18. K. 2010. P. 211-216.
12. *Kotlyar N.F.* The Formation of the territory and the emergence of cities in the Galicia-Volyn Rus of IX-XIII centuries. Kyiv, 1985. 184 p.
13. *Makhnovets L.E.* Annal of Rus'. K., 1989. 590 p.
14. *Pashuto V.T.* Foreign Policy of Ancient Rus'. M., 1968. 474 p.
15. *Presnyakov A.E.* Prince's right in ancient Rus'. Lectures on Russian history. Kievan Rus'. M., 1993. 635 p.
16. The Full Collection of the Russian Annals. v. 1. M., 2001. 496 p.
17. The Full Collection of the Russian Annals. v. 2. M., 2001. 648 p.
18. The Full Collection of the Russian Annals. v. VII. M., 2001. 360 p.
19. The Full Collection of the Russian Annals. v. 9. T. M., 1965.
20. The Full Collection of the Russian Annals. v. 25. M-L., 1949. 464 p.

21. The Full Collection of the Russian Annals. v. 33. L., 1977. 250 p.
  22. *Rapov O.M.* The prince's possessions in Rus' in X - the first half of the XIII century. M., 1977. 264 p.
  23. *Soloviev S.M.* History of Russia since ancient times. Bk. 1. M., 1988. 797 p.
  24. *Tatishchev V.N.* Russian History. T.II. Moscow-Leningrad, 1963. 354 p.
  25. *Tolochko O.P., Tolochko P.P.* Kyivan Rus'. Kyiv, 1998. 352 p.
  26. *Talochko P.P.* Ancient Rus'. Kyiv, 1987. 246 p.
  27. *Froyanov I.Y., Dvornichenko A.U.* The city-states of ancient Rus'. L.,1988. 269 p.
-
-

Г.А. АЛЕКСАНИЯ

аспирант, кафедра стран постсоветского зарубежья,
Российский государственный гуманитарный университет

E-mail: goro.aleksanyan@gmail.com

G.A. ALEKSANYAN

Graduate student, Department of post-soviet foreign
countries, Russian State University of Humanities

E-mail: goro.aleksanyan@gmail.com

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЗАКАВКАЗЬЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

THE MILITARY-POLITICAL ASPECT OF RUSSIA'S POLICY IN THE SOUTH CAUCASUS REGION AT THE PRESENT STAGE

Статья посвящена анализу военно-политических аспектов политики Российской Федерации на Южном Кавказе. В ней рассматриваются два ключевых фактора, определяющих характер российской политики в южно-кавказском регионе. Особое внимание уделяется увеличению роли Армении как ключевого партнера России в регионе.

Ключевые слова: Россия, Армения, Азербайджан, Южный Кавказ, военно-политический фактор.

The article analyzes the political-military aspects of the policy of the Russian Federation in South Caucasus. It addresses two key factors that determine the nature of the Russian policy in the South Caucasus region. A particular attention is paid to the escalation of Armenia's role as a key partner for Russia in the region.

Keywords: Russia, Armenia, Azerbaijan, South Caucasus, military-political factor.

Кавказ на протяжении многих веков был театром военно-политического противоборства и в разные времена оказывался под контролем таких империй, как Римская, Персидская, Османская и Российская. Экспансия последней на Кавказ началась в XVIII веке [4]. Из-за своего географического положения Кавказ представлял собой особый интерес как для соседствующих государств, которые пытались овладеть этой территорией для увеличения своего влияния, так и для непосредственно кавказских стран, которые за счет соседей пытались расширить свою территорию, получить преимущества над противником и установить региональное лидерство.

Интересы России на Кавказе изначально были связаны с географическим положением региона. Необходимость укрепления границ на юге государства заставили Россию распространить свое влияние на Кавказе и стать господствующей страной в этом регионе. Мир на Кавказе во многом определял стабильность в самой России. Кроме этого, еще одним важным аспектом заинтересованности кавказским регионом был экономический фактор. По территории Кавказа проходит «Малый Шелковый путь» и другие выгодные торговые коридоры, которые соединяют Центральную Азию и Европу. Контроль над этими транспортными узлами обеспечивал довольно весомый вклад в государственный бюджет.

Со временем эти тенденции сохранились, а интересы России в этом регионе не претерпели никаких изменений. Сегодня Закавказье представляет собой своеобразную буферную зону между странами НАТО и Российской Федерацией. Мировые акторы продолжают

последовательно распространять свое влияние в регионе, поскольку, подчинив Южный Кавказ своему контролю, они повышают безопасность своих границ.

Распад СССР привел к существенным изменениям в системе международных отношений. Постсоветские государства, включая и страны Южного Кавказа, были вынуждены выстраивать исключительно новые отношения с международными акторами. Создавшийся вакуум влияния в Закавказье старались заполнить такие игроки, как США, ЕС, Турция, Иран, Китай.

Азербайджан и Грузия выбрали линию постепенного политического отдаления от Москвы, развивая тесное сотрудничество с ее оппонентами, у которых были свои личные приоритеты в Закавказье. Грузия активно развивала сотрудничество с Западом, углубляя отношения с Европейским союзом. Азербайджан выстроил свою внешнеполитическую линию на основе следующих компонентов: стратегическое партнерство с Турцией, сотрудничество с НАТО в рамках программы индивидуального партнерства, взаимоотношений с ЕС в рамках Восточного партнерства, при этом отдавая предпочтение двусторонним отношениям с США.

Внешиполитические приоритеты Армении отличались от внешнеполитических задач соседей. Ереван, понимая необходимость партнерских отношений с западными странами, активно сотрудничал с ними, при этом интеграция в рамках СНГ и, в особенности, двусторонние отношения с Россией были на первом месте. Такой выбор был продиктован необходимостью обеспечить национальную безопасность государства в условиях карабахской войны и многовековой вражды с Турцией.

На фоне российско-грузинских и российско-азербайджанских отношений российско-армянское сотрудничество условно можно назвать самым беспроблемным. После распада СССР важность Армении для России увеличивалась по мере постепенного уменьшения военного присутствия России в других южнокавказских странах.

Так, с приходом к власти Михаила Саакашвили в Грузии и началом однозначного прозападного внешнеполитического курса, России пришлось вывести свой военный контингент с территории этого черноморского государства. К 2007 году Россия полностью вывела свои войска из Грузии, передислоцировав их в Армению [20]. Позже, в августе 2008 года, произошла «Пятидневная война», в результате которой Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии. Таким образом, в регионе появились уже частично признанные республики, где сейчас дислоцированы российские войска. Замороженные дипотношения между Москвой и Тбилиси не восстановлены до сих пор. Это стало концом процесса выхода Грузии из-под влияния России. Сейчас российско-грузинские отношения не развиваются, но и не ухудшаются благодаря более сдержанной политике новых грузинских властей, которые так же, как и их предшественники, видят будущее Грузии в составе ЕС и НАТО. «Приближается Варшавский саммит НАТО, от которого мы ожидаем признания достигнутого на пути евроатлантической интеграции прогресса. Хочу сказать любому, кто спекулирует по поводу внешнеполитического курса Грузии: еще раз подтверждаю, что это незыблемая воля граждан Грузии, что несколько раз было подтверждено опросами и референдумом. Правительство Грузии выполняет волю общества, наших избирателей. Целью Грузии является сближение со стандартами ЕС, а конечная задача – вступление в ЕС и НАТО», – 13 мая заявил премьер-министр Грузии Георгий Квирикашвили в своем выступлении в Chatham House в рамках визита в Лондон [15]. В связи с этим с трудом верится в возможность возвращения Грузии в орбиту российского военно-политического влияния, особенно после подписания между ЕС и Грузией ассоциативного соглашения [27].

По иному сценарию развивались отношения России с Азербайджаном. Резкого спада в них никогда не замечалось, даже в условиях предельно жесткой конфронтации России с Турцией – военным союзником Азербайджана – из-за сбитого российского самолета в небе над Сирией. После распада СССР Азербайджан отказался от российского военного присутствия на своей территории. 30 декабря 1991 г. было принято «Соглашение Совета Глав Государств-участников Содружества Независимых Государств о Вооруженных Силах и Пограничных войсках с специальной припиской «с обязательным завершением в 2-х месячный срок передачи вооруженных сил общего назначения Азербайджанской Республике» [21]. Россия передала Азербайджану советские военные базы, договорившись с азербайджанским руководством об использовании

Радио-локационной системы в Габале, которая входила в контур Системы предупреждения о ракетном нападении. В 2012 г. Россия лишилась этого важного военного объекта. Баку вместо прежних 7,5 миллионов долларов за ежегодную аренду потребовал от Москвы в 40 раз больше [1]. Примечательно, что это не оказало значительного влияния на развитие российско-азербайджанских отношений, что объясняется несколькими причинами. Если в случае с Арменией сотрудничество основывается на военно-политическом факторе, то в случае Азербайджана преобладают экономические интересы Москвы и Баку. В экономические интересы, как многократно заявляло высшее руководство России, входят также поставки российских вооружений в Азербайджан. Так, 13 октября 2014 года, в ходе визита министра обороны Российской Федерации Сергея Шойгу в Баку, стороны подписали программу развития сотрудничества Российской Федерации и Азербайджанской Республики в военной и военно-технической областях на 2013-2016 годы [16]. В результате этих переговоров стороны также подписали контракты по поставкам в Азербайджан вооружений и военной техники на сумму 5 миллиардов долларов. Эти контракты стали самыми крупными в истории российско-азербайджанского военного сотрудничества, но не были единственными.

Так по военным контрактам, заключенным в 2011–2012 гг., Россия поставила в Азербайджан 94 единицы (три батальона) танков Т-90С, 100 единиц (три батальона) боевых машин пехоты БМП-3, 18 единиц (1 дивизион) самоходных артиллерийских установок «Мста-С», 18 пусковых установок (1 дивизион) реактивных систем залпового огня (РСЗО) «Смерч», 18 единиц (1 дивизион) самоходных артиллерийских орудий «Вена» и 6 единиц (1 батарея) тяжелых огнеметных систем ТОС-1А «Солнцепек». Общая стоимость военной техники вместе с боеприпасами составила около \$1 млрд. [2].

За 2010-2011 гг. между Россией и Азербайджаном также были заключены крупные контракты по поставкам российских вооружений на общую сумму почти в \$3 млрд. Так, Москва поставила Баку два дивизиона зенитно-ракетных систем С-300ПМУ-2, две батареи зенитно-ракетных комплексов «Тор-2МЭ», 60 транспортных вертолетов Ми-17 и 24 ударных вертолета Ми-35М [3].

Такого плана сотрудничество, несомненно, нельзя назвать только лишь экономическим. Очевидна военно-политическая составляющая таких взаимоотношений.

Такая «экономическая» политика Москвы вызывает недовольство официального Еревана, который изначально воздерживался от заявлений по этим поставкам, но после обострения ситуации в зоне Карабахского конфликта в 2015 году стал поднимать проблемы поставок российских вооружений Баку. Но и в этом случае высшее руководство Армении крайне осторожно затрагивало этот вопрос, выражая свое недовольство, но одновременно заявляя, что с пониманием относится к интересам Москвы и вынуждено считаться с ними. «То, что Россия продает оружие Азербайджану и дру-

гим странам, это, наверное, естественно, потому что Россия – производитель оружия, Россия на рынке вооружений очень активно присутствует. Сказать, что нам очень нравится, что Азербайджан приобретает оружие, конечно, не могу. Но, наверное, это вопросы бизнеса, вопросы торговли», – заявил министр иностранных дел Армении Эдвард Налбандян в интервью русской службе ВВС [26]. Очевидно, что этот вопрос является проблемным в отношениях России и Армении, и руководство двух стран старается не обсуждать его публичным образом, прекрасно понимая, что он имеет большой потенциал негативным образом повлиять на армяно-российское сотрудничество.

Торговый оборот России и Азербайджана в 2015 году достиг \$ 2,8 миллиарда, снизившись на \$ 1,2 миллиарда по сравнению с 2014 годом. Объем экспорта из России в Азербайджан составил \$ 2,287 млрд, а объем экспорта из Азербайджана в Россию составил \$ 517,2 млн. [5]. Проблемным вопросом между двумя странами является участие Азербайджана в экономических и политических проектах Запада, направленных против России и на ослабление зависимости Европы от российских углеводородов.

Азербайджан является единственной страной Южного Кавказа, которая владеет большими ресурсами нефти и газа. В связи с этим не удивителен интерес ведущих стран мира в сотрудничестве с этим государством. Сам Азербайджан не против экспорта своих запасов нефти и природного газа Каспийского бассейна на международные рынки в обход России. Азербайджан также является транзитером казахской нефти и туркменского газа в ЕС и Турцию также в обход России. Поэтому иностранные инвестиции, в основном западных стран, в Азербайджан направлены, в частности, на развитие таких энергетических проектов, как добыча газа из месторождения Шах-Дениз в Каспийском море. Этот проект рассматривается в качестве основного элемента Южного газового коридора, цель которого – снизить зависимость ЕС и Турции от поставок газа из России.

Все основные конкуренты России за влияние на Южном Кавказе (США, ЕС, Турция) активно участвуют в следующих энергетических проектах: нефтепровод Баку-Супса, нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, газопровод Баку-Тбилиси-Эрзерум, Трансанатолийский газопровод (TANAP) и Трансадриатический газопровод (TAP). Как транзитная страна во всех этих проектах, кроме TAP, активное участие принимает Грузия, которая используется конкурентами России для ее выдавливания из южнокавказского региона.

Невооруженным глазом можно заметить отсутствие Армении в этих крупных энергетических проектах, некоторые из которых могли быть намного менее затратными и короткими в случае прохождения через ее территорию. Однако политика экономической блокады Армении со стороны двух стратегических союзников Азербайджана и Турции из-за нерешенного Нагорно-Карабахского конфликта подразумевает исключение

Еревана из любого регионального экономического проекта.

В связи с этим можно сказать, что сформировавшиеся в результате прочного сотрудничества Азербайджана, Грузии и Турции, а также поддержки Запада энергетические проекты привели к разделению Южного Кавказа на две части. С одной стороны находятся вышеперечисленные страны, а с другой – Россия и Армения.

Несмотря на это, Азербайджан и Россия поддерживают добрососедские отношения. На это, кроме экономического и военно-политического факторов, влияет также аспект большой азербайджанской диаспоры в России и русской диаспоры в Азербайджане. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 года, численность азербайджанцев в России составила 440 тысяч человек [22]. Помимо этого, по данным главы Федеральной миграционной службы РФ Константина Ромодановского, в России находятся 553 тысячи мигрантов из Азербайджана [7]. В общей сложности количество этнических азербайджанцев в России составляет около 1 миллиона. При этом самое большое число этнических русских среди стран Южного Кавказа живет в Азербайджане. Согласно переписи населения Азербайджана 2009 года, численность русских составила 119 тысяч человек (1,5% населения) [18]. Таким образом можно сказать, что фактор достаточно больших диаспор не может не влиять на российско-азербайджанские двусторонние отношения и не учитываться лицами, принимающими решения.

В связи с этим Россия ведет взвешенную политику, с одной стороны, углубляя сотрудничество с Азербайджаном, особенно в поставках вооружений, где Баку зависим от Москвы, а с другой – показывая Западу, что Азербайджан все еще находится в сфере влияния Москвы.

Ничуть не уменьшая важность Азербайджана и Грузии для России, следует отметить, что военно-политическая линия России в Закавказье строится вокруг сотрудничества Еревана и Москвы. Между Арменией и Россией подписано более 50 договоров, определяющих важное военно-политическое сотрудничество между двумя государствами. Основой этих отношений стал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности от 29 декабря 1991 г., который обозначил главные направления российско-армянского партнерства [11].

Важнейшим фактором российского влияния на Южном Кавказе является 102-ая российская военная база, дислоцированная в Армении. Она обеспечивает интересы России как в этом регионе, так и влияет на конфигурацию сил на Ближнем Востоке, находясь в непосредственном соседстве с Турцией. Российские войска также являются частью системы по обеспечению безопасности Армении, осуществляя охрану границ с Турцией и Ираном совместно с армянскими погранвойсками, а также противовоздушную оборону Армении. Договор о российской военной базе на территории Армении был подписан 16 марта 1995 г. в Москве пре-

зидентами РА и РФ [12]. Подписание этого договора стало логическим продолжением коренных изменений внешнеполитического курса России по отношению к странам СНГ, которые были утверждены указом президента Б. Ельцина в сентябре 1995 г. [24]. В указе в частности отмечалось, что «на территории СНГ сосредоточены наши главные жизненные интересы в области экономики, обороны, безопасности, защиты прав россиян, обеспечение которых составляет основу национальной безопасности страны; эффективное сотрудничество с государствами СНГ является фактором, противостоящим центробежным тенденциям в самой России» [25]. 27 августа 1997 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной обороне между Российской Федерацией и Республикой Армения, который обязал Москву оказать военную помощь Еревану в случае агрессии со стороны третьих стран [10].

В сентябре 2000 г. Россия и Армения подписали Декларацию о союзническом взаимодействии, ориентированном в XXI век, которая уже определяла два государства в качестве союзников [9]. Учитывая наличие российской военной базы в Армении и подписание союзнической Декларации, можно сказать, что в самом начале XXI века Москва и Ереван стали военно-политическими союзниками. 20 августа 2010 г. в ходе визита президента Российской Федерации Дмитрия Медведева в Республику Армения срок дислоцирования военной базы России в Армении был продлен до 2044 г. [13]. Пролонгация срока подтвердила долгосрочный характер российско-армянского военно-политического союзничества, обеспечивая прочное военное присутствие России на Южном Кавказе как минимум до середины XXI века.

Сотрудничество Москвы и Еревана не ограничивается только двусторонними отношениями. Армения – единственная страна Южного Кавказа, которая является членом Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Армения заинтересована в членстве в ОДКБ в первую очередь из-за 4-ой статьи Организации, согласно которой если одно из государств-участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства, то это рассматривается как агрессия против ОДКБ.

Еще одним важным фактором российской политики на Южном Кавказе является карабахский конфликт. Россия, будучи страной-сопредседательницей Минской группы ОБСЕ, участвует в переговорном процессе по решению конфликта и старается вести уравновешенную политику, не отдавая предпочтение ни одной из сторон конфликта. Выбрав Армению, Россия потеряет Азербайджан, а выбирая Азербайджан, Россия потеряет Армению. При этом России, как и Армении, выгоден статус-кво в карабахском вопросе, так как разморозка конфликта означает полную дестабилизацию региона, с опасным потенциалом перехода из двусторонней войны

в региональную, с учетом задокументированных обязательств России по обеспечению безопасности Армении.

Помимо военного и политического присутствия в Армении, Россия прочно обоснована в армянской экономике. По данным Федеральной таможенной службы России, в 2015 г. товарооборот России и Армении составил \$ 1,245 миллиона, при этом экспорт из России составил \$ 1 миллиард 48 миллиона, импорт из Армении – \$ 196 миллиона [6]. Российским компаниям принадлежат основные стратегические важные отрасли экономики Армении, в первую очередь в сфере энергетики: Севано-Разданский каскад с семью гидроэлектростанциями и распределительными электросетями, 100%-ная «дочка» российского «Газпрома» компания «Газпром Армения», обладающая монопольным правом на поставку и распределение природного газа на внутреннем рынке Армении, ЗАО «Южно-Кавказская железная дорога» – 100%-ое дочернее общество ОАО «РЖД», ведущие компании мобильных услуг «АрменТел-Билайн» и «Vivacell-MTS» также принадлежат российским компаниям «Вымпелком» и «Мобильные Телесистемы» (МТС) соответственно. Россия также является главным иностранным инвестором в армянскую экономику. С 1991 г. российские вложения превысили \$ 4 миллиарда, что составляет 40% всех иностранных инвестиций в экономику Армении, а число российских компаний, работающих в Армении, достигает 1300 [17].

Вышеперечисленные данные оказали ключевое влияние на вступление Армении в Евразийский Экономический союз. 3 сентября 2013 г. после встречи с президентом России Владимиром Путиным Серж Саргсян заявил, что Армения желает принимать участие в евразийском интеграционном проекте [14]. Уже через несколько месяцев 4 декабря 2014 г. Парламент Армении ратифицировал договор о присоединении страны к Евразийскому экономическому союзу [19]. Не менее важным фактором в участии Армении в евразийской интеграции была армянская диаспора, количество которой на 2010 г. достигало 1 миллиона 160 тысяч человек [23]. А с учетом 535 тысяч армянских мигрантов общая численность армян в России составляет больше 1 миллиона 700 тысяч. В этом случае армянская община, которую автор книги «Диаспоры в системе международных связей» Татьяна Полоскова относит к «диаспорам, оказывающим влияние на мировые процессы», также является ключевым фактором, который нельзя игнорировать при принятии того или иного решения в армяно-российских отношениях [8].

Таким образом, можно сказать, что военно-политический аспект российской политики в Закавказье строится на основе армяно-российских союзнических отношений, при этом Москва активно развивает двусторонние отношения с Баку, не желая выпускать его из зоны своего влияния, как это было в случае с Грузией.

Библиографический список

1. Азербайджан потребовал от России в 40 раз больше денег за аренду РЛС [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2012. 29 февраля. URL: <https://lenta.ru/news/2012/02/29/gabala/> (дата обращения: 02.03.2016).
2. База данных по мировому импорту вооружений и военной техники [Электронный ресурс] // Центр анализа мировой торговли оружием. 2015. URL: <http://www.armstrade.org/files/obrazecglava4.pdf> (дата обращения: 04.04.2016).
3. База данных по мировому импорту вооружений и военной техники [Электронный ресурс] // Центр анализа мировой торговли оружием. 2015. URL: <http://www.armstrade.org/files/obrazecglava4.pdf> (дата обращения: 04.04.2016).
4. Буиуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. Издательство Московского университета. 1955. С. 59-60.
5. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам за январь-декабрь 2015 год [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба. 2016. 8 февраля. URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=22580:-2015-&catid=125:2011-02-04-16-01-54&Itemid=1976 (дата обращения: 04.04.2016)
6. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам за январь-декабрь 2015 год [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба. 2016. 8 февраля. URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=22580:-2015-&catid=125:2011-02-04-16-01-54&Itemid=1976 (дата обращения: 04.04.2016)
7. Вот сколько азербайджанцев проживает в России [Электронный ресурс] // Day.az 2015. 22 июля. URL: <http://news.day.az/society/598760.html> (дата обращения: 05.10.2016).
8. Диаспора: фактор конфликта или сближения? Литературный и общественно-политический журнал «Дружба народов». 2000. Москва. № 3
9. Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Армения, ориентированном в XXI в. [Электронный ресурс] // Официальный сайт президента России URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2000/09/130152.shtml> (дата обращения: 02.24.2016).
10. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Армения // Бюллетень международных договоров. 1999. № 2. С. 71–77.
11. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Республикой Армения [Электронный ресурс] // Договоры РФ URL: <http://www.pactrf.ru/doc.php?docid=00650> (дата обращения: 04.01.2016).
12. Договор о российской военной базе на территории Армении [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел России. URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/BCFDF06317EF8369C3257DAC0030B134 (дата обращения: 04.01.2016).
13. Документы, подписанные по итогам российско-армянских переговоров [Электронный ресурс] // Официальный сайт президента России URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/682 (дата обращения: 05.19.2016).
14. Заявления для прессы по итогам российско-армянских переговоров [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России 2013 года. 3 сентября. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19142> (дата обращения: 07.01.2016).
15. Квирикашвили: Конечная задача Грузии – вступление в ЕС и НАТО [Электронный ресурс] // Грузия Online. 13.05.2016. 13 мая. URL: <http://www.arsny.ge/2016/pol/1463189099.php> (дата обращения: 04.03.2016).
16. Министры обороны РФ и Азербайджана обсудили создание системы безопасности на Каспии [Электронный ресурс] // ТАСС. 2014. 13 октября URL: <http://tass.ru/politika/1504791> (дата обращения: 02.04.2016).
17. Объем российских инвестиций в экономику Армении составляет \$4 млрд [Электронный ресурс] // Sputnik Armenia 2016. 7 апреля. URL: <http://sputnikarmenia.ru/armenia/20160407/2854739.html> (дата обращения: 05.04.2016).
18. О российских соотечественниках в Азербайджане [Электронный ресурс] // Официальный сайт Посольства Российской Федерации в Азербайджанской Республике URL: <http://azerbaijan.mid.ru/compatriots> (дата обращения: 05.17.2016).
19. Парламент Армении ратифицировал договор присоединения к Евразийскому экономическому союзу [Электронный ресурс] // ТАСС 2014. 4 декабря. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1623893> (дата обращения: 07.01.2016).
20. Россия полностью вывела свои войска из Грузии [Электронный ресурс] // NEWSru. 2007. 15 ноября. URL: <http://www.newsru.com/world/15nov2007/eshelon.html> (дата обращения: 04.03.2016).
21. «Соглашение Совета Глав Государств – участников Содружества Независимых Государств о Вооруженных Силах и Пограничных войска» [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=8> (дата обращения: 03.03.2016).
22. Социально-демографический портрет России по итогам всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики 18.12.2012 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf (дата обращения: 04.24.2016).
23. Социально-демографический портрет России по итогам всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики 18.12.2012 г. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf (дата обращения: 04.24.2016).
24. Указ Президента Российской Федерации от 14.09.1995 г. № 940 [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/8307> (дата обращения: 03.02.2016).
25. Указ Президента Российской Федерации от 14.09.1995 г. № 940 [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/8307> (дата обращения: 03.02.2016).
26. Эдвард Налбандян: в мире есть 100 маленьких и больших Армений [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. 2015. 14 сентября URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/09/150914_edward_nalbandyan_interview (дата обращения: 04.09.2016)
27. Guide to the EU deals with Georgia, Moldova and Ukraine [Электронный ресурс] // BBC News. 2014. 27 июня. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-28038725> (дата обращения: 04.04.2016).

References

1. Azerbaijan demanded from Russia 40 times more money for the lease of the radar [Website] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2012/02/29/gabala/> (accessed: 02.03.2016).
2. Database of global imports of arms and military equipment [Website] // Centre for Analysis of World Arms Trade. 2015. URL: <http://www.armstrade.org/files/obrazecglava4.pdf> (accessed: 04.04.2016).
3. Database of global imports of arms and military equipment [Website] // Centre for Analysis of World Arms Trade. 2015. URL: <http://www.armstrade.org/files/obrazecglava4.pdf> (accessed: 04.04.2016).
4. *Bushuev S.K.* From the history of foreign relations in the period of the Caucasus accession to Russia. Moscow University press. 1955. Pp. 59-60.
5. Foreign Trade of the Russian Federation on the basic countries for January-December 2015 [Website] // Federal Customs Service. 2016. URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=22580:-2015-&catid=125:2011-02-04-16-01-54&Itemid=1976 (accessed: 04.04.2016).
6. Foreign Trade of the Russian Federation on the basic countries for January-December 2015 [Website] // Federal Customs Service. 2016. URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=22580:-2015-&catid=125:2011-02-04-16-01-54&Itemid=1976 (accessed: 04.04.2016).
7. This is how many Azerbaijanis live in Russia [Website] // Day.az 2015. URL: <http://news.day.az/society/598760.html> (accessed: 05.10.2016).
8. Diaspora: the factor of conflict or convergence? literary and political journal "Friendship of Peoples". 2000. Moscow. № 3.
9. Declaration on Allied Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Armenia, oriented in the XXI century. [Website] // The official website of the President of Russia URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2000/09/130152.shtml> (accessed: 02.24.2016).
10. Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Russian Federation and the Republic of Armenia // Bulletin of international treaties. 1999. № 2. Pp. 71–77.
11. Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Security between the Russian Federation and the Republic of Armenia // [Website] // Treaties of the Russian Federation. URL: <http://www.pactrf.ru/doc.php?docid=00650> (accessed: 04.01.2016).
12. The agreement on Russian military base in Armenia [Website] // Official website of the Russian Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/BCFDF06317EF8369C3257DAC0030B134 (accessed: 04.01.2016).
13. The documents signed during Russian-Armenian negotiations. [Website] // Official website of the President of Russia. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/682 (accessed: 05.19.2016).
14. Press Statements following Russian-Armenian negotiations [Website] // The official website of the President of Russia. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19142> (accessed: 07.01.2016).
15. Kvirikashvili: The ultimate goal of Georgia – accession to the EU and NATO [Website] // Gruziya Online. URL: <http://www.apсны.ge/2016/pol/1463189099.php> (accessed: 04.03.2016).
16. Minister of Defense of Azerbaijan and discussed the establishment of security in the Caspian Sea [Website] // TASS. URL: <http://tass.ru/politika/1504791> (accessed: 02.04.2016).
17. The volume of Russian investments in the Armenian economy of \$ 4 billion [Website] // Sputnik Armenia. URL: <http://sputnik-armenia.ru/armenia/20160407/2854739.html> (accessed: 05.04.2016).
18. About the Russian compatriots in Azerbaijan [Website] // Official site of the Russian Embassy in the Republic of Azerbaijan. URL: <http://azerbaijan.mid.ru/compatriots> (accessed: 05.17.2016).
19. The Armenian parliament ratified a treaty of accession to the Eurasian Economic Union [Website] // TASS 2014. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1623893> (accessed: 07.01.2016).
20. Russia withdrew all its troops from Georgia [Website] // NEWSru. URL: <http://www.newsru.com/world/15nov2007/eshelon.html> (accessed: 04.03.2016).
21. «The agreement of the Council of Heads of States - members of the Commonwealth of Independent States of the Armed Forces and the Border Troops» [Website] // Unified Register of legal acts and other documents of the Commonwealth of Independent States. URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=8> (accessed: 03.03.2016).
22. The socio-demographic profile of Russia on the basis of the All-Russia Population Census 2010 [Website] // Federal State Statistics Service 18.12.2012. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf (accessed: 04.24.2016).
23. The socio-demographic profile of Russia on the basis of the All-Russia Population Census 2010 [Website] // Federal State Statistics Service 18.12.2012. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf (accessed: 04.24.2016).
24. The decree of Russian Federation. 14.09.1995, № 940 [Website] // The official website of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/8307> (accessed: 03.02.2016).
25. The decree of Russian Federation. 14.09.1995, № 940 [Website] // The official website of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/8307> (accessed: 03.02.2016).
26. Edward Nalbandian: There are 100 big and small Armenia in the world [Website] // BBC News. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/09/150914_edward_nalbandyan_interview (accessed: 04.09.2016).
27. Guide to the EU deals with Georgia, Moldova and Ukraine [Website] // BBC News. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-28038725> (accessed: 04.04.2016).

Е.А. АНТЮХОВА

преподаватель, кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России

E.A. ANTYUKHOVA

Lecturer, Department of Comparative Politology, Moscow State University of International Affairs

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ НАТО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

THE BASIC DIRECTIONS OF NATO'S PUBLIC DIPLOMACY IN THE EPOCH OF GLOBALIZATION

В статье рассматриваются основные направления публичной дипломатии НАТО в эпоху глобализации. Анализу подвергаются общие принципы публичной дипломатии Североатлантического альянса, используемые для реализации стратегии НАТО во внешней политике. Особый акцент делается на невоенные формы и методы публичной дипломатии, способствующие формированию в общественном сознании позитивного имиджа Североатлантического союза.

Ключевые слова: публичная дипломатия НАТО, глобализация, гражданское общество, приоритетные направления, информационные программы, эффективность политики.

The article deals with the basic directions of NATO's public diplomacy, which are used in NATO's foreign policy to realize its strategy, are analysed in the article. A special stress is put on non-military forms and methods of public diplomacy, contributing to the formation of a positive image of the North Atlantic Alliance in the public consciousness.

Keywords: public diplomacy, NATO, globalization, civil society, priority directions, information programmes, effectiveness of politics.

Современная система мировой политики все чаще сталкивается с конфликтами разной степени напряженности, возникающими в тех или иных регионах мира и обусловленными различными причинами политического, экономического, национального и конфессионального характера. Однако предпринимаемые мировым сообществом действия, направленные на предотвращение и урегулирование возникающих противоречий, не всегда приводят к положительным результатам.

Следует констатировать, что «сегодня мир переживает некий системный кризис, который вызван не только и не столько крушением биполярной системы международных отношений, а более глубинными процессами, обусловленными кризисом политической системы мира как таковой»¹.

Прежнее единство международных отношений размывается возникновением и участием новых акторов, которые бросают вызов современной политической организации мира. Одним из них является НАТО, играющая важную роль на международной арене.

В условиях глобализации постоянно повышается значение невоенных форм и методов воздействия во внешней политике. В качестве одного из эффектив-

ных инструментов, используемых НАТО для реализации своей стратегии сегодня, является проводимая Североатлантическим альянсом политика публичной дипломатии. С точки зрения натовских стратегов, основное назначение публичной дипломатии – формирование в общественном сознании позитивного имиджа Альянса. Именно публичная дипломатия является инструментом достижения поставленных целей в сфере внешней политики, проводимой Североатлантическим союзом.

На мировом политическом пространстве НАТО – одна из ведущих межправительственных организаций, совмещающая разнообразный спектр задач и миссий в условиях глобализирующегося мира. Основой ее деятельности является принятая в 2010 году стратегическая концепция «Активное вовлечение, современная оборона», развивающая политические и военно-стратегические установки предыдущих доктринальных документов с учетом современных изменений военно-политической обстановки. Основная стратегическая цель Альянса – строительство фундамента для формирования на основе НАТО глобальной военно-политической организации.

В своей работе «Beyond the new public diplomacy» Ян Меллисон отмечает, что «такие межправительственные организации, как НАТО и ЕС, теперь воспринимают публичную дипломатию как экзистенциальную необходимость и сосредотачивают усилия в этом на-

1 Лебедева М.М. Международные конфликты в современном мире: их исследование и урегулирование // Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Изд. 3-е перераб. и дополн. / Под ред. проф. П.А. Цыганкова. М.: Альфа-М, Инфра-М, 2011. С. 106.

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках гранта РГНФ № 15-37-11128.

правлении как внутри своих организаций, так и на внешнюю аудиторию»².

Профессор университета Южной Калифорнии Филипп Сейб утверждает, что «НАТО должна проводить свое влияние через «мягкие формы», чтобы оправдать свою жесткую силу». Он подчеркивает «сегодняшний беспрецедентный доступ к информации» и отмечает, что «для того, чтобы НАТО и другие международные организации были способны выполнить свою миссию и сохранять свою легитимность, они должны в полной мере осознать значение информационного влияния»³.

Необходимо отметить, что с самого начала своего создания НАТО понимала важность выстраивания эффективной коммуникации и необходимость информирования общественности. Официально деятельность в этом направлении началась уже в 1950 году, когда в недрах Альянса создается информационная служба, целью которой явилось стремление донести до широкой публики информацию о своей политической платформе.

В концентрированном виде стратегия развития публичной дипломатии НАТО в современных условиях представлена в документе Комитета общественной дипломатии альянса «Стратегия публичной дипломатии»⁴, корректируемом и издаваемом ежегодно. А.А. Бартош в статье «Эволюция публичной дипломатии НАТО»⁵ отмечает, что эта стратегия базируется на общих принципах публичной дипломатии, сформулированных в 2003 году советником Государственного департамента США Кристофером Россом.

Эти принципы включают в себя: обеспечение понимания проводимой политики в реальном смысле, а не как ее пытаются представить другие; разъяснение ее рационального характера и соответствия фундаментальным ценностям; последовательность, правдивость и убедительность; изучение целевого контингента с целью оперативной адаптации информации; взаимодействие с широким кругом партнеров; разнообразное и активное общение на всех уровнях.

«Стратегия публичной дипломатии» аккумулирует ее главные цели и направления. Они определяются военной доктриной Альянса, политическими векторами его развития, изменениями в институциональной основе деятельности организации, возникающими новыми вызовами и опасностями, организационными решениями и научно-практическими исследованиями.

Согласно этому документу, публичная дипломатия НАТО призвана продемонстрировать роль и достижения блока в проводимых операциях и миссиях, новую

идентичность Альянса и стратегические направления его развития. «Основной целью НАТО в проведении публичной дипломатии является «повышение уровня информированности и понимания о НАТО, продвижение своей политики и деятельности, а также получение поддержки, кредита доверия и уверенность в Альянсе», – утверждает эксперт американского Фонда Маршалла Зак Поговски⁶.

Указанная «Стратегия» также определяет целевые группы, на которые публичная дипломатия должна быть направлена прежде всего. К ним относятся: политические элиты, научные и экспертные сообщества, журналисты, руководители авторитетных НПО, молодежь.

А.А. Бартош совершенно верно отмечает главные задачи, которые преследует публичная дипломатия НАТО: «...создания положительного образа НАТО, разъяснения правительствам и общественным деятелям в странах регионов сути и целей каждой из инициатив с целью изменения идентичности элит в пользу евроатлантизма. Параллельно усилия публичной дипломатии направлялись на гармонизацию взглядов по ключевым вопросам, таким как трансформация НАТО, развитие миротворчества и урегулирование кризисов. Всячески подчеркивались невоенные аспекты деятельности Альянса. Важным направлением являлось содействие координации дипломатических усилий между НАТО, ЕС и ОБСЕ, пропаганда «нового лица НАТО» в сфере миротворчества и гуманитарного вмешательства»⁷.

Эту мысль подтверждает и мнение экс-руководителя Управления общественной дипломатии НАТО Штефани Бапст: «НАТО стремится создать уникальный «бренд» сильного, совершенного и компетентного трансатлантического сообщества единомышленников демократии, сохраняющего мир и безопасность для своих членов и, где это возможно, стремится внести свой вклад в обеспечение стабильности и безопасности. Стратегия публичной дипломатии НАТО должна быть направлена на борьбу с некоторыми из проблем имиджа организации, такими как восприятие НАТО как «глобального полицейского», «орудия США в достижении своей цели» и «ее ненужности после окончания холодной войны»⁸.

Штефани Бапст обращала внимание на необходимость «принести новую философию публичной дипломатии НАТО ближе к заинтересованным сторонам, поощряя их к разработке общего понимания, вкладывать больше средств в свои национальные усилия в области коммуникации и возможностей. В целом союзники должны будут становиться все более совместимыми не только в военной, но и политической областях. Совместное видение современных стратегий и подходов может также помочь общественной дипломатии

2 Jan Mellison. Beyond the new public diplomacy/ The Hague, Netherlands Institute of International Relations “Clugendael”. Clugendael Papers, 2011. P. 16.

3 Цит. по: Zhikica Zach Pagovski. Public diplomacy of Multilateral organizations: the cases of NATO, EU and ASEAN. Fuguero Press. Los Angeles, 2015. P. 9.

4 2014-2016 NATO Public diplomacy strategy. Ресурсы: <http://publicintelligence.net/nato-public-diplomacy-2016> (дата обращения: 25.05.2016).

5 Бартош А.А. Эволюция общественной дипломатии НАТО // Дипломатическая служба. 2014. № 3. С. 6-11.

6 Zhikica Zach Pagovski. Public diplomacy of Multilateral organizations: the cases of NATO, EU and ASEAN. Fuguero Press. Los Angeles, 2015. P. 13.

7 Бартош А.А. Эволюция общественной дипломатии НАТО // Дипломатическая служба. 2014. № 3. С. 6-11.

8 Stefanie Babst. Reinventing NATO's Public Diplomacy. Research Division - NATO Defense College, Rome. 2008. No. 41. November. P.

улучшить способность союзников говорить одним голосом. Это, по общему признанию, послужит признанием НАТО как клуба демократий»⁹.

В настоящее время в организационной структуре НАТО созданы два специальных подразделения, деятельность которых посвящена публичной дипломатии: Комитет публичной дипломатии (The Committee on Public Diplomacy (CPD)) и Департамент публичной дипломатии (**Public Diplomacy Division (PDD)**).

Комитет публичной дипломатии отвечает за планирование, внедрение и оценки стратегии в области публичной дипломатии НАТО. Он рассматривает и утверждает ежегодный план действий в области публичной дипломатии, по мере необходимости производит дополнительные отчеты, рекомендации и планы для Североатлантического совета (НАС), координирует работу Департамента публичной дипломатии. Комитет ежегодно издает документ под названием «Стратегия публичной дипломатии НАТО». В состав комитета входит по одному представителю от каждого государства-члена НАТО.

Департамент публичной дипломатии практически реализует теоретические программные установки в реальную жизнь. Его работой руководит помощник Генерального секретаря. Задачами Департамента публичной дипломатии являются: координация и контроль деятельности всех подразделений Альянса в области публичной дипломатии, практическая реализация разнообразных программ НАТО.

Департамент имеет своих сотрудников во всех представительствах НАТО в странах-партнерах. Кроме того, в структуру департамента входит военная библиотека НАТО, подразделение спонсорства и грантов, информационный центр в Киеве (Украина) и информационное бюро НАТО в Москве (Россия).

В выступлении на одной из конференций, организованных НАТО, Штефани Бапст обратила внимание на возрастающее значение публичной дипломатии: «Сегодня нужна публичная дипломатия, которая приспособливает наше время. Вопросы политики ставят перед нами все более глобальный характер. Терроризм, изменение климата, бедность, отсутствие безопасности и конфликты представляют собой лишь некоторые из наиболее актуальных международных проблем. Больше чем когда-либо, правительства, организации и другие игроки на международной арене должны работать вместе, чтобы обратиться к ним для того, чтобы найти поддержку решений и изменений. Ни одно правительство или учреждение не может решить это растущее число проблем самостоятельно. Решения не могут быть просто взяты с полки и реализованы. Они должны быть созданы вместе, коалиционно внутри и между правительствами, а также между правительствами и арсеналом неправительственных групп... Распространение новых международных субъектов, включая неправи-

тельственные организации и корпорации, и приход глобальных технологий, размывают границы между внутренними и международными сферами»¹⁰.

Одним из главных направлений публичной дипломатии Штефани Бапст выделяет так называемое «слушание». Под этим термином она понимает внимательное изучение и анализ общественного мнения самых различных слоев и уровней. «Успешная публичная дипломатия не начинается с «говорить», но со «слушать». Слушание важно по двум причинам: во-первых, сбор и анализ мнений ваших целевых групп или сегментов общественности является обязательным. Во-вторых, слушание должно быть подлинным. Должны быть предприняты серьезные усилия для того, чтобы понять мотивы и убеждения ваших собеседников»¹¹.

Вторым направлением публичной дипломатии является информационно-пропагандистское, подразумевающее под собой использование самого широкого круга возможностей в общении с внутренней и внешней аудиторией. Эта деятельность включает в себя связи с прессой и другими СМИ и другую информационную работу по публикации в них сообщений, новостей, блогов, видео, фотографий, выпуск плакатов, рекламы и т. д. Причем публикуемая информация должна быть направлена на конкретные политические цели и задачи. «Именно поэтому публичная дипломатия не может и не должна пытаться изобразить серьезный кризис или войну в радужных цветах... необходимо иметь четкое представление о вашей политической цели... Часто это лучше для правительства, чем признать, что оно все еще пытается найти лучшее решение, чем фантазировать о мнимом успехе»¹².

Кроме того, по мнению Ш. Бапст, «публичная дипломатия должна быть достоверной, чтобы быть эффективной. Что касается отношений со СМИ, этот принцип должен применяться ко всем государственным партнерам: если вы пытаетесь манипулировать истиной или предлагать ложь, вы сразу же потеряете авторитет»¹³.

Еще одним направлением публичной дипломатии является «вовлечение». Под этим термином понимается процесс налаживания добрых отношений и взаимопонимания с представителями влиятельной целевой аудитории, которые могут привести к лучшему пониманию и поддержке политики и идеалов Альянса.

Важным направлением в этой работе аналитики НАТО считают «оценку» проводимой деятельности. «Такой подход имеет важное значение в обеспечении эффективности публичной дипломатии организации, а также пересмотра и регулирования общественных стра-

9 Stefanie Babst. Public Diplomacy – the Art of engaging and influencing. P. 11 http://www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/Babst_Public_Diplomacy.pdf

10 Stefanie Babst. Public Diplomacy – the Art of engaging and influencing. P. 3 http://www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/Babst_Public_Diplomacy.pdf.

11 Stefanie Babst. Public Diplomacy – the Art of engaging and influencing. P. 4 http://www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/Babst_Public_Diplomacy.pdf.

12 Ibid. P. 5.

13 Stefanie Babst. Public Diplomacy – the Art of engaging and influencing. P. 4 http://www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/Babst_Public_Diplomacy.pdf.

тегий и планов дипломатии», – отмечает эксперт американского Фонда Маршалла Зак Поговски¹⁴.

Еще одно направление деятельности публичной дипломатии НАТО – ответ на «вызов 2.0 веб-мира». «Публичная дипломатия должна реагировать на вызовы 2.0 веб-мира. Чтобы быть эффективной, публичная дипломатия должна использовать весь инструментарий связи, начиная от дискуссий лицом к лицу через возможности принять участие в новых социальных он-лайн сетях. Тем не менее многие правительства и международные организации только начинают понимать, какие возможности открывает использование новых медиа-технологий»¹⁵.

Сегодня НАТО активно применяет технологии публичной дипломатии по всем направлениям. Специалисты Альянса осуществляют множество научно-исследовательских и аналитических работ, проводят мониторинг национальных и международных обследований, чтобы лучше представлять картину происходящих в мире процессов. Например, НАТО серьезно рассматривает исследования американского Фонда Маршалла, который изучает общественное восприятие о трансатлантическом сотрудничестве, в том числе измерения восприятия НАТО. Кроме того, НАТО использует некоторые из существующих интернет-сообществ и сайты, такие как www.atlantic-community.org для изучения общественного мнения по вопросам, связанным с организацией.

НАТО применяет интенсивные формы пропагандистской деятельности для того, чтобы представить себя в качестве прозрачного и интерактивного объекта. У Альянса широкие связи с прессой и другими средствами массовых коммуникаций. Организация успешно использует социальные медиа и коммуникационные инструменты. Корпоративный сайт www.nato.int хорошо организован, очень информативен, удобен и постоянно обновляется. Он содержит отдел новостей с пресс-релизами, новостями, выступлениями официальных лиц НАТО и аудиовизуальную библиотеку. Для желающих сайт предлагает бесплатную рассылку информационных бюллетеней на электронную почту. Кроме того, на сайте возможны просмотры вещания НАТО-TV.

Большое внимание уделяется социальным медиа и новым цифровым технологиям. Альянс поддерживает свою страницу в социальных сетях Facebook, Twitter, имеет аккаунт, канал на YouTube, Google, Flickr и RSS, где публикует заявления для прессы, новости, фото, видео и другие мультимедийные материалы. НАТО также предлагает цифровое приложение для iPad. Публикуя информацию в интернете, кроме информации на английском и французском языках НАТО предлагает материалы на русском и украинском. Кроме того, высшие должностные лица НАТО, такие как Генеральный се-

кретарь НАТО и его помощники, имеют собственные страницы в социальных сетях, чтобы поддерживать более тесную связь с целевой аудиторией.

НАТО реализует большое количество мероприятий для того, чтобы привлечь внешнюю аудиторию. Ежегодно департамент публичной политики НАТО организует около 120-140 информационно-пропагандистских мероприятий с участием представителей государств-членов Альянса. Эти мероприятия направлены на долгосрочную перспективу и имеют своей целью формирование нужного общественного мнения через развитие диалога между экспертами в области безопасности, политиками и представителями НПО; для поддержания интереса к трансатлантическим вопросам в самых различных слоях населения, особенно среди молодого поколения¹⁶.

НАТО стремится сделать организацию более доступной для рядовых граждан. Штаб-квартира НАТО в Брюсселе принимает тысячи посетителей каждый год, а некоторые из них имеют возможность непосредственно участвовать в заседаниях с официальными лицами НАТО. Мультимедиа библиотека НАТО имеет более 18 000 книг и 155 журналов, открытых для любого посетителя, предлагает информационный бюллетень о новых публикациях.

НАТО регулярно проводит веб-чаты и открытые обсуждения с использованием социальных сетей. Рядовые граждане имеют возможность задавать вопросы и высказывать свое мнение в социальных сетях непосредственно на личных страницах руководителей организации. Так, помощник Генерального секретаря по публичной дипломатии НАТО и Посол Швеции в НАТО 2012 года организовали виртуальную дискуссию в Международный женский день 8 марта, собирая вопросы в сети Twitter.

Альянс заинтересован в привлечении широкого круга молодежи к участию в обсуждении вопросов деятельности НАТО. Для этой цели НАТО организует и финансирует многие программы стипендий, летние школы, семинары, практикумы, конкурсы сочинений для студентов и молодых специалистов. Примером такой программы является Летняя школа для молодых специалистов Центра европейских и североатлантических дел, организованная в Словакии и Украине.

Кроме того, НАТО организует значительное количество мероприятий и конференций, чтобы привлечь внимание представителей политических элит и экспертов, принимающих решения в обсуждении вопроса о роли Альянса и его деятельности в области публичной дипломатии.

Например, в 2012 году в Брюсселе НАТО организовала семинар на тему «Soft Power – публичная дипломатия НАТО» с участием ведущих специалистов в области новых средств массовой информации, которые обменялись мнениями о преимуществах новых технологий для

14 Zhikica Zach Pagovski. Public diplomacy of Multilateral organizations: the cases of NATO, EU and ASEAN. Fuguero Press. Los Angeles, 2015, P. 12.

15 Stefanie Babst. Public Diplomacy – the Art of engaging and influencing. P. 7 http://www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/Babst_Public_Diplomacy.pdf.

16 Stefanie Babst. Reinventing NATO's Public Diplomacy. Research Division – NATO Defense College, Rome. 2008. No. 41. November. P. 3.

общественной дипломатии НАТО. На семинаре были рассмотрены вопросы о месте НАТО в глобальной коммуникационной среде и о способах участия НАТО в расширении своего сотрудничества в этой сфере.

Для того чтобы лучше интегрировать экспертов из различных областей, Альянс запустил интернет-журнал «Вестник НАТО». Этот журнал «смотрит на ключевые вопросы безопасности, имеющие отношение к НАТО, через глаза экспертов», – сказано в официальном комментарии. Целью этого журнала является предоставление платформы, где эксперты имеют возможность общаться между собой и обсуждать вопросы трансатлантической безопасности. Платформа оптимизирована для использования на смартфонах и компьютерных планшетах и доступна через он-лайн подписку.

Серьезное внимание уделяет НАТО работе с НПО, университетами, интеллектуальными центрами и другими организациями гражданского общества. Департамент публичной политики предлагает большое количество грантов и спонсорской помощи для проведения конференций, семинаров и других видов деятельности в области публичной дипломатии по темам, имеющим отношение к повестке дня НАТО.

Кроме того, НАТО опробованы варианты проведения культурных мероприятий под своей эгидой. Специалисты Альянса пробуют реализовывать мероприятия имиджевого характера: выставки НАТО, конкурсы, марафоны и т. д.

Ежегодно комитет по публичной политике НАТО разрабатывает «Стратегию публичной дипломатии» организации. Этот стратегический план устанавливает цели и приоритеты для организации, определяет инструменты и подходы для проведения публичной дипломатии. «Стратегия» также включает в себя механизмы оценки результатов практической деятельности. НАТО оценивает эффективность своей общественной дипломатии посредством «докладов, обобщающих накопленный опыт; анализа данных, собранных от различных целевых аудиторий; систематического анализа средств массовой информации и прессы; регулярных оценок статистических данных об использовании веб-сайта НАТО, электронных публикаций; информации и пресс-служб и других подразделений»¹⁷.

Кроме того, в 2013 году Департамент публичной политики НАТО совместно с Объединенным Центром Анализа подготовил документ под названием «Рамки стратегического планирования и оценки публичной дипломатии». Он был разработан для проведения более точной оценки итогов и повышения результативности деятельности в области общественной дипломатии Альянса.

Работа по всем указанным направлениям позволяет НАТО добиваться достаточно эффективных результатов. Ярким примером эффективного использования НАТО публичной дипломатии для достижения своих

целей стали события в арабском регионе мира, объединенные конфликтами «арабской весны».

Н.А. Цветкова отмечает, что «с 2002 г. США мобилизовали огромные финансовые ресурсы, создали порядка трехсот пятидесяти новых программ в области образования, культуры и информации для продвижения идей о демократии. Все эти программы были объединены в масштабный проект под названием «Инициатива поддержки партнерства на Ближнем Востоке» (MiddleEastInitiativePartnership), который реализуется Отделом по делам Ближнего Востока в Госдепартаменте, Агентством международного развития и другими ведомствами. Госдепартамент обозначал страны, в которые направлялись программы: Алжир, Бахрейн, Египет, Иордания, Кувейт, Ливан, Марокко, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Тунис, ОАЭ, Палестинские Территории, Иран, Ирак и Ливия. Исходя из документов Госдепартамента, демократические преобразования должны были осуществиться при помощи следующих проектов: 1) изменение политического строя через создание партий, подготовку альтернативных политиков, эмансипацию женщин и формирование лояльной и демократически настроенной молодежи; 2) изменение экономического климата путем создания слоя бизнесменов и юристов, получивших «западное образование», а также изменение законодательства стран; 3) реформирование всей системы образования посредством расширения доступа женщин к образованию, ревизии учебных планов и обеспечения школ и университетов американскими учебниками»¹⁸.

Н.А. Цветкова обращает внимание на интересный факт, что «если в период «холодной войны» и в 1990-е гг. Госдепартамент направлял свои программы публичной дипломатии для поддержки политических режимов и армии, то, начиная с 2002 г., США стали создавать альтернативные партии, некоммерческие организации и реформировать системы образования»¹⁹.

Интересны приводимые указанным специалистом статистические данные: «Если в конце 2000 г. тысячи граждан вовлекались в программы обучения, то уже в 2004-2009 гг. – сотни тысяч. Например, из Египта в 1998 г. Госдепартамент пригласил к участию в программах в области развития демократии около 3 300, в 2007 г. – 47 300, а в 2008 г. – 148 700 (!) граждан. Наиболее приоритетными странами, в которых США осуществляли масштабное обучение молодежи, женщин, членов демократических организаций, лидеров неправительственных организаций, являлись Египет, Иордания, Марокко, Йемен, Саудовская Аравия, Тунис, Алжир, Бахрейн и др. Во всех этих государствах прокатилась волна протестов против правящих режимов»²⁰.

Информационные программы правительства США охватили широкие массы населения в странах

17 2014-2016 NATO Public diplomacy strategy. Ресурс: <http://publicintelligence.net/nato-public-diplomacy-2016/> (дата обращения: 25.05.2016).

18 Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США и революции в арабском мире // Мир и политика. 2011. №. 4. С. 45-53.

19 Там же.

20 Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США и революции в арабском мире // Мир и политика. 2011. №. 4. С. 45-53.

Арабского Востока. Начиная с 2002–2004 гг., правительство США создало порядка десяти новых радиостанций и телеканалов, вещающих на регион Северной Африки и Ближнего Востока.

Все эти проекты так или иначе сыграли свою роль в распространении демократических настроений среди широких слоев населения, особенно молодежи. Многие эксперты в США отмечают, что программа под названием «Инициатива поддержки партнерства на Ближнем Востоке» создала «сеть арабских защитников демократии и активистов, кто приветствует помощь со стороны американской демократии и продвигает позитивный образ демократии США среди местного населения»²¹.

Кроме осуществления традиционных программ публичной дипломатии, НАТО, прежде всего в лице США, активно задействовало сеть Интернет для мобилизации активной части граждан в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Мобилизация граждан арабских государств в социальных сетях нашло свое активное применение в период протестов арабской весны.

Анализируя события арабской весны, профессор университета в Абу Даби Саид Садики приходит к выводу, что «хотя НАТО всегда принимает во внимание общественное мнение в государствах-членах, появление новых информационных и коммуникационных технологий дали НАТО новый импульс, чтобы расширить пространство коммуникации за пределы стран Альянса. Это касается и партнерства НАТО с арабскими странами... Таким образом, учитывая растущее влияние араб-

ского общественного мнения на внешнюю политику стран региона, получение общественной поддержки является одним из основных условий для успешного осуществления инициатив сотрудничества с НАТО»²².

Оценивая эффективность политики публичной дипломатии, Ш. Бапст делает следующие выводы: «общественная поддержка НАТО по-прежнему выше пятидесяти процентов в союзных нациях в целом, а в некоторых странах она достигает даже 70-80 процентов. Это, конечно, неплохо для организации, которая существует в течение 60 лет. Что еще более важно, Альянс по-прежнему имеет узнаваемый бренд: он широко ассоциируется с безопасностью и обороной и признается в качестве трансатлантического поставщика мира. Несмотря на протекающий процесс трансформации организации, по-прежнему существует значительная степень доверия и уверенность в способности организации защитить и сохранить нашу свободу от новых угроз»²³.

Говоря в целом о ключевых принципах и направлениях практической работы в сфере публичной дипломатии НАТО, следует констатировать, что политика публичной дипломатии, проводимая Североатлантическим альянсом, является достаточно эффективным инструментом, позволяющим достигать поставленных целей в сфере внешнеполитической деятельности блока.

22 Said Saddiki. Arab Public Opinion and NATO after the International Military Operations in Libya. <https://www.researchgate.net/publication/256649930>. P. 1.

23 Stefanie Babst. Public Diplomacy – the Art of engaging and influencing. P.9 http://www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/Babst_Public_Diplomacy.pdf

21 Zhikica Zach Pagovski. Public diplomacy of Multilateral organizations: the cases of NATO, EU and ASEAN. Fuguero Press. Los Angeles, 2015. P. 33.

Библиографический список

1. *Бартос А.А.* Эволюция общественной дипломатии НАТО // Дипломатическая служба. 2014. № 3. С. 6-11.
2. *Лебедева М.М.* Международные конфликты в современном мире: их исследование и урегулирование // Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Изд. 3-е перераб. и дополн. Под ред. проф. П.А. Цыганкова. М.: Альфа-М, Инфра-М, 2011. 335 С.
3. *Лебедева М.М.* Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов. // Международные процессы. 2015. Том 13. № 4(43). Октябрь-декабрь. С. 45-56.
4. *Цветкова Н.А.* Публичная дипломатия США и революции в арабском мире // Мир и политика. 2011. № 4. С. 45-53.
5. *Jan Mellison.* Beyond the new public diplomacy / The Hague, Netherlands Institute of International Relations “Clugendael”. Clugendael Papers, 2011.
6. *Stefanie Babst.* Reinventing NATO’s Public Diplomacy. Research Division - NATO Defense College, Rome 2008. No. 41. November.
7. *Zhikica Zach Pagovski.* Public diplomacy of Multilateral organizations: the cases of NATO, EU and ASEAN. Fuguero Press. Los Angeles, 2015.
8. 2014-2016 NATO Public diplomacy strategy. Ресурсы: <http://publicintelligence.net/nato-public-diplomacy-2016/> (дата обращения: 25.05.2016).
9. *Said Saddiki.* Arab Public Opinion and NATO after the International Military Operations in Libya. Ресурсы: <https://www.researchgate.net/publication/256649930> (дата обращения: 25.05.2016).
10. *Stefanie Babst.* Public Diplomacy – the Art of engaging and influencing. Ресурсы: http://www.atlanticcommunity.org/app/webroot/files/articlepdf/Babst_Public_Diplomacy.pdf (дата обращения: 25.05.2016).

References

1. *Bartosh A.A.* Evolution of NATO’s Public Diplomacy//Diplomatic Service. 2014. №3. Pp. 6-11.
2. *Lebedeva M.M.* International Conflicts in Contemporary World: investigation and regulation// International Relations: theory, conflicts, movements, organizations. 3rd edition/Head editor, prof. P.A. Tsygankova. M.: Alfa – M., Infra – M., 2011. 335p.
3. *Lebedeva M.M.* Public Diplomacy in Conflict Resolution. Volume 13. № 4(43). October-December 2015. International trends.
4. *Tsvetkova N.A.* The USA’s Public Diplomacy and Revolutions in the Arabic World// World and Politics. 2011. № 4. Pp. 45-53.

5. *Jan Mellison*. Beyond the new public diplomacy/ The Hague, Netherlands Institute of International Relations “Clugendael”. Clugendael Papers, 2011.
  6. *Stefanie Babst*. Reinventing NATO’s Public Diplomacy. Research Division - NATO Defense College, Rome 2008. No. 41. November.
  7. *Zhikica Zach Pagovski*. Public diplomacy of Multilateral organizations: the cases of NATO, EU and ASEAN. Fuguero Press. Los Angeles, 2015.
  8. 2014-2016 NATO Public diplomacy strategy. Resource: <http://publicintelligence.net/nato-public-diplomacy-2016/> (date: 25.05.2016).
  9. *Said Saddiki*. Arab Public Opinion and NATO after the International Military Operations in Libya. Resource: <https://www.researchgate.net/publication/256649930> (date: 25.05.2016).
  10. *Stefanie Babst*. Public Diplomacy – the Art of engaging and influencing. Resource: http://www.atlanticcommunity.org/app/webroot/files/articlepdf/Babst_Public_Diplomacy.pdf (date: 25.05.2016).
-
-

К.В. БИРЮКОВА

кандидат исторических наук, доцент, кафедра
теологии, Российский государственный социальный
университет
E-mail: kristina_biryuko@mail.ru

K.V. BIRYUKOVA

Candidate of History, Associate Professor, Department of
theology, Russian State Social University
E-mail: kristina_biryuko@mail.ru

ПАТРИАРХ СЕРГИЙ (СТАРОГОРОДСКИЙ) НА СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ЯПОНИИ

THE PATRIARCH SERGIY (STAROGORODSKY) ON SERVICE IN THE RUSSIAN SPIRITUAL MISSION IN JAPAN

В статье исследуется миссионерский опыт митрополита Сергия (Старогородского), будущего Патриарха Московского и Всея Руси, в Японии.

Хронологические рамки исследования определяются годами его служения Российской Духовной Миссии в Японии: 1890-1893 и 1897-1899 годы. Основными источниками послужили материалы личного характера: дневники начальника Миссии епископа Николая (Касаткина) и письма о. Сергия (Старогородского), изданные под заглавием «На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера)». Объемные цитаты оправданы тем, что представляют собой ценный материал по истории японского православия, впервые вводимый в научный оборот. В исследовании представлены различные стороны миссионерского опыта.

Ключевые слова: Православие в Японии, Патриарх Сергий (Старогородский), Российская Духовная Миссия

In the article missionary experience of the mitropolit Sergiy (Starogorodskiy), future Patriarch of Moscow and all Russia, in Japan is investigated.

Chronological framework of research is defined by years of his service of the Russian Spiritual Mission in Japan: 1890-1893 and 1897-1899. Materials of personal character were the main sources: the diaries of the Chief Mission of the bishop Nikolay (Kasatkin) and the letter of the priest Sergiy (Starogorodskiy) published under the title «In the Far East (Letters of the Japanese missionary)». Volume quotes are justified by that represent the valuable material on stories of Japanese Orthodoxy for the first time introduced into scientific circulation. In research various parties of missionary experience are presented.

Keywords: Orthodoxy in Japan, the Patriarch Sergiy (Starogorodsky), the Russian spiritual mission.

Будущий Патриарх Сергий (Старогородский) (в миру – Иван Николаевич Старогородский) происходил из старинной священнической семьи. Он родился 11 января 1867 года. Получил начальное образование в приходском, а затем Арзамасском Духовном Училище. В 1880-1886 годах обучался в Нижегородской Духовной Семинарии [7, с.180]. После семинарии волонтером поступил в Санкт-Петербургскую духовную Академию. На четвертом курсе Академии он принял монашеский постриг (30.01.1890) с именем Сергий, в честь преподобного Сергия Валаамского.

Иеромонах Сергий (Старогородский) советом Петербургской духовной академии был утвержден 9 июня 1890 года кандидатом богословия (первым из 47 кандидатов-магистрантов). В силу действовавшего академического устава ему надлежало оставаться при академии стипендиатом и работать над магистерской диссертацией. Но 11 июня 1890 года он подал ректору академии епископу Антонию прошение об отправке его на работу в Японскую миссию [6, с.62].

Вместе с ним такое же прошение подал окончивший Петербургскую академию иеромонах Арсений (Тимофеев). Через два дня последовал указ Синода

Митрополиту Петербургскому и Ладожскому Исидору о назначении обоих юных иеромонахов в состав Японской миссии в распоряжение епископа Николая [6, с.62].

Вот как вспоминает об этом своем решении сам владыка Сергий: «В 1890-м году, только что кончивши курс в Духовной Петербургской Академии, я получил назначение в Японскую Духовную Миссию. Понятно, с какими чувствами проводил я мое последнее лето в России. Япония, или собственно великая личность ея просветителя, преосв. Николая, не выходила из головы. Сколько дум передумали мы с о. А. (нас назначили двоих). Помню, японский перевод Октоиха был первой книгой, как бы первым залогом, связавшим нас с этой дотоле неведомой страной. Вот те таинственные иероглифы, которые придется знать, по которым придется и самому учиться и других учить Христовой жизни. Неисправнейший во всех отношениях лексикон Гошкевича, неудобная для изучения грамматика японского языка Смирнова, американское издание Нового Завета на японском языке, – сколько раз держали мы их в руках и перелистывали. Но покуда все это было тайной молчащей и привлекающей своей неизвестностью» [9, предисловие].

В августе 1890 года они выехали из Одессы и 20 октября прибыли в Токио [10, с.180]. Молодой миссионер был полон воодушевления. Вот как описывает он свой приезд: «Мы проехали мост, несколько крепостных ворот, полюбовались на конек крыши дворца из-за самой последней стены, еще несколько ворот и ров, и пред нами снова кипучая жизнь, снова шум и беготня. Но наше внимание приковал холм, царящий над всем этим круговоротом, а на холме белел наш православный храм, сияя своим крестом на чистом небе. Вот оно, это знамя Христово, поднятое из самой середины язычества, смело проповедавшее Христа пред лицом всего мира. Невольно снялись наши шляпы, хотелось молиться о том, чтобы и нам послужить, насколько можем, под сению этого знамени, для славы этого св. Креста» [9, с.85].

Первая встреча его впечатлила: «Скоро мы были у самого Суругадая и Миссии. Мы въехали на миссийный двор. Направо были двухэтажные помещения миссии, на лево высился вполне уже оконченный (но еще не освященный) собор. На подъезде дома встретили нас несколько молодых японцев, улыбающихся и кланяющихся, еще более приветливых, чем чем все доселе виденные. По русски никто из них не говорил, но все понимали, кто мы и чего нам нужно, тем более, что слово «Николай» повторялось каждым из нас безконечное число раз. Нам указали вход в приемную епископа. Входим. Весьма маленькая комната, стены увешаны гравюрами, стоит стол, диван, несколько стульев, в общем очень тесно и темновато. Преосв. Николая тут не было, он был наверху, куда вела лестница из тех же сеней.

Долго нам ждать не пришлось. Мы хотели было направиться наверх, как с лестницы быстро спустился очень высокий человек в подряснике, в длинной шейной цепочке от часов, в вышитом поясе. Это и был наш епископ Николай, тридцать слишком лет и день и ночь работающий на здешней трудной, невозделанной ниве.

«Милости просим, быстро заговорил он, благославляя нас широким крестом, пожалуйста в гостиную».

Салон, носивший торжественное название гостиной, и был той клетушкой, которую мы только что осмотрели» [9, с.45-46].

«Да, жизнь здесь кипит всюду, и в школах, и в редакции, и в канцелярии, и на постройках, и все это стоит на одном преосв. Николае, везде он, все им начато и поддерживается» [10, с.105].

Одной из самых первых и важных задач о. Сергия было изучение японского языка. Он упоминает об этом с некоторой иронией: «Я, ведь, теперь регулярно изучаю японский язык. Тот самый старичок, которого мы видели при нашем первом прибытии в миссию в семинарском классе за чистописанием, теперь состоит нашим учителем... Прекрасный учитель, только он, из вежливости, иногда не поправляет ошибок и получается в конце концов не совсем приятный результат» [9, с.111-112].

Через два месяца о. Сергий уже мог служить свою первую литургию по-японски, пользуясь для этого текстами, записанными русскими буквами. Вот как он сам вспоминает об этом: «На следующий день о. Оно дол-

жен был ехать в Киото, и мне неожиданно пришлось первый раз совершать Богослужение на японском языке. Была суббота. В воскресенье служили обедницу, так как антиминос взял с собой о. Иоанн.

Храм помещается в довольно большой комнате, человек на 200....

Пело несколько христиан, мужчин и женщин, под управлением Мацуки (учитель пения). Пели, конечно, не так, как в Тоокео, но и не плохо.

Я говорил ектении и возгласы по бумажкам: японские слова написаны были русскими буквами. Так обыкновенно делается здесь иностранцами, потому что читать китайскую грамоту не скоро выучишься (японцы в письме употребляют, как известно, китайские иероглифы), а служить нужно во что бы ни стало.

После службы христиане сели на пол, а катихизатор подошел ко мне под благословение, и начал говорить проповедь. За обедницей проповедывал другой катихизатор. Здесь ни одна праздничная служба не обходится без проповеди» [9, с.117-118].

С декабря и до 28 марта 1891 года [7, с. 180] о. Сергей замещал судового священника на крейсере «Память Азова», совершавшем плавание в Тихом океане. «Произошла еще перемена в моем положении: на нашем военном крейсере «Память Азова» захворал священник, заменить его предложено было нашей миссии, и вот я, как находившийся под рукой (о. А. далеко, в Хакодате), должен был ехать» [9, с. 181] – пишет он (письмо от 26 декабря 1891 года).

О служении на крейсере о. Сергей рассказывает в письме. «Утром часов в пять, а иногда и раньше, барабан или прорезистый рожок собирает всех матросов на молитву. Приходишь на верхнюю палубу, там по ту и другую сторону собираются в две шеренги все 600 человек.... Потом от офицера доносится: «фуражки снять», и мы поем «Отче наш» Сначала выходит сипло и сонно, поют немногие, потом просыпаются окончательно все и наконец звучит торжественно и мощно» [9, с.186-187]. «По праздникам собирается походная церковь. Ставится престол, жертвенник, иконостас, с очень недурными иконами, вешаются пред ними подсвечники. Мой Маслов (вестовой), исполняющий обязанности церковника, разнаряженный в пух и прах, в сапогах «со скрипом», торжественно расхаживает, ставит к иконам свечи, на которые очень щедры наши усердные к церкви матросы. Поет небольшой хор из матросов. Служба идет, конечно, очень быстро, по военному, но и зато слава Богу» [9, с.188]. Тепло отзывается он о своей пастве на крейсере, русских моряках: «Конечно, всякие между ними есть. Есть и пьяницы, и легкомысленные, и пр., но, вообще, это золотой народ, чистую душу которого не могло испортить даже многовековое рабство татарам и помещикам. Жаль только, что теперь они блуждают, как овцы без пастыря, питаются лишь скудными крохами. С жадностью ловят они всякое слово о душе, о спасении, только бы говорил кто им» [9, с.188].

В августе 1892 году он возвращается в Киото [7, с.180]. Помимо прочих обязанностей преподает в

Духовной Семинарии миссии, становится ее ректором [8, с.60].

В зависимости от финансовых средств, семинария, бравшая на себя все расходы по содержанию и обучению, обучала до 100 учеников. Преподавание велось на японском, но первые годы, пока не было японских богословских и учебных книг, пользовались русским, много времени уделялось изучению русского языка [8, с.60]. Наряду с этим изучались русская и японская история, китайские классики, алгебра, геометрия, психология, история философии [8, с.60]. «Впрочем, русификация японцев совсем не входит в задачи Миссии: она имеет целью только научить японцев христианству» [10, с.105], – отмечает о. Сергей.

Святитель Николай возлагал надежды на молодого миссионера. Об этом он говорит, в частности, в дневниковой записи от 12/24 июня 1892 года: «К тому времени и о. Сергей Старогородский изучит язык настолько, что будет в состоянии путешествовать по Церквам для наблюдения за катихизаторами и руководства ими христиан. Теперь раз обозреть все церкви мне одному; о. Сергия таскать по Церквам еще бесполезно; но с будущего года, когда я поеду осматривать вновь южные Церкви, взять и его с собой; и раз обозреть вместе с ним все Церкви во всей Японии (а может быть, самый север Ниппона Бог укажет поручить о. Арсению, тогда с ним и обозреть север). И затем о. Сергей ежегодно будет посещать все Церкви, я же – чрез год; местные священники – сами собою – будут, как и теперь, объезжать свои приходы – три-четыре раза в год... Быть может, о. Сергию Старогородскому полезней будет, как советует о. Оно, со временем основаться в Сайкё, и отсюда делать объезды Церквей; временное же пребывание его в Сайкё будет полезно для поднятия сей Церкви» [2, с. 559-560].

Весной 1893 года отец Сергей был освобожден от обязанностей в Миссии и назначен доцентом Петербургской духовной академии по кафедре Священного Писания Ветхого Завета [6, с.63].

С сожалением расставался о. Сергей со своей японской паствой. «Это письмо было последним из Японии: незадолго до него получен был, конечно, не неожиданно, указ о моем переводе в Россию, и я должен был собираться. Грустно было расставаться с кеотскими христианами, мы успели привыкнуть друг к другу и полюбить. Опечалены они и судьбой своей церкви: вот-де теперь она опять станет маленькой, ничтожной среди других церквей, едва заметной горсточкой людей с простым катихизатором во главе. Впрочем, опасение это едва ли было основательно тогда, а последствия и совсем не оправдалось: теперь в Кеото подвизается о. Симеон Мии, кандидат Киевской Академии, первый из японцев-академиков принявший духовный сан. Это для Кеотской церкви конечно, в несколько раз лучше моего пребывания» [9, с.276].

Возможно, возвращение в Санкт-Петербург связано с тем, что работа в Миссии не оправдала его ожиданий.

Епископ Николай предугадывал отъезд о. Сергия:

«1893. Новый год. Вечером, в десятом часу, приехал о. Арсений, расслабленный как-то душевно. Едва ли долго пробудет в Японии – слаб очень, терпения нет; японцы его выводят из себя своими дрызгами.

Отец Сергей Старогородский тоже просится из Японии. Укатят, кажется, оба этих молодца – даром приежжали!» [3, с. 858]

Отъезд его владыка отмечает кратко: «Во время обеда было получено письмо от секретаря Миссии Сергия Нумабе; извещает, между прочим, что о. Сергей Старогородский приехал из Сайкё и через день-два уезжает в Россию. Пошли, Господи, сюда миссионера по сердцу Твоему!» [3, с.31]

30 декабря 1893 года владыка был назначен инспектором в Московскую Духовную Академию [7, с. 180]. 21 сентября 1894 возведен в сан архимандрита. В октябре 1894 года он был командирован настоятелем Посольской церкви в Афинах, где пишет магистерскую диссертацию «Православное учение о спасении» (защитил в 1895 году) [6, с.63].

Отец Сергей хотел вернуться в Японию чтобы продолжить свое служение там. Переписка по этому вопросу отразилась на страницах дневников святителя Николая. В записи от 17/29 мая 1895 года он отмечает: «Послал о. Сергию Старогородскому в Афины письмо с зовом сюда – и для писательства, ибо нужно убедить Японию в истинности православия, можно и научно развивать обличительное богословие для пользы Русской Церкви. После прочтения его статьи в Богословском Вестнике об «Оправдании» беспокойно было на сердце, не холодно ли я ему ответил прошлым письмом на его повторяющееся желание служить здесь» [3, с.89]. «о. Сергей Старогородский из Афин пишет, что все еще желает сюда, хотя не пришел к окончательному решению, под влиянием советов разных лиц» [3, с.203]. 5/апреля 1896: «о. Сергей Старогородский из Афин пишет: предлагает себя сюда вместе с каким-то о. Андроником, кончившим в прошедшем году курс в Московской Академии и ныне состоящим инспектором в Кутаиси и «скорбящим, так как попал к дикому ректору». Последнее, то есть «скорбящий» и «дикий» не рекомендательны: терпения и благодушия не обещают, а без них сюда нельзя» [3, с.291] – с сомнением замечает владыка. 18/30 мая 1896 г.: «Написал в Афины о. Сергию Старогородскому в ответ на его письмо – просить о назначении сюда его и какого-то о. Андроника вместе; советовал оставить мысль о служении здесь, ибо нет у него миссионерского призвания – по всему видно» [3, с.311]. И уже с некоторым колебанием 10/22 декабря 1896: «о. Сергей Старогородский из Афин пишет; все-таки желает сюда. Посмотрим, что Бог даст» [3, с.425]. Спустя несколько дней, 14/26 декабря 1896: «Послал письмо о. Сергию Старогородскому в Афины: звал его сюда в ответ на его желание» [3, с.426].

Синод, однако, решил несколько иначе. 21 февраля/5 марта 1897: «Утром написал, вчерне, письмо к обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву с просьбой найти и прислать миссионера. Писал и об о. Сергии Старогородском, просил прислать и его сюда»

[3, с.478]. 26 сентября/8 октября 1897: «О. Феофан Быстров пишет о предполагаемом назначении сюда о. Сергия (Старгородского). Письмо от двенадцатого августа, раньше телеграммы Саблера. Но не помешала бы моя ответная телеграмма. В Синоде, кажется, на первый план поставлена мысль о архиепископстве здесь, и стало быть о присылке сюда о. Сергия викарным епископом, чему моя телеграмма противоречит» [3, с.599].

Получив назначение помощником начальника Миссии, о. Сергей вместе с иеромонахом Андроником отправляются в Японию. 26 октября из Одессы через Афины, Рим, Париж, Атлантическим океаном до Америки, через Американский континент и далее через Тихий океан до Иокогамы. Уже после Рождества они прибыли в Токио [6, с.63].

В пути во время шторма о. Сергей сильно простыл и получил воспаление уха, последствия которого отразились на его слухе до конца жизни [6, с.63].

Должность помощника начальника миссии он занимал в 1897-1899 году [7, с.180]. В 1898 году он вновь трудится в духовной семинарии в Токио [8, с.60]. В 1899 году архимандрита Сергия назначают на должность ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии. Позже рукополагают во епископа Ямбургского, третьего викария петербургской епархии, с оставлением в должности ректора. Ректором академии он был до октября 1905 года.

Святитель Николай пишет о его отъезде подробно: «После всенощной в Семинарии было прощальное собрание (сообщай) о. Сергию, на которое ребята стянули с меня 5 йен; наораторствовались, должно полагать, вволю» [4, с.18]. «2/14 февраля 1899. Вторник. Праздник Сретения Господня. В последний раз сегодня о. архимандрит Сергей отслужил в Соборе Литургию. В сослужении с отцами Семеном Юква и Романом Циба. После Литургии отпели ему путешественный молебен оба хора с сомолением всех бывших в Церкви. Я не был в Церкви – кашель мучил.

Пообедали потом мы с ним вдвоем у меня. Затем все время приходили к нему прощающиеся. В четыре часа он напился чаю у меня, и с час потом мы с ним беседовали. Друзьями расстаемся, ни разу ведь не поссорились; я никогда не видел его рассердившимся или сказавшим мне или кому-либо грубое слово; в первый раз в жизни встречаю такого человека. Завещал ему в

России служить миссии вообще заграничной, – проводить везде, где можно, мысль о необходимости развития заграничного миссионерства и так далее.

В половине шестого он зашел ко мне проститься; заплакал; грустно было и мне расставаться. Немалая толпа собралась проводить его; но поехал он к о. Сергию Глебову, чтобы там поужинать и вместе с ним отправиться Иокохаму.

Итак: finita la Comedia! Все, что не в пределах воли Божией, разве не есть комедия? А двухкратный приезд и отъезд отсюда многолюбезного о. Сергия Старгородского – результат его доброты доброты сердца и слабости воли, в взаимодействии с внешними толчками, – разве можно поставить на счет воли Божией? Было бы злочеханием» [4, с.18-19].

Владыка Сергей отмечает отличительные черты российской православной миссии в сравнении с миссиями инославными: «Поэтому и самые приемы нашей миссии носят на себе особый, чисто апостольский отпечаток. Католики и протестанты обычно сами наперед определяют, где будут они проповедывать. ... В избранном городе устраивается миссионерский стан, поселяются миссионеры-европейцы. Заводится школа, больница. На все улицы посылаются катехизаторы-японцы; в народ разбрасываются брошюры религиозного содержания. Одним словом пускаются в ход все доступные средства, не исключая самой широкой «благотворительности». Наметивши пункт, они насильно навязываются городу, не отступая ни пред чем.

Между тем в нашей миссии прием этот признается неправильным. Наши церкви, теперь разбросанные по всей Японии, зародились и развились сами собою, независимо от планов и соображений миссии. ... Конечно, посылаются иногда катехизаторы и просто попробовать, нельзя ли основать церкви в том или другом городе. Но миссия никогда не пыталась поставить свою волю на место Божией, никогда не упорствовала проповедывать, когда убеждалась, что проповедь в данном месте бесполезна, что Воли Божией пока нет, чтобы тут была церковь» [9, с.120-121].

Конечно, это мнение очень субъективно, и причины этой субъективности понятны.

Миссионерский опыт владыки Сергия Старгородского является ценным вкладом в общецерковный опыт миссионерской деятельности.

Библиографический список

1. Дневники святого Николая Японского. В 5 тт. СПб., 2004. Т.1. 463 с.
2. Дневники святого Николая Японского. В 5 тт. СПб., 2004. Т.2. 879 с.
3. Дневники святого Николая Японского. В 5 тт. СПб., 2004. Т.3. 894 с.
4. Дневники святого Николая Японского. В 5 тт. СПб., 2004. Т.4. 974 с.
5. Дневники святого Николая Японского. В 5 тт. СПб., 2004. Т.5. 958 с.
6. *Казем-Бек А.* Православная Церковь в Японии. Сотрудники архиепископа Николая. Журнал Московской Патриархии. 1960. №8. С.58-68.
7. Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. 416 с.
8. *Саблина Э.Б.* История Японской Православной Церкви и ее основатель архиепископ Николай. М., СПб., 2006. 525 с.
9. *Старгородский С.* архим. На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). Арзамас, 1897. 278 с.
10. Тихон (Затекин), архимандрит, О.В. Дегтева. Рожденный на земле Нижегородской. Патриарх Сергей: [книга-альбом]. Нижний Новгород, 2007. 287 с.

References

1. Saint Nikolay Yaponsky's diaries. In 5 vv. SPb., 2004. V.1. 463 p.
  2. Saint Nikolay Yaponsky's diaries. In 5 vv. SPb., 2004. V.2. 879 p.
  3. Saint Nikolay Yaponsky's diaries. In 5 vv. SPb., 2004. V.3. 894 p.
  4. Saint Nikolay Yaponsky's diaries. In 5 vv. SPb., 2004. V.4. 974 p.
  5. Saint Nikolay Yaponsky's diaries. In 5 vv. SPb., 2004. V.5. 958 p.
  6. *Kazem-Beck A.* Orthodox Church in Japan. Employees of the archbishop Nikolaya. Journal of the Moscow Patriarchy. 1960. №8. Pp.58-68.
  7. Patriarch Sergy and his spiritual inheritance. M, 1947. 416 p.
  8. *Sablina E.B.* History of the Japanese Orthodox Church and its founder archbishop Nikolay. M, SPb., 2006. 525 p.
  9. *Starogorodsky S.* Archimandrite. In the Far East (Letters of the Japanese missionary). Arzamas, 1897. 278 p.
  10. Tikhon (Zatekin), archimandrite, O. V. Degteva. Given rise on the earth Nizhny Novgorod. Patriarch Sergy: [book album]. Nizhny Novgorod, 2007. 287 p.
-
-

Е.А. ВОЛКОВА

кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии, социологии и истории, Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
E-mail: volkne@bk.ru

E.A. VOLKOVA

Candidate of History, Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology and History, Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
E-mail: volkne@bk.ru

**ОТРАЖЕНИЕ ТЕМЫ НИГИЛИЗМА В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «БЕСЫ»)**

**REFLECTING THE THEME OF NIHILISM IN THE SOCIO-HISTORICAL VIEWS OF FYODOR DOSTOYEVSKY
(ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL «THE POSSESSED»)**

В статье анализируются социально-исторические воззрения Ф. М. Достоевского, в частности, исследование и оценка темы нигилизма в романе «Бесы». Автор приходит к выводу, что писатель с удивительной точностью предсказал многие трагические социально-политические события и явления XX столетия – советской тоталитарной политической системы, основанные на насилии, доносах и преступлениях.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, нигилизм, исторические взгляды, террор, история России.

This article analyzes the social and historical views of F. M. Dostoevsky, in particular research and evaluation of nihilism themes in “The Possessed” novel. The author concludes that the writer with amazing accuracy predicted many tragic socio-political events and phenomena of the twentieth century – the Soviet totalitarian political system based on violence, betrayal and crime.

Keywords: Fyodor Dostoyevsky, nihilism, historical sights, the terror, the history of Russia.

1870-е годы в творчестве Ф.М. Достоевского открылись романом «Бесы» – самым политизированным в русской литературе второй половины XIX столетия. Это произведение – первое и единственное политическое произведение Достоевского, написанное в связи с конкретными историческими событиями, по их горячим следам. Своим романом писатель отвечал на волновавшие его злободневные вопросы современной ему России, вывел социально-политический тип русского революционера. Роман «Бесы» стал пророческим сочинением Достоевского: многое из написанного им в то время сбылось в российских событиях первой половины XX века.

Роману «Бесы» посвящена определенная научная литература [10]. Хотя, надо сказать, роман «Бесы» содержит меньше социально-исторических тем, чем предыдущие романы писателя. Главная тема романа – формирование в России социального слоя нигилистов-радикалов, ставивших целью свержение самодержавного строя, не пренебрегавшими при этом никакими средствами, вплоть до уголовных. Параллельно с этой другая тема – социально-политические причины появления в России террора. Резко звучит в произведении полемика с идейными противниками Достоевского, порой даже оскорбительно.

Замысел нового романа созрел, по-видимому, в начале 1870 года. Об этом Достоевский упоминал в письме к А.Н. Майкову от 12 февраля 1870 года: «Сел за

богатую идею; не про исполнение говорю, а про идею. Одна из тех идей, которые имеют несомненный эффект в публике. Вроде «Преступления и наказания», но еще ближе, еще насущнее к действительности и прямо касается самого важного современного вопроса. Кончу к осени, не спешу и не тороплюсь» [8]. Это, пожалуй, одно из немногих произведений Достоевского, который он писал не в спешке, не подгоняемым жизненными обстоятельствами.

Обстоятельства эти тем не менее оказались более сложными, чем представлялось автору. Достоевский завершил роман только к ноябрю 1872 года, то есть работа над ним продолжалась почти три года. Замысел произведения неоднократно изменялся, производилась переработка начального текста. Первоначально роман задумывался как памфлет на идейных противников Достоевского – либералов-западников и революционеров-членов тайных обществ. Форма политического памфлета со временем перестала удовлетворять автора. Летом 1870 года писатель расширил сюжет – соединил политический памфлет с романом-трагедией. Достоевский не мог ограничиться сюжетом произведения, лишенного преступления. Не случайно указанное им сравнение нового романа с «Преступлением и наказанием».

Не просто было подступиться к новой для писателя теме, связанной с идейной борьбой в российском обществе. Работа над сочинением шла трудно. В письме к литератору, издателю, редактору журнала «Заря»

В.В. Кашпиреву от 15 августа 1870 года Достоевский ссылался на данное обстоятельство: «Я думал наверно кончить его (роман – авт.) к концу лета. Написано было у меня уж до 15 листов. Во все продолжение работы роман шел вяло и под конец мне опротивел. Между тем от первоначальной идеи я отказаться не мог. Она меня влекла <...> Теперь я решил окончательно: все написанное уничтожить, роман переделать радикально, и хотя часть написанного и войдет в новую редакцию, но тоже в радикальной переделке. Таким образом, я принужден начать работу почти всего года вновь сначала...» [1].

Об этом Достоевский говорил и в письме к С.А. Ивановой от 17 августа 1870 года: «Роман, который я писал, был большой, очень оригинальный, но мысль несколько нового для меня разрядка, нужно было очень много самонадеянности, чтоб с ней справиться. Но я не справился и лопнул. Работа шла вяло, я чувствовал, что есть капитальный недостаток в целом, но какой именно – не мог угадать. <...> И вот две недели назад, принявшись опять за работу, я вдруг разом увидел, в чем у меня хромало и в чем у меня ошибка, при этом сам собою, по вдохновению, представился в полной стройности новый план романа. Все надо было изменить радикально; не думая нимало, я перечеркнул все написанное (листов до 15 вообще говоря) и принялся вновь с 1-й страницы. Вся работа всего года уничтожена» [8].

Главной причиной отказа от прежней темы романа стала сложность того явления, которое пытался анализировать автор. Изучение радикальных политических течений предполагало наличие не только мощного писательского интеллекта, но и понимание истоков и причин происходивших в российском обществе рубежа 1860-1870-х годов социально-политических явлений. Только 7 ноября 1870 года Достоевский выслал из Дрездена редактору журнала «Русский вестник» М.Н. Каткову первую половину первой части романа. В середине января 1871 года писатель завершил вторую половину первой части романа. «Русский вестник» приступил к публикации романа в январе 1871 года.

Непосредственным поводом к написанию романа стало конкретное событие – убийство 21 ноября 1869 года слушателя Московской Петровской земледельческой академии И.И. Иванова членами тайного революционного общества «Народная расправа», руководимого Сергеем Нечаевым. Иванов раскусил авантюризм, аморальность Нечаева и был объявлен «предателем» и «шпионом». В «Московских ведомостях» 27 ноября 1869 года появилось первое сообщение о преступлении. В последующих номерах газеты публиковались материалы о ходе следствия и судебного разбирательства, а также материалы о тайной организации Нечаева. Находясь за границей, Достоевский внимательно следил за ходом процесса по газетным публикациям.

На Достоевского убийство Иванова произвело тяжелое впечатление. Мрачное настроение писателя усугубляло обострившееся психическое заболевание – припадки эпилепсии.

Название романа глубоко символично: к бесам

Достоевский относил всех нигилистов без разбора, включая либералов, анархистов, революционных демократов, народников и проч. Их писатель отождествлял с бесами-силами тьмы, противостоявшими Богу. Не случайно, первым эпитафием к роману Достоевский взял строки из стихотворения А.С. Пушкина «Бесы».

В письме к А.Н. Майкову от 9 октября 1870 года Достоевский, только приступивший к работе над романом, пересказывая евангельский сюжет о вошедших в свиней бесах, обрушился с резкой критикой на русских либералов: «Точь-в-точь случилось так и у нас. Бесы вышли из русского человека и вошли в стадо свиней, то есть в Нечаевых, в Серно-Соловьевичей и проч. Те потонули или потонут наверно, а исцелившийся человек, а исцелившийся человек, из которого вышли бесы, сидит у ног Иисусовых. Так и должно было быть. Россия выблевала вон эту пакость, которую ее окормили, и, уже конечно, в этих выблеванных мерзавцах не осталось ничего русского. ...Кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и Бога. ... Вот это-то и есть тема моего романа. Он называется «Бесы»...» [8].

История России и русского народа неоднократно испытывала на себе влияние бесовщины. Народ в трудные – смутные периоды истории спасала православная вера. Когда же вера ослабевала, приступали бесы, начиналась смута. Так происходило на рубеже XVI-XVII столетий в годы первой смуты. Подобные события имели место в годы Первой мировой войны, революций 1917 года и Гражданской войны. Очевидно, Россия пережила смутное время и на рубеже 1980-1990-х годов. Бесовщина в романе символизирует духовно-нравственную трагедию русского народа.

Бесовство у Достоевского двоякого рода. С одной стороны, это – нигилисты, атеисты, социалисты, революционеры, террористы всех мастей. Они боролись против устоев Российского государства, хотели посеять смуту, раздор. Покушения на императора Александра II продолжались. В романе представлена целая галерея представителей бесов-революционеров: Петр Верховенский, Алексей Кириллов, Николай Ставрогин, Шигалев, Эркель, Толкаченко, Виргинский, Липутин и др.

Не разбираясь в особенностях идеологии и оттенках взглядов различных представителей радикального течения (нигилизма), Достоевский ощущал тревогу за судьбы России, угрозу политической и социальной стабильности российскому обществу со стороны революционеров. Писатель был знаком с сочинением С. Нечаева «Катехизис революционера», идеи которого он переносил на все российское революционное движение. Достоевский тяжело переживал, когда был арестован его сосед по дому, обвиненный в принадлежности к тайной революционной организации.

С другой стороны, в романе представлены бесы – носители темных, злых сил, противостоявших свету, силам добра, Богу. К художественному изображению и воплощению этих сил писатель обратился в романе «Братья Карамазовы» в сцене разговора Ивана Карамазова с чертом.

В противоположность главному герою романа «Идиот» – «положительно прекрасному человеку», в новом романе Достоевский отобразил «то лицо, тот тип, который соответствует этому злодейству» [8]. Главный герой «Бесов» – Николай Ставрогин (говорящая фамилия – от греческого – крест). Он – теоретик нигилизма, разрабатывавший принципы революционной борьбы. «...Подговорите четырех членов кружка укокошить пятого, под видом того, что тот донесет, и тотчас вы их всех пролитою кровью, как одним узлом, свяжете. Рабами вашими станут, не посмеют бунтовать и отчетов спрашивать!» [9]. Такой подход, по его мнению, гарантировал революционеров от провалов. Его внешность резко отличалась от внутреннего содержания. «...Он был все тот же... так же изящен, так же важен, так же важно входил...» [7].

Ставрогин, несмотря на его красивую внешность, богатство, – аморальный тип, духовно-мертвая личность. Он признается в целом ряде грехов и преступлений: растлении и доведении до самоубийства четырнадцатилетней девочки Матрешки, тайном браке с хромоножкой Марьей Лебядкиной, в подготовке с участием Федьки Каторжного убийства своей жены и ее брата штабс-капитана Игната Лебядкина.

Не случайно писатель пошел по пути противопоставления красавца-щеголя Ставрогина и пожилого, больного священника отца Тихона. Один олицетворял собой мир бесов, второй – святости и правды. Как часто бывает в романах Достоевского, происходит столкновение двух символов-противоположностей: добра и зла, света и тьмы, преступления и наказания. В итоге побеждают силы добра, а зло уничтожается. Образ священника Тихона еще не четок, писателю еще предстоит долго работать, чтобы прийти к таким типам, как Макар Иванович в романе «Подросток» и старец Зосима в романе «Братья Карамазовы».

Символичен финал «революционной» деятельности Ставрогина: он покончил жизнь самоубийством. В отличие от самоубийц в других произведениях Достоевского (Свидригайлов в «Преступлении и наказании») Ставрогин покончил жизнь по идейным соображениям. «Я знаю, – писал он в предсмертном письме, – что мне надо бы убить себя, смести с земли, как подлое насекомое; но я боюсь самоубийства, ибо боюсь показать великодушие. Я знаю, что это будет еще обман, – последний обман в бесконечном ряду обманов» [7]. Прототипом Ставрогина в романе являлись лидер российских анархистов М.А. Бакунин и представитель радикального крыла петрашевцев Н.А. Спешнев.

Образ другого беса-революционера Петра Верховенского сходен с образом главы «Народной расправы» Сергея Нечаева. Достоевский дает пространственный портрет героя: «Это был молодой человек лет двадцати семи или около, немного повыше среднего роста, с жидкими белокурыми, довольно длинными волосами и с клочковатыми, едва обозначившимися усами и бородкой. Одетый чисто и даже по моде, но не щегольски; как будто с первого взгляда сутуловатый и мешковатый, но,

однако ж, совсем не сутуловатый и даже развязный. Как будто какой-то чудаки, и, однако же, все у нас находили его манеры весьма приличными, а разговор всегда идущим к делу. Никто не скажет, что он дурен собой, но лицо его никому не нравится. Голова его удлинена к затылку и как бы сплюснута с боков, так что лицо его кажется вострым. Лоб его высок и узок, но черты лица мелки; глаз вострый, носик маленький и востренький, губы длинные и тонкие. Выражение лица словно болезненное, но это только кажется. У него какая-то сухая складка на щеках и около скул, что придает ему вид как бы выздоравливающего после тяжелой болезни. И, однако же, он совершенно здоров, силен и даже никогда не был болен. Он ходит и движется очень торопливо, но никуда не торопится. Кажется, ничто не может привести его в смущение...» [7].

Достоевский при изображении портрета своего героя несколько раз употребляет слово «вострый», то есть быстрый. «Говорит он скоро, торопливо, но в то же время самоуверенно, и не лезет за словом в карман. Его мысли спокойны, несмотря на торопливый вид, отчетливы и окончательны, – и это особенно выдается. Выговор у него удивительно ясен; слова его сыплются, как ровные, крупные зернушки, всегда подобранные и всегда готовые к вашим услугам. Сначала это вам и нравится, но потом станет противно, и именно от этого слишком уже ясного выговора, от этого бисера вечных слов» [7].

Внешний облик образа, как видим, сложен, под стать внутреннему содержанию. Петрушу Верховенского отличает беспринципность, презрение к людям, неумная жажда власти. Ради власти он может пойти на клевету, подлость, лжесвидетельство, на любое преступление. Верховенский предлагает четкую программу политических действий по захвату государственной власти с участием народа: «Мы проникнем в самый народ. <...> Мы сделаем такую смуту, что все поедет с основ. <...> Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. <...> И застонет стоном земля: «Новый правый закон идет», и взволнуется море, и рухнет балаган, и тогда подумаем, как бы поставить строение каменное. В первый раз! Строить мы будем, мы, одни мы!» [7]. Главный удар наносится в первую очередь по образованию и науке, то есть, говоря современными терминами, по человеческому фактору.

Верховенский откровенно говорит о методах своей революционной деятельности: «Я нарочно выдумываю чины и должности: у меня секретари, тайные соглядатаи, казначеи, председатели, регистраторы, их товарищи – очень нравится и отлично принялось» [7]. Бюрократический аппарат является социально-политической опорой и фундаментом радикальной идеологии. В образе Петра Верховенского, кроме Сергея Нечаева, угадывались некоторые черты М.В. Петрашевского и Д.И. Писарева.

Самым мрачным представителем революционного бесовства в романе является Шигалев. Его внешность отталкивающая: «В жизнь мою я не видал в лице чело-

века такой мрачности, нахмуренности и пасмурности. Он смотрел так, как будто ждал разрушения мира, и не то чтобы когда-нибудь, по пророчествам, которые могли бы и не состояться, а совершенно определенно, так-этак послезавтра утром, ровно в двадцать пять минут одиннадцатого» [7].

Шигалев обезличен в романе. У него отсутствуют имя-отчество в отличие от других героев. Его мировоззрение выражает крайнюю степень нигилизма. Для конечного разрешения вопроса он предлагал «разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как первобытного рая...» [7]. Теория, которая в иных социальных условиях, с ориентацией на массовое потребление, развивает идеи Раскольникова.

О методах борьбы и социальной системе Шигалева высказывался Петр Верховенский: «...У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях – клевета и убийство, а главное – равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. <...> Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями – вот шигалевщина! Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот шигалевщина!» [7].

Шигалев не стал главным героем романа. Даже среди нигилистов он слишком мрачен и циничен, поэтому уходит в тень. Однако каждое его появление на сцене порождает высокий уровень напряжения, обострение атмосферы. Его методы сводятся к следующему: «... Систематическою обличительною пропагандой беспрерывно ронять значение местной власти, произвести в селениях недоумение, зародить цинизм и скандалы, полное безверие во что бы то ни было, жажду лучшего и, наконец, действуя пожарами как средствами народным по преимуществу, ввергнуть страну... в отчаяние» [7].

Опасность шигалевщины, по Достоевскому, состояла в том, что сам Шигалев считал свое учение единственно верным: «Кроме моего разрешения общественной формулы не может быть никакого» [7]. Достоевский понимал, что монополия на истину в последней инстанции – крайне опасна для любого общества, она подавляет свободу и творчество личности. Образ Шигалева воплотил черты нескольких знакомых Достоевскому революционеров – В.А. Зайцева и Г.З. Елисеева.

Инженер-строитель Алексей Кириллов – один из самых сложных типов революционера, «помешанный на атеизме». «Для меня нет выше идеи, что бога нет. За меня человеческая история. Человек только и делал, что выдумывал бога, чтобы жить, не убивая себя; в этом вся всемирная история до сих пор». Он не признавал традиционного Бога. В его понимании стать Богом, «значит

поднять низшее из высшего, довести свое несовершенство до божественного совершенства» [5].

Кириллов заканчивает жизнь самоубийством, приняв на себя в предсмертной записке-самооговоре, написанной под диктовку Верховенского, вину за убийство Шатова. Он разработал собственную философскую концепцию самоубийства: убить себя, чтобы самому стать человеком-Богом. «...Как мог до сих пор атеист знать, что нет бога, и не убить себя тотчас же? Сознать, что нет бога, и не сознать в тот же раз, что сам богом стал, есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам. Если знаешь – ты царь и уже не убьешь себя сам, а будешь жить в самой главной славе» [7].

Кириллов полагал, что от самоубийства людей удерживают два обстоятельства – боязнь боли и «тот свет», то есть бессмертие души. «Я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь. Страх есть проклятие человека...» [7]. Боязнь смерти свойственна любому живому организму, ибо за ним наступает неизвестность, тьма. Кириллов – эпилептик, пьет по ночам крепкий чай и ложится спать под утро, как и сам Достоевский. Эти размышления, очевидно, были свойственны и писателю. Прототипом Кириллова в романе стал петрашевец К.И. Тимковский.

Тема самоубийства постоянно волновала Достоевского: не случайно в его произведениях многие герои заканчивают жизнь самоубийством, либо близки к самоубийству по своему душевному состоянию [3].

Иным представляется в романе образ бывшего студента, родившегося крепостным, Ивана Шатова (говорящая фамилия – шатание, метание, перемена взглядов). Он с Кирилловым несколько лет жил и работал в Америке, познал все «прелести» американского образа жизни. «За границей Шатов радикально изменил некоторые из прежних социалистических своих убеждений и перескочил в противоположную крайность. Это было одно из тех идеальных русских существ, которых вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно придавит их собою, иногда даже навеки. Справиться с нею они никогда не в силах, а уверуют страстно, и вот вся жизнь их проходит потом как бы в последних корчах под свалившимся на них и наполовину совсем уже раздавившим их камнем» [7].

Его внешний облик более прост и прямолинеен, ближе к народным образам, чем облик других нигилистов. «Наружностью Шатов вполне соответствовал своим убеждениям: он был неуклюж, белокур, космат, низкого роста, с широкими плечами, толстыми губами, с очень густыми, нависшими белобрысыми бровями, с нахмуренным лбом, с неприветливым, упорно потупленным и как бы чего-то стыдящимся взглядом. На волосах его вечно оставался один такой вихор, который ни за что не хотел пригладиться и стоял торчком. Лет ему было двадцать семь или двадцать восемь» [7].

Шатов первоначально входил в организацию революционеров, но пробыл в нем недолго – только в последний год стал членом кружка. Разобравшись в сущности намерений своих сотоварищей, он решил покинуть группу. Шатов честен в своих намерениях,

говорит о них прямо, без утайки. В отношении к окружающим его людям открыт и добр. Шатов не вписывался в круг бесов-нигилистов. Прототипом Шатова, возможно, стал брат Анны Григорьевны Достоевской (в девичестве Сниткиной) Ивана Сниткина – студента Петровской сельскохозяйственной академии.

Апогеем проявления бесовства в романе становится убийство нигилистами студента Шатова, заявившего о прекращении сотрудничества с революционной организацией. Нигилисты боялись, что Шатов донесет полиции и решили его устранить физически. Это событие вошло в роман из реальной жизни – убийства студента Иванова членами «Народной расправы» С. Нечаева. Высокие рассуждения о будущем переустройстве общества завершились уголовным преступлением.

Хотя, по нашему мнению, изображенные в романе революционеры все-таки не были типичными для России. К ним принадлежала лишь незначительная часть радикально настроенной молодежи. Однако идеи радикализма (и Достоевский хорошо это понимал) имели широкое распространение в молодежной среде второй половины 1860-1870-х годов. Вспомним, хотя бы, процесс Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника генерала Трепова, которую суд присяжных освободил от наказания под бурный восторг собравшейся молодежи.

Накануне смерти Степан Трофимович Верховенский подводит своеобразный итог и своей жизни, и говорит о крахе бесовства. «Мне ужасно много приходит теперь мыслей: видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней... за века, за века!» [7].

Особняком изображен в романе «великий писатель» Кармазинов, прототипом которого стал писатель И.С. Тургенев. В молодости Достоевский был дружен с Тургеневым, а в конце 1860-х годов их пути разошлись из-за глубоких литературных (оценка Достоевский романа Тургенева «Дым») и идейных разногласий. Для Достоевского Тургенев стал образцовым представителем низкопоклонства перед Западом, носителем либерализма, против которого постоянно и резко выступал Достоевский.

Достоевский, более четырех лет живя за границей (Германия, Швейцария, Италия), слабо разбирался в оттенках идейно-политической борьбы, не различал идеологию революционных демократов (Чернышевского, Добролюбова) от идей анархистов (Бакунина), народников (Ткачева) и т.п. Несправедлива была его критика в адрес Чернышевского, которого он обвинял в нелюбви к России и русскому народу, а также Белинского, которого он ошибочно причислял к либералам.

Изображая русских революционеров, Достоевский был уверен, что они не знают Россию и русский народ, живут в отрыве от народной жизни. Отрицая революционное насилие, мыслитель уповал на преобразования, проводимые императором Александром II. Однако специфика российской действительности заключалась в том, что по мере углубления и расширения масшта-

бов реформ, возрастала острота революционного напряжения в обществе. Достоевский скончался месяцем раньше последнего покушения на императора. Доживи писатель до 1 марта 1881 года, это трагическое событие стало бы для него тяжелым ударом.

Об этом писала в своих воспоминаниях жена писателя А.Г. Достоевская: «Во время пребывания нашего в Дрездене случилось событие, чрезвычайно взволновавшее нас обоих. Федор Михайлович от кого-то узнал, что по городу ходят слухи, будто в нашего императора, посетившего всемирную выставку в Париже, стреляли (покушение Березовского) и что будто бы злодейство достигло цели. Можно представить, как был взволнован мой муж. Он был горячим поклонником императора Александра II за освобождение крестьян и за дальнейшие его реформы. Кроме того, Федор Михайлович считал императора своим благодетелем: ведь по случаю коронации моему мужу было возвращено потомственное дворянство, которым он так дорожил. Государь же разрешил моему мужу возвратиться из Сибири в Петербург и тем дал возможность вновь заниматься столь близким его сердцу литературным трудом» [2].

С особой силой Достоевский поставил в романе «Бесы» вопрос о том, какие силы доминируют в российском обществе – исконные исторические самобытные традиции русского народа, исходящие из православия, либо разрушительные теории нигилизма, популярные среди части молодежи в 1860-е годы. Ответ на этот самый сложный вопрос писатель и пытался найти в романе. В журнале «Гражданин» (1873, №50) Достоевский опубликовал статью «Одна из современных фальшей», в которой попытался найти ответ на причины появления в России «нечаевщины». «Я хотел поставить вопрос, и сколько возможно яснее, в форме романа, дать на него ответ: каким образом в нашем переходном и современном обществе возможны – не Нечаев, а *Нечаевы*, и каким образом может случиться, что эти Нечаевы набирают себе под конец нечаевцев?» [3].

Причин появления в российском пореформенном обществе радикальных идейно-политических течений может быть названо много. Среди них – медлительность и половинчатость проводимых преобразований (а радикальная молодежь хотела все и сразу); и заигрывание власти с молодым поколением; и наличие радикальных теорий (П. Ткачев, Н. Михайловский), оправдывавших и фактически поощрявших террор.

Роман «Бесы» по праву назван пророческим произведением Достоевского [9]. Писатель с удивительной точностью предсказал многие трагические социально-политические события и явления XX столетия – советской тоталитарной политической системы, основанные на насилии, доносах и преступлениях. Среди них – система иерархического централизма при диктатуре центра; физическое уничтожение политической оппозиции – «наблюдать и замечать друг за другом»; отчеты снизу вверх; внесудебные решения и т.п. «О, у них все смертная казнь и все на подписаниях, на бумагах с печатями, три с половиной человека подписывают» [7].

Исследуя деспотизм, Достоевский пророчески писал: «Кричат: «Сто миллионов голов», – это, может быть, еще и метафора, но чего их бояться, если при медленных бумажных мечтаниях деспотизм в какие-нибудь

во сто лет съест не сто, а пятьсот миллионов голов?» [4]. Объяснением такого пророческого феномена служит глубокое проникновение писателя в социальную и психическую природу человеческой личности.

Библиографический список

1. Добролюбов Н.А. Забытые люди // Современник. 1861. № 9. С.99-149.
2. Достоевская А.Г. Воспоминания // М.: Издательство «Правда», 1987. С.177-178.
3. Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века // М.: Советский писатель, 1989. С.76.
4. Когина Л.П. Христианская нравственность как альтернатива нигилизму в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского // Л.П. Гогина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2007.
5. Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского: (Событийное, социальное, философское) // М.: Издательство МГУ, 1991. С.257.
6. Наседкин Н.Н. Самоубийство Достоевского: Тема суицида в жизни и творчестве писателя // М.: Алгоритм, 2002; Кузнецов О.Н. Достоевский над бездной безумия / О.Н. Кузнецов, В.И. Лебедев. М.: Когито-Центр, 2003.
7. Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха», 1864-1865 // М.: Наука, 1975.
8. Померанц Г.М. Князь Мышкин / Г.М. Померанц // Померанц Г.М. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М.: Советский писатель, 1990. С.255-301
9. Сараскина Л.И. «Бесы» – роман-предупреждение // Л.И. Сараскина. М.: Советский писатель, 1990.
10. Туниманов В.А. Творчество Достоевского (1854-1862) // В.А. Туниманов. Л.: Наука, 1980. С.171.

References

1. Dobrolubov N.A. Clogged people // Sovremennik. 1861. № 9. Pp. 99-149.
  2. Dostoyevskaya A.G. Memories / A.G. Dostoyevskaya. M.: "Pravda" Publishing House, 1987. Pp.177-178.
  3. Karjakin Y.F. Dostoevsky and the eve of the XXI century // M.: Soviet writer, 1989. P.76.
  4. Kogina L.P. Christian morality nihilism as the alternative in the novel "The Possessed" FM Dostoevsky / L.P. Gogina: Abstract. Dis. ... Cand. Philosophy. nauk. Moscow, 2007.
  5. Kudryavtsev Y.F. Three Dostoevsky's circle (event-related, social, philosophical) / Y.F. Kudryavtsev. M.: Moscow State University Publishing House, 1991. P.257.
  6. Nasedkin N.N. Dostoevsky's Suicide: Suicide theme in the life and work of writer / N.N. Algorithm Nasedkin. M.: 2002; Kuznetsov O.N. Dostoevsky over the abyss of madness // O.N. Kuznetsov, V.I. Lebedev. M.: Kogito Center 2003.
  7. Nechayeva V.S. Journal M.M. and F.M. Dostoevsky "Epoch", 1864-1865. M.: Nauka, 1975.
  8. Pomerantz G.M. Prince Myshkin / G.M. Pomerantz // G.M. Pomerantz. The openness of the abyss: Meetings with Dostoevsky. M.: Soviet writer, 1990. Pp. 255-301.
  9. Saraskina L.I. "Demons" – a novel-warning // L.I. Saraskina. M.: Soviet writer, 1990.
  10. Tunimanov V.A. Dostoyevsky (1854-1862) // V.A. Tunimanov. L.: Nauka, Moscow, 1980. P.171.
-

С.Г. ИЗВЕКОВ

соискатель, кафедра новейшей истории России,
Московский государственный областной университет
E-mail: semen.izvekov@gmail.com

S.G. IZVEKOV

Researcher, Department of Contemporary history of
Russia, Moscow Region State University
E-mail: semen.izvekov@gmail.com

ГЕНРИХ СТРОДС (1925-2012). ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛАТЫШСКОГО ИСТОРИКА

HENRIHS STRODS (1925-2012). SKETCH OF LIFE AND ACTIVITY OF THE LATVIAN HISTORIAN

В данной статье мы попытались составить биографию и дать характеристику наследию выдающегося советского и латышского историка Генриха Стродса. Его огромный вклад в развитие аграрной истории Прибалтики пока еще не в полной мере осмыслен в историографии. Нами была сделана попытка дать объективный анализ его трудов.

Ключевые слова: Латвия, СССР, аграрная история, крестьянство, историография.

In this article we tried to make biography and give characteristics of the legacy of the outstanding soviet and Latvian historian Henrihs Strods. His huge contribution in the development of the agrarian history of the Baltic Sea Region isn't comprehended in historiography completely at yet. We have made an attempt to make an objective analysis of his works.

Keywords: Latvia, USSR, agrarian history, peasantry, historiography.

В апреле 2016 года исполнилось четыре года, как ушел из жизни выдающийся советский и латвийский историк Генрих Стродс (Henrihs Strods). Его без всякого преувеличения можно назвать одним из самых плодотворных ученых-историков Латвийской ССР и Латвии. Стродс за свою карьеру написал более 800 публикаций и 32 монографий на латышском, русском, польском, немецком и английском языках.¹ Он был успешным и востребованным историком как во времена СССР, так и после обретения Латвией независимости.

Его научная работа, пожалуй, довольно легко делится на два периода: советский (до 1991 года) и современность (с 1991 года). В первый период мы видим скорее советского исследователя-марксиста, во второй – историка-националиста.

Стродс родился в 1925 году в Двиетской волости Латвии в семье крестьян. Ранее знакомство с тяжелым трудом пахарей, по всей видимости, предопределило его дальнейшую специализацию – аграрную историю. Интерес к истории он проявлял, еще когда учился в Двиетской школе и гуманитарной гимназии в Илуксте. Именно тогда он написал свои первые статьи для газеты «Даугавпилский вестник» об истории родного края, Селии.²

С 1945 по 1950 год он был студентом Латвийского

университета. С 1949 года Стродс работает в Центральном музее истории Латвийской ССР. Женитьба на антисоветской активистке в 1950 году не поставила крест на карьере молодого ученого.

Специализацией Стродс выбрал аграрную историю Латвии XVIII-XIX века, вопросы генезиса капитализма в деревне и истоки национально-освободительного движения латышей.

В 1953 году Стродс благополучно защищает диссертацию на тему «Курземские казенные поместья в период распада барщинного хозяйства первой половины XIX века» [4]. Это серьезное исследование развития капитализма на землях Курляндии с опорой на документы помещичьих усадеб остзейского дворянства. Поражает обилие статистического материала, который ученый аккуратно обрабатывает и систематизирует.

С опорой на постулаты марксизма-ленинизма Стродс утверждает, что в землях Курляндии к моменту отмены здесь крепостного права в 1816-1819 гг. уже произошло разложение феодального способа производства, и вовсе развивался капитализм [4; 213]. Таким образом, им было высказано предположение, что отмена крепостного права в этих землях была определена объективно сложившимися экономическими условиями, а не только политической волей императора Александра I. По мнению Стродса, именно складывание нового способа производства и стало причиной формирования национального латышского движения в середине-конце XIX. Эти выводы историк будет отстаивать в течение всей своей долгой карьеры.

С 1954 по 1970 год Стродс трудился в Институте Истории АН Латвийской ССР, где занимал пост заме-

¹ Список публикаций Стродса доступен на сайте Латвийского университета. URL: <http://www.biblioteka.lu.lv/par-biblioteku/izstades/virtualas-izstades/strods/h-stroda-bibliografija/>; http://www.lu.lv/fileadmin/user_upload/lu_portal/zinas/Strods_Izstade_izvietotie_izdevumi.pdf;

² Селия (Селония, Аугшземе; латыш. Sēlija, лит. Aukšzėmė, латгал. Selonia) – одна из пяти культурных областей Латвии. Берет свое название от племени селов, обитавшего в Средние века на этой территории.

стителя директора музея по научной работе. Под его руководством проводились этнографические исследования в разных уголках Латвии, проводились раскопки, составлялись пособия по проведению экспедиций вузов ЛССР [3; 98-112].

С 1970 года по 1982 Стродс возглавляет лабораторию истории феодализма института Истории ЛССР. На этом посту он проявляет себя как талантливый руководитель и организатор научной деятельности. В 1977 году состоялась защита докторской диссертации на тему «Сельскохозяйственная Латвия конца XVIII–сер. XIX века» [7]. Несмотря на критику этого труда оппонентом В.В. Дорошенко³, работа была благосклонно принята диссертационным советом Института Истории СССР и степень доктора исторических наук была присуждена.

После получения степени доктора наук карьера Стродса идет стремительно вверх: в 1982 году он стал заведующим кафедрой Истории СССР на историческом факультете университета ЛГУ. На этом посту он трудился с 1982 по 1993 годы. Многими современниками отмечались его успехи в организаторской работе на факультете, актуализации учебных программ и привлечения к преподавательской работе лучших историков ЛССР.

В советское время работы Стродса публиковались в журналах союзных республик и СССР, он участвовал в конференциях в Москве, Ленинграде и других крупных городах страны. Его работы получали положительные отзывы от разных историков, в том числе И.Д. Ковальченко⁴ и Н.М. Дружинина⁵, В.К. Яцунского.⁶ Принадлежность к советской школе аграрной истории часто высказывалась и самим Стродсом [11; 230-235].

В независимой Латвии профессор стал ярким проповедником национализма, занимаясь активной политической агитацией. Начиная с 90-х годов XX века тон публикаций резко изменился. Прежде лояльный коммунистической идеологии партийный ученый-атеист [1; 125] быстро изменил свои взгляды и стал антисоветским агитатором. Своим пером Стродс стал служить новому Латвийскому государству и клеймит «оккупационную державу СССР», в которой когда-то делал карьеру. До самой смерти профессор читал лекции в ЛГУ по истории Латвии.

С 1998 года по 2012 Стродс был главой научно-исследовательской группы Музея оккупации Латвии,

3 Дорошенко Василий Васильевич (1921-1992) – историк ведущий специалист по экономической истории Латвии XVI-XVII веков.

4 Ковальченко Иван Дмитриевич (1923-1995) – видный советский и российский историк, академик АН СССР. Один из основоположников советской школы клиометрии и количественных методов в исторических исследованиях. Основатель Комиссии по применению ЭВМ в исторических исследованиях при Институте истории Академии Наук СССР.

5 Дружинин Николай Михайлович (1886-1986) – советский историк, специалист по социально-экономической и политической истории XIX века. Академик АН СССР (1953), лауреат Ленинской и Сталинской премии второй степени.

6 Яцунский Виктор Корнельевич (1893-1966) – российский историк, специалист в области исторической географии и экономической истории России, специалист в области генезиса капитализма.

являлся руководителем комиссии историков при канцелярии Президента Латвии. Стродс переключился с аграрной истории на исследования широкого спектра от политики до религиоведения.

В своих исследованиях он касается периода «советской оккупации Латвии» [8]: депортации латышей при Сталине [2; 130-135], проблем нацистской оккупации Латвии [10], борьбы «лесных братьев» против коммунистов в 1940е-50е годы [6]. Не забывает он об этнографии, в 2011 году издает историю родной Селии [9].

В качестве примера политизированности стоит проанализировать работу Стродса о церковной истории. Речь идет об «Истории католической церкви Латвии 1095-1995» [5]. Этот труд стал первой в исторической науке попыткой осмысления 900 лет истории католицизма в этой прибалтийской стране. Положительной стороной книги является подробный анализ источников со всей Европы, большое количество статистического материала. Все разделы, кроме относящихся к XX веку, являются качественным исследованием истории римско-католической церкви в Латвии. Главы по истории XX века не выдерживают решительно никакой критики, явственно просматривается тенденциозность изложения материалов. К примеру, совершенно не отражены в монографии противоречия католического духовенства Латвии и президента Латвии К. Улманиса, насаждавшего лютеранство в 1934-40 годах [5; 234-243]. Освещение советского периода в истории Латвийской католической церкви представлено весьма однобоко, отсутствуют ссылки на советские источники.⁷ Приводятся только факты гонений на веру в СССР, при том, что католическое духовенство довольно активно само сотрудничало с уполномоченным по религиозным делам СССР.

Несмотря на возраст, работоспособности профессора подчас могли позавидовать и многие молодые исследователи. Некоторые коллеги по цеху в шутку зачастую называли Стродса «кроликом» за большую плодовитость. До самого последнего дня он издавал множество книг по истории и этнографии Латвии.

Несмотря на излишнюю политизированность в последние годы работы, нет никаких сомнений в том, что наследие Стродса будет актуальным еще долгие годы для научного сообщества Латвии и сопредельных стран.

7 ГА РФ Ф. 6991; Latvijas Valsts Arhivs. F.1419, F. 1448.

Библиографический список

1. Католицизм в СССР и современность. Вильнюс, 1991.
2. *Strods H.* Депортация населения Прибалтийских стран в 1949 году // Вопросы истории. 1999. N 9. С.130-135.
3. *Strods H.* Полевые этнографические источники в историческом исследовании // Источниковедение отечественной истории. М., 1972. С. 98-112.
4. *Strods H.* Kurzemes kroņa muižas klaušu saimniecības sairšanas periodā 19. gs. 1.pusē. Disertācija vēstures zinātņu kandidāta grāda iegūšanai; zin. vadītājs J. Zutis. Rīga, 1953.
5. *Strods H.* Latvijas Katoļu baznīcas vēsture, 1075 – 1995. Rīga, 1996.
6. *Strods H.* Latvijas nacionālo partizānu karš. 1944-1956. Rīga: Preses nams, 1996.
7. *Strods H.* Lauksaimniecība Latvijā pārejas periodā no feodalisma uz kapitalismu (1780s – 1860s). Rīga: Zinatne, 1972.
8. *Strods H.* PSRS politiskā cenzūra Latvijā, 1940-1990. 2 daļa. Rīga: Jumava, 1. daļa 2010.
9. *Strods H.* Sēlija senāk un tagad [Селия раньше и сейчас]. Rīga: Jumava, 2011.
10. *Strods H.* Zem melnbrūnā zobena: Vācijas politika Latvijā 1939 - 1945. Rīga: Zvaigzne, 1994.
11. *Strods H.* Zur Erforschung der baltischen Agrargeschichte vom Ende des 18. bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts in den Jahren 1945 - bis 1980 // Forschungen zur Geschichte und internationalen Wirksamkeit der sowjetischen Historiographie. Halle (Saale), 1984.

References

1. Catholicism in the USSR and contemporaneity. Vilnius, 1991.
  2. *Strods H.* Deportation of the population the Baltic countries in the year 1949 // Voprosy istorii. 1999. № 9. Pp.130-135.
  3. *Strods H.* Field ethnographic sources in historical investigations // Source study of the national history. Moscow, 1972. Pp. 98-112.
  4. *Strods H.* The state manors of Kurzeme in the period of the dissolution of the corvee labor in the 1st half of the 19th century. Rīga, 1953.
  5. *Strods H.* The History of the Latvian Catholic church, 1075 – 1995. Rīga, 1996.
  6. *Strods H.* Latvian national guerilla 1944-1956. Rīga: Preses nams, 1996.
  7. *Strods H.* Agricultural Latvia in the transitional period from feudalism to capitalism (1780s – 1860s). Rīga: Zinatne, 1972.
  8. *Strods H.* The Soviet Union's political censorship in Latvia, 1940-1990. 2nd Issue. Rīga: Jumava, 1. daļa 2010.
  9. *Strods H.* Sēlija before and now. Rīga: Jumava, 2011.
  10. *Strods H.* Under the black and brown sword: the german politics in Latvia 1939-1945. Rīga: Zvaigzne, 1994.
  11. *Strods H.* To the research of the Baltic agrarian history in the period of 1945-1980 from the end of the 18th to the mid-19th century // The Studies of History and international activities of the Soviet historiography. Halle (Saale), 1984.
-

А.А. КИСЕЛЕВ

аспирант, кафедра отечественной истории, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет
E-mail: ripli50@yandex.ru

A.A. KISELEV

Graduate student, Department of Russian history, Institute of history, political and social sciences, Petrozavodsk State University
E-mail: ripli50@yandex.ru

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ЦЕН В КАРЕЛИИ (1990–1993 ГОДЫ)

PRICE LIBERALIZATION IN KARELIA (1990-1993)

Статья посвящена ходу проведения преобразований в области свободного ценообразования на территории Карелии. Анализ нормативно-правовых актов, прессы и статистических данных позволил раскрыть региональные особенности внедрения свободных цен на примере Карелии. Рассматриваются законодательные акты федерального и регионального уровня в области ценообразования, административные мероприятия карельского правительства, подводятся итоги реформы.

Ключевые слова: Карелия, свободное ценообразование, кризис, инфляция, реформа.

The article is devoted to the course of free pricing reforms in Karelia. The analysis of legal acts, press and statistics revealed regional peculiarities of free prices setting in Karelia. We consider legislation at federal and regional level in price formation and administrative activities of the Karelian government in this field.

Keywords: Karelia, free price formation, crisis, inflation, reform.

О либерализации цен на территории Карелии фрагментарно упоминается в исследованиях карельских экономистов. Отпуск цен рассматривается лишь в широких рамках социально-экономического развития региона [4], [15]. Комплексный анализ нормативно-правовых актов федерального и регионального значения, административных мероприятий и социально-экономических показателей в ходе проведения ценовой реформы до сих пор не был дан.

Реформирование экономики Карелии началось с преобразования структуры и функций органов государственной власти и управления. В сентябре 1990 г. Госкомцен КАССР был упразднен, его функции стал выполнять Государственный комитет КАССР по экономике. В это время в Карелии функционировала единая система государственных цен и тарифов с незначительной долей договорных цен. В целях стабилизации народного хозяйства, создания условий для выпуска дефицитных товаров и нормализации потребительского рынка государство отпустило некоторые цены. Согласно постановлению Совета Министров СССР №1134 [10] с 15 ноября 1990 г. страна переходила к применению свободных розничных цен на отдельные виды товаров народного потребления. Это были деликатесы, предметы роскоши, высококачественные товары отечественного и импортного производства. Механизм формирования предполагал самостоятельное согласование цен между производителем (предприятием) и покупателем (оптовые и розничные торговые организации).

Расширение ассортимента товаров по свободным ценам началось с перехода на новую систему опто-

вых цен и тарифов. Согласно постановлению Совета Министров РСФСР от 29 декабря 1990 «О переходе на новую систему оптовых цен и тарифов в РСФСР» [11] с 1 января 1991 устанавливались новые фиксированные цены на достаточно широкий ассортимент промышленной продукции, сырья и материалов. На региональном уровне для местных предприятий и организаций руководящие органы (Госкомитет Карельской АССР по экономике, Министерство финансов Карельской АССР и другие заинтересованные министерства и ведомства) самостоятельно устанавливали перечень конкретной продукции, которые реализовывались по утвержденным фиксированным ценам. В Карелии этот перечень включал в себя заготовки срубов домов, библиотечные стеллажи, мебель, кирпич, отдельные виды сельхозпродукции [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5170. Л. 34]. Кроме этого, существовало еще приложение №2, где список продукции был более широким и распространялся на территорию всей России. Туда входили отдельные виды продукции тяжелой, легкой и пищевой промышленности, природные ресурсы. На товары, не входившие в перечень приложений, вводились рыночные цены.

19 марта 1991 было выпущено постановление Совета министров СССР «О реформе розничных цен и социальной защиты населения» [12]. В приложении к этому документу оговаривались предельные размеры повышения цен. В среднем они не должны были превышать 150-200%.

С этого времени товары в России реализовывались по трем ценовым категориям: продукция с государственными фиксированными ценами, продукция с регу-

лируемыми ценами и товары со свободной (рыночной) ценой.

Новые государственные цены вводились со 2 апреля 1991 года. В целях недопущения резкого роста они частично дотировались. Это касалось товаров, определяющих жизненный уровень людей, из которых складывалась минимальная потребительская корзина.

Вторая категория – регулированные цены. Регулирование производилось путем введения предельных уровней наценки по отношению к прейскурантным ценам. По таким ценам продавались вещи «не первой» (по мнению правительства) необходимости. В основном это была продукция легкой промышленности и товары культурно-бытового и хозяйственного назначения.

Свободные цены формировались с учетом спроса и предложения и устанавливались предприятиями и продавцами самостоятельно. В марте 1991 ассортимент товаров реализуемых по свободным ценам значительно расширился. В ассортимент входили товары легкой промышленности (различные ткани, обувь, кожаные и текстильные изделия), товары культурно-бытового и хозяйственного назначения (часы, зеркала, стиральные машины, телефоны) и продовольственные товары (кондитерские изделия, мороженное, безалкогольные напитки). Полный перечень товаров перечислен в приложении №3 к постановлению «О реформе розничных цен и социальной защите населения» [12].

Данные законодательные акты работали не везде. Некоторые республики не подписали совместное «Соглашение СССР и республик по вопросам реформы розничных цен и социальной защиты» [7]. Более того, дополнительный «Протокол о некоторых мерах по реализации соглашения Союза ССР и республик по вопросам розничных цен и социальной защиты населения» [7] подписали только представители РФ, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана. Согласно этому протоколу создавался единый союзный республиканский фонд социальной поддержки населения для обеспечения компенсационных выплат. Фонд недополучил около 8,6 млрд. рублей, так как Литва, Молдова, Армения, Эстония и Латвия проигнорировали этот документ, а подписавшие республики Средней Азии являлись дотационными.

Расхождения в дальнейших действиях между союзными республиками и центром только ускоряли децентрализацию хозяйственных отношений. Некогда единые торговые связи в стране стали протекать по разным правилам. Так, например, в целях улучшения снабжения населения республики Совет Министров КАССР разрешил торговым предприятиям вести закупку продукции из Прибалтики по договорным розничным ценам [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5173. Л. 36]. Естественно они были выше фиксированных и регулируемых цен, утвержденных ранее Советом Министров РСФСР.

В 1991 году для поддержания уровня жизни отдельных групп населения, в первую очередь малообеспеченных семей, пенсионеров, инвалидов, необходимо было

регулярно проводить индексацию доходов с учетом роста цен на товары и услуги, составляющие основы минимальной потребительской корзины. В марте 1991 был проведен расчет и обоснование прожиточного минимума для населения Карельской АССР [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5159. Л. 82-86]. При расчете были учтены природно-климатические и экономические условия региона и вытекающие из них особенности. Основной единицей, на которую рассчитывалась минимальная потребительская корзина, стал трудоспособный взрослый мужчина. По Карелии прожиточный минимум для городского мужчины в трудоспособном возрасте на начало 1991 г. составил 187,31 руб. в месяц [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5159. Л. 88].

Еще одной важной социальной нормой стал закон Карельской АССР от 25 марта 1991 «О компенсациях и индексации денежных доходов населения с учетом изменения цен на потребительские товары и услуги» [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5159. Л. 101]. Данный закон предусматривал полное или частичное возмещение потерь в доходах, вызванных ростом цен на потребительские товары и услуги. Доходами, подлежащими индексации, являлись: заработная плата, пенсии, пособия, стипендии. Доходы граждан от собственности индексации не подлежали. Минимальной частью дохода для индексации становился минимальный потребительский бюджет, который устанавливался раз в год. Источником компенсационных выплат стали средства фонда стабилизации экономики, а также фонда социальной защиты и занятости населения. Республиканский фонд социальной защиты населения работал за счет бюджетных, внебюджетных средств и добровольных вкладов населения и трудовых коллективов. Из республиканского бюджета в указанный фонд было направлено 7 млн. рублей, предусматривалось также направить средства от увеличения наценки на водку, реализуемую на предприятиях общественного питания [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5159. Л. 136].

В июне 1991 года были подведены итоги правильности применения оптовых и розничных цен на товары народного потребления [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5219. Л. 38-43]. В проверке участвовало 362 предприятия, 344 из которых относились к предприятиям торговли и общественного питания. Как показали результаты проверки, многие нормативные акты, преysкурранты, инструктивные материалы из Госкомцен СССР и Комитета цен при Госэкономике РСФСР поступали несвоевременно, не полностью давали ответы на возникающие вопросы. Это приводило к различного рода нарушениям при переоценке товаров. Например, в Беломорском райпо неправомерно применялась торговая надбавка на товары, реализуемые по договорным ценам. Вместо разрешенной 20%-ой надбавки использовалась надбавка в размере 30%. Характерным нарушением дисциплины цен являлись попытки отдельных предприятий устанавливать самостоятельно цены на товары, на которые имелись фиксированные преysкуррантные цены. При проверке торгующих организаций было выявлено

но, что Петрозаводский радиозавод поставлял трехпрограммный радиоприемник «Сампо» по свободным ценам при наличии на него фиксированной розничной цены. Швейная фабрика «Северянка» и Пряжинская швейная фабрика поставляли торгующим организациям (а те соответственно перепродавали населению) постельное белье и ватные одеяла по свободным ценам, значительно превышающим фиксированные цены [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5219. Л. 41].

Большое недовольство среди населения вызывала деятельность кооперативов и коммерческих предприятий. Цены на товары в таких магазинах никем не контролировались, т.к. еще не было нормативных документов, которые позволяли бы поставить жесткие ограничения цен этой сфере. Коммерческие магазины торговали как отечественной, так и импортной продукцией. В Петрозаводске одними из первых и успешных коммерческих торговых предприятий были магазины «Руна», «Фламинго», «Лидер». Вот некоторые цены ассортимента одного из магазинов: итальянские женские сапоги – 600 руб., кожаный плащ пальто с воротником из ламы – 6000 руб., импортные детские кроссовки для ребёнка – 80 руб., пачка сигарет «Винстон» – 18 руб [5]. Монополизм новых фирм и большие доходы дискредитировали кооператоров в глазах населения. В Петрозаводске и других районах Карелии неоднократно регистрировались поджоги торговых киосков [3, с. 215].

Между тем, высокие цены были не только у кооператоров. Завышенные цены наблюдались даже на продукцию первой необходимости, реализуемую по талонам. В связи с этим свою крайнюю озабоченность выражали профсоюзы республики в своем открытом письме правительству Карелии: «На прилавках магазинов основные продовольственные товары под видом рыночных отношений реализуются в основном по договорным ценам. Так, пельмени продаются по 25 руб. за кг., куры – 31 руб., колбаса вареная – 59 руб., яйцо – 9 руб. за десяток и т.д. Трудящихся возмущает, что под видом договорных и коммерческих цен идет прямой обман и необоснованное изъятие средств из кармана потребителей» [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5219. Л. 99]. Ответ Правительства не заставил себя долго ждать [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5219. Л. 100]. Согласно распоряжению председателя Верховного Совета РСФСР и Председателя Совета Министров РСФСР от 6 июня 1991 года начиная с 15 июня 1991 года, сельскохозяйственные предприятия имели право до 30% продукции животноводства поставлять в счет объемов госзаказа по договорным ценам. Сделано это было в рамках поддержки агропромышленного комплекса в условиях перехода к рыночным отношениям. Правительство Республики Карелия длительное время сдерживало переход на применение договорных цен на эту часть продукции, пока имелась возможность её дотирования из бюджета. Но в ноябре 1991 г. за деньги на дотирование цен закончились.

Высокие цены на товары увеличили рост розничного товарооборота и объем реализации платных услуг. Страх перед ростом цен подтолкнул население скупать

все подряд. Рост расходов наблюдался почти по всем статьям семейного бюджета, особенно на покупку непродовольственных товаров и алкогольных напитков. Наиболее высокие темпы роста расходов были зафиксированы на строительные материалы, мебель и предметы домашнего обихода. Снизились по сравнению с 1989 г. только семейные расходы на культурно-бытовые нужды и накопления. При этом зарплаты, стипендии, пенсии постоянно росли. Однако заявлять о неуклонном повышении жизненного уровня за счет роста заработной платы никто тогда не мог. Повышение цен и зарплат не изменило соотношение спроса и предложения, оно лишь стабилизировалось на более высоком уровне. По данным республиканского управления статистики, средняя зарплата в Карелии в 1990 г. составила 306 р. В 1991 г. по программе индексации доходов прибавка к зарплате составляла в среднем 20% [6], в то время как сводный индекс фактических цен и тарифов на товары и услуги составил за отчетный период по отношению к уровню 1990 года 161 % [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5167. Л. 21]. С ростом государственных цен еще больший скачок совершили свободные цены в кооперативах и коммерческих предприятиях. Этот рост компенсировать никто не собирался.

В 1991 г. продолжалось поступление в оборот денег, не обеспеченных материальными ценностями, что усиливало разбалансированность потребительского рынка. При росте денежных доходов населения за январь – сентябрь 1991 г. т.г. на 82,3 %, объем промышленного производства в Карелии снизился на 4,3%, выпуск товаров народного потребления на 1,6 % [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5167. Л. 21]. Доходы населения росли, а отоварить эти деньги было нечем. Рубль стал терять свою ценность.

Основные направления политики ценообразования, принятые в 1991 году, не спасали ситуацию, т. к. кризис был достаточно глубоким. Рост цен стал опережать увеличение доходов населения. Платежеспособный спрос, а за ним и уровень производства сокращались.

3 декабря 1991 года вышел указ Президента РСФСР «О мерах по либерализации цен» [14]. Согласно указу, с 2 января 1992 начинался переход на свободные (рыночные) цены и тарифы. Регулируемые цены сохранились только на узкий круг продукции: полезные ископаемые, энергоресурсы, некоторые товары народного потребления (спички, соль, сахар). Порядок применения свободных (рыночных) цен и тарифов регулировало временное положение, вышедшее 23 декабря 1991 года [1].

Товары и услуги, реализовывавшиеся ранее по регулируемым ценам, требовали очередной инвентаризации и переоценки. В соответствии с постановлением Правительства РСФСР от 19 декабря 1991 года №56 «О проведении переоценки продукции и товаров в связи с либерализацией цен» [13] и постановлением Совета Министров Республики Карелия от 29 декабря 1991 года №351 [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5168. Л. 96] на территории Карелии до 2 января 1992 года должна была пройти масштабная переоценка товаров и услуг. Организацию переоценки товаров возглавили органы

исполнительной власти городов и районов. Ими были сформированы комиссии с участием народных депутатов, представителей общественных организаций, финансовых и налоговых служб, которые были обязаны осуществить переоценки в кратчайший срок, не допустив перебоев в работе торгующих организаций. Но учитывая, что постановление вышло 29 декабря, а закончить переоценку надо было до 2 января 1992 г., реализовать намеченный план не удалось. Поэтому многие магазины в новогодние праздники были закрыты.

Введение свободного ценообразования, при отсутствии конкуренции, могло привести к возникновению монопольной практики установления цен среди производителей. Немаловажным условием для успешной адаптации рыночных цен стала конкурентная среда, которая нуждалась в проведении административных антимонопольных мер. В феврале 1992 г. правительство Карелии решало вопрос об адаптации новой ценовой политики к антимонопольному законодательству, конкретно к Закону «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» от 22 марта 1991 года [2]. Согласно ему, хозяйствующим субъектам, занимающим доминирующее положение на рынке, запрещалось нарушать порядок ценообразования и устанавливать монопольно высокие (низкие) цены.

Если данный закон информировал об общих положениях антимонопольного характера: давал основные определения, раскрывал задачи, функции, полномочия антимонопольных органов, то положение Министерства экономики и финансов РФ от 29 декабря 1991 года «О порядке регулирования цен на продукцию предприятий-монополистов» уже строго регламентировало особые положения по ценообразованию для предприятий – монополистов [9].

Согласно положению предприятия-монополисты, ведущие хозяйственную деятельность на территории Российской Федерации, включались в специальный Государственный реестр. Формировал данный реестр Государственный комитет Российской Федерации по антимонопольной политике (ГКАП РФ). Предприятия – монополисты на местных рынках определялись местными органами самоуправления, которые, в свою очередь, вносили предложения в ГКАП для включения в реестр. В Карелии список предприятий сформировался благодаря работе глав местных администраций, анализирующих местные рынки, и республиканского Госкомитета по статистике, отправлявшим всю необходимую информацию Карельскому территориальному управлению ГКАП России.

Второй аспект положения раскрывал регулирование цен предприятий – монополистов. Если цены не входили в список регулируемых цен, то они свободно формировались производителем и продавцом, исходя из спроса и предложения. При каждом повышении цен на свою продукцию предприятие-монополист проходил процедуру декларирования. При декларировании цен предприятия представляли соответствующим органам ценообразования пакет необходимых документов,

обосновывающий повышение цены. Орган, которому декларировалось изменение цен, обязан был принять решение по представленным материалам не позднее чем в месячный срок. Функции по регулированию цен на продукцию предприятий-монополистов в Республике Карелия возлагались на Государственный комитет РК по экономике [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5314. Л. 62]. Таким образом, на выпускаемую продукцию хлебопекарной, молочной и рыбной промышленности включенные в реестр предприятий-монополистов применялись различные ограничители роста цен в соответствии с вышепредставленными нормативными документами, что позволило временно не допустить резкий скачок цен на жизненно важные продукты. Всего за 1992-1993 годы в реестр было включено 62 предприятия республики.

В 1992 году Советом Министров Республики Карелия было подготовлено и принято 19 постановлений и распоряжений по ценам и тарифам, рассмотрено 73 обращения мэрий городов и районов, предприятий, организаций и отдельных граждан, направлено на места 24 инструктивных письма. Стремление к удержанию цен подтолкнуло руководство Республики Карелия даже нарушить закон. Иначе чем объяснить постановление Совета Министров Республики Карелия от 10 июля 1992 года №280 «О размере торговой надбавки на молоко, кефир, хлеб и хлебобулочные изделия, мясо и продукты» [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5319. Л. 60], в котором правительство установило торговые надбавки на некоторые продовольственные товары в размере 15% для предприятий торговли и общественного питания независимо от форм собственности. После чего в Совет Министров РК и Верховный Совет РК стали поступать жалобы [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5381. Л. 145, 151, 155] от районных и городских администраций. Поводом для возмущения стала низкая процентная ставка торговой наценки. Исходя из расчётов рентабельности различных торговых предприятий, её необходимо было повысить. 4 августа 1992 года Петрозаводское потребительское городское общество подало искомое заявление в арбитражный суд Республики Карелия на Совет Министров [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5381. Л. 164]. Причина – нарушение законодательства, в частности указа «О коммерциализации деятельности предприятий торговли в РСФСР» от 25 ноября 1991 года. Совет Министров вынужден был пойти на уступки, установив 10 сентября 1992 года дифференцированные размеры торговых надбавок с учётом реальных затрат по доставке и реализации этих товаров. [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5381. Л. 177].

Итоги 1992 года показывают, что в Республике Карелия продолжался рост цен на продукты питания. С начала года они выросли в 25 раз. Всего же с момента либерализации (с апреля 1991 года) цены на продукты питания возросли в 52 раза. В декабре 1992 года в сравнении с декабрем 1991 года особенно большой рост цен имел место: на рыбопродукцию – в 61,2 раза, на молоко и молочную продукцию – в 54,6 раза, масло животное – в 43,8 раза, на макаронные изделия – в 67,5 раза, хлеб и хлебобулочные изделия – в 50, 8 раза. Более низ-

кими темпами росли цены на такие продукты, как картофель – в 16,7 раза, овощи – в 12,9 раза [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5534. Л. 33].

В таких условиях вопрос сдерживания цен и социальной защиты населения по-прежнему оставался актуальным. За счет средств республиканского и местных бюджетов на дотирование животноводческой продукции, ЖКХ, услуг пассажирского транспорта и ряда других услуг было выделено 19,4 млрд. руб., или в среднем по 24 тыс. руб. в расчете на одного жителя [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5534. Л. 106].

Другим способом экономического влияния на сдерживание роста цен являлось предоставление налоговых и иных льгот предприятиям и организациям, выпускающим товары. Частично этот способ использовали мэрии городов и районов Карелии в целях стимулирования развития социально значимых видов бытовых услуг населению и сдерживания роста цен на них [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5534. Л. 106].

30 августа 1993 года, согласно постановлению №287, при Совете Министров РК был образован комитет цен, что позволило усилить контроль за ценами [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5454. Л. 105-111]. Новый орган носил только контролирующую функцию и, в отличие от комитетов и отделов цен в СССР, не имел прямого влияния на процесс ценообразования. Условия диктовал теперь рынок.

В 1993 – начале 1994 года ситуация мало чем отличалась от 1992. Согласно отчету Государственного комитета РК по экономике, цены по-прежнему росли. Оптовые цены по промышленной продукции выросли в 9,5 раза, в т.ч. на стройматериалы в 12,9 раз, продукцию машиностроения в 11 раз, продукцию пищевой промышленности в 9,7 раза. Потребительские цены за год в среднем выросли в 10,3 раза, в том числе на продовольственные товары выросли в среднем в 7,8 раза, на непродовольственные – в 7,6 раза.

Темпы роста цен на разные категории товаров различались. На сахар цены за 1993 год выросли в 3,8 раза, т.к. рынок был насыщен им. Аналогичная ситуация

была с ценами на чай, крупу, бобовые. В то же время потребительские цены на мясо и птицу выросли в 12 раз, колбасные изделия в 10,4 раз, молочную продукцию в 11 раз. При этом высокими темпами росли цены на местные товары. Их уровень значительно превышал уровень цен на закупаемую за пределами республики продукцию. Закупочные цены на молоко в 1992 г. выросли в среднем в 5,3 раза, а в 1993 г. – в 10 раз [8. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 5625. Л. 141 - 142].

С момента проведения реформы уже прошел достаточный срок, чтобы охарактеризовать историческое значение этих преобразований. Либерализация цен в Карелии имела как положительные, так и отрицательные стороны. В целом эти результаты во многом совпадают с общероссийскими итогами.

К положительным сторонам можно отнести:

– **Товарное насыщение потребительского рынка.** Наряду с либерализацией торговли и внешнеэкономической деятельности рыночное ценообразование помогло преодолеть товарный дефицит.

– **Заложены основы свободного ценообразования.** Свободное ценообразование позволило войти на мировой рынок, внутренние цены на продукцию были аналогичны общемировым, что со временем реанимировало экономическую жизнь Карелии.

Отрицательные стороны:

– **Падение уровня жизни.** Чрезвычайно высокий рост цен явно не соответствовал платежеспособности населения. Товарный дефицит сменился денежным. Большинству населения приходилось экономить буквально на всем, что отразилось на падении общего уровня жизни.

– **Спад производства, ориентация региона на ресурсно-сырьевой сектор.** Либерализация цен и жесткая политика финансовой стабилизации бюджета не позволяли дотировать неконкурентоспособные предприятия, что приводило к массовому закрытию предприятий и сокращению объемов производства на ключевых предприятиях карельской промышленности. Рос уровень безработицы.

Библиографический список

1. Временное положение от 23.12.1991 года «О порядке применения свободных (рыночных) цен и тарифов на продукцию производственно-технического назначения, товары народного потребления и услуги. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ohranatruda.ru/ot_biblio/normativ/data_normativ/4/4862/index.php.
2. Закон РСФСР от 22.03.1991 года «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.advertology.ru/index.php?name=Subjects&pageid=357>.
3. История экономики Карелии: в 3 кн., Кн. 2, Экономика Карелии советского периода (1917–1991). Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. 244 с.
4. *Курило А.Е.* Социально-экономические преобразования в Республике Карелия (1990 – 2005). Петрозаводск: [б.и.], 2007. 320 с.
5. Ленинская правда (КАССР). 1990 г. №6.
6. Ленинская правда (КАССР). 1991 г. №56.
7. Ленинская правда (КАССР). 1991 г. №57.
8. Национальный архив Республики Карелия.
9. Положение Министерства экономики и финансов РФ от 29.12.1991 года «О порядке регулирования цен на продукцию предприятий-монополистов». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216/.
10. Постановление Совета Министров СССР от 12.11.1990. «О переходе к применению договорных розничных цен на отдельные виды товаров народного потребления» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=41500>.

11. Постановление Совета Министров РСФСР от 29.12.1990 «О переходе на новую систему оптовых цен и тарифов в РСФСР» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_383/doc383a328x381.htm.
12. Постановление Совета Министров СССР от 19.03.1991 «О реформе розничных цен и социальной защиты населения». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alppp.ru/law/trud-i-zanjatost-naselenija/trud/136/postanovlenie-kabineta-ministrov-sssr-ot-19-03-1991--105.html>.
13. Постановление Правительства РСФСР от 19.12.91 «О проведении переоценки продукции и товаров в связи с либерализацией цен». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zakonbase.ru/content/base/327>.
14. Указ Президента РСФСР от 3.12.1991 «О мерах по либерализации цен». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156>.
15. Экономические реформы в Республике Карелия: Состояние. Последствия. Перспективы. Петрозаводск: Фолиум. 1997. 203 с.

References

1. Temporary decree, dated 23.12.1991 «On application procedure of free (market) prices and tariffs for industrial products, consumer goods and services» - URL: http://www.ohranatruda.ru/ot_biblio/normativ/data_normativ/4/4862/index.php.
  2. Federal law of RSFSR, dated 22.03.1991. «On competition and restriction of monopolistic activity on commodity markets» – URL: <http://www.advertology.ru/index.php?name=Subjects&pageid=357>.
  3. History of Karelian economy: in 3 books, Bk.. 2 Karelian economy in soviet period (1917-1991). Petrozavodsk: PetroPress. 2005. 244 p.
  4. *Kurilo A.E.* The socio-economic changes in the Republic of Karelia (1990 - 2005). Petrozavodsk: [BI]. 2007. 320 p.
  5. The Lenin's true. 1990 №6.
  6. The Lenin's true. 1991 №56.
  7. The Lenin's true. 1991 №57.
  8. The National Archives of the Republic of Karelia.
  9. Decree of the Ministry of Economy and Finance of Russian Federation, dated 29.12.1991 «On order of price regulation on products of monopoly enterprises» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216/.
  10. Decree of USSR Government, dated 12.11.1990. «On the transition to the use of free retail prices for some types of consumer goods» – URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=41500>.
  11. Decree of RSFSR Government, dated 29.12.1990. «On the transition to the new system of wholesale prices and tariffs in RSFSR» – URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_383/doc383a328x381.htm.
  12. Decree of USSR Government, dated 19.03.1991. «On reform of retail prices and social protection of population» – URL: <http://www.alppp.ru/law/trud-i-zanjatost-naselenija/trud/136/postanovlenie-kabineta-ministrov-sssr-ot-19-03-1991--105.html>.
  13. Decree of RSFSR Government, dated 19.12.1991 «On revaluation of goods because of price liberalization» – URL: <http://zakonbase.ru/content/base/327>.
  14. Decree of RSFSR President, dated 12.03.1991 “On measures for the price liberalization” – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156>.
  15. Economic reforms in the Republic of Karelia: Status. Effects. Prospects. Petrozavodsk: Folium. 1997. 203 p.
-

М.В. КОВАЛЕВА

кандидат исторических наук, кафедра социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Мценский филиал)

M.V. KOVALEVA

Candidate of History, Department of social-humanities and psychology-pedagogical disciplines, Orel State University named after I.S. Turgenev (Mtsensk branch)

**ПОГРАНИЧНАЯ КРЕПОСТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО: МЦЕНСК В XIV-XV ВЕКАХ.
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ**

**BORDER FORTRESS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA: MTSENSK IN THE 14TH-15TH CENTURIES.
POLITICAL AND CULTURAL ASPECT**

Статья рассказывает о Мценске – пограничной крепости Великого княжества Литовского в XIV-XV веках. Жизнь жителей Мценска была полна опасностей. Им приходилось отбиваться от набегов татар, выстраивать сложные отношения с соседними русскими княжествами. В статье описаны обстоятельства, которые привели крепость к вхождению в состав Московского государства. В статье впервые представлены все последние сведения по данному вопросу.

Ключевые слова: история Литвы, отношения Великого княжества литовского и Московского государства в XIV-XV веках, культурное влияние Великого княжества Литовского.

The article is devoted to Mtsensk – the border fortress of the Grand Duchy of Lithuania in XIV-XV centuries. The life of the inhabitants of Mtsensk was full of dangers. They had to defend off the attacks of Tatars, to build a complex relationship with the neighboring Russian principalities. The article describes the circumstances that led to the fortress entry into the Moscow state. This article first summarizes all the latest information on this problem.

Keywords: history of Lithuania, the relations of the Grand Duchy of Lithuania and Muscovy in the XIV-XV centuries, the cultural influence of the Grand Duchy of Lithuania.

Точно установить год, когда пограничный город-крепость, стоявший на р. Зуше, правом притоке р. Оки, оказался под властью Литвы, пока не удалось. Известный русский историк М.К. Любавский относил эту дату к 1407–1408 гг., однако М.Н. Тихомиров указывал, что это предположительная дата, поскольку литовцы начали проникать в соседние с Мценском земли намного раньше. Учёный отмечал, что Мценск назван литовским городом в историческом источнике, известном под названием «Списка русских городов», возникновение которого М.Н. Тихомиров относил к промежутку между 1387 и 1392 годами [22]. Как литовский город Мценск упоминается в жалобе великого князя литовского, обращенной к патриарху Филофею в 1371 году. В ней указывается, что московский князь захватил принадлежащие литовскому князю Новосильское княжество, Мценск, Ржев, Великие Луки и другие владения [23, с.13].

Великое княжество Литовское занимало территорию от Чёрного до Балтийского морей. Его восточные границы достигали рек Оки и Угры. Мценск в его составе был господарским городом, то есть он принадлежал самому великому князю. Правил в нём воевода-наместник. Все мценские воеводы-наместники были православными. «Город на Оке имел стратегическое значение, прикрывая собой литовские и московские владения. Мценск содержал охранное войско в крепости, предназначенное для наблюдения за татарами. Сам воевода был в те

времена, как и московский тысяцкий, и швец, и жнец, и на дуде игрец. Он являлся посадником, то есть единственным правителем, ведавшим всеми вопросами городского управления, вплоть до судебных», – пишет о Мценске того времени Вадим Дементьев [2].

«Связь великокняжеской власти с населением Мценска и Путивля ограничивалась, по существу, (...) контактами с местным боярством: сохранились единичные упоминания о челобитных нескольких мценских и путивльских бояр с просьбой о подтверждении владельческих прав на имения», – указывает М.М. Кром. При этом челобитные от мещан или городской общины в целом отсутствуют [9, с.163].

Великое княжество Литовское являлось поликонфессиональным государством. Уже к концу первой трети XV в. в нём главной религией стал католицизм, однако присутствовало и многочисленное православное население. В ряде районов сохранялись пережитки язычества. К одному из таких мест принадлежала Мценская земля. Ещё в XIX в. в соборной Николаевской церкви хранился свиток с записью о крещении амчан в 1415 г. В нём говорилось о том, что в годы правления московского князя Василия Дмитриевича (1371 – 1425), старшего сына Дмитрия Донского, в Мценске было «мнози неверующи во Христа Бога нашего». Тогда московский князь отправил под его стены большое войско с пресвитером от митрополита Фотия. Сначала жите-

ли заперлись в городе и оказали сопротивление, но некоторые из них захворали болезнью глаз: «Живущие мецняне устрашишася, и ратоваша на них, и одержима быша слепотою». Несколько знатных амчан поддались на уговоры и согласились креститься, после чего, согласно записи, выздоровели. Благоприятным знаком была сочтена находка некогда спрятанных в тайник и считавшихся утраченными каменного креста и изображения святителя Николая, принадлежавших святому Кукше, погибшему в этих местах во время проповеди христианства в XII в.: «Десятой недели по Пасци, в пяток, прием Святое Крещение Мецняне Ходона, Юшинка и Закий, и прозреша, и обретоша Крест Господень, яко камень изсечён, и образ Святителя Николая, яко воин в руце имущее святой ковчег, в коем имат залог тела и крови Господня». Узнав о чудесном исцелении, стали креститься и другие горожане. В Мценск потянулись жители окрестностей. В нём была построена церковь [11, с.161].

Трудно сказать, почему Василий Дмитриевич вдруг озаботился судьбой мценских язычников, тем более, что вряд ли христианство могло полностью исчезнуть из местной жизни после распространения в XII веке. Не исключено, что без сурового надзора со стороны государства местные жители могли допускать какие-то отступления от него. Возможно также, что поход был способом отомстить литовскому князю Витовту, вмешавшемуся в его дела. Возможно, князь воспринимал свой поступок как богоугодное дело, которое должно было ему зачесться, как подвиг веры, своеобразный «крестовый поход».

1422 год выдался голодным: «В лето 6930 гладь бысть великъ по всей Руской земли и по Новгородской и мнози людие помроша з голоду, а инии из Руси в Литовское выидоша, инии же на поутехъ съ глада и съ стоудена помроша, бе бо и зима стоудена, инии же мертвья скоты ядыху и кони и пси и кошки и люди людей ядоша, а в Новегороде мертвяхъ три скоуделници наметаша», – сообщает Типографская летопись [21, с.181]. Осенью татарский хан Барак при нападении на город Одоев, захватил множество пленных. Одоевский князь при помощи мценского воеводы-наместника Григория Протасьева отбил и освободил пленных: «Того же месяца 11 царь Баракъ побил Коуидодта, а на осень прииде ко Одоеву ратию и отъиде, города не возьмъ, а зло оучинивъ и отъиде с полономъ в поле, и князь Юрьи Рамановичъ Одуевский да Григорей Мценский, достигъ его, били и полонъ отъимали» [21, с.182].

Григорий Протасьев был потомком Луки Протасьева, приближённого князя Ивана Калиты. Он был рекомендован Витовту I московским князем Василием I.

В 1424 году мценский наместник совместно с одоевским князем и другими князьями участвовал в разгроме хана Куйдадата. Одна из попавших в плен жён хана была отправлена в Литву к Витовту, а вторая – к московскому князю Василию.

В 1430 году под стены Мценска пришёл хан Айдар, но, простояв под стенами три недели, не смог взять го-

род. Тогда, дав ложную клятву, он выманил из Мценска наместника Григория Протасьева и, обманом захватив его в плен, увёл в Орду, к хану Улуг-Мухаммеду. Последний, однако, не одобрил его действий, так как Литва была союзником Орды, и, почтив Григория подарками, отпустил его на свободу. Никоновская летопись так описывает это событие: «Князь Ординский Айдар воевал землю литовскую и прииде под град Мченск и стоял под ним три недели и града не взял, бяше бо тамо Григорей Протасьев. Айдар же Григорию дал роту (клятву) по своей вере; он же и няв тому веру, выйде к нему из града: Айдар же веде его с собою в Орду ко царю Махметю (Улуг- Мухаммеду). Царь же Махмет поругаса Айдару и не похвали его о том, и почтив Григория, отпусти его с честью и дары на Русь» [14, с.9]. В. Дементьев указывает, что этот «факт истории подтверждается и в одном из писем 1431 г. великого князя литовского Свидригайло, ставшего преемником Витовта. Свидригайло сообщал о послании к нему Улуг-Мухаммеда, где тот говорит об освобождении из плена Григория Протасьева» [2].

16 марта 1436 года великий литовский князь Свидригайло (1370 – 1452), обращаясь в письме к гроссмейстеру Тевтонского ордена, пожаловался, что враги распустили слухи о его смерти, в результате чего мценский воевода Григорий Протасьев отступился от него вместе со многими другими городами в его русских владениях, но когда истина выяснилась, то он вторично принёс клятву верности. 1 апреля в другом письме Свидригайло писал: «Все крепости, города, уезды и прочия в Русской земле находящиеся владения наши... изменою и возмущение Григория, иначе Протасия, и Григория, прежде бывшего воеводы смоленского, отклонились и отторглись от престола нашего, с помощью божиею снова возвращены» [15, с.42-43].

В том же году хан Орды Улуг-Мухаммед был свергнут с престола. Дойдя до границ Московского княжества, он попросил князя Василия Васильевича позволить ему укрыться в пределах Руси. Улуг-Мухаммед рассчитывал, что московский князь вспомнит, как шесть лет назад он разрешил династический спор Василия Васильевича с князем Юрием Дмитриевичем Звенигородским на право обладания московским княжеским престолом в его пользу. Великий князь не возражал. Улуг-Мухаммед, прибыв под Белёв, «постави себе город на реце на Белёве от хвастия себе исплет и снегом посыпа (из хвороста себе сплёл и снегом засыпал), и водою поли, и смерзеса крепко, и хоть зиму зимовати» [18, с.70]. Белёв формально принадлежал Литве, но его князья хотели перейти на службу к Москве. Сначала московский князь подтвердил прежние дружеские отношения, но когда к Улуг-Мухаммеду стали стекаться сторонники, белёвские князья забеспокоились и попросили его о помощи: «Василий II оказался в сложном положении: с одной стороны, он находился в дружбе с Улуг-Мухаммедом, с другой – стремился укрепить свою власть над Белёвом. В конце концов великий князь решил, что хан со своим небольшим войском не может

быть ни ценным союзником, ни опасным врагом и направил ему послание, в котором требовал покинуть пределы Белёвского княжества» [16, с.206-207].

Василий II послал против Улуг-Мухаммеда своих двоюродных братьев Дмитрия Юрьевича Шемяку и Дмитрия Юрьевича Красного. По дороге братья обращались с местным населением словно завоеватели: «Идущим же им к Белёву, всё пограбиша у своего же православного христьянства и мучаху людей из добытка, и животину бьющее, и назад себе отсылаху, а ни с чим же не разоидяхуся, всё грабяху и неподобная и скверная деяху» [3, С.192-193].

4 декабря войско, посланное великим князем, подошло к Белёву. Ордынский царь готов был пойти на любые условия, лишь бы разойтись миром, но всё было напрасно. Наутро русские полки подошли к ледяной крепости. Татары вышли им навстречу. В начавшейся битве татары проиграли и были загнаны обратно. Погибли зять Улуг-Мухаммеда, а также князь Пётр Кузьминский и Семён Волянец, в пылу боя ворвавшиеся в ледяную крепость.

Наутро Улуг-Мухаммед послал на переговоры своего зятя Ельбердея и двух князей. Он обещал дать в заложники своего сына, а его князя – своих детей. Клялся, что если будет на царстве, то не тронет русских границ и не станет брать дань. Мценский воевода Григорий Протасьев стал склонять московских воевод к миру: «Князь великий прислал ко мне, битись со царём не велел, а велел мириться и полки руступити». Князя, полагаясь на численное превосходство, решили биться.

Ночью Григорий послал гонца к Улуг-Мухаммеду и велел: «Чтобы еси утре на рать великого князя пришёл». Утром 5 декабря был туман. Улуг-Мухаммед, используя внезапность, пробился сквозь русское войско, нанеся ему большой урон: «И царь пришед и силу великого князя прибил, а стражи руския не видали. А Григорий Протасьев наперёд всех прибежал, а татарове секучи погнаша и убили руси добре много, а тотаровя все целы» [20, с.43].

Вологодско-пермский летописец объясняет, что князя Шемяка и Красный проиграли бой численно меньшему войску татар, потому что обижали по дороге христиан. Летописец Второй Софийской летописи полагал, что причиной погрома было то, что татары смиренно просили мира, а князя возгордились и не проявили мудрости. Все русские летописи обвиняют Григория Протасьева в том, что он перешёл на сторону татар и предал московского князя.

«Но спросим, чем было вызвано такое поведение мценского воеводы, который до 1437 г. был «храбрым» и «мужественным» и вдруг в одночасье стал трусливым и подлым?» – задаётся вопросом В. Дементьев.

А. А. Зимин считает, что Протасьев руководствовался мыслью о необходимости сохранить мир с пусть даже лишённым власти ордынским царём ради безопасности Мценска, часто страдавшего от набегов [5, с.81-82].

Сам В. Дементьев рассуждает так: «В сущности, в Белеве он был поставлен перед трудным выбором:

или отблагодарить Улу-Мухаммеда за проявленное к нему когда-то благородство, или вероломно захватить его (а может, и убить?) вместе с разбойными отрядами Дмитрия Шемяки. Вероятно, после долгих раздумий Протасьев выбрал первый путь. Также предположу, что делал он это тайно, и какое-то время о его предательстве (чем бы оно ни оправдывалось, таковым оно, по сути своей, все-таки являлось) никто не знал. Иначе Григорий Протасьев не вернулся бы на родину около 1438 г., да еще со многими своими людьми, как пишет летописец, то есть со своей дружиной. Этим объясняется отсутствие имени Григория Протасьева в официальной летописи при рассказе о том злополучном сражении. Еще не было произведено дознание...»[2].

И.Г. Пономарёва, напротив, считает, что Василий II знал о поведении Григория, но отсрочил наказание, потому что «можно предположить, что мценский воевода оказал Василию II ряд услуг, связанных с реализацией устремлений Москвы, направленных на укрепление связей с верховскими княжествами, в частности с Новосильско-Одоевским княжеством». [15, с.44] Во всяком случае, Григорий по велению Василия II вернулся в Московское княжество. Среди его людей находились и жители Мценска Константин и Фёкла, родители будущего святого Даниила Переяславского.

В 1439 году, когда Улуг-Мухаммед пришёл под стены Москвы, Василий II захватил Григория Протасьева и ослепил.

В 1999 году Онежско-Сухонской экспедицией Института археологии Академии наук под руководством Н.А. Макарова в кубеноозерской деревне Минино Вологодской области была найдена в устье реки Ельмы каменная именная печать Григория Протасьева. Потеря печати была связана с печальным событием в жизни семьи воеводы. Зимой 1439/1440 г. сын Григория, Иван, с двумя товарищами отправился в свою вотчину – Лузу. На обратном пути, когда они плыли по Кубенскому озеру, разыгралась трагедия. Фёдор Блудов, бывший литовский воевода, затеял ссору, убил одного из товарищей, а Ивана Протасьева выбросил за борт: «Тое же весны Федко Блудов Сука Василья убил да Ивана Григорьевича Протасьева утопил. Того же лета и самого Федка, поймав, повесили на Коломне на осокори», – сообщает Ермолинская летопись.[4, с.150] Вместе с Иваном Протасьевым на дне озера оказалась и печать, которую вынесло на берег 550 лет спустя.

В 1480 г. великий московский князь Иван III поссорился с братьями, которые, покинув свои уделы, направились со своими людьми к литовской границе. Хан Большой орды Ахмат, рассчитывая на помощь великого князя литовского и польского короля Казимира IV (1427–1492), двинулся вдоль реки Оки к её верховьям, то есть в литовские земли, чтобы объединиться с литовскими войсками. Он прошёл мимо Мценска, Любутска и Одоева, встав возле Воротынского лагерем. Не дождавшись союзника, Ахмат с Ордой встал на одном берегу реки Угры, на противоположной стороне которой находилось московское войско: «И ста царь Ахман на брезе

на Угре на другой стране противу великого князя, и начаша наших стреляти, и наши на них» [12, с.338].

Между тем, первоначально благоприятная политическая обстановка для Ахмата изменилась. Казимир не явился, так как на его земли напал союзник Ивана III крымский хан Менгли-Гирей. Нападения немцев на Псков были отбиты. Князь помирился с братьями. Опасность, нависшая над Москвой, сплотила вокруг него население. Наступили холода, Угра начала покрываться льдом. Ахмат не решился на продолжение похода и поспешно отошёл от Угры. «А стоял на Угре 10 день, а всего в Литовской земле стоял 6 недель, а градов литовских пленил: Мценск, Белёв, Одоев, Перемышль, два Воротынска, старой да новой, два Залидовы, старой да новой, Опаков, Серенск, Мезыск, Козелеск. А всех градов плени 12, милостью божию не взя, а волости все плени и полон вывел», – добавляет Вологодско-пермская летопись [3, с.273]. Отступая, Ахмат вновь прошёл мимо Мценска и Серенска: «Царь же бежа, никимже гоним, по Литовской земле по королеве державе, воюя его землю за измену». В том же году некий татарский царевич «хоте за Окою имати украину», но московский князь послал против него двух братьев, и татары отступили [12, с.346].

Мценск имел напряжённые отношения со своим соседом – Рязанским княжеством. Под 1456 г. летописные источники упоминают о том, как весной рязанские люди войной под Мценск пришли, «место выжгли, сёла повоевали, много шкод наделали» [13, С.28]. В июле 1497 г. московский посол Д. Загряжский при вручении грамоты Ивана III литовскому князю Александру упоминает о жалобе рязанского князя Ивана на «мченян и на рылян, и на путивлян, и на иных украинников», которые «много лиха» принесли татьбой, разбоями, наездами, грабежами великими и уводом людей и скота [10].

После 1480 года город Мценск, как и некоторые другие литовские крепости, стал ощущать давление со стороны Москвы. В 1486 г. по просьбе мценского и любутского наместника в Москву и Рязань были посланы литовские послы с жалобами на набеги со стороны русских земель. В 1488 г. протест мценского наместника был подан снова. Сохранились жалобы на нападения со стороны людей из московского княжества со стороны как жителей Мценска в целом, так и мценских бояр. Не оставались в долгу и мценские жители. Жалобы на наезды со стороны амчан с московской стороны отмечаются за 1473 год [9, с.196-197]. В мае 1492 г. московский посол Иван Нититич Беклемишев должен был передать великому князю литовскому и королю польскому Казимиру: «Тому два года будут ограбили сторожей...мецняне...и грабежу взяли коней и доспехов и мелкой рухляди на семьдесят рублёв...пограбили и пересекли сторожей великого князя, на Допце, которые ездили в Орду... и грабежу взяли на полтораста рублёв...». В другом документе в сжатом виде жалоба выглядела так: «Летось и сего лета ездили наши люди на Поле. Оберегати христианства от бесурменства; ехав на них твои (короля Казимира) люди изо Мценска и изо

Брянска и из иных мест...тех наших людей побили и пограбили...» «А летось тому год будет, ограбили сторожей Олексинцев... Мецняне же...» [1, с.5]. Жалоба не дошла до Казимира из-за смерти адресата. Великий князь московский Иван III (1440 – 1505) не стал больше тратить время на письма.

В августе 1492 года великий он послал воеводу Фёдора Телепня – Оболенского «с силою ратною на град Мченск за их неправду, и град Мченск взяша, и землю повоеваша, и воеводу их Бориса Семёнова сына Александра изымаша и иных многих, и приведоша их на Москву» [17, с.363]. Общее число пленных составило 1500 человек [9, с.197].

В 1493 году «великий князь посла воевод своих: князя Михаила Ивановича Колышкю и князя Александра Васильевича Оболенского и прочих воевод со мною силою в Литовскую землю. Они же, шедше, град Мченск взяша, села повоеваша, Серпеск же и Опаков огнём сожгоша и заставу Литовскую великого князя Александрову и земьских больших людей, и изымав, пришед на Москву» [6, с.553]. Мценские жители не смогли оказать достойного сопротивления из-за внезапности нападения. Московский князь объяснял свою акцию наказанием амчан за набеги на его земли. Их освобождение он связывал с рядом условий, которые должна была выполнить литовская сторона: возмещение ущерба, нанесённого московской стороне, отпуск пленных и другие [9, с.198].

Литовская «Хроника Быховца» так описывает эти события: «В том же году зимой начал воевать великий князь московский Иван Васильевич с Великим княжеством Литовским и взял город Вязьму и иных городов немало, Хлепен, Мещевск, Любутск, Мценск, Серпейск, волостей же множество. Видя то, великий князь Александр литовский и паны-рада его Великого княжества Литовского, как великий князь московский, забыв договоры и крестное целование, заключенные с отцом его королем Казимиром, пошел против него войной и забрал немало городов и волостей, ему же в то время, только став государем, воевать с ним было трудно. И послал к нему послов своих, воеводу трокского маршала земского пана Петра Яновича, пана трокского старосту жемайтского пана Станислава Яновича, маршала пана Войтеха Яновича писаря, пана Федька Григорьевича; они же поехали в Москву к великому князю Ивану Васильевичу и заключили с ним вечный мир и договор и целовали крест за себя и за детей своих, и договорились, что дочь его великая княжна Елена будет женой великого князя Александра» [24, с.62].

По мирному договору 5 февраля 1494 город Мценск был возвращён Литве. Однако уже в августе того же года жители Мценска жаловались на Белёвских и Одоевских князей, сторонников Москвы, которые «многие побили, а иных и до смерти позабывали». В 1495 и 1496 годах литовский посол снова потребовал, чтобы московские власти разобрались с нападениями «многих людей» из Белёва, бесчинствовавших в мценских волостях. В начале лета 1498 г. «князи Белёвский прислали многии

люди войною, в зброях, к Мценску, и тыи их люди города добывали; и отступивши от стены, что было животов и остатков у бояр и людей... по сёлам, то всё разграбили и дватцать человек до смерти забили» [9, с.202].

Мценские жители по-прежнему продолжали считать себя подданными великого литовского князя и не собирались спускать обиды. В 1497 и 1498 гг. московская сторона жаловалась на их ответные набеги. Было очевидно, что развязка в борьбе Литвы и Москвы за Мценск близка.

В апреле 1500 г. литовское посольство выразило протест против принятия в свое подданство «бояр наших мценских с землями и с водами и с людьми – с нашей отчиною». Иван III заявил в ответ, что якобы они сами приехали из-за религиозных притеснений. Однако, как отмечает современный историк М.М. Кром, религиозных притеснений в данной местности не наблюдалось. Причину он видит в двух набегах московских войск, которые, как видно из более полного текста речей литовского посольства от 28 февраля 1500 г., произошли в промежутке между сентябрём-декабрём 1499 г. и январём-февралём 1500 г. В результате первого набега московское войско вошло в город и изъяло пушки и пищали. В результате второго набега захватчики остались в городе. Тогда-то местные бояре и решили присягнуть московскому князю. Вероятно, в набегах участвовали те же самые люди, что терроризировали город с начала 1490-х гг., потому что после перехода Мценска под власть Москвы в сентябре 1500 г. «к великому князю пришла весть из Мценска от князя Ивана от Белевского...» [9, с.200 - 202].

Как указывает М.М. Кром, до 1498 г. нет никаких сведений о том, что, оказавшись в плену, мценские бояре хотя бы раз перешли на сторону Москвы. Однако под влиянием непрерывного давления с 1499 г. в их рядах начался раскол. В этом году в Московское княжество бежал боярин Сенька Бунаков. В 1500 г., когда город был захвачен, мценские бояре присягнули великому князю московскому. На настоящий момент не известно ни одного факта, что кто-то из них после этого отъехал в Литву. Все они остались на родине. М.М. Кром считает, что причиной этого стала слабая связь Мценска с двором великого князя литовского [9, с.230-231].

25 марта 1503 года было подписано Благовещенское перемирие, по которому Московское княжество от Великого княжества Литовского одну треть его территории, охватывающей верховья Оки и Днепра, с 19 рубежными городами.

Оставаясь более ста лет в составе Великого княжества Литовского, жители Мценска не могли жить полностью изолированной жизнью от населения остальной части государства. Очевидно, что ощущая военное давление соседей и также совершая организованные силовые действия против них, амчане осознавали себя как силу, которая идентифицировалась с Великим княжеством и противопоставляла себя жителям Рязанского, Белёвского, Московского княжеств. Бумажные документы, которые, несомненно, имелись в Мценской крепо-

сти, не сохранились. Но не осталось ли каких-то следов в фольклоре? Конечно, этого трудно ожидать, имея в виду беспокойную обстановку на границе, почти полную смену населения, которая несколько раз проходила с тех пор в этих местах, но, тем не менее, две слабые ниточки всё же, как нам кажется, есть. Только в Мценском районе зафиксирована сказка «Уж, уж, ты мой муж...», которая сюжетно совпадает с наиболее известной сказкой литовского фольклора «Ель (Эгле) – королева ужей». В ней рассказывается о девушке из многодетной семьи, которая, отправившись купаться, обнаружила по возвращении на своей одежде ужа и была вынуждена дать ему слово выйти за него замуж. Родные девушки Эгле всеми силами противятся сватовству, но их сестре приходится сдерживать обещание. Она узнаёт, что её муж, король ужей, живёт под водой в прекрасном дворце и принимает человеческий облик. Эгле живёт счастливо, становится матерью троих детей, но однажды вспоминает о родных. У неё возникает желание встретиться с ними. Муж её всячески противится этому, но жена преодолевает его сопротивление. Эгле получает разрешение пойти в гости, но в назначенный час она должна вернуться и прочесть заклинание на берегу моря, чтобы вызвать мужа. Родные рады возвращению сестры. Они не хотят потерять её снова, а потому угрозами заставляют дочь Эгле выдать им, как мать должна вернуться к мужу. Братья Эгле идут на берег морской, вызывают короля ужей и убивают его. Узнав об этом, их сестра с горя превращается в ель, а своих детей превращает в деревья.

Иноземный характер сюжета мценской сказки даёт восприятие змеи, ужа, в качестве положительного образа. В русских сказках змей или змея, как правило, существо злобное и отвратительное. У нас сразу возникает ассоциация с Змеем-горынычем, который похищает царевну, и этой царевне даже не приходит в голову, что они могут ужиться. В старых былинах, если у змея и царевны рождается сын, то мать растит из него мстителя за себя, который должен уничтожить змея-отца. В более поздней орловской сказке «Что девка, что баба – всё змея» рассказывается зеркальный сюжет о мужчине, взявшем в жёны женщину-змею. Однажды, рассорившись с мужем, жена-змея убивает их совместных детей, уничтожает имущество и, приняв свой змеиный облик, уползает в лес.

Мценская сказка, если сопоставить её с литовским прообразом, лишилась ряда архаических деталей сюжета, привязала его к конкретным местам города, усвоила некоторые слова из лексикона более позднего времени. Её героиня Аннушка, единственное дитя у матери, в начале сказки идёт по стопам Эгле. Она тоже находит ужа на своей рубашке после купания и даёт ему слово выйти замуж. Однако когда за ней прибывает множество ужей и силой уводит из дома, за неё некому заступиться.

В мценской сказке от королевского достоинства ужа остаётся лишь намёк о том, что остальные ужи действуют по его приказу. Нет ни слова о его хоромах, однако когда Аннушка гуляет с детьми по берегу возле воды, она

одета как «барыня». Дети уже имеют человеческий облик, поэтому вероятно, что ранее подразумевалось, что и он может обернуться человеком. Во всяком случае, ненависти героиня к нему не испытывает. Счастье Аннушки неполное, потому что она никогда не забывает о матери. Когда она просит о свидании, уж соглашается без малейших условий. Аннушке даётся половина дня, после чего она должна вернуться к мужу и вызвать его заклинанием на берегу реки Зуши. В заклинании нет предчувствия, как в литовской сказке, что свидание жены с родными может закончиться для него трагически.

Аннушка сама доверчиво сообщает матери заклинание, которым должна вызвать мужа.

Подобно братьям Эгле, мать, не желая потерять дочь, отправляется на берег, вызывает ужа и убивает его, а затем возвращается, ничего не говоря Аннушке. Героиня сама находит убитого мужа и в горе превращает своих детей в крапивницу и соловья, а сама превращается в птицу-вдовушку – кукушку.

Сюжет мценской сказки теряет эпический размах. Мораль её проще и ближе к жизни: неразумие матери

сломало жизнь дочери, потому что она оценила зятя по внешнему облику, а не по тому, как он обходился со своей женой.

Другую легенду, связанную с упоминанием литовцев, можно было услышать от разных жителей нашего города ещё в 1980-е гг. Показывая на гору Самород, они рассказывали о том, что там стоял замок литовского князя Александра. Когда город осадили московские войска, жители отчаянно сопротивлялись, но однажды они проснулись, а князь безвестно исчез. Они упали духом и сдали город.

Конечно, никакого литовского князя Александра в Мценской крепости никогда не было, хотя город действительно несколько раз брался штурмом в процессе присоединения его к Московскому княжеству. А вот великого литовского князя, который последним владел Мценском и не подал городу помощи, действительно звали Александр. Вероятно, в этой легенде отразился приговор, который вынесли князю местные жители, когда, не дождавшись помощи, приняли присягу московскому государю [7, с.378].

Библиографический список

1. Алексеев Ю.Г. Первый шаг. Литовская война 1492–1493 гг. Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер.2, вып.2. С.3-14.
2. Дементьев В. Печать Протасьева. В кн. Дементьев В. Свет малой родины. Отчина и дедина. М, 2008 . Режим доступа: www.booksite.ru/fulltext/otch/inai/ded/ina/index.htm
3. Вологодско-Пермская летопись. // Полное собрание Русских летописей. Т.26. М. Л., 1959.
4. Ермолинская летопись. // Полное собрание русских летописей. Т.23. СПб, 1910.
5. Зимин А.А. Витязь на распутье. М, 1991.
6. Книга степенная царского родословия. // Полное собрание русских летописей. Т.21. Ч.2. Спб., 1913.
7. Ковалева М.В. Истории о чарах и старых временах в Мценском районе. // Булгаковские чтения. V Всероссийская научная конференция с международным участием. Орёл, 2011. С. 377-383.
8. Ковалева М.В. След Литвы на Мценской земле. // Булгаковские чтения. VIII Всероссийская научная конференция с международным участием. Сборник научных статей. Орёл, 2015. С.204-212.
9. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV - первой трети XVI в. М., 2010.
10. Курский край в 13 – 16 вв. // Курский край в истории Отечества. Под ред. Л.С.Полнера. Курск, 1996. Режим доступа: www.old.kurskcity.ru
11. Легенда о крещении мценян в 1415 г. //Русская вивлиофика. СПб, 1833.
12. Львовская летопись. Полное собрание русских летописей. Т.20. Ч.1. СПб, 1910.
13. Макашов А. В центре России. Орёл, 1994.
14. Патриаршая или Никоновская летопись. //Полное собрание русских летописей. Т.12. СПб, 1901.
15. Пономарёва Н.Г. История одного выезда на московскую службу (о предках Чаадаевых)// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. №4. С.41-50.
16. Почкаев Р.Ю. Цари Ордынские. СПб, 2010.
17. Сокращённый летописный свод 1495 г. Полное собрание русских летописей. Т.27. М. Л., 1962.
18. Софийская вторая летопись.//Полное собрание русских летописей. Т.6. Вып.2. М., 2001.
19. Уж, уж, ты мой муж...// Р. Масленникова. Живое слово. Хрестоматия. Региональный курс. Орел. 20007. С.113 – 115.
20. Устюжская летопись. // Полное собрание русских летописей. Т.37. Л., 1982.
21. Типографская летопись. // Полное собрание русских летописей. Т.24. Пг, 1921.
22. Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних. // Исторические записки. М., 1952. Т. 40. С. 214-259. Режим доступа: <http://www.litopys.org.ua/rizne/spysok/spys04.htm>
23. Тишин П.П. Белёв. Тула, 1981.
24. Хроника Быховца. М.: Наука, 1966. С.106.

References

1. *Alekseev Y.G.* First step. Lithuanian War 1492 - 1493. Bulletin of St. Petersburg State University. Ser.2, № 2. 2006. Pp. 3-14.
  2. *Dementyev V.* The Seal of Protasiev. In Dementyev V. The Light' of the birthplace. The land of fathers and grandfathers. M., 2008. Access mode: www.booksite.ru/fulltext/otch/inai/ded/ina/index.htm
  3. Vologda and Perm chronicle. Complete Collection of Russian Chronicles. V.26. M. L., 1959.
  4. Ermolinskaya chronicle. Complete collection of Russian Chronicles. V. 23. SPb., 1910.
  5. *Zimin A.A.* The knight at the Crossroads. M., 1991
  6. The book of degrees of the Royal genealogy. Complete collection of Russian Chronicles. V. 21. Part 2. SPb, 1913.
  7. *Kovaleva M. V.* History about spells and old times in Mtsensk district. Bulgakov reading. The Vth scientific conference with international participation. Orel, 2011. Pp. 377 - 383.
  8. *Kovaleva M. V.* Lithuanian trace on Mtsensk soil. Bulgakov reading. The VIIIth scientific conference with international participation. Collection of scientific articles. Orel, 2015. Pp. 204-212.
  9. *Kromm M.M.* Between Russia and Lithuania. Border land in the Russian-Lithuanian relations in the late XV - the first third of the XVI centuries. M, 2010.
  10. Kursk region in the 13th - 16th centuries. Kursk region in the history of the Fatherland. Ed. L.S.Polner. Kursk, 1996. Access mode: www.old.kurskcity.ru
  11. Legend of baptism of the inhabitants of Mtsensk in 1415.. Russian vivliofika. Spb., 1833.
  12. L`vov chronicle. Complete Collection of Russian Chronicles. V.20. Part 1. SPb, 1910.
  13. Makashov A. In the center of Russia. Orel, 1994.
  14. Patriarch's Chronicle. Complete collection of Russian Chronicles. V. 12. SPb, 1901.
  15. *Ponomareva N.G.* The Story of a departure to the Moscow service (About ancestors of Chaadaev family) . Old Russia. The Questions of Middle Ages. 2005. №4. Pp. 41-50.
  16. *Pochekaev R. J.* Kings of the Horde. SPb, 2010.
  17. Abridged chronicle of 1495. Complete Collection of Russian Chronicles. V.27. M. L, 1962.
  18. Sofia second chronicle. Complete Collection of Russian Chronicles. V.6. № 2. M., 2001.
  19. Oh, you're my husband ... R. Maslennikova. Living Word. Reader. Regional Course. Orel. 2007. Pp. 113 - 115.
  20. Ustyug chronicle. Complete Collection of Russian Chronicles. V.37. L., 1982.
  21. Typographical chronicle. Complete Collection of Russian Chronicles. V. 24. Pg , 1921.
  22. *Tikhomirov M.N.* "The list of Russian cities far and near." // Historical Records. M., 1952. V. 40. Pp. 214 - 259. Access mode: <http://www.litopys.org.ua/rizne/spysok/spys04.htm>
  23. *Tishin P.P.* Belev. Tula, 1981. P. 553.
  24. Bychovets Chronicle. M., Nauka, 1966.
-

УДК 94 (470)

UDC 94 (470)

А.А. МАЙОРОВ

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и музейного дела, Орловский государственный институт культуры
E-mail: aamajorov@rambler.ru

A.A. MAYOROV

Candidate of History, Associate Professor, Department of history and museology, Orel State Institute of Culture
E-mail: aamajorov@rambler.ru

**К ВОПРОСУ ОБ АССИМИЛЯЦИИ ВЯТИЧАМИ НОСИТЕЛЕЙ МОЩИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХОВСКОЙ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ В VII-VIII ВЕКАХ**

**ABOUT VYATICHI ASSIMILATION OF ETHNIC GROUPS ASSOCIATED WITH MOSCHINY CULTURE
IN VERKHOVYE` HISTORICAL-GEOGRAPHICAL PROVINCE DURING THE VII-VIII CENTURIES**

В данной статье предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты возможной ассимиляции вятичами оставшихся на осваиваемой ими территории носителей мощинской археологической культуры. Анализ систематизированных данных археологических исследований вятичских поселений в масштабах Верховской историко-географической провинции свидетельствует о существовавшей в VII-VIII вв. реальной возможности ассимиляции вятичами предшествовавших им на данной территории носителей мощинской археологической культуры.

Ключевые слова: Верховская историко-географическая провинция, земля вятичей, вятичи, мощинская культура, этногенез, поселения.

This article attempts to examine some aspects of the possible vyatichi assimilation of last representatives Moshchiny archaeological culture. The analysis of the results of systematic archaeological research Vyatichi settlements in the territory Verkhovsky historical-geographical province confirms the existence in the VII-VIII centuries the real possibility of assimilation by vyatichi their predecessors in the territory belonged to Moshchiny archaeological culture.

Keywords: Verkhovskaya historical-geographical province, Land of the Vyatichi, vyatichi, Moshchiny archaeological culture, ethnogenesis, settlements.

Изучение этногенеза восточнославянских племен продолжает оставаться важной исследовательской проблемой современной исторической науки. В ходе ее рассмотрения встает задача определения масштабов влияния этносов-предшественников на генезис славян. Каждое этнополитическое объединение восточных славян имело особые черты развития, в связи с чем анализ процессов этногенеза каждого из них в отдельности является необходимым. В данной статье предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты возможной ассимиляции вятичами оставшихся на осваиваемой ими территории носителей мощинской археологической культуры.

Географическими рамками региона проживания вятичей взяты территории, ограниченные на севере широким течением реки Оки, на западе – бассейном реки Десна, на востоке – верховьями реки Дон, на юге – водоразделом реки Сейм. Этот регион уже довольно давно выделяется в научной литературе как часть России, имеющая свою конкретную локальную специфику. Он получал различные названия – Земля вятичей, верхнеокский край, земли верховских княжеств. По нашему мнению, названный регион за счет несомненных общих признаков может быть назван отдельной Верховской историко-географической провинцией.

Данная территория была заселена задолго до прихода туда представителей восточнославянских племен. Археологические исследования фиксируют здесь нахождение следов пребывания различных этносов. Поэтому обращение к археологическим культурам, непосредственно предшествовавшим времени славянской колонизации, является обязательным условием рассмотрения истории верховских земель времени их колонизации вятичами. Такая исследовательская позиция обусловлена рядом обстоятельств. Первое заключается в том, что географические, ландшафтные и логистические особенности рассматриваемой территории должны были в определенной степени повлиять на развитие ее дославянского населения и, таким образом, проявить себя в исторической ретроспективе. Как известно, названные особенности являются абсолютно объективными факторами, существующими вне зависимости от культурно-этнической принадлежности населяющих регион этнических групп.

Второе обстоятельство является важным для выяснения вопросов возможности существования культурно-генетической преемственности предшествующего и последующего этносов, населявших верхнеокские земли, для чего необходимо обнаружить признаки, подтверждающие либо опровергающие подобное пред-

положение. В зависимости от полученных ответов может быть несколько по-разному решен вопрос генезиса вятичей как этно-географического и социально-политического образования.

По данным археологов, целенаправленное заселение Верхней Оки славянами началось примерно в VII-VIII вв. [11] На этой территории в предшествующий период археологи фиксируют памятники так называемой мощинской археологической культуры. Мощинская культура была последним крупным этно-археологическим феноменом, предшествовавшим возникновению на территории верхнеокского бассейна вятичского этнополитического объединения. Относительно недавно предполагалось, что она была распространена на верхней Оке в II-V веках, а потому не может быть каким-либо образом связана с роменско-боршевской культурой вятичей.

В последние десятилетия, однако, появились данные, способные поколебать столь категоричный вывод и подтверждающие гипотезу о том, что элементы преемственности мощинского и вятичского населения вполне могли существовать.

До настоящего времени исторической наукой не выработана единая обоснованная точка зрения на место ранних вятичей по отношению к территориально и хронологически предшествующей им мощинской археологической культуре. Как указывалось выше, в качестве преобладающей выступала точка зрения, утверждавшая, что временной разрыв между роменской (боршевской) культурой вятичей и мощинской (по всей видимости, балтской) составлял не менее двух-трех столетий, а потому постановка вопроса о какой-либо преемственности представлялась необоснованной и ненаучной. Одним из крупнейших современных специалистов по этой археологической культуре Г.А. Массалитиной был вполне доказательно обоснован «тезис об отсутствии генетической преемственности между мощинской культурой и памятниками боршевского типа. К этому склоняет выявление ошибочности оснований для такого вывода и наличие более чем 300-летнего разрыва между древностями обеих культур» [10, с.17].

Весьма высокий уровень технологического развития позволял носителям мощинской культуры демонстрировать развитое (на фоне соседей) производство железа, бронзовое литье и даже неплохой уровень ювелирного дела, так что их выемчатые эмали в XIX-начале XX вв. довольно часто принимали за готские и египетские изделия [6, с.197-200]. Характерные фибулы и лощеная керамика также выступают в качестве маркеров этой культуры.

На этом фоне совершенно отличные от них в массе своей находки производства ранних славян служили лишь дополнительным подтверждением тезиса об отсутствии непосредственного культурного влияния на них со стороны мощинцев. Более того, долгое время не удавалось обнаружить следов хронологически близких мощинских и роменско-боршевских поселений.

О возможности существования прямых контактов этих культур говорила чрезвычайная близость зафикси-

рованных погребальных обрядов и упоминание летописями в середине XII в. «люди Голядь верх Поротве» [13, стб. 151, 339]. Показательным является то обстоятельство, что «ни на соседних, ни на отдаленных от ареала мощинской культуры территориях нет племен, в погребальном обряде которых сочетались бы те же признаки, что и у мощинцев» [10, с.15]. Известные нам явные заимствование деталей погребального обряда (кремация усопших, оградки курганов, типичные лишь для вятичей и мощинцев) были возможны лишь при непосредственном контакте, а также определенной психологической близости, ибо прощание с умершим является одной из наиболее табуированных, традиционных и архаичных сфер человеческой культуры.

В настоящее время аргументация о возможности прямого культурного взаимодействия подкреплена тем обстоятельством, что после «обработки керамических коллекций с верхнеокских памятников роменской культуры IX-X веков появились свидетельства о сохранении традиций мощинской культуры в их керамическом комплексе» [7, с.14]. Конечная датировка ряда мощинских поселений отнесла их уже не к V, а к VI-VII векам [8, с.249-250]. Такого рода находки стали аргументом, подтверждающим гипотезу «об участии носителей позднемощинских традиций в формировании славянского населения Верхнего Поочья» [7, с.15].

То обстоятельство, что лингвистические исследования позволили выявить существование ярко выраженного верхнеокского субареала балтской гидронимии, также является весомым доводом в пользу возможности межэтнических контактов вятичей и мощинцев, ибо передаваться иноязычные наименования водных объектов в те времена могли лишь изустно. Дополнительным доводом может служить отсылающий к проживавшим там вятичам верхнедонской «локус балтийской гидронимии, обнаруженный в самое последнее время» [12, с.373-374, 376].

Предположение о существовании «на памятниках мощинской культуры, расположенных на мелких притоках Оки, слоев, датирующихся вплоть до середины VII в.», получило реальные подтверждения [7, с.15]. Таким образом, значительно возросла вероятность продолжения существования небольших мощинских поселений вдали от разрушенных городищ, на берегах небольших рек и ручьев верхнеокского бассейна. Данная гипотеза позволяет дать достоверное объяснение факту отсутствия у вятичей традиций изготовления знаменитых мощинских лощеных керамических изделий и художественных украшений, сохранение которых было бы более вероятным внутри более крупных и населенных поселений.

В то же время погребальные обряды, в отличие от приемов и навыков производства различных предметов культуры и быта, естественным образом сохранились гораздо лучше в силу своего широкого распространения в поселениях всех масштабов. Именно их могли частично позаимствовать и адаптировать пришедшие на эти земли славяне, позже ставшие вятичами.

Одним из возможных аргументов для определения возможности взаимодействия и влияния поздних носителей мощинской культуры на вятичей является определение вероятности прямой поселенческой преемственности между мощинскими и славянскими населенными пунктами в бассейне Верхней Оки. Если размещение крупных поселений обуславливалось необходимостью соблюдения условий защищенности, в первую очередь, рельефом и реками, то мелкое сельское поселение нуждалось, прежде всего, в доступности полей и плодородии почв. В том случае, если между временем ухода мощинцев и прихода вятичей имелся бы интервал продолжительностью от двух до трех веков, то освоенные мощинцами поля и пастбища на залесенной территории бассейна Верхней Оки пришли бы в полное запустение. Последующая расчистка заросших лесом бывших сельскохозяйственных угодий для вятичей должна была стать крайне сложной и трудновыполнимой задачей. Если же допустить, что вятичи имели возможность непосредственного использования прежних мощинских полей и выкорчевки, то можно предположить, что технические сложности обработки земли могли быть значительно уменьшены.

Для ответа на вопрос о том, сменили ли вятичи представителей мощинской археологической культуры непосредственно на местах их проживания, или между этими этническими образованиями пролегал временной интервал в несколько веков, необходимо проанализиро-

вать имеющиеся данные о совпадении мест размещения поселений обеих культур.

Сведения об известных поселениях мощинского и вятичского времени на территории Верховской историко-географической провинции опубликованы и нуждаются в систематизации. Для упорядочивания имеющихся в распоряжении исследователей материалов и облегчения дальнейшего анализа на основе серии «Археологическая карта России» (Тульской, Калужской, Орловской и Брянской областей) был составлен ряд однотипных рабочих таблиц [1, 2, 3, 4, 5].

Названные таблицы ограничены поселениями, относимыми к роменской (роменско-боршевской) археологической культуре на территориях Тульской, Калужской, Орловской, а также нескольких районов Брянской области. Этот регион традиционно относится к ареалу расселения вятичской этнокультурной общности. В ходе анализа не привлекались данные по вятичским поселениям, выявленным в пределах Московской области, вследствие их более позднего характера как результата последующей колонизации, относимой ко второй половине XI в., а потому очевидным образом не относящимся к рассматриваемой теме [9, с.31-32].

Наибольшее количество мощинских и вятичских поселений к настоящему времени известно археологам на территории современной Тульской области. В связи с этим целесообразно начать их рассмотрение применительно к названной административной единице (табл. 1).

Таблица 1.

Вятичские поселения на территории Тульской области

№ п/п	Наименование, Современный адрес	Тип памятника	Культура предшествующая	Культура последующая	Примечание
1	Фатьяново 1 Белевский р-н Тульской области	селище	мощинская культура	не выявлена	
2	Федяшево Белевский р-н Тульской области	городище	мощинская культура	Древнерусская	
3	Березово 2 Дубенский р-н Тульской области	селище	не выявлена	Древнерусская	
4	Озерки 1 (Радувищенские выселки) Дубенский р-н Тульской области	селище	не выявлена	не выявлена	неподалеку древнерусское селище
5	Воскресенское селище 8 Дубенский р-н Тульской области	селище	не выявлена	Древнерусская	неподалеку мощинские селища
6	Тимофеевка Дубенский р-н Тульской области	городище	не выявлена	Древнерусская	
7	Тимофеевка Дубенский р-н Тульской области	селище	не выявлена	Древнерусская	
8	Лужки Одоевский район Тульской области	селище	не выявлена	Древнерусская	
9	Снедка Одоевский район Тульской области	городище	не выявлена	не выявлена	неподалеку селище I тыс.н.э. и древнерусское селище
10	Дуна/ Чекалин Суворовский район Тульской области	городище	мощинская культура	Древнерусская	
11	Чекалин Суворовский район Тульской области	селище	не выявлена	Древнерусская	неподалеку мощинское городище
12	Синяково 2 Чернский р-н Тульской области	селище	не выявлена	не выявлена	неподалеку древнерусское селище

продолжение таблицы 1

13	Троицкое Бачурино Чернский р-н Тульской области	селище	не выявлена	не выявлена	
14	Тшлыково 1 Чернский р-н Тульской области	селище	не выявлена	не выявлена	неподалеку древнерусское селище
15	Тшлыково 3 Чернский р-н Тульской области	селище	не выявлена	Древнерусская	
16	Майский Щекинский район Тульской области	поселение	не выявлена	древнерусская	неподалеку мощинские городище и селища
17	Майский Щекинский район Тульской области	городище	мощинская культура	древнерусская	
18	Майский 1 Щекинский район Тульской области	селище	мощинская культура	древнерусская	
19	Майский 3 Щекинский район Тульской области	селище	не выявлена	древнерусская	неподалеку мощинские городище и селища
20	Супруты, Щекинский район Тульской области	городище	мощинская культура	древнерусская	
21	Дубики Ефремовский р-н Тульской области	городище	не выявлена)	древнерусская	
22	Дубики Ефремовский р-н Тульской области	селище	не выявлена	древнерусская	
23	Козье Ефремовский р-н Тульской области	селище	не выявлена	не выявлена	
24	Маслово Ефремовский р-н Тульской области	селище	не выявлена	не выявлена	
25	Шилово Ефремовский р-н Тульской области	селище	не выявлена	древнерусская	
26	Колесовка 4 Кимовский р-н Тульской области	селище	не выявлена	древнерусская	Неподалёку селище 2-й пол. I тыс.н.э.
27	Устье Кимовский р-н Тульской области	городище	не выявлена	древнерусская	
28	Луговая. Свисталово. Киреевский р-н Тульской области	городище	не выявлена	древнерусская	
29	Слободка Киреевский р-н Тульской области	городище	не выявлена	древнерусская	Рядом мощинское селище
30	Слободка Киреевский р-н Тульской области	селище	мощинская культура	древнерусская	
31	Уткино 1 Киреевский р-н Тульской области	селище	мощинская культура	древнерусская	
32	Уткино 4 Киреевский р-н Тульской области	селище	не выявлена	древнерусская	Рядом мощинское селище
33	Чифировка 1 Киреевский р-н Тульской области	селище	не выявлена	не выявлена	неподалеку мощинское и древнерусское селища
34	Кетри Ленинский р-н Тульской области	городище	не выявлена	древнерусская	
35	Кетри Ленинский р-н Тульской области	селище	не выявлена	древнерусская	
36	Новоселки Ленинский р-н Тульской области	селище	не выявлена	древнерусская	Рядом мощинское селище
37	Торхово 3 (Заречное) Ленинский р-н Тульской области	селище	мощинская культура	древнерусская	

Статистические данные таблицы 1 свидетельствуют, что достоверно установленные предшественники, относимые к мощинской культуре, выявлены у 9 из 37 вятичских поселений, что составляет 24,3% их общего количества. Кроме того, 8 вятичских поселений предположительно имеют предшествующее мощинское население, что составляет 21,6% их общего количества. 2 вятичских поселения возникли на местах этнически неопределенных населенных пунктов второй половины I тысячелетия (5,41%). Таким образом, с разной долей

вероятности, возможные предшественники, относимые к мощинской археологической культуре, имеются у 51,3% вятичских поселений, расположенных на территории современной Тульской области.

Проведенные подсчеты позволяют утверждать о реальной возможности ассимиляции вятичами остаточного населения мощинской археологической культуры. Для распространения такого утверждения на сопредельные территории целесообразно рассмотреть вятичские поселения соседней Брянской области (табл. 2).

Таблица 2.

Вятичские поселения на территории Брянской области

№ п/п	Наименование, Современный адрес	Тип памятника	Культура предшествующая	Культура последующая	Примечание
1	Белокаменка Г.Брянск	селище	не выявлена	древнерусская	селище роменской культуры
2	Чашин курган 3 г.Брянск	селище	не ясно	древнерусская	селище роменской культуры
3	Антоновка Брянского р-на Брянской области	селище	не выявлена	древнерусская	селище роменской культуры
4	Бетово Брянского р-на Брянской области	селище	не выявлена	древнерусская	селище роменской культуры
5	Голяжье Отрадное Брянского р-на Брянской области	селище	колочинская (?)	древнерусская	селище роменской культуры
6	Хотылево 1 Брянского р-на Брянской области	селище	не выявлена	древнерусская	селище роменской культуры
7	Хотылево 5 Брянского р-на Брянской области	селище	не выявлена	древнерусская	селище роменской культуры, рядом колочинские селища
8	Чернетово 1 Брянского р-на Брянской области	селище	не выявлена	не выявлена	селище роменской культуры
9	Чернетово 2 Брянского р-на Брянской области	селище	не выявлена	древнерусская	селище роменской культуры
10	Бабинец Комаричский р-н Брянской области	поселение	не выявлена	не выявлена	роменская культура
11	Радогощь Комаричский р-н Брянской области	городище	не выявлена	древнерусская	роменская культура
12	Радогощь 1 Комаричский р-н Брянской области	селище	не выявлена	древнерусская	роменская культура
13	Бяково Навлинский р-н Брянской области	поселение	не выявлена	не выявлена	роменская культура
14	Лески Навлинский р-н Брянской области	городище	не выявлена	не выявлена	Рядом древнерусское селище
15	Лески Навлинский р-н Брянской области	селище	не выявлена	не выявлена	Рядом древнерусское селище
16	Севск Севского р-на Брянской области	городище	не выявлена	древнерусская	роменская культура
17	Чемльж Севского р-на Брянской области	поселение	не выявлена	древнерусская	роменская культура

Таблица 2 свидетельствует, что достоверно установленных мощинских предшественников у вятичских поселений на территории восточных районов современной Брянской области не выявлено. Единственный вероятный предшественник имеется у селища Хотылево 5 в виде селища славянской колочинской культуры. На основании имеющихся данных нет оснований утверждать об ассимиляции вятичами каких-либо своих предшественников. По всей видимости, территория современной Брянской области сама была одним из источников славянской колонизации бассейна Верхней Оки.

При расхождении выводов, полученных в ходе рассмотрения таблицы 1 и 2, целесообразно обратить внимание на вятичские поселения еще на одной части Верховской историко-географической провинции, а именно на территории современной Орловской области (табл. 3).

Анализ данных археологического изучения не-

большого количества сохранившихся следов вятичских поселений в Орловской области показывает наличие мощинских предшественников у 2 вятичских поселений, что составляет около 22,2% их общего количества. В пределах Орловской области археологам известно всего 9 населенных пунктов вятичского времени. Рассмотрение столь небольшого количества примеров не дает достаточных оснований для утверждения о хорошо просматриваемом процессе ассимиляции вятичами предшествующего населения в VII-VIII вв. в границах Верховской историко-географической провинции, хотя и не опровергает рассматриваемый тезис.

Имея целью сформулировать окончательное суждение о масштабах ассимиляции вятичами местного населения, дополним вышеназванные сведения информацией о вятичских поселениях на территории современной Калужской области (табл. 4).

Таблица 3.

Вятичские поселения на территории Орловской области

№ п/п	Наименование, Современный адрес	Тип памятника	Культура предшествующая	Культура последующая	Примечание
1	Б.Михайлока 2 Знаменский р-н Орловской области	селище	не выявлена	не выявлена	
2	Кромы, Кромской р-н Орловской области	селище	не выявлена	древнерусская	
3	Лужки (Пашково) Кромской р-н Орловской области	городище	не выявлена	древнерусская	
4	Воротынцево 1 Новосильского р-на Орловской области	городище	мощинская культура	древнерусская	
5	Степь Сосоковского р-на Орловской области	селище	мощинская культура	не выявлена	
6	Колос Урицкого р-на Орловской области	городище	не выявлена	не выявлена	
7	Лебедка 1 Урицкого р-на Орловской области	селище	не выявлена	древнерусская	
8	Селихово Урицкого р-на Орловской области	селище	не выявлена	не выявлена	
9	Сомово 1 Шаблыкинский р-н Орловской области	селище	не выявлена	древнерусская	

Таблица 4.

Вятичские поселения на территории Калужской области

№ п/п	Наименование, Современный адрес	Тип памятника	Культура предшествующая	Культура последующая	Примечание
1	Желухово 2 Перемышльского р-на Калужской области	селище	не выявлена	древнерусская	
2	Корекозеве Перемышльского р-на Калужской области	селище	не выявлена	древнерусская	
3	Рень Мещовский р-н Калужской области	селище	не выявлена	древнерусская	
4	Мерконичи 2 Мещовский р-н Калужской области	селище	не выявлена	древнерусская	
5	Алтухово Ичское Жуковский р-н Калужской области	городище	мощинская культура	древнерусская	
6	Алтухово Ичское Жуковский р-н Калужской области	селище	мощинская культура	древнерусская	
7	Огубское Жуково Жуковский р-н Калужской области	городище	мощинская культура	древнерусская	
8	Протва Спас-Загорье Жуковский р-н Калужской области	селище	мощинская культура	не выявлена	
9	Росва 4 г. Калуга Калужской области	селище	не выявлена	древнерусская	

продолжение таблицы 4

10	Антопьево 1 Бабынинский р-н Калужской области	селище	мошинская культура	не выявлена	
11	Антопьево 2 Бабынинский р-н Калужской области	селище	мошинская культура	не выявлена	
12	Волконское Козельский р-н Калужская область	городище	мошинская культура	не выявлена	
13	Волконское Козельский р-н Калужская область	селище	мошинская культура	не выявлена	
14	Камельгино Кондровский р-н Калужская область	селище	мошинская культура	не выявлена	
15	Лужное 2 Малоярославецкий р-н Калужская область	селище	не выявлена	не выявлена	Рядом 2 мощинских городища
16	Таруса 1 Тарусский р-н Калужская область	городище	не выявлена	не выявлена	
17	Перцево 1 Ферзиковский р-н Калужская область	селище	не выявлена	не выявлена	
18	Поздняково 3 Ферзиковский р-н Калужская область	селище	не выявлена	древнерусская	
19	Красное 2 Хвастовичский р-н Калужская область	селище	мошинская культура	не выявлена	

Таблица 4 показывает наибольшее количество поселений, занятых представителями мошинской археологической культуры непосредственно перед приходом туда вятичей. Таким образом, 10 из 19 перечисленных в таблице вятичских населенных пунктов имели своих мошинских предшественников, что составляет 52,6% их общего количества. К названному количеству с высокой степенью вероятности может быть добавлено еще одно селище (5,26%). В итоге 11 вятичских поселений из 19 будут охарактеризованы как развитие прежних мест жительства мошинцев (57,9%). Кстати, именно на территории данного субъекта Российской Федерации весьма вероятно локализация земель летописной раннесредневековой этнической общности «голядь» – возможного реликта мошинской культуры.

Полученные в ходе анализа представленных выше четырех таблиц статистические данные демонстрируют, что распространение вероятных точек контакта вятичей и мошинцев по территории Верховской историко-географической провинции было неоднородно. Такая неоднородность свидетельствует о возможности разного процентного соотношения составных частей диффузировавших этносов, один из которых подвергся последующей ассимиляции. Особенно интересны показатели, демонстрируемые примерами современных Тульской и Калужской областей, выступающих в качестве наиболее вероятной зоны непосредственного и активного этнокультурного контакта. Незначительность результатов на территории Орловской области имеет в качестве возможных объяснений плохую археологическую изученность либо крайний характер расселения на границе ареала обитания. Данные брянских земель в бассейне Десны характеризуют эту зону как один из вероятных источников славянской колонизации всего Верховского региона, что позволяет исключить их из итогового анализа.

В целом достоверно установленные предшественники, относимые к мошинской культуре, выявлены у 21 вятичского поселения из 65, выявленных на террито-

риях трех субъектов РФ (32,3% их общего количества). Помимо того, 9 вятичских поселений имеют возможно предшествующее мошинское поселение (13,8% их общего количества). 2 поселения имеют предшественников в виде неопределенного поселения второй половины I тысячелетия нашей эры (3,1% их общего количества). Таким образом, с разной долей вероятности, возможных предшественников, относимых к мошинской археологической культуре, имеет 49,2% поселений роменской археологической культуры, расположенных в бассейне Верхней Оки и заселенных впоследствии вятичами.

Особый интерес в перечне поселений представляют селища, имевшие мошинских предшественников, так как именно в селищах могли реально сохраниться физические носители мошинской археологической культуры, впоследствии ассимилированные славянами. Поскольку территории современной Брянской и Орловской областей по разным причинам выглядят явно нетипичными в плане рассматриваемого вероятного межэтнического взаимодействия, был проведен анализ данных с территорий современных Тульской и Калужской областей. Всего выявлено 40 поселений, не отнесенных к городищам, из которых от 30 до 53% имеют явные признаки дославянского (мошинского) существования. Такого рода результаты представляются достаточно весомым косвенным аргументом в пользу рассматриваемой гипотезы.

Для сопоставления во всех таблицах приведены данные о последующей судьбе вятичских поселений, позволяющие точнее определить их роль в последующем древнерусском продолжении истории Верховской историко-географической провинции. Хорошо видно, что взаимоотношения между поселениями роменской и древнерусской археологических культур выглядят принципиально иными. Последователями большинства населенных вятичами поселений роменской культуры были древнерусские селища и городища. Количество достоверно известных древнерусских продолжателей вятичских поселений составляет 54 населенных пункта

(66% их общего количества). Однозначно не имело продолжения в поствятичский период 21 поселение (26% их общего количества). Как уже указывалось ранее, 7 поселений (9% их общего количества) расположены в нескольких десятках либо сотнях метров от рассмотренных в таблицах населенных пунктов, а потому не могут с абсолютной достоверностью быть отнесены к означенным категориям.

На основании рассмотрения вятичских поселений VII-VIII веков на территориях современных Тульской,

Брянской, Орловской и Калужской областей можно сделать обоснованный итоговый вывод о том, что от 66% до 75% из них получило древнерусское продолжение.

В целом объединенные в таблицы данные археологических исследований вятичских поселений в масштабах Верховской историко-географической провинции свидетельствуют о существовавшей в VII-VIII веках реальной возможности ассимиляции вятичами предшествовавших им на данной территории носителей мощинской археологической культуры.

Библиографический список

1. Археологическая карта России: Брянская область. Автор-сост. А.В.Кашкин. М.: Институт археологии РАН, 1993. 304 с.
2. Археологическая карта России: Калужская область. Сост. Ю.А.Краснов. М.: «Авто», 1992. 160 с.
3. Археологическая карта России: Орловская область. Сост. Г.К.Патрик. М.: «Авто», 1992. 96 с.
4. Археологическая карта России: Тульская область. Часть 1. Сост. А.М. Воронцов, М.И.Гоняный, А.В.Григорьев, В.П.Гриценко, Ю.Г.Екимов, Р.В.Клянин, Ю.А.Краснов, А.Н.Наумов, Г.К.Патрик, А.В.Шеков. М.: Институт археологии РАН, 1999. 304 с.
5. Археологическая карта России: Тульская область. Часть 2. Под редакцией А.В.Кашкина. М.: Институт археологии РАН, 2002. 272 с.
6. *Болдин И.В., Грудинкин Б.В., Ефимов А.Е., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Хохлова Т.М.* Археология Калужской области. Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 1999. 376 с.
7. *Воронцов М.А.* К вопросу о поздней дате мощинской культуры// Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб., М., Великий Новгород. 2011. С.14-15.
8. *Краснощекова С.Д., Краснощцкий Л.Н.* Археология Орловской области. Краеведческие записки. Вып. 5. Орел: Изд-во «Вешние воды», 2006. 320 с.
9. *Кренке Н.А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. Автореф. д.и.н. М., 2014. 51 с.
10. *Массалитина Г.А.* Мощинская культура. Автореф. канд. ист. наук. М., 1994.
11. *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII веках. М.: Наука, 1981.
12. *Топоров В.Н.* О балтийском слое русской истории// Florilegium. К 60-летию Б. Н. Флори. М.: Языки русской культуры, 2000. С.349-411.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. Издание 2. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1908. 574 с.

References

1. Archaeological map of Russia: Bryansk region. Author-compiler A. V. Kashkin. M.: Institute of Archaeology Academy of Sciences, 1993. 304 p.
2. Archaeological map of Russia: Kaluga region. Comp. Yu. A. Krasnov. M.: "Auto", 1992. 160 p.
3. The archaeological map of Russia. Orel region. Compiler G. K. Patrik. M.: "Auto", 1992. 96 p.
4. Archaeological map of Russia: Tula region. Part 1. Ed. M. A. Vorontsov, M. I. Hanany, A. V. Grigoriev, V. P. Gritsenko, Y. G. Ekimov, R. V. Klenin, Yu. A. Krasnov, A. N. Naumov, G. K. Patrick, V. A. Shekov. M.: Institute of archaeology Russian Academy of Sciences, 1999. 304 p.
5. Archaeological map of Russia: Tula region. Part 2. Under the editorship of A. V. Kashkin. Moscow: Institute of archaeology Russian Academy of Sciences, 2002. 272 p.
6. *Boldin I. V., Grudinkin B. V., Efimov A. E., Massalitina G. A., Proshkin O. L., Khokhlova T. M.* Archaeology of Kaluga region. Kaluga: Publishing pedagogical center "Grif", 1999, 376 p.
7. *Vorontsov M. A.* On the question of later date Moshchiny Culture. Proceedings of III (XIX) All-Russian Archaeological Congress. V. II. SPb., M., N-Novgorod. 2011. Pp. 14-15.
8. *Krasnosheikova S. D., Krasnitsky L. N.* Archaeology of Orel region. Kraevedcheskie Zapiski. Vol. 5. Orel: Publishing house of "Veshnie vody", 2006. 320 p.
9. *Krenke N. A.* Antiquities of the Moscow River basin from the Neolithic to the Middle Ages: the stages of cultural development, the formation of productive economy and human landscape. The thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences. M., 2014. 51 p.
10. *Massalitina G. A.* Moshchiny culture. The thesis for the degree of candidate of Historical Sciences. M., 1994.
11. *Nikolskaya T. N.* The land of Vyatichi. The history of the population of the upper and middle basin of the Oka in the IX-XIII centuries. Moscow: Nauka, 1981. 296 p.
12. *Toropov V. N.* Baltic stratum of Russian history. Florilegium. For the 60th anniversary of B. N. Florya. Moscow: Languages of Russian culture, 2000. Pp. 349-411.
13. Full collection of Russian Chronicles. Vol. 2. The Ipatiev chronicle. 2nd ed. SPb.: M. A. Aleksandrov's printing house, 1908. 574 p.

А.В. НЕСЛУХОВСКАЯ

аспирант, Российский этнографический музей
E-mail: ethnoheritage@gmail.com

A.V. NESLUKHOVSKAYA

Graduate student, Russian Ethnographic Museum
E-mail: Ethnoheritage@gmail.com

ТРАДИЦИОННЫЕ РУССКИЕ ЖЕНСКИЕ ШЕЙНЫЕ УКРАШЕНИЯ ВЕРХНЕОКСКОГО РЕГИОНА XIX-XX ВЕКОВ

TRADITIONAL RUSSIAN NECKLACES FROM UPPER OKA REGION IN XIX-XX CENTURIES

Изучение свыше 100 шейных украшений крестьянского населения Брянской, Калужской, Орловской и Тульской областей позволило разделить их 3 группы по морфологии, описать локальные стилистические особенности для разных районов, выявить специфику комплектования с другими украшениями.

Ключевые слова: бисерные украшения, традиционные украшения, ожерелья, бусы, русский традиционный костюм.

As a result of analysis of more than 100 necklaces from Central Russia we divide them onto 3 groups: necklaces, beads, bands, describe local styles and combinability with other women's decorations.

Keywords: traditional necklaces, women's jewelry, Upper Oka, traditional Russian clothes.

Верхнеокский этнографический регион включает пограничье современных Брянской, Калужской, Орловской и Тульской областей. К началу XX века здесь одновременно бытовали несколько типов комплексов традиционной одежды. Наиболее архаичным является комплекс с поневой: распашной равнополкой или разнополкой в Калужской, Брянской, Орловской областях, круглой поневой с прошвой в Тульской и Орловской областях. Вторым типом является комплекс с косоклиным сарафаном, бытовавший в Перемышльском, Козельском, Калужском районах. В конце XX в. широко распространился комплекс с круглым сарафаном с отрезной спинкой и позднее – парочка, комплект из юбки или сарафана и блузки. Обособленно бытовал комплекс с юбкой-андараком, распространенный среди однодворцев Одоевского и Новосильского районов. Важной составляющей женского образа были шейные, нагрудные, головные и ушные украшения, которые являлись неотъемлемой частью каждого комплекса. Бисерные украшения крестьянки преимущественно изготавливали самостоятельно, серьги заказывали мастерицам-надомницам, специализировавшимся на отдельных видах рукоделия, бусы и ленты, материалы покупали на ярмарках и у разъезжих торговцев. Характер местных украшений определялся как сложившимися традициями, так и доступностью новых материалов и образцов.

При подготовке статьи были использованы материалы описей и фондов Российского этнографического музея, Калужского областного краеведческого музея, Тульского областного краеведческого музея, Одоевского, Белевского, Болховского, Мценского, Новосильского районных музеев, материалы экспедиций Фольклорно-этнографического центра «Дербеневка», опубликованные материалы каталогов и фотоархивов, частных

коллекций. Наибольшую ценность представляет коллекция, собранная Н.М. Могилянским, включающая свыше 200 бисерных украшений, серег, лент с территории Брянской, Калужской, Тульской и Орловской губерний. Коллекция включает типичные предметы, бытовавшие в селах в конце XIX в., позволяет оценить вариативность, характерную для отдельных сел, и выделить типичные признаки локальных традиций. Дополнительную информацию о характере бытования украшений в составе комплексов дают полевые исследования начала XX в. Д.О. Святского, Н.М. Могилянского, Н.И. Лебедевой, М.Е. Шереметевой, Н.П. Гринковой [2,3,5,9,10]. Сопоставление материалов фондов музеев с материалами полевых экспедиций ФЭЦ «Дербеневка», проведенных в 1990-2010-х годах позволяют проследить динамику изменения украшений и более точно описать их локальные особенности.

По форме изученные украшения относятся к периоду середины XIX – начала XX вв. По времени изготовления можно выделить украшения середины-конца XIX в., порубежья XIX-XX в., украшения 1910-1920-х. Отдельно следует рассматривать украшения 1960-1990, выполненные местным населением по образцам старинных из новых материалов для этнографических хоров и музеев. Украшения каждого периода различаются по техникам исполнения, материалам, стилистике и колористическим решениям.

Имеющийся круг источников не является в полной мере репрезентативным и неравномерно отражает картину бытования украшений по регионам и по временным периодам. Часть районов практически не была представлена в собраниях начала века и не была затронута экспедициями. Несмотря на это представляется возможным составить общую типологию украшений

данного региона и описать их локальные варианты.

В данной работе будут рассмотрены только шейные украшения. Именно они являются обязательным элементом любого женского костюма, в то время как ушные, нагрудные, головные элементы могут отсутствовать. Примеры шейных украшений Верхнеокского региона немногочисленны как в литературе, так и в экспедиционных материалах музеев и частных собраний. Наиболее богат и разнообразен материал по Калужской (более 30 вариантов), Брянской областям (изучено более 20 примеров, в т.ч. Севского р-на, ранее принадлежавшего Орловской губ.), немногочисленны образцы Орловской и Тульской областей [1а].

Тип шейных украшений включает украшения, надеваемые по шее, захватывающие ее по всей окружности и закрывающие шейную ямку. На изучаемой территории мы выделяем три группы шейных украшений: ожерелья, бусы и ленты. К ожерельям мы относим все украшения, имеющие в конструкции ошейник, плотно облегающий шею, к которому могут быть присоединены дополнительные элементы. В этой группе можно выделить подгруппу декорированных ошейников, ожерелий с плетеными сетками-поднизями из бисера и бусин, ожерелья с рядами свободных нитей бус.

Примером украшения первой подгруппы ожерелий – ошейников – являются *подгорлики* однодворцев Новосильского района Орловской области, называемые. *Подгорлики* – узкие полосы кумача (2 x 25 см.), вышитые мелким бисером в 2-6 цветов с геометрическими орнаментами «квадраты», «ромбы», «в ковыллогу» (волна) [2а]. Предпочитаемые цвета – розовый, голубой, прозрачный, черный, молочный. Другим примером служат *ожерёлки*, узкие полосы кумача, с нашитыми нитями из красного, черного бисера в 3-5 прямых рядов и украшенные медными бляшками. Украшения застегивали на медные пуговицы. Ожерёлки бытовали в Севском районе Брянской области. Третьим примером являются *нашейники* – вышитые крестом по кумачу ошейники, отделанные суровым кружевом. Такие украшения в начале XX в. пришли на смену комплексу с «языком» (см. ниже) в окрестностях Калуги [10].

Вторая подгруппа является наиболее многочисленной. Она включает локальные варианты, имеющие названия *ожерелье*, *ожерёлок*, *жерёлок*, *жерёлук*, *нашейник*, *ожерелье с поджёрёлком*, *ошейник*, *подошейник*, *борода*, *язык*. Большинство названий отражает назначение этого типа украшения – закрывать «жерло» – горло. Основной деталью любого ожерелья является воротник-ошейник – узкая полоса ткани 1-4 см высотой, которая застегивается или завязывается плотно вокруг шеи. Ошейник может быть изготовлен на жесткой основе из луба, бересты или бумаги, холста. Ошейник украшали вышивкой нитками, бисером, бусинами и стеклярусом, пайетками, нашивали поверх плетеную из бисера сетку. К ошейнику пришивали бахрому, кружевные или тканевые рюши, бисерные поднизии, матерчатые декорированные полосы – языки.

Наиболее старым из известных вариантов ожерелий

является калужское украшение *борода*. *Борода* представляет собой тяжелую бисерную поднизь, пришитую к ошейнику из кумача. Длина поднизии составляет 12-20 см, ширина сетки по вороту 15-20 см, этого достаточно чтобы закрыть шею и разрез рубахи на груди спереди. Сетка «бороды» нижется вертикально или горизонтально с ячеей в 8 бусин, так же как сетка большинства южно-русских бисерных позатыльных. Для *бороды* характерны орнаменты «волна», «ромбы», «репей». Белый бисер чаще образует узор волны или галочек между цветными ромбами. Борода целиком выполняется как низаная сетка либо заканчивается крупными петлями бисера, соединенными по нижнему краю между собой. От других *жерелков* низаных мелкой сеткой *борода* отличается особенно плотным геометрическим орнаментом и длиной сетки. От массивных рязанских украшений калужская борода отличается тем, что закрывает только горло (рязанские, орловские ожерелья расстилаются по груди и плечам) и ячеей сетки (орловские и рязанские нижутся в 12, 16, 20 бусин). Известны примеры *бороды* из быв. Мосальского и Хвастовического р-нов Калужской области [8]. Кумачевый ворот бороды с. Подбужье целиком расшит вышивкой шелковыми нитями, латунными блестками, по верхнему и нижнему краю расшит нитями перламутрового бисера, по центру поверх вышивки нашиты перламутровые и красные пуговицы. Это типичный пример оформления калужского ожерелья. Поверх кумача в старинных вариантах может быть нашит галун, в более поздних вариантах – тканая покупная тесьма. Ожерелья застегиваются на металлические, перламутровые, люстровые, матовые платмассовые пуговицы или на завязки. По свидетельству Н.И. Лебедевой, «бороду носили девочки лет с пяти, молодые бабы и некоторые старухи до самой гробовой доски» [3].

Более простым типом украшения были *ошейники* или *подошейники*. *Подошейники* построены по типу «бороды» и состоят из кумачового ворота нахолщовой основе и низаной сетки с геометрическим орнаментом. Высота сетки составляет 2-8 см, ниже свисают петли бисерных нитей высотой в 15-30 бусин, соединенные по нижнему краю в единую линию, реже свободные. Предпочитаемые цвета бисера – голубой, янтарный, красный, белый, зеленый. Подобные украшения были характерны для окрестностей с. Кцынь, Подбужье Хвастовического р-на. В соседнем с. Пеневичи носили похожее украшение *жерёлук*, также состоящее из бисерной поднизии и кумачового воротника. Его бисерная сетка визуально разделена на 3 части – верхняя нижется высокими столбиками в 12 и более бисерных нитей, посередине они соединены рядами низаной сетки с ячеей 8 бусин, заканчивается украшение также столбцами из свободных длинных бисерных петель (высота петель до 4-5 см, высота всего жерёлка – до 12-15). Наличие несоединенных столбиков и петель делает украшение более легким и воздушным по сравнению с *бородой* и *подошейником*. Ворот *жерёлка* образцов середины-конца XXв. сделан из красной или малиновой ткани, украшен одним рядом пуговиц, фабричной тесьмой, бусинами

перламутрового оттенка. Наиболее поздние варианты украшения второй половины XX века изготовлены из пластикового “лыжного” и перламутрового бисера фуксинового, прозрачно-желтого, сиреневого, темно синего тонов. Более старые украшения сохраняют традиционный колорит с использованием современных желтого, темно-зеленого, красного, белого, прозрачного, бирюзово-синего бисера. Орнамент подошейника, жерелка – мелкие крестики, горизонтальные, вертикальные или диагональные полосы разных цветов, узоры без выраженной геометрии. Подошейники такого типа бытовали в граничащих Хвастовичском, Жиздринском районах Калужской области, Брянском, Жуковском районах Брянской обл. и шире на территории, относимой к Калужскому полесью. Бороды, подошейники, жерелки на этой территории носили в сочетании с нагрудным украшением – плоским гайтаном, называемом *снизкой*, *монисто*, выполненным из одного материала в сходном колорите с геометрическими орнаментами.

Несколько иначе выглядят ожерелья пограничья Ульяновского и Хвастовичского районов Калужской области. К кумачевым ошейникам по нижнему краю присоединяли короткие (1-2 см) низаные бисерные сетки, заканчивающиеся длинными свободными петлями из разноцветного бисера (в одну нить или в две нити, перехваченных между собой узором «ромбы» по всей высоте). Концы петель могли украшать помпонами-бантиками из разноцветной шерсти, которые называли *бубенчиками*.

Особый комплект украшений представляет калужский вариант язык с гитаном. Он состоит из высокого ошейника (до 4 см), украшенного расшивкой галунами и пайетками, к которому по центру пришита тканевая лента на бумажной основе (шир. 4-5 см, дл. 15-40 см), расшитая сходно с ошейником. В месте крепления к ошейнику лента разведена надвое (разрез до 5 см.). *Языки* шили из красной или синей материи. Поздние варианты второй половины XX века выполнены с применением поздних синтетических материалов ярко-розового цвета, страз, пайеток. *Язык* носили в комплекте с *гитаном* – двойной лентой, выполненной в той же технике (ширина каждой ленты 4-5 см., длина до 45 см). Надетые вместе гитан и язык закрывают грудь тремя широкими линиями – двумя диагональными и одной центральной, сходящимися на уровне солнечного сплетения. Старинные *языки* были короче (до 15-20 см). Обычным было соединение «языка» и сетки низаной из из бус, которую также пришивали к ошейнику. Этот комплект украшений бытовал у населения Гамаюнщины, группы сел южнее Калуги. В Козельском районе похожее украшение носили с рядами бус, без гитана.

Ожерелья Тульской области наименее многочисленны, в коллекциях всех музеев их наберется не более десяти. Несколько известных ожерелий имеют ошейник из кумача, расшитый прямыми линиями бисера, блестками и дополнены свободно свисающими петлями пестрого бисера, известен вариант с ошейником из черного бархата на холщовой основе, с расшивкой ла-

тунными блестками – ромбами, пластмассовыми белыми или перламутровыми «люстровыми» пуговицами, цветными шерстяными вьнами. К ошейнику пришиты короткие поднизи (2-5 см): бахрома из петель толстой шленки зеленого цвета с серебристыми «гантельками» дутого стекла, в другом варианте ошейник дополнен бисерной поднизью из ромбов черного бисера с белыми, зелеными, золотистыми бисеринами в углах ромба, заканчивается крестиками из 4-х бусин. Ячея сетки состоит из 12 бусин. Поднизь довольно широкая, почти во всю ширину ошейника, т.е. закрывает и горло, и плечи. Такие украшения бытовали в Ефремовском районе.

Образцы ряда районов Брянской области, ранее принадлежавшие к Орловскому уезду, представлены *ожерельми* или *сетками*. Это ошейники на твердой основе из картона или луба высотой 1,5-2 см, обшитые бумажной тканью, часто белым коленкором, миткалем, кумачом или черным бархатом. По ткани проложена плетеная на конском волосе сетка из мелкого бисера с геометрическим орнаментом, называемая «ленточный набор», параллельные ряды пуговиц. Размер ленточного набора составляла 2 x 15-25 см. По нижнему краю пришивали невысокие бисерные сетки с геометрическими узорами (3 -7 см высотой, 15-20 длиной), которые могли оканчиваться петлями и кружками из бисера. Эти украшения были распространены у населения Севского, Трубчевского районов [3а]. Их носили с плоскими гайтанами – *монисто*. От калужских украшений они отличались более тонким исполнением, орнаментированием ошейника мелким бисером, преобладанием светлых оттенков (голубого, белого, молочного, желтого в сочетании с красным, зеленым, синим).

Примерами украшений Орловской области являются *жерёлки*, отличающиеся от калужских жерелков структурой сетки и размерами. Ошейник *жерёлка* представляет полосу из красного или малинового ситца или сатина высотой 2-3 см, украшен тесьмой, галуном. По верхнему краю из-под ошейника выпущен ряд заложной мелкой складкой материи (красной или белоземельной). К нижнему краю пришивали подкладку красной ткани высотой до 25 см, по краю подкладки нашивали кружево белого, зеленого цветов (до 1-1,5 см). Поверх подкладки шла низаная сетка из золотого или серебристого однотонного стекляруса с ячеей в 6 трубочек либо из разноцветного яркого бисера или стекляруса, дутого, фарфоровых или пластмассовых бус. Ячею сетки из бисера делали с увеличением от 8 бусин в верхней до 20 в нижней части украшения. Какой-либо четкий орнамент на бисерной сетке *жерёлка* не прослеживается, встречаются горизонтальные волнообразные линии. Нижний край сетки декорировался крупными бусинами и петельками [1]. Украшение было широким и закрывало грудь и плечи. По структуре сетки и ширине орловские варианты близки к рязанским украшениям.

В третью подгруппу ожерелий объединены украшения, имеющие основу в форме текстильного ошейника с пришитыми к нему рядами бус или бисерных нитей. Они носили название *ожерелья*, *ожерелья с под-*

жерелком. Число нитей бус могло достигать 20. Нити бус могли быть однородными из коралловых бусин, или пестрыми, с перемежением бусин разной величины. Подобные ошейники носили или как самостоятельные украшения, или с гайтанами, называемыми *монисто*, *решетка*. В ряде случаев под бусы к ошейнику пришивали шерстяную, коленкоровую, миткалевую подложку – соборенный прямоугольник ткани малинового, алого, розового или белоземельного оттенка. Иногда подложку по нижнему краю декорировали полосой кружева. Подобные украшения с нитями дутых бус в Брянском районе получили название *ожерелья из давних кралек* [4а]. В одном из жерёлков этого с. Пеневичи произошло совмещение двух украшений – собственно жерелка и пришивных бус. К вороту спереди поверх бисерной сетки пришиты 9 разной длины нитей хрустальных, стеклярусных и бисерных бусин прозрачных тонов. Ряды стеклярусных бус сделаны двойными, с редкими перемычками из красных и белых бисерин [5а]. Украшения этого типа носили в Брянском, Белевском, Козельском районах. Для Калужской и Рязанской областей известно распространение бисерных ожерелий с рядами низанных бус, которые носили как с жерелками, так и отдельно. В ряде случаев бисерные нити прикреплены к завязкам, что сближает украшения этого типа с бусами.

Бусы

К бусам мы относим одиночные длинные или короткие нити с бусинами или бисером. Бусы могут иметь застежку, завязку или быть достаточно длинными, чтобы свободно надеваться через голову. В середине XIX века наиболее популярны были дутые бусы из янтаря, кораллов или терракоты, красного, белого, молочного фарфора. Позднее с развитием стеклодувного промысла появились пустотелые бусины серебрянного, золотого цветов, с «бензиновыми» переливами. По размеру и форме бусины были различны, от 0,5 до 3 см, круглые, вытянутые, гантелевидные, приплюснутые. Крупные бусины могли перемежаться с мелкими бусинами или с бисером. Бусы носили во много рядов, надевая под горло одни на другие так, чтобы получился «зоб», закрывающий гортань и шейную ямку. Бусы были особенно распространены вблизи тоговых городов и станций, в окрестностях Одоева, Белева, Калуги, Козельска. В этих районах отсутствовали бисерные украшения и элементы головных уборов. В Новосильском и других районах Орловской области бусы сочетали с плоскими гайтанами, в Жиздринском и Хвастовическом районах, где была устойчива традиция ношения бисерных украшений бусы довольно редки. Широкому распространению дутых бус способствовало развитие стекольных заводов, в особенности по производству аптекарской и иной дутой посуды, при которых формировались кустарные центры камушного промысла [7].

Ленты как шейное украшение

Третью группу шейных украшений составляют ленты. В качестве шейного украшения в среде одно-

дворок Новосильского района были распространены банты из травчатой атласной ленты. Излюбленным цветом ленты был красный, синий, зеленый, фиолетовый с желтыми, зелеными, белыми, голубыми цветами или однотонные. Ленту подвязывали вокруг шеи под отложной воротник рубахи-манишки и завязывали спереди плоским бантом. Подобные банты носили однодворки Тульской, Курской, Воронежской, Тамбовской губернии. Украшения также могли быть сшивными, для этого лента укладывалась 3-5 сшитыми петлями по груди. Длина каждой петли могла достигать по 25-35 см. Все петли нашивали на ленту или полосу кумача, которую завязывали прямо вокруг шеи.

Традиция носить ленту как шейное украшение также широко распространилась в Белевском районе Тульской области в 1/3 XX века. Девушки повязывали шелковую однотонную ленту розового, красного, зеленого, голубого и др. цветов поверх узкого ворота рубахи, завязывали спереди бантом и укладывали концы по груди. Поверх ленты надевали в несколько рядов дутые стеклянные и янтарные бусы. Одновременно с шейной лентой девушки могли носить бисерный гайтан-хрестовку или чипочку в один или несколько рядов, или крест на ленте – замене гайтана.

Шейные и нагрудные украшения использовали раздельно или в комплектах, сочетали с бусами и шейными лентами. Анализ полевых материалов и фотографий конца XIX – начала XX вв. показывает, что для крестьянок пограничья Калужской и Брянской областей одинаково важным было наличие жерелка или замещающих его бус, закрывающих горло в несколько слоев, и нагрудного украшения, маркирующего зону груди и солнечного сплетения. Комплекты из жерелка и гайтана, обычно выполненных в едином стиле, сохранились на территории Хвастовического, Жиздринского, Севского, Трубчевского районов, население которых относится к особой этнографической группе полевых или граничит с ними. В Брянском уезде жерелок заменился на ожерелье с нитями бус. Здесь их распространение коррелирует с ареалом головных уборов с массивными бисерными позатыльниками. Эти украшения дополняли архаичный поневный комплекс с распашной синей поневою, рубахой с косыми и прямыми полками, туникообразным фартуком-занавеской.

В среде однодворцев Орловской области обязательными являлись бусы или ленты и нагрудное украшение типа гайтан, которое могло дополняться множеством бус и украшениями из лент. Здесь украшения дополняли комплекс с юбкой-андараком или круглой поневою с прошвой и рубахой-манишкой. Гайтаны Орловской области намного длиннее калужских и брянских, до низа живота. Их носили по несколько штук одновременно, могли заправлять за пояс фартука.

Шейные и нагрудные украшения почти не сохранились в среде барского населения Белевского, Одоевского, Арсеньевского, Чернского районов Тульской области бисерные украшения не известны и память о них среди населения не сохранилась.

В 1920-х годы в период дефицита бисера и другой фурнитуры практически повсеместно на смену описанным украшениями пришли шелковые ленты и бусы из дутого стекла. Технологии изготовления украшений в ряде сел сохранились до конца XX века и, с появлением пластикового бисера, а позднее и стеклянного, жительницы, включая девочек, вновь стали низать гайтаны и жерелки для сценических костюмов народных хоров. При этом в местах, где приверженность старым формам украшений была сильна, в частности в Полесье, население использовало новые материалы для создания старых украшений, в других местах, где технологии уже оказались утраченными, ушла мода на старинные украшения или не возникло сильных фольклорных ансамблей, довольствовались многослойными бусами из дутого стекла.

Украшения девушки, как и сарафаны, головной убор, являлись частью ее имущества, которое не могло быть продано родителями без ее согласия [4]. Количество украшений и их ценность служили маркерами состоятельности семьи невесты.

Головные уборы и украшения, особенно бисерные, сохранились намного меньше в сравнении с текстильными элементами костюма. В первую очередь это связано с высоким влиянием моды на эти элементы женского костюма. Украшения и уборы носили меньшую утилитарную нагрузку, чем базовые элементы одежды – рубаха, сарафан или понева, передник. С утратой семантической нагрузки и эстетической ценности, украшения и головные уборы быстро теряли свою ценность. Под влиянием моды также быстро утрачивалась

и технология изготовления. Третьей причиной стало снижение доступности расходных материалов для традиционных украшений. В конце XIX в. резко снизился процент импорта бисера и практически прекратилось его собственное кустарное производство в России [3]. В 1910-1920-х приток галантереи в деревню практически прекратился и восстановился, уже с новым ассортиментом только в середине 1920-х [4]. Также сократилось производство продукции галунных и канительных фабрик, поставлявших тесьму, галун, блестки, которые были неотъемлемыми декоративными элементами женского костюма. Взамен широкое распространение получили ленты, стеклянные дутые бусы, «елочный» стеклярус [4]. Украшения из старых элементов чаще всего распускали и использовали как источник материала для создания новых, более модных вещей или продавали на ярмарках жителям более консервативных сел или старьевщикам, о чем упоминают Н.П. Гринкова и Н.И. Лебедева, посещавшие ярмарки в 1920-х гг [2, 3].

Заключение

Итак, в статье дан обзор шейных украшений, бытовавших на территории пограничных районов Брянской, Калужской, Орловской, Тульской области. Выделены три группы украшений, распространенных в начале XX века – ожерелья нескольких форм, бусы и ленты. Описаны морфологические особенности украшений разных районов и особенности комплектования украшений, сочетания с основным комплексом одежды. Также показана динамика смены украшений с распространением фабричных товаров и городской моды.

Источники

- 1а. Описи Российского этнографического музея, коллекции 153, 160, 191, 223, 336, 337, 1321, 2012, 4201, 4884, 7349; полевые материалы ФЭЦ «Дербеневка» за 1997-2015 гг; описи ТОКМ, описи КОКМ
- 2а. Опись РЭМ Коллекция №160, 34-38
- 3а. Опись РЭМ Коллекция 2012
- 4а. Описи РЭМ Коллекции 337, 1321
- 5а. Фотоархив ФЭЦ «Дербеневка», № 010506-01

Библиографический список

1. *Артемуева Е.В.* Костюм молодой женщины с. Алешня, М.: Чудесные мгновения. Серия Традиционный костюм, Вып. 1 (5), М. 2005.
2. *Гринкова Н.П.* Одежда западной части Калужской губ. Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. 2. Л., 1927. С. 17-36.
3. *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки (этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925 и 1926 годах) Научные труды, Т.1, Рязань, 1996.
4. *Маслова Г.С.* Изменение традиционного рязанского народного костюма за годы Советской власти (По материалам Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР, М., 1966. С. 102-117.
5. *Могиланский Н.М.* Поездка в Центральную Россию для собирания этнографических коллекций. Материалы по этнографии России. Т. 1, СПб, 1910
6. *Моисеенко Е. Фалеева В.* Бисер и стеклярус в России XVIII - начала XX века. Л., 1990.
7. *Неслуховская А.В.* Галантерейный товар и его влияние на русский традиционный костюм XIX–начала XX в., СПб: РЭМ, 2016.
8. *Сафонова Г.Б.* Художественные особенности женских народных украшений Калужского края XIX – начала XX в. Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Материалы 4-й региональной научной конференции. Калуга, 1991. С. 42 – 45.
9. *Святский Д.О.* Крестьянские костюмы в области соприкосновения Орловской, Курской и Черниговской губерний, Вып. 1-2., Живая старина, М., 1910. С. 3-4.
10. *Шереметева М.Е.* Крестьянская одежда Калужской гамаюнщины. Этнографический очерк (Труды Калужского об-ва истории и древностей) Калуга, 1925.

References

1. *Artemeva E. V.* Clothing of a young woman from Aleshnya village, Wonderful moments. Traditional costume, Vol. 1 (5) M, 2005.
  2. *Grinkova N. P.* Clothing of the Western part of Kaluga Region. Materials on Ethnography. Vol. 3. Vol. 2. L., 1927. Pp. 17-36.
  3. *Lebedeva N.I.* Folk life in the upper Desna and the upper Oka rivers (ethnological expedition in Bryansk and Kaluga provinces in 1925 and 1926) Scientific papers, Vol. 1, Ryazan, 1996.
  4. *Maslova G. S.* Changes in the Ryazan traditional folk costume during the years of Soviet power (On materials of expedition of the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences), M., 1966. Pp. 102-117.
  5. *Mogilyansky N.P.* The travel to Central Russia for collecting of an ethnographical fonds. Materials on the Ethnography of Russia Vol. 1, SPb., 1910.
  6. *Moiseenko E., Faleeva V.* Beadwork and bugle in Russia XVIII - early XX century. L., 1990.
  7. *Nesluhovskaya A. V.* The haberdashery product and its impact on Russian traditional costume of XIX–early XX, Trade in ethnocultural dimension. SPb., 2016.
  8. *Safonova G. B.* Art features of female folk jewelry from Kaluga region XIX – early XX century. The Issues of archaeology and history of the Upper Poochya: proceedings of the 4th regional scientific conference. Kaluga, 1991. Pp. 42 – 45.
  9. *Svyatsky D.O.* Peasant clothes in the region of contact of Orel, Kursk and Chernigov, Zhivaya starina, Vol. 1-2. SPb, 1910. Pp. 3-9.
  10. *Sheremeteva M.E.* Peasant clothes of Kaluga's gamauns. Ethnographic study (Proceedings of the Kaluga society of history and antiquities) Kaluga, 1925.
-
-

С.В. РЫБАКОВ

доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Уральский федеральный университет
E-mail: istoric-ek@mail.ru

S.V. RYBAKOV

Doctor of History, Professor, Department of history of Russia, Ural Federal University
E-mail: istoric-ek@mail.ru

ОТСТАИВАНИЕ ИДЕИ СЛАВЯНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЖИТИЯХ КОНСТАНТИНА И МЕФОДИЯ

ASSERTION OF IDEA OF SLAVIC ENLIGHTENMENT IN HAGIOGRAPHIC BIOGRAPHIES OF CONSTANTINE AND METHODIUS

Задачей статьи является анализ Житий Константина и Мефодия – двух братьев, вошедших в историю в почетной роли просветителей славянства и создателей славянской письменности. Основное внимание уделено отражению в Житиях просветительской миссии Константина и Мефодия среди моравских славян. Показано, что она была непростой: право славян на развитие их языка и их культуры братьям пришлось отстаивать в острой полемике с латинскими клириками, насаждавшими утилитарные шаблоны в церковной и в культурной жизни.

Ключевые слова: славяне, просветители славянства Константин и Мефодий, кирилло-мефодиевские традиции.

The task of Article is analysis of hagiographic biographies of Constantine and Methodius. Two brothers went down in history as the Slavic educators and creators of the Slavic alphabet. The main attention is paid to educational mission of Constantine and Methodius among the Moravian Slavs. This mission was difficult. Brothers defended the right Slavs to develop their language and their culture. They discussed with the Latin clergy, who wanted to introduce utilitarian patterns in the church and in the culture.

Keywords: Slavs, Illuminators of the Slavs Constantine and Methodius, Cyril-Methodius tradition.

В середине IX в. произошло важное историческое событие: христианские миссионеры и просветители Константин-Кирилл и Мефодий создали славянскую письменность. Славяне высоко оценили значение этого события. Уже в начале X в. болгарский монах-черноризец по имени Храбр, выражая настроение славянства, писал в трактате «Сказание о письменах»: «Если спросить книгоцеев греческих: “Кто вам письмена сотворил или книги переложил, или в какое время?”, – то редкие у них ведают. Если же спросить славянских грамотников: “Кто вам письмена сотворил или книги перевел?”, – то все они ведают и, отвечая, говорят: “Святой Константин Философ, нареченный Кириллом. Он нам письмена сотворил и книги перевел, и Мефодий, брат его”. И если спросить: “В какое время?”, – то ведают и говорят, что во время Михаила, царя греческого, и Бориса, царя болгарского, и Ростислава, князя моравского, и Коцела, князя блатенского, в лето от сотворения всего мира 6363-е» [7, с. 164].

Черноризец Храбр показал, каким было состояние письменной культуры у славян до миссии Кирилла и Мефодия: «Прежде ведь славяне не имели книг, читали по чертам и резам и гадали по ним, будучи язычниками. Крестившись же, римскими и греческими буквами записывали славянскую речь без устроения. Но как можно хорошо писать греческими письменами хорошо слова “Бог”, или “жизнь”, или “зело”, или “церковь”,

или “чаяние”, или “широта”, или “ядь”, или “жду”, или “юность”, или “язык”, или иные подобные? И так длилось многие годы. Потом человеколюбец Бог, строя все и не оставляя род человеческий без разума, а приводя всех к разуму и спасению, помиловал род славянский, послал ему святого Константина Философа, нареченного Кириллом, мужа праведного и правдивого. И сотворил он им славянские письмена. ...И отверз Бог уста роду славянскому» [7, с. 162].

Просветительская миссия Константина и Мефодия нашла обстоятельное освещение в их Житиях. Житие Константина было написано через несколько лет после его кончины, случившейся в 869 г., а Житие Мефодия появилось во второй половине 885 г. – всего через несколько месяцев после завершения его земного пути. Эти агиографические памятники, созданные ближайшими учениками и последователями братьев-просветителей, засвидетельствовали большое и искреннее почтение к Константину и Мефодию со стороны славян и византийцев.

Следует учитывать, что Жития – это не просто один из литературных жанров, связанных с жизнеописанием той или иной личности: житийная литература создавалась, когда перед Церковью вставал вопрос о причислении подвижников веры к лику святых. Жития Константина и Мефодия составлялись в соответствии с принятыми в православии агиографическими канона-

ми. Так, автор Жития Константина описал ранние этапы жизни создателя славянской азбуки как приготовление к исполнению высокой миссии, связанное с накоплением особой духовной энергии, необходимой для высоких свершений.

Константин и Мефодий родились и выросли в византийском городе Салоники, где к тому времени утвердилось греко-славянское двуязычие. По-славянски город именовался Солунью, и потому в литературе, посвященной Кириллу и Мефодию, их нередко называют «солунскими братьями». Славянским языком они владели свободно, как родным. В Житии Мефодия как пролог предстоящей наставнической миссии показана государственная служба старшего из братьев, получившего должность стратега (наместника) в той части Македонии, где проживало много славян: «Цесарь, узнав о талантах его, поручил ему держать славянское княжение, будто провидя, что Бог хотел послать его славянам учителем и первым архиепископом» [3, с. 70-71].

Житие Константина повествует о том, что в семилетнем возрасте ему пригрезился прекрасный образ Софии-Премудрости, «сиявшей сильнее солнца» [2, с.2]. Когда его отдали в «учение книжное», то «преуспел он в книгах больше всех учеников», поскольку обладал отличной памятью, которой «дивились все» [2, с.3]. Слух о его способностях и старании дошел до царского двора, и юного Константина пригласили в Константинополь для учебы в Магнаврской школе – лучшей византийской школе того времени, по статусу не уступавшей университету. Там он «обучился Гомеру и геометрии, и у Льва и у Фотия диалектике и вдобавок всем философским наукам – и риторике, и арифметике, и астрономии, и музыке, и всем прочим эллинским искусствам» [2, с.4]. Константин отдавал учебе все свое время и все свои силы, говоря: «Дары богатства пусть получают те, кто их требует. А для меня нет ничего лучше учения» [2, с.5].

Упомянутые в Житии Лев и Фотий являлись яркими представителями своего времени. Лев Математик был известным специалистом в области точных наук, носителем энциклопедических знаний. Широкую известность получил и Фотий – богослов, писатель, ученый-гуманитарий, ставший впоследствии Константинопольским патриархом. С особым интересом он относился к филологии, много внимания уделяя изучению древнегреческих текстов. Освоение античного наследия он рассматривал как ступеньку на пути к вершинам богословия, которое оценивал как высшую мудрость. В те годы, когда Константин обучался в Магнаврской школе, Фотий работал над составлением «Лексики» – большой и основательной сводки лексико-грамматических материалов. Занятия под руководством Фотия помогли Константину стать квалифицированным филологом-полиглотом и обрести тот интеллектуальный фундамент, без которого ему впоследствии едва ли удалось бы осуществить историческую миссию по созданию славянской письменности.

Под попечительством Льва Математика и Фотия

Константин приобрел глубокие познания, развил в себе способность нестандартно мыслить, овладел риторическим искусством. Когда Фотий стал патриархом, он сделал Константина своим секретарем. Помогая Фотию укреплять позиции православной культуры, Константин, несмотря на молодой возраст, обрел репутацию блестяще образованного интеллектуала, носителя глубоких познаний, по меркам того времени – мудреца. Неслучайно за ним закрепилось прозвище Философ. По поручению царя и патриарха он представлял Византийскую церковь в богословских диспутах с иконоборцами, сарацинами, хазарскими иудеями и делал это успешно. По свидетельству Жития, хазарский каган сказал Константину: «Все ты по чину рассказал, досыта усладив всех нас медовой сладостью словес священных книг» [2, с.21].

Провидение, предуготовлявшее двух братьев к просветительству, сочеталось с доброй волей славянских вождей. В 862 или 863 г. в Константинополь прибыло посольство от моравского князя Ростислава с просьбой к византийскому императору прислать в Моравию проповедника, который владел бы славянским языком. В Житии Константина об этом рассказывается так: «Ростислав, Богом наученный, совет сотворив с князьями своими и с моравлянами, послал к царю Михаилу, глаголя: к людям нашим, отвергшим язычество и дорожащим христианским законом, пошли, владыка, епископа и учителя такого, который бы на нашем языке проповедал нам истинную веру» [2, с. 26].

В Житии Мефодия к этому сообщению добавлено сетование моравского посольства: «Пришло к нам много учителей из влахов (римлян) и из греков и из немцев, уча нас по-разному, а мы – славяне, простая чадь, и нет у нас того, кто наставил бы нас истине и научил разуму» [3, с. 72]. В то время славяне в Центральной Европе переживали трудности, вызванные германской экспансией. В ней имела и церковная составляющая: Баварское архиепископство с центром в Зальцбурге взялось «опекать» Моравию. Моравские славяне ощущали в немецкой «опеке» угрозу своей духовной свободе: «Моравлянам чужды немецкие попы, ибо, живя среди них, моравлян, те не проявляют приязни к ним, оковы куют для них, устраивают на них гонения» [3, с.75].

Византийский царь Михаил, откликаясь на просьбу моравлян, обратился к Константину: «Слышишь, Философ, речь сию? Никто другой не сможет сделать этого, кроме тебя. Возьми дары многие и ступай же вместе с братом твоим игуменом Мефодием» [3, с. 72]. Мефодий к тому времени оставил государственную службу и стал настоятелем монастыря Полихрон на горе Малый Олимп. Михаил напутствовал братьев перед началом их просветительской миссии в славянских землях: «Вы ведь солуняне, а солуняне все чисто говорят по-славянски» [3, с. 72].

Как сказано в Житии, «с великой честью приняли его моравы, а Ростислав собрал для него учеников» [2, с. 28]. В Моравии Константин и Мефодий занялись переводом с греческого на славянский язык Евангелия,

Деяний Апостолов, Псалтири и других книг. Тогда Константин Философ и составил славянский алфавит. С этой непростой работой, главным звеном которой было вычленение звуков славянской речи, ему помогли обширные познания и выдающиеся лингвистические способности. Благодаря этим способностям, священные тексты в их славянском варианте предстали образцами литературно-стилевого совершенства.

Братья стали обучать местное население грамоте на родном для него языке. Было создано несколько школ, доступ в которые не ограничивался сословными критериями: обучение было доступно для всех желающих. В резиденции Ростислава, расположенной в Девине, был основан первый славянский университет.

Моравская миссия просветителей давала скорые результаты: «И отверзлись, по пророческому слову, уши глухих, услышавших книжные словеса, а язык гугнивых стал ясным. Бог возвеселился от этого вельми, а дьявол опечалился». На стороне этого последнего, по логике автора Жития Мефодия, оказались немецко-латинские клирики, утверждавшие, что славянский язык не годится для церковных служб: «Есть только три языка, которыми можно славить Бога – еврейский, греческий и латинский». Враждебно настроенные к распространению славянской письменности, они смотрели на Философа как «вороны на сокола»: «Скажи нам, как еси ныне створил ты славянские книги и учишь по ним?» [2, с. 29].

Вступив в полемику с немецкими епископами, Константин доказывал им, что каждому народу по божьей воле дан свой собственный язык, которому нужно хранить верность как «жене юности своей». Философ отверг утилитарные шаблоны, связанные с попытками под прикрытием «триязычия» насадить монополию латыни в литургии и церковной книжности. Защищая права славянства на развитие собственной культуры, он приводил такие доводы: «Не идет ли дождь от Бога равно на всех? Или солнце сияет не для всех? Или не дышим мы воздухом все одинаково? Как вы не стыдитесь признавать только три языка? А всем прочим быть слепыми и глухими?» [2, с. 30]. Константин, исповедуя идею соединения веры с разумом, воспевал возможности разума в познании истины: «Огонь искушает золото и серебро, а человек умом отсекает ложь от истины» [2, с. 24].

Авторитет братьев-просветителей в Моравии был очень высок. В добавлении к Львовской рукописи Жития Константина сказано: «Пришел Мефодий в страну Моравскую, и как входил в город или село, все люди принимали его с радостью как ангела божия» [1, с. 37]. Моравы видели неподдельную заинтересованность братьев в приобщении их к книжной культуре. Особенно важным и ценным для моравских славян было то, что это приобщение осуществлялось на родном для них языке. В то время этот язык еще оставался единым для всех славян. В «Повести временных лет», являющейся важным источником наших знаний о древнерусской истории, сказано: «Был един народ славянский: славяне, которые сидели по Дунаю, покоренные уграми, и мора-

вы, и чехи, и поляки, и поляне, которые теперь зовутся русью. Для них ведь, моравов, первых были созданы буквы, названные славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских» [6, с. 19].

По данным исторической науки, в IX в. в едином славянском языке обозначились первые признаки разделения, обусловленного спецификой исторической эпохи: завершалось Великое переселение народов, в ходе которого славяне расселились на обширной территории от берегов Адриатики до верховьев Волги. Большие расстояния и географические барьеры между разными частями славянства, контакты с неславянскими племенами содействовали разделению славянского языка сначала на диалекты, а затем и на автономные языки. Просветительская деятельность Константина и Мефодия замедлила процесс размежевания внутри славянского языка: литературно-письменный язык, который они создали, на протяжении как минимум трех веков оставался единым книжным языком болгар, сербов, русских и других славянских народов. Неслучайно летописец Нестор отмечал в XII в.: «Русский язык и славянский одно есть» [6, с. 21].

Солунские братья прибыли в Моравии более трех лет, а затем в течение некоторого времени учительствовали и проповедовали в Блатенском княжестве, находившемся в Паннонии. Там при поддержке князя Коцела они обучали местных славян грамоте и прививали богослужение на славянском языке. Несмотря на интриги со стороны немецкого духовенства, не желавшего уступать свои позиции в Моравии и Паннонии, Константину и Мефодию удалось далеко продвинуть дело славянского просвещения. Среди их учеников были болгары, которые подготовили распространение христианства в Болгарии.

После смерти Кирилла, наступившей в 869 г., Мефодий возглавил Велеградскую архиепископскую кафедру. В 871 г. в Велеград прибыли чешский князь Боривой и его жена Людмила, дочь одного из сербских князей. Они приняли крещение при дворе моравского князя. Крестил их Мефодий.

Однако прежних условий для выполнения просветительской миссии у Мефодия уже не было: после вмешательства немецких Каролингов в дела Великоморавского государства князь Ростислав потерял власть и был брошен в баварскую тюрьму, где и умер. Его преемник Святополк, попавший в зависимость от правителя Восточнофранкского королевства Людовика Немцкого, не мог оказать Мефодию и его ученикам достойного покровительства. Им пришлось испытать репрессии со стороны немецко-латинского духовенства, стремившегося не допустить закрепления славянского языка в богослужении и церковной литературе. Мнение славянского населения немецких епископов не интересовало. Мефодия взяли под стражу и на три года изолировали в швабском монастыре Райхенау.

Поведение немецкого духовенства, выступавшего противником славянского просвещения, определялось мировоззренческими особенностями римской церкви.

В ней к тому времени утвердилось мнение о том, что суть христианского учения доступна лишь имевшему богословское образование клиру, а простому народу о ней говорили как о непостижимой тайне. Связанные с римской курией немецкие клирики мирились с господством латыни в религиозно-церковной практике Германии, на фоне чего они воспринимали стремление славян придать своему языку самостоятельный ранг как недопустимое. Идея такой самостоятельности будила у немецкой верхушки сильную ревность, и развернувшееся в те годы немецкое военно-политическое наступление на славянские земли диктовалось, помимо прочего, и желанием утолить ее.

Находясь в заключении, Мефодий не утратил духовной стойкости. Его верность своим убеждениям заставила римского папу Иоанна VIII заявить о своей поддержке несправедливо преследуемого проповедника. Заявление Иоанна VIII не было искренним, он проявлял двуличие, желая угодить также и приверженцам латинства. Это выразилось в запрете богослужения на славянском языке. Тем не менее в 874 г. Мефодий был освобожден из заключения в Райхенау и восстановлен в правах архиепископа. Он не отказался от богослужения на славянском языке, отстаивая свою правоту перед церковным судом в Риме. Будучи великолепным полемистом и оратором, Мефодий парировал нападки со стороны латинян, и римский церковный суд оправдал его. До самой смерти Мефодий продолжал просвещать славян, переводя для них священные тексты.

После кончины Мефодия латинская партия во главе с нитринским епископом Вихтигом сумела добиться своей цели в Моравии: славянская литургия была там запрещена и заменена латинской службой. Последователи Кирилла и Мефодия были частью перебиты, частью проданы в рабство. Ближайший соратник Мефодия словак Горазд, после смерти наставника ставший архиепископом Моравии, был изгнан оттуда вместе с двумя сотнями священников-славян. Епископскую кафедру в Велеграде занял узурпатор Вихтиг. В 885 г. был закрыт Девинский университет.

Большинство православных священнослужителей перебрались из Моравии в Болгарию, некоторые ушли в Хорватию и Сербию. Горазд и еще один ближайший сподвижник Мефодия по имени Климент продолжили дело своего учителя в Болгарии, создав в городе Охриде знаменитую православную литературную школу. Некоторое время спустя подобные школы были созданы в Плиске и Преславе. В Болгарию прибывали выкупаемые из рабства ученики Мефодия. Благодаря подвижничеству Горазда Охридского, Климента Словенского, Константина Преславского, Саввы, Ангелария, Наума, Храбра и других приверженцев кирилло-мефодьевских традиций Болгария быстро стала центром славянской книжности и письменности. Попечениями царя Симеона в Болгарии в краткие сроки утвердилась кириллица. Книги, написанные по-славянски, попадали в Сербию, Хорватию и на Русь, способствуя закреплению кириллицы и в этих странах. Язык тех книг, ныне назы-

ваемый старославянским, лег в основу славянских литературных языков.

Кирилло-мефодьевские традиции зримо проявились в культуре русских, болгар, сербов, македонцев, черногорцев, чехов, словаков. Эти традиции в первую очередь связывались с преодолением невежества, с получением знаний, с образованием. С первых обращений к библейским текстам славянам становилось понятно, что получение знаний относится к высшим добродетелям: «Лучше знание, чем отборное золото; мудрость лучше жемчуга, и ничто из желаемого не сравнится с нею» (Притч. 8: 1-14); «Только глупцы презирают мудрость и наставление» (Притч. 1: 2-7). Слова Христа: «Познайте истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8: 32), – ориентировали славян на самостоятельный поиск ответов на самые сложные вопросы исторического бытия, на извлечение уроков из личного и общественного опыта.

С особой яркостью просветительские традиции, заложенные Константином и Мефодием, проявились в период христианизации Руси. Духом этих традиций были пропитаны первые русские литературные произведения – «Слово о Законе и Благодати», «Повесть временных лет» и другие. Автор «Слова» митрополит Иларион воспевал «сладость книжную» [4, с. 33]. За ним следовал летописец Нестор, писавший в «Повести временных лет»: «Велика ведь бывает польза от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы, ...от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь – реки, напоющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся. ...Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей» [6, с. 111-112].

Подобное отношение к книжной культуре, несмотря на сложные повороты русской истории, сохранялось на Руси и в последующие времена. Для русских категория «познание» всегда имела сакральный смысл, нацеливая их на преодоление бескультурья, на осмысление всего, что олицетворяет жизнь, придает ей цельность и устойчивость. Русский философ А.Ф. Лосев писал: «Необходимо категорически утверждать, что учение о вере без знания не имеет никакого отношения ни к классическому христианству, ни к средним векам в частности. Никакой живой религии это вообще не свойственно. ...И священные книги, и богословские труды всех Отцов Церкви полны учений о свете, об уме и разуме, о просвещении, о слове, об идее» [5, с. 106].

На Руси сакральный ранг процесса познания отразился в таких понятиях, как «просвещение» и «образование». «Просвещение» – производное от слова «свет»: «просвещать» значило «приобщать к свету, уводить от тьмы». Корнем категории «образование» стало слово «образ», тождественное понятиям «икона», «священный лик», «идеал». Образование осознавалось русскими людьми как движение к желаемому образу, идеалу, совершенному проекту.

Библиографический список

1. Добавление к Львовской рукописи Жития Константина // Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности: Труды славянской комиссии. Т. 1. М., 1930.
2. Житие Константина // Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности: Труды славянской комиссии. Т. 1. М., 1930.
3. Житие Мефодия // Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности: Труды славянской комиссии. Т. 1. М., 1930.
4. *Иларион*. Слово о Законе и Благодати. М., 1994.
5. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
6. Повесть временных лет. М., 1997.
7. Сказание о письменах чернозирца Храбра // Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности: Труды славянской комиссии. Т. 1. М., 1930.

References

1. Adding to Lviv manuscript Life of Constantine // Materials on the history of the ancient Slavic Literature: Proceedings of the Slavic Committee. V. 1. M., 1930.
  2. The Life of Constantine // Materials on the history of ancient Slavic Literature: Proceedings of the Slavic Committee. V. 1. M., 1930.
  3. The Life of Methodius // Materials on the history of the ancient Slavic Literature: Proceedings of the Slavic Committee. V. 1. M., 1930.
  4. *Hilarion*. Word on Law and Grace. M., 1994.
  5. *Losev A.F.* Philosophy. Mythology. Culture. M., 1991.
  6. The Tale of Bygone Years. M., 1997.
  7. Legend of writings chernozirtsa Hrabar // Materials on history emergence of ancient Slavic Literature: Proceedings Slavic Committee. V. 1. M., 1930.
-
-

УДК 614.27.007:331.108.26 (072.8)

UDC 614.27.007:331.108.26 (072.8)

И.А. ФИЛИНА

доктор фармацевтических наук, доцент, кафедра фармакологии, клинической фармакологии и фармации, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: iafilina@yandex.ru

Н. МОХАММАД

студент, кафедра фармакологии, клинической фармакологии и фармации, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

I.A. FILINA

Doctor of Pharmaceutical Sciences, Associate Professor, Department of pharmacology, clinical pharmacology and pharmacy, Orel State University named after I.S. Turgenev

E-mail: iafilina@yandex.ru

N. MOHAMMAD

Student, Department of Pharmacology, Clinical Pharmacology and Pharmacy, Orel State University named after I.S. Turgenev

E-mail: iafilina@yandex.ru

РАЗВИТИЕ АПТЕЧНОЙ СЛУЖБЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

THE DEVELOPMENT OF PHARMACY SERVICES IN THE OREL REGION IN THE FIRST YEARS AFTER THE REVOLUTION

В задачи истории фармации как науки входит изучение общих закономерностей всемирно-исторического процесса становления фармацевтических знаний с древнейших времен до современности; достижений каждой новой эпохи в области фармации. После победы Великой Октябрьской социалистической революции началась перестройка народного хозяйства, открылись перспективы развития народного здравоохранения. На примере Орловской области представлено, как аптечные работники создавали аптечную службу, которая должна была работать на принципиально новой, социалистической основе и обеспечивать потребности медицинских организаций и населения в лекарственных средствах.

Ключевые слова: аптечная служба, здравоохранение, лекарственные средства.

The tasks of the history of pharmacy as a science include the studying of general laws of the world-historical process of formation of pharmaceutical knowledge formation, beginning from ancient times and continuing to the present; including achievements of each new era in terms of pharmacy. After the victory of the Great October Socialist Revolution the restructuring of the national economy began, opening the perspectives for the development of the national health system. On the example of the Orel region, we try to represent how the pharmacists created a chemist's service, which had to work on a new, socialist base and meet the various needs of health care organizations and the people in terms of drug supply.

Keywords: pharmacy services, health care, drugs.

Октябрьская революция положила начало осуществлению социальных преобразований в стране, в том числе в области охраны здоровья населения. Работа по созданию государственной службы здравоохранения началась на второй день после революции. 26 октября 1917 г. при Военно-революционном комитете был организован медико-санитарный отдел. Вслед за этим был принят ряд декретов: «О восьмичасовом рабочем дне, продолжительности и распространении рабочего времени» (29 октября 1917 г.), «О бесплатной передаче больничным кассам всех лечебных предприятий» (14 ноября 1917 г.), «О страховании на случай болезни» (22 декабря 1917 г.) и другие.

Ко времени издания, 28 декабря 1918 г., декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР о повсеместной национализации аптек и других аптечных учреждений медико-санитарное бюро уже было преобразовано в Орловский губернский отдел Народного комиссариата здравоохранения, в который входил Губернский фар-

мацевтический подотдел – Губфарпод. В нем, в свою очередь, имелись подотделы – химико-фармацевтический с лабораторией галеновых препаратов и судебно-химический, выполнявшие судебно-химические и фармацевтические анализы.

В Орловской губернии национализация началась 8 августа 1918 г., т. е. еще до выхода правительственного декрета. Об этом свидетельствуют постановление Орловского губисполкома о национализации всех аптек, акт комиссии Ливенского врачебного совета о национализации аптеки Крафта. Большинство аптек губернии было национализировано в 1919 г. После национализации аптек в городе открылся Центральный аптечный склад [1].

Уже в первые годы Советской власти в Орловской области принимались приказы и циркуляры по аптечному делу. Документы того времени имеются в Госархиве Орловской области.

Циркуляр

17-го ноября 1919 года

Всем губернским отделам Здравоохранения,
фармацевтическим подотделам.

Об отпуске лекарственных средств с указанием состава

В целях борьбы с лечением населения в аптеках и устранении из аптек всех методов и приемов, потворствующих нерациональному лечению, фармотдел предлагает установить в аптеках следующий порядок.

1. Лечение больных и изготовление для них лекарств по усмотрению фармацевта безусловно воспрещается.

Примечание: постановление это касается несчастных случаев и отравлений, при котором фармацевты обязаны оказать всемерную помощь до прибытия врача.

2. Все названия лекарств с обозначением болезни как-то капли от кашля, облатки от головной боли, зубные капли и т.д. – отменяются.

3. При требовании лекарств от той или иной болезни можно отпускать соответствующие простые средства из числа допущенных в ручную продажу, с обозначением их названия и личного состава по-русски.

4. Отпуск каких бы то ни было лекарств по особым прописям с этикетками «Внутреннее» или «наружное» без указания состава воспрещается.

Циркуляр

30 декабря 1919 года

Всем Губфармотделам

О введении дозированных лекарственных форм

Среди разного рода лекарственных форм дозированные средства, изготовленные фабричным путем, безусловно, наиболее совершенные. Введение их в употребление у нас, где аптечная работа носит преимущественно кустарный характер, должно принести к значительной экономии сил, улучшению качества изготовления лекарств, возможности более быстрого их распределения. Необходимо поэтому принять ряд мер, направленных к тому, чтобы заменить устарелые лекарственные формы, дозированными препаратами фабричного изготовления. Ввиду этого Н.К.З. постановляет:

1. Допускаемые к отпуску по ручной продаже порошкообразные вещества: аспирин, висмут ремень, салициловый натр, салол, уротропин, хинин отпускать преимущественно в виде дозированных таблеток.

2. По рецептам врачей для взрослых больных разрешается отпускать из аптек в форме таблеток, даже если они прописаны в форме порошков, облаток и желатиновых капсул, при точном соблюдении прописанной врачом дозы следующие порошкообразные вещества: аспирин, висмут, хинин, гваякол, салициловый натр, фенолфталеин, ремень, салол, уротропин.

Примечание: Если таблетирования форма признается врачом для данного случая неприменимой, он может сделать на рецепте отметку «не в таблетках». В каком случае аптека обязана отпустить лекарство в форме, прописанной врачом.

3. При составлении сметных товарных требований, половинное количество перечисленных по п1 1 и 2-м порошкообразных веществ показывать в форме таблеток в наиболее употребительных дозах.

4. Снабдить все аптеки следующими готовыми ампулами со стерильными растворами путем получения их Госкладах и губернских лабораториях.

Камфора в масле 10% 20%

Кофеин бензоат натриевый 10% и 20%

Мышьяковисто кислый натр 1%

Новокаин с адреналином 2% 0,1 %

5. При поступлении в аптеки указанных выше дозированных средств оповестовать об этом лечебное заведение: врачам рекомендуем прописывать дозированные лекарственные формы, как более совершенные, удобные и правильно приготовленные.

Одновременно предложено отделу медицинского снабжения Н.К.З. принять меры к отпуску на Государственных складов потребных количеств, указанных дозированных средств.

В Губфарпод

Согласно постановлению коллегии Горздравотдела в заседании от 18-го декабря сего года о необходимости немедленно ввести в действие во всех городских национализированных советских аптеках однообразную ручную таксу, которая до сих пор не существует, на отпуск из аптек галеновых и простых лекарств, в так называемую ручную продажу. Городской фармацевтический подотдел просит Орловский Губфармпод немедленно созвать комиссию независимых представителей заинтересованных ведомств, Губздравотдела, Горздравотдела, Профсоюза аптечных работников и государственного контроля, для выработки ручной таксы, обязательной для всех городских национализированных аптек ввести в действие не позже 1-го января 1920 года [2].

Из материалов Госархива Орловской области известно, что в 20-ые годы проводились проверки по состоянию аптек. Результаты проверки аптеки Губернской больницы № 1 представлены нами в таблице 1.

Г. Орел июля 1920 года Комиссией в составе Инструктора-контролера Фармотдела Наркомздрава, представителей Губздравотдела т. Лукьянского, Аптечной секции Союза Всемедико-Сантруд т. Межковского и рабочей-крестьянской инспекции т. Семенова обследовано положение дел в аптеке Губернской больницы № 1.

Заключение дела: Ревизионная комиссия находит такую постановку дела в корне неправильной. Комиссия предлагает Губздравотделу подвергнуть т. Гольберга административному взысканию или предать суду. Предложить Губздравотделу произвести точную опись инвентаря и медикаментов и изъять все излишки из управляемой т. Гольбергом аптеки с немедленной передачей на центральный склад, а также завести отчет согласно Циркуляра Н.К.З. [2].

Как и по всей стране, в Орловской губернии в 20-ые годы в аптеках наблюдался кадровый голод. Всего в губернии по данным на 1 марта 1921 г. осталось только 55 фармацевтов. Многие находились в Красной Армии.

Результаты проверки аптеки Губернской больницы № 1 в июле 1920 г.

Объект проверки	Результаты
Личный состав	В момент ревизии все служащие аптеки оказались налицо: – управляющий аптекой провизор Гольберг – ассистентов два – фельдшеров три
Помещение:	Содержатся в чистоте. Недостатки не выявлены. – рецептурная – материальная – лабораторная – комната для дежурного персонала – кабинет управляющего
Снабжение	Выявлены нарушения: – запасы превышают действительную потребность – товар не заприходован в товарные книги – запасы товаров разбросаны в нескольких запасных комнатах
Товарная отчетность	Отчетность в аптеке ведется по выборочной системе. Выявлены нарушения: – неправильность наличия медикаментов и спирта соответствующим записям товарной книги

Месячная ведомость

**Движение служащих за время с 1-го февраля
 по 1-е марта 1921 года
 по г. Орлу и Орловской губернии**

Общая сводка

Состояло на службе на 1-ое февраля 1921 года 278 человек

Оставило службу 18 человек

Вновь поступило 13 человек

Состояло на службе на 1-ое марта

А) фармацевтов мужчин/женщин 39/16

Б) Практикантов, драгистов и других, исполняющих обязанности фармацевтов м/ж=29/72

В) Прочего персонала м/ж=22/90

Всего мужчин/женщин=90/178

Делопроизвод. Дрост [2].

Как видно из вышестоящего документа, из 278 служащих аптек всего 55 человек имели специальное фармацевтическое образование. В то же время до революции в Орловской губернии, по данным Глотовой Л.И., числилось 134 фармацевта. Для ликвидации кадрового голода к работе в аптеках привлекали фельдшеров и молодых людей, окончивших школу II ступени, которые практиковались в аптечном деле под наблюдением фармацевтов.

В октябре 1921 г. были организованы курсы по подготовке аптечных работников. Нужда в этих курсах ощущалась крайняя ввиду острого недостатка квалифицированного аптечного персонала во всей губернии, но, к сожалению, на своевременно посланные извещения откликнулись только два уезда, Малоархангельский и Кромской. Всего за курсы принято 50 человек, из них 26 работающих в аптеках и 24 не знакомых с аптечной работой. Занятия велись в помещении Государственного Университета, практические работы происходили во вполне приспособленной оборудованной и снабженной нужным материалом Научно Технической Лаборатории Губсовнархоза. Практические занятия по рецептуре проводились в первой городской Советской аптеке. Кроме того, была собрана вполне удовлетворительная коллекция по фармакогнозии, что в значительной степе-

ни облегчала слушателям прохождение этого предмета.

Курс был рассчитан на 6 месяцев. Лица, имеющие более или менее продолжительный практический стаж были выделены в особые группы для подготовки занятия должности рецептора [2].

Работать приходилось в тяжелых условиях, в стране шла гражданская война, не хватало топлива, медикаментов, вспомогательных материалов. Губфарпод организовал сбор лекарственных растений. К этому привлекали школьников и отдельных лиц (коллекторов), получавших за это жалованье и паек. В 1922 г. в РСФСР наблюдался лекарственный голод: часть аптек была закрыта. Например, в Орле закрылись аптеки № 2 и 3, а их товар был передан в аптеки №1,4,6.

Частично медикаменты приобретались на рынке. Росла спекуляция лекарствами, продавались медикаменты, приносящие вред здоровью, взвинчивались цены. Возникла необходимость временной сдачи аптек в аренду частным лицам. Была допущена оптовая продажа медикаментов кооперативным и общественным организациям, а также частным лицам под контролем здравотдела, установлен список медикаментов для розничной торговли, запрещено приготовление лекарств вне аптек. Арендная плата поступала в фонд местных органов, прибыль аптечного склада и хозаптек шла на улучшение аптечного дела [3].

На правительственном уровне издавались указы по организации лекарственного снабжения населения.

Всем Губфармодтделам
 Фармацевтическим подотделам

**О списке медикаментов, подлежащих
 заготовки в первую очередь**

Март 1921 г.

Надлежащая постановка аптечного дела требует пересмотра всего списка аптечных средств для установления нормального каталога их. В этих целях и ввиду все продолжающегося лекарственного голода и затруднений в области заготовки их лекарственных средств, настоящим устанавливается список медикаментов, подлежащих заготовки в первую очередь. В указанный список

не помещены: препараты, которые могут быть заменены другими, потеряли свое медицинское значение или без которых можно обойтись без ущерба для лечебного дела. Список имеет временный характер, представляет собою перечень предметов, с которых снабжающие органы заботятся в первую очередь и являются обязательными для каждой аптеки.

Антидифтерийные сыворотки должны отпускаться только из районных центральных аптек. Остальные сыворотки и вакцины должны иметься только в I-ом пункте каждой местности. Предметы, имеющиеся в аптеках и не помещенные в списке, отпускаются на прежних основаниях, до исчерпания их запаса. Помимо приведенного списка I-ой очереди имеют быть изданы списки 2-ой и 3-й очереди, подлежащие заготовке по мере возможности и без ущерба для первой группы.

Народный комиссар Здравоохранения Н.С. Семашко
Заведующий Фармотделом Алуф А.

Управ. Делами Наркомздрава Н.С. Сазонова

В Орловской губернии также как и по всей стране проводились развёрстка и перераспределение медикаментов:

Доклад о деятельности п/отдела Орловского Губздравотдела

В виду критического положения с медикаментами почти во всех лечебных учреждениях и аптеках губернии, явилась необходимость срочно распределить главные (ходкие) предметы, имевшихся на Губернском аптечном складе. При составлении разверстки медикаментов на основании циркуляра Наркомздрава, Секция Снабжения руководствовалась следующими принципами:

1. Одна десятая часть подлежащего к разверстке предмета оставалась на складе, как запас на непредвиденные расходы.

2. Распределение по уездам, включая г. Орел с городскими губернскими лечебными учреждениями, производилось на следующих основаниях:

а) было установлено процентное отношение чисел населения, среднего числа, коечных дней в месяц, среднего числа амбулаторных посещений в месяц и среднего количества рецептов в национализированных аптеках за год по каждому уезду и г. Орлу. К таким же данным все губернии.

б) из этих четырех величин выводилось среднее арифметическое для каждого уезда и города Орла, которое означалось коэффициентом, указывающим число долей, приходящихся по разверстке. По получению этих сведений с мест, вычисления дали следующее процентное отношение по всей губернии:

Г. Орел	16%
Орловский уезд.....	8%
Елецкий уезд	23%
Болховской уезд	8%
Малоархангельский уезд ..	8%
Дмитровский уезд.....	7%
Мценский уезд.....	7%
Кромской уезд.....	6%

В первую губернскую разверстку вошли те медикаменты, которые выявились из аптечного склада в достаточном количестве, а также излишки, забранные из аптеки Губбольницы №1, и главным образом экстракты, тинктуры и перевязочный материал. Вторая разверстка благодаря небольшому подкреплению из центра состояла из 172-х предметов, в числе которых были ходкие предметы (висмут, хинин, йодистые и бромистые препараты, рыбий жир, салол и проч.) Всего в обе разверстки поступило: жаропонижающих средств 36195,0; Желудочных 63700,0; Сердечных 28600,0; Отхаркивающих 8 860,0; экстрактов разных 66280,0; настоек разных 351400,0; рыбьего жира 100 пудов; ваты гигроскопической 750 л. ваты простой 1250 л. Лигнину фр. Марли суровой 40000 и гигроскопичной 45000 ф. за время с августа по 20 ноября складом выполнено 400 заказов не считая мелкого отпуска в один, два, три предмета, то есть пропускная способность склада равняется в среднем 4-м заказам в день.

Вследствие ограниченного числа и количества большинства предметов, поступающих в разверстку, губерния в настоящее время снабжена недостаточно. Ощущается острый недостаток во многих необходимых предметах, как кодеин, кофеин, касторовое масло и совершенно отсутствуют атропин, ипекакуана и другие [2].

С целью оперативного руководства аптечной сетью 6 октября 1924 года постановлением пленума Орловского губисполкома было организовано аптечное управление, которое объединило 22 аптеки, 2 аптечных склада, 2 магазина санитарии и гигиены, лабораторию галеновых препаратов. В 1925 г. все аптеки вновь передаются в ведение Губздравотдела. С марта 1925 г. начинает работать аптекоуправление Орловского Губздравотдела [1,2]. Данные по аптекам Орловской губернии за апрель-июнь 1926 г. представлены в таблице 2.

К 1927 г. число аптек, а также фармацевтов в губернии заметно увеличилось; снизилась стоимость отпускаемых аптеками лекарств. Однако контроль за качеством лекарств осуществлялся еще недостаточно. В штате аптечного управления работал лишь один химик-аналитик. С выпуском в 1927 году первой «Советской фармакопеи» ужесточились требования к качеству лекарственной продукции. В 1932 г. в Орле была организована контрольно-аналитическая лаборатория, которая возглавила работу по контролю качества лекарств, изготавливаемых в аптеках [2].

Данные по аптекам Орловской губернии (апрель-июнь 1926 г.)

Хозрасчётные аптеки	Больничные аптеки
г. Орёл	
– число аптек – 6 – число изготовленных рецептов – 94 724 – служащих: а) фармацевтов – 38 б) и.о. фармацевта – 20	– число аптек – 4 – число изготовленных рецептов – 39 278 – служащих: а) фармацевтов – 6 б) и.о. фармацевта – 7
Орловский уезд	
– число аптек – 3 – количество изготовленных рецептов – 21400 – служащих: а) фармацевтов – 5 б) и.о. фармацевта – 4	– число аптек при больнице – 7 – число аптек при амбулатории – 10 – число изготовленных рецептов – 69700 – служащих: а) фармацевтов – 1 б) и.о. фармацевта – 15
Елецкий уезд	
– число аптек – 4 – количество изготовленных рецептов – 36042 – служащих: а) фармацевтов – 16 б) и.о. фармацевта – 12	– число аптек при больнице – 12 – число аптек при амбулатории – 8 – число изготовленных рецептов – 109440 – служащих: а) фармацевтов – 2 б) и.о. фармацевта – 22
Болховский уезд	
– число аптек – 1 – количество изготовленных рецептов – 98400 – служащих: а) фармацевтов – 4 б) и.о. фармацевта – 5	– число аптек при больнице – 5 – число аптек при амбулатории – 4 – число изготовленных рецептов – 25720 – служащих: а) фармацевтов – 1 б) и.о. фармацевта – 9
Ливенский уезд	
– число аптек – 2 – количество изготовленных рецептов – 32510 – служащих: а) фармацевтов – 5 б) и.о. фармацевта – 4	– число аптек при больнице – 7 – число аптек при амбулатории – 6 – число изготовленных рецептов – 36800 – служащих: а) фармацевтов – 1 б) и.о. фармацевта – 13
Дмитровский уезд	
– число аптек – 1 – количество изготовленных рецептов – 8075 – служащих: а) фармацевтов – 1 б) и.о. фармацевта – 3	– число аптек при больнице – 4 – число аптек при амбулатории – 2 – число изготовленных рецептов – 25314 – служащих: а) фармацевтов – 1 б) и.о. фармацевта – 5
Малоархангельский уезд	
– число аптек – 1 – количество изготовленных рецептов – 12100 – служащих: а) фармацевтов – 4 б) и.о. фармацевта – 4	– число аптек при больнице – 6 – число аптек при амбулатории – 3 – число изготовленных рецептов – 46587 – служащих: а) фармацевтов – 0 б) и.о. фармацевта – 9
Новосильский уезд	
– число аптек – 1 – количество изготовленных рецептов – 2131 – служащих: а) фармацевтов – 2 б) и.о. фармацевта – 2	– число аптек при больнице – 4 – число аптек при амбулатории – 7 – число изготовленных рецептов – 11900 – служащих: а) фармацевтов – 0 б) и.о. фармацевта – 11
Итого по губернии:	
– число аптек – 19 – количество изготовленных рецептов – 304932 – служащих: а) фармацевтов – 75 б) и.о. фармацевта – 54	– число аптек при больницах – 49 – число аптек при амбулаториях – 40 – число изготовленных рецептов – 364739 – служащих: а) фармацевтов – 12 б) и.о. фармацевта – 83

Таким образом, в результате проведённого нами исследования выяснено, что:

1. В Орловской губернии национализация аптек началась 8.VIII.1918 г., т. е. еще до выхода правительственного декрета. Об этом свидетельствуют постановления Орловского губисполкома о национализации всех аптек, акт комиссии Ливенского врачебного совета о национализации аптеки Крафта.

2. Большинство аптек губернии было национализировано в 1919 г.

3. Уже в первые годы Советской власти в Орловской области принимались приказы и циркуляры по аптечному делу.

4. В 20-ые годы регулярно проводились проверки по состоянию аптек и выявлялись нарушения.

5. Как и по всей стране, в Орловской губернии в 20-ые годы в аптеках наблюдался кадровый голод. В октябре 1921 г. были организованы курсы по подготовке

аптечных работников. Всего за курсы принято 50 человек, из них 26 работающих в аптеках и 24 не знакомых с аптечной работой. К работе в аптеках привлекались фельдшеры.

6. В 20-ые г. в РСФСР наблюдался лекарственный голод: часть аптек была закрыта. Частично медикаменты приобретались на рынке. Росла спекуляция лекарствами, продавались медикаменты, приносящие вред здоровью, взвинчивались цены.

7. Была допущена оптовая продажа медикаментов кооперативным и общественным организациям, а также частным лицам под контролем здравотдела, установлен список медикаментов для розничной торговли, запрещено приготовление лекарств вне аптек.

8. На правительственном и губернском уровнях издавались указы по организации лекарственного снабжения населения.

Библиографический список

1. *Глотова Л.И.* Из истории развития аптечного дела в Орловской области. История Здравоохранения Орловской области (1708-2007). Под редакцией Гурова П.И. Орел: «Труд», 2007. С. 406-410.
2. Государственный архив Орловской области, фонд 467, опись 1.
3. *Замыслова Н.А.* Аптечная служба Орловской области за 70 лет Советской власти и перспективы её развития. Актуальные вопросы науки и практики Орловского здравоохранения. Под редакцией Гурова П.И. Орел, 1988. С.47-49.

References

1. *Glotova L.I.* From the history of pharmacy in Orel region. History of healthcare in Orel region (1708-2007). Ed. by Gurov P.I. Orel.: «Trud», 2007. Pp. 406-410.
  2. State Archives of the Orel Region, the fund 4, register 1.
  3. *Zamyslova N.A.* Pharmacy Service in Orel region for 70 years of Soviet regime and its development prospects. Actual questions of science and practice of Orel healthcare. Ed. by Gurov P.I. Orel, 1988. Pp.47-49.
-

А.С. ХВОРОСТОВ

доктор педагогических наук, профессор, кафедра декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: aqua_storm@mail.ru

A.S. HVOROSTOV

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of arts and crafts art and technical graphics, Orel State University named after I.S. Turgenev
E-mail: aqua_storm@mail.ru

БРЁВНА, ПОПАВШИЕ В ИСТОРИЮ

LOGS THAT BECAME HISTORY

В государственном художественном музее имени А.Н. Радищева в Саратове хранится этюд Федора Александровича Васильева «Брёвна у дороги» (1867-1869. Дерево. Масло. 23x38,5). Аналогичный по сюжету этюд находится в собрании Государственного Русского музея и принадлежит кисти Ивана Ивановича Шишкина. Полное название этюда: «Брёвна. Деревня Константиновка близ Красного Села» (1868 (9?). Бумага на картоне. Масло. 23,7x35. На первый взгляд, они очень разные, и мысли сравнить их не возникает. Мы хотим показать, что пейзажисты писали данные этюды в одном и том же месте, в одно и то же время, работая рядом. А это всегда вызывает особенный интерес к произведениям.

Ключевые слова: Федор Васильев, Иван Шишкин, пейзажисты, этюды, брёвна, портретность, идентичность, одновременно, одно место, деревня Константиновка.

In the state art museum named after A.N. Radishchev, in Saratov, Fedor Aleksandrovich Vasilyev's etude «Logs at the road» (1867-1869) is stored. Tree. Oil. 23x38,5. The etude, similar on a plot, is in the State Russian Museum collection and belongs to Ivan Ivanovich Shishkin's brush. Full name of the etude is «Logs. The village of Konstantinovka near the Red Village» (1868 (9?). Paper on a cardboard. Oil. 23,7x35. At first sight, they are very different, and thoughts to compare them don't arise. We want to show that landscape writers wrote these etudes in the same place, at the same time, working next to each other. And it always causes special interest in works.

Keywords: Fedor Vasilyev, Ivan Shishkin, landscape writers, etudes, logs, portretnost, identity, at the same time, one place, village of Konstantinovka.

Семь лет назад, просматривая альбом с репродукциями произведений пейзажиста Ф. А. Васильева, на одном из этюдов я остановился. Это была репродукция этюда «Брёвна у дороги» (он хранится в Государственном художественном музее имени А.Н. Радищева в Саратове). На нём были изображены брёвна, которые я только что видел в другом издании, – с пейзажами художника И.И. Шишкина. Там, как и здесь – на первом плане лежала груда спиленных стволов.

Вновь открыл альбом с работами И. И. Шишкина.

Точно!

Вот его этюд: «Брёвна. Деревня Константиновка близ Красного Села». 1868 (9?) год. Этюд хранится в Государственном Русском музее, в Санкт-Петербурге.

Начал вглядываться, сопоставлять, сравнивать. И, о чудо! На обоих этюдах одни и те же брёвна, лежащие торцами в сторону зрителя. Брёвна одинаковые, лежат в схожем штабеле. Все торцы портретно похожи.

Получалось, что я неожиданно обнаружил творческую пару этюдов, хранящихся сейчас в разных музейных коллекциях, но родившихся в один и тот же день, в одном и том же месте. Автором одного из них был Шишкин. Автором другого – Васильев.

Это была настоящая находка.

Рис. 1. Ф. А. Васильев «Брёвна у дороги» (1867 – 1869).

В истории изобразительного искусства нечасто встречаются случаи, когда известные живописцы, находясь рядом, писали один и тот же мотив.

А Шишкин с Васильевым иногда практиковали написание с натуры одного и того же места.

Иван Иванович Шишкин и Фёдор Александрович Васильев были в родстве. Шишкин (он старше на 18 лет) был женат на родной сестре Васильева. Ко времени, когда подрастающий Фёдор стал проявлять интерес к живописи, Шишкин уже был академиком – признанным мастером пейзажа.

Рис.2. И. И. Шишкин. «Брёвна. Деревня Константиновка близ Красного Села». Эту́д. 1868(9).

Вместе они, бывало, выходили или выезжали на этюды, где Васильев жадно впитывал всё, что ему рассказывал и показывал Шишкин. Васильев сам признавался Репину, что у него «превосходный учитель И.И. Шишкин»[1].

К примеру, существуют две идентичные вещи: картина Ф.А. Васильева «В церковной ограде. Старое кладбище Валаамского монастыря» (1867 г., ГРМ) и аналогичное по сюжету полотно И.И. Шишкина, написанное почти с того же места (находится в частном собрании в Москве) [2]. Оба пейзажа написаны в 1867 году на острове Валаам, где Васильев и Шишкин находились вместе в течение пяти месяцев [3].

Следующее лето 1868 года они опять провели вместе ... в деревне Константиновка близ Красного села, недалеко от Петербурга... [4]

В связи с этим давайте вновь вернёмся к названным выше этюдам.

Они никогда особенно не интересовали искусствоведов. Их репродуцировали, но, насколько мне известно, идентифицировать попыток не было.

Действительно, на первый взгляд, они достаточно разные, и мысли сравнить их не возникает. У Васильева название этюда «Брёвна у дороги» (1867-1869 г.г.) Дерево. Масло. 23x38,5 (рис.1). Полное название этюда И.И. Шишкина из Государственного Русского музея: «Брёвна. Деревня Константиновка близ Красного Села» (1868 (?)). Бумага на картоне. Масло. 23,7x35 (рис. 2).

При сравнении этих этюдов вывод напрашивается сам собой – Васильев и Шишкин писали их в одном и том же месте, работая рядом, именно там, где (судя по названию) был написан этюд И.И. Шишкина.

Сравним изображения, причём наиболее внимательно проанализируем лежащие на земле спиленные стволы. И тут окажется, что именно брёвна являются ключом к идентификации данных пейзажей.

Сначала пересчитаем стволы, написанные в каждом из этюдов. Количество их окажется почти равным.

К этому «почти» мы ещё вернёмся.

А сейчас обратим внимание на то, что брёвна в обоих пейзажах лежат уж очень одинаково. Чтобы легче было вести сравнение, начертим схему брёвен и пронумеруем их (рис. 3).

А теперь внимательно к ним присмотримся (рис.4, 5).

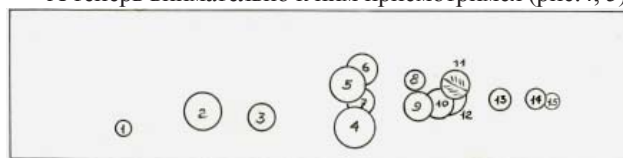

Рис. 3. Схема расположения торцов брёвен на этюдах Ф. Васильева и И. Шишкина.

Рис.4. Ф.Васильев «Бревна у дороги» этюд (фрагмент).

Рис.5. И. Шишкин «Бревна. Деревня Константиновка близ Красного Села» (фрагмент).

Первые четыре бревна слева лежат на земле. При этом первое – самое тонкое, третье – потолще, а второе и четвёртое – наиболее массивные. Посмотрите, ведь такое соотношение на обоих этюдах.

Далее: пятое и шестое брёвна находятся сверху. Они навалились на четвёртое и совсем придавили седьмое. Причём и навалились, и придавили одинаково на обоих этюдах. Чуть правее сверху лежат и брёвна, обозначенные как №8 и №11, а под ними – девятое, десятое и двенадцатое.

И это тоже на обоих изображениях. Так же, как четвёртое слева бревно ошкурено, а все остальные покрыты корой.

Ещё сходство: по характеру торцов видно, что все стволы спилены. Кроме одного – одиннадцатого. Оно срублено. А на девятом бревне обращает на себя внимание большая трещина справа. Её хорошо видно на торце.

И всё это опять повторяется на обоих пейзажах.

Вообще, по взаиморасположению, величине и очертаниям торцов, по выпуклостям и впадинам на них, по гребням спилов, трещинам, другим мельчайшим аналогичным деталям можно сделать только один вывод: это одна и та же груда брёвен, которую писали оба художника.

Этот вывод подтверждается рядом других подробностей в этюдах. К примеру, если присмотреться, то в некотором отдалении от переднеплановых брёвен можно увидеть еще несколько лежащих стволов. Причём присутствуют они тоже на обеих работах. Только на этюде Васильева перед этой грудой остановилась лошадь с телегой, и стволы просматриваются менее чётко. А на шишкинской работе дальние стволы перекрывает сдвоенная берёзка, к которой мы ещё вернёмся.

Сравниваем дальше.

Оказывается, что ширина, направление и изгибы дороги аналогичны и у Васильева и у Шишкина, те же проплешины в травяном покрове, похожие очертания

древесной кроны слева. Всё это подтверждает наше предположение, что художники написали свои пейзажи на одном и том же месте.

Так как Шишкин в своём этюде назвал адрес этого места: «деревня Константиновка близ Красного Села», созданный Васильевым этюд тоже можно приписать к этому же населённому пункту. А поскольку в деревне Константиновка художники были вместе только в 1868 году, то уточняется и год создания обоих произведений. И в Санкт-Петербургском этюде в дате его создания можно убрать скобки с девяткой и вопросом.

***

Но невольно возникает вопрос: откуда в этих двух изображениях столько бросающихся в глаза различий?

Попробуем в этом разобраться.

Мне представляется, что художники, приехали в деревню, где-то в середине или к концу дня и, прежде чем браться за кисти, решили осмотреться. Они вместе вышли познакомиться с окрестностями.

Группа спиленных и живописно разбросанных стволов, скорее всего, их сразу привлекла. Ведь и у того и у другого лежащие брёвна в пейзажах – достаточно частая деталь. Решили назавтра начать писать этюды именно с этого мотива.

Васильева восхищали утренние состояния [4]. И он на следующее утро, пораньше, при низком утреннем солнце взялся за этюд. Расположился метрах в трёх от сарая, где свалены брёвна, в его глубокой тени. Тёмная стена была ему хорошо видна и в свой, несколько удлиненный формат, Васильев её вкомпоновал (см. рис. 1).

Шишкину больше нравились состояния ближе к полудню [5]. Поэтому он не спешил на природу. Из воспоминаний племянницы И.И. Шишкина А.Т. Комаровой известно, что он не брал с собой на этюды ни мольберта, ни стульчика, а мастерил всё это на месте из подручных материалов [6]. И здесь он, должно быть, выйдя попозже и придя на место, где работал его молодой коллега, не торопясь, принялся ладить себе импровизированный мольберт. Благо недостатка в материале не было.

Судя по этюду Васильева, крышу сарая уже начали ремонтировать, меняя стропила, снимая старые, прогнившие брёвна и заменяя их новыми. Посмотрите, на его этюде, слева сверху сверкает светлым янтарём свежее обтёсанное бревно и часть торца другого бревна.

Когда Шишкин закончил мастерить приспособления для работы и приступил к живописи, солнце поднялось довольно высоко, тени укоротились, и он встал поближе к стене сарая, слева от Васильева. Об этом говорит характер перспективного сокращения брёвен на обеих работах. Видно и то, что Васильев работал сидя, а его старший товарищ – стоя. Поэтому брёвна он видел несколько сверху. И горизонт у него повыше, что он и передал в этюде.

Поскольку Шишкин встал ближе к сараю и смотрел от него, стена не попадала в поле его зрения. Да и картонка, на которой он писал – менее удлиненная, чем формат этюда у Васильева. Поэтому стена в изображении Шишкина отсутствует.

Пока Иван Иванович устраивался, подсохла роса и стала светлее кора на стволах. На плетень, что виден справа на Васильевском этюде, крестьянки успели набросить холсты для выбеливания. У Шишкина они хорошо видны светлыми и цветными прямоугольниками. А на этюде Васильева, слева хорошо просматривается женщина, держащая в руках белый материал, который она несёт вешать на плетень.

За то время, что Васильев писал этюд, а Шишкин к этому только готовился, естественно, несколько видоизменились купы облаков.

Изменилось и число брёвен в штабеле. У Васильева их пятнадцать, а у Шишкина – четырнадцать.

Вот мы и подошли к тому «почти», к которому я обещал вернуться, – на этюде Шишкина нет торца под номером 13.

Почему?

Семь лет назад в первом варианте статьи «Идентичные этюды Васильева и Шишкина» («Художественная школа», №2, за 2009 год) я так объяснил это различие:

«...в этюде Шишкина отсутствует один из торцов с правой стороны (см. схему, рис. 3, №13). Возможно, потому, что он аналогичен по очертаниям и размерам лежащему рядом (на рис. 3 – это №14), и ничего не добавлял к уже решённому художником образу. Васильев же, по-ученически, был более точным и перенёс в этюд всё, что видел в натуре».

Красивое объяснение с творческой направленностью. Но сейчас я подошёл бы к этому факту более приземленно и, надеюсь, более убедительно.

Ведь брёвна привезли не для того, чтобы они долго лежали у дороги, где каждый проезжающий не прочь забросить одно-два себе в телегу. Такова уж природа русского человека – не пропустить то, что плохо лежит.

Стволы здесь сбросили, чтобы быстро пустить в дело. И, мы видим на этюде Васильева, что так оно и есть на самом деле.

В тот день, когда Васильев начал рано утром писать этюд, брёвен было пятнадцать. Но пока его старший товарищ просыпался, устраивался и готовил себе рабочее место, плотники успели унести одно бревно (номер тринадцать) с правой стороны штабеля и пустили его в дело.

Потому его и нет в этюде Шишкина.

Конечно же, плотники, видя художников, рисующих груды брёвен, усмехнулись про себя (мол, чем только बारे не тешатся), не стали ждать, когда те закончат рисовать, а выбрали и унесли нужное им бревно (которое, кстати, Васильев успел уже зафиксировать). Поэтому Шишкин и начал писать штабель брёвен без этого, тринадцатого ствола.

Если учесть все названные небольшие временные подвижки, изменившие длину теней, и прикрыть тёмную стену сарая на этюде Васильева, мы получим, по существу, этюд Шишкина, естественно, не считая стаффажей (рис. 6, 7)...

Но серьёзная помеха нашей гипотезе – двоякие кроны и стволы в середине шишкинского пейзажа.

Ведь на изображении у Васильева их на этом месте нет. Но, если присмотреться, оказывается, они есть и у Васильева. Он, как старательный и дотошный ученик, тоже написал их. Только у него они находятся дальше, на левой стороне этюда, между женщиной с холстами в руках и дальним штабелем брёвен (см. рис. 1).

Шишкин же, решая свои задачи в пейзаже, подтянул эти деревца поближе. Средний план ему показался слишком пустым. Ведь художники в работе над этюдами, имеют право на такие манёвры.

Но скажу сразу: деревья выглядят неубедительными. По кронам – это берёзки, но почему-то с тёмными стволиками. И освещены они как-то странно. Судя по падающей от них тени на дороге, солнце находится слева. Но на кронах этих берёзок освещённые участки с правой стороны, а левая часть, наоборот, погружена в тень. Это говорит о том, что деревья, скорее всего, написаны «от себя», нежели с натуры.

Думается, именно в некотором разночтении среднего плана сказалось отличие творческих методов каждого из художников. Оба конечной задачей творческой работы над этюдами видели картину [7]. И каждый вводил туда те подробности, которыми хотел бы конкретизировать мотив. Васильев любил вводить стаффажи – мелкомасштабные изображения людей и животных, раскрывающие или дополняющие сюжет. Недаром телегу с лошастью он написал рядом с дальней группой брёвен, как бы связав их сюжетом. Отсюда и женщина с холстиной в руках.

В пейзажах Шишкина стаффажи встречаются значительно реже. И в этом этюде он дополнил мотив тем, что ему было ближе – парочкой деревьев, переместив их с дальнего плана поближе к зрителю.

Однако, несмотря на такие заметные разночтения «портретность» груды брёвен на переднем плане не оставляет сомнений, в том что данные этюды написаны Васильевым и Шишкиным летом 1868 года в одном и том же месте – в деревне Константиновка близ Красного Села недалеко от Петербурга.

Рис.6. Ф.Васильев. Бревна у дороги. 1867-1869 (фрагмент без левой части).

Рис.7. И.И. Шишкин. «Брёвна. Деревня Константиновка близ Красного Села». Этюд, 1868.

Мы считаем, что и Русский музей в Санкт-Петербурге и художественный музей им. А. Н. Радищева в Саратове могут снять все вопросы в названии и датировке данных произведений.

Библиографический список

1. Репин И.Е. Далёкое близкое. Л.: Художник РСФСР, 1986. С. 218.
2. Шувалова И.Н. Иван Иванович Шишкин. Л.: Художник РСФСР, 1990. С. 38.
3. Фёдор Александрович Васильев. Альбом. Автор вступительной статьи и составитель Н.Н. Новоуспенский. М.: Изобразительное искусство, 1991. С. 8.
4. Анисов Л.М. Шишкин. М.: Молодая гвардия. 1991. С. 191-192.
5. Анисов Л.М. Указ соч. С. 186.
6. Шишкин И.И. Переписка. Дневник. Современники о художнике. Составление, вступительная статья и примечания И.Н. Шуваловой. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1984. С. 304.
7. Васильев Ф.А. Альбом. Автор вступительной статьи и составитель Н.Н. Новоуспенский. М.: Изобразительное искусство, 1991. С. 8.

References

1. Repin I.E. The far close. L.: Artist of RSFSR, 1986. P. 218.
2. Shuvalova I.N. Ivan Ivanovich Shishkin. L.: Artist of RSFSR, 1990. P. 38.
3. Fedor Aleksandrovich Vasilyev. Album. The author of introductory article and originator N. N. Novouspensky. M.: Fine arts, 1991. P. 8.
4. Anisov L.M. Shishkin. M.: Young Guard. 1991. Pp. 191 - 192.
5. Anisov L.M. Stated work. P. 186.
6. Shishkin I.I. Correspondence. Diary. Contemporaries about the artist. Compilation, introductory article and notes by I.N. Shuvalova. The 2nd ed. M.: Art, 1984. P. 304.
7. Vasilyev F.A. Album. The author of introductory article and originator N. N. Novouspensky. M.: Fine arts, 1991. P. 8.

А.А. ЧЕРНИЛОВСКИЙ

кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева (Карачевский филиал)

E-mail. senior.chernilowsky2013@yandex.ru

A.A. CHERNILOVSKY

Candidate of History, Associate Professor, Department of Humanities, Orel State University named after I.S.Turgenev (Karachev branch)

E-mail. senior.chernilowsky2013@yandex.ru

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ В 1920-Х ГОДАХ ИТАЛЬЯНСКИМ ГЕНЕРАЛОМ ДЖУЛИО ДУЭ И КРИТИКА ЕГО ТЕОРИИ В СССР

THE PREDICTION OF THE FUTURE WAR IN THE 1920S BY THE ITALIAN GENERAL GIULIO DOUHET AND CRITICISM OF HIS THEORY IN THE USSR

В статье предпринята попытка анализа наследия итальянского военного мыслителя 20-х годов Джулио Дуэ, характеризуется критика его теории в СССР в 30-х годах, анализируются сделанные Дуэ и советскими военными авторами прогнозы будущей войны в воздухе.

Ключевые слова: Первая мировая война, Вторая мировая война, прогноз, авиация, воздушные налеты, радары.

It is attempted to made an analysis of the legacy of the Italian military thinker of the 1920-ies Giulio Douhet in this article. The criticism of his theory in the USSR in the 30-ies is characterized here and predictions of a future war in the air made by Douhet and the Soviet military authors are analyzed.

Keywords: the First World War, the Second World War, the forecast, aircraft, air strikes (air raids), radar.

В 1936 году в СССР была опубликована книга покойного к тому времени итальянского генерала Джулио Дуэ «Господство в воздухе», посвященная будущей воздушной войне.

Дуэ ссылался на собственную статью 1909 года, в которой приветствовал «рождение третьего брата – младшего, но имеющего не меньшее значение в великой военной семье» [1, с. 71]. В 1921 году Дуэ уже считал, что авиация по значению превосходит армию и флот.

Мировая война застала авиацию в состоянии младенчества: «Высшие военные руководители втянутых в борьбу государств не верили в авиацию; хуже того, большинство из них даже не знало, что такое она собой представляет. <...> И штабы не замечали ее до тех пор, пока на расположение главных квартир не начали падать бомбы» [1, с. 171].

В ходе войны авиация использовалась в основном для поддержки войск. «Только к концу мировой войны в некоторых из воюющих стран возникла мысль, что было бы возможно и выгодно поручить воздушным силам самостоятельные боевые задачи. Но эта мысль не была с решительностью осуществлена никем – может быть потому, что война закончилась раньше, чем были готовы надлежащие средства» [1, с. 41], – писал Дуэ. Но в будущем она должна стать самостоятельным видом вооруженных сил.

«Опыт минувшей мировой войны может служить нам лишь отправной точкой, уже очень далекой от нас, но никак не основой, на которой следует базировать

подготовку государственной обороны» [1, с. 44], – справедливо заключал итальянский военный мыслитель.

Однако ошибочным оказался его прогноз, что в будущей войне будут широко применяться химическое и бактериологическое оружие: «Воздушное оружие дает возможность перенести, помимо взрывчатых веществ, химический или бактериологический яд в любую точку неприятельской территории, сея по всей вражеской стране смерть и разрушение» [1, с. 43].

Как известно, во Второй мировой войне использование химического и бактериологического оружия носило лишь эпизодический характер.

Дуэ указывал, что в минувшей мировой войне линия фронта достигла максимально возможной длины, но еще сохранялась привычная граница между фронтом и тылом: «Во время мировой войны, хотя она глубоко захватила целые народы, положение было таково, что, пока меньшая часть граждан сражалась и умирала, большинство жило и работало, чтоб снабдить меньшинство средствами для военных действий. И все это могло иметь место потому, что невозможно было перейти боевые линии, не разбив их предварительно» [1, с. 45].

Но в будущей войне авиация сотрет эту границу: «Линии фронта, расположенные на поверхности земли, не могут более защищать то, что находится в их тылу; победа на земной поверхности не предохраняет народ, одержавший эту победу, от воздушных нападений со стороны противника» [1, с. 46].

Кроме того, авиация дает наступлению преимущество над обороной: «Новые орудия войны совершенно изменяют положение, потому что они в высшей степени увеличивают преимущества наступательного образа действий, значительно понижая, если не прямо уничтожая, преимущества оборонительного образа действий» [1, с. 54].

Такой прогноз, разумеется, следует признать верным.

Дуэ отмечал, что авиабомба содержит меньше металла и больше взрывчатого вещества, чем снаряд, что еще важнее, артиллерия ведет огонь по целям, подготовленным к обстрелу, тогда как авиация наносит удары по целям, не рассчитанным на бомбардировку: «Если полк способен еще сопротивляться в разрушенном окопе, потеряв две трети своего состава, то целый цех видит свою работу прерванной вследствие разрушения одной группы станков и разбегается при малейших потерях» [1, с. 63].

Бомбометание, конечно, уступает артиллерийскому огню в точности, но она ему и не нужна [1, с. 59].

Дуэ был прав, говоря, что полную безопасность стране от воздушного нападения может дать лишь господство в воздухе: «Уже с давних пор общепризнано, что для защиты побережья от нападений с моря не рассеивают вдоль него суда и пушки, но обеспечивают его завоеванием господства на море, т. е. препятствуя противнику плавать» [1, с. 58]. Поскольку земная поверхность представляет собой побережье воздушного океана, то оборонять ее следует так же – препятствуя противнику летать.

Лучшим средством для этого Дуэ справедливо считал не воздушные бои, а удары с воздуха по вражеским аэродромам: «Чтобы суметь уничтожить полностью и быстро породу птиц, недостаточно убивать только всех тех, которые встретятся в воздухе. Этот метод, напротив, является мало действительным, так как, помимо трудности встретить их всех в полете в безграничном пространстве, все же останутся гнезда и яйца. Наоборот, систематическое разрушение гнезд и яиц является наиболее действительным средством» [1, с. 79].

Дуэ совершенно верно говорил, что в будущей войне господство в воздухе будет означать победу: «Завоевать господство в воздухе – значит победить, а потерпеть поражение в воздухе – значит быть побежденным и вынужденным принять все те условия, какие неприятелю угодно будет поставить» [1, с. 67].

Однако все эти совершенно верные мысли Дуэ довел до абсурда, утверждая, что в воздушной войне оборона будет вообще невозможна. Если условно допустить, что одна воюющая сторона имеет определенное количество самолетов, а другая сторона имеет на своей территории 20 целей для бомбометания, то для их обороны нужно у каждой из этих целей держать воздушные силы хотя бы равные неприятельским. Следовательно, для успешной противовоздушной обороны нужно иметь 20-кратное превосходство в авиации [1, с. 56]. Рассчитывать же на случайный перехват истребительной эскадрой враже-

ской бомбардировочной армады нельзя: «Искать – но где? Воздух абсолютно однороден, и пространство не может дать никаких указаний относительно наиболее вероятного пути» [1, с. 104].

В качестве подтверждения этого нелепого прогноза итальянский военный теоретик приводил неэффективность противовоздушной обороны в Первой мировой войне: «При появлении неприятеля защитным эскадрильям, если они не находились в воздухе, – а они не могли постоянно оставаться в воздухе, – редко удавалось взлететь вовремя; артиллерия стреляла, но попадала лишь случайно, как можно случайно попасть и в ласточку, стреляя из ружья пулей» [1, с. 57].

Дуэ не учел, что во время Первой мировой войны противовоздушная оборона тоже переживала младенческий этап своего развития, что в дальнейшем она будет совершенствоваться. Кроме того, к началу Второй мировой войны существовала фактор, который Дуэ не мог предвидеть в 20-х годах – радар, позволяющий заблаговременно обнаружить эскадру бомбардировщиков. Успешная противовоздушная оборона стала возможной: во время «битвы за Англию» англичане потеряли 915 самолетов, а немцы – 1733 [2, с. 135], несмотря на наличие у последних заметного перевеса сил.

Дуэ отрицал значение зенитной артиллерии: «Действительность огня зенитной артиллерии может быть лишь минимальной как вследствие трудности попадания, так и вследствие неизбежного распыления средств, которое неминуемо вызывается таким методом обороты» [1, с. 84].

Этот прогноз не подтвердился в ходе Второй мировой войны, где зенитная артиллерия продемонстрировала свою высокую эффективность.

В своих расчетах, сделанных в начале 20-х годов, Дуэ исходил из того, что самолет способен поднять в среднем 2 тонны бомбовой нагрузки и иметь радиус действия 200 – 300 километров. К началу Второй мировой войны эти данные являлись сильно устаревшими: уже первый стратегический бомбардировщик В-17, поступивший на вооружение армии США в 1938 году, имел максимальную бомбовую нагрузку 7,9 тонн, а его радиус действия при нормальной бомбовой нагрузке (более 2 тонн) составлял 3200 километров.

По мнению Дуэ, будущая война окажется скоротечной, ибо сторона, потерявшая господство в воздухе, не сможет долго сопротивляться из-за паники, которую вызовут бомбежки городов: «Кто сможет еще удержать обезумевшее население от бегства в поля и деревни, чтобы спастись из городов, представляющих собой мишени для неприятельских ударов? Неизбежно должно произойти разложение – глубокое разложение всего организма – и не может не наступить вскоре момент, в который население, побуждаемое исключительно инстинктом самосохранения, потребует, чтобы избавиться от смертельной тревоги, прекращения борьбы на любых условиях. Может быть, это произойдет еще раньше, чем сухопутная армия успеет закончить мобилизацию, а флот – выйти в море» [1, с. 112 – 113].

Этот прогноз оказался ошибочным. Выяснилось, что население способно долгое время выдерживать бомбардировки.

Так, бомбардировки советской авиацией Финляндии в 1939 – 1940 годах не заставили ее капитулировать [4, 6]. В 1940 – 1941 годах немецкие бомбардировки Англии также не заставили ее сдаться. Начиная с 1942 года США и Великобритания вели бомбардировки Германии в таких масштабах, какие Дуэ не мог даже представить [5], но война окончилась лишь в мае 1945. С конца 1944 года США наносили систематические бомбовые удары и по Японии, но она сложила оружие лишь в августе 1945, причем причиной этого были не бомбардировки, а вступление в войну СССР и качественно новый фактор – атомное оружие.

Дуэ полагал, что потери в будущих войнах будут меньше, чем в прошлых: «Эти войны будут человечнее былых войн, так как в конечном счете они будут стоить меньше крови» [1, с. 115].

Вторая мировая война опровергла и этот прогноз: людские потери в ней были в 5 – 6 раз больше, чем в Первой мировой войне.

В 1921 году Дуэ разбирал структуру и задачи авиации (воздушной армии). Она будет включать бомбардировочные части и «части воздушного боя». Казалось бы, «частями воздушного боя» должна быть истребительная авиация, однако у Дуэ это не так.

В Первой мировой войне тогдашние истребители, обладающие крайне ограниченным радиусом действия, либо кружили над важными объектами, охраняя их, либо рыскали вдоль линии фронта в расчете на случайную встречу с вражеским самолетом.

Дуэ в 1921 году подчеркивал несовершенство такой тактики: «Истребительная авиация представляет собой скорее сборище странствующих рыцарей воздуха, чем воздушную кавалерию. Легко понять, что в этом есть что-то неправильное, так как война решается столкновениями масс. Странствующие рыцари воздуха должны уступить место воздушной кавалерии» [1, с. 92]. Отсюда им делался вывод о необходимости создания принципиально нового класса самолетов: «Самолет тихоходный, но вооруженный так, что он может создать вокруг себя огневое заграждение, способен сбить наиболее быстроходного истребителя» [1, с. 93]. На эти же предполагаемые им самолеты Дуэ возлагал и борьбу с зенитной артиллерией.

Во второй части своей работы, написанной в 1926, Дуэ предложил отказаться не только от истребителей, но и от бомбардировщиков в пользу «самолетов воздушного боя». Эти тяжелые самолеты должны быть способны и сбрасывать бомбы, и вести воздушный бой, и даже садиться на воде. Кроме них, в состав воздушной армии будущего будет входить полк невооруженных, но очень быстроходных разведывательных самолетов.

Таких самолетов не появилось. Магистральным путем оказалось совершенствование истребительной авиации. Дуэ не предвидел разделения бомбардировочной авиации на фронтовую и стратегическую, не предвидел

он и появления нового класса самолетов – штурмовиков.

В конечном итоге Дуэ пришел к абсурдному выводу, что в будущей войне противовоздушной обороны не будет вообще: «Необходимо примириться с ударами, которые наносит нам неприятель, чтобы использовать все имеющиеся средства для нанесения неприятелю еще более сильных ударов» [1, с. 107 – 108].

Дуэ верно предсказывал появление самолетов с межконтинентальным радиусом действия: «Настанет день, в который никто не подумает более пользоваться услугами пароходов, чтобы пересечь океан, – подобно тому как в настоящее время никто не думает переплывать океан на парусном судне. Параллельно будет возрастать наступательная мощь самолетов, рассматриваемых как военные машины, и нет ничего невозможного в том, что в не слишком отдаленном будущем Япония сможет атаковать воздушным путем США или наоборот» [1, с. 123].

Этому итальянскому генералу принадлежит работа «Война 19.. года», в которой он описал гипотетическую войну Германии против Франции и Бельгии. Все остальные страны Дуэ «поставил» в положение нейтралитета, что очевидно было бы невозможно в реальной войне. Германии он «дал» соответствующую его теории воздушную армию из 1500 тяжелых «самолетов воздушного боя», а Франции и Бельгии – легкую авиацию численностью почти в 6 тысяч машин.

В реальности гитлеровская Германия в 30-х годах по ряду причин отказалась от строительства тяжелых бомбардировщиков, сосредоточив все силы на создании фронтовой авиации [5].

У Дуэ в первый день войны армада германских бомбардировщиков, вылетевшая уничтожить французские и бельгийские города, сталкивается с вражескими истребителями. В грандиозном воздушном сражении германская авиация теряет 40% своего состава, но от истребительной авиации противника остается лишь несколько сотен самолетов. На второй день оставшиеся 900 немецких самолетов производят повторный налет без особых препятствий, после чего исход войны уже решен [1, с. 21 – 23].

Единственным совпадением этих построений Дуэ с реальными событиями является молниеносный разгром Франции и Бельгии, но это совпадение случайно.

Предисловие к советскому изданию «Господства в воздухе» было написано комкором Хрипиным. Хрипин оценивал концепцию Дуэ весьма критически. Война не может быть выиграна только воздушными ударами: «В такое «решение» не верят и его практически не учитывают даже те, кому Дуэ дает такую легкую и быструю победу. Как-никак, а гитлеровская Германия создает миллионную сухопутную армию и мощный морской флот! Очевидно, не для того, чтобы они своей бездеятельностью и ненужностью в будущих войнах были великолепной и очень дорогой иллюстрацией к теории Дуэ» [1, с. 23 – 24].

Хрипин указывал, что не только решить исход войны в целом, но и уничтожить вражескую авиацию та-

ким способом, каким Дуэ «уничтожил» французскую, невозможно: «Не подлежит сомнению, что в условиях огневого столкновения истребительных соединений с соединениями бомбардировщиков последние понесут более сильные потери, даже в том случае, если один бомбардировщик будет размениваться за 2-3 истребителя: истребители таким образом срывают бомбардировочную операцию, а самые потери истребителей во много раз легче восстанавливаются, чем потери бомбардировщиков» [1, с. 25].

Хрипин справедливо критиковал и отрицание роли зенитной артиллерии: «Средства ПВО не смогут совершенно прекратить воздушные нападения, но они их сильно стеснят, они вынудят противника действовать в худших условиях, будут наносить ему крупные потери и тем самым значительно ослабят эффективность нападения» [1, с. 28].

Однако во многих отношениях советский комкор был согласен с итальянским генералом. В частности, он предсказывал серьезную опасность, угрожающую Лондону со стороны немецко-фашистской авиации: «За последние годы англичане вынуждены были признать, что Лондон теперь защитить нельзя, так как по расчетам 40% дневных бомбардировочных налетов выполняется без противодействия истребительной авиации, а при встрече бомбардировочных групп успех борьбы с ними для истребителей остается сомнительным; ночные нападения проводятся с еще большей свободой» [1, с. 15 – 16].

Также Хрипин признал безусловно верной мысль Дуэ о том, что армия и флот не могут компенсировать слабость авиации и даже просто выжить при господстве противника в воздухе: «Действия земных войск и морского флота в условиях превосходства воздушного противника будут очень трудными» [1, с. 19].

Хрипин соглашался с Дуэ и в том, что основным способом уничтожения самолетов в будущей войне будут не воздушные сражения, а бомбовые удары по аэродромам: «В мировую войну средняя продолжительность полетов каждой боевой единицы не превосходила 12 – 15 часов в месяц, повышаясь летом до 15 – 20 часов, а зимой падая до 5 – 6 часов, что составляет только 2 % пребывания самолетов в воздухе против 98 % – на земле. В будущей войне эти цифры могут повыситься в 2 – 3 раза, но это не изменит существенно невыгодное для встречи в воздухе соотношение» [1, с. 16].

В 1939 была издана работа расстрелянного к тому времени комбрига Александра Николаевича Лапчинского «Воздушная армия».

Этот советский военный теоретик вслед за Дуэ указывал на растущее значение авиации на войне. Если во время мировой войны Берлин, находившийся в 600 – 800 километрах от фронта, был недосягаем для авиации Антанты, то в 30-х годах все страны Европы, кроме СССР, «простреливаются» бомбардировщиками насквозь, до тыловой границы.

Как и Дуэ, Лапчинский считал, что авиацию невозможно уничтожить в воздушных боях – промышлен-

ность легко покрывает потери в самолетах: «Страны Антанты уничтожили в воздушных боях лишь 10% авиационного производства Германии, а Германия лишь 4% авиационного производства Антанты. Отсюда ясно, насколько смехотворной является мысль об уничтожении воздушных сил в воздушных боях и о завоевании таким образом абсолютного господства в воздухе» [3, с. 77].

Основным способом подавления вражеской авиации Лапчинский, вслед за Дуэ, считал удары по аэродромам: «Большую часть времени самолеты проводят на земле, а не в воздухе. Отсюда следует, что «задачу встречи» значительно легче осуществить в атаках аэродромов, чем в воздушных боях» [3, с. 78]. Другой важной задачей в будущей войне станет уничтожение авиационных заводов.

Вместе с тем Лапчинский критиковал многие положения теории Дуэ. Одними бомбежками нельзя выиграть войну: «Как бы активно ни действовала авиация в расположении противника, она не может занять ни пяди неприятельской территории» [3, с. 6].

Эта мысль проходит красной нитью через всю его работу: «Современные миллионные армии, оснащенные могучей техникой, создаются не для того, чтобы предаваться созерцанию в окопах и затем демобилизоваться. Так не может быть, и так не будет» [3, с. 95].

Даже «родина Дуэ – Италия – не следует за своим пророком, а создает миллионную армию и проводит резко выраженную наступательную доктрину» [3, с. 69].

Поддержка сухопутных войск является для авиации задачей даже более важной, чем стратегические бомбардировки. Крупное сражение на земле притягивает авиацию подобно магниту: «Иначе навсегда останется загадкой, почему же в 1918 году, когда немцы обладали 5000 самолетов и когда Париж был в пределах радиуса действий этих самолетов, почему они не разрушили столицу Франции. Думаем ли мы, что немцы для этого были слишком неграмотны, или поверим их заявлениям, что они не желали разрушать культурные ценности и потому проиграли войну?!» [3, с. 104] – писал Лапчинский. Эта мысль полностью подтвердилась во время Второй мировой войны. Бомбардировки Англии люфтваффе осуществляли только в период стратегической паузы между разгромом Франции и нападением на СССР; бомбардировки Германии англо-американской авиацией были возможны благодаря тому, что наземные боевые действия на Западе до лета 1944 года были ограниченными, а в последний год войны превосходство союзников в воздухе было полным; на главном сухопутном фронте, советско-германском, стратегические бомбардировки с обеих сторон носили лишь эпизодический характер.

Советский военный теоретик справедливо считал, что будущая война будет длительной: «Современная война решается не одним ударом, а целым рядом частных побед. Не избавлена от этого и авиация. Вопрос поворачивается ровно на 180° по сравнению с концепцией Дуэ» [3, с. 94].

Несостоятельна и надежда Дуэ на панику среди на-

селения, вызываемую бомбежками: «Опыт героической борьбы республиканских войск в Испании показал, что бомбардирование столицы не влечет за собой подавления воли к борьбе вооруженных масс. Только разгром вооруженных сил противника является залогом победы. <...> Потрясение морального состояния населения страны от проигранных на фронте сражений будет больше, чем от местных бомбардирований мирного населения» [3, с. 144].

Лапчинский критиковал идею Дуэ о невозможности противоздушной обороны. Сосредоточивать эскадру истребителей у каждого города не нужно – истребители и зенитные дивизионы на линии фронта представляют для пересекающих ее бомбардировщиков весьма серьезную опасность.

Советский военный теоретик едко высмеивал предложение пожертвовать обороной своей страны от вражеских налетов ради того, чтобы сосредоточиться на бомбардировках вражеской: «Прототипом такой «стратегии» является поединок, описанный Лесковым в рассказе «Очарованный странник». Дерущиеся по очереди наносят друг другу по спине удары нагайками до тех пор, пока один из них не свалится. Бойцы при этом сидят, скрестив ноги» [3, с. 102].

Вместе с тем, Лапчинский подчас допускал просчеты не менее серьезные, чем Дуэ.

Он неадекватно прогнозировал действия авиации в начальный период войны: «Массовые армии собираются не сразу, и классическим периодом для самостоятельных действий авиации справедливо считается начальный период войны» [3, с. 127].

Этот прогноз, основанный на опыте Первой мировой войны, оказался несостоятельным. И при нападении на Польшу 1 сентября 1939, и при нападении на СССР 22 июня 1941 немецко-фашистские войска были уже полностью развернуты, поэтому никакого «периода самостоятельных действий авиации» просто не было.

Рассуждая о проблемах систем ПВО различных стран, Лапчинский писал: «В особо трудных условиях находятся страны, имеющие важные пункты на берегах открытых морей. <...> Такие страны должны или организовать поля сплошного наблюдения в море на судах, что не сулит большого успеха, или, если есть возможность, пользоваться для организации службы предупреждения территорией дружественной страны. Первый случай мы имели бы, если бы, например, американцы осуществляли налеты на Токио, пользуясь авианосцами, а второй случай, если бы, например, немцы осуществляли налеты на Англию, которой пришлось бы пользоваться наблюдением, организованным на французском и бельгийском побережьях» [3, с. 65].

Появления радиолокации радикально решило проблему обнаружения вражеских самолетов. Несмотря на то, что осенью 1940 немецкие аэродромы находились гораздо ближе к Лондону, чем мог предвидеть Лапчинский, на самом побережье Франции; несмотря на то, что летом 1945 существовали бомбардировщики с таким радиусом действия, какой Лапчинский не мог даже представить, – несмотря на все это, скрытный подлет к цели был невозможен.

Советский военный теоретик также сделал нелепый прогноз, что вся полевая артиллерия калибром до 150 мм будет использоваться как зенитная [3, с. 47].

Лапчинский писал об истребителях, что «сопровождать бомбардировщиков к глубоким тыловым пунктам они не смогут, так как им не хватит на это их радиуса действия» [3, с. 60]. Между тем в середине Второй мировой войны это стало возможным.

Таким образом, ни итальянский генерал, ни его советские оппоненты не смогли дать сколько-нибудь адекватный прогноз боевых действий в воздухе во время Второй мировой войны. Ошибочность их прогнозов объясняется стремительным развитием авиационной и радиолокационной техники. Достижения технического прогресса предвидеть невозможно.

Библиографический список

1. Дуэ Д. Господство в воздухе. Сборник трудов по вопросам воздушной войны. Пер. с итальянского. М.: Воениздат, 1936. изд. 2-е. 607 с.
2. История второй мировой войны. Т. 3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. М.: Воениздат, 1974. 503 с.
3. Лапчинский А.Н. Воздушная армия. М.: Воениздат, 1939. 192 с.
4. Маннергейм К.Г. Мемуары. М.: ВАГРИУС, 1999. 507 с.
5. Роковые решения вермахта. Смоленск: Русич, 2001. 390 с.
6. Фуллер Д. Вторая мировая война, 1939 – 1945: стратегический и тактический обзор. М.: АСТ, 2006. 559 с.

References

1. Doue D. Air supremacy. A collection of writings on issues of the air war. Trans from Italian. M.: Military Publishing, 1936. the 2-nd. 607 p.
2. History of the second world war. Vol. 3. The beginning of the war. Preparation of aggression against the Soviet Union. M.: Military Publishing, 1974. 503 p.
3. Lapchinskii A. N. Air Army. M.: Military Publishing, 1939. 192 p.
4. Mannerheim K. G. The Memoirs. M.: VAGRIUS, 1999. 507 p.
5. Fateful decisions of the Wehrmacht. Smolensk: Rusich, 2001. 390 p.
6. Fuller D. The Second world war, 1939 – 1945: a strategic and tactical overview. M.: AST, 2006. 559 p.

С.А. ЧЕТВЕРИКОВ

аспирант, кафедра истории, Оренбургский государственный университет
E-mail: serg__17@mail.ru

S.A. CHETVERIKOV

Graduate student, Department of History, Orenburg State University
E-mail: serg__17@mail.ru

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ ОРЕНБУРГСКОЙ ССЫЛКИ УЧАСТНИКОВ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863 ГОДА

LIBERATION OF THE PARTICIPANTS OF THE POLISH UPRISING OF 1863 FROM ORENBURG EXILE

В статье рассматривается порядок возвращения на родину различных категорий политических преступников, высланных в Оренбургскую губернию, за причастность к Польскому восстанию 1863 года. Перечисляются законодательные акты, даровавшие облегчения участи польским ссыльным, и раскрывается механизм их исполнения на местах. Показывается, что время нахождения в ссылке зависело от тяжести совершенных преступлений, а также поведения ссыльных.

Ключевые слова: политическая ссылка, Российская империя, поляки, амнистия.

The article considers the procedure for the repatriation of various categories of political offenders exiled to Orenburg province for their involvement in the Polish uprising of 1863. Legislative acts that granted the alleviation of the fate of those who had been sent to Poland are enumerated, and the mechanism of their implementation on places is revealed. It is shown that the time spent in exile depended on the severity of the crimes committed, and on the exiles' behavior as well.

Keywords: political exile, the Russian Empire, the poles, the Amnesty.

К началу 1866 года большинство лиц, принимавших участие в «политических беспорядках» на территории Царства Польского и Западного края, были удалены с прежних мест проживания во внутренние губернии России. В Оренбургскую губернию под надзор полиции были доставлены 537 польских политических преступников, из них 238 – проживали в городах губернии, а 299 – были водворены на казенных землях Оренбургского и Челябинского уездов [4, л. 21]. К 1875 году число польских политических ссыльных в Оренбургской губернии сократилось в 8 раз до 30 человек. При этом все лица, принудительно водворенные на казенных землях губернии, были причислены к крестьянскому сословию. Сокращение количества польских политических преступников явилось следствием массовых амнистий, первая из которых была провозглашена высочайшим повелением 17 мая 1867 года [13], в соответствии с которым:

1. Прекращались все политические дела, касавшиеся мятежа и беспорядков в Царстве Польском, в случае, если прикосновенные к ним лица не обвинялись в убийствах, поджогах и других тяжких уголовных преступлениях.

2. Запрещалось возбуждать политические дела, связанные с обвинениями в причастности к польским событиям 1863 года.

3. Уроженцам Царства Польского, высланным в административном порядке под надзор полиции в разные места империи, в случае одобрения их поведения Начальством разрешалось возвратиться на родину. Исключение составляли лица духовного звания, возвра-

щение которых отдавалось на усмотрение Наместнику Царства Польского.

4. Уроженцам Западных губерний, высланным в административном порядке под надзор полиции в разные места империи, в случае одобрения их поведения Начальством, разрешалось переселиться в Царство Польское. Исключение было сделано для лиц духовного звания, возвращение которых отдавалось на усмотрение Наместнику Царства Польского.

Лица, получившие прощение, но отказавшиеся от переселения в Царство Польское вследствие отсутствия собственных средств или других причин, в соответствии с уведомлением Министра Внутренних Дел №5327 от 8 августа 1867 года оставлялись под надзором полиции [6, л. 18].

Уездным исправникам было поручено составить два списка: А) Список лиц, которые могут воспользоваться правом возвращения на родину. Б) Список лиц, заслуживающих возвращения на родину по одобрительному поведению, но в отношении которых содержатся неполные сведения о причинах высылки.

Данные списки были предоставлены Оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому 26 августа 1867 года, который после ознакомления с ними потребовал от Оренбургского губернатора К.Н. Боборыкина пересмотреть их, чтобы избежать «применения милости к лицам ее недостойным: Трудно поверить, чтобы 44 лица первого списка и 52 второго ... после двухлетнего пребывания в Оренбургском крае сделались все из мятежников людьми благонадежными» [6, л. 153об.]. Во вновь составляемых списках он повелел указать: 1) причину

и дату высылки политических преступников; 2) получают ли они содержание от казны; 3) задерживались ли они полицией. Новый список, содержащий 42 фамилии лиц, подлежащих переселению в Царство Польское, был просмотрен и утвержден Н.А. Крыжановским 24 сентября 1867 года. Всего в 1867 году разрешение возвратиться на родину из Оренбургской губернии получили 60 политических ссыльных, из которых 8 проживали в Оренбурге, 12 – в Троицке, 18 – в Верхнеуральске и 22 – в Челябинске.

В соответствии с циркуляром Министерства Внутренних Дел №187 от 4 сентября 1867 года все иностранные подданные, высланные из Царства Польского и Западного края за участие в беспорядках 1863 года, должны были быть отправлены на родину с воспрещением въезда в пределы России. При этом лица, отправлявшиеся за собственный счет, получали свидетельства, с указанием в них пограничного пункта, через который они должны проследовать. Кроме того они давали подписку следовать прямым путем, не останавливаясь, как во внутренних, так и Западных губерниях и Царстве Польском. Лица, не имевшие собственных средств, отправлялись этапным порядком [6, л. 20]. Всего во исполнение этого циркуляра за границу из Оренбургской губернии выехали трое иностранных подданных, а еще двое пожелали принять российское подданство.

2 ноября 1867 года циркуляром Министерства Внутренних Дел №242 были определены правила, регулирующие порядок переселения ссыльных [6, л. 27–28]. Согласно данным правилам лицам привилегированных сословий, имеющим собственные средства, выдавались свидетельства на свободный проезд в Варшаву с воспрещением останавливаться в пределах империи. По прибытии они обязаны были явиться в Управление Варшавского обер-полицмейстера.

Лица из привилегированных сословий, не имеющих собственных средств на путевые издержки, могли быть отправлены в Варшаву: А) в арестантских поездах и вагонах по территориям губерний, через которые проходят железные дороги; Б) по главному ссыльному тракту от Ачинска до Нижнего Новгорода; В) пеше-этапным порядком на подводах.

Лица из привилегированных сословий, отправляемые в Царство Польское этапным порядком, следовали «не в роде арестантов» – при арестантских партиях под общим надзором стражи, подчиняясь всем тем правилам, которые изданы для арестантов, за исключением наложения оков. В ожидании отправки по железным дорогам или пароходами, а также при остановках на ночлег они помещались в тех же зданиях, в которых помещались партии пересыльных арестантов, подчинялись всем правилам, за исключением наложения оков. Размер их багажа не должен был превышать 30 фунтов на каждого человека, а стоимость перевозки багажа по железным дорогам оплачивалась за счет казны [2, л. 24].

С 19 декабря 1867 года вследствие большого числа обращений от ссыльных за назначением пособия, Министерством Внутренних Дел было запрещено от-

правлять в Царство Польское уроженцев Западного края из числа «однородцев, крестьян и вообще простолюдинов», высланных во внутренние губернии, административным порядком [6, л. 4]. Таким образом, амнистия 1867 года не распространялась на лиц, водворенных на казенных землях.

25 мая 1868 года облегчение участи было даровано лицам, осужденным до 1 января 1866 года за совершение политических преступлений, не подвергавшимся вторичному суду и не причастным к другим уголовным преступлениям [14]. Так политическим преступникам, находившимся на каторжных работах в Восточной Сибири, даровалось освобождение от каторжных работ, с переводом в категорию высланных на поселение. Политическим преступникам, высланным в Сибирь на поселение, предоставлялись права государственных крестьян. Им разрешалось проживать в городах, заниматься ремеслами и отлучаться из Сибирских губерний. Лицам, высланным на жительство в Сибирь с лишением всех особенных лично и по состоянию приобретенных прав и преимуществ, позволялось просить о переводе на жительство под надзор полиции в отдаленные Европейские губернии. Лицам, подвергшимся административному или уголовному наказанию за причастность к Польскому мятежу, не достигшим на момент осуждения 20-летнего возраста и не состоявшим на государственной службе, даровалось прощение. Уроженцам Царства Польского разрешалось возвратиться на родину, а жителям Западного края дозволялось переселиться в губернии, предназначенные для высылки лиц, причастных к Польскому мятежу, с воспрещением им вступать в государственную службу. При этом возвращению на родину или переводу в другие губернии не подлежали лица, осужденные на каторжные работы [7, л. 1].

Во исполнение данного повеления Оренбургский полицмейстер А.Г. Дрейер 28 июня 1868 года составил список лиц, высланных за причастность к Польскому восстанию, не достигших на момент наказания 20-ти лет. Всего таких оказалось 14 человек, из которых 6 находились в Челябинске, 4 – в Оренбурге, по 2 – в Верхнеуральске и Троицке.

20 августа 1868 года последовало уточнение данного повеления. Согласно ему помилование распространялось только на лиц, не достигших 20-ти лет к моменту прибытия в ссылку. Им было предоставлено право переселения в губернии, назначенные для пребывания лиц, высылаемых из Западного края. По прибытии в выбранные ими губернии, получившие прощение лица, помещались под секретный надзор полиции, без подчинения их переписки рассмотрению Начальства, с лишением права на выезд. Лицам, не достигшим на момент высылки 20-ти лет, осужденным к поселению на казенных землях, было запрещено покидать места водворения [7, л. 31].

Список лиц, получивших разрешение возвратиться на родину, был пересмотрен, а дозволение выехать в Царство Польское получили двое из четырнадцати человек.

27 декабря 1868 года уволенным со службы политическим преступникам из нижних чинов, водворенным на казенных землях, если их поведение одобряется начальством, разрешалось возвратиться на родину [1, л. 15]. Всего к концу 1868 года разрешение отправиться в Царство Польское получил 121 ссыльный. Из них 30 человек отбыли на родину, 83 человека ожидали отправки, а 8 человек решили остаться на жительстве в Оренбургской губернии [5, л. 291].

Крупнейшая амнистия лиц, причастных к Польскому восстанию 1863 года, была связана с объявленным 17 мая 1871 года положением Комитета Министров «Об облегчении участи некоторых преступников...», возвращавшим прежние права состояния, за исключением права на прежнее имущество [15]:

а) политическим преступникам, отданным в военную службу и сосланным под надзор полиции с лишением всех прав состояния, переселившимся из Сибири на жительство в Европейскую Россию;

б) политическим преступникам, воспользовавшимся правом приписаться к сельским или городским обществам в Сибири;

в) политическим преступникам, лишенным всех прав состояния, которые на основании Высочайших повелений были переведены на жительство под надзор полиции во внутренние губернии России или Царство Польское из Сибири;

г) законным детям польских политических преступников, рожденным после их осуждения.

Политическим ссыльным, прожившим в Европейской России не менее двух лет, даровалось освобождение от надзора полиции, с дозволением им проживать повсеместно, за исключением столиц и столичных губерний. Однако уроженцам Царства Польского и Западных губерний, а также ксендзам запрещалось возвращаться на родину. Кроме того всем получившим прощение ссыльным запрещалось поступать на государственную и общественную службу.

Уточнение категорий лиц, на которых распространяется действие повеления 13/17 мая 1871 года, последовало 7 июля в циркуляре Министерства Внутренних Дел №154, определившим [8, л. 17]:

1. что права прежнего состояния даровались не только перемещенным из Сибири политическим преступникам, а всем лицам, высланным по политическим причинам, с лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ;

2. что освобождение от полицейского надзора дается всем политическим преступникам, пробывшим во внутренних губерниях России два года;

3. что освобождение от полицейского надзора распространяется не только на тех из политических преступников, которые пробыли в губерниях Европейской России на момент выхода постановления два года, но и на лиц, переселившихся в них из Сибири, по истечении двухгодичного срока;

4. что политические ссыльные, не достигших 20-ти лет к моменту прибытия в ссылку, подлежали немед-

ленному освобождению от секретного полицейского надзора, с запрещением въезда в Западный край.

Согласно циркуляру Министерства Внутренних Дел №159 от 9 июля 1871 года применение Высочайшего повеления от 13/17 мая 1871 года передавалось на усмотрение Начальникам губерний, в которых проживали ссыльные. Причем оно не распространялось на тех политических преступников, которые «по поведению своему и образу мыслей, или по каким-либо другим соображениям, признавались незаслуживающими облегчения участи» [8, л. 16].

23 сентября 1871 года согласно циркуляру Министерства Внутренних Дел №215 облегчение участи даровалось политическим преступникам, находившимся в европейских губерниях, вне зависимости от других наказаний. Им возвращались почетные титулы, которыми они владели до осуждения, за исключением орденов, чинов и знаков отличия, приобретенных службой; разрешалось переселиться в Царство Польское, и дозволялись временные отлучки на родину. Следовательно, данная амнистия касалась лиц, освобожденных от каторжных работ в Сибири по указу от 25 мая 1868 года и перемещенных во внутренние губернии империи, и политических преступников, находившихся в арестантских ротах [8, л. 43].

Всего в сентябре 1871 года были освобождены от полицейского надзора и получили разрешение отправиться в Царство Польское 45 из 124 политических ссыльных, проживавших в Оренбургской губернии [8, л. 108об. – 109].

Особые правила были приняты в отношении ксендзов. Согласно циркуляру Министерства Внутренних Дел №80 от 28 апреля 1872 года их освобождение от секретного полицейского надзора осуществлялось только с разрешения Министра Внутренних Дел, с назначением казенного пособия на пропитание. Католическим священнослужителям, лишенным права совершать духовные требы, разрешалось покинуть назначенные им места пребывания, только после получения отзыва из Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий [8, л. 130].

Окончательно все лица, высланные по случаю польского мятежа в Сибирь и получившие разрешение отправиться во внутренние губернии, были освобождены от полицейского надзора на основании циркуляра Министерства Внутренних Дел №84 от 31 мая 1873 года [10, л. 1]. При этом амнистия не распространялась на ссыльных, водворенных на казенных землях, с лишением всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ.

9 января 1874 года политическим преступникам, наказанным до 1-го января 1871 года, которые «не совершили новых преступлений и не были замечены ни в чем предосудительном», были предоставлены следующие облегчения [16]:

Лицам, высланным на жительство под надзор полиции с лишением всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, даровались прежние

права состояния, которые распространялись также на их законных детей, рожденных после осуждения.

Политическим преступникам, высланным под надзор полиции без лишения прав состояния, дозволялось возвратиться на родину.

Политическим преступникам, находящимся в Сибири, разрешалось выехать во внутренние губернии империи.

Политическим преступникам, проживавшим во внутренних губерниях под надзором полиции, разрешалось поступить в государственную службу [9, л. 17].

Начальникам губерний, в которых проживали политические преступники, было предписано передавать списки освобожденных от надзора полиции лиц, в Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, с обозначением в них звания, имени, фамилии, отчества и место рождения бывшего ссыльного.

Порядок применения Всемиловейшего повеления от 9 января 1874 года был разъяснен Начальникам губерний в циркуляре Министерства Внутренних Дел №59 от 29 мая 1874 года, в котором указывалось [9, л. 31]:

– что означенное повеление распространяется не только на лиц, высланных за участие в Польском восстании 1863 года, а на всех лиц, подвергшихся обвинениям в государственных преступлениях до 1 января 1871 года;

– что освобождение от надзора даровалось всем лицам, переведенным из Сибири во внутренние губернии, вне зависимости от срока нахождения в них;

– что под возвращением на родину следует понимать не только дозволение ссыльным отправиться в губернию, являющуюся местом их рождения, но вообще разрешение им проживать во всем Западном крае.

Во исполнение данного повеления право возвратиться на родину получили 46 человек, находящихся в Оренбургской губернии по политическим причинам. Таким образом, к концу 1874 года большинство лиц, высланных за причастность к Польскому восстанию 1863 года под надзор полиции, получили прощение. Тем самым единственной категорией польских политических преступников, которая не была амнистирована, являлись лица, водворенные на казенных землях.

Поэтому 11 января 1875 года Министром Внутренних Дел А.Е. Тимашевым было разрешено в отдельных случаях, но никак не в виде общей меры, возвращать на родину водворенных лиц, при условии их одобрительного поведения во время нахождения в ссылке, а также с согласия Начальников тех губерний, откуда они были родом. При этом в целях предупреждения дополнительных расходов казны и появления неимущих людей, возвращение дозволялось лишь тем поселенцам, которые отправляются на родину за собственный счет, и возвратили выданные им ссуды и пособия в казну. При отправлении на родину с поселенцев бралась также подписка, что по прибытии в Западный край они, не будут обращаться к местным властям с просьбами о вы-

делении им содержания, и припишутся в течение девяти месяцев к одному из податных сословий [12, л. 1].

28 марта 1875 года уроженцам Царства Польского и Западного края, водворенным на казенных землях, как в губерниях Европейской России, так и в Сибири, поведение которых одобряется начальством, предоставлялось право приписки к городским сословиям той губернии, куда они водворены, без согласия общества. Они освобождались от полицейского надзора и могли отправиться для заработка в другие уезды губернии, но без права выезда в другие местности [12, л. 5]. Временные отлучки в другие губернии, за исключением столиц и губерний столичных, западных и Царства Польского, разрешались поселенцам только по уважительным причинам: для излечения болезни, закупки товаров или свидания с родными [3, л. 72об.].

Во исполнение данного повеления в Оренбургском уезде от полицейского надзора были освобождены 82 человека, а в Челябинском уезде – 93 человека. 7 человек были оставлены под надзором полиции вследствие их дурного поведения, так как находились под следствием за кражи [11].

Таким образом, к середине 1875 года большинство польских политических преступников были освобождены от полицейского надзора или получили право возвратиться на родину. В ссылке оставались лишь лица, причисленные к первой категории мятежников, и осужденные на каторжные работы в Сибири, а также политические преступники, не имевшие средств выплатить выданные им из казны ссуды. Поэтому 21 мая 1876 года все лица, водворенные по политическим причинам, были освобождены от уплаты выданных им на призрение денег, и могли выехать на родину [12, л. 24].

В целом процесс освобождения из оренбургской ссылки различных категорий польских политических преступников занял 9 лет и носил последовательный характер. Первыми разрешение возвратиться на родину получили лица, пробывшие не менее двух лет в Европейской России, а также несовершеннолетние участники восстания. Следом – все лица, получившие разрешение переселиться во внутренние губернии из Сибири, кроме лиц, водворенных на казенных землях и осужденных на каторжные работы. Затем политические преступники, находившиеся в арестантских ротах, и все лица, которые не совершили повторных преступлений, вне зависимости от тяжести возложенного на них наказания. Последними от надзора полиции были освобождены лица, водворенные на казенных землях. Определение политических преступников к возвращению на родину было предоставлено Начальникам губерний, в которых проживали ссыльные. К 1876 году в оренбургской ссылке оставались лишь лица, причисленные к первой категории мятежников, осужденные на каторжные работы в Сибири и получившие разрешение переселиться во внутренние губернии империи. По истечении двух лет они, в случае одобрительного поведения, могли обращаться к Начальнику губернии за разрешением возвратиться на родину.

Библиографический список

1. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 18. – Д. 629.
2. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 145.
3. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 161.
4. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 210.
5. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 259.
6. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 267.
7. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 278.
8. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 359.
9. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 433.
10. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 439.
11. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 455.
12. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 470.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 1825–1881 гг. (в 55-и томах + тома дополнений и указателей) – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1830 – 1885. Т. XLII. Ч. 1. С. 792 – 793. №44601.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 1825–1881 гг. (в 55-и томах + тома дополнений и указателей) – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1830 – 1885. Т. XLIII. Ч. 1. С. 648 – 649. № 45898.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 1825–1881 гг. (в 55-и томах + тома дополнений и указателей) – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1830 – 1885. Т. XLVI. Ч. 1. С. 564. – № 49597.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 1825–1881 гг. (в 55-и томах + тома дополнений и указателей) – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1830 – 1885. Т. XLIX. Ч. 1. С. 43. № 53017.

References

1. State archive of Orenburg region (SAOR). – Fund 6. – Inventory 18. – Case 629.
2. SAOR. – F. 10. – I. 7. – C. 145.
3. SAOR. – F. 10. – I. 7. – C. 161.
4. SAOR. – F. 10. – I. 7. – C. 210.
5. SAOR. – F. 10. – I. 7. – C. 259.
6. SAOR. – F. 10. – I. 7. – C. 267.
7. SAOR. – F. 10. – I. 7. – C. 278.
8. SAOR. – F. 10. – I. 7. – C. 359.
9. SAOR. – F. 10. – I. 7. – C. 433.
10. SAOR. – F. 10. – I. 7. – C. 439.
11. SAOR. – F. 10. – I. 7. – C. 455.
12. SAOR. – F. 10. – I. 7. – C. 470.
13. Complete collection of laws of the Russian Empire. The 2nd collection. 1825-1881 (in 55 volumes + volumes of additions and indexes) – SPb.: Type. II Department of His Imperial Majesty's Chancellery 1830 – 1885. Vol. XLII. Part 1. Pp. 792 – 793. No. 44601.
14. Complete collection of laws of the Russian Empire. The 2nd collection. 1825-1881 (in 55 volumes + volumes of additions and indexes) – SPb.: Type. II Department of His Imperial Majesty's Chancellery 1830 – 1885. Vol. XLIII. Part 1. Pp. 648 – 649. № 45898.
15. Complete collection of laws of the Russian Empire. The 2nd collection. 1825-1881 (in 55 volumes + volumes of additions and indexes) – SPb.: Type. II Department of His Imperial Majesty's Chancellery 1830 – 1885. Vol. XLVI. Part 1. P. 564. № 49597.
16. Complete collection of laws of the Russian Empire. The 2nd collection. 1825-1881 (in 55 volumes + volumes of additions and indexes) – SPb.: Type. II Department of His Imperial Majesty's Chancellery 1830 – 1885. Vol. XLIX. Part 1. P. 43. № 53017.

УДК 94(47).084.3

UDC 94(47).084.3

П.И. ШЕСТОПАЛОВ

аспирант, кафедра истории России, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: picassopavel@mail.ru

P.I. SHESTOPALOV

Graduate student, Department of History of Russia, Orel State University named after I.S. Turgenev
E-mail: picassopavel@mail.ru

ГЕНЕРАЛ А.М. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ НА СЛУЖБЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

GENERAL A.M. ZAYONCHKOVSKI ON THE SERVICE IN SOVIET RUSSIA

Статья посвящена периоду жизни знаменитого генерала А.М. Зайончковского, во время которого он находился на службе в Красной Армии. В статье рассматриваются проблемы взаимоотношений генерала с противоборствующими сторонами гражданской войны, а также показаны некоторые особенности гвардейского офицерства в первые годы советской власти.

Ключевые слова: российская императорская гвардия, А.М. Зайончковский, гражданская война в России, М.Н. Тухачевский, Красная Армия.

The article is devoted to the period of the life of the famous General A.M. Zayonchkovskii, when he was serving in the Red Army. The article deals with the problem of relations between the general and the opposing parties of the Civil War showing some of the features of the Guard officers in the early years of Soviet power.

Keywords: Russian Imperial Guard, A.M. Zayonchkovski, Civil war in Russia, M.N. Tukhachevsky, Red Army.

События и личности гражданской войны в России давно находятся под пристальным вниманием историков. Эта тенденция продолжается до сих пор. Выходит масса новых исторических и публицистических работ, посвященных одному из самых трагичных эпизодов отечественной истории. Тем не менее исследования по данной тематике все углубляются, а дискуссии становятся более неоднозначными. Выражаясь словами современного историка Ганина, гражданская война до сих пор идет в умах ее исследователей[3, с. 17].

Одной из таких тем является положение российско-го офицерского корпуса вообще и представителей привилегированных его слоев (в нашем случае гвардии) в частности, которые оказались на службе в Советской республике и приняли деятельное участие в разворачивавшихся событиях революции и гражданской войны. Попытаться понять, насколько сложной и неоднозначной была эта проблема, можно на примере конкретного представителя элитной корпорации гвардейцев, оказавшегося в РККА, – А.М. Зайончковского. Стоит отметить, что имя Зайончковского широко известно историкам, занимающимся проблемой гражданской войны. Дело в том, что Зайончковский за свою достаточно долгую службу в императорской армии сумел приобщиться к различным группам российского офицерства. С одной стороны, он был и строевым офицером, с другой – гвардейским генералом, командующим 1 Петровской бригадой, в-третьих, он был офицером Генерального штаба. Соединив в себе эти компоненты, он действительно был незаурядной личностью.

Биография генерала широко известна и приводится в различных исследованиях. Подробно останавливаться

на ней не входит в задачи настоящей статьи. Отметим лишь ключевые, на наш взгляд, вехи офицерской службы А.М. Зайончковского.

Андрей Медардович Зайончковский родился в 1862 году в семье потомственных дворян Орловской губернии. Начальное военное образование получал в стенах Орловской Бахтина военной гимназии (военного корпуса), которую закончил в 1879 году. В 1882 году он закончил Николаевское инженерное училище, а в 1888 году Николаевскую академию Генерального штаба. Послужной список Зайончковского достаточно обширен, за свою долгую службу он находился на многих должностях в разных частях, поэтому в рамках настоящей статьи остановлюсь лишь на значимых для исследования должностях. Особые отношения с гвардией у Зайончковского начались с лейб-гвардии Егерским полком, (хотя еще в 1890 году он был старшим адъютантом штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии). Так, уже в 1892 году он становится командиром роты в Егерском полку, в 1900 стал командиром батальона в этом же полку, а с 1906 по 1908 гг. являлся командиром полка. Участвовал в русско-японской войне, где командовал 85-м пехотным Выборгским полком. В 1905 году получил звание генерал-майора «за боевое отличие». С 1908 по 1912 год Зайончковский был командиром 1 гвардейской бригады 1 гвардейской пехотной дивизии. В период первой мировой войны занимал различные командные должности. В период командования 30-м армейским корпусом, Зайончковский попал в качестве подкрепления в распоряжение Брусилова. Отношения между Брусиловым и Зайончковским продолжатся и в Советской России.

Оценки его личности уже по воспоминаниям достаточно противоречивы.

Так, один из авторитетных гвардейцев-«семеновцев» фон Лампе высоко ценил Зайончковского. Он подчеркивал его ум, считал его интересным человеком и хорошим собеседником, который проявляет уважение ко всем офицерам [13, с.180]. Кроме того, фон Лампе отмечал наличие монархических убеждений у Зайончковского [9, с.154].

Уже в послереволюционный период бывший офицер Семеновского полка Ю. Макаров вспоминал, что заслуга Зайончковского в том, что он стал трудиться на благо восстановления армии, а не воспользовался своим происхождением, чтобы уйти к Пилсудскому [8].

Такая высокая оценка представителей «семеновского братства» подчеркивает своеобразную значимость генерала.

Генерал Брусилов считал Зайончковского умным генералом, одним из лучших военачальников, но с массой недоброжелателей среди его коллег по Генеральному штабу, что было достаточно удивительно, так как генштабисты помогали друг другу, проявляя свою корпоративность [1, с.179]. Брусилов объясняет это особенностями характера Зайончковского: едкий, злой и ехидный. К слову, многие генштабисты помнили это злое ехидство генерала. Так, в письме генерал-лейтенанта Генштаба П.С. Махрова генерал-майору Генштаба В.В. Чернавину от 21 августа 1937 г. Зайончковский охарактеризован как «бесталаный интриган», пишущий доносы [4, с.564] (в отношении генерала Деникина, с которым они вместе служили в период первой мировой под командованием Брусилова).

Путь в Красной армии для Зайончковского оказался не менее интересным, чем карьера боевого генерала. Однако в боевых действиях он принял участие относительно непродолжительное время.

После начавшейся революции трансформационные процессы, происходящие в российской армии, начали еще более углубляться. В это время Временное правительство отправляет в отставку несколько генералов, среди которых оказывается и Зайончковский. В апреле 1917 года он переведен в резерв чинов при штабе ПВО (Петроградского военного округа), а в мае уволен со службы по болезни с мундиром и пенсией.

Однако генерал добровольно вступает в ряды новой армии, в должности делопроизводителя [3]. Сам факт его службы в стане большевиков вызывал определенное недоумение в эмигрантских кругах. Об этом, в частности, в своем дневнике свидетельствует фон Лампе. И он действительно недоумевал, как монархист и гвардеец оказался на службе у «красных» [9, с.54].

В этом плане стоит подчеркнуть, что сама политика привлечения бывших офицеров развивалась в соответствии со складывающейся обстановкой как на внешнем фронте (так как Россия все еще находилась в состоянии войны), так и с внутренними событиями. Первые офицеры, которые стали переходить на службу к советам, были добровольцами, иногда членами партии. Но коли-

чество таких офицеров было очень невысоким. Тем более что политически дезориентированное офицерство пыталось разобраться в революционных событиях и не спешило принимать ту или иную сторону противоборства. Лагерь как «белых», так и «красных» все еще формировался, а каждый конкретный офицер стремился выработать дальнейший план своих действий.

Однако события 1918 года заставляют большевистское правительство разрабатывать стратегию привлечения военных специалистов, кроме того, отказываться от добровольного формирования армии и начинать призыв на службу. Речь идет о немецком наступлении февраля 1918 года, а окончательную точку в подготовке к переходу к политике привлечения бывших офицеров старой армии поставило восстание Чехословацкого корпуса. С этого момента руководство начинает разрабатывать проекты по привлечению офицеров. Уже 29 июля 1918 года выходит декрет Совнаркома о первом призыве офицеров в армию [7, с.107].

Тем не менее, бывшие офицеры пользовались различными видами «лазеек», чтобы не идти на военную службу. К ним относились как отсрочки от военной службы, так и служба в различных военных и гражданских ведомствах на должностях делопроизводителей, секретарей, библиотекарей, бухгалтеров и прочее.

С апреля 1919 года происходит новый этап в политике привлечения офицеров, который связан с созданием Особой временной комиссии по учету бывших офицеров, деятельность которой была направлена на поиск кадровых офицеров в тыловых учреждениях и отправке их в ряды Красной Армии. Именно в ходе работы вышеуказанной комиссии А.М. Зайончковский был переведен с должности делопроизводителя на должность начальника штаба 13 армии Южного фронта.

Момент, когда Зайончковский оказался наиболее приближенным к фронту, до сих пор притягивает к себе многих историков. Во время событий Орловско-Кромского сражения начальник штаба 13 армии Зайончковский передал пакет документов в штаб белой армии. Это событие, подтвержденное некоторыми источниками, вызывает ряд вопросов, которые до сих пор не находят однозначного ответа.

Войска Деникина очень продуктивно вели свое наступление на Москву. 1 (14 октября) 1919 года, в занятом белыми Орле адъютант исполняющего обязанности начштаба 13 армии Зайончковского передал саквояж с оперативной документацией для Добровольческой армии. Считать эту документацию ложной не представляется возможным, так как, по свидетельствам К.Л. Капнина, эти документы обладали оперативной ценностью и были вполне правдивыми [4, с.643]. Этот факт означал, по своей сути, измену, и наказание за такой акт должно следовать незамедлительно. Однако Зайончковский не был наказан в отношении этой истории. Историк Ганин открывает новые сведения об этой истории, ссылаясь на архивы Украины [4]. В его работе приводится свидетельство очевидца событий М. Стасюка, подпольного сотрудника штаба 9 дивизии. В этих свидетельствах отмечается,

что и командир дивизии Орлов, и начштаба 13 армии Зайончковский являются агентами белой контрразведки [4, 636]. Более того, Стасюк отправил эти сведения в ЦК РКП(б). Эти свидетельства совершенно по-новому представляют сложившуюся картину. Получается, что большевистское руководство имело сведения об этом факте, но серьезных репрессий не последовало. Кроме того, косвенно связи с «белыми» подтверждаются все у того же фон Лампе, когда он отметил в дневнике, что Зайончковский «готовится быть с нами» [11, с.62]. После этих событий последовали еще 2 ареста в 1920 и 1921 г., но Зайончковский продолжал свою деятельность в Советской России.

События 1919 года действительно заставляют задуматься. Почему старый генерал, убежденный монархист не был наказан за факт сдачи оперативной информации прямому противнику? Можно высказать несколько предположений на этот счет:

1. Возможно, что советское руководство не узнало об этом факте. Хотя опубликованные сейчас данные (свидетельства М. Стасюка) ставят это предположение под большое сомнение. Тем более что большевики всегда пристально следили за бывшими офицерами императорской армии. Кроме того, ни до, ни после этого случая, Зайончковский не находился на должности, приближенной к театру военных действий.

2. Советское руководство узнало об этом факте, простило старого генерала, но впоследствии это было использовало в своих целях. Данная теория также имеет место быть, потому что с 1920-1921 гг. Зайончковский являлся осведомителем ОГПУ.

3. Передача данной информации была планом советского командования, все эти планы были дезинформацией, а Зайончковский был советским агентом чуть ли не с первых лет вступления в РККА. Данную точку зрения рассматривает исследователь Проваленкова, тем самым предполагая, что Зайончковский был агентом с 1919 г. [11, с.63]. Однако историк Ганин, специализирующийся на изучении офицеров Генерального штаба императорской армии, ставит под сомнение доводы Проваленковой, акцентируя внимание на некоторых нестыковках в рассмотрении данного вопроса, а предположение о сотрудничестве Зайончковского с органами ВЧК Ганин считает «бездоказательным» [4, с.641].

Тем более что, рассмотрев имеющиеся источники, можно сделать вывод, что данные не были дезинформацией. Косвенно это подтверждает в своих воспоминаниях и Деникин. Он отмечает, что группировка противника не являлась тайной [5, с.247]. Вполне возможно, что это произошло именно благодаря документам от Зайончковского.

К сожалению, нехватка, а порой даже и отсутствие исторических источников не позволяют сделать однозначного вывода относительно действий Зайончковского, выяснить, что побуждало его пойти на тот или иной шаг. Вполне возможно, что со временем будут обнаружены новые свидетельства, которые позволят однозначно определить роль Зайончковского в этих событиях.

В 1920 году Зайончковский принимает участие в Особом совещании при главкоме, возглавляет которое уже упоминавшийся ген. Брусилов. Особой роли это совещание не сыграло, более того, сам Брусилов отмечал, что на заседании они просто «толкнули воду в ступе» [1, с.72]. В ходе работы совещания Зайончковский был вновь арестован, но вскоре был отпущен. Вполне возможно, что этот арест был как-то связан с действиями Зайончковского в октябре 1919 года под Орлом.

Для полной характеристики Зайончковского остановимся на взаимоотношениях Зайончковского с Брусиловым. Примечательно, что эмигрантский философ и мыслитель Ильин дает Брусилову и Зайончковскому одинаковые характеристики: «старчески хитры и трусливо расчетливы» [6]. Вообще, отношения двух генералов заслуживают отдельного и более тщательного рассмотрения. Остановимся на некоторых важных аспектах этих взаимоотношений.

Зайончковский оказался в числе лиц, повлиявших на трагическую судьбу единственного сына Брусилова – Алексея, бывшего офицера лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Зайончковский помогал младшему Брусилову устроиться на службу по доставке лошадей, затем он отправился в Борисоглебск [9, с.55]. Впоследствии он оказался на службе в Красной армии и его судьба трагически обрывается в 1919 году. Существует несколько версий гибели Алексея Брусилова-младшего. Версия со стороны «красных» заключалась в том, что Брусилов был захвачен в плен белогвардейцами и расстрелян по приговору военного суда. Противоположная сторона заявляла о смерти Брусилова от тифа, убийства его на дуэли и гибели при эвакуации из Новороссийска [2, с. 80].

Настоящим «камнем преткновения» в отношениях двух генералов стала публикация книги Зайончковского «Стратегический очерк войны 1914-1918 гг.», в которой он подверг критике фронтовое командование во время проведения так называемого Брусиловского прорыва. Позиция автора по отношению к Брусиловскому прорыву, по-видимому, стала причиной ухудшения отношений между генералами.

В 1921 году произошел третий арест Зайончковского. По утверждению украинского историка Тинченко, поводом для ареста послужило дело о Кронштадтском мятеже. По его данным именно в период 1920-1921 года Зайончковский и был завербован в качестве сотрудника ОГПУ. Все тот же Тинченко считает, что из-за своей польской фамилии ему пришлось пойти на службу в ЧК, где занимался как раз «польскими вопросами» [12]. Однако украинский историк не дает ответа на вопрос, информировал ли Зайончковский ЧК относительно своих боевых товарищей или нет.

Именно с 1920-х годов у Зайончковского отмечают близкие контакты со многими бывшими офицерами императорской армии, особенно с гвардейцами. Так как он был командиром лейб-гвардии Егерского полка и командиров 1-й (Петровской) бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии, то многие офицеры, служившие там,

оказались на службе в Красной Армии. Зайончковский формировал «культурный фон» [10, с.140], можно сказать, что он являлся одним из лидеров «гвардейской корпорации» в РККА. Среди людей, приближенных к нему были и М.Н. Тухачевский, и все тот же Д.Д. Зуев, и братья Готовские, и Н.В. Соллогуб. Все эти личности имели прямое отношение к императорской гвардии и занимали высокие посты в иерархии РККА. Помимо этого, можно говорить о том, что Зайончковский аккумулировал вокруг себя и более мелких по рангу офицеров. В частности, известно о десяти «коренных» офицерах лейб-гвардии Егерского полка, которые оказались в Советской России [10, с.141]. Последние годы жизни Зайончковский находился на преподавательской деятельности в Военной академии РККА.

По выясненным данным трудно сказать, как агентурная деятельность влияла на столь солидное окружение. Являлся ли Зайончковский старшим товарищем для гвардейцев, который консолидировал их вокруг себя, было ли это проявление офицерской корпоративности или же это являлось частью его «подпольной» деятельности. В любом случае одно мы можем отметить точно: Зайончковский был неоднозначной и противоречивой личностью, сочетавшей в себе монархические убеждения и агентурные способности.

Видимо, действительно, своеобразный «дух эпохи» оставляет отпечаток на жизни и деятельности многих личностей. В этом плане генерал Зайончковский не стал исключением.

Библиографический список

1. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания (2-я часть) // Военно-исторический журнал. 1989. №10. С. 66-73.
2. *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии. Опыт мартирологии. М.: Русский путь, 2002. 570 с.
3. *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917-1922. Справочные материалы. М.: Русский путь, 2009. 895 с.
4. *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты». М.: Русский путь, 2013. 880 с.
5. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Минск: Харвест, 2002. 464 с.
6. *Ильин И.А.* Записка о политическом положении. Режим доступа: <http://rovs.atropos.spb.ru/index.php?view=publication&mode=text&id=194>
7. *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917-1920 гг. М.: Наука, 1988. 278 с.
8. *Макаров Ю.* Моя служба в Старой Гвардии. 1905-1917. Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/makarov_uv/index.html
9. *Минаков С.Т.* Орловско-Кромское сражение 1919 г. Орел: ГОУ ВПО «ОГУ». 2009. 112 с.
10. *Минаков С.Т.* Советская военная элита 20-х годов. Орел: Орелиздат. 2000. 560 с.
11. *Проваленкова И.В.* Генерал А.М. Зайончковский между «красными» и «белыми» // Гражданская война в России и Орловско-Кромское сражение 1919 года: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию Орловско-Кромского сражения 1919 года. С. 57-67.
12. *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930-1931 годы. Режим доступа: <http://www.xx13.ru/krasnie/tinchenko/tinchenko.htm>
13. *Фон Лампе А.А.* Пути верных. Сб. статей. Париж: 1960.

References

1. *Brusilov A.A.* My memories (Part 2) // Military History journal. 1989. №10. Pp. 66-73.
2. *Volkov S.V.* The officers of the Russian Guard. Experience martyrology. M.: Russian path, 2002. 570 p.
3. *Ganin A.V.* Housing officers of the General Staff during the Civil War, 1917-1922. Reference materials. M.: Russian path, 2009. 895 p.
4. *Ganin A.V.* «The brain of the army» during the «Russian Time of Troubles». M.: Russian path, 2013. 880 p.
5. *Denikin A.I.* Essays on Russian turmoil. Armed Forces of Southern Russia. The final period of the struggle. January 1919 - March 1920. Minsk: Harvest, 2002. 464 p.
6. *Ilyin I.A.* Note on the political situation. Access: <http://rovs.atropos.spb.ru/index.php?view=publication&mode=text&id=194>
7. *Kavtaradze A.G.* Military experts at the service of the Soviets in 1917-1920. M.: Nauka, 1988. 278 p.
8. *Makarov U.* My Service in the Old Guard. 1905-1917. Access: http://militera.lib.ru/memo/russian/makarov_uv/index.html
9. *Minakov S.T.* Orel-Kromskoe battle 1919 Eagle: GOU VPO «OSU». 2009. 112 p.
10. *Minakov S.T.* Soviet military elite of the 20s. Eagle: Orelizdat. 2000. 560 p.
11. *Provalenkova I.V.* General AM Zaionchkovskii between the «reds» and the «whites» // Russian Civil War and the battle of Orel-Kromskoe 1919: Proceedings of the Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of the battle of Orel-Kromskoe 1919. Pp. 57-67
12. *Tinchenko Y.* Golgotha of Russian officers in the USSR in 1930-1931. Access: <http://www.xx13.ru/krasnie/tinchenko/tinchenko.htm>
13. *Von Lampe A.A.* Ways true. Coll. articles. Paris: 1960.

УДК 614.27.007:331.108.26 (072.8)

UDC 614.27.007:331.108.26 (072.8)

А.Н. ЮШКОВА

студент, кафедра фармакологии, клинической фармакологии и фармации, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

И.А. ФИЛИНА

доктор фармацевтических наук, доцент, кафедра фармакологии, клинической фармакологии и фармации, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

E-mail: iafilina@yandex.ru

A.N. YUSHKOVA

Student, Department of Pharmacology, Clinical Pharmacology and Pharmacy, Orel State University named after I.S. Turgenev

I.A. FILINA

Doctor of Pharmaceutical Sciences, Associate Professor, Department of Pharmacology, Clinical Pharmacology and Pharmacy, Orel State University named after I.S. Turgenev

E-mail: iafilina@yandex.ru

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ АПТЕЧНОГО ДЕЛА В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

THE HISTORY OF PHARMACY IN THE OREL PROVINCE IN THE PRE - REVOLUTIONARY TIME

Задачей исторической науки является освещение важнейших событий прошлого и выявление их тенденций. Исследование прошлого помогает лучше понимать процессы, происходящие в современной жизни. С этой точки зрения исторически познавательным является изучение истории аптечного дела. На примере Орловской губернии выявлены общие закономерности исторического процесса становления фармации в России с дореволюционных времён до современности.

Ключевые слова: фармация, аптечное дело, рецепт, провизор, фармацевт, аптекарский помощник.

The task of historical science is lighting the most important events of the past and detection of their tendencies. The study of the past helps to understand better the processes occurring in modern life. From this point of view study of the history of pharmacy is historically cognitive. At the example of the Orel province the general laws of the historical process of formation of pharmacy in Russia since pre-revolutionary times to the present were revealed.

Keywords: pharmacy, pharmacy business, prescription, pharmacist, chemist's assistant.

Термин *фармация* представляет собой международную ныне кальку греческого слова *pharmakeia*, в свою очередь происходящего от греческого же *pharmakon* – лекарство. Так называют отрасль научных знаний и практической деятельности, решающую вопросы получения, обработки, изготовления, хранения и отпуска лекарственных средств их потребителям, пациентам. Фармацевты появляются в Древнем Риме, начиная с III в. до н.э. Так назывались лица, занимающиеся не только приготовлением лекарств, но и лечением больных. До 11 века в Европе фармация не выделялась как особая профессия: врачей учили в медицинских школах и среди прочих предметов преподавали им искусство составления лекарств, правила сбора лекарственных растений. Впервые слово аптекариус (*apothecarius*) как наименование профессии появилось в 12 веке: во Франции это произошло в 1178 году, а в Англии – в 1180 г.

Слово «*Apotheca*» имеет греческое происхождение. Его первоначальное значение – специализированный либо общий магазин или склад. Однако с течением времени смысловая нагрузка менялась, и теперь это слово во всех языках обозначает учреждение здравоохранения, аптеку в современном понимании. К 13-му веку относится начало регламентации деятельности врачей и фармацевтов. Так, в 1224 году Фридрих II издал декрет

о их правах и обязанностях: впервые врачам запрещалось: извлекать прибыль от снабжения своих больных лекарствами; вступать с фармацевтами в соглашения, направленные на получение прибыли. Фармацевтам запрещалось лечить больных. Были установлены правила ревизии аптек, готовящих лекарственные препараты, правила хранения и отпуска ядовитых и сильнодействующих веществ, а так же секретных средств, введена клятва фармацевта. В конце 13 века появились первые обязательные для исполнения местные таксы лекарств. К 15 веку относится появление аптечной монополии. В это время на открытие аптек давалось специальное высочайшее разрешение и при этом исключалась всякая конкуренция. К примеру, когда архиепископ в г. Галле (Германия) выдавал разрешение на открытие второй в городе аптеки, оно сопровождалось распоряжением “никогда больше во веки вечные не давать разрешения в этом городе”. В это же время впервые организуется специальное фармацевтическое образование: так, во Франции оно состояло в 4-х летнем ученичестве в аптеке, десятилетней работе в качестве помощника и ряде экзаменов [3].

Нами проведено исследование по развитию аптечного дела в Орловской губернии в дореволюционное время. Задачи исследования заключались в следующем:

– изучение периода становления фармации в России на примере Орловской губернии;

– проведение сравнительного анализа финансовых показателей среди аптек Орловской губернии дореволюционного периода;

– выявление закономерностей в развитии отечественной фармации.

Нами было проведено исследование документов в Государственном архиве Орловской области. Наиболее ранние сведения об открытии аптеки в Орловской губернии мы нашли за 1858 год.

В «Орловских губернских ведомостях» за 1854 год указывается, что 11 апреля 1853 года была совершена «купчая крепость»... от имени орловского мещанина Степана Степановича Андросова на продажу им жене провизора Устинье Ивановне Рот дома с местом, строением и садом, состоящими в городе Орле в третьей части. На месте снесенных строений был разбит сад, подготовлена территория, заказывается проект на сооружение дома.

14 августа 1858 года Общее присутствие Орловской губернской строительной и дорожной комиссии признало, что этот проект «...вполне во всех частях соответствующий правилам строительного искусства...», и постановило одобрить постройку каменного дома со службами во втором квартале на Большой Болховской улице.

Заказчик не пожалел средств, чтобы дом, предназначенный для размещения аптеки, отличался архитектурой от других на этой улице. Были предусмотрены по фасаду белые каменные пилястры, металлическая балюстрада – ограждение крыши, балконов, окон, козырьков над дверями, а также чугунные светильники-торшеры, широкие ступени у входных дверей. Сохранился подлинный проект, который был вычерчен тушью, и на нем – подпись известного в то время губернского архитектора Ивана Лутохина.

В 60-е годы на Болховской улице была открыта ещё одна аптека, которой владел провизор Егор Иванович Ионсон.

В Государственном архиве мы обнаружили следующие документы:

Орловское губернское правление. Врачебное отделение «Свидетельство и прошение провизора Орловской аптеки Гана о разрешении открыть аптечное отделение в г. Орле»

Начато 28 октября 1886 г.

Окончено 7 ноября 1886 г.

На двух листах

№1666

28 Октября 1886 г.

Во Врачебное Отделение Орловского Губернского Правления

Содержателя Орловской Аптеки Провизора Гана

Прошение

Имею честь покорнейше просить Врачебное отделение разрешить мне открыть аптечное отделение в г. Орле вблизи Полесской площади и тем дать возмож-

ность жителям той местности скоро приобретать лекарства и особенно в сырую и ненастную погоду. Следующую на разрешение мною упомянутого отделения Гербовую марку 60 коп. достоинства при сем прилагаю. Октября 28 дня 1886г.

Провизор В.Э. Ган

Свидетельство

7 ноября 1886 г.

№1360

Дано Провизору Гану в том, что ему разрешили открыть аптечное отделение в г. Орле в районе Полесской площади.

Губернский Врачебный Инспектор Шерин [1].

Сведения о составе служащих аптек и товарооборота мы нашли за 1889 год [2].

Орловское губернское правление Врачебное отделение «Отчеты и рапорты провизоров аптек губернии за 1889 г. о деятельности аптек»

Начато 5 января 1888 года

Окончено 30 апреля 1890 года

25 января 1890 г. Во Врачебное отделение

Орловского Губернского Правления Содержателя аптеки Провизора Д.Д. Гордона

Рапорт

При сем имею честь представить ведомость как об обороте аптеки, так и о составе служащих в ней за 1889 г.

Результаты анализа рапорта Провизора Д.Д. Гордона по составу служащих аптеки представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Список служащих при аптеке Д.Д. Гордона в Орле, состоявших в 1889 г.

Звание	ФИО
Провизор, он же со- держатель аптеки и управляющий аптекой	Дмитрий Дмитриевич Гордон
Аптекарские помощники	Адольф Семенович Призонт Иван Михайлович Четверкин Константин Артемьевич Силаев
Ученики	Василий Алексеевич Михайлов

Результаты анализа номеров рецептов и товарооборота в аптеке представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Ведомость о количестве номеров рецептов и оборота в аптеке Д.Д. Гордона в г. Орле за 1889 г.

Число рецептов	17590
Сумма, вырученная по рецептам	8713 руб 11 коп
Сумма, вырученная по ручной продаже	8414 руб 19 коп
Итого общий оборот аптеки (рецептура и ручная продажа)	17127 руб 30 коп
Число фармацевтов/провизоров и аптекарских помощников (со включением со- держателя аптеки, если он фармацевт)	Провизор 1 Помощник 3
Число аптекарских учеников	1

Во Врачебное Отделение Орловского
Губернского Правления
содержателя Орловской Аптеки Провизора Морозова
Рапорт

Честь имею представить в оное Отделение ведомость о количестве номерованных рецептов поступивших в содержимую мною аптеку и годовой оборот по рецептам и ручной продаже за 1889 г. и так же и списки Кандистирующих, находящихся при моей аптеке.

Провизор Морозов 1890 г января 11 дня

Список служащих при Орловской аптеке Ф.А. Морозова, состоявших в 1889 году, представлен в таблице 3.

Таблица 3.

Список служащих при Орловской аптеке
Ф.А. Морозова, состоявших в 1889 году

Звание	ФИО
Провизор, он же содержатель аптеки и управляющий аптекой	Федор Алексеевич Морозов
Аптекарьские помощники	Сергей Федорович Морозов
Ученики	Михаил Федорович Протасов Василий Валентинович Платонов

Результаты анализа номеров рецептов и товарооборота в аптеке представлены в таблице 4.

Таблица 4.

Ведомость о количестве номеров рецептов и оборота в Орловской аптеке провизора Ф.А. Морозова за 1889 г.

Число рецептов	8900
Сумма, вырученная по рецептам	4605 руб 72 коп
Сумма, вырученная по ручной продаже	1653 руб 20 коп
Итого общий оборот аптеки (рецептура и ручная продажа)	6258 руб 92 коп
Число фармацевтов/провизоров и аптекарских помощников (со включением содержателя аптеки, если он фармацевт)	Провизор 1 Помощник 1
Число аптекарских учеников	2

Рапорт содержателей вольных аптек в Орловской губернии с отчетом об аптеках на 1889 г.

Честь имею донести, что в аптеку мою в Болхове с 1 января 1889 г. по 1 января 1890 г. поступило рецептов 3318 № на сумму 1772 р. 19 коп., ручной продажи на сумму 1661 р. 7 коп., всего оборота на 3433 р. 26 коп. При аптеке моей находятся Провизор Иван Алексеевич Радау и аптекарский помощник Юриань. Прилагаю 2 книги: для записывания рецептов и для ручной продажи на 1890 г., которые прошу спрятать и переслать обратно в г. Болхов.

Провизор А.И. Радау

Список служащих при аптеке А.И.Радау в г. Болхове, состоявших в 1889 году, представлен в таблице 5.

Таблица 5.

Список служащих при аптеке А.И.Радау в г. Болхове, состоявших в 1889 году

Звание	ФИО
Провизор, он же содержатель аптеки и управляющий аптекой	Иван Алексеевич Радау
Аптекарьские помощники	Юриань
Ученики	нет

Результаты анализа номеров рецептов и товарооборота в аптеке представлены в таблице 6.

Таблица 6.

Ведомость о количестве номеров рецептов и оборота в аптеке А.И.Радау в г. Болхове за 1889 г.

Число рецептов	3318
Сумма, вырученная по рецептам	1772 руб 19 коп
Сумма, вырученная по ручной продаже	1661 руб 07 коп
Итого общий оборот аптеки (рецептура и ручная продажа)	3433 руб 26 коп
Число фармацевтов/провизоров и аптекарских помощников (со включением содержателя аптеки, если он фармацевт)	Провизор 1 Помощник 1
Число аптекарских учеников	нет

Во врачебное отделение Орловского
Губернского правления
Содержателя вольной Карачевской аптеки
Рапорт

Сим имею честь донести оному отделению, что в содержимой мною аптеке кроме меня, управляющего провизора Ильи Ивановича Суховича, находится аптекарский помощник Павел Подервянский.

Имею честь предоставить во врачебное отделение сведения о числе номеров рецептов и их повторений, поступивших в содержимую мною аптеку, а также сумму рецептурной и ручной продажи и общего оборота аптеки за истекший 1889 г.

2 февраля 1890 г.

Содержатель Карачевской вольной аптеки
Провизор Илья Иванович Сухович

Список служащих при аптеке И.И. Суховича в г. Карачеве, состоявших в 1889 году, представлен в таблице 7.

Таблица 7.

Список служащих при аптеке И.И.Суховича в г. Карачеве, состоявших в 1889 году

Звание	ФИО
Провизор, он же содержатель аптеки и управляющий аптекой	Илья Иванович Сухович
Аптекарьские помощники	Павел Подервянский
Ученики	нет

Сведения о числе номеров рецептов и их повторений, сумм рецептурной и ручной продажи и общем обороте Карачевской вольной аптеки за 1889 г. представлены в таблице 8.

Таблица 8.

Сведения о числе номеров рецептов и их повторений, сумм рецептурной и ручной продажи и общем обороте Карачевской вольной аптеки за 1889 г.

Месяцы	Рецептуры			Ручная продажа		Общая сумма	
	Число NN	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Январь	475	269	11	80	40	349	51
Февраль	395	234	36	84	05	318	41
Март	424	242	37	133	25	375	62
Апрель	355	220	50	137	05	357	55
Май	410	244	11	142	90	387	01
Июнь	432	238	02	124	60	362	62
Июль	383	211	89	120	34	332	23
Август	277	168	52	117	55	286	07
Сентябрь	319	192	26	120	63	312	89
Октябрь	269	164	27	102	50	266	77
Ноябрь	375	231	38	118	55	349	93
Декабрь	379	235	36	116	43	351	79
Итого	4493	2648	415	1393	525	4044	640

Результаты анализа номеров рецептов и товарооборота в аптеке представлены в таблице 9.

Таблица 9.

Ведомость о количестве номеров рецептов и оборота в аптеке И.И.Суховича в г. Карачев за 1889 г.

Число рецептов	4493
Сумма, вырученная по рецептам	2652 руб 15 коп
Сумма, вырученная по ручной продаже	1398 руб 25 коп
Итого общий оборот аптеки (рецептура и ручная продажа)	4050 руб 40 коп
Число фармацевтов/провизоров и аптекарских помощников (со включением содержателя аптеки, если он фармацевт)	Провизор 1 Помощник 1
Число аптекарских учеников	нет

Содержателя Мценской аптеки Провизора А.А.Гейлига
Рапорт

Чсть имею довести до сведения Врачебного Правления, что в минувшем 1889^м году в управляемую мною аптеку в г. Мценске поступило 3213 № рецептов на сумму 1622 р 19 коп, по ручной же продаже выручено 2511 руб 74 коп, что всего составит оборота 4133 р

Список служащих при Елецкой аптеке П.И. Черкавского, состоявших в 1889 году

Звание	Откуда	По какому свидетельству
Держатель аптеки Статский советник провизор Павел Иванович Черкавский	Из Оренбурга	По Свидетельству Московского Императорского Университета
Управляющий аптекою Провизор Генрих Иванович Гинальский	Из Москвы	По Свидетельству Московского Императорского Университета
Провизор Иван Адамович Куневич	Из Москвы	По Свидетельству Московского Императорского Университета
Осип Августович Гегжнов	Из Ковенской губ. Поневчского уезда местечки Пушолаты	По Свидетельству Саратовской гимназии
Иван Матвеевич Паулус	Из Ковенской губ. Поневчского уезда деревни Баландишки	По Свидетельству Саратовской гимназии
Иван Иванович Купревич	Из Ковенской губернии Ковенского уезда местечки Кроки	По Свидетельству Шапельской гимназии
Владислав Семенович Питровский	Из Могилевской губернии Климовичевского уезда местечки Костюкевичи	По Свидетельству Суражской Прогимназии

Примечание: из числа 16611 номеров 491 № отпущено в Тюремный замок со скидкой 25%, 570 № в общую Городскую Лечебницу со скидкой 15% и 393 № для бедных бесплатно.

93 коп, по трехлетней же сложности оборот годовой 4431 р 53 коп при 3289 NN.

А. Гейлиг

Мценск Января 12 дня 1890 г №95

Результаты анализа номеров рецептов и товарооборота в аптеке представлены в таблице 10.

Таблица 10.

Ведомость о количестве номеров рецептов и оборота в Мценской аптеке провизора А.А.Гейлига за 1889 г.

Число рецептов	3213
Сумма, вырученная по рецептам	1622 руб 19 коп
Сумма, вырученная по ручной продаже	2511 руб 74 коп
Итого общий оборот аптеки (рецептура и ручная продажа)	4133 руб 93 коп
Число фармацевтов/провизоров и аптекарских помощников (со включением содержателя аптеки, если он фармацевт)	Провизор 1
Число аптекарских учеников	нет

Годовой отчет

Аптеки на Торговой улице в городе Ельце Содержателя провизора Статского Советника Павла Ивановича Черкавского под управлением провизора Генриха Ивановича Гинальского.

Результаты анализа номеров рецептов и товарооборота в аптеке представлены в таблице 11.

Таблица 11.

Ведомость о количестве номеров рецептов и оборота в г. Ельце аптеке провизора П.И. Черкавского за 1889 г.

Число рецептов	16611
Сумма, вырученная по рецептам	9390 руб 05 коп
Сумма, вырученная по ручной продаже	669 руб 47 коп
Итого общий оборот аптеки (рецептура и ручная продажа)	10052 руб 52 коп
Число фармацевтов/провизоров и аптекарских помощников (со включением содержателя аптеки, если он фармацевт)	Провизор 3 Помощник 4
Число аптекарских учеников	нет

Список служащих при Елецкой аптеке П.И. Черкавского, состоявших в 1889 году, представлен в таблице 12.

Таблица 12.

Нами проведён сравнительный анализ представленных аптек по количеству рецептов (рис.1).

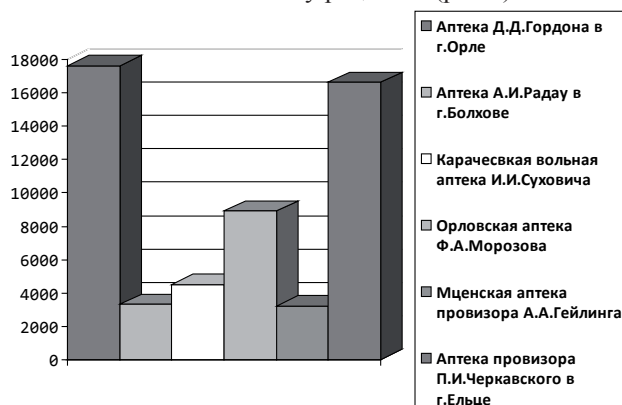

Рис. 1. Сравнительный анализ аптек по количеству рецептов.

Из рисунка видно, что наибольшее количество рецептов в 1889 году выполнено в аптеке Д.Д.Гордона в г. Орле (17590) и в г. Ельце в аптеке провизора П.И. Черкавского (16611).

Нами проведён сравнительный анализ представленных аптек по рецептурному товарообороту (рис.2).

Рис. 2. Сравнительный анализ аптек по рецептурному товарообороту.

Из рисунка видно, что наибольший рецептурный товарооборот наблюдается в г. Ельце в аптеке провизора П.И. Черкавского (9390 руб.) и в Орловской аптеке провизора Д.Д.Гордона (8713 руб.).

Нами проведён сравнительный анализ представленных аптек по товарообороту ручной продажи (рис.3).

Рис. 3. Сравнительный анализ аптек по товарообороту ручной продажи.

Из рисунка видно, что наибольший товарооборот по ручной продаже наблюдается в г. Орле в аптеке провизора Д.Д.Гордона (8414 руб.) и в Мценской аптеке провизора А.А. Гейлинг (2511 руб.).

Нами проведён сравнительный анализ представленных аптек по общему товарообороту (рис.4).

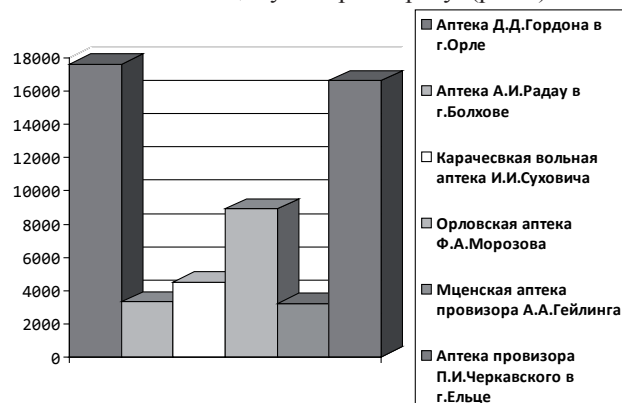

Рис. 4. Сравнительный анализ аптек по общему товарообороту.

Из рисунка видно, что самый большой общий товарооборот наблюдается в аптеке Д.Д. Гордона в г. Орле (17127 руб.) и в г. Ельце в аптеке провизора П.И. Черкавского (10052 руб.).

В результате проведённого нами анализа можно сделать выводы:

1. Первые аптеки в Орловской губернии существовали уже в конце 19 века, и открыть аптеку, судя по прошению провизора Гана, можно было достаточно быстро, без проволочек (дело о прошении начато 28 октября 1886 г., закончено 7 ноября 1886 г.), то есть в течение недели.

2. В конце 19 века в Орловской губернии существовали аптеки не только в Орле, но и в уездах (Болхов, Мценск, Елец, Карачев).

3. По составу служащих аптечные работники подразделялись на провизоров (образование получали в Московском Императорском Университете); аптекарских помощников (чтобы стать помощником, требовалось пройти обучение в аптеке учеником не менее 4 лет); аптекарских учеников (необходимо было иметь гимназическое образование и сдать дополнительные экзамены по латыни и алгебре).

4. Персонал аптеки различался по национальности: евреи – 15%, русские – 22%, литовцы – 26%, поляки – 15%, немцы – 11%, курляндцы – 5,5%, прусские подданные – 5,5% и по вероисповеданию: иудейское – 15%, православное – 26%, римско-католическое – 37%, лютеранское – 18,5% [4].

5. Наибольшее количество рецептов в 1889 году выполнено в аптеке Д.Д.Гордона в г. Орле (17590) и в г. Ельце в аптеке провизора П.И. Черкавского (16611).

6. Самый большой общий товарооборот в аптеке Д.Д.Гордона в г. Орле (17127 руб.) и в г. Ельце в аптеке провизора П.И. Черкавского (10052 руб.).

Библиографический список

1. Госархив Орловской области, фонд 4, опись 1, дело 7234.
2. Госархив Орловской области, фонд 4, опись 1, дело 7323.
3. *Раздорская И.М.* Очерки истории фармации. Выпуск 2. Фармация Античности, Средневековья и раннего Нового времени/ И.М.Раздорская, С. П. Щавелёв. Москва.: Изд-во «Флинта», 2010. 298 с.
4. *Филина И.А., Юшкова Е.И., Филина С.С.* Исторические и фармакологические аспекты развития аптечного дела в Орловской губернии. Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: «Естественные, технические и медицинские науки». 2015. №4 (67). С.413-417.

References

1. State Archives of the Orel Region, the fund 4, register 1, case 7234.
  2. State Archives of the Orel Region, the Fund 4, register 1, case 7323.
  3. *Razdorskaya I.M.* Essays on the history of pharmacy. Issue 2. Pharmacy of Antiquity, the Middle Ages and the Early Modern Period / I.M. Razdorskaya, S. P. Schavelev. Moscow.: Publishing house «Flinta», 2010. 298 p.
  4. *Filina I.A., Yushkova E.I., Filina S.S.* Historical and pharmacological aspects of pharmacy in the province of Orel. Scientists notes of Orel State University. Series: "Natural, technical and medical science". 2015. №4 (67). Pp.413-417.
-

Н.В. АКИМОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра литературы, Орловский государственный институт культуры
E-mail: anatavi@mail.ru

N.V. AKIMOVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of literature, Orel State Institute of Culture
E-mail: anatavi@mail.ru

РОЛЬ ВНУТРЕННЕГО МОНОЛОГА И НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ В СОЗДАНИИ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

THE ROLE OF INTERNAL MONOLOGUE AND NON-NATIVE-DIRECT SPEECH TO CREATE IMAGES OF THE CHARACTERS IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE IDIOT"

Внутренний монолог и несобственно-прямая речь помогают раскрыть душевную жизнь главных героев в романе «Идиот». К изображению персонажей изнутри их сознания автор чаще прибегает для изображения смутных, «сумеречных» состояний сознания. Чаще всего Достоевский использует логически упорядоченную внутреннюю речь в форме «внутреннего говорения».

Ключевые слова: внутренний монолог, несобственно-прямая речь, душевная жизнь героя, повествование рассказчика, авторское повествование.

Internal monologue and non-native-direct speech help to reveal the inner life of the main characters in the novel «The Idiot». To the imaging of the inner consciousness of characters the author often refers to obscure the image, “twilight” states of consciousness. More often Dostoevsky uses a logically ordered inner speech in the form of “inner speaking”.

Keywords: interior monologue, non-native-direct speech, the inner life of the character, story telling, author's narration.

Образная система романа Достоевского «Идиот» обстоятельно проанализирована исследователями (В.Д. Днепров, Т.А. Касаткина, Г.Б. Курляндская, К.А. Степанян, Г.К. Щенников и другие). Однако в своих работах ученые лишь косвенно затрагивали художественно-психологические приемы и средства, не останавливаясь на значении, которое они имеют в создании образов героев.

Цель нашей статьи – исследовать особенности несобственно-прямой речи и внутреннего монолога в романе «Идиот» в соотнесенности с концепцией характера героев, этико-философскими и эстетическими воззрениями Достоевского.

К процессам глубинной душевной жизни, к обнажению психических процессов Достоевский неоднократно обращался в своем творчестве, однако особенности использования «внутренней речи» каждый раз определяются характером героя и своеобразием жизненной ситуации, в которой он оказывается, а также психологической проблематикой произведения в целом.

В романе «Идиот» автор исследует трагедию жизни князя Мышкина. Состояние героя, перемены в его судьбе и сознании писатель раскрывает через историю столкновения с окружающими людьми, обществом. Как известно, психологическую проблематику романа «Идиот» определили размышления Достоевского о наивысшей доступной человеку цели земной жизни – стремлении «к идеалу, противоположному его натуре»,

идеалу Христа. Человек, будучи связан «законом личности» «по закону природы», не способен достичь идеала, а стремление к нему дает лишь «равновесие земное», уравновешивающее страдание от осознания «состояния греховности». Писатель констатирует: «Вся история человечества, так и каждого отдельного, есть только развитие, борьба, стремление к достижению этой цели» [3, т. 20, с.172-175]. В главном герое автор стремился воплотить идею изображения положительно прекрасного человека, «Князя-Христа».

Первая часть романа, являясь, по собственному замечанию Достоевского, «введением», насыщена действием, крайне стремительным развитием событий, которые врываются в жизнь только что приехавшего в Петербург князя Мышкина. В связи с этим здесь превалирует внешнее изображение героев через портрет, сцены диалогической речи, авторское повествование и повествование рассказчика.

Не ограничиваясь внешним изображением характеров, стремясь выявить их сознание, Достоевский использует формы несобственно-прямой речи, вводя в повествование элементы самовыражения героев. Формы несобственно-прямой речи используются для самораскрытия не только духовно богатых героев – Мышкина, Настасьи Филипповны, Лизаветы Прокофьевны, сестер Епанчиных, но и Гани, генерала Епанчина, Тоцкого. Такой прием в основном используется в романе при разъяснении рассказчиком «случаев» из жизни героев

или при воссоздании их непосредственной реакции на происходящее. Так, при описании обстоятельств, при которых Настасья Филипповна согласилась на замужество с Ганей и получение семидесяти пяти тысяч, в повествование рассказчика Достоевский активно включает самовыражение героини: «Вообще она ничего не говорит против возможности этого брака, но *об этом еще слишком надо подумать*; она желала бы, чтоб ее не торопили. *Насчет же семидесяти пяти тысяч – напрасно Афанасий Иванович так затруднялся говорить о них*. Она понимает сама цену деньгам и, конечно, их возьмет. Она благодарит Афанасия Ивановича за его деликатность, за то, что он даже и генералу об этом не говорил, не только Гавриле Ардалионовичу, но, *однако ж, почему же и ему не знать об этом заранее?* Ей нечего стыдиться за эти деньги, входя в их семью» (выделено нами – Н.А.) [3, т.8, с.42]. В рассказ о состоянии Гани во время внезапного посещения Настасьей Филипповной его дома включается не только несобственно-прямая речь, но и прямая реплика героя, заключенная в кавычки: «И вот генерал тут, пред всеми, да еще торжественно приготовившись и во фраке, и именно в то самое время, когда Настасья Филипповна *«только случая ищет, чтобы осыпать его и его домашних насмешками»*. (В этом он был убежден). Да и в самом деле, *что значит ее теперешний визит, как не это? Сдружиться с его матерью и сестрой или оскорбить их у него же в доме приехала она?* Но по тому, как расположились обе стороны, сомнений уже быть не могло: его *мать и сестра сидели в стороне как оплеванные, а Настасья Филипповна даже и позабыла, кажется, что они в одной с нею комнате... И если так ведет себя, то, конечно, у ней есть своя цель!»* (выделено нами – Н.А.) [3, т.8, с. 91].

Можно констатировать, что несобственно-прямая речь, дающая возможность изобразить этих героев изнутри сознания, в первой части в единичных случаях переходит в прямые реплики героев и совсем не перерастает во внутренний монолог. Тем самым внутренний мир героев лишь частично приоткрывается. Это объясняется тем, что несобственно-прямая речь включена большей частью в повествование рассказчика. Он же до конца не знает, что на самом деле происходит в душах персонажей. По верному замечанию В.Днепров, повествователь предстает у Достоевского «всеслышащим», а не «всезнающим», а его представления «о душевных процессах героев не составляют непосредственной истины, они привязаны к «может быть», к сомнению» [2, с. 154]. Неопределенные местоимения «что-то» и «какой-то» преобладают в повествовании так же, как и ссылка на слухи. В целом включение в повествование рассказчика элементов языка действующих лиц помогает передать особенности их сознания, чувств и стилистические особенности речи.

И все же «внутренняя речь» появляется в первой части. Взятая в кавычки и тем самым подчеркнута выделенная, она не вытекает из повествования рассказчика, а дается отдельными элементами, передавая процесс

внутреннего размышления героев и являясь выражением подлинного голоса персонажа. Изображение мыслей и переживаний средствами внутреннего монолога характерно используется для раскрытия образа князя Мышкина.

В первой части романа, по общему признанию, князь Мышкин предстает как цельный характер, гармоничный, далекий от внутренних разногласий человек. Он не испытывает никаких сомнений на счет своего душевного состояния и лишь начинает входить в жизнь представителей петербургского общества. В связи с этим в первой части нет собственно внутренних монологов, передающих процесс зарождения мыслей, все фазы психического процесса. Автор трижды прибегает к выражению внутреннего размышления персонажа. В первой реплике отражено его наблюдение за лицом Гани: «Он, должно быть, когда один, совсем не так смотрит и, может быть, никогда не смеется», – почувствовалось как-то князю [3, т.8, с.21]. Во второй реплике герой размышляет о том, что проговорился о портрете Настасьи Филипповны: «Конечно, скверно, что я про портрет проговорился, – соображал князь про себя, проходя в кабинет и чувствуя некоторое угрызение. – Но... может быть, я и хорошо сделал, что проговорился...» [3, т.8, с.67]. Третья «внутренняя речь» предвещает приход героя незванным гостем к Настасье Филипповне: «Самое большое, – думал он, – будет то, что не примут и что-нибудь нехорошее обо мне подумают или, пожалуй, и примут, да станут смеяться в глаза... Э, ничего!». И действительно, это еще не очень пугало; но вопрос: «Что же он там сделает и зачем идет?» – на этот вопрос он решительно не находил успокоительного ответа. Если бы даже и можно было каким-нибудь образом, уловив случай, сказать Настасье Филипповне: «Не выходите за этого человека и не губите себя, он вас не любит, а любит ваши деньги, он мне сам это говорил, и мне говорила Аглая Епанчина, а я пришел вам пересказать», – то вряд ли это вышло бы правильно во всех отношениях [3, т.8, с. 114]. Все три внутренних речи являются реакцией на внешние события и передают мыслительный процесс, работу сознания в данный момент. Они упорядочены, представляют собой высшую форму внутренней речи «внутреннее говорение», отличаются логической стройностью, законченностью и близки к произносимой вслух речи. Таким образом, автор не обращается к микроскопическому исследованию «души» и, как Тургенев и Гончаров, не ставит задачи «изображения таинственного процесса возникновения мысли и чувства» [5, с. 209].

Один короткий внутренний монолог в форме «внутреннего говорения» принадлежит Гане Иволгину. После сильнейших потрясений в доме генерала Епанчина, когда Гане пришлось пережить «сцены» с подаренным портретом Настасьи Филипповны, а также с запиской к Аглае, взбешенный Ганя ругается на князя, а потом извиняется перед ним. Описывая переживания и гамму эмоций почти потерявшего самообладание Гани, автор передает внутренние мысли героя, вынужденного

пойти на уступки: «Нет, его теперь так отпустить невозможно, – думал про себя Ганя, злобно посматривая дорогой на князя, – этот плут выпытал из меня всё, а потом вдруг снял маску... Это что-то значит. А вот мы увидим! Всё разрешится, всё, всё! Сегодня же!» [3, т.8, с. 75]. Внутренняя речь сопровождается авторской оценкой реакции Гани. В этом внутреннем монологе мы видим знающего душу героя автора, «снявшего личину повествователя» и открыто выступающего в психологическом анализе [2, с. 154]. Автору важно в этот момент раскрыть истинную причину внезапного «раскаяния» Гани, приоткрыв его душевный мир.

Более насыщена внутренними монологами вторая часть романа. Князь Мышкин все больше вовлекается в жизнь общества, в судьбу Настасьи Филипповны и теряет нравственное согласие с собой. По справедливому замечанию В.Д. Днепров, Г.Б. Курляндской, по мере этого вовлечения в жизнь окружающих, в круговорот страстей в герое начинается внутренняя борьба. Такое изменение состояния героя нельзя не связать с концепцией Достоевского о трех этапах развития истории человечества, которая, как утверждает Г. Фридлендер, определила «общее направление его художественной и философской мысли» [8, с. 314]. Счастливую эпоху «детства человечества», сменяет, по Достоевскому, «исторически неизбежно эпоха цивилизации: теперь человек выходит из «массы», обретает сознание и индивидуальность. Но вместе с даром сознания цивилизация несет человечеству также величайшие беды – общественное разединение, борьбу и все те «цветы зла», которые неотделимы от представления о современном обществе и душе современного человека. Они неизбежно порождают «хаос», «беспорядок», внутреннюю раздвоенность личности, наличие в ее душе «подполья» – сплетения гордости, зависти, чувства наслаждения собственной греховностью – и в то же время тоски по высшему духовному идеалу» [8, с. 314]. «С идеей трех стадий развития человечества, – продолжает ученый, – подчиняющей себе, в конечном счете, то общее направление, по которому художественная мысль Достоевского движется в каждом из его романов, связан в понимании Достоевского не только общий путь человеческой культуры, но и путь каждого отдельного человека... подобный путь проходят – каждый по-своему – Раскольников, князь Мышкин, Аркадий Долгоруков, старец Зосима, Дмитрий, Иван и Алеша Карамазовы» [8, с. 314-315].

Именно в период вовлечения князя Мышкина в жизнь «цивилизации», когда он стал участником всеобщей людской трагедии, трагедии «конечных» существ, в нем проявляются «законы человеческой природы»: «личная эгоистическая заинтересованность», внесенная в сферу спасения Настасьи Филипповны (Курляндская Г.Б., Джоунс М.), внутренний «демон» подозрительности и сомнения в окружающих его людях, чувство неприязни (особенно ярко проявившееся к племяннику Лебедева), «двойные мысли», подчинение духовной природы телесной (Гачева А.Г.) и т.д. В целом, учитывая взгляды Достоевского на историю развития челове-

чества, а также концепцию личности, во все большем «нисхождении князя в телесное начало» (выделено автором) [6, с. 83], все же следует видеть не пародийное снижение образа Мышкина по сравнению с Христом, «подмену», «лже-Христа» [6], или стремление Достоевского показать, к чему придет мир, если вместо Христа явится кто-то «другой, *просто человек* или самозванец» (выделено автором) [7, с. 179], а изменение структуры характера главного героя. На наш взгляд, здесь следует говорить о том, что логика развития характера князя Мышкина приводит автора к переходу от создания положительно-прекрасного человека как недостижимого «идеала» – Князя Христа – к более земному образу Дон Кихота, полнее соответствующего положению лучшего человека в современной цивилизации, в мире «меры и договора», в котором люди утратили влечение к единению, одержимы жаждой наживы, «своего только права» и не способны сохранить дары Божии [1, с. 50]. Писатель, подчеркивая в личности Христа высший идеал человеческой личности, видел и в литературном образе Дон Кихота «прекрасное лицо» и близкими по смысловому контексту словами, как верно заметил К.А. Степанян, отмечал в них такие качества, как «величайшая чистота», «мужественность», «величайший ум». Как видим, качества лучших людей отражают национально-нравственные представления писателя о высших духовных свойствах личности. Не случайно рыцарское стремление «спасать» людей, приводящее к трагедии, особенно характерно для Мышкина во второй части романа.

Внутренний мир героя, его субъективные переживания все чаще раскрываются перед читателем, но уже не повествователем, а автором. Наиболее широко внутренняя речь князя разворачивается в пятой главе второй части перед припадком героя и покушением на него Рогожина. Здесь в авторское повествование широким потоком вливается несобственно-прямая речь героя, отдельные реплики прямой речи, которые переходят во внутренние монологи. Голоса автора и героя сливаются, никогда еще авторское повествование не вбирало в себя так полно интонации героя, эмоциональный тон, не сближалось с его точкой зрения. Собственные авторские размышления о природе и результатах эпилептического припадка передаются двухголосом, слаженно. Сомнения, мучающие автора, даются через восприятие героя. Формы несобственно-прямой речи и внутреннего монолога выступают средством выражения авторской близости к герою: «... что ведь все эти молнии и проблески высшего самоощущения и самосознания, а стало быть и «высшего бытия», не что иное, как болезнь, как нарушение нормального состояния, а если так, то это вовсе не высшее бытие, а, напротив, должно быть причислено к самому низшему. И, однако же, он все-таки дошел наконец до чрезвычайно парадоксального вывода: «Что же в том, что это болезнь?» – решил он наконец. – Какое до того дело, что это напряжение ненормальное, если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом со-

стоянии, оказывается в высшей степени гармонией, красотой, дает неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни?». Эти туманные выражения казались ему самому очень понятными, хотя еще слишком слабыми» [3, т.8, с. 188].

Перед припадком герой находится в болезненном состоянии, его мысли путаются, перескакивают с одного предмета на другой, в связи с этим впервые в романе «внутренняя речь» дается неупорядоченным, обрывистым потоком: «Но чужая душа потемки, и русская душа потемки; для многих потемки. Вот он долго сходил с Рогожиным, близко сходились, «братски» сходились, – а знает ли он Рогожина? А впрочем, какой иногда тут, во всем этом, хаос, какой сумбур, какое безобразие! И какой же, однако, гадкий и вседовольный прыщик этот давешний племянник Лебедева! А впрочем, что же я? (продолжалось мечтаться князю) разве он убил эти существа, этих шесть человек? Я как будто смешиваю... как это странно! У меня голова что-то кружится... А какое симпатичное, какое милое лицо у старшей дочери Лебедева...» [3, т.8, с. 190]. Эта «внутренняя речь» далека от «диалектики души», в нем нет показа рождения мыслей, да и в целом он более организован, чем внутренние монологи у героев Толстого. В пятой главе также представлена диалогизированная «внутренняя речь»: Мышкин постоянно припоминает слова, поступки других и полемирует с ними или с самим собой. Несколько голосов одновременно звучат здесь и сливаются с самоанализом героя: «Разве не способен к свету Рогожин? Он говорит, что любит ее не так, что в нем нет сострадания, нет «никакой такой жалости». Правда, он прибавил потом, что «твоя жалость, может быть, еще пуше моей любви», но он на себя клеветает. Гм, Рогожин за книгой, – разве уж это не «жалость», не начало жалости?» [3, т.8, с. 191].

В этой главе особенно много дается прямых авторских оценок состояния главного героя: «Он был в мучительном напряжении и беспокойстве и в то же самое время чувствовал необыкновенную потребность уединения» [3, т.8, с. 186]. «Отчаяние и страдание захватили всю его душу»; «... жгучее, мучительное воспоминание прошло вдруг по сердцу князя»; «О, как мучила князя чудовищность, «унизительность» этого убеждения, «этого низкого предчувствия», и как обвинял он себя самого!» [3, т.8, с. 191-194]. Авторское оценочное понимание еще раз подчеркивает близость автора к внутренним переживаниям персонажа и его сознанию, позволяет углубить психологическое повествование.

Помимо несобственно-прямой речи, внутренних монологов, показывая глубину внутренней борьбы князя Мышкина с собой, со своим внутренним «демоном» – подозрительностью и сомнением в своем крестном «брате» Рогожине, Достоевский вводит форму самоанализа героя: «Скажи же, если смеешь, в чем? – говорил он беспрерывно себе с упреком и с вызовом, – формулируй, осмелся выразить всю свою мысль, ясно, точно, без колебания! О, я бесчестен! – повторял он с

негодованием и с краской в лице. – Какими же глазами буду я смотреть теперь всю жизнь на этого человека! О, что за день! О боже, какой кошмар!» [3, т.8, с. 194]. В. Компанеев справедливо отмечает, что «основу самоанализа составляет не патологическое раздвоение человека, а осознание себя как нравственной личности, чувство собственного достоинства, потребность самоутверждения и критическое отношение к себе и своим поступкам. Достоевский характеризовал самоанализ как «потребность самоотчета» и присутствия в человеческой природе «потребности нравственного долга к самому себе и человечеству» [4, с. 23]. И все же автор до конца аналитически не расчленяет внутреннее состояние главного героя. Неоднократно мы сталкиваемся в пятой главе с неопределенными местоимениями «что-то» и «какой-то»: «В теперешнем его созерцательном состоянии была для него какая-то приманка. Он прилеплялся воспоминаниями и умом к каждому внешнему предмету, и ему это нравилось: ему всё хотелось что-то забыть, настоящее, насущное» [3, т.8, с. 189]. Таким образом, автор подчеркивает, что внутренний мир «другого», даже близкого по состоянию человека, является закрытым для полного проникновения, или, по словам М.М. Бахтина, не поддается «овнешняющему определению».

В дальнейшем авторский голос еще звучит, когда приоткрывается психический процесс, внутренние переживания героя. Так, в авторское повествование вливается несобственно-прямая речь, в которой передаются мучительные переживания князя по поводу его мнительности и подозрительности.

В третьей и четвертой частях романа все чаще рассказывает о происходящем повествователь и мы не встречаемся с погружением во внутренние переживания героя. Короткие внутренние монологи, как и в первой части, здесь являются реакцией на внешние события и передают мыслительный процесс, работу сознания в данный момент. Например, после разговора с Аглаей на даче Епанчиных Мышкин размышляет: «Ба! – остановился он вдруг, озаренный другою идеей, – давеча она сошла на террасу, когда я сидел в углу, и ужасно удивилась, найдя меня там, и – так смеялась... о чае заговорила; а ведь у ней в это время уже была эта бумажка в руках, стало быть, она непременно знала, что я сижу на террасе, так зачем же она удивилась? Ха-ха-ха!» [3, т.8, с. 300]. В итоге, когда повествование почти целиком переходит рассказчику и все чаще появляются ссылки на слухи, в романе объясняется причина отказа от попыток проникнуть во внутренний мир героя: «Не забудем, что причины действий человеческих обыкновенно бесчисленно сложнее и разнообразнее, чем мы их всегда потом объясняем, и редко определенно очерчиваются. Всего лучше иногда рассказчику ограничиваться простым изложением событий» [3, т.8, с. 402]. В дальнейшем также подчеркивается: «...нам чрезвычайно трудно приступать к продолжению без особых объяснений. И однако, мы чувствуем, что должны ограничиться простым изложением фактов, по возможности без осо-

бых объяснений, и по весьма простой причине: потому что сами, во многих случаях, затрудняемся объяснить происшедшее. Такое предупреждение с нашей стороны должно показаться весьма странным и неясным читателю: как рассказывать то, о чем не имеешь ни ясного понятия, ни личного мнения? Чтобы не ставить себя еще в более фальшивое положение, лучше постараемся объясниться на примере, и, может быть, благосклонный читатель поймет, в чем именно мы затрудняемся, тем более что этот пример не будет отступлением, а, напротив, прямым и непосредственным продолжением рассказа» [3, т.8, с. 475-476]. Факты, считал Достоевский, скажут сами за себя.

Если мы обратимся к другим героям романа, то для обрисовки их характера Достоевский почти не использует внутренние монологи. Это объясняется тем, что, с одной стороны, эти персонажи не впадают в сложные и противоречивые внутренние размышления, не испытывают глубинных внутренних терзаний, а, с другой стороны, для повествователя остается закрытым душевный мир героев (Например, нет в романе «внутреннего» раскрытия болезненных психологических состояний Настасьи Филипповны, ее метаний. Состояние героини передается во внешнем проявлении, в рассказе о ее поступках, в ее словах). Исключение составляет в третьей части изображение переживаний за дочь Лизаветы Прокофьевны. В первой главе третьей части автор воссоздает внутреннее течение мыслей Лизаветы Прокофьевны, находящейся в болезненном, тревожном состоянии, когда она подозревает нечто «ужасное» и не может разобраться в отношении Аглаи к князю Мышкину. Во внутреннем монологе показана быстрая смена мыслей, отрывочность, множество вопросов, которые мучают обеспокоенную мать. И все же внутренний монолог лишен «неправильности», случайности, обрисовки «хаоса» взволнованной психики, то есть больше представлен в форме «внутреннего говорения»: «Почему она (Аглая – Н.А.) вчера и сегодня Гаврилу Иволгина хвалить принималась и расплакалась? Почему про этого проклятого «рыцаря бедного» в этом анонимном письме упомянуто, тогда как она письмо от князя даже сестрам не показала? И почему... зачем, зачем я к нему, как угорелая кошка, теперь прибежала и сама же его притащила? Господи, с ума я сошла, что я теперь наделала! С молодым человеком про секреты дочери говорить, да еще... да еще про такие секреты, которые чуть не самого его касаются! Господи, хорошо еще, что он идиот и... и... друг дома! Только неужели ж Аглая прельстилась на такого уродика! Господи,

что я плету! Тьфу! Оригиналы мы... под стеклом надо нас всех показывать, меня первую, по десяти копеек за вход. Не прошу я вам этого, Иван Федорыч, никогда не прошу! И почему она теперь его не шпигует?» [3, т.8, с. 274]. В целом первая глава третьей части, которую автор начинает размышлениями о «практических людях», наполнена несобственно-прямой речью, переходящей в прямые реплики и внутренние монологи, в которых раскрывается внутренний мир Лизаветы Прокофьевны. Ее голос, взгляды и мысли, эмоциональные реакции включены в авторское повествование. Повествовательный стиль этой главы окрашен в эмоциональные тона героини близкой автору по мировосприятию.

В заключение можно констатировать: внутренние монологи и несобственно-прямая речь не являются ведущими средствами художественно-психологического раскрытия душевной жизни героев в романе «Идиот». В соответствии со своими эстетическими взглядами, обращаясь к исследованию трагедии жизни князя Мышкина, а также людей, его окружающих, автор не показывает становления качественно нового отношения к миру, радикального изменения их взглядов. Этому соответствуют и изображение вполне сознательного проявления душевной жизни героев: внутренние монологи чаще всего логически упорядочены, построены в форме «внутреннего говорения». К изображению персонажей изнутри их сознания автор чаще прибегает для изображения смутных, «сумеречных» состояний сознания (В. Виноградов), например, перед припадком князя Мышкина. В этом эпизоде внутренний монолог помогает раскрыть борьбу противоположных начал в душе героя. Внутренний монолог приобретает здесь диалогическую форму, художественно убедительно передается беспорядочное кружение внутренней речи героя. Отказ автора от изображения душевной жизни персонажей через внутреннюю речь в ее нерасчлененном, спутанном виде, детального показа зарождения мыслей и их «хаоса» диктуется убеждением Достоевского, что «другой» человек закрыт для полного проникновения и не поддается конечному определению. Повествование в романе передано рассказчику, который ссылается на слухи, а автор, который знает, что происходит в душе героя, проявляется в романе редко, лишь в раскрытии самых острых, глубинных состояний наиболее близких героев. Ведущую роль играет в романе «психологический анализ», осуществляемый действующими лицами», героями, которые пытаются угадать состояние другого, постичь мотивы и намерения, разгадать чужую душу [2, с. 168].

Библиографический список

1. Акимова Н.В. От Князя Христа к «рыцарю бедному»// Славянский сборник. Вып. 10. Материалы X Всероссийских (с международным участием) Славянских Чтений «Духовные ценности и нравственный опыт русской цивилизации в контексте третьего тысячелетия, проведенных 24-25 мая 2012 года. Орел, 2012. С.36-50.
2. Днепров В.Д. Идеи. Страсти. Поступки. Л., 1978. 384 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т.Л., 1972-1990.
4. Компанец В. Художественный психологизм в советской литературе (1920-е годы). Л., 1980. 112 с.
5. Курляндская Г.Б. Художественный метод Тургенева-романиста. Тула, 1972. 344 с.

6. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. М., 2001. 560 с.
7. Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб, 2010. 400 с.
8. Фридлиндер Г.М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». СПб, 1995. 524 с.

References

1. *Akimova N. V.* From Prince Christ to the “poor knight”// Slavic collection. Vol. 10 materials of the X All-Russian (with international participation), Slavic Readings “Spiritual values and moral experiences of Russian civilization in the context of the third Millennium, held on 24-25 may, 2012. Orel, 2012. Pp. 36-50.
  2. *Dneprov V. D.* Ideas. Passion. Actions. Leningrad, 1978. 384 p.
  3. *Dostoevsky F. M.* The complete collection of works: in 30 vol. Leningrad, 1972-1990.
  4. *Kompaneets V.* Artistic psychologism in the Soviet literature (1920-ies). Leningrad, 1980. 112 p.
  5. *Kurlandskaya G. B.* Artistic method of Turgenev-novelist. Tula, 1972. 344 p.
  6. F. M. Dostoevsky’s novel “The Idiot”: current state of research. M., 2001. 560 p.
  7. *Stepanyan K. A.* The Phenomenon and dialogue in the novels of F. M. Dostoevsky. SPb, 2010. 400 p.
  8. *Friedlander G. M.* Pushkin. Dostoevsky. “Silver age”. SPb., 1995. 524 p.
-

А.В. АЛЕКСЕЕВ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра
русского языка, Московский городской педагогиче-
ский университет
E-mail: alsalva@narod.ru

A.V. ALEKSEEV

Candidate of Philology, Associate Professor, Department
of Russian language, Moscow City Teacher Training
University
E-mail: alsalva@narod.ru

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ (СИМВОЛИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

LEXICAL SEMANTICS IN OLD RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH (SYMBOLIC ASPECT)

В статье рассматривается особый – синкретичный – тип древнерусских лексических значений. Синкретичное (диффузное) значение слова представляет собой нераздельное соединение двух денотатов или сигнификатов (семантическую двуплановость). Синкретичное значение возникает в результате семантического притяжения в лексической парадигме и реализуется в контексте в виде символической семантической структуры.

Ключевые слова: лексикология, диахрония, семантика, символ, древнерусский язык.

The article considers the special, syncretic, type of old Russian lexical meanings. This meaning is an inseparable compound of the two concepts, is the type of lexical ambiguity. Syncretic meaning occurs as a result of attraction in the lexical paradigm and implemented in the context of a symbolic semantic patterns.

Keywords: lexicology, diachrony, semantics, symbol, old Russian language.

Вопрос о разграничении и типологии лексических значений имеет богатую традицию обсуждения в русистике – но преимущественно в отношении современного русского языка. Специфика лексического значения в диахроническом аспекте, его подробная характеристика на древнерусском материале сравнительно редко становятся предметом специальных исследований. По умолчанию предполагается, что те же принципы, что используются при синхронном и современном описании – прежде всего, противопоставление прямых и переносных значений – вполне корректны и по отношению к архаичным состояниям лексической системы. Такое понимание находит свое отражение и в существующих исторических словарях, в структуре словарных статей и в толкованиях.

Между тем сама проблема описания лексического значения в истории русского языка была и остается дискуссионной: словарной практике разграничения отдельных значений полисеманта противостоит идея синкретизма древнего значения. Внимание к лексико-семантической диффузности (синкретизму) возникло уже в начальный период отечественной семасиологии, в работах М.М. Покровского, отмечавшего это явление на материале древних языков (1895 г.). Далее феномен синкретизма рассматривался в рамках русской исторической лексикологии, что позволяло выявлять специфику древнерусских лексических значений как значений синкретичных, как своеобразного «семантического конгломерата» [4; с. 90].

О.Н. Трубачев отмечал, что раздельной трактовке (сегментации) значения в практической лексикографии «противостоит», особенно при диахроническом описа-

нии и семантической реконструкции, «единое значение единого слова в реальном языке, или, точнее, то, что можно назвать, используя в описательной семантике опыт истории культуры и сравнительно-исторического языкознания, синкретичным значением слова» [8; с. 8]. Параллельно этому Д.Н. Шмелев высказывался о невозможности различать в определенных условиях отдельные значения одного слова в современном русском языке, предлагая рассматривать подобные случаи как лексическую диффузность, зону переходности между двумя значениями многозначного слова [10; с. 109]. Нежелание словарей учитывать такую диффузность вело, по мнению Д.Н. Шмелева, к искажению представлений о семантической структуре многозначных слов.

Особенно возрос интерес к лексико-семантическому синкретизму (диффузности) с зарождением когнитивной лингвистики, когда факты языка последовательно стали рассматриваться как свидетельства развития человеческого мышления. При таком понимании «переплетение, сращение отдельных частных значений и оттенков значений слова» [2; с. 15] свидетельствует о мифологическом типе мышления, в процессе разрушения которого, в средневековую эпоху, происходил переход «от архаических недифференцированных комплексных значений <...> к специализированным, отработанным значениям» [9; с. 76]. С позиций В.В. Колесова, семантический синкретизм принципиально важен при изучении истории слов, так как «синкретизм языкового знака – естественное его свойство» [5; с. 46].

В недавней работе М.В. Пименовой [6] категория лексико-семантического синкретизма рассмотрена настолько обстоятельно, что вряд ли сегодня можно сомне-

ваться в реальности этой категории и в ее актуальности в различных языковых аспектах, ее значимости для понимания языкового семиозиса, в том числе в области исторической лексикологии. В указанной статье семантический синкретизм представлен как частный случай асимметрии языкового знака; там же предлагается убедительно широкий обзор многочисленной научной литературы по проблеме асимметрии и синкретизма, дается подробная классификация случаев синкретизма, в частности, предлагается разграничивать три случая лексико-семантического синкретизма: 1) совмещение значений многозначного слова, 2) синкретизм отдельного значения (сравнительно редкое явление) и 3) синкретизм качественно сложного значения [6; с. 27].

Особое внимание исследователей привлекает синкретизм первого типа; в достаточной обширной на сегодняшний день литературе [6] предлагаются широкие, не полностью совпадающие классификации разновидностей синкретизма первого типа. Однако общим во всех классификациях является то, что подобный синкретизм выявляется на русском синхронном материале: синкретизм обнаруживается при современном употреблении слова и преодолевается (перестает быть синкретизмом) при использовании слова в стандартных (не диффузных) контекстах или при специальной рефлексии исследователя. В частности, Анна А. Зализняк разграничивает «склеивание» и «сплав» в соответствии с тем, осознается ли «неоднозначность» только лингвистом или же (при «сплаве») «два, вообще говоря, отчетливо различных значения как бы соединяются в одно; при этом ощущение их разности тоже сохраняется» [3; с. 28].

Синкретизмом, актуальным для исторического описания, следует считать только лексико-семантический синкретизм третьего типа: его образуют «синкретичные (качественно «сложные») значения» [6; с. 31]. Такие значения, в отличие от значений простых, отличаются «связью одновременно с двумя / несколькими сигнификатами и/или денотатами» [6; с. 31] и при этом «являются узувальными, связанными с некоторым классом регулярных употреблений» [6; с. 39], то есть реализуются не в исключительных случаях (зонах переходности), а в целом в системе языка. Почему же именно такие значения актуальны при изучении истории русского языка? Дело в том, что их описание полностью соответствует характеристикам лексических значений символических.

Основное свойство символа – двуплановость означаемого: первичное означаемое (денотат / сигнификат) оказывается означающим для вторичного означаемого. Например, первичное означаемое слова *крест* (*крѣсть*) – геометрический объект в виде двух перекрещенных линий, представление о таком объекте; символическое вторичное означаемое – христианская вера. Регулярное совмещение этих сигнификатов соответствует узувальному символическому значению (*креста на нем нет; жизнь без креста* и т.п.).

Символическое значение слова возникает в ситуации, когда первичное означаемое – явление культу-

ры – становится означающим для вторичного, более отвлеченного означаемого; слово приобретает символическое значение, когда «включается в символическую цепочку культуры, когда начинает указывать на существующий культурный знак и, следовательно, становится знаком знака, то есть символом» [1; с. 62]. При этом в качестве культурного знака могут выступать предметы, архитектурные сооружения, модели поведения, любые объекты, уже освоенные говорящим – подробнее см. [1]. Например, в древнерусских устойчивых конструкциях *срубити городъ, заложити городъ* реализуется синкретичное значение *городъ* ‘крепостные стены ~ населенная крепость’. Одновременно такое значение предстает как символическое, поскольку архитектурный объект (деревянные стены) оказывается знаком защищенного, безопасного поселения (знаком безопасной жизни).

Именно такие, символические, значения были широко распространены в древнерусском языке, поскольку в условиях Средневековья символическое мышление составляло основу древнерусской ментальности. Соответственно, семантический синкретизм третьего типа должен обнаруживаться в древнерусском языке. Такой синкретизм является свидетельством реализации символических значений слова: *крѣсть* ‘объект в виде пересекающихся линий ~ свидетельство христианства’; *городъ* ‘крепостные стены ~ свидетельство безопасной жизни’. Для слов типа *крѣсть* реальность символического употребления, кажется, не вызывает сомнений, ср. в Повести временных лет: *И въшедь на горы сия бл[агосло]ви я. и постави кр[ѣс]ть и помолвьсѧ Б[ог]у*. Лавр. лет. Зоб. Однако в условиях средневекового мышления было возможно символическое, т.е. синкретичное, употребление даже таких обыденных слов, как *городъ* или *печаль*. Подобные слова обозначали распространенные явления древнерусской социальной или духовной жизни; семантический синкретизм этих слов не очевиден, но может быть обнаружен в результате специального анализа.

В древнерусском языке синкретизм лексических значений находил отражение как в особенностях строения лексической системы, так и в характере употребления тех или иных лексем. На парадигматическом уровне происходило семантическое взаимодействие близкозначных слов, при котором пересечение в одном из значений сопровождалось синонимизацией и в других значениях: возникало «семантическое притяжение» близких по смыслу слов (термин Н.Г. Михайловской). Синонимическое сближение происходило в рамках определенного лексико-семантического поля или группы; в качестве иллюстрации рассмотрим особенности структуры эмотивной ЛСГ. Древнерусские номинации негативных эмоций развивали симметричные семантические структуры и образовывали несколько пересекающихся синонимических рядов. Разграничивая семемы ретроспективным путем, мы можем выделить минимум девять подобных рядов.

1. ‘Психическое состояние подавленности вслед-

ствие реального негативного события (горестное чувство): *печаль, туга, скърбь, горе, горесть, грущение, жалость, кручина, тьска, уныние, трудь, бользнь, обида*. 2. 'Психическое состояние подавленности вне указания на причину (уныние)': *печаль, туга, скърбь, грущение, уныние*. 3. 'Реальное негативное событие как причина эмоциональной реакции (несчастье)': *печаль, туга, скърбь, горе, горесть*. 4. 'Физическое состояние страдания (мучение)': *печаль, туга, скърбь, трудь, бользнь*. 5. 'Физическое состояние страдания, соматически локализованное (боль)': *скърбь, трудь, бользнь*. 6. 'Физическое состояние страдания, соматически локализованное и устойчивое (болезнь)': *печаль, скърбь, кручина, трудь, бользнь*. 7. 'Психическое состояние подавленности вследствие потенциального негативного события (забота)': *печаль, скърбь, трудь, бользнь*. 8. 'Потенциальное негативное событие как причина эмоциональной реакции (тяжелые обстоятельства как предпосылка возможного несчастья)': *туга, скърбь, тьска*. 9. 'Психическое состояние подавленности вследствие некорректных социальных отношений (обида)': *печаль, жалость, обида*.

В результате семантического притяжения доминантные члены рассмотренных рядов соединяли, совмещали при своем употреблении несколько семем, напр.: *печаль* 'физическое страдание ~ несчастье ~ горестное чувство'. В современном русском языке подобные семемы последовательно различаются; однако в древнерусский период данные семемы регулярно образовывали сложные синкретичные значения. В подобных значениях семантические элементы, связанные причинно-следственной связью, вступали в символические отношения означаемого и означаемого. Поскольку и физическое страдание, и несчастье – непосредственно переживаемые, наблюдаемые явления, то они становились означаемым для эмоционального состояния, которое в период диффузности / синкретизма представлялось неопределенным, неясным, требующим символической номинации. Ср. *печаль* 'несчастье => горестное чувство': *Милостыни бо отья не забьвена бывает ... и въ днь печали твоя въспоманеть ти ся*. Изборник 1076 г., 157; *бользнь* 'несчастье => горестное чувство': *А в ты дни бользнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера...* Слово о погибели Русской земли, 88, XIII в.

Приведенные комплексные синонимы, *печаль* – *туга* – *скърбь* и др., взаимодействовали не только в пределах семантической парадигмы, но и в границах синтагмы. Такие слова могли совместно употребляться в контексте, образуя при этом «сочетание двух синтаксически равноправных слов с совпадающими или предельно близкими значениями» [7; с. 9]. Подобные конструкции, синонимические пары, часто обладали устойчивым характером; ими выражались особые «комплексные понятия», которые иначе могут быть рассмотрены как символы, так как входившие в эти «образные понятия» (термин В.В. Колесова) семантические компоненты находились в отношениях означаемого и

означаемого. Рассмотрим ряд синонимических пар с указанием двух компонентов символа: означаемое => означаемое.

Печаль и плачь 'рыдание => горестное чувство'. То же значение выражалось парными сочетаниями *плачь и туга, тугы и слъзы, скърбь и плачь, скърбь и въздыхание*. Данное значение было широко представлено в культуре, в том числе в рамках обрядового поведения, что подтверждается феноменом «плакальщиц». *Печаль и тьщеславие* 'суетное беспокойство о материальных вещах => греховное состояние души; страсть; желания, вышедшие из-под контроля духа'. В данном случае непосредственно наблюдаемое поведение человека становилось означаемым для трудно осознаваемого состояния греховной страсти, подробнее см. [1; с. 121]. *Скърбь и печаль* 'физическое страдание => горестное чувство'. *Стыдь и срамь* 'общественное осуждение => отрицательное эмоционально-нравственное состояние'. *Туга и бьда* 'трагическое событие, актуальное для большой социальной группы => горестное чувство'. *Туга и печаль* 'тяжелая, стесненная ситуация => горестное чувство'. *Уныние и лньность* 'отсутствие деятельности, труда => греховное состояние пассивной душевной страсти; неверие' (подробнее см. [1; с. 108-117]). *Чьсть и слава* 'общественная высокая оценка, явно выраженная => преимущественный социальный статус, достоинство'. *Путь-дорога* 'полоса земли для движения => опасное, трудное движение'.

В подобных сочетаниях одно слово (1) выражало перцептивный, непосредственно воспринимаемый объект, известное чувственное ощущение (означающее символа), а другое (2) – неясный, неопределенный объект (абстрактный, прежде неизвестный или принципиально не познаваемый в земном мире): эмоцию, отвлеченное понятие, нравственную категорию, религиозную ценность и т.п. (означающее символа). Ср.: 1) *плачь, печаль, дорога, срамь, скърбь, бьда, туга, лньность, слава* – 2) *печаль, тьщеславие, путь, печаль, стыдь, туга, печаль, уныние, чьсть*. Исторической изменчивостью лексической семантики объясняется варьирование порядка слов в парах, а также выражение словом как первичного, так и вторичного значения и, соответственно, возможность присутствия в обоих рядах. Приведем отдельные примеры реализации перечисленных сложных синкретичных значений: 'Физическое страдание – горестное чувство': *А юже испьрва житише ихъ въ нещерьъ и юлико скърби и печали прияши тьсноты ради мьста того*. Успенский сборник, 35 г. 'Отсутствие деятельности – греховное состояние': *Много же печалова о немь старьць. съдлаше бо яко въ мнозъ оунынии. и лньности изиде оть мира сего*. Синайский Патерик, 30 об. 'Трагическое событие – горестное чувство': *И на празьбникъ святого Николы выльзьше из города, испькоша вся; и бь туга и бь да останку живыхъ; бь бо осталось ихъ 80 муж*. Новгородская I летопись, 53-53 об. 'Рыдание – горестное чувство': *Вьспомани са о немь въ исходъ д(оу)ша юго и оутъши са, въ печали бо и въ плачи не*

сътвориши полза юмоу никоюя же. Изборник 1076 г., 154.

О реализации сложного синкретичного значения отдельным словом могут свидетельствовать его дистрибутивные особенности, грамматическая и лексико-семантическая сочетаемость. Следовательно, для отграничения синкретичных (символических) значений от значений прямых, первичных и вторичных, необходимо анализировать модели сочетаемости той или иной лексемы. В качестве иллюстрации рассмотрим синтагменные модели, реализуемые лексемой *городъ* (*градъ*) в «Повести временных лет» (по Лаврентьевскому списку). Полногласная и неполногласная форма должны рассматриваться при этом анализе как слабо дифференцированные варианты, что подтверждается сопоставлением моделей и списков летописи. В Лаврентьевском списке соотношение *градъ* – *городъ* представлено как 196 – 53, т.е. 79 % – 21 %. В то же время в Ипатьевском списке соотношение *градъ* – *городъ* составляет 115 – 171 (общая сумма различается из-за разночтения списков), то есть 40 % – 60 % (по материалам Национального корпуса русского языка). Таким образом, в ИЛ в сопоставлении с ЛЛ наблюдается регулярная замена *град-* на *город-*, которая практически не зависит от модели и возможна в различных контекстах: *и сдѣлаша градъ* (ЛЛ) – *городъ* (ИЛ); *градъ иколо его Вавилонъ* (ЛЛ) – *городъ* (ИЛ); *и бы[сть] матежь в градъ* (ЛЛ) – *городъ* (ИЛ). В аналогичных контекстах может наблюдаться обратная замена (единично) или отражаться в обоих списках неполногласная форма. Ср.: *бы[сть] градъ великъ в городъ* (ЛЛ) – *градъ* (ИЛ); *заложу градъ Бѣльгородъ* (ЛЛ) – *градъ* (ИЛ).

Наиболее частотными для лексемы *градъ* / *городъ* оказываются модели, в которых «город» представлен как географический объект, определенным образом локализованный в пространстве и ориентированный на военные действия. Такие модели реализуют прямое значение лексемы *городъ* / *градъ* и определяются выбором предиката, по отношению к которому *городъ* выступает объектом. В этих случаях употребляются 1) глаголы пространственного движения (перемещения): *идти, прийти, пойти, ходити, бѣжати, побѣчи, побѣгнути, ѿступати, дошедъ* (прич.), *ѿшедъ* (прич.); 2) глаголы движения внутрь и наружу: *вънити, въходити, выслати, изити, выльсти, вышедъ* (прич.), *въшедъ* (прич.), *въвести, въкрастиса, излазити, въбѣчи, въхати, скочити*; 3) глаголы со значением военных действий: *бити* (с.а.), *разбити, разбивати, погоубити, воевати, боротиса, исполчити* (с.а.), *запалити, пожьчи, зажьчи, облечи*; 4) родственные глаголы с корнем *-sto- (18 контекстов): *стати, встати, стояти, остояти, остати, застати, обстояти* (в большинстве примеров глаголы указывают на положение войска, осаждающего город, т.е. данная модель соотносится с моделью 3); 5) родственные глаголы с корнем *-stop- (18 контекстов): *оступити, отъступити, отъступати, приступити, приступати, выступити, подступити* (значение перечисленных глаголов соответствует модели 4, однако бо-

лее последовательно эксплицируется признак ‘осада: окружение города’). Во всех указанных моделях реализуется прямое, не обладающее семантической двуплановостью значение, которое является тождественным для всех случаев, – ‘крепость: географический объект, населенный пункт с замкнутыми границами, предназначенный для поддержки военных действий’.

В единственном случае модель такого же типа реализует, по нашему мнению, синкретичное значение: б) однокоренные глаголы с корнем *-tvor- в значении ‘изменять состояние прохода’ (17 контекстов): *затворити* (с.а.), *отворити*. В тринадцати примерах в этой модели представлено сочетание *затворити* с.а. въ *градъ* / *городъ* (в Лаврентьевской летописи только -ра-). Его следует рассматривать как древнерусское устойчивое сочетание идиоматического характера с прямым значением ‘запереть стены, закрыть проход’ и с обобщенно-переносным ‘упорно сражаться, находясь в осаде’. Как отмечает М. Вас. Пименова, именно фразеологические единицы оказываются важнейшим средством выражения сложных синкретичных значений [6; с. 40]; такое качество устойчивых выражений в максимальной степени проявлялось в древнерусском тексте. Мы можем предположить, что лексема *градъ* / *городъ* в рассмотренной устойчивой модели выражала символическое синкретичное значение ‘стены крепости => защита во время войны, источник воинского мужества’.

Другое символическое синкретичное значение реализуется в контекстах с указанием на принадлежность, обладание городом. Здесь можно выделить несколько моделей: 1) предикат выражен глаголами с корнем -а-: *възати, заати, приати*, напр. *прияста гра[дъ] и посадиста посадника*. Лавр. лет., 91об.; 2) предикат выражен глаголами с корнем -да-: *дати, въдати, раздавати, предати*, напр. *имже роздаялъ Всеволодъ города*. Лавр. лет., 87; 3) используются притяжательные формы местоимений и прилагательных, напр. *в Д[авы]довѣ городѣ*. Лавр. лет., 88об.; *и ѿ градъ моихъ десятую часть*. Лавр. лет., 43. Выявить символическое значение в этих моделях возможно в контексте наших знаний о древнерусском государстве. Система древнерусской княжеской власти строилась через обладание ценными в финансовом отношении регионами с опорой на города как на военно-политические центры. Владение городом (крепостью) было не только необходимым (утилитарным) в военном отношении, но и знаковым, так как город (крепостные стены) оказывался первым артефактом в символической цепочке владений. Так, в указанных моделях реализуется символическое значение *городъ* / *градъ* ‘крепость => княжеское имущество, богатство’.

Таким образом, в древнерусском языке синкретичные значения слова определялись и отношениями в лексической системе (семантическое притяжение), и особенностями употребления (некоторые модели сочетаемости). Лексико-семантический синкретизм позволял слову выражать символические смыслы, составлявшие мировоззрение и ценностные установки человека Древней Руси.

Библиографический список

1. *Алексеев А.В.* Семиотические категории языка и культуры при диахроническом анализе лексики. М.: МГПУ, 2013. 164 с.
2. *Гвоздецкая Н.Ю.* К проблеме выделения «имен чувств» в языке древнегерманского эпоса (на материале «Беовульфа» и «Старшей Эдды») // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 138–142.
3. *Зализняк Анна А.* Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. М., 2004. № 2. С. 20–45
4. *Ковтун Л.С.* О неявных семантических изменениях (к истории значений слов) // Вопросы языкознания. М., 1971. №5. С. 81–91.
5. *Колесов В.В.* Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 703 с.
6. *Пименова М.В.* Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. М., 2011. № 3. С. 19–48.
7. *Синочкина Б.М.* Синонимические пары слов в истории русского языка (на материале летописей XIV – XVII вв.). Дисс... канд. филол. наук. Минск, 1975. 204 с.
8. *Трубачев О.Н.* Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. М., 1980. №3. С. 3–15.
9. *Шимчук Э.Г.* Из истории лексики, связанной с духовным миром человека // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. М.: Ин-т рус. яз., 1991. Ч.1. С. 75–85.
10. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.

References

1. *Alekseev A.V.* The semiotic categories of language and culture in a diachronic analysis vocabulary. M.: MGPU, 2013. 164 p.
  2. *Gvozdeckaja N.Ju.* The problem of allocation of “names” in the language of the ancient German epos (based on the “Beowulf” and “Elder Edda”) // Logical analysis of language. Cultural concepts. M.: Nauka, 1991. Pp. 138–142.
  3. *Zaliznjak Anna A.* The phenomenon of polysemy and ways to describe // Questions of linguistics. M., 2004. № 2. Pp. 20–45.
  4. *Kovtun L.S.* About implicit semantic changes (on the history of the meanings of words) // Questions of linguistics. M., 1971. №5. Pp. 81–91.
  5. *Kolesov V.V.* Word and deed: From the history of Russian words. SPb.: St. Petersburg University, 2004. 703 p.
  6. *Pimenova M.V.* Lexical-semantic syncretism as a sing of formal-content language asymmetry // Questions of linguistics. M., 2011. № 3. Pp. 19–48.
  7. *Sinochkina B.M.* Synonymous pairs of words in the history of the Russian language (on the material of the Chronicles of the XIV – XVII centuries). Diss... cand. of philological sciences. Minsk, 1975. 204 p.
  8. *Trubachev O.N.* Reconstruction of words and their meanings // Questions of linguistics. M., 1980. №3. Pp. 3–15.
  9. *Shimchuk Je.G.* From the history of vocabulary related to the spiritual world of man // Historical and cultural aspect of lexicological description of the Russian language. M.: Vinogradov Russian Language Institute, 1991. P.1. Pp. 75–85.
  10. *Shmelev D.N.* The problem of semantic analysis of vocabulary. M.: Nauka, 1973. 280 p.
-
-

Л.В. АЛЕШИНА

доктор филологических наук, профессор, кафедра книжного дела, русского языка и методики его преподавания, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: alyoshinalv@mail.ru

L.V. ALEOSHINA

Doctor of Philology, Professor, Head of department of the book industry, Russian language and its teaching methods, Orel State University named after I.S. Turgenev
E-mail: alyoshinalv@mail.ru

ВОПРОС О РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ В ПИСЬМАХ Н.С. ЛЕСКОВА

THE ISSUE OF THE ROLE OF WOMEN IN FAMILY AND SOCIETY LIFE IN THE LETTERS BY N.S. LESKOV

В статье рассматривается, как в частных письмах Н.С. Лескова выражаются его взгляды на призвание женщины. Особое внимание уделяется отношению писателя к женщинам-труженицам, а также его пониманию возвышающей роли женской любви.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, частные письма, женский вопрос.

The article focuses on the way N.S. Leskov expressed his views on the vocation of women in his personal letters. Special attention is paid to the attitude of the writer towards working women, as well as his understanding of the inspiring role of woman's love.

Keywords: N.S. Leskov, personal letters, the woman issue.

Шестидесятые годы XIX века вошли в историю России как переломные. В ряду множества острых проблем, стоявших перед обществом, не последнее место занимал так называемый «женский вопрос».

Н.С. Лескова волнует положение русской женщины, он горячо отстаивает право женщин учиться, трудиться, развиваться как личность и резко негативно относился к тем крайностям, которые породила quasi-эмансипация, ведущая к нарушению нравственных законов, обязанностей, норм. Эта позиция четко выражена в статьях «Русские женщины и эмансипация» (1861), «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?»» (1863), «Специалисты по женской части» (1867), «Загробный свидетель за женщин. Наблюдения, опыты и заметки Н.И. Пирогова, изложенные в письме к баронессе Э.Ф. Раден. С предисловием и послесловием Н.С. Лескова» (1886) и целом ряде других публикаций. Многочисленные образы в художественных произведениях писателя ярко иллюстрируют его взгляды на роль и место женщины в семье и обществе.

Помимо публицистических и художественных произведений, «большое значение для изучения жизни и творчества Лескова имеет и его эпистолярное наследие» [2, с. 481]. Частные письма Лескова дают возможность глубже понять и его позицию по «женскому вопросу».

С одной стороны, Лесков горячо выступает за необходимость серьезного образования для женщин, за их право приносить пользу обществу в качестве врачей, учителей, о чем не раз высказывается в своих статьях. С другой стороны, ему представляется губительной утрата многими женщинами религиозного чувства, искренней веры. 18 декабря 1870 года он пишет С.А. Юрьеву,

основателю журнала «Беседа»: ...*пять лет тому назад по поводу толков «о призвании женщины» и кривотолков о русской женщине с верою и упованием, которые были осмеяны, мне пала в голову и в сердце неотвязная мысль изобразить в живом очерке: мешают ли эти злополучные вера и упование истинной свободе чувства и независимости женщины? В обдуманном плане я уложил целую эту идею в повесть, снабдив ее и кличкой по шерсти. Повесть эта должна быть названа: «Марфа и Мария». При этом библейском названии во главе повести идет и евангельский эпиграф: «Марфо, Марфо, печешися» и пр. Отсюда, я думаю, Вам уже понятно, что будет сказано в этой повести? ...Не откажитесь мне ответить: нравится ли Вам мой замысел поделить наших современных соотечественниц на «Марф и Марий» и показать всю тщету их «марфунства» при несомненной ясности пути Марий?*

Далеко не все наши современники знакомы с притчей о Марфе и Марии, поэтому приведем ее полностью: ...*пришел Он <Иисус> в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у ней была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении, и подошедши сказала: Господи! Или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом. А одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее (Евангелие от Луки, Гл. 10, 38-42).*

Впервые окказионализм *марфунство* встречается в повести «Обойденные» (1865). Это новообразование,

созданное с нарушением языковых норм, сразу привлекает внимание читателя своей необычностью. Во-первых, производные с общим значением 'поведение, которое характерно для лица, названного производящим словом', образуются на базе фамилий (*толстовство, нищиеанство* и другие), гораздо реже на базе мужских личных имен. Производящим же для окказионализма *марфунство* является женское имя Марфа, что уже нарушает норму. Во-вторых, окказионален морф –унств[о] как реализация суффиксальной морфемы – ств[о]. Вырванное из контекста, слово *марфунство* лишено для рецепиента смысла, хотя уже сама его неблагозвучность позволяет предположить, что оно обозначает нечто негативное.

Героиня повести «Обойденные», Дора, сравнивает с евангельской Марией молодую француженку-крестьянку, которая живет просто и бесхитростно, трудится, привозя каждое утро в город молоко от своих коров, трогательно любит мужа и растит детей. «Дорушка несколько раз видела... Жервезу, и молочная красавица ей необыкновенно нравилась. – Это Мариш, – говорила она Долинскому, – а не мы, Марфы, кажется, только и стоющие одного упрёка... Может быть, только мы и выслужим за своё *марфунство*» [здесь и далее подчеркнуты слова, выделенные Лесковым – Л.А.].

Отгалкиваясь от евангельской притчи, писатель устами Доры называет *Марфами* женщин, «никому не доверяющих настолько, чтобы вместе садить и поливать то горчичное зерно *взаимоверия*, без которого злак стебля не даст», как пишет Лесков в одном из своих писем, опираясь на другой библейский сюжет (П.К. Щебальскому, 7 октября 1871). Это женщины, развитые интеллектуально, но утратившие искреннюю веру в божественное провидение, в божественную природу любви, склонные «многречить», анализируя свои взаимоотношения с людьми, в том числе с близкими. *Мариш* же открыто и ясно выражают свою любовь, забывая себя для любимого человека, причем для них любовь сопряжена с обязательствами по отношению к любимому. «Видите, – начала... Дора, – почему я вот и назвала таких женщин *Мариями*, а нас – *многоречивыми Марфами*. Как это все у нее просто и все выходит из одного люблю. ... Она любит потому, что любит его, а не себя, и потом все уж это у нее так прямо идет – и преданность ему, и забота о нем, и боязнь за него, а у нас пойдёт *марфунство*: как? Да что? Да, может быть, иначе нужно? И пойдут эти надутые лица, су-пленье, скитанье по углам, доказыванье характера, и прощай счастье».

Повесть «Марфа и Мария», о которой идёт речь в письме к С.А. Юрьеву, так и не была написана. Остались черновики, которые свидетельствуют о том, что писатель в ходе работы над повестью переосмыслил образы библейских героинь, и особенно Марфы. Насколько можно судить по отрывочным наброскам, главным героем повести должен был стать молодой священник, направленный по окончании семинарии в отдаленный северный приход, который уже несколько лет был без

пастыря. Юноша полагал, что, оставшись на годы без священника, его будущие прихожане забыли Божии заповеди. Но в беседе с проводником молодой человек с удивлением узнает, что тот хорошо знает Библию, соблюдает христианские обряды. Оказывается, жители деревни регулярно собираются вместе, и девушка по имени Мария читает им Библию, поясняя слово Божие. Эта девушка – сирота, ее растила старшая сестра, Марфа, освободившая Марию от всех забот о доме, хозяйстве, дав ей возможность учиться.

Повествуя о том, как Мария заботится о духовном здоровье односельчан, рассказчик постоянно возносит хвалы... Марфе. Священник спрашивает, почему его спутник восхваляет Марфу, которая заботится только о хлебе насущном, а не Марию, несущую свет христианского учения. «Проводник покачал головой и ответил: «...Мы уважаем Марию, которая научила нас, как надо себя понимать, но знаем, что Мариш <самой> не пришлось бы все это узнать и открыть нам, если бы ее не вскормила своими заботами *многочувственная Марфа*, и за то мы считаем, что все добро, которое нам открыла Мария, пришло к нам через Марфу, и без <нее бы> ее трудов и забот не слышать бы нам поучений Мариш»».

Как видим, образ Марфы получает совсем иную трактовку, чем можно было бы ожидать. Это настоящая героиня, взявшая на себя изнурительный крестьянский труд, возрадив этим трудом сестру, создав той условия для занятий, возвышающих душу и позволив Марии занять особое положение среди односельчан. При этом Марфа искренне гордится Марией и не считает, что сестра чем-либо обязана ей. И односельчане оценили этот подвиг самопожертвования. Не удивительно, что в набросках к этой повести не встречается окказионализм *марфунство*. Здесь он неуместен. (Преломлению библейских образов в лесковском творчестве посвящена статья швейцарского ученого «Марфа и Мария. Образ идеальной женщины в творчестве Лескова») [3].

Встречая женщин, воплощающих его идеалы, Лесков не скупится на восторженные отзывы. Так, в постскрипуме к письму С.А. Юрьеву от 6 апреля 1871 года он упоминает о «прекрасной русской женщине», каковою имеет полное право называться докт. медиц. Кашеварова (которой капитальное изучение естественных наук не помешало любить Русь и теперь не мешают молиться за раннюю обедню у Знаменья о своих трудных больных); указывает пасынку на «племянницу Саввы Морозова, красавицу с 5-7 миллионами состояния» как на источник поэтического вдохновения: Я с нее кое-что зачертил в «Полуношниках» («Вестник Европы», ноябрь), но в ней неиссякаемый клад для восторгов поэта. Она на днях приезжала сюда просить, чтобы ей позволили раздать миллион голодным, но непосредственно – без попов и чиновников. Говорят, будто ей отказали. Она становится легендарною при жизни. Надо смотреть этих ангелов, которые сошли на землю и живут в нашей шкуре, а не тех, которые где-то в тумане фантазии (Б.М. Бубнову, 5 ноября 1891).

Лесков не только декларирует необходимость обеспечить для женщин возможность трудом зарабатывать себе на жизнь, он занимает активную позицию, делом доказывая серьёзность и искренность своих взглядов. Показательно его отношение к женщинам, занимающимся творческим трудом. Об истинном уважении к ним говорит высокая требовательность, не допускающая никаких унижительных скидок представителям «слабого пола», при этом писатель, отличавшийся вспыльчивостью, гневливостью, резкий на язык, ведёт себя очень деликатно. Об этом, в частности, красноречиво говорит следующий эпизод.

К Лескову как члену отдела Ученого комитета министерства народного просвещения по рассмотрению издаваемых для детей и народа книг обратился Аксаков с просьбой оказать содействие детской писательнице Е.В. Щепиной. Лесков, уже знакомый с «некоторыми сочинениями» этой дамы, в письме от 22 января 1875 года сообщает Аксакову: *Помнится, что они именно «ничего», и их, кажется, «допустили»*. Далее поясняется, что «в Комитете существуют три категории»: книгу могут рекомендовать как обязательную для школьных библиотек, одобрить, *«то есть похвалить, указать на книгу»* и допустить. *Последнее касается до тех, которые, как Вы говорите, «ничего»*. Впрочем, можете быть уверены, что все, что лишь только возможно сделать для обратившейся к Вам труженицы, будет сделано со все усердием и добрым рачением – уверяет Лесков адресата. Писатель, невысоко оценивая работу Е.В. Щепиной, относится к ней с уважением, без иронии говоря о ней как о труженице (в словаре В.И. Даля слово *труженик* толкуется как «обреченный или сам обрешившийся на тяжкие труды, сподвижник, мученик, трудящийся неутомимо»).

Лесков выполнил просьбу, о чем и сообщает Аксакову 1 марта 1875 года: *Спешу написать Вам, что порученные Вами моему опекунству литературные произведения г-жи Щепиной благополучно проведены мною через комитетские прения. Во вчерашнем заседании я доложил обе книги, и обе они «допущены в библиотеки средних учебных заведений»*. Лесков уже не может отстранённо относиться к творческой судьбе той, в ком принял участие, и советует Аксакову предостеречь его протеже от небрежности в работе: *Очевидно, ей нужен заработок, но едва ли она стоит на своей дороге (конечно, в литературном только отношении). Она пишет бог весть как легко и прозой и стихами, но вряд ли она когда-нибудь может сделаться детскою писательницею, или по крайней мере теперь она к этому положительно не готова. ...у нее нет устойчивости в мировоззрении и спокойного отношения к объекту, без чего невозможно написать детскую повесть не рядового достоинства»*. Писатель, предельно требовательно относившийся прежде всего к самому себе, переписывавший свои произведения, по его выражению, «вдоль и впоперёк», говорит о необходимости *«таких способных, но не управляющих собою дам... ставить в такие условия, чтобы они не валяли наскоро во всю руку, а обдумывали бы, «что лезь, и то, чего не можно»*.

Однако этими общими советами Лесков не ограничивается, он пытается реально помочь г-же Щепиной найти свою нишу в литературе для детей, предлагая *«упражняться некоторое время в составлении очерков по известным источникам»*, что *«будет самое выгодное в денежном отношении и выработает ее как писательницу»*. Лесков детально излагает адресату свои соображения по этому поводу, но тактично не рискует давать советы самой Е.В. Щепиной, хотя в тот же день пишет и ей, из опасения, *«не зная ее характера»*, напрасно обнадёжить возможностью хорошего заработка, став *«виновником каких-либо неосторожных увлечений»*, и советует Аксакову: *Вы обсудите мои слова и если найдете их имеющими смысл, по приложимости к способностям К<атерины> В<ладимиров>ны, то сообщите ей эти мысли и направьте ее на путь, как взяться за дело.. Простите меня, что я Вам все это так подробно расписываю, но мне кажется, что этой женщине надо помочь выбрать себе труд, более соответствующий ее силам и более благодарный*.

Николай Семёнович и сам не раз выступает в роли ходатая за женщин-тружениц (см. строки из письма А.С. Суворину от 20 октября 1889 года: *Просить за себя очень тяжело и иногда вовсе непосильно, но заступиться за другого – иное дело. От этого человек с справедливостью в душе не станет удаляться*). Так, он «усердно просит» М.И. Пыляева (писатель, журналист, сотрудничавший с издаваемым А.С. Сувориным журналом «Новое время») *«не пройти вниманием»* работы молодой художницы Зинаиды Петровны Ахочинской на выставке в Академии художеств: *Поддержите ее кураж, сколько позволит правда и Ваша ко мне приязнь... Мы все семейно любим эту девушку сердечно и дорожим ее успехом, крайне ей необходимым в ее трудном положении* (М.И. Пыляеву, 12 марта 1889). С просьбой о помощи Ахочинской Лесков обращается и к И.Е. Репину, о чём пишет ей <15-20 марта?> 1889 года: *Вчера я виделся с Ильёю Ефимов<ичем> Репиным ...и просил его по-дружески ориентировать Вас, как мою добрую знакомую. Но писатель не ограничивается просьбами, он и сам делает всё, что может: даёт художнице возможность работать и зарабатывать, поручая иллюстрировать легенду «Прекрасная Аза»: *Выставок осенью нет. Выставка будет только в марте, и до тех пор Вы можете поработать много. – «Азу» Вам заказываю* (там же).*

Такое отеческое отношение предполагает и проявление строгости, неотделимой от трогательной заботы. В письме от 17 февраля 1891 года Лесков пишет Ахочинской: *Посылаю рябчика и «Сочинения Пушкина», все в одном томе. Рябчика кушайте, а книгу положите себе прочесть от доски до доски. ...Женщине, желающей занять художественное амплуа, нельзя щеголять всестороннею беспечною насчет литературы... Вам нечего читать в журналах, где бездна чепухи и дребедени, а Вам надо давно познакомиться хоть с тем, что есть крупного; а у Вас, к величайшему стыду и горю Вашему, нет даже этой начитанности, и через это Ваши художественные способности не име-*

ют крыл, – в них нет полета, нет фантазии, а только ленивое поползновение, с которым никогда и ничего нельзя достигнуть... Вы и без того уже так довольно отстали от многих, что уже и не замечаете своего умственного вращения вне курса... Что такое художница без образованного ума, без облагороженного идеала, без ясной фантазии и без вкуса, развитого чтением истинно художественных произведений?.. Это не художница, а «мастеричка».

Так же доброжелательно и в то же время требовательно относился Лесков и к женщинам, взявшимся за нелёгкий труд издателя. В частности, он высоко ценит Любовь Яковлевну Гуревич. Литератор, переводчица, сторонница женской эмансипации, Л.Я. Гуревич приобрела журнал «Северный вестник», издание которого было связано с трудностями финансового характера. Лесков, сотрудничавший с журналом, не раз с глубоким сочувствием отзывался о его владелице. См., например, строки из письма к А.И. Фаресову: *Что касается г-жи Гуревич, – мне всегда хочется говорить о ней с уважением: она умная, очень много и вполне основательно училась и предана не пустякам, а благородному делу, с которым трудно оборачиваться. Если она и не удержит своего издания, – все-таки она достойна почтения (7 июля 1893).* Лесков, как это ему свойственно, пытается оказать реальную помощь, в частности, обращается к писательнице Л.И. Веселитской, с которой у него сложились подлинно дружеские отношения, с просьбой обдумать возможность помочь изданию Л.Я. Гуревич: *Г<уревич>ч была позавчера у меня, и вот «томленья духа»... Как бы ей пособить? Подумайте! Я уж более не могу ничего дать скоро, а «яичко дорого к великому дню» (3 февраля 1893).*

Но если Лесков сталкивается с неорганизованностью, необязательностью, его возмущению нет границ, и при этом никаких поблажек женщинам не делается. Об этом красноречиво свидетельствует переписка с А.Н. Пешковой-Толливеровой, редактором-издателем детского журнала «Игрушечка». Не раз писатель, крайне раздражённый неспособностью этой дамы вести дела, выплёскивает в письмах переполняющие его эмоции, не стесняясь в выражениях, см., например, фрагмент письма от 30 января 1883 года: *Вам процесс говорения о делах нравится более, чем дельное и неотступное их делание. Но ведь это так нельзя, – особенно на нашем чёрством и потом орошенном хлебе. Я без шуток не понимаю, – для чего Вы спрашиваете советы, когда имеете отвращение к исполнению чего бы то ни было в тоне деловой точности и аккуратности!.. У Вас это, кажется, называется «увлечениями»... У иных это называется иначе. А я прошу, – простите меня, – меня всякая новая институтственность в женщине Ваших лет и Вашего ответственного положения, возмущает до глубины души. И подпись под этим письмом выражает интенцию раздражения: вместо нейтрального варианта *Н. Лесков*, сугубо делового *Н.Л.*, иронично-шутивого *Смиранный Николай-ересиарх*, под этим письмом стоит сухо-официальное *Готов к услугам**

Н. Лесков. Склонный к словотворчеству не только в художественных и публицистических, но и в эпистолярных текстах, писатель и здесь использует хлесткий окказионализм *институтственность*, значение которого можно сформулировать как «проявление наивности, непрактичности, свойственных воспитанницам института благородных девиц, институткам».

В лесковских письмах находим суждения и о возвышающей роли женской любви. Отвечая Б.М. Бубнову, который «пренебрежительно отзывался в своем письме о «поэтах любви и воспевания красот любимых предметов» [2, с. 760], Лесков размышляет о том, что *места, занятые в старину «силой» и «страстью любовною»... надо заместить... «любовью» в высшем смысле этого слова, – «любовь по мысли» – по сознанию превосходства ясности ума и благородства чувств... Байрон в переделке Алексея Толстого и говорит о «таком сердце» – о такой, возвышающей женщине и о ее творческой, благодетельной любви. ...И «такое сердце» (женщины, возносящей дух мужчины выше и объединяющей его с божеством) всегда должно быть и будет предметом думы поэта. Любовь, основанная на этом, – велика и священна (14 мая 1891).*

Подобные взгляды излагаются в том же 1891 году младшей сестре Ольге Семеновне. Духовной близости у Лескова с ней никогда не было, переписка «быстро переходит в сплошное с его стороны, почти невыносимое учительство, выговоры, колкости...» [1, с. 483]. Всё в письмах сестры раздражало, вызывая резкие отповеди. В ответ на вполне невинное замечание Ольги Семеновны о том, что Андрея, сына Николая Семёновича и её племянника, «очень любит» жена (пара поженилась год назад, юной жене 19 лет), Лесков раздражается пространством нравоучением: *[...]любят жаркое, любят справедливость, любят халат, любят лошадь, на которой шибко ездят... Все это называется «любить»... Любят человека стараясь о том, что бы он становился лучше, умнее, сведущее, справедливее, и тогда стараются, что бы ум его окрылялся и служил светом для других. Были и есть добрые и умные женщины, кот. так любят. И мужчины ими любимые растут в уме и духе. И это есть хорошая любовь. А то есть другая любовь, когда женщина не объединяет мужчину с миром и лучшими идеями, а напротив – отторгает его даже от лиц, к которым он должен бы чувствовать нравственный долг... Это тоже делается по любви, но это есть любовь глупая, и низкая, которая не внушает уважение и не даст мужчине развить его лучшие дарования [...]. Лучше было бы даже если бы такой любви совсем и не было, или бы ее называли по крайней мере не любовью, а тем, чем ее следует называть, т.е. глупостью и озорством [...]* (8 сентября 1891).

Полезны эти сентенции адресату принести не могли (да и вряд ли Лесков всерьёз на это рассчитывал), «Ольга Семеновна терялась, оскорблялась и, по свидетельству ее дочерей, «очень плакала» от таких писем» [1, с. 483]. Но писатель с его «нетерпачим» характером не может не высказать, пусть и фактически «в никуда»,

свои воззрения на возвышающую роль женщины, умеющей стать своему спутнику нравственной опорой.

Анализ эпистолярного дискурса позволяет убедиться в том, что Н.С. Лесков занимал взвешенную позицию по вопросу о месте женщины в современном ему обществе, стремясь по мере сил и возможностей способствовать личностному и профессиональному росту женщин,

пробующих себя в литературе, живописи, издательском деле. В то же время его представления о женщине как носительнице «хорошей», «благодетельной любви», «возвышающей» её избранника, – это мечта, которую Лесков пронёс через всю жизнь, воплощая в образах героинь-праведниц.

Библиографический список

1. *Лесков А.Н.* Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. Тула, 1981. 647 с.
2. *Лесков Н.С.* Собрание сочинений. В 11 т. Т. 10. М.: Художественная литература, 1958. 598 с.
3. *Уллер де Морогус И.* Марфа и Мария. Образ идеальной женщины в творчестве Лескова. Проблемы исторической поэтики. 1998. №5. С. 442-453.

References

1. *Leskov A.N.* The life of Nikolai Leskov in his personal, family and non-family records and memories. Tula, 1981. 647 p.
  2. *Leskov N.S.* Works. In 11 v. V. 10. M.: Literature, 1958. 598 p.
  3. *Aller de Morogues I.* Martha and Mary. The perfect female image in the works of Leskov. Problems of historical poetics. 1998. № 5. Pp. 442-453.
-

Л.И. АНОХИНА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова
E-mail: orinstmvd@yandex.ru

L.I. ANOKHINA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign and Russian Languages, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V.V. Lukyanov
E-mail: orinstmvd@yandex.ru

**ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ**

**FOREIGN LANGUAGE AS AN EFFECTIVE MEANS FORMATION AND IMPROVEMENT
OF THE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF THE SPECIALISTS IN THE FIELD OF THE ROAD SAFETY PROVIDING**

Рассматриваются вопросы развития коммуникативной компетенции специалистов в области обеспечения безопасности дорожного движения. Особо подчёркивается роль изучения иностранного языка, основной целью которого является формирование компетенций в области делового общения, в том числе посредством профессионально ориентированных учебных диалогов.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, прагмалингвистика, профессиональный диалог, обучение иностранным языкам, специалист в области обеспечения безопасности дорожного движения.

The article deals with the questions of communicative competence development of specialists in the field of the road safety providing. Especially the role of foreign language study is underlined, the primary purpose of that is forming of competences in the area of business communication, using the professionally oriented dialogues as well.

Keywords: communicative competence, pragmalinguistics, professional dialogue; teaching of foreign languages, specialist in the field of the road safety providing.

Общение как форма эффективной профессиональной трудовой деятельности имеет свою специфику. Коммуникативные умения и навыки – важнейшая составляющая профиограммы бакалавра, специалиста или магистра в любой из областей общественной практики. Они должны соответствовать определённому типу институционального дискурса, являющегося «... специализированной клишированной разновидностью общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума ...» и осуществляемого «... по формуле ДИСКУРС = ПОДЪЯЗЫК + ТЕКСТ + КОНТЕКСТ» [4]. Как правило, эти умения и навыки выделяют на основании социолингвистических признаков. В психологии коммуникативная компетенция (КК) понимается как ситуативная адаптивность и свободное владение вербальными и невербальными средствами общения, поведения человека в социальной сфере жизни общества (Ю.Н. Емельянов, Л.А. Петровская). Следует отметить, что приведённое выше понятие «КК» является более узким по отношению к понятию «социально-психологическая компетенция в процессах общения». Компонентный состав этого явления, прежде всего, включает в себя такие основные элементы, как лингвистическая и социокультурная компетенции. Многокомпонентный феномен КК требует результа-

тивной работы по развитию всех его составных частей как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Изучению теоретических вопросов КК в рамках прагматической лингвистики посвящены труды многих отечественных и зарубежных учёных, таких как И.П. Сусов, В.Г. Гак, Н.Н. Трошина, Г.В. Колшанский, А.Д. Швейцер, К. Ажеж, Р. Крайг, Р. Ратмайр и другие. Эта отрасль лингвистики опирается на важнейшие понятия терминологического аппарата описания процесса коммуникации, включающего в себя наряду с понятием «коммуникативная стратегия», понятия «коммуникативное поведение», «рецептивное поведение», а также многие другие.

Формирование и совершенствование КК курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, учебный процесс в которых строится на основе деятельностной теории обучения в рамках компетентного подхода, строится с учётом социально-психологического и коммуникативного аспектов компетентности. Структура профессиональной компетентности сотрудника правоохранительных органов включает в себя наряду с системой профессиональных умений отдельные компетентности, соответствующие основным видам его конкретной профессиональной деятельности в определённых сферах. Эта совокупность индивидуальных навыков вырабатывается у личности в процессе получе-

ния высшего образования, подкрепляется инициативностью и адекватным социальным поведением, развитой КК, склонностью и способностью к сотрудничеству, стремлением и умением преодолевать конфликты при работе в команде. Высокий уровень сформированности КК помогает полицейскому служащему донести смысл своего высказывания до других, понять и, если это не противоречит букве закона, принять точку зрения коллег по службе, а также граждан, с которыми он контактирует. Специалисту также необходимо уметь эффективно обрабатывать информацию, в том числе и полученную на изучаемом иностранном языке, продуктивно разрешать конфликты, публично представлять результаты своей служебной деятельности, учитывая конструктивную критику. Успешное выполнение должностных обязанностей сотрудником Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД) подразумевает его становление в соответствии с термином, введённым Л.А. Шкатовой, как «профессионального коммуникатора» [5]. Его подготовка в этом плане проводится на материале таких дисциплин, как «Психология», «Социология», «Конфликтология», «Риторика», «Русский язык в деловой документации», в рамках которых с различных позиций рассматриваются специфические проблемы норм делового общения. Вместе с тем следует отметить, что и изучение иностранного языка (ИЯ) для специальных целей является одним из эффективных средств формирования и совершенствования КК специалиста в области обеспечения безопасности дорожного движения (ОБДД).

Основными видами делового общения инспекторов дорожно-патрульной службы (ДПС) являются официальное устное и письменное общение с участниками дорожного движения (ДД) и представителями различных государственных органов, имеющих отношение к его организации и функционированию, а также полуофициальное диалогическое общение в малой социальной группе специалистов в области ОБДД. В настоящее время языковеды достигли значительных результатов в исследовании делового общения как регулируемой и прогнозируемой коммуникативной деятельности, для которой характерны такие базовые регуляторы, как коммуникативные нормы и социокультурные правила коммуникации, называемые также социокультурными конвенциями [6]. Большое внимание уделяется отечественными и зарубежными лингвистами и изучению проблем моделирования дискурсных отношений коммуникантов.

Свою лепту в эту работу вносят и преподаватели кафедры иностранных и русского языков Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, проводя научные исследования социального речевого поведения сотрудника ГИБДД и разрабатывая модели успешного общения специалиста в области ОБДД с водителями и пешеходами с учётом разнообразных коммуникативных потребностей. Анализ дискурса сотрудника ГИБДД, проведённый с позиций прагмалингвистики, отчётливо демонстрирует, что на-

ряду с его информационными составляющими надлежит учитывать двойную системность функционального аспекта языка (структура языка + речевая ситуация). В ходе профессионального диалога устная профессиональная речь, являющаяся своеобразным переходным явлением от кодифицированного языка к разговорной речи, изменяет своё качество и текстовую природу. Разрушаясь и приобретая атекстовый дискурсный характер, в записанном виде она нуждается в пояснениях, комментариях. Часть содержания выражается имплицитно. В связи с этим в речи преобладают неполные эллиптические конструкции, частицы и междометия.

Если участники ДД, как правило, не придают большого значения форме выражения своих намерений, то этого нельзя сказать об инспекторах ДПС. Для них доминантой является внимание к профессиональной культуре и точности речи. Диалог строится с помощью естественных контактных средств, среди которых, прежде всего, следует назвать вежливую форму обращения, повелительное наклонение, обязательно смягчённое «вежливыми» словами, типа «пожалуйста». Наиболее употребительными морфологическими средствами диалогичности являются местоимения и определённые формы глагола. Синтаксические средства включают в себя вопросы и ответы, восклицательные и побудительные предложения, призывы. К текстуальным и композиционным средствам следует отнести повторы, парафразы и тому подобное. Значительную роль играют и паралингвистические средства общения – взгляды и жесты и т.п.

Итак, обучающий и обучающийся должны иметь чёткое представление об основных функциях профессиональной коммуникации. Доминирующей в профессиональном диалоге сотрудника ГИБДД с участником ДД, нацеленном на принуждение его совершать/не совершать какие-либо действия с целью поддержания порядка на дорогах и обеспечения безопасности ДД, является регулятивная коммуникация. Для неё характерны типичная аргументация, композиция жанра, определённые языковые и стилистические особенности.

Аргументативная (убеждающая) коммуникация ставит своей целью изменить, трансформировать или модифицировать представления коммуниканта в отношении объективной картины ситуации. Эффективность убеждения, удача или неудача интенционального хода сотрудника ДПС отражается в ответной реакции реципиента. Выбор средств речевого воздействия при этом в определенной степени определяется характеристиками коммуникативного акта, а также той логической структурой, которую выбирает адресант. Следует отметить, что диалогическое единство тесно связано с механизмом взятия шага, который является техникой для выбора следующего говорящего. Дисциплина «ИЯ» даёт прекрасную возможность для формирования и совершенствования этих видов профессиональной коммуникации начинающего специалиста в области ОБДД, поскольку профессиональный диалог всегда должен быть в определённой мере подготовлен. Преподаватель

обсуждает с курсантами и слушателями тему, план, речевые средства, наиболее употребительные в процессе профессионального общения сотрудника ГИБДД с участниками ДД и отличающиеся от используемых в неофициальной разговорной речи.

Предварительные результаты проводимого в рамках научно-исследовательской работы опроса слушателей факультета заочного обучения (ФЗО) института из различных регионов нашей страны, являющихся инспекторами ДПС, свидетельствуют о том, что в профессиональных диалогах с участниками ДД они отдают предпочтение частному идентифицирующему типу вопросов. При этом респонденты отмечают, что в неофициальной разговорной речи обычно используют их верификативный тип. Специфика ведения таких диалогов проявляется на различных функционально-грамматических уровнях. Речь сотрудника ГИБДД обычно насыщена терминологической лексикой, в ней преобладают имена существительные, генетивные цепочки, употребление прилагательных в роли составной части термина. Характерным является и преобладание именных словосочетаний над глагольными, осложнение структуры предложений рядами однородных членов и обособленными определениями.

Стереотипное социальное речевое поведение сотрудника ГИБДД опирается на конвенции, представленные как установки, нормативные тактики диалогового взаимодействия с участниками дорожного движения (ДД) на различных речевых уровнях – от речевого акта до сценария. Вместе с тем Т.В. Анисимова [1, 31] отмечает импровизационный характер диалога, определяя его как «форму общения людей, которая складывается из чередования реплик участников» и подчеркивает невозможность разработать весь его сценарий заранее. В связи с этим у специалиста в области ОБДД могут возникнуть проблемы в языковом взаимодействии. Поиск путей решения этих проблем требует тщательного анализа и осмысления социокультурного взаимодействия, прежде всего, на уровне межличностного общения. Партнёры по диалогу могут строить его, исходя либо из принципа однолинейности (линейности) – единства критериев успешности жизнедеятельности, либо, основываясь на идее рядоположенности (параллельности), предполагающей утверждение самобытности, обусловленной принадлежностью к соответствующей социокультурной среде. Универсализм и самобытность не исключают друг друга, поэтому сотрудник ДПС должен стремиться к достижению оптимального баланса обоих подходов при реализации речевого взаимодействия.

Качественно новые требования к уровню владения ИЯ курсантами и слушателями ФЗО ориентируют педагогов на определение чётких границ целевого, содержательного и технологического аспектов учебно-воспитательного процесса в рамках системы образовательных организаций МВД России. Совершенствование и самосовершенствование развивающейся личности начинающего специалиста в области ОБДД подразумевает её обогащение новыми профессио-

нальными знаниями, усиленную работу по развитию способности участвовать в деловой коммуникации. При этом именно прагматический характер владения ИЯ в нейтральном и профессионально ориентированном функционально-стилистическом регистрах обеспечивает ему профессиональную востребованность. Во-первых, потому что хорошо сформированная иноязычная коммуникативная компетенция (ИКК) необходима полицейским служащим для полноценного общения с потенциальными партнерами по межкультурной коммуникации – коллегами по профессии и участниками ДД, которые являются гражданами иностранных государств. Во-вторых, поскольку изучение положительного опыта служащих дорожной полиции и полиции на автобанах из стран изучаемого ИЯ играет большую роль в профессиональном становлении сотрудников ГИБДД. Изучение под руководством преподавателя ИЯ аутентичных иноязычных профессионально ориентированных первоисточников, сбор материала по теме ОБДД, его упорядочивание, систематизация и перевод на русский язык способствуют как в формированию ИКК, так и совершенствованию КК обучающихся, помогают им в решении проблем правового воспитания российских участников ДД различных возрастных и статусных групп [2; 3]. Таким образом можно сделать аргументированный вывод о том, что многоаспектное обучение монологической и диалогической речи на ИЯ является эффективным средством формирования и совершенствования КК. Пересказ текста, подготовка докладов и сообщений по изучаемой лексической теме на ИЯ, реферирование, аннотирование, составление резюме, различные виды перевода, инсценировка диалогов и составление таковых по образцу приносят большую пользу обучающимся, особенно если эта работа проводится в рамках реализации проектной методики, методики игровых технологий, технологий интерактивного и модульного обучения. Перечисленные способы формирования ИКК как части профессиональной компетентности, обладая практико-ориентированным характером, помогают формировать и совершенствовать у курсантов и слушателей ФЗО способность к действию, к решению профессиональных задач.

Следует отметить, что в применении к теории и практике обучения ИЯ продуктивные идеи прагмалингвистики исследованы ещё не в полной мере. В частности, перспективной представляется разработка методики обучения ИЯ курсантов и слушателей полицейских вузов в прагмалингводидактическом аспекте. Наряду с обучением языковой и речевой сторонам общения преподаватель ИЯ образовательной организации МВД России способствует и повышению качества овладения обучающимися культурой профессионального делового общения. Чтобы нивелировать уровни коммуникативной компетенции курсантов и слушателей ФЗО при говорении на родном и иностранном языках, педагогу надлежит ориентироваться самому и ориентировать обучающихся на языковую системность и дискурсивные практики, на неразрывную связь системного и функционального аспектов в языке.

Работу изучающих ИЯ над лингвистическим материалом следует направлять на расширение их представлений об особенностях проявления этой системности в дискурсивной практике. Языковая системность в общем смысле трактуется как ресурс речевой коммуникации, как консолидированная (сущностная) данность, в которой под влиянием дискурсивных процессов в разных типах коммуникации (устной, письменной, компьютерной) происходят разного рода новации на уровне лексики, грамматики, текста, стиля.

Таким образом, следует констатировать, что для носителей институционального дискурса специалистов в области ОБДД, получающих высшее образование, особенно важно использование потенциальных возможностей процесса изучения ИЯ, основной целью которого

является формирование компетенций в области делового общения, а основной формой обучения выступает учебный диалог. Элементами системы развития как КК в целом, так и ИКК в частности являются цель, содержание, технологии, а также результат и рефлексия как способность критически оценивать процесс обучения и собственные достижения в совершенствовании профессионально ориентированной речевой деятельности.

В заключение ещё раз хотелось бы подчеркнуть, что прагматизация иноязычной коммуникативной деятельности курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России является одной из актуальных целей преподавания ИЯ и эффективным средством формирования и совершенствования коммуникативной компетенции специалистов в области ОБДД.

Библиографический список

1. *Анисимова Т.В.* Деловое общение: речевой аспект. Волгоград: Волгоградский институт МВД России, 2000. 176 с. С. 31.
2. *Анохина Л.И.* Перевод аутентичных профессионально ориентированных текстов как средство изучения положительного опыта работы полиции Германии и Австрии в области профилактики дорожно-транспортных происшествий. // Сборник материалов 9-ой Международной научно-практической конференции «Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования)». Орёл: ОрЮИ МВД России, апрель 2013 г. С. 22 – 26.
3. *Анохина Л.И.* К вопросу методического обеспечения дисциплины «Иностранный язык» // Наука и практика № 1 (58) 2014. Орёл, ОрЮИ МВД России, 2014. С. 138 – 142.
4. *Карасик В.И.* Структура институционального дискурса. // Проблемы речевой коммуникации : сб. науч. тр. Саратов : Изд-во СГУ, 2000. С. 25 – 34.
5. *Шкатова Л.А.* Этнопсихоллингвистика сервиса. // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 1996.
6. *Ярошенко Н.Н.* Социально-культурная деятельность в контексте формирования новых качеств социального взаимодействия. // Ученые записки. Под науч. ред. Т.Г. Киселевой, В.И. Черниченко, Н.Н. Ярошенко. М.: МГУКИ, 2001. Вып. 23. С. 39-47.

References

1. *Anisimova T.V.* Business communication: verbal aspect. Volgograd : Volgograd Institute of the Russian Ministry of Interior of Russia, 2000. 176 p. P. 31.
2. *Anokhina L.I.* Translation of authentic professionally oriented texts as a means of studying the positive experience of the German Police and Austria in the field of the prevention of road accidents. // Collection of materials of the 9th International scientific-practical conference «Management of the activities for Road Safety (state, problems, ways to improve)». Orel: The Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, April 2013. Pp. 22 - 26.
3. *Anokhina L.I.* To the issue of methodical maintenance of discipline «Foreign Language». // Science and Practice № 1 (58) 2014. - Orel, The Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2014. Pp. 138 - 142.
4. *Karasik V.I.* Structure of institutional discourse. // Problems of speech communication : collection of scientific materials. Saratov : Publishing house of SGU, 2000. Pp. 25 – 34.
5. *Shkatova L.A.* Ethnopsycholinguistics of service // Ethnocultural specificity of linguistic consciousness. Collection of articles. Edited by N.V. Ufimtseva. M., 1996.
6. *Yaroshenko N.N.* Socio-cultural activities in the context of the formation of new qualities of social interaction. // Scientific notes. / Under scientific edition of T.G. Kiseleva, V.I. Chernichenko, N.N. Yaroshenko. M. : MGUKI, 2001. Vol. 23. Pp. 39-47.

УДК 801.81:398.21:811.161.1`36

UDC 801.81:398.21:811.161.1`36

М.В. АНТОНОВА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: gavrila05@yandex.ru

Я.В. ЖАРКИХ

магистр, кафедра истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

M.V. ANTONOVA

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of history of Russian literature of XI-XIX centuries, Orel State University named after I.S. Turgenev
E-mail: gavrila05@yandex.ru

Y.V. ZARKHIH

Master, Department of history of Russian literature of XI-XIX centuries, Orel State University named after I.S. Turgenev

«СВОЕ» И «ИНОЕ» ПРОСТРАНСТВО СКАЗКИ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА И.Ф. КАЛЛИНИКОВА)

«HIS» AND «OTHER`S» SPACE IN FAIRY TALE (BASED ON THE COLLECTION OF I.F.KALLINIKOV)

В статье рассматривается топология сказочного пространства на материале текстов из сборника И.Ф. Каллиникова. Структура своего и чужого мира реализуется при помощи специфических локусов, которые выражаются при помощи локативов или выявляются из описания.

Ключевые слова: сказка, категория пространства, локус, локатив.

The article deals with the topology of the fabulous space on a material of texts from the collection of I.F.Kallinikov. The structure of «his» and «other`s» world is realized with the help of specific loci, which are expressed by means of locative or identified from the description.

Keywords: tale, category space, locus locative.

Сказочный мир по своему происхождению теснейшим образом связан с древнейшими мифологическими представлениями и обрядовыми действиями. Отражением мифологических представлений о строении пространства, о его упорядоченности и неупорядоченности является наличие в волшебной сказке двух миров – «своего» и «чужого», а также путешествия героя «туда и обратно». Естественно, сказки из сборника Каллиникова не представляют исключения в этом смысле.

С точки зрения поэтики сказки из сборника И.Ф. Каллиникова, составленного по материалам его экспедиционной работы в Орловской губернии в 1912-1915 гг. [1: 15-16], практически не изучены. Лишь в статье одного из авторов данной работы предложен анализ ряда сюжетов волшебных сказок из данного сборника [2: 13-18]. Категория сказочного пространства на материале орловских сказок исследуется впервые.

Организация пространства в русской волшебной сказке, с точки зрения В.Я. Проппа, теснейшим образом связано с мифом, что накладывает отпечаток на ее сюжет и композицию. В работе «Исторические корни волшебной сказки» исследователь определил, что сказочное пространство обязательно включает в себя два мира – мир «свой» и «иной» мир, между которыми проходит граница. Каждый из этих пространственных миров обладает своей структурой, набором персонажей [См.: 3].

Независимо от количества действующих лиц в

основу повествования классической сказки положено перемещение главного героя. Его путь в пространстве представляет собой ось повествования, поэтому, как отмечает В.Я. Пропп, «композиция сказки строится на пространственном перемещении героя» [3, 47]. Причем, по наблюдениям ученого, пространство в сказке играет двойственную роль: «С одной стороны, оно в сказке есть. Оно – совершенно необходимый композиционный элемент. С другой стороны, его как бы совсем нет. Все развитие идет по остановкам, и эти остановки разработаны очень детально» [3, 48]. Под остановками подразумеваются любого рода пространственные объекты или земли, на территории которых совершается действие как таковое (избушка в лесу, иное царство и другие локусы). Основываясь на этом, все путешествие героя или пространственную композицию волшебной сказки можно записать в виде формулы. Формула будет представлять собой комбинацию названий посещаемых героем локусов в той последовательности, как это делает герой. Закодировать таким образом можно композицию любой сказки, как традиционной, так и нетрадиционной. В таком случае формула путешествия героя любой классической сказки из сборника Афанасьева будет представлять из себя следующую запись: «родной дом – иное царство – родной дом». При этом под локусом «родной дом» подразумевается родное царство или иная не чуждая герою территория, например, государство другого короля. Если же герои из сборника Афанасьева

по пути в тридцатое царство проходят через дополнительные остановки (например, избушку), то наличие подобных локусов, всегда предусмотренных сюжетом, не оказывает влияния на структуру формулы, и она, по сути дела, не меняется: «родной дом – избушка – иное царство – родной дом».

Обратимся к категории пространства на материале волшебных сказок из сборника И.Ф.Каллиникова.

«Этот», «свой» мир представляет собой пространство «домашнее», родное для героя. Это тот мир, в котором он родился, где рос и жил. Именно с определения «своего» мира, как правило, начинается сказка: «*В некотором царстве, в некотором государстве жил царь, у царя было три дочери один сын*» («Марья Марьевна»), «*В одном царстве, не в нашем государстве жил охотник*» («Князь Балалай»)[4] и т.п.

Локусы «своего» мира определяются как «царство» и «дом». Они обладают определенными атрибутами, которые наполняют локус содержанием и конкретизируют его: *сад, горница, темница, квартира, церковь* и пр.

Так, в сказке «Царица Неродица» выявляются два основных локуса «своего» мира – царство, в котором начинается действие, и царство царя Столопея, которое также становится «домашним» для героев. Обращает на себя внимание, что первый из локусов не имеет лексической выраженности, то есть лексема «царство» в данном случае отсутствует, наличие локуса определяется только через содержание. Частью (или атрибутом) «своего» пространства в данной сказке становится и «кузня», в которой кузнец изготавливает для персонажей «трости» и которая становится отправной точкой путешествия. Справедливости ради надо сказать, что «кузня» в народном сознании рассматривалась как место достаточно опасное, находящееся на границе двух миров, поскольку там господствует стихия огня и происходит «творение» предметов, то есть хаос преобразуется в космос, а кузнец мыслился как творец, человек близкий к богам. Поэтому в данной сказке «кузня» может также рассматриваться не только как атрибут «своего» пространства, но и как атрибут «границы» между мирами.

В сказке «Орел и лев» «свое» пространства представлено домом и двором барина, причем в начальной части сказки соответствующие лексеммы вновь отсутствуют, но восстанавливаются из контекста: «*Взял его [орла] барин к себе. Прокормил год – то барана орлу, то чего другого*» («Орел и лев»). Во втором эпизоде, когда барин возвращается домой из путешествия, имеется локатив «двор», обозначающий локус, в котором обнаруживается то, чего раньше не было – жена родила сына, и который наполняется богатством при помощи волшебных «ящичков».

В сказке «Сухоручка» локус «дом», в котором живут герои (купеческие сын и дочь), не имеет лексического выражения. Однако из контекста ясно, что он находится за пределами города, в который брат отправляется, очевидно, торговать.

Начальный локус «своего» мира, по нашим наблюдениям, имеет два типа репрезентации:

1. лексически выражен существительными «царство», «двор», «город», «хата/хатка», «дом»,
2. лексически не выражен (выявляется через описание).

Причем второй тип встречается значительно чаще.

Атрибутивное наполнение локусов «своего» мира достаточно разнообразно. В ряде сказок «свой» мир описывается достаточно подробно. Например, в сказке «Змей об двенадцати голов» в «некотором царстве, да не в нашем государстве» змей сидел, прикованным на цепях, в «темнице». В сказке «Неродица» царь держит родившуюся дочь в «терему». В семнадцать лет, когда дочь выходит «на белый свет», она гуляет по саду и удивляется всему, что видит: сад, яблони, солнце, месяц, море, корабль. Царевна всходит на корабль, и тот отчаливает от берега. Далее обнаруживается, что атрибутом «своего» пространства является и царский дворец: «*Покуда добегли к дворцу, царю сказали – скрылся корабль*».

Следующий эпизод, связанный с поисками смельчака, который сможет отыскать царевну, демонстрирует в качестве атрибута «своего» пространства – «квартиру», где живет этот молодец: «*Один парень пришел на квартиру. Лег спать и лежит...*» Именно здесь герою в первый раз является волшебная помощница – женщина выходит из огненного столпа, вручает ему волшебный предмет и отправляет к царю.

Весьма разработан локус «своего» мира в сказке «Купеческий сын»: «*У одном царстве был город и к городу на полверсты озеро, объезжать его – семь верст болота. В том городе купец, купец богатый, построил он мост через озеро, а под мостом приказчика посадил – слушать, что говорить проезжие будут*». Как видим, описание пространства построено по принципу сужающейся градации: сначала представлены широкие просторы – *город, озеро, болото*; затем рассказано о строительстве *моста* и приказчике, который сидит под мостом.

Столь же разработанным и сложным пространство «своего» мира является в сказках «Сухоручка» (и ее варианты), «Царевна-лягушка» и некоторых других.

В сказке «Мечь-самосечь, кисет самотряс и рубаха» герой по предсмертному наказу отца занимается охотой. «Свое» пространство ограничено деревенским хозяйством: «*Хозяйство у них: лошадь да собака. Пошел он на охоту – зайца убил. Пришел домой, ободрал кожу и продал, хлеба купил*». Как видим, используется лексема «хозяйство», лексема «дом» обозначает не столько строение, сколько само место постоянного жительства.

В других сказках «свой» мир с точки зрения атрибутивного наполнения локуса достаточно скуден («Амельян-дурак» – печь, «Брат и сестра» – баня, «Незнайка» – сад, «Князь Балалай» – дом).

«Чужой» (или «иной») мир в народной сказке более разработан и разнообразен, населен большим числом персонажей, в том числе и необыкновенными. Можно говорить и о наличии большего числа локусов в «чужом» пространстве, чем в «своем».

Так, в сказке «Царица Неродица» отмечаем **дом (избу)** бабы-яги, в котором имеется **темница**, где ведьма запирает сначала царевича, затем бабкина сына: «Привязала его [царевича] к коню, поволокла **домой**, а у ей три дочери. Заперла **в темницу** царевича»; «Увезла его [бабкина сына] к себе, посадила **в темницу**». Затем приводятся описания **избушек на курьих ножках**, которые трижды последовательно встречаются на пути бабкина сына, отправившегося за гуслиями-самогудами: «Сколько ехал, едет по лесу, стоит **избушка, на курьих ножках**. <...> И зашел **в избушку**, там ведьма баба-яга уперлась носом в **потолок**, ногой **заслонку** подпирает. <...> Слезла она **с печи**, задела ж...й кирпичи, прыгнула **с полатей**, ноги сдернула, накормила, напоила, спать **положила**». На обратном пути бабкин сын последовательно оставляет коней у волшебных помощниц, которые останавливают погоню словами: «Как же, милая, проезжал, я гналась, гналась, не догнала, вон и конь **на стойле** стоит, не отдышится, весь в поту-руде».

Кобылин сын на своем пути за Котом-Бархатом трижды встречает других сестер – старух-волшебниц. Их локусы – **избушки на гусятных ножках**, что отличает этих персонажей от тех, которые помогали бабкину сыну:

Локусы царств иного мира, в которых братья добывают гусли-самогуды и Коня-Бархата, сначала описываются в речах волшебных помощниц, а затем предстают перед героями, когда они приезжают на место. Так, баба-яга говорит бабкину сыну: «**Поедешь к городу тому, там струны кругом по стенам...**». Действительно, по стенам оказываются натянуты струны: «**Конь перелетел, не зацепил струны**». Далее в сказке приводится уточняющее описание локуса дворца, рассказывается о том, что гусли-самогуды висят рядом с кроватью царевны. Аналогично построено описание города, где Кобылин сын добывает Кота-Бархата.

Сложное строение представляет собой «иной» мир в сказке «Орел и лев». Во-первых, следует отметить наличие трех локусов – **домов сестер орла**. Во-вторых, имеется локус **озера**, рядом с которым барин выпускает из волшебного ящичка скот и из которого выходит старичок, которому герой в итоге «запродает» сына. В-третьих, сын барина трижды на своем пути приходит к **домам старушек**, которые стоят **возле леса**. Последняя из помощниц дарит герою волшебный клубочек и дает совет, каким образом получить власть над дочерью старика. В-четвертых, имеет место локус **дома старика**, который приказывает схватить героя и запереть на ночь **в баню**, чтобы утром «пожарить и поесть». Каждая из двенадцати дочерей старика живет **в собственном терему**. В-пятых, на обратном пути во время погони герои трижды останавливаются и превращаются **в овечку и пастуха, церковь и попа, озеро и рыбу**.

Сложность построения «иногo» мира напрямую связана с количеством сюжетных линий и ходов в сказке. «Царица Неродица» и «Орел и лев» – сказки многоходовые, в них персонажи совершают несколько путешествий, поэтому и локусов «чужого» простран-

ства довольно много. Такого же рода сказки в сборнике Каллиникова – «Мария Моревна», «Малый голый», «Купец Иван Васильевич...», «Змей об двенадцати голов», «Неродица», «Старуха повитуха», «Незнайка».

Сказки одноходовые имеют более простое строение «чужого» пространства. Так, в сказке «Бедный и богатый» «иной» мир открывается бедному брату в виде **«избы в земле»**, землянки, где хранятся богатства. В сказке «Купеческий сын» признаками «чужого» мира обладает город с царским дворцом, который сам собой возник по желанию чудесного мальчика: «Мальчик всплеснул ручками, откуда народ взялся, выстроили **город**, в городе **дворец** сделали царский. Живут себе, поживают». В сказке «Алый цвет» «иное» пространство заключено в саду, где был срезан аленький цветочек и куда отправил отец свою дочь: «**Поехал в сад**, приняли с музыкой. Стоит **дом**, в дом и дочку взяли и угощенья были. <...> Вот эта дочка, как утром встает – чай, музыка, народ ухаживает». В сказке «Господин Владин» «иной» мир также представлен садом. Старик, взявший ребенка якобы в ученики, впускает мальчика **в «выход» из сада**, чтобы тот принес ему три вещи, которые почему-то стоят на окне: «**подсвечник, шапка-невидимка да перстень**». В сказке «Людоед» **дом**, в котором живет людоед с семьей дочерью, является атрибутом «чужого» мира.

Качественные характеристики локуса, как правило, представлены весьма ограниченно как применительно к «своему», так и к «иному» миру. Величина, высота, бедность, богатство и прочие качества локуса выявляются либо из его описания, либо из семантики самой лексемы. Понятно, что «дом» имеет нейтральное значение жилища вообще, «изба/избушка», «хата» указывают на небольшие размеры и бедность строения, а «дворец», «**боярский дом**», «**царские хоромы**» – на богатство и большие размеры. Зачастую качественные характеристики локуса выявляются через описание его внутреннего строения. В этом смысле интересно, как сказитель рассказывает о «саде» (или дворце?) в сказке «Господин Владин»: «Он пошел. Темно, под ногами шуршит что-то, взял горсточку, другую – насытал в кармашек; взял эти три вещи». Впоследствии оказывается, что под ногами шуршали драгоценные самоцветы. Наличие множества комнат, темницы, каких-то дополнительных строений указывают на величину и структуру локуса. Например, «**Пошел у дом, а там комнатей, комнатей не считать**» («Неродица»)

Эпитеты, сопровождающие локутивы, являются большой редкостью применительно к локутивам, используемым для характеристики как «своего», так и «чужого» миров. Можно привести лишь единичные примеры: «**Дверца заказанная**» («Марья Моревна»), «**дуплице просторное**» («Малый голый»), «**В высоком терему**» («Малый голый»), «**дом здоровый на берегу**» («Купец Иван Васильевич...»), «**Огромный лес**<...> **Стоит дом, огромный дом стоит, дворец**» («Неродица»), «**Каменная ограда, здоровая ограда кругом, человеку не перелезть**» («Неродица»), «**Стоит**

дом, огромный дом...» («Брат и сестра»), «огромный сад», «хатка была плохая» («Господин Владин»). Сюда же следует отнести устойчивые выражения типа «избушка на курьих ножках», «поле чистое».

Таким образом, как показывает анализ волшебных сказок из сборника И.Ф.Каллиникова, топология сказочного пространства представлена «своим» и «иным» миром, которые реализуются через локусы, характерные для этих миров. Локусы «чужого» мира имеют бо-

лее подробное описание, чем локусы «своего» мира. Надо отметить, что локусы далеко не всегда выражены при помощи существительных-локативов. Они могут выявляться из описания. Качественные характеристики локуса, как правило, представлены весьма ограниченно как применительно к «своему», так и к «иному» миру. Эпитеты, сопровождающие локативы, являются большой редкостью применительно к локативам как «своего», так и «чужого» миров.

Библиографический список

1. *Алехина И.В., Антонова М.В., Кургузова Н.В.* К истории создания сборника сказок Орловской губернии И.Ф.Каллиникова // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук материалы XXV международной научно-практической конференции. Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». 2015. С.15-21.
2. *Антонова М.В.* Специфика волшебных сказок из сборника И.Ф. Каллиникова // Сказка: научный подход к детскому жанру: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 24-25 апреля 2008 г. В 2 ч. Ч.2. Нижний Тагил, 2008. С. 13-18.
3. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 1986.
4. Сказки Орловской губернии. Из собрания сказок Иосифа Федоровича Калиникова. Орел, 1998. Тексты сказок цитируются по данному изданию.

References

1. *Alekhina I.V., Antonova M.V., Kurguzova N.V.* The history of the creation of a collection of fairy tales of the Orel province of I.F. Kallinikov // Modern problems of humanitarian and natural Sciences proceedings of the XXV international scientific-practical conference. Scientific information and publishing center "Institute for strategic studies". 2015. Pp. 15-21.
  2. *Antonova M.V.* Specificity of fairy tales from the collection of I.F. Kallinikov // Tale: the scientific approach to child genre: Materials of all-Russian scientific-practical conference, Nizhny Tagil, 24-25 April 2008, in two parts. P. 2. Nizhny Tagil, 2008. Pp. 13-18.
  3. *Propp V.Y.* Historical roots of a fairy tale. M., 1986.
  4. Tales of the Orel province. From the collection of fairy tales of I.F. Kallinikov. Orel, 1998. The texts of the fairy tales quoted in this publication.
-
-

Г.Л. АЧКАСОВА

доктор педагогических наук, профессор, кафедра литературы, Курский государственный университет
E-mail: galeon27@mail.ru

А.Г. БЕЛЫХ

студентка 4 курса, филологический факультет, Курский государственный университет
E-mail: anuta.belih@mail.ru

G.L. ACHKASOVA

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of Literature, Kursk State University
E-mail: galeon27@mail.ru

A.G. BELYKH

fourth year student, the Faculty of Philology, Kursk State University
E-mail: anuta.belih@mail.ru

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЛЕЙТМОТИВ ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ»

THE MUSICAL LEITMOTIF IN I.S. TURGENEV'S NOVELLA «ASYA»

Музыкальность как отличительная особенность прозы И.С. Тургенева – общепризнанный факт в литературоведении. В предлагаемой статье рассматриваются «музыкальные» эпизоды, связанные с ланнеровским вальсом, как способ вовлечения читателя в эмоциональную атмосферу повести «Ася». Такое погружение приближает читателя к пониманию глубины и неоднозначности авторского замысла

Ключевые слова: Тургенев, повесть «Ася», музыка, лейтмотив, ланнеровский вальс.

It is generally recognised in literary studies that musicality is a signature feature of I.S. Turgenev's prose. The present article analyses 'musical' episodes connected with Lanner's waltz as a way of immersing the reader into the emotional atmosphere of Turgenev's novella Asya. Such an immersion helps the reader comprehend the depth and the ambiguity of the authorial intent.

Keywords: Turgenev, novella Asya, music, leitmotif, Lanner's waltz.

Литература выделяется в общей структуре художественной культуры своей возможностью воспроизвести любую предметность, которая доступна другим видам искусства. Более того, словом можно описать и то, что не доступно ни музыке, ни изобразительному искусству, например, запахи, вкусовые ощущения, философские раздумья. Это позволило немецкому философу Фридриху Гегелю назвать литературу «всеобщим искусством».

Такая «всеобщность» воплощается в диалоге литературы с другими видами искусства, в том числе с музыкой. В творчестве И.С. Тургенева связь слова и музыкального начала проявляться особенно ярко.

Проблема «Тургенев и музыка» достаточно полно и интересно представлена в современных исследованиях. Авторы открывают музыкальные страницы жизни писателя, рассматривают отражение музыкальной культуры художника на страницах его произведений. Заметным явлением стала, например, книга А.Н. Крюкова «Тургенев и музыка».

Произведения писателя наполнены музыкой: его герои поют, слушают музыку, говорят о музыке. И это является одним из способов их характеристики, способом погружения читателя в атмосферу 19 века. В некоторых текстах музыка становится главным «персонажем», например, в «Певцах», или воплощением силы, влияющей на человеческую судьбу, – «Песнь торжествующей любви».

Нередко исследователи, объясняя особенности творческой манеры Тургенева, используют музыкальные термины: И.А. Гончаров называл его «трубадуром», а современный литературовед В. А. Чалмаев, пытаясь дать целостную характеристику творческой манеры писателя, соотносит его произведения с такими музыкальными жанрами, как «симфония ... ноктюрн, скерцо, прелюдия, ... сонаты...» [7, с. 295].

Самую тесную взаимосвязь можно наблюдать у музыки и поэзии. В лирике, как и в музыкальных композициях, человек находит выражение высоких чувств и тонких душевных переживаний. Эта общность и сближает их, делает родственными. Но следует заметить: некоторые прозаические произведения по своей музыкальности не уступают лирическим. Ярчайший пример тому – творчество И.С. Тургенева.

Л.М. Лотман сравнивает его повести со стихотворениями в прозе, особенностью которых является «насыщенность лирической эмоцией и по своей изящной гармоничной организации и по «ударной» силе образов переходящей в область поэзии». [4, с. 157]. Близость тургеневской прозы лирике, с одной стороны, является следствием присутствия в ней музыкального элемента, с другой – именно музыкальность усиливает лирическую доминанту его произведений, в которых во всей полноте отражается диалог музыки и литературы. Этот диалог, являясь особенностью тургеневского стиля, есть отражение мировоззрения писателя, его эстетических пристрастий.

Никто другой из русских писателей не интересовался в такой мере, как Тургенев, судьбой и сущностью живописи, музыки, театра. Он не только наблюдал за искусством, но и являлся организатором выставок работ русских художников, таких, например, как Иванов и Куинджи. Писатель выражал свое неравнодушие к театру, создавая пьесы, выступая в роли актера. Архитектура стран Европы, где он провел долгие годы своей жизни, привлекала Тургенева своим величием и красотой. Но все же больше других искусств, за исключением литературы, он любил музыку и признавался, что для него «музыкальное наслаждение выше других». Как следствие такого пристрастия, музыкальность стала отличительной особенностью художественного стиля писателя.

Со страниц тургеневских произведений звучат композиции Шопена, Бетховена, Чайковского, Россини. Музыка живет в его романах как самостоятельный, полноценный персонаж. Жизненные судьбы героев тесно переплетаются с нею, она раскрывает их характеры, влияет на ход событий, преобразует действительность. «Музыкальность – стилообразующее свойство творчества Тургенева, отражающее мировоззрение писателя», – пишет Г.Л. Ачкасова [1, с. 357].

Таким образом, анализ прозы И.С. Тургенева с учетом ее музыкальной составляющей соответствует природе его творчества, помогает понять и почувствовать художественный мир его творений.

В рамках данной статьи мы рассмотрим музыкальный аспект повести И.С.Тургенева «Ася», одного из самых «задушевных и лиричных» созданий писателя. Н.Г. Чернышевский в критической статье «Русский человек на rendez-vous», которая появилась вскоре после выхода произведения в свет (она была напечатана в январском номере журнала «Современник» за 1858 год), пишет: «Повесть имеет направление чисто поэтическое, идеальное, не касающееся ни одной из так называемых черных сторон жизни» [8]. Эта самая поэтичность появляется в повести во многом благодаря ее музыкальности.

Какую же роль музыка играет в этом произведении, являясь его лейтмотивом?

В «Словаре литературоведческих терминов» С.П. Белокурова (2005г.) читаем: «Лейтмотив – (от нем. *Leitmotiv* «ведущий мотив») – основная мысль, неоднократно повторяемая и подчеркиваемая; конкретный художественный образ, выразительная деталь или даже слово, многократно повторяемые, упоминаемые, проходящие сквозь произведение и служащие для раскрытия авторского замысла» [2].

Как лейтмотив повести, к которому неоднократно обращает читателя Тургенев, может быть рассмотрен Вальс Ланнера. При этом как о лейтмотиве о нем можно говорить и в литературоведческом смысле («выразительная деталь ... многократно повторяемая»), и в музыкальном, поскольку вальс – музыкальный жанр, а термин применительно ко всем другим видам искусства заимствован у музыки, где он рассматривается как характерная тема или музыкальный оборот.

Можно предположить, что Тургенев упоминает конкретный вальс Йозефа Ланнера «Расставание». Обращение к произведению венского композитора носит характер не случайный. Его пьесы были популярны в середине 19 века и предшествовали эпохе вальсов И. Штрауса. Ланнеровский вальс упоминается Тургеневым и в стихотворении «Как хороши, как свежи были розы...», встречается он и в творчестве других авторов, например, у А. Григорьева в поэме «Видения» (1846). Можно предположить, что он отражает музыкальные предпочтения середины 19 века.

Какое место ланнеровский вальс занимает в композиционной структуре повести и какова его смысловая функция? Упоминание о вальсе, с одной стороны, организует, направляет сюжет, с другой – определяет тональность повествования, его эмоциональную окрашенность.

Впервые Н.Н. знакомится с Гагиным и Асей на торжественном празднике для студентов, куда он попал, идя на «голос» вальса:

«Вдруг донеслись до меня звуки музыки; я прислушался. В городе Л. играли вальс; контрабас гудел отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко» [6, с. 10].

Именно звуки музыки, доносящиеся с праздника, заставляют героя отправиться на противоположный берег Рейна, вальс способствует встрече молодых людей. В дальнейшем он будет «звучать» в эпизодах, которые являются ключевыми в повести. Интересно замечание Гагина:

«Заметили ли вы, – прибавил он, обратясь ко мне, – вблизи иной вальс никуда не годится – пошлые, грубые звуки, – а в отдаленье чудо! так и шевелит в вас все романтические струны». [6, с. 15].

Пророчески звучат эти строки, предвещая дальнейшую судьбу героев. Подобно тому, как прекрасен вальс, слышимый издалека, прекрасна и история любви, оставшаяся в прошлом, что позволило образу любимой девушки не стать привычной обыденностью. Об этом позже говорит и сам герой:

«Впрочем, я должен сознаться, что я не слишком долго грустил по ней; я даже нашел, что судьба хорошо распорядилась, не соединив меня с Асей; я утешался мыслию, что я, вероятно, не был бы счастлив с такой женой». [6, с. 74].

Н. Н. слышит вальс после первой встречи с Асей на обратном пути от дома Гагина, музыка пробуждает в нем чувства, которые он сам еще не может понять:

«Словно на прощание примчались звуки старинного ланнеровского вальса. Гагин был прав: я почувствовал, что все струны моего сердца задрожали в ответ на те заискивающие напевы» [6, с. 17].

Звучит ланнеровский вальс в повести еще раз: под него танцуют Ася и Н. Н. в конце девятой главы. Главный герой взволнован, особенно чувствителен, он в смятении и не понимает, что происходит в его душе:

«Я побежал вслед за нею – и несколько мгновений спустя мы кружились в тесной комнате, под сладкие

звуки Ланнера... Долго потом рука моя чувствовала прикосновение ее нежного стана, долго слышалось мне ее ускоренное, близкое дыхание...» [6, с. 47].

Вальс звучит как пророчество, как предсказание разлуки героев. Это угадывается уже в самом начале повести.

В приведенных фрагментах вальс передает, выстраивает эмоциональный сюжет, рисует стенограмму развития чувств, душевных движений героев. В первом фрагменте просто – «играли вальс», «контрабас гудел отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко». Музыка пока только вызывает интерес, и герой идет на ее звуки. В следующем эпизоде она – «...чудо! так и шевелит в вас все романтические струны...». Здесь музыка словно управляет эмоциями героя, способствует зарождению в нем глубокого и нежного чувства. Далее – она увлекает героя своими «заискивающими напевами», заставляя дрожать струны его сердца. В последнем фрагменте автор говорит о «сладких звуках», под которые влюбленные кружились в тесной комнате. Авторские характеристики ланнеровского вальса создают своеобразную мелодию, лейтмотив зарождающихся, развивающихся, достигающих кульминационного взлета и резкой развязки отношений.

В тексте много и других музыкальных моментов. Так, интересен эпизод, в котором Ася с господином Н.Н. заводит речь о Лорелее:

«Ах, кстати, что это за сказка о Лорелее? Говорят, она прежде всех топила, а как полюбила, сама бросилась в воду. Мне нравится эта сказка» [6, с. 44].

Лорелея – дева Рейна, которая своим прекрасным пением заманивала мореплавателей на скалы, подобно сиренам в древнегреческой мифологии. С этим образом входит мотив, связанный с силой воздействия музыки на человека. Ася будто слышит мелодию, которая увлекает ее в пучину нахлынувших чувств, ей кажется, что она гибнет, она умоляет брата спасти ее, уехать.

А вот эпизод, где героиня напевает вполголоса «Матушку, голубушку». Эта песня А.Г. Гурилева на слова Ниркомского была широко распространена, и Тургенев воспринимал ее как народную. Во французском переводе он сопроводил упоминание этой песни сноской: «Air national russe» (русская народная песня). Упоминание об этой музыке рождает ощущение сирот-

ливости, близости героини к народу (она думает о своей матери и мысленно обращается к ней), передает ее душевную чуткость. Заметим, Ася является Н.Н. в образе простой русской девушки после того, как в нем особенно живо проснулась тоска по родине)

В одном из эпизодов слышится пение монастырского хора. Оно наталкивает Асю на серьезные лирические рассуждения, передает ее внутренний настрой:

«В это мгновение долетели до нас отрывочные однообразные звуки. Сотни голосов разом и с мерными расстановками повторяли молитвенный напев <...>

– Пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг, – продолжала она. – А то дни уходят, жизнь уйдет, а что мы сделали? [6: 45].

Но не только встреча и свидания героев наполнены музыкальностью, но и их разлука. Когда Ася покидает Н. Н., оставляя его наедине со своими мыслями и чувствами, музыка вальса утихает, превращаясь в звучащую тишину. Появляется другая музыка – соловьиная песня – символ любви, страдания, разлуки. В этот момент главный герой полон надежды: завтра он будет счастлив:

«Завтра я буду счастлив! <...> Я прошел мимо куста, где пел соловей, я остановился и долго слушал: мне казалось, он пел мою любовь и мое счастье». [6, с. 70]

Разная музыка и в разные моменты «звучит» в повести. И пение Аси, и звучание монастырского хора, и песня соловья наполняют текст мелодиями, создавая целостную картину эмоциональной жизни героев. Ланнеровский же вальс, повторяясь, становится главным лейтмотивом, характеризующим историю отношений, историю любви, помогает почувствовать «самый поток эмоциональных переживаний героев – медлительное и созерцательное течение и смену их настроений, впечатлений, ассоциаций...» [5, с. 313].

Г.Б. Курляндская, определяя сущность тургеневской прозы, говорит о том, что основной лейтмотив произведений писателя – это страдание и страсть «как условие духовной жизнедеятельности человека», вносящие «романтическую струю в реалистическую поэму И.С. Тургенева» [3, с.19]. Нежность, страсть, страдание как «духовную жизнедеятельность» и передает ланнеровский вальс, являясь лейтмотивом истории любви героев повести И.С. Тургенева.

Библиографический список

1. Ачкасова Г.Л. Диалог искусств как способ раскрытия художественной индивидуальности писателя: союз слова и музыки в творчестве И.С. Тургенева. // Ученые записки РГСУ. № 8 (сентябрь, 2011). С. 353-358
2. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов, СПб: Паритет, 2005, 320 с.
3. Курляндская Г.Б. Тургенев и русская литература: учебное пособие для студентов пединститутов. М: Просвещение, 1980. 192 с.
4. Лотман Л.М. И.С. Тургенев, История русской литературы в 4-х т. Т.3. Расцвет реализма. Л.: Наука, 1982. С. 120-159.
5. Поспелов Г.Н. Творчество И.С. Тургенева. Поспелов Г.Н. История русской литературы 19 века (1840 - 60-е годы): учебник для филологических специальностей вузов. Издание 3-е, доп. М.: Высшая школа, 1981. С. 280-348.
6. Тургенев И.С. Ася. Первая любовь. Вешние воды: повести. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011, 378 с.
7. Чалмаев В.А. Иван Тургенев. М.: Современник, 1986. 309 с.
8. Чернышевский Н.Г. [Электронный ресурс] Русский человек на rendez-vous. Размышления по прочтении повести г. Тургенева «Ася». Чернышевский Н.Г. Собрание сочинений в пяти томах. Библиотека «Огонек», Том 3. Литературная критика. М.: Правда, 1974 http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0260.shtml

References

1. *Achkasova G.L.* Dialogue of arts as a means of conveying author's artistic individuality: Union of words and music in the works by I.S. Turgenev, Research papers of RSSU. № 8 (September, 2011). Pp. 353-358.
  2. *Belokurova S.P.* Dictionary of terms in literature studies, SPb: Paritet, 2005, 320 p.
  3. *Kurlyandskaya G.B.* Turgenev and Russian literature: Study guide for students of pedagogical institutes. M.: Prosveshchenie, 1980. 192 p.
  4. *Lotman L.M.* I.S. Turgenev, history of Russian literature in 4 vol. Vol. 3. The rise of realism. L.: Nauka, 1982. Pp. 120-159.
  5. *Pospelov G.N.* Works by I.S Turgenev, Pospelov G.N. History of Russian literature of 19th century (1840-60s): Study guide for philological studies at universities. The 3d edition. M.: Vysshaya shkola, 1981. Pp. 280-438.
  6. *Turgenev I.S.* Asya. The first love. Spring floods: stories. M.: AST: Astrel: Poligraphizdat, 2011, 378 p.
  7. *Chalmaev V.A.* Ivan Turgenev. M.: Sovremennik, 1986. 309 p.
  8. *Chernyshevskiy N.G.* [E-resource] Russian man at rendez-vous. Contemplations after reading the story 'Asya' by I. Turgenev. Chernyshevskiy N.G. Collected works in 5 vol. Library 'Ogonek', Vol.3. Literary critiques. M.: Pravda, 1974. http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_0260.shtml
-
-

УДК 811.161.1'373

UDC 811.161.1'373

Т.В. БАХВАЛОВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: btv-orel@yandex.ru

T.V. BAKHVALOVA

Doctor of Philology, Professor, Department of Russian language, Orel State University named after I.S.Turgenev
E-mail: btv-orel@yandex.ru

**ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ ТРАДИЦИЙ В ЛЕКСИКЕ ОРЛОВСКИХ ГОВОРОВ:
НАЗВАНИЯ МОЛОКА И МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ**

**REFLECTION OF THE CULTURAL AND HOUSEHOLD TRADITIONS
IN THE VOCABULARY OF THE OREL DIALECTS: FOOD NAMES**

Статья посвящена описанию лексики питания орловских говоров. Представлен состав и дана семантико-мотивационная характеристика названий молока и молочных продуктов.

Ключевые слова: орловские говоры, лексика, названия пищи, названия молочных продуктов, семантика, мотивационная основа.

The article is devoted to the study of the food vocabulary of the Orel dialects. The structure is presented and semantic-motivational characteristic of milk names and milk stuffs is given.

Keywords: Orel dialects, vocabulary, food names, names of milk stuffs, semantic, motivational basis.

Лексика народных говоров – богатейший источник лингвистической, культурологической и этнографической информации – содержит разнообразные сведения о жизни русского крестьянина.

Лексика питания – одна из тематических групп, где особенно выразительно представлены национальные особенности. Именно в пище, как замечает И.С. Лутовинова, ярко и колоритно подчеркивается национальное, русское [8]. «Через пищу интерпретируется и собственное социальное положение, и характер взаимодействия людей в социуме» – к такому выводу приходит К.В. Пьянкова, анализируя названия блюд и кушаний [9, с. 22].

Названия пищи в орловских говорах, как и в языке в целом, составляют обширную, определённым образом организованную группу, что свидетельствует о важной роли, значимости пищи в жизни человека. Многочисленные наименования её представлены в Словаре орловских говоров [10] и картотеке словаря [7].

Пища является основой жизни человека. Её ежедневное употребление строго регламентировано: зависит от времени суток, дня недели (постный–непостный день), от периода в народно-православном календаре-месяцеслове (запрет на скоромное во время постов). Регулярность, ритмичность в употреблении пищи, её разнообразие нашли отражение в организации самой тематической группы, характеризующейся чёткой структурой, системностью и многочисленностью.

Лексическое пространство «Пища» представляют группы номинативных единиц со значением «растительная пища», «животная пища», каждая из которых

имеет свою структурную организацию. В составе наименований «животная пища» выделяется номинативное множество «молоко и молочные продукты».

Издавна молоко было одним из важнейших продуктов питания, а доение и переработка молока у славян со временем «стали богатой и насыщенной культурными символами хозяйственной области» [5, с. 124]

Молоко в сознании русских считалось символом здоровья, благополучия, изобилия. Хорошо известно выражение *кровь с молоком*, употребляемое в том случае, когда хотят подчеркнуть здоровый вид человека, хороший цвет лица. Показательно, что «название одного из продуктов переработки молока – творога (**twarogъ*) формально и семантически пересекается с образами (с)о т в о р е н и я (ср. **tworiti*, **twarъ*)...» [5, с. 124].

Как известно, большое влияние на русскую кухню оказала церковь: более половины дней в году были постными, когда нельзя было употреблять скоромное. Тем более мясная и молочная пища ценилась в дни, когда не было запретов на её употребление. Молоко и молочные продукты разрешалось без ограничений употреблять детям. «С какой бережливостью относились к молоку, говорит то обстоятельство, что его пили только младенцы. Остальные хлебали ложками», – отмечает В.И. Белов, описывая жизнь русских крестьян [1, с. 160].

О значимости молочной пищи в рационе русского человека свидетельствует большая дифференциация в обозначении молока, молочных продуктов.

Ценность молочных продуктов и в том, что они могли быть на столе практически круглый год, исклю-

чение составляет только время, когда корову запускали, т.е. переставали доить перед отёлом. Не употребляли в пищу последнее молоко перед отёлом, которое в орловских говорах называется *стародойное молоко* – *Стърадойнъм мѣлако ни еш: анъ салѣнъя*, [7] и молоко первого удоя после отёла, называемое *молодиво*, *молóзиво* – *Из мѣлодивъ дельють варѣнку. Кагда каровѣ ателитца, ну, первый удой этъ падоють – тилѣнку, а втарой удой падоють – нѣливають у кастрюлю, дѣбавляють яисы, содисы и ставють на агонь. Ана сваривъ-итцѣ, дельитцѣ рыхлая такая, режутъ патом ийѣ* [10, вып. 6, с. 139]. Если слово *молодиво*, кроме орловских, известно также в смоленских и брянских говорах [11, вып. 18, с. 223], то сочетание *стародойное молоко* в указанном значении, по данным Словаря русских народных говоров [11], отсутствует в говорах. Интересно, что мотивационная основа этих двух наименований противопоставлена по принципу *молод-ой* – *стар-ый*, что объясняется следующим. Весь период, когда корова даёт молоко, от отёла до следующего отёла, считается одним циклом. Естественно, то, что в начале этого цикла, расценивается как молодое, в конце – старое. О важности для носителей говоров этого противопоставления свидетельствует и наличие аналогичной по семантике пары номинантов и в воронежских говорах: *молóзива* – *издбйки, сдойки* [6, с.119].

В зависимости от времени дня, когда надоено молоко, оно имеет в говорах разные названия: *утрешиник*; *обѣдешник, обѣдошник*; *вечѣрошник, вечерошник, вечерешник* – *Утришник, абедшник, вичѣршник* – *вот три удоя за день* [10, вып. , 8, с. 13]. *Читвиртинку утришникъ адала бѣравьям. Сиводня весь абедшник тилѣнку вылила. Из вичѣршникъ кашу сварила* [7].

Вкус молока зависел от того, как давно оно было надоено. Совсем свежее, ещё тёплое молоко в говорах, как и в литературном языке, называется *парное молоко* – *Любил парное мѣлако, токѣ ис-пѣт каровы. Недавно надоенное, но уже остывшее молоко называют отстоялое молоко* – *Вазьми у падавале ацтаялѣе мѣлако и навиди крашонку* [7].

Молоко относится к тем продуктам, которые можно использовать, не подвергая специальной обработке. Его издавна употребляли в сыром виде. Трудно было сохранить молоко свежим, особенно в летнее время, поэтому его часто подвергали самозаквашиванию. Получаемые таким образом молочные кушанья были вкусны, полезны, разнообразили рацион. К тому же их можно было приберечь на скромные дни.

В процессе самозаквашивания молока происходит естественное разделение его на два слоя (верхний – плотный и жирный и находящийся под ним густой и кислый на вкус), каждый из которых имеет свои названия.

Мотивационная основа названий верхнего жирного отстоя молока довольно прозрачна и актуализирует наиболее значимые его особенности: это то, что находится сверху, то, что снимают, как бы отсоединяют, откидывают, отметают. Во многих иллюстрациях отражены именно эти особенности верхнего слоя закисшего молока:

верх, верхушка, верхушечка, вершóк, вершóчек – *У нас кот рукастай: все вяршики пѣсымал с карцажжак, всю вярхушку с махотки снял. Вярхушка – этъ сымак, вярхушки-тѣ сымають. Кагда вярхушкаю завуть, а то – сымак, смитанѣ сымашина. Вярхушка – снимѣк с кубана. Сыми-кѣ с кубана вярхушку, типерь ацтаялѣсь. Виршок у щи дѣбавляють* [10, вып. 2, с. 13-17];

снѣмок, снѣмка, сѣмок – *Сними с мѣлака снимѣк. Щас пахлѣбѣчки налью, снимкѣю зѣбилю. Сымѣк – этъ вирхушки-тѣ сымають...* [10, вып. 14, с. 32];

сметана – *Ты сразу ни нѣливай мѣлако, сними сначала смитану* [10, вып. 14, с. 24];

отмѣтки, отмѣточки – *Симья бальшая была. Аткиниш атмѣточки, и по лошке ни дастанитца* [10, вып. 8, с. 201].

Если слово *верх* образовано в результате метонимического переноса, то слова *снѣмок, снѣмка, сѣмок, сметана, отмѣтки* являются отглагольными производными: ср. тождественные по значению литературное *снимать* и диалектное *сымать*, известное в говорах *сметать* «снимать (сметану, сливки)» [11, вып. 38, с. 370]. Интересно наименование *сымочная сметана* – *Сымшнѣя смитанѣ естѣ. Ну этъ сымѣк – вирхушки-тѣ сымають* [10, вып. 14, с. 169]), оба компонента этого устойчивого словосочетания актуализируют по существу один и тот же признак, но в субстантивном компоненте он уже оказался затемнённым, чем объясняется появление адъективного компонента с прозрачной мотивационной основой.

Явно отглагольное по своему образованию и этимологически однокоренное со словом *сметана* наименование *отмѣтки*: сема «отсоединить» присутствует в слове литературного языка *отметать* «подметая, отодвигать в сторону» и в диалектном слове *отметать* «мотать прочь, вбок, откидывать, отбрасывать, отшвыривать», зафиксированном в словаре В.И. Даля [4, т. 2, с. 738]. Вполне вероятно, что *отмѣтки* в указанном значении – это производное от второго, не сохранившегося в говорах глагола. В пользу этого предположения говорит и приведенное В.И. Далем отглагольное производное *отмѣт* «откид, что отброшено, откинуто в сторону».

Большую часть закисшего молока составляет простокваша, образующаяся под верхним жирным отстоем. Такое загустевшее кислое молочное кушанье в говорах имеет несколько названий. В основе наименований может быть указание на получение его путём квашения, заквашивания (*квасить* «подвергать кислому брожению, делать кислым», перех. [2, т. 8, с. 21] → *квашóнка, квашиня, сыроквáша*) или в результате закисания молока (*киснуть* «становиться кислым, портиться вследствие брожения», неперех. [2, т. 8, с.80] → *простокíша*), а также указание на особенность вкуса этого продукта (*кислый* → *кислѣнка*):

Квашóнка – *Выпей-кѣ квашонки свежѣй* [10, вып. 5, с. 31];

Квашиня – *Квашиню стѣлканею в кисею, нѣ другой день твѣражжак будить* [10, вып. 5, с. 31];

Сыроквáша – *На нѣц я всигда сыраквашу пѣю* [10,

вып. 14, с. 173]; Слово образовано по той же модели, что и литературное *простокваша*. Оба наименования ярко передают своеобразие данного кушанья, полученного в результате сквашивания (*квасить, кваситься*) сырого молока;

Простокіша – *А я дюжь люблю прѣстакишу* [10, вып. 11, с. 107]. Данное наименование отражает особенность получения молочного кушанья: простое (без закваски) скисание молока (*просто киснуть*). Как отмечает И.С. Лутовина, по своему происхождению *простокіша* древнее слова *простокваша*, как и производящий глагол *киснуть* древнее глагола *кваситься*, о чем свидетельствуют этимологические и исторические словари. «По памятникам древнерусской письменности слово *простокіша* встречается с XVI в. в качестве собственного имени: *Иван Простокиша*... Слово *простокваша* отмечено как собственное имя с XVII в.» [8, с. 166]. Небезынтересно заметить, что антропоним *Простокиша* в памятниках письменности представлен в качестве имени только жителей северных территорий: *Иван Простокиша* сын, послух в Каргопольском уезде, *Андрюшка Простокиша*, соликамский посадский [14, с. 324]. Современный говоры сохраняют первоначальный ареал слова *простокіша*: в южных орловских говорах это наименование не имеет широкого использования, оно зафиксировано лишь в нескольких населенных пунктах (по данным Словаря орловских говоров – в двух), тогда как в северных говорах его активность поддерживается и широким ареалом (Волог., Яросл., Костром, Олон., Арх.), и наличием словообразовательной парадигмы (*простокішечка, простокішка, простокішиный*) [11, вып. 32, с. 248].

Сквашившееся и превратившееся в простоквашу молоко является кислым на вкус, что отражено в целом ряде однокоренных со словом *кислый* суффиксальных производных: *кислѣнка, кислѣтка, кисліка, кислотá, кислѹха, кислѹшка, кислячка* «простокваша» – *Мѣлако у мене скисльсь и пѣлучильсь кислячка* [10, вып. 5]. *Кислушку пѣють с сахѣрам* [7].

Этот же признак и в основе другого названия:

дежѣнь «квашеное молоко» – *Дижѣнь будиши пѣть?* [7]. По своему образованию слово связано с повсеместно распространенным и в орловских, и других южных говорах словом *дежá* «деревянная кадка для заквашивания теста; квашня». Обратим внимание на то, что в литературном языке и в северных говорах семантическим эквивалентом ему является слово *квашня* – производное от слова *квасить*. В значении слов *квашня* и *дежá* присутствуют семы «квасить, заквашивание», но, если в первом из них данная сема эксплицирована, то во втором она представлена имплицитно, тем не менее это не помешало ей реализоваться, что мы и находим в слове *дежѣнь*. Интересно, что и в северных говорах, где *дежá* «квашня» не употребляется, производные от него *дѣжель, дѣжен, дѣжень, дѣжонь, дѣжня* обозначают различные кушанья с ингредиентом кислым на вкус – с квасом, кислым молоком, сывороткой [11, вып. 6, с. 332].

Из скисшего, загустевшего молока получали творог. Для этого простоквашу помещали в подвешенный мешочек из льняного полотна, марли и давали стечь жидкости. Такой творог, полученный в домашних условиях, называют *сырой творог* – *Кислушку выливають в марлю, завязывѣють и падвешывѣють. Сывѣрѣтка атекает, пѣлучаетцѣ сырой творѣх. Из скисшего молока получали и варѣный творог – Кислушку сливають и ставѣють на агонь, пѣтом в марле падвешывѣють атикатѣ. Варѣный творѣх зирнистѣе сырова* [7]. Общим в изготовлении и сырого, и варѣного творога является отделение его от сыворотки, неслучайно поэтому возникло название *отмѣтка* «творог» – *Нынчи харошѣя атмѣтка пѣлучилась* [10, вып. 8, с. 201]. Такую же приставку *от-* имеет и глагол *оттворѣжить* «подогреть кислое молоко (простоквашу, кефир), чтобы оно створожилось» [10, вып. 5, с. 214] – *Пѣмаги аттварѣжѣть творах., Надо кислушку аттварѣжѣть, тварашку к абѣду зделѣть. Ты кихвир аттварѣош, а на сывѣрѣтки блинки спяки* [7].

Как сытный, полезный, вкусный продукт употреблялось не только сырое молоко, но и молоко, подвергнутое термической обработке. Удобством приготовления, приятным вкусом отличается топленое молоко, т.е. молоко, долго выдержанное в вытопленной печи. Оно имеет несколько названий, образованных от обозначающих длительное действие глаголов *варить, томить* «долго парить на медленном огне в закрытой посуде» и *топить* «кипятить, выдерживая в печи на лёгком жару», ср. также *топить молоко* «кипятить его долго в вольном духу» [4, т. 4, с. 416]:

варѣнка, варѣник, варѣнец, варѣнѣц, варѣнец – *Варѣнка – мѣлако, выдиржѣнѣя цѣлый день у печки. Варѣник – мѣлако, тамлѣнѣе у печки* (Дмитр.) [10, вып. 1, с. 135] – *Я никагда ни любилѣ варѣнец, мене большѣ нравильсь парное мѣлако* [7];

топлѣнка, топлѣшка, перетоплѣнка – *Мѣлако пѣставили у печку, ана пѣритамитѣца, вот и пѣлучитѣцѣ таплѣнка* [10, вып. 15, с. 112]. *Еште, еште, пѣритаплѣнкѣ свежѣся* [10, вып. 9, с. 79]. Слово *топлѣнка* употребляется и в качестве наименования кипяченого молока – *Таплѣнка – кипѣчѣнѣе мѣлако* [10, вып. 15, с. 112].

Интересно по семантике прилагательное в словосочетании *варѣное молоко*, зафиксированном в говорах в значении «свернувшееся при кипячении молоко». Явно связанное по образованию с глаголом *варить* прилагательное приобрело здесь значение «свернувшееся, створожившееся при кипячении». Появление отрицательно характеризующего компонента в значении, очевидно, объясняется следующим. Варить – это не просто кипятить, а «приготавливать пищу, питьё кипячением». Можно варить кофе, но нельзя варить воду, чай, молоко (ср. кипятить воду, чай, молоко). *Варѣное молоко* – это наименование нечто отступающего от нормы, аномального, возникшего в процессе кипения, т.е. свернувшегося молока. Ср. также достаточно широко употребляемый глагол *сваритьсь* в выражении *молоко*

сварилось, т.е. свернулось, створожилось при кипячении – *Поставилъ мѣлако кипитить, а ана сварилъсь* [7].

Глагол *топѣть* является производящим и для слова *топѣжски* «верхний густой и жирный отстой топленого молока с пенкой на поверхности» [10, вып. 15, с. 109]. Пенка на молоке, образуемая в результате длительного выдерживания его в печи имеет названия *пригарка, пригарок, пригарочка* – *Урускѣй печи хорошай пригаркъ нѣ мѣлаке бываеть* [10, вып. 11, с. 20].

Топленое, кипяченое молоко заквашивают. Но, если сырое молоко подвергают обычно самозаквашиванию, то после тепловой обработки молоко заквашивают с помощью сметаны, сливок, творога. Такая закваска называется *запуска, запуск* – *Схадѣ к сусетке, успрасѣ запуски: таплюшки к завтрему надѣ издѣлѣть. Снимкъ запускаятъ у кипичѣнѣе мѣлако – этѣ запуска* [10, вып. 4, с. 76]. *Я мѣлако зѣпустила, запуск бросила, ну творѣх. Так гѣварят а тамлѣнѣм мѣлаке* [7].

Заквашенное топленое, кипяченое молоко в орловских говорах имеет несколько названий: *заквѣска, затѣпка, затѣпочка, рѣженка, рѣбленка, топлѣнка, топлѣночка, топлѣнушка, топлюшка, притѣпка, обмѣчка* и другие.

Часть из них отражает способ изготовления:

заквѣска – *Заквѣска* – *таплѣнѣя заквашѣная мѣлако* [7]. Слово является отглагольным производным, ср. *заквѣсѣть* «приготавливать какой-либо продукт питания с помощью закваски» [2, т. 6, с. 231];

топлѣнка, топлѣночка, топлѣнушка, топлюшка, притѣпка, затѣпка, затѣпочка – *Таплѣнка* – *то жы, што и закваска.. Таплѣнкѣ дорѣга, дѣ мѣла – у мѣлако кипячѣнѣю кладутѣ смѣтану, пѣстаить-пѣстаить, и гатовѣ таплѣнка* [7]. Слова родственны глаголу *топѣть*.

Способ употребления данного молочного кушанья представлен в названии *обмѣчка* – *К празднику мать усегда пригатавливалѣ абмѣчку – кипичѣнѣе мѣлако, запуцииннѣя сливкѣми* [СОГ, вып. 8, с. 25]. Словообразовательная связь с глаголами *обмѣкивать, обмѣкнуть* не вызывает сомнения.

Рѣженка. Наименование отличается от тождественного по значению широко употребительного и хорошо известного слова *ряженка*, данного в Словаре современного русского литературного языка с пометой обл., твёрдостью первого согласного. Аналогичное фонетическое явление наблюдаем и в других словах, употребляемых в орловских говорах. Например, диалектное *рѣга* «постройка для сушки снопов с местом для обмола» и литературное *рѣга, рыскануть* «решиться на отважный, рискованный поступок» и *рискнуть*.

Интересна, на наш взгляд, мотивационная основа этого существительного. Вряд ли можно согласиться с мнением И.С. Лутовиновой, выдвинувшей предположение, что слово *ряженка* образовано от слова *ряд*, так как ряженка делается «из квашеного молока, т.е. такого, которое долго кипятится на легком жару, образуя наложение рядов молочных сгустков» [8, с. 167]. Ярким отличительным признаком долго выдержанного в печи

на легком жару, уменьшившегося в объёме молока является его цвет: топленое молоко имеет красноватый, даже коричневатый оттенок – *В печку тамѣть мѣлако поставим, дѣстанем – пачѣти каричнивае* [7]. Изменив свой белый цвет (заметим, что *бѣлый* – это «имеющий цвет снега, молока, мела» – [2, т. 1, с. 530]), молоко стало как бы нарядным, красивым – *Из тамлѣнѣе мѣлака таплѣнку дѣлѣли, ана каричниваеѣ цвета была* [7]. Цвет топленого молока настолько своеобразен, что он как бы отделился от самого вещества и стал существовать самостоятельно: известно выражение *цвета топленого молока*, обозначающее вполне определённый оттенок в палитре цветов. Считаем, что своими семантическими и словообразовательными связями слово *ряженка* очень близко к глаголам *рядѣть* «одевать, наряжать», *рядѣться* «одеваться, наряжаться», «одеваться в маскарадный костюм» (молоко тоже как бы преобразилось, изменив и свою консистенцию, и свой цвет). При таком понимании мотивационной основы слова *ряженка* оно «вписывается» в словообразовательную модель названий, обозначающих топленое молоко, ср. *ряженка* и *варѣнка, топлѣнка, рѣбленка*.

Рѣбленка – *Нѣдаест мѣлако – дѣлѣм рѣблинку* [10, вып. 12, с. 167]). По своему образованию слово, по всей видимости, связано с глаголами *рѣблить/рѣбливать* «работать», известными в близких к орловским калужских, смоленских, рязанских говорах [11, вып. 35, с. 108]. В смоленских же говорах зафиксированы и отглагольные образования: *рѣблинка* «молочный продукт, приготовленный из кипяченого молока и сметаны», *рѣблинка, рѣблинка* «кушанье из молока, ряженка» [12, вып. 9, с. 143]. Кажущееся, на первый взгляд, отсутствие семантической связи исчезает, если учесть, что слово *рѣбленка* в южных говорах [11, вып. 35, с. 109]) имеет как значение «заквашенное молоко» (в курских, воронежских), так и «отходы от сбивания масла» (курских) т.е. то, что получается в результате «работы» – воздействия на молоко закваски или в результате физического воздействия (взбалтывания, взбивания).

Заквашенное топленое молоко, не подвергнутое дальнейшей переработке, называют *топлѣнка неоткинута* – *С ниаткинутаѣ таплѣнкѣй ѣидят картошку, с аткинутаѣ жы – блины, пираги* [10, вып. 15, с. 113].

Из сквашенного топленого, кипяченого молока делают творог. Способ его приготовления хорошо описан информантом: *В кипячѣнѣе мѣлако пускают закваску. Посли таво, как ацтаитѣцѣ и станит «силизѣнкѣми», аткидывають нѣ дижник. Аткинутую таплѣнку разводят цѣльным мѣлаком. С аткинутаѣ таплѣнкѣй ѣидят блины, пираги* [СОГ, вып. 15, с. 113]. Полученный таким образом творог, как видим, называют *топлѣнка откинута, топлюшка откинута*. Для его наименования используется и проанализированное выше слово *отмѣтка* – *Атмѣтка* – *таплюшка аткинута* [7]. Наблюдается сходство в выборе мотивационной основы при обозначении творога лексической единицей и устойчивым сочетанием: подчеркивается «то, что отсоединено, откинута, отброшено».

Творог, полученный из створожившегося под действием добавленного в подогретое до высокой температуры молока уксуса, использовали для приготовления продукта, получивший название *сыр* – *Сыр – это нежирный солёный варёный творёх. В молоко добавляют соль, а когда закипает, – ложку уксуса, потом сливают в марлю и кладут под пресс, и ждут, когда затвердеет. Нончи сырку сварю* [7]. В литературном языке слово *сыр* тоже используется для наименования молочного продукта, но существенно отличающегося и по технологии приготовления, и по вкусовым качествам от того продукта, который называется *сыром* в орловских говорах.

Как видим, наименования молока и продуктов из него в орловских говорах образуют достаточно представительную группу, структурно организованную, включающую в себя несколько объединений слов и устойчивых словосочетаний. Сам факт номинации того или иного молочного продукта свидетельствует о его значимости для носителей говоров. Хорошо известно, что «маркируется, как правило, то, что имеет ценность (позитивную или негативную) в сознании народа, что является для него жизненно или социально важным» [3, с. 9].

Абсолютное большинство диалектных номинаций

имеют прозрачную мотивационную основу, тем самым демонстрируется актуальный, практически важный признак номинированной реалии. Наименования молока отражают время надоя (только что – несколько времени тому назад; утром – в обед – вечером; перед отёлом – сразу после отёла). В названиях молочных продуктов представлены особенности их приготовления, получения (*квашня, варенец, топленка, затопка, отметки, сымок, топленка откинута* и др.), вкуса (*кислущка, кисленка, дёжень*), цвета (*раженка*), «показано» их местонахождение в ёмкости (*верх, вершóк*), своеобразии употребления (*обмáчка*).

Молоко подвергалось не только сквашиванию, разнообразной термической обработке, но и обезжириванию с помощью сепаратора. Из него изготавливали масло. Молоко в разных видах было основным ингредиентом во многих кушаньях. Молоко и продукты из него добавляли во многие блюда, выпечку. В качестве пищи, корма скоту использовалось и то, что оставалось при переработке молока. Всё это нашло отражение в диалектных наименованиях (субстантивных, признаковых, процессуальных), требующих тщательного изучения. Заслуживает описания и вербализованная сфера культуры хранения молока, использования его.

Библиографический список

1. Белов В. Лад. Очерки о народной эстетике. Архангельск, 1985.
2. Большой академический словарь русского языка. Т. 1-23. М., СПб.: «Наука», 2004-2014.
3. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: «ИНДРИК», 1998.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1-4. М.: Гос. изд-во национальных словарей, 1955.
5. Журавлёв А.В. Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики // Очерки истории культуры славян. М.: «ИНДРИК», 1996. С. 116-144.
6. Карасёва Т.В. Названия молочных напитков в воронежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2007. СПб.: «Наука». С. 118-123.
7. Картоoteca Словаря орловских говоров. Материалы хранятся на кафедре русского языка Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева.
8. Лутвинова И.С. Слово о пище русских. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997.
9. Пьянкова К.В. Социальные категории в зеркале «пищевой» лексики // Ономастика и диалектная лексика: Сборник научных трудов. Вып. 6. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 3-23
10. Словарь орловских говоров. Вып. 1-4. Ярославль, 1989-1991; Вып. 5-15. Орел, 1992-2008.
11. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-47. М., Л., СПб., 1965-2014.
12. Словарь смоленских говоров. Вып. 1-11. Смоленск, 1974-2005.
13. Словарь современного русского литературного языка. Т.1-17. М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.
14. Тушков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: «Русский путь», 2004.

References

1. Belov V. Harmony. Essays about folk aesthetics. Arkhangelsk, 1985.
2. Big Academy dictionary of the Russian language. V. 1-23.-M., SPB.: “Science”, 2004-2014.
3. Venedina T.I. Russian language world picture through the prism of word-formation (macrocosm). M.: «INDRIK», 1998.
4. Dal` V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. V.1-4. M.: State Publishing House of the national dictionaries, 1955.
5. Zhuravlev A.V. The material culture of the ancient Slavs according to the facts of the Orthodox vocabulary // Essays of the cultural Slavonic history. M.: “INDRIK”, 1996. Pp. 116-144.
6. Karaseva T.V. The names of the milk drinks in the voronezh dialects // The lexical atlas of the Russian folk dialects. Materials and research, 2007. Pp. 118-123.
7. Card index of the Orel dialect vocabulary (vocabulary of the Orel dialects). The materials are kept on the chair of the Orel State University named after I.S.Turgenev.
8. Lutovinova I.S. The word about the Russian food. Saint-Petersburg: Publishing house of the Saint-Petersburg University 1997.
9. Pjankova K.V. The social categories in the mirror of “food” vocabulary // Onomastics and dialectal vocabulary: A collection of academic work. Ekaterinburg: Publishing house Ural University, 2007. Pp. 3-23
10. The Orel dialect dictionary. Editions 1-2. Yaroslavl, 1989-1991; Editions 5-15. Orel, 1992-2008.

10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
10.00.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES

---

11. Russian folk dialect dictionary (The dictionary of the Russian folk dialect). Editions 1-47. М., Л., СПб., 1965-2014.
  12. The dictionary of the Smolensk dialects. Editions 1-11. Smolensk, 1974-2005.
  13. The Dictionary of the contemporary Russian literary language. V. 1-17. М., Л.: Publishing house Academy of Sciences the USSR, 1950-1965.
  14. *Тупиков N.M.* The dictionary of the the Old Russian personal names. М.: „The russian way“, 2004.
-
-

А.П. БОГИНСКАЯ

аспирант, кафедра французского языкознания,
Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова
E-mail: nastrix@rambler.ru

A.P. BOGINSKAYA

Graduate student, Department of French Linguistics,
Lomonosov Moscow State University
E-mail: nastrix@rambler.ru

**К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ: ЧЕТЫРЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДА
«ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»**

PROBLEM OF ANALYSIS OF PARALLEL TEXTS: FOUR FRENCH TRANSLATIONS OF «EUGENE ONEGIN»

В настоящей работе исследуются лингвостилистические особенности некоторых переводов романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на французский язык. Сопоставительный анализ произведен на основе четырех типов критериев: формальных (поэтическая форма), синтаксических, смысловых и стилистических. Предложенный метод позволяет выявить характерные черты подхода каждого переводчика.

Ключевые слова: лингвостилистика, теория перевода, литературный перевод, стилистика французского языка, А.С. Пушкин, «Евгений Онегин».

The present study dwells on linguo-stylistic particularities of different translations of A.S. Pushkin's novel «Eugene Onegin» into French language. The comparative analysis is made according to four types of criteria: formal (poetic form), syntactic, notional and stylistic. This method allows to reveal features of the approach of each translator.

Keywords: linguo-stylistics, theory of translation, literary translation, stylistics of the French language, A.S. Pushkin, «Eugene Onegin».

Теории перевода, в зависимости от подхода к объекту исследования, делятся на три типа [9]: *предписывающие теории или классические* (théories prescriptives ou classiques) устанавливают принципы правильного, хорошего перевода, объясняют, как следует переводить; *описательные теории или современные* (théories descriptives ou modernes) показывают трансформации, произведенные с текстом в процессе перехода из одного языка в другой, и выявляют приемы работы того или иного переводчика, не высказывая оценочных суждений; *проспективные теории или творческие* (théories prospectives ou artistiques) рассматривают перевод как творческую деятельность каждого отдельного переводчика.

Данная статья, как и большинство современных работ, базируется на описательном принципе. Речь пойдет о четырех французских переводах романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Следует отметить, что существует множество переводов «Евгения Онегина» на французский язык: Н. Dupont (1847), I. Tourguénef et L. Viardot (1863), P. Béesau (1868), W. Mikhailow (1884), G. Pérot (1902), A. de Villamarie (1904), S. Baguette (1946), M. Bayat (1956), A. Meynieux (1962), M. Semenoff и J. Bour (1979), M. Colin (1980), N. Minor (1990), R. Legras (1994), J.-L. Backès (1995), A. Markowicz (2005), C. Weinstein (2010). В число анализируемых переводов вошел один текст XIX века, выполненный Владимиром Михайловым в 1884 году, и три более современных работы: Ната Минор (1990),

Жан-Луи Бакес (1996), Андре Маркович (2005) (в корпус текстов включены III и VIII главы романа). Выбор переводов из разных эпох позволяет проследить, как подход переводчиков менялся с течением времени от свободного обращения с оригиналом до более бережного сохранения особенностей исходного текста вплоть до имитации русского стихотворного размера. Анализ двух переводов, вышедших почти одновременно, показывает, что, вопреки влиянию эпохи, эти тексты обладают ярко-выраженными особенностями, обусловленными личными предпочтениями переводчиков.

Осуществляя сравнительный анализ переводов, мы ставим перед собой следующие задачи:

1. выработать методологическую базу лингвостилистического анализа, позволяющую сопоставлять различные переводы одного текста и выявлять как их сходные черты, так и индивидуальные особенности;
2. показать стратегии и ключевые приемы каждого из переводчиков на основе предлагаемого метода;
3. подойти к рассмотренным французским текстам с точки зрения диахронии и понять, насколько каждый из них характерен для своего времени.

Ниже представлены критерии, на основе которых проводится сопоставительный анализ выбранных переводов. Методологической базой при выборе критериев послужили концепции перевода Е. Г. Эткинды [4] и А. Бермана [6], а также некоторые из приемов перевода, описанные в классических работах по теории перевода, например в работе Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне [10].

Если Эткинд определяет общие принципы поэтического перевода, то как Берман, так и Вине и Дарбельне выделяют конкретные технические приемы, свойственные прозаическому (в том числе и художественному) переводу. Берман рассматривает подобные приемы как системное «искажение» оригинального текста и называет их «деформациями» (*déformations*). Некоторые критерии, приводимые в работах Вине, Дарбельне и Бермана, оказываются в данном случае релевантными при анализе поэтического перевода.

Сопоставительный анализ проводится с точки зрения поэтической формы, синтаксиса, семантики и стилистики по выбранным нами критериям. Наша цель – найти дифференцирующий набор признаков, позволяющих описать существенные различия рассматриваемых переводных текстов.

Поэтическая форма

Специфика жанра «Евгения Онегина» – роман в стихах, соединяющий особенности прозаического романа и стихотворной поэмы. Перевод поэзии, несомненно, представляет определенную трудность. Некоторые исследователи выдвигают тезис о непереводемости поэтического текста, причем мотивируют ее по-разному. Например, Р. Якобсон говорит о переводе поэзии следующее: «В поэзии вербальные уравнения стали конструктивным принципом построения текста. Синтаксические и морфологические категории, корни, аффиксы, фонемы и их компоненты (различительные признаки) – короче, любые элементы вербального кода – противопоставляются, сопоставляются, помещаются рядом по принципу сходства или контраста и имеют свое собственное автономное значение. Фонетическое сходство воспринимается как какая-то семантическая связь. В поэтическом искусстве царит каламбур или, выражаясь более ученым языком и, возможно, более точным, паронимазия, и независимо от того, беспредельна эта власть или ограничена, поэзия по определению является непереводимой» [5]. Якобсон допускает лишь возможность творческой интерпретации стихотворного текста.

Но существует и другая точка зрения: перевод поэзии не только возможен, но и может быть очень близок к тексту оригинала. Так, еще в начале XIX века французский писатель Шатобриан выдвигает теорию «буквального» поэтического перевода. Он осуществляет перевод на французский язык поэмы Мильтона «Потерянный рай» [9] и подробно описывает приемы, которые были использованы в этом переводе: строгое соблюдение английского синтаксиса, даже в ущерб свойственному французскому языку строению фраз; цитаты; создание неологизмов; учет различных регистров языка в поэме. С помощью этих приемов Шатобриан стремится не только точно передать смысл текста, но и отразить необычный стиль автора, иногда странный, иногда непонятный. Кроме того, текст поэмы содержит многочисленные референции, что также учитывалось при переводе. Тем не менее, в некоторых аспектах Шатобриан был вынужден отходить от оригинала: так,

например, он переводит стихотворную поэму Мильтона прозой, в то же время стараясь как можно точнее передать ритм оригинала. Современный теоретик перевода Антуан Берман, который также является сторонником идеи «буквального» перевода, отмечает, что перевод Шатобриана не является поэтической интерпретацией текста Мильтона, это именно «перевод» оригинала, позволяющий передать необычный стиль автора и обогатить французский язык новыми средствами выражения [6] (интересно, что А.С.Пушкин в статье «О Мильтоне и переводе «Потерянного рая» Шатобрианом» отнесся к упомянутому переводу критически).

Следует отметить, что прозаический перевод поэзии прочно вошел во французскую традицию. В Европе, в отличие от России, художественная проза получает широкое распространение и признание уже в XVIII веке; в этот период в Европе считаются предпочтительными прозаические переводы Гомера. Таким образом, в XIX и начале XX века прозаический перевод стихотворного текста считается нормой [8]. В настоящей статье мы не рассматриваем прозаические переводы «Евгения Онегина», однако заметим, что в прозе выполнена большая часть переводов XIX века, а также один перевод середины XX века. Тенденция переводить прозой, по всей видимости, оказывается результатом влияния литературных традиций, поскольку отказ от поэтической формы не всегда ведет к точной передаче других аспектов оригинала.

Ефим Эткинд, выступающий против прозаического перевода поэзии, признает, что поэтический перевод невозможен без некоторых «потерь», трансформаций и добавлений. В данном случае искусство переводчика состоит в том, чтобы почувствовать границу допустимых изменений, за которую нельзя заходить без ущерба для смысла переводимого текста.

Все переводы, которые мы рассматриваем в данной статье, являются стихотворными. Необходимо подчеркнуть, что русская и французская системы стихосложения принципиально отличаются, поэтому здесь можно говорить только об условном соответствии. Русская силлабо-тоника основывается на регулярном чередовании ударных и безударных слогов, в то время как во французской силлабике основной мерой стиха считается равное во всех единицах число слогов с обязательным ударением на последнем слоге [2]. Таким образом, каждому французскому переводчику «Евгения Онегина» приходится выбирать стихотворную форму, наиболее адекватную, с его точки зрения, оригиналу. Эта задача решается по-разному: от прозы (в более ранних переводах) до очень точной имитации силлабо-тонического размера (например, в переводе А. Марковича).

При сопоставительном анализе поэтической формы переводов мы прежде всего обращаем внимание на размер стиха (наиболее близким четырехстопному ямбу оригинала силлабическим размером оказывается восьмисложник), наличие или отсутствие рифмы, систему рифмовки, а также передачу во французском тексте особенностей онегинской строфы, ставшей, своего рода, «визитной карточкой» пушкинского романа в стихах.

Синтаксис

С точки зрения синтаксиса переводы сопоставляются по четырем признакам.

Транспозиция – это один из технических приемов перевода, выделенных канадскими лингвистами Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, представляющий собой замену одной части речи другой частью речи без изменения смысла всего сообщения. Следует отметить, что выделяют обязательную транспозицию (случай, когда перевод без транспозиции невозможен) и факультативную транспозицию. Транспонироваться могут различные части речи и их сочетания: существительная может переходить в прилагательное, сочинительная связь в подчинение, неличная форма глагола в личную и т.д. Например, в переводе Марковича: *Вообрази: я здесь одна¹ – Tu vois que je suis seule ici* (факультативная транспозиция, замена повелительного наклонения изъявительным). Мы рассматриваем транспозицию несколько шире, считая, что это не только переход одной части речи в другую, но и изменение синтаксической функции элементов текста, не затрагивающее смысл высказывания. Мы принимаем во внимание только случаи факультативной транспозиции. В следующем примере транспозиции бессоюзная и сочинительная связь в переводе переходит в подчинение:

*Вообрази: я здесь одна,   Songe que je suis seule ici,
Никто меня не понимает,   Que personne ne me comprend.
Рассудок мой изнемогает,   Songe que ma raison s'égare,
И молча гибнуть я должна.   Que je vais mourir sans rien dire.*
(Ж.-Л. Бакес)

Модуляция представляет собой варьирование сообщения, чего можно достичь, изменив угол или точку зрения. К этому способу можно прибегнуть, когда видно, что дословный или даже транспонированный перевод приводит в результате к высказыванию грамматически правильному, но не вполне корректному. Модуляции, часто обнаруживающие сходство с фигурами речи, бывают разных типов: переход от общего к частному; замена причины следствием, способа результатом, материала объектом, сделанным из этого материала; замена части целым; замена одной части целого другой; изменение направления; замена слова антонимом с отрицанием; замена активного залога пассивным и наоборот; замена пространства временем; временные интервалы и рамки; пространственные интервалы и границы; изменение символа. Например, замена причины следствием: *В глуши забытого селенья – Pourquoi t'avoir tiré d'une existence rude?* (В. Михайлов); замена множественного числа единственным: *Mou сомненья разреши – Peux-tu m'autoriser ce doute²* (Н. Минор).

Синтаксические и семантические критерии часто тесно связаны между собой. Мы будем рассматривать удлинение и опущение в рамках синтаксиса, хотя эти искажения часто (но не всегда) предполагают также из-

1 Здесь и далее пушкинский текст цитируется по академическому изданию в 10-и томах 1949-1950 годов.

2 В этом примере из перевода Н. Минор также следует отметить не совсем верное толкование переводчицей глагола разреши, который она передает как позволить).

менения в области смысла.

Удлинение (мы сохраняем термин А. Бермана, хотя в принципе, здесь можно использовать термин «дополнение») – увеличение объема текста оригинала в переводе, часто не несущее никакой смысловой нагрузки (*l'allongement* у Бермана):

Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...

Ma vie entière était un gage
De cet instant si désiré;
Je l'attendais, j'en avais le
présage,
Car n'es-tu pas le gardien
envoyé
Par Dieu pour moi, mon ange
tutélaire,
Dans cette vie incertaine et
précaire
Guide et soutien jusqu'au
trépas?...

(В. Михайлов)

Опущение элементов текста: *Твой чудный взгляд меня томил – Ton regard me faisait languir* (Ж.-Л. Бакес).

Некоторые авторы систематически идут путем «удлинения» (это характерно для многих переводов XIX века), в то время как другие, напротив, делают более «сжатый» перевод в сравнении с оригиналом.

Семантика

С точки зрения передачи смысла были выделены следующие критерии:

Разъяснение – стремление объяснить в переводе нечто неясное в оригинале (*la clarification* у Бермана), например:

Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал

Dès lors mon âme en proie à
des douleurs amères,
Dut s'arracher de suite aux
liaisons bien chères

(В. Михайлов)

В этом переводе «разъясняется» причина действий героя, опущенная в оригинале.

Значительные смысловые расхождения, например:

Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался...

N'est-ce pas toi qui, dans
mes rêves
Depuis longtemps viens
près de moi?

Qui parles en secret à
mon âme et l'élèves,
Et l'ennoblis toujours, c'est
toi!

(В. Михайлов)

Две последние характеристики часто (но не всегда) связаны с изменением синтаксиса.

Стилистика

В сравнительном анализе также были использованы стилистические критерии:

Качественное обеднение – замена оригинальных выражений и оборотов выражениями, не обладающими иконической составляющей, особой фонетикой или стилистической коннотацией (*l'appauvrissement qualitatif* у Бермана):

А между тем притворным хладом Tout en armant de feinte **froid**
Вооружать и речь и взор... Paroles, regards, élans du cœur...

(Н. Минор)

Слово *хлад* дается в словарях с пометой «устаревшее, высокое», *взор* – стилистически отмеченное, «книжное» слово; французский перевод в данном случае предлагает нейтральные варианты.

Облагораживание – стремление создать переводной текст, отвечающий «стандартам» эпохи, нормам «изящной» словесности (*l'ennoblissement* у Бермана):

Желать обнять у вас колени,
И, зарывав, у ваших ног...
Mais la plume ne peut rendre
suffisamment
Combien souffre celui qui désire
ardemment
De tomber à vos pieds en les
baignant de larmes...

(В. Михайлов)

Введение стилистических фигур (при отсутствии их в оригинале в переводе вводятся фигуры речи). Так у Марковича конвенциональная и лексикализованная метафоры в двух следующих друг за другом строках:

Твой чудный взгляд меня томил, Tes yeux brûlaient dans
В душе твой голос раздавался... mon esprit,
Ta voix me poursuivait
sans trêve...

В данном случае можно рассматривать употребление глагола *brûler* как переносное в значении *se consumer en éclairant*, которое закреплено в словаре «Trésor de la langue française».

Или, также у Марковича, более интересная метафора: *Повсюду следовать за вами – Vous suivre, être une ombre fidèle.*

Некоторые из приведенных выше примеров могут также рассматриваться с точки зрения синтаксиса и семантики, то есть оцениваться сразу с позиций нескольких критериев.

Необходимо подчеркнуть, что использование переводчиком тех или иных приемов нередко носит компенсаторный характер и далеко не всегда свидетельствует о неадекватности перевода.

Ниже мы приводим краткий список критериев, положенных в основу нашего исследования:

1. в отношении **поэтической формы**: размер стиха, наличие или отсутствие рифмы, система рифмовки, передача особенностей онегинской строфы.

2. **синтаксические критерии**: удлинение/опущение, транспозиция, модуляция;

3. **смысловые критерии**: разъяснение, значительные смысловые расхождения;

4. **стилистические критерии**: качественное обеднение, облагораживание, введение стилистических фигур.

Далее мы представляем особенности переводов с точки зрения перечисленных критериев и выявляем наиболее частотные для каждого переводчика приемы.

1. Владимир Михайлов (1884)

• Михайлов чаще всего сохраняет рифму, но полностью нарушает схему рифмовки оригинала. Текст

перевода разделен на строфы с различным количеством строк (от 14 до 16). Перевод выполнен александрийским стихом (то есть двенадцатисложным размером, а не восьмисложником, соответствующим четырехстопному ямбу у Пушкина), однако употребление александрийского стиха нерегулярно. Выбор размера с более длинной строкой, как мы увидим ниже, вынуждает переводчика вводить в текст массу добавлений и использовать другие приемы, так или иначе ведущие к увеличению объема.

И в молчаливом кабинете Ему припомнилась пора, Когда жестокая хандра За ним гналась в шумном свете, Поймала, за ворот взяла И в темный угол заперла.	Ce fut comme au début de sa folie jeunesse, Quand, après les excès de sa première ivresse, Il avait ressenti les accès de l'ennui, Et s'étant renfermé comme un reclus chez lui Il comptait étouffer son extrême tristesse A force de lecture.
--	--

• В тексте перевода регулярно происходит удлинение: при значительно большем объеме (примерно в полтора раза), перевод содержит почти столько же предложений, сколько оригинал. Таким образом, во французском варианте часто используются более длинные предложения в сравнении с оригиналом. Например:

И что ж? Глаза его читали, Но мысли были далеко; Мечты, желания, печали Теснились в душу глубоко.	Tandis que tant d'écrits s'étalent à ses yeux, Son errante pensée courant à mille lieux, Evoque du passé des souvenirs pénibles, Déceptions, chagrins, desirs, illusions, Et fouille de son coeur tous les replis profonds.
--	---

Следует отметить, что при удлинении синтаксис перевода систематически усложняется рядами однородных членов, однородными придаточными предложениями, перечислениями, обращениями и т.д.

Я жду тебя: единым взором Надежды сердца оживи...	Ami, viens, je t'attends, viens me rendre la vie, Le bien-être, la joie et la tranquillité...
То воля неба: я твоя...	

*N'est que pour vous... pour toi,
mon bien-aimé!*

В последнем примере следует подчеркнуть типичную для Михайлова модуляцию – введение в текст перевода восклицательных интонаций.

• С точки зрения передачи смысла для рассматриваемого перевода характерно разъяснение.

Свою посылую свободу Я потерять не захотел.	Et n'écoutez pour lors qu'une voix égoïste, Je voulais conserver ma liberté si triste.
--	---

• В перевод введены стилистические фигуры (разнообразные фигуры повтора, сравнения, градации, метафоры и т.д.). Также отличительной особенностью является введение дополнительных эпитетов (в переводе приблизительно в два раза больше эпитетов, чем в оригинале).

Анадиплосис:

Кто ты, мой ангел ли хранитель... Mais dis enfin, décide: es-tu vraiment cet ange, L'ange du Ciel consolateur...

Градация:

Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда...
Mais écoutez. D'abord je voulais, j'espérais, Oui, j'avais la ferme assurance De pouvoir céler à jamais Le secret de mon coeur, sa honte et sa souffrance.

Введение дополнительных эпитетов:

Излить мольбы, признанья,
Все, все, что выразить бы мог.
Vous dire mille fois ses regrets, ses alarmes, Et ses remords tardifs, ses horribles douleurs, Alléger ses tourments par de sincères pleurs...

Облагораживание также является одним из важных приемов данного перевода:

И в это самое мгновение
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте
мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?
N'est-ce pas toi qui, dans cet instant même, Voltiges près de moi comme un sylphe aérien, Et traversant ce rayon blême, Te pose à mon chevet, mon espoir suprême, O mon unique bien!...

В формальном и стилистическом отношении перевод Михайлова является типичным для своего времени и вписывается в целый ряд подобных работ, возрождающих традиции эпохи «belles infidèles» [7]. Не удивительно, что такие «облагороженные» французские версии пушкинских текстов создавали у современников предвзятое мнение о творчестве поэта. « Il est plat, votre poète ! » (Как зауряден ваш поэт!), – говорит Г. Флобер о творчестве Пушкина [7].

2. Ната Минор (1990)

• Перевод выполнен рифмованным восьмисложником. Переводчица стремится соблюсти онегинскую строфу, сохраняя 14 строк и, в большинстве случаев, схему рифмовки оригинала (в приведенном ниже примере видно, что один раз переводчице не удается найти рифму). Однако при этом не соблюдается чередование мужских и женских окончаний.

Тоска любви Татьяну гонит,
И в сад идет она грустить,
И вдруг недвижны очи клонит,
И лень ей далее ступить.
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновенным пламенем
покрыты,
Дыханье замерло в устах,
И в слухе шум, и блеск в очах...
Le mal d'amour pousse Tatiana A errer seule dans le jardin, Lorsque soudain ses yeux se ferment, Le coeur lui manque d'aller plus loin. Son sein palpité; la chaude fièvre Monte à ses joues et sur ses lèvres Le souffle s'éteint doucement, Des sons bizarres... des scintillements...

Интересно заметить, что Н. Минор, как и многие другие переводчики XX века, отстает от принципов классического французского стихосложения. Однако,

например, Ш. Вайнштейн, чей перевод вышел в 2010 году, считает необходимым оставаться в жестких рамках правил, существовавших во Франции в XIX веке.

• Выявленные изменения синтаксической структуры обнаруживают некоторое тяготение переводчицы к использованию более простых конструкций. Например, опущение в переводе нескольких сказуемых: *Пред вами в муках замуровать, / Блédнеть и гаснуть... – Et devant vous me consumer/ Dans les douleurs...* Тем не менее, нельзя сказать, что эти тенденции являются определяющими, поскольку в целом синтаксическая структура французского текста не содержит значительных изменений в сравнении с оригиналом.

• Среди наиболее существенных особенностей данного перевода следует упомянуть качественное обеднение лексики оригинала (стилистически окрашенная лексика оригинала в переводе часто передается нейтральной лексикой):

Juste pour entendre votre voix. Vous dire un seul mot, et puis N'avoir qu'une pensée jour et nuit Ceci jusqu'à la prochaine fois. *Чтоб только слышать ваши речи, Вам слово молвить, и потом Все думать, думать об одном И день и ночь до новой встречи.*
Les hommes la saluent, empressés, Et, son regard, cherchent à saisir... *Мужчины кланялися ниже, Ловили взор ее очей...*

Подчеркнем, однако, что качественное обеднение присутствует во всех рассматриваемых переводах.

3. Жан-Луи Бакес (1996)

• Ж.-Л. Бакес сохраняет 14 строк, перевод выполнен восьмисложником, используется спорадическая рифма, при которой большинство строк не зарифмованы.

Счастливей силою мечтанья
Одушевленные созданья,
Любовник Юлии Вольмар,
Малек-Адель и де Линар,
И Вертер, мученик мятежный,
И бесподобный Грандисон,
Который нам наводит сон, -
Все для мечтательницы
нежной
В единый образ облеклись,
В одном Онегине слились.
Les créatures que fait vivre L'heureuse puissance du rêve, L'amant de Julie de Wolmar, Malek-Adhel et de Linar, Werther, ce rebelle martyr, Et Grandison l'incomparable (Qui nous donne envie de dormir) Tous pour notre jeune rêveuse Forment un personnage unique. Tous se fondent en Onéguine.

• Наиболее характерными синтаксическими приемами для данного перевода являются транспозиции, представляющие собой деление фраз оригинала на более короткие сегменты (в переводе приблизительно в полтора раза больше предложений, чем в оригинале):

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Все решено: я в вашей воле,
И предаюсь моей судьбе.
Je cède ; je n'ai plus la force De résister. Faites de moi Ce qu'il vous plaît. Tout est fini. Je m'abandonne à mon destin.

В плане синтаксиса также играют важную роль опущение (в переводе в два раза меньше эпитетов, чем в оригинале) и модуляция, выражающаяся в замене восклицательных и вопросительных предложений повествовательными (вопрос, неуверенность в оригинале в переводе регулярно передаются простым утверждением). Например:

Я к вам пишу – чего же боле? *Je vous écris; voilà. C'est*
Что я могу еще сказать? *tout.*

Et je n'ai plus rien à vous
Несчастной жертвой Ленский *dire.*
пал...

Lenski en a été victime...

• Качественное обеднение лексики – еще одна важная черта перевода Бакеса.

Свою постылую свободу ***J'étais las de ma liberté,***
Я потерять не захотел. ***Mais je ne voulais pas la perdre.***

В толковом словаре *постылый* определяется как *возбуждающий неприязнь к себе, отвращение, надоевший*. В переводе вследствие модуляции появляется прилагательное *las*, не имеющее такой ярко выраженной эмоциональной окраски.

4. Андре Маркович (2005)

• В переводе А. Марковича наиболее точно передана поэтическая форма оригинала: четырнадцатистрочная строфа; восьмисложник с четким чередованием короткого и длинного слогов, имитирующий русский четырехстопный ямб (однако присутствуют окказиональные нарушения ритма); сохранена схема рифмовки оригинала, чередование мужских и женских окончаний; соблюдены переносы.

Татьяна слушала с досадой *Tania prenait d'abord ces*
Такие сплетни; но тайком *fables*
С неизъяснимою отрадой *Avec dépit; mais, en secret,*
Невольно думала о том; *C'est une joie comme*
И в сердце дума заронилась; *impalpable*
Пора пришла, она влюбилась. *Qui, malgré elle, l'entraînait.*
L'idée surgit, une heure
heureuse
Fleurit – elle était amoureuse.

• Что касается синтаксиса, то здесь так же, как в переводе Минор, мы не обнаружили значительных, не оправданных переходом из одной языковой системы в другую, изменений.

• Переводчик регулярно вводит во французский текст стилистические фигуры (метафоры, гиперболы, перифразы, оксюмороны).

Введение гиперболы:

В глуши забытого селенья... *Dans mon désert, dans mon*
silence...

Введение оксюморона:

Ты чуть вошел, я вмиг узнала, *Non, tu entras – je fus certaine,*
Вся обомлела, запылала... ***Un froid brasier emplit mes***
veines...

Введение метафоры:

И в сердце дума заронилась; *L'idée surgit, une heure*
Пора пришла, она влюбилась. *heureuse*
Fleurit – elle était amoureuse.

Теперь с каким она вниманьем
Читает сладостный роман... *Avec quelle attention nouvelle*
Elle dévore un doux roman...

Следует отметить, что в случае введения в тексте перевода метафор достаточно регулярно происходит усиление интенсивности действия или степени признака в сравнении с оригиналом. Маркович часто использует в этих целях семантическое поле огня, которое получает в переводе более широкое выражение, чем в оригинале (*души неопытной волненья – le feu d'un cœur*

sans expérience; твой чудный взгляд меня томил – tes yeux brûlaient dans mon esprit).

По всей видимости, подобным образом переводчик стремится компенсировать случаи качественного обеднения лексики.

***

Данные по всем рассмотренным переводам представлены в табл. 1. В случае если какое-либо явление оказывается характерным для данного перевода, мы отмечаем его знаком «+»; если же прием используется редко и нерегулярно, либо отсутствует, он обозначается знаком «-». В отношении поэтической формы знак «+» применяется, если переводчику удастся найти достаточно точный, на наш взгляд, аналог четырехстопного ямба и воспроизвести онегинскую строфу.

Таблица 1.

Краткая характеристика переводов

Критерии	W. Mikhailow	N. Minor	J.-L. Bакès	A. Markowicz.
1. поэтическая форма:	-	+/-	-	+
2. синтаксис:				
удлинение	+	-	-	-
опущение	-	-	+	-
транспозиция	-	-	+	-
модуляция	+	-	+	-
3. семантика:				
разъяснение	+	-	-	-
значительные смысловые расхождения	+	-	-	-
4. стилистика:				
качеств. обеднение	+	+	+	+
облагораживание	+	-	-	-
введение стилистических фигур	+	-	-	+

Несмотря на то, что все переводы построены на совершенно разных принципах, важным связующим фактором, характеризующим эти тексты, является качественное обеднение лексики, которое происходит в связи с тем, что французский язык, в отличие от русского, обладает другим набором выразительных средств. В частности, об этих различиях упоминает Е.Г. Эткинд в работе «Поэзия и перевод»: «...французский язык почти не содержит архаических слов и выражений, столь важных для нашего языка и позволяющих русскому поэту создавать при помощи лексических средств высокий, торжественный стиль. Французы располагают иными средствами архаизации речи, причем средства эти скорее находятся в области синтаксиса, нежели лексики» [4]. Данная особенность французских переводов также связана с более узкой специализацией некоторых классов русской лексики в сравнении с французской [1]. Таким образом, французским переводчикам по чисто лингвистическим причинам не удастся подобрать достаточно богатые в качественном отношении эквиваленты. Например, глагол «молвить» Бакес и Минор передают

нейтральным глаголом «dire», Маркович – «répondre», Михайлов данный глагол опускает; сочетание «ваши речи» у Михайлова опущено, у Минор и Бакеса – «votre voix», у Марковича – «ce que vous dites»; глагол «внимать» все переводчики передают как «écouter» и т.д.

Можно считать, что качественное обеднение в некоторых переводах «восполняется» компенсаторными мерами (термин «компенсация» мы находим в работе *H. Chuquet, M. Paillard «Approche linguistique des problèmes de traduction anglais ↔ français»*). Михайлов пользуется в этом случае главным образом синтаксическими средствами, Маркович чаще всего компенсирует потери тропами, «повышая» тем самым степень «фигуральности» перевода относительно оригинала. Бакес и Минор не восполняют качественные лексические потери, присутствующие во французском тексте.

В отношении работы Марковича следует также отметить, что, вопреки естественному предположению о неизбежности более выраженных синтаксических и лексических отклонений перевода в случае точного следования поэтической форме оригинала, его перевод часто оказывается по синтаксису ближе к русскому тексту, чем, например, менее скованный формальными ограничениями перевод Бакеса, содержащий значительно больше синтаксических отклонений.

Данные исследования, взятые в диахронической плоскости, показывают более бережное отношение современных переводчиков к содержательной стороне оригинала. Михайлов, следуя принятой на момент создания перевода, еще отмеченной влиянием «belles infidèles», тенденции, достаточно часто допускает смыс-

ловые расхождения с пушкинским текстом, причем в его переводе отклонения в плане содержания связаны скорее с «дописыванием» оригинала, что частично определяется выбором александрийского стиха, предполагающего шестистопный ямб, в отличие от четырехстопного ямба у Пушкина. Многие особенности этого перевода обусловлены выбором определенного литературного стиля.

Рассмотренные нами современные переводы, значительно отличаясь от текста Михайлова как в формальном отношении, так и в плане синтаксиса и стилистики, основываются тем не менее на совершенно разных подходах переводчиков. Это является свидетельством того, какую важную роль в художественном переводе играет идиостиль переводчика и его субъективные предпочтения при работе с текстом (см. об этом также статью Е.Э. Разлоговой [3], где разбирается воспроизведение нарративных схем и параллелизмов в 16 французских переводах «Пиковой дамы»).

Полученные результаты показывают, что выработанный нами метод сравнительного анализа позволяет поместить переводы, сделанные в разные эпохи и с разными установками, в единую «систему координат» и выявить черты их сходства и различия, а также показать особенности подхода каждого переводчика. Необходимо подчеркнуть, что использованный нами набор критериев был подобран с учетом ряда индивидуальных характеристик оригинала и не может считаться универсальным, однако часть признаков, несомненно, может быть использована при работе с переводами других художественных текстов, в том числе прозаических.

Библиографический список

1. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977. 253 с.
2. Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2003.
3. Разлогова Е.Э. «Пиковая дама» в зеркале французских переводов. Вопросы языкознания. 2012. №6. С. 85 – 111.
4. Эткин Э.Г. Поэзия и перевод. Л.: Советский писатель, 1963. С. 202 – 203.
5. Якобсон, Р. О лингвистических аспектах перевода. В кн. Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 367.
6. Berman A. La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. Editions du Seuil, 1999.
7. Chevrel Y., D'hulst L., Lombez C. (ed.) Histoire des traductions en langue française, XIX siècle 1815-1914. Editions Verdier, 2012. Pp. 800 – 801.
8. Colin M. Commentaire. In. Pouchkine A. Eugène Oniéguine. Paris, 1980. Pp. 4 – 28.
9. Oseki-Dépré I. Théories et pratiques de la traduction littéraire. Paris: Armand Colin, 1999.
10. Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris: Beauchemin, 1977 (1958).

References

1. Gak V.G. Comparative lexicology. (French and Russian languages). M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1977. 253 p.
2. Gasparov M.L. Essay of history of European verse. M.: Fortuna Limited, 2003.
3. Razlogova E.E. «The Queen of Spades» in the mirror of French translations. Questions of linguistics. 2012. №6. Pp. 85 – 111.
4. Etkind E.G. Poetry and translation. L.: Sovetskij pisatel', 1963. Pp. 202 – 203.
5. Jakobson R. Problems of theory of translation in foreign linguistics. In. Jakobson R. Selected writings. M.: Progress, 1985. P. 367.
6. Berman A. Translation and the letter or inn for distant. The Seuil editions, 1999.
7. Chevrel Y., D'hulst L., Lombez C. (ed.) History of translations in French, XIX century 1815-1914. The Verdier editions, 2012. Pp. 800 – 801.
8. Colin M. Commentary. In. Pushkin A. Eugene Onegin. Paris, 1980. Pp. 4 – 28.
9. Oseki-Dépré I. Theory and practice of literary translation. Paris: Armand Colin, 1999.
10. Vinay J.-P., Darbelnet J. Comparative stylistics of French and English. Paris: Beauchemin, 1977 (1958).

УДК 811.161.1'373

UDC 811.161.1'373

Т.В. ГУЩИНА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра гражданского права, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

М.В. ЧЕРНЕЦОВА

старший преподаватель, кафедра уголовного права и уголовного процесса, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

T.V. GUSHCHINA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Civil Law, Orel State University named after I.S. Turgenev
E-mail: tanyagushchina@mail.ru

M.V. CHERNETSOVA

Senior Lecturer, Department of criminal law and criminal procedure, Orel State University named after I.S. Turgenev
E-mail: chmarina057@ya.ru

ПОНЯТИЕ НАРКОТИЗМА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ

THE CONCEPT OF NARCOTISM: PROBLEMS OF LEGAL AND LINGUISTIC INTERPRETATION

В статье с правовой и лингвистической точек зрения рассматриваются проблемы наркотизма в современной России. Наркотизм – чрезвычайно сложное и общественно опасное явление в современном мире. Проблематика наркотизма междисциплинарна. Она может изучаться с точек зрения медицины, биологии, социологии, социальной психологии, криминологии, а также с точки зрения лингвистики.

Целью исследования является изучение и анализ междисциплинарного понятия наркотизм, его правовой и лингвистический анализ, соотношение с понятиями наркомании, наркотизации.

Ключевые слова: наркотики, наркотизм, наркотизация, наркоман, преступность, термин, лингвистический анализ.

In the article the problems of narcotism from the legal and linguistic points of view in the modern Russia are considered. Narcotism is extremely complicated and socially dangerous phenomenon in the modern world. The problematics of narcotism is interdisciplinary. It can be studied from the point of view of medicine, biology, sociology, social psychology, criminology, as well as from the point of view of linguistics and some others.

The goal of the research is to study and to analyze the interdisciplinary concept of the narcotism, its legal and linguistic analysis, the ratio with concepts of drug addiction.

Keywords: abused drug, narcotism (use of narcotics), narcotization, current narcotics user, criminality, expression(term), linguistic analysis.

В последние годы не только в Российской Федерации, но и во всем мире наркотизм превратился в один из значимых факторов, который оказывает крайне негативное влияние на физическое и моральное здоровье населения, демографическую ситуацию, политику, экономику, правопорядок, социальную стабильность и будущее нашей молодежи. Современный язык не может не отражать реалий сегодняшнего дня. Проблема терминологии действительно актуальна, если общество хочет эффективно бороться с распространением наркотиков.

Наркотизм и связанная с ним преступность в РФ в последние годы приобретают глобальные масштабы и самым существенным образом сказываются на морально-психологической атмосфере в обществе, отрицательно влияют на экономику, политику и правопорядок.

При глубоком изучении проблем, связанных с наркоманией, можно выделить два ее аспекта: медицинский и социальный. Термин наркомания – понятие медицинское, которое обозначает серьезное заболевание, выражающееся в том, что деятельность человеческого организма функционирует на определенном уровне только при условии постоянного приема наркотиче-

ских средств (при этом их доза увеличивается) и ведет к истощению не только физических, но и психических функций.

Следует отметить, что наркотизм, который включает в себя как само заболевание, так и сопровождающие его проявления криминального характера, нуждается на сегодняшний день в надежном, научно обоснованном противодействии со стороны государства в лице всех его структур и, в первую очередь правоохранительных органов.

Потребность в борьбе с наркотизмом также обусловлена увеличивающимся с каждым годом количеством потребителей наркотиков, распространенностью немедицинского употребления наркотических веществ и психотропных веществ среди молодежи, общественной опасностью наркотизма и связанных с ним преступлений.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 мая 2009 г., одними из источников угроз национальной безопасности государства признаны распространение наркомании и деятельность транснациональных преступных группи-

ровок и организаций, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Директор ФСКН России В.П. Иванов на Круглом столе на тему «Законодательное обеспечение создания и функционирования национальной системы реабилитации и ресоциализации наркозависимых лиц» предложил 2013 год сделать годом окончательного создания Национальной системы социальной реабилитации и ресоциализации наркозависимых и осуществить не только практические меры на местах, но и коренной пересмотр всего антинаркотического законодательства [1].

Как известно, толкование представляет собой двуединый процесс – уяснения и разъяснения. Как указывал Е.В. Васильевский, речь состоит из четырех элементов (лексического, синтаксического, логического и стилистического), которые, находясь между собой в тесной связи и влияя друг на друга, создают в своей совокупности словесный смысл каждого предложения. Отсюда само собой следует, что методический процесс словесного толкования норм должен заключаться в анализе всех названных элементов порознь, а затем в синтезе добытых данных. Иначе говоря, юрист должен установить смысл каждого слова нормы в отдельности, выяснить ее синтаксическое строение и логическую связь между ее частями, принять в расчет стиль автора и затем, основываясь на полученных результатах, определить смысл того сочетания всех разобранных элементов, какое дано в подлежащей толкованию норме. Наибольшие трудности при толковании юридических норм, по мнению Е.В. Васильевского, представляет их лексический элемент. Синтаксическое строение современных норм, логическая связь между их частями и стиль отличаются, говоря вообще, простотой и ясностью, только в редких случаях тормозя понимание велений законодателя. Главнейшей помехой в этом отношении служат отдельные слова норм вследствие того, что каждое почти слово имеет несколько значений. Поэтому правила словесного толкования норм касаются главным образом способов определения смысла их слов. Рассматриваемые порознь, слова являются тем сырым материалом, теми атомами, из которых состоит человеческая речь. Они образуют ее лексический элемент. В предложениях слова получают определенную форму: предложения строятся из слов, как здания из камней, по правилам словесной архитектуры, именуемой синтаксисом. Способ сочетания слов образует второй элемент речи – синтаксический. Во всяком предложении между составляющими его словами имеется не только синтаксическая, но и логическая связь: одни слова предложения обуславливают, влекут за собой, дополняют другие. Это логический элемент речи. Способ выражения мысли в речи, проявляющийся в подборе слов и употреблении синтаксических конструкций, называется слогом или стилем и составляет четвертый элемент речи – стилистический[2].

Современные словари русского языка не дают толкования термина «наркотизм». Так, Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова дает определение таким понятиям, как наркомания, наркотики, наркома-

фия. Наркомания определяется как болезнь, характеризующаяся непреодолимым влечением к наркотикам, приводящая к тяжелым нарушениям функций организма. Наркотики – сильнодействующие вещества, преимущественно растительного происхождения, вызывающие возбужденное состояние и парализующие центральную нервную систему. Наркотическая зависимость (болезненное влечение к наркотикам).

Наркомафия – мафия, занимающаяся торговлей наркотиками, их производством и распространением [3].

В словаре Ефремовой Т.В. даны определения для терминов наркотики и наркомания. Так, наркотики – это сильнодействующие – природные и синтетические – вещества, приводящие в возбужденное состояние, парализующие центральную нервную систему и способные вызывать наркоманию. Второе значение – лекарственные вещества, используемые для наркоза.

Наркомания – болезненное, иногда непреодолимое пристрастие к наркотикам, приводящее к тяжелым нарушениям функций организма.

Словари фиксируют также термин «наркотизация», которому присущи следующие значения:

- (с пометой медицинское) приведение в состояние наркоза[4].
- распространение употребления наркотиков [5].

Отметим, что в настоящее время словари фиксируют около 60 слов с элементом нарко-, но состав группы постоянно расширяется: наркополицейский, наркотрафик, наркотест, наркоситуация, наркопоток, наркопритон, наркотизм, наркозависимый, наркозависимость, антинаркотический и т. д.

Наркотизм – это совершенно особое явление и особый термин, который употребляется при анализе наркомании в социальном аспекте.

Понятие наркотизма дается только в специализированных юридических словарях. Так, Большой юридический словарь дает следующее определение наркотизма: 1) негативное социальное явление, представляет совокупность антиобщественных деяний (лиц, их совершивших), обусловленных болезненной зависимостью человеческого организма от постоянного приема наркотических средств (наркоманией); 2) то же, что и оборот наркотических средств[6].

Наркотизм представляет собой сложное биопсихосоциальное явление и рассматривается в науке с позиций различных концептуальных подходов. Кроме собственно медицинских аспектов, являющихся предметом наркологии и психиатрии, наркотизм затрагивает самый широкий спектр социальных проблем – от отклоняющегося социального поведения до вопросов национальной безопасности государства.

Наркомания в настоящее время – одна из наиболее опасных социальных болезней. В нормативно-правовых актах международного характера нет четкого и однозначного определения наркомании, что должно было бы способствовать унификации законодательства различных стран мира. В частности, в Единой Конвенции «О наркотических средствах» от 30 марта

1961 г. в Преамбуле на этот счет сказано: «наркомания является серьезным злом для отдельных лиц и чревата социальной и экономической опасностью для человечества». [7].

Под наркотиками подразумевается ряд химических соединений, выделяемых по следующим критериям:

с медицинской точки зрения, если оно (вещество, средство, лекарственная форма) оказывает специфическое воздействие на центральную нервную систему (седативное, стимулирующее, галлюциногенное и пр.);

с социальной точки зрения, когда его потребление и вызываемая им патология приобретают широкомасштабный характер;

с правовой точки зрения, когда уполномоченный на то федеральной властью орган признает этот препарат наркотическим и таким образом вводит его в список контролируемых средств, веществ, лекарственных форм.

Термин наркомания – медицинское понятие, который обозначает серьезное заболевание, выражающееся в том, что деятельность человеческого организма поддерживается на определенном уровне только при условии постоянного приема наркотических средств или психотропных веществ (доза которых постепенно увеличивается) и ведет к истощению физических и психических функций. Данной проблемой должны заниматься врачи-наркологи, психотерапевты и другие медико-психологические службы.

При анализе наркомании в социальном аспекте употребляется термин «наркотизм». Наркотизм – общественно опасное социально-правовое явление, получившее достаточно широкое распространение во всем мире. Термин «наркотизм» этимологически связан с понятием «наркотик» (от греч. слов *narkotikos* – одурманивающий и *narke* – оцепенение) [8].

Наркотизм характеризуется приобщением части населения страны к потреблению наркотических средств и психотропных веществ, а равно участием (прямым или косвенным) в организации и осуществлении их нелегального оборота. Содержанием наркотизма охватываются различные подструктуры, разнообразные действия, образующие нелегальный оборот наркотиков: производство, приобретение, сбыт, потребление, хранение и т.д.

Понятие наркотизма впервые появилось в отечественной научной литературе в первой половине XIX века и означало «...способ производить без боли хирургические операции, притупляя чувствительность посредством вдыхания паров серного эфира...»[9].

Хотя наркотизм и имеет под собой биологическую основу, в 20-е и 60-е годы XX столетия этот узкий медицинский термин получил расширенное толкование среди советских криминологов. В последующем эволюция понятия наркотизм привела к тому, что оно стало определять общественно опасное явление, связанное с потреблением наркотиков, выражающееся в тех и иных незаконных действиях с наркотическими веществами, над которыми установлен специальный международно-

правовой и внутригосударственный контроль [10].

Социологические определения наркотизма обычно включают в себя социальный и эпидемиологический аспекты, например, «Наркотизм – социальный феномен, выражающийся в относительно распространенном, статистически устойчивом потреблении частью популяции наркотических (или иных токсических, нелегальных психотропных) средств, влекущем определенные медицинские (заболеваемость наркоманией) и негативные социальные последствия» [11].

Следует обратить внимание на то, что наркомания находится в тесной связи с наркотизмом, «...однако наличие этой связи никаким образом не обуславливает адекватность этих явлений» [12].

Наркотизм как социальное явление характеризуется такими показателями, как степень распространенности наркопотребления, структурой и способами употребления, социально-демографическим составом потребителей наркотиков, формой социального контроля и, наконец, модой на тот или иной наркотик. На сегодняшний день наркотизм является предметом криминологии и девиантологии или социологии девиантности и социального контроля, и рассматривается как одна из форм нежелательных для общества явлений – социальных девиаций. Сложность однозначного определения понятия «наркотизм» связывается со следующими обстоятельствами:

1. Наркотизм – это достаточно широкое по объему и абстрактное по характеру явление.

2. Наркотизм – сложное явление, позволяющее рассматривать его в самых различных ракурсах. Он есть стыковая категория права, социологии, психологии, медицины и других наук, каждая из которых в соответствии с собственным предметом и методами исследования изучает его (например, влияние потребления наркотиков на физическое состояние потомства – медицинский аспект, зависимость между степенью пристрастия к наркотикам и степенью деградации личности – психологический аспект и т.д.).

3. Наркотизм – социальный феномен, который охватывает различные этапы исторического развития общества (действие опийного мака как снотворного и обезболивающего средства было известно еще за тысячу лет до н.э.).

В рамках наркотизма функционирует незаконный оборот наркотиков, рассматриваемый как движение, вращение этих средств на рынке товаров и услуг, охватывающий все виды возможных действий с лекарственными препаратами, биологическими и химическими продуктами, сырьем, растениями и их частями, способными вызвать наркоманию, официально включенными в Список наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров (веществ, используемых при производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и психотропных веществ) [13].

Помимо незаконного оборота в области наркотизма также функционирует и наркобизнес, целью которого является извлечение материального дохода (выгоды)

от изготовления и распространения наркотиков. Он представляет собой специфическую деятельность, связанную с организованными формами незаконного культивирования наркотиков и их распространением в нашем обществе.

Таким образом, в исследовании наркотизма наиболее существенными являются представления о потребностно-мотивационной его природе и о специфической позиции ядра болезненной потребности, что определяет его доминирование в мотивационном поле с подчинением себе всей жизнедеятельности индивида, начавшего употреблять наркотическое или психотропное вещество.

Общественная опасность наркотизма предопределяется двумя аспектами: медицинским и социальным. Медицинский аспект заключается в том, что потребление наркотиков приводит в конечном итоге к глубокому истощению всех функций организма, физических и психических. Результатом длительного применения наркотиков является привыкание организма к этим средствам (так называемая терпимость), или состояние наркотической зависимости. Даже незначительный перерыв в приеме наркотиков приводит к тому, что их потребитель

испытывает мучительное состояние, именуемое абстиненцией, или наркотическим голоданием. Результатом наркотической интоксикации служат различные серьезные расстройства органов, систем и функций человеческого организма, преждевременное старение, безвременная гибель [14].

Таким образом, термин «наркотизм» значительно шире термина «наркомания», ибо «...он наряду с социально-медицинскими аспектами, обусловленными болезненным пристрастием к наркотикам, включает и другие проявления, такие как девиантное поведение (включая преступное), вовлечение в потребление и т.п.». Другими словами, можно сказать, что «...наркотизм и наркомания – это различные понятия социально-медицинского и социально-правового характера, их как бы условно можно назвать болезнью человека и болезнью общества».

При таком разграничении можно четко выстраивать и скоординировать систему эффективных мер для противодействия и борьбы с наркоманией, в реализации которых задействованы государственные органы, медицинские учреждения, образовательные и общественные организации и другие.

Библиографический список

1. http://www.narkotiki.ru/gnk_7047.html
2. Васковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. М.: Конкорд, 1997. С. 37 - 41.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов. Под общ. ред. проф. С.И.Ожегова. 24-е изд., испр. М.: Оникс, Мир и Образование, 2007. 1200 с.
4. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. Н. Кузнецова. СПб., 1998. С. 597.
5. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г. Н. Складневской. СПб., 1998. С. 412.
6. Большой юридический словарь./ Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А и др. М.: Инфра-М. 2001
7. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года» (Заключена в г. Нью-Йорке 30.03.1961)// СЗ РФ. 29.05.2000, N 22, ст. 2269.
8. Мацкевич И. М. Алкоголизм и наркотизм в России. //Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 246 – 259.
9. Распоряжение Департамента Медицинского МВД Российской Империи от 15 марта 1847 г. № 134 «О медико-полицейских мерах желательно употребления эфира при производстве операций»// Центральный Государственный исторический архив г. Москвы. Фонд 17. Опись 20. Дело 21. Лист дела 5// цит. по Б.Ф. Калачеву, 1991, с. 9.
10. Личко А., Битенский В. Учебник по наркомании для подростков. М., 2002; Габиани А. Наркотизм: вчера и сегодня. Тбилиси, 1988; Завьялов, В.Ю. Психологические аспекты формирования алкогольной зависимости / В.Ю. Завьялов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988; Колесов Д.В. Эволюция психики и природа наркотизма. М., 1991.
11. Гилинский Я., Гурвич И., Русакова М. Девиантность подростков. Теория, методология, эмпирическая реальность. М.: Медицинская пресса. 2001. С.5.
12. Сартаева А. Наркотизм: Социально-правовой аспект // Государство и право. 2003. №2. С. 119.
13. Мацкевич И. М. Алкоголизм и наркотизм в России//Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 250.
14. Сартаева Н. А. Наркотизм: Социально-правовой аспект. Государство и право. 2003. № 2. С. 119 – 124.

References

1. http://www.narkotiki.ru/gnk_7047.html
2. Vas'kovsky E. V. Guide to the interpretation and application of laws. M: Concord, 1997. Pp. 37 - 41.
3. Ozhegov S. I. Dictionary of Russian language: Approx. 53 000 words / Under the General editorship of Professor S. I. Ozhegov. M.: Onyx, World and Education, 2007. 1200 p.
4. Big explanatory dictionary of Russian language / ed. by S. N. Kuznetsova. SPb., 1998. P. 597.
5. Explanatory dictionary of the Russian language of the late twentieth century. Language changes / ed. by G. N. Sklarevskaya. SPb., 1998. P. 412.
6. Big law dictionary. Dodonov V. N., Ermakov V. D., Krylov M. A. and others. M.: Infra-M., 2001
7. Unified Convention on narcotic drugs of 1961 with amendments in accordance with the 1972 Protocol amending the Unified Convention on narcotic drugs of 1961», concluded in New York 30.03.1961)// FL of the Russian Federation. 29.05.2000, N 22, art 2269
8. Matskevich I. M. Alcoholism and drug-addiction in Russia. //Russian criminological look. 2009. № 3. Pp. 246 – 259
9. The Department of Health, the Ministry of internal Affairs of the Russian Empire from March 15, 1847, № 134 «About the medical-

police action of the desirable use of ether during operations// Central State historical archive of Moscow. The Fund 17. Inventory 20. The case 21. Sheet 5// citation according to B. F. Kalachev, 1991, p. 9

10. *Lichko A., Bitensky V.* Textbook on drug abuse for Teens. M., 2002; Gabiani, A. Drug addiction: yesterday and today. Tbilisi, 1988; Zavyalov, V. U. Psychological aspects of formation of alcohol dependence / V. Yu. Zavyalov. – Novosibirsk: Science. Siberian department, 1988; Kolesov D. V., Evolution of the psyche and the nature of the drug. M., 1991

11. *Gilinskiy Y., Gurvich I., Rusakova M.* Deviance of adolescents. Theory, methodology, empirical reality. M.: Medical press. 2001. P. 5.

12. *Sartayeva A.* Drug addiction: Socio-legal aspect // State and law. 2003. № 2. P. 119.

13. *Matskevich I. M.* Alcoholism and drug-addiction in Russia//Russian criminological look. 2009. № 3. P. 250.

14. *Sartayeva N. A.* Drug addiction: Socio-legal aspects. State and law. 2003. № 2. Pp. 119 – 124.

А.Э. ДУДКО

кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Орловский государственный институт культуры
E-mail: dudko-88@inbox.ru

A.E. DUDKO

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of foreign languages, Orel State Institute of Culture
E-mail: dudko-88@inbox.ru

ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ СОНЕТОВ ДЖ. КИТСА В РОССИИ И ПРОБЛЕМА ИХ ВОСПРИЯТИЯ

FIRST TRANSLATIONS OF SONNETS BY J. KEATS IN RUSSIA AND THE PROBLEM OF THEIR PERCEPTION

В статье анализируется первый перевод на русский язык сонета Дж. Китса, выполненный орловским поэтом Н.Н. Бахтиным (Н.Нович). Отличающийся эквиметричностью и эквиритмичностью, довольно точным воспроизведением образно-стилистической основы оригинала, текст этого перевода способствовал созданию особенного имиджа английского романтика в русской литературе.

Ключевые слова: Китс, Н. Бахтин, поэтический перевод, русско-английские литературные связи, сонет, ритм, система рифмования.

The article analyses the first translation of sonnet by John Keats into the Russian language which was done by N.N. Bakhtin (N. Novich). His translation is distinguished by the use of the same rhyming scheme and rhythmical arrangement, images and stylistic peculiarities are also reproduced in a very similar way, the translation itself played a great role in the process of formation of the image of the English romantic poet in Russian literature

Keywords: Keats, N. Bakhtin, poetic translation, Russian-English literary connections, sonnet, rhythm, system of rhyming.

К сонетам Дж. Китса, одного из самых проникновенных и философичных английских романтиков, русские переводчики обратились только в конце XIX столетия. Если Дж. Байрона, которого называли бунтарем и «безбожником-стихотворцем» [3, с.342], с восторгом переводили все¹, то к Китсу, ввиду неясности его политического имиджа, долгое время относились настороженно.² И лишь в 1895 году к столетию англий-

ского поэта орловский писатель Н. Нович (Н.Н. Бахтин)³ сумел опубликовать в газете «Петербургская жизнь» перевод одного из сонетов. Но имя Джона Китса было известно русским читателям еще задолго до этого.

В одной из первых статей о нем – «Английские поэты, современные лорду Байрону» (1853) – неизвестным критиком отмечалось: «Без сомнения, у молодого поэта было много недостатков, но эти недостатки общи всему литературному движению 1815 года, то есть: чувственность, подражание, архаизм и отсутствие национальности. Созвучия размеров и рифм, поэтические формы часто заставляли Китса забывать о сущности искусства. В его стихах Вы редко найдете душу и симпатию, истину и общечеловеческий идеал. У Китса сбивчивость, неровность и многословие в подробностях искупаются сосредоточенностью, силою выражения, блестящими сравнениями, а особенно могуществом концепции. Все его недостатки можно приписать молодости и его кратковременному появлению в свете». [1, с.66]⁴

В этой же статье приводился подстрочный перевод сонета «Моим братьям», который можно признать од-

1 См.: «С самого начала своего знакомства с Байроном Россия начала его переводить. Переводили самозабвенно, переводили восторженно десятки самых различных людей. Переводили гимназисты и генералы от инфантерии, переводили землемеры и присяжные поверенные, служащие лесного и прочих департаментов, чиновники по делам инородцев, инспекторы сиротских домов и императорских училищ, учителя, министры, философы, медики, литераторы». [9, с.421]

2 Н.Я. Дьяконова объясняет это так: «В дореволюционной России его знали очень мало. Одной из главных причин была сложность, косвенность его реакции на центральные общественные проблемы века и вместе с тем необычайная образная насыщенность его стиха, дерзость словесных находок. Воспроизвести их средствами другого языка можно только ценой усилий по меньшей мере героических и только при таком высоком общем уровне переводческой культуры, какого не было и не могло быть в те годы». [11, с.310] Это же констатирует и О.Н. Мишук: «В первую половину XIX столетия, несмотря на определенную осведомленность русских литературных кругов, творчество романтика еще не вошло в поле зрения широкой читательской аудитории. Интерес русской критики к поэту совпадает с «поэтическими подъемами», которые пережила в своем развитии русская поэзия XIX века: середина прошлого столетия – конец 50-х – начало 60-х годов, когда на страницах периодики стали появляться первые публикации и подражания поэту, и, конечно же, – всплеск «серебряного века». Миф о непереводаемости Китса на русский язык держался достаточно долго. Именно это обстоятельство и лежит в основе инерции молчания об интересе к Китсу в России». [13, с.391–392]

3 См.: «Под псевдонимом «Н. Нович» в литературе многие годы выступал Николай Николаевич Бахтин, поэт, переводчик и литературовед; впервые использовал он этот псевдоним в 1885 году, ибо под своей фамилией офицеру печататься не полагалось <...> В 1891–1909 году он – офицер-воспитатель Орловского кадетского корпуса, с 1898 года – подполковник». [14]

4 Сходные оценки можно найти в статье еще одного безымянного критика «Джон Китс и современная английская поэзия», где Китс называется «юным Ахиллом», а особенности его творчества объясняются болезненностью и предчувствием ранней смерти. [2]

ним из первых подступов к поэзии Дж. Китса, и делался вывод о том, что «его сонеты могут считаться лучшими на английском языке <...> Китс в них превосходит». [1, с.67]

В 80-е годы в России появились первые публикации лекций Г. Брандеса, в которых Дж. Китс оценивался как поэт-сенсуалист, предшественник эстетизма в английской поэзии: «...благодаря именно этой широте своего сенсуализма, поэзия Китса является одной из дивных вершин английского натурализма <...> В Китсе было больше артистического и меньше догматики, чем во всех остальных английских поэтах <...> тот поэтический индифферентизм, который Китс высказывал по отношению ко всяким взглядам и убеждениям, сам по себе был уже мировоззрением, а именно принципом поэтического пантеизма». [6, с.134] Эту формулировку взял на вооружение А.И. Кирпичников, в разделе «Китс» из «Всеобщей истории литературы» отмечавший «пантеистический натурализм» и культ красоты «пылкого романтика». [8, с.673]

В статье З.А. Венгеровой «Джон Китс и его поэзия» (1889) английский романтик, называемый лучшим представителем «литературы времени Байрона», характеризуется как поэт, которого «своеобразная муза <...> унесла <...> далеко от жизни, его окружавшей». [10, с.546] З.А. Венгерова приводит в своей статье прозаический перевод нескольких произведений Китса, и в частности – сонета «По прочтении Чапмэновского Гомера», который аттестуется как «лучшая пьеса». [10, с.555]

В книге Б.Л. Бразоля «Критические грани», изданной в 1910 году, Китсу посвящен целый раздел, в котором в частности отмечается, что главным для поэта была эстетическая идея Красоты, «обостренное чувство образа-символа» и «безупречная выдержанность формы». Высокая оценка творчества английского романтика во многом определялась символистским пониманием его образности: «Поэзия Китса – это вереница призраков, хоровод видений». [5, с.111]

Первым зафиксированным переводом из сонетианы Дж. Китса на русский язык является сонет «To My Brothers» («Моим братьям»), написанный в 1816 при трагических обстоятельствах.⁶ Этот сонет, построенный по всем канонам классицистической поэтики⁷, представляет собой написанное 5-стопным ямбом 14-стишие⁸, с графически выделенными катренами со сквозной риф-

5 Несмотря на то, что «исследование А.И. Кирпичникова носит чрезвычайно обобщенный характер», Г.Г. Подольская видит в нем «новый поворот в восприятии Китса в России». [16, с.48]

6 Чохотка (туберкулез легких, болезнь бедняков) была роком семьи Китсов. Этот сонет был написан в ноябре 1816 на 19-й день рождения младшего брата Китса Томаса, который через два года умер от чохотки.

7 Несмотря на то, что «для Китса термины «классицизм» и «романтизм» не были привычными <...> классицизм в этом контексте характеризуется как реализация в тексте классических принципов и категорий, когда разумность, порядок и строгость оформления ставятся выше стихийной живости движений и асимметрии построений (т. е. того, что присуще романтизму)». [19, с.137]

8 Отступления от метра носят спорадический характер во 2-й, 10-й и 11-й строчках. Причем, во втором случае возникает метрически неполный стиховой ряд за счет использования слова quietly [ˈkwaɪətlɪ] с ударением на первый слог.

мовкой кольцевого типа (abba abba) и соединенными в секстет терцетами (cdcdcd):

Small, busy flames play through the fresh-laid coals,
And their faint cracklings o'er our silence creep
Like whispers of the household gods that keep
A gentle empire o'er fraternal souls.

And while, for rhymes, I search around the poles,
Your eyes are fix'd, as in poetic sleep,
Upon the lore so voluble and deep,
That aye at fall of night our care condoles.

This is your birth-day, Tom, and I rejoice
That thus it passes smoothy, quietly:
Many such eves of gently whispering noise
May we together pass, and calmly try
What are this world's true joys, – ere the great Voice
From its fair face shall bid our spirits fly. [25, с.70]

Прозаический пересказ этого текста был выполнен З.А. Венгеровой еще в 1889 году:

«Блестящие уголья положены в камин и блестящий огонек, дрожжа, перебегают по ним. Тихие голоса, которые мы слышим из каминной – это голоса пенатов, домашних богов, добрых гениев, которые покровительствуют нашей братской любви. Вы, мои братья, перелистываете в это время книгу, которая каждый вечер утешает вас, я же ишу мою рифму на конец света. Сегодня твое рождение, Томас. Дай Бог, чтобы мы еще долго проводили этот вечер вместе, при тихом шепоте каминной. Истинные радости, спокойные радости жизни, продолжайте до тех пор, пока голос свыше скажет вам: Друзья, пора оставить этот мир!» [10, с.67]

Этот сонет представляет собой образец интимной лирики, продолжающей цикл посвящений родным и близким («Моему брату Джорджу», «Послание моему брату Джорджу», «Акростих», «Томасу Китсу», «Джорджу Китсу – в Америку», «Из письма Джорджу Китсу и его жене»). Как правило, произведения этой тематической линии связываются у Дж. Китса с сентименталистской традицией внутреннего психологизма и лишены отчетливо выраженных романтических черт.⁹ В сонетах это проявляется в определенной близости изобразительно-го ряда к жанру «домашней оды», ведущей начало от Горация [4, с.192]: обращение к реальному лицу, домашняя идиллическая обстановка, простота и естественность чувств и эмоций – все это вызывает устойчивые ассоциации с сонетами Томаса Грея (Thomas Gray)¹⁰, в которых, по наблюдениям исследователей, «сильны автобиографические мотивы». [24, с.113] Близки «домаш-

9 См.: «от Шелли и Байрона, активно выступавших против несправедливости окружавшего их мира и рассматривавших поэзию как оружие политической борьбы, Китс отделяла склонность к эстетству, культ «вечной красоты», сказавшиеся с особенной силой в его ранних стихах». [17, с.130]

10 Ср.: «Вполне заслуженное внимание привлекает субъектная структура стихотворений Грея, ее усложненность, множество разных форм авторского присутствия в тексте, от прямых сентенций к созданию сложной системы голосов, то приближенных к авторскому, то отстоящих от него, выступающих своего рода ретранслятором, проекцией содержания авторского слова, преломленного сквозь чужое сознание». [18, с.11]

ние» сонеты Дж. Китса и к сонетам Вильяма Каупера (William Cowper), и в частности к знаменитому сонету «To Mary Unwin», который, по мнению английского писателя и литературного критика Хью Фауссета, был «немного одомашнен автором» [22, с.300]:

Mary! I want a lyre with other strings,
 Such aid from Heaven as some have feigned they drew,
 An eloquence scarce given to mortals, new
 And undebased by praise of meaner things,
 That, ere through age or woe I shed my wings,
 I may record thy worth with honour due
 In verse as musical as thou art true,
 And that immortalizes whom it sings.
 But thou hast little need. There is a book
 By seraphs writ with beams of heavenly light,
 On which the eyes of God not rarely look,
 A chronicle of actions just and bright:
 There all thy deeds, my faithful Mary, shine,
Все деяния, моей верной Мэри, сияют
 And, since thou own'st that praise, I spare thee mine.

[21, с.194]

Обращает внимание тот факт, что сонет Китса приближен к сонету Каупера не только на эмоциональном уровне, но и по формальным показателям, различающимся только в секстете: вместо уже упоминавшейся открытой модели на два созвучия cdcddc у Китса у Каупера использована шекспировская модель – cdcdee, к которой Китс обратился после 1817 года. [20, с.41]

В том, что сонет «To My Brothers» ориентирован на петрарковско-мильтоновскую, а не шекспировскую эстетику сонета, заключается определенный смысл. Эдвард Хирш замечает по этому поводу: «Keats's first book, *Poems* (1817), comprises a substantial number of sonnets—twenty-one in all. This work shows how vigorously he applied himself to the Petrarchan sonnet, which consists of an octave (*abbaabba*) and a sestet (*cdecde*). The Petrarchan structure invites an asymmetrical division of an argument. It tends to create an obsessive feeling in the first section and then to respond to that feeling – to let it loose – in the second part. It builds the pressure in the first eight lines, turns, and then releases that pressure in the final six lines» [*Первая книга Китса, Стихи (1817), включает значительное число сонетов – двадцать один. Эта работа показывает, как энергично он использовал сонет Петрарки, который состоит из октавы (abbaabba) и секстета (cdecde). Структура Петрарки побуждает к асимметричному разделению аргументов. Она стремится к созданию навязчивого чувства в первом отрезке, и затем к ответу на это чувство – в целях освобождения от него – во второй части. Это создает напряжение в первых восьми строках, изменяя и затем высвобождая это напряжение в шести финальных строках*]. [23, с.10]

Структура итальянского сонета, обладающая принципиально иным семиотическим статусом, использовалась Дж. Китсом в раннем творчестве для воплощения особенного состояния гармонии, скрытого за внешними противоречиями формы.

Возможно, что именно это обстоятельство вкупе с

проникновенным лиризмом сыграло свою роль в выборе переводчиком Н. Новичем данного сонета для публикации в газете «Петербургская жизнь»¹¹:

Огонь в камине нежит наши взоры,	1.1111.1	A
И дров веселый треск ласкает слух:	1.1111.0	b
То гениев домашних разговоры,	1.33.1	A
Хранящих наш семейный, братский дух.	1.1111.0	b

Вы, братья, книгой заняты, которой	1.113.1	A
Всегда вы услаждаете досуг,	1.33.0	b
Она в дни скорби служит вам опорой,	1.1111.1	A
А я, мечтатель, рифм ищу вокруг.	1.1111.0	b

Сегодня, милый Том, твое рожденье.	1.1111.1	C
Да будут и в грядущем суждены нам	1.33.1	D
Такие ж, как сегодня, вечера	1.33.0	e
И мирные простые наслажденья,	1.33.1	C
Пока не скажет голос вышины нам:	1.113.1	D
«Покиньте свет, друзья мои, – пора!» [15,	1.1111.0	e
с.1]		

В целом этот перевод оказывается довольно точным, несмотря на то, что во втором катрене наблюдается нарушение эквилинеарности (наполненная самоиронией строчка «And while, for rhymes, I search around the poles...» оказывается композиционно инверсированной), косвенная речь в последней строчке переведена Н. Новичем в прямую, замкнутый тип рифмования со сквозной рифмой в катренах изменен на перекрестную рифмовку – AbAb AbAb, а терцеты строятся на трех рифмах – CDeCDe. Но при этом ритм русского 5-ст. ямба максимально приближен к ритму оригинала: на 5-ть полноударных строк у Дж. Китса приходится 7-мь в переводе Н. Новича, а это признак стремления переводчика придать своему тексту непривычное для русского слуха звучание английской поэтической речи.

Речь идет о том, что переводчик, вольно или невольно, стилизовал свой перевод под поэтический слог А.С. Пушкина, что особенно значимо в контексте большой культурно-просветительской деятельности Н.Н. Бахтина: ему принадлежат первые переводы Ф. Вийона и других зарубежных поэтов, статьи о творчестве Л.Н. Толстого, В. Шекспира, П. Верлена, А. Петефи, Ф. Шиллера, П.Б. Шелли, А. Теннисона, о переводах А.С. Пушкина на исландский язык, а самое главное – неоконченная серия «Маленькая антология» мировой поэзии, предвосхитившая знаменитый брянский проект «Сны человечества». Обращает внимание, что основной корпус стилизационных элементов соотносится со стихотворениями А.С. Пушкина, написанными 4-ст. ямбом. Это создает особенный эффект метро-ритмического расширения и семантического углубления художественного контекста. Конечно, трудно считать, что такой прием приближает читателя перевода к пониманию поэтического языка Дж. Китса, но при этом можно все же говорить о типологической верности такой интерпретации: придавая сонету Дж. Китса черты пушкинского художественного стиля, Н.Н. Бахтин способствовал созданию

¹¹ В 6 томе «Словаря русских писателей и ученых» С.А. Венгерова этот перевод отмечен как не вошедший в «Маленькую антологию». [7, с.426]

особенного имиджа английского романтика, у которого, по меткому наблюдению Г. Кружкова, «с Пушкиным и впрямь было много общего».[12, с.79]

Останавливает внимание одна стилистическая осо-

бенность перевода Н. Новича, связанная с тем, что в ряде строк возникают еле уловимые аллюзии с пушкинской лирикой:

Китс («Моим братьям»)	Пушкин	Пушкин
Огонь в камине нежит наши взоры,	Вся комната янтарным блеском / Озарена. <i>Веселым треском</i> («Зимнее утро»)	<i>В камине гаснет огонек, / И свечка нагорела...</i> («Мечтатель»)
И дров веселый треск ласкает слух:	<i>Трещит затопленная печь. / Приятно думать у лежанки.</i> («Зимнее утро»)	
То гениев домашних разговоры,		<i>Стоит богов домашних лик / В кивоте небогатом...</i> («Мечтатель»)
Хранящих наш семейный, братский дух.		
Вы, братья, книгой заняты, которой		
Всегда вы услаждаете досуг,		
Она в дни скорби служит вам опорой,		
А я, мечтатель, рифм ищу вокруг.	Задумаюсь – взмахну руками / На рифмах вдруг заговорю... («Моему Аристарху»)	
Сегодня, милый Том, твое рождение.		
Да будут и в грядущем суждены нам	Да озарит он заточенье / Лучом лицейских ясных дней! («И.И. Пущину»)	
Такие ж, как сегодня, вечера		
И мирные простые наслажденья,	И ведаю, мне будут наслажденья («Безумных лет угасшее веселье...»)	
Пока не скажет голос вышины нам:		
«Покиньте свет, друзья мои, – пора!»	Мы вольные птицы; пора, брат, пора! («Узник»)	Друзья мои, прекрасен наш союз! («19 октября»)

Библиографический список

- [Б. и.] Английские поэты, современные лорду Байрону: Статья вторая и последняя // Отечественные записки. 1853. Т. 86. № 2. Отд. 6. С. 28–36.
- [Б. и.] Джон Китс и современная английская поэзия // Пантеон. 1856. Т. 27. № 6. Отд. 3. С. 1–21.
- Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (18 – первая половина 19 вв.) // Литературное наследство. Т. 91. М., 1989. 863 с.
- Благой Д. Дельвиг // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 3. [М.]: Изд-во Ком. Акад., 1930. Стб. 190–193.
- Бразоль Б.Л. Китс (1795 – 1821) // Бразоль Б.Л. Критические грани. СПб.: «Родник», 1910. С. 104–112.
- Брандес Г. Литература XIX века в ее главнейших течениях: Английская литература. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1898. 340 с.
- Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и учёных от начала русской образованности до наших дней. В 6 т. Т. 6. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1904. 465 с.
- Всеобщая история литературы. Под ред. В.Ф. Корша. СПб.: изд. К.Л. Риккера, 1892. Т. 4. Литература «просвещения». Нидерландская литература. Скандинавская литература. Турецкая литература. Очерки истории литературы XIX столетия. 1081 с.
- Демурова Н. О переводах Байрона в России // Байрон Дж.Г. Избранное. 2 изд. М.: Прогресс (Progress Publishers), 1979. С. 399–426.
- З.В. [Венгерова З.А.]. Джон Китс и его поэзия: (Из истории английской литературы) // Вестник Европы. 1889. Кн. 10. С. 539–573; Кн. 11. С. 62–88.
- Китс Дж. Стихотворения. «Ламия», «Изабелла», «Канун св. Агнесы» и другие стихи. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. С. 391 с. («Литературные памятники»)
- Кружков Г. Ностальгия обелисков: Литературные мечтания. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 704 с.
- Мицук О.Н. «Ода греческой вазе» Дж. Китса в переводе В.А. Комаровского // Известия Тульского государственного университета: Гуманитарные науки. Тула: изд-во ТулГУ, 2010. Вып. 2. С. 391–397.
- Николай Нович // Век перевода [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vekperevoda.com/1855/novich.htm>.
- Петербургская жизнь. 1895. № 159. С. 1.
- Подольская Г.Г. Джон Китс в России. Новые переводы. Астрахань: Изд-во Астраханского педагогического института, 1993. 302 с.
- Самарин Р.М. Китс // История английской литературы. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1953. Т. II. Вып. 1. С. 130–152.
- Строилова А.Г. Рецепция творчества Эдварда Юнга и Томаса Грея в русской поэзии конца XVIII-начала XIX века: дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 239 с.
- Халтрин-Халтурина Е.В. Джон Китс и культ прекрасного: о динамике образного ряда в поэме «Гиперион: фрагмент» // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 135–139.

20. *Шекспир В.* Сonetы: Антология современных переводов. Пер. с англ. СПб.: Азбука-классика, 2004. 384 с.
21. *Cowper W.* Poems: In 3 vol. Chiswick: C. and C. Whittingham, 1824. Vol. 1. – 252 p.
22. *Fausset Hugh I'Anson.* William Cowper. London: Cape, 1928. 319 p.
23. Keats J. The 64 sonnets. Philadelphia, Pennsylvania: First Paul Dry Books Edition, 2004. 145 p.
24. *Moore J.* Thomas Gray's «Sonnet on the death of Richard West»: the circumstances and the diction // Tennessee studies in literature. Tennessee: The University of Tennessee press, 1974. Pp. 107–113.
25. The poetical works of Coleridge, Shelley, and Keats: complete in one volume. Paris: published by A. and W. Galignani, 1829. 621 p.

References

1. English poets, contemporaries of lord Byron: second and the last // Domestic notes. 1853. V. 86. № 2. Pp.28–36.
2. John Keats and modern English poetry // Pantheon. 1856. V. 27. № 6. Pp. 1-21.
3. *Alekseev M.P.* Russian-English literary connection (18 – the first half of 19 centuries) // Literary inheritance. V. 91. M, 1989. 863 p.
4. *Blagoy D.* Delwig. Literary encyclopedia: In 11 V. V. 3. [M]: Pub. house Kom. Acad, 1930. Pp. 190–193.
5. *Brazol B. L.* Keats (1795 - 1821). Brazol B. L. Critical sides. SPb.: “Spring”, 1910. Pp. 104–112.
6. *Brandes G.* Literature of the 19th century in its major movements: English literature. SPb.: P.H. of Y.N. Ehrlich, 1898. 340 p.
7. *Vengerov S. A.* Critical and biographical dictionary of the Russian writers and scientists from the beginning of the Russian education up to now. In 6 v. V. 6. SPb.: M. M. Stasyulevich's printing house, 1904. 465 p.
8. General history of literature / Under the editorship of V. F. Korsh. SPb.: P.H. of K.L. Rikker, 1892. V. 4. Literature of «education». Netherlands literature. Scandinavian literature. Turkish literature. Sketches of history of literature of the XIX century. 1081 p.
9. *Demurova N.* About Byron's translations in Russia // Byron. 2 ed. M.: Progress (Progress Publishers), 1979. Pp. 399–426.
10. Z.V. [Vengerova Z.A.]. John Keats and his poetry: (From history of the English literature) // the Bulletin of Europe. 1889. Book 10. Pp. 539–573; Book 11. Pp. 62–88.
11. *Keats J.* Poems. «Lamia», «Isabella», «St. Agnes's eve» and other verses. – L.: Science, Leningrad office, 1986. 391 p. («Literary monuments»)
12. *Kruglov G.* Nostalgia of obelisks: Literary dreams. M.: New literary review, 2001. 704 p.
13. *Mishchuk O.N.* «Ode on a Grecian Urn» J. Keats in V.A. Komarovskiy's translation // News of the Tula state university: Humanities. Tula: publishing house of TulSU, 2010. Issue 2. Pp. 391–397.
14. *Nikolay Novich* // Century of the translation [An electronic resource]. – Access mode: <http://www.vekperevoda.com/1855/novich.htm>.
15. Life of St. Petersburg. 1895. №159. P. 1.
16. *Podolskaya G.G.* John Keats in Russia. New translations. Astrakhan: Publishing house of the Astrakhan teacher training college, 1993. 302 p.
17. *Samarin R. M.* Keats // History of the English literature. M.: Publishing house of Academy of Sciences of the USSR, 1953. V. II. Issue 1. Pp.130–152.
18. *Stroilova A.G.* Reception of creativity of Edward Jung and Thomas Gray in the Russian poetry of the end of XVIII and the beginning of the 19th century: dissertation... Candidate of Philological Sciences. Kemerovo, 2008. 239 p.
19. *Haltrin-Halturina E.V.* John Keats and cult of fine: about dynamics of a figurative row in the poem «Hyperion: fragment» // Knowledge. Understanding. Ability. 2010. № 2. Pp. 135-139.
20. *Shakespeare W.* Sonnets: The anthology of the modern translations / translated from English. SPb.: Alphabet-classics, 2004. 384 p.
21. *Cowper W.* Poems: In 3 v. Chiswick: C. and C. Whittingham, 1824. Vol. 1. 252 p.
22. *Fausset Hugh I'Anson.* William Cowper. London: Cape, 1928. 319 p.
23. *Keats J.* The 64 sonnets. Philadelphia, Pennsylvania: First Paul Dry Books Edition, 2004. 145 p.
24. *Moore J.* Thomas Gray's «Sonnet on the death of Richard West»: circumstances and the diction//Tennessee studies in literature. Tennessee: The University of Tennessee press, 1974. Pp. 107–113.
25. The poetical works of Keats//The poetical works of Coleridge, Shelley, and Keats: complete in one volume. Paris: published by A. and W. Galignani, 1829. 621 p.

И.Л. ЗОЛОТАРЕВ

кандидат филологических наук, доцент
E-mail: igozolo@yandex.ru

I.L. ZOLOTARYOV

Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: igozolo@yandex.ru

ПРАВДОПОДОБИЕ НЕВЕРОЯТНОГО В ФАНТАСТИКЕ И.С.ТУРГЕНЕВА

THE CREDIBILITY OF THE INCREDIBLE IN THE IVAN TURGENEV'S FICTION

В статье исследуется проблема невероятного в фантастических произведениях И.С.Тургенева. Писатель ищет художественные приёмы, позволяющие показать правдоподобие невероятных явлений внутренней жизни и роль бессознательного в восприятии невероятного. Автор остаётся на позиции реализма, но обогащает его фантастическим элементом.

Ключевые слова: фантастика, правдоподобие, невероятное, бессознательное, мотивация, творчество.

The article investigates the problem of the incredible in Ivan Turgenev's fiction works. The writer is looking for artistic techniques, allowing to show the credibility of the incredible phenomena of the inner life and the role of the unconscious in the perception of the incredible. The author continues to hold the position of realism, but enriches it with a fantastic element.

Keywords: fiction, credibility, incredible, unconscious, motivation, creativity.

В 2018 году мировая общественность будет отмечать 200-летие со дня рождения И.С.Тургенева. Этой дате посвящаются многие мероприятия, проводимые в России, Франции, Канаде. Проходят конференции на родине великого русского писателя – на Орловщине, в музее Тургенева, в музее-заповеднике Спасское-Лутовиново.

Наша статья посвящается фантастическим произведениям И.С.Тургенева. Многие отечественные и зарубежные исследователи: Г.Б. Курляндская, Р.Н. Поддубная, О.Н.Осмоловский, Мариана Бюри, Франсуаза Фламан и другие относят к фантастическим такие произведения, как «Призраки», «Стук! Стук! Стук!», «Бежин луг», «Фауст», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич (После смерти)» и другие. В статье анализируются три произведения писателя: «Бежин луг», «Сон», «Клара Милич (После смерти)».

Мы говорим о правдоподобию фантастики Тургенева, которая рождается из реального, из повседневной жизни. Французский исследователь Мариана Бюри пишет, что «гений автора фантастических произведений состоит в том, чтобы заинтриговать, пленить читателя, заставить поверить легко и естественно в невероятное, что фантастическое, связанное и логичное, находится внутри нас. Это обычная жизнь, которая вдруг становится странной, невероятной» [1, с.383].

В рассказе «Бежин луг» действие происходит ночью, у костра, где заблудившийся охотник встречает пятерых крестьянских ребятшек, которые стерегли табун.

Охотник прилёг под кустиком в стороне и поглядывал на мальчиков. Они варили на костре картошку и рассказывали были и небылицы одну страшнее другой. Это были рассказы о домовых, водяных, русалках, мальчи-

ки ссылались на свидетелей, от которых слышали эти истории, кто-то был даже сам участником встречи с домовым.

Атмосфера ночи была фантастической, мальчишки рассказывали обо всём с большой убеждённостью. Охотник выделил среди них Павлушу, сильного, умного парнишку лет двенадцати. Рассудительный, знающий лес, повадки зверей и птиц, он отвечал на вопросы других, объясняя непонятное, добавляя своё. Последняя история была рассказана о мальчике Васе, который утонул неподалёку от этого места на глазах у матери, потерявшей рассудок. Во время рассказа этой истории Павлуши не было у костра, он ходил с котелком за водой. «Павел подошёл к огню с полным котельником в руке.

– Что, ребята, – начал он, помолчав, – неладное дело.

– А что? – торопливо спросил Костя.

– Я Васин голос слышал.

– Все так и вздрогнули.

– Что ты, что ты? – пролепетал Костя.

– Ей-богу. Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голосом и словно из-под воды: «Павлуша, а Павлуша!» Я слушал, а тот опять зовёт: «Павлуша, подь сюда». Я отошёл. Однако воды зачерпнул.

– Ах ты господи! Ах ты господи! – проговорили мальчики, крестясь.

– Ведь это тебя водяной звал, Павел, – прибавил Федя... – А мы только что о нём, о Васе-то, говорили.

– Ах, это примета дурная, – с расстановкой проговорил Илюша.

– На что Павел ответил:
– Ну, ничего, пушай! Своей судьбы не минувешь»[2,с.101].

В этом эпизоде изображено предчувствие, которое сбывается, атмосфера ночи смущает душу тургеневского героя Павла. Он начинает жить с этим. Через два месяца Павел, упав с лошади, погибает. Он забывает о безопасности, помнит о зове водяного. И хотя Павел хорошо держался на лошади, его падение невероятно, но факт. В рассказе «Бежин луг» невероятное имеет естественное объяснение, сводится к случайности. Мальчик погибает, не справившись с лошастью во время скачки, падает с лошади и разбивается насмерть.

Такой же точки зрения, на наш взгляд, придерживается П. Г. Пустовойт, считая, что в фантастических произведениях создаётся «таинственная» атмосфера, в которой невероятное становится правдоподобным. А случай связан с атмосферой той ночи. «Для «таинственных» повестей <...> чередование сцен бытовых и элементов сверхъестественного», [3,с.62], внутренний мир главных героев «Песни торжествующей любви» и других «таинственных» повестей – всё рассказано и построено так, что предсказание сбывается. Всё правдоподобно. «Внимание Тургенева к «таинственному» было постоянным почти на всём протяжении творческих сознательных лет. Ещё в «Записках охотника», именно в рассказе «Бежин луг», воспроизведена атмосфера загадочного и чудесного в человеческой жизни и в природе» [4, с. 9]. Колорит, предшествующий Павлушиной смерти, рисуется загадочным и таинственным, причём загадочные явления как бы внезапно врываются в обычную, будничную, прозаическую обстановку и романтизируют её. Общим для всех фантастических произведений писателей-классиков является то, что почти всегда речь идёт о сверхъестественном, необъяснимом, неизученном событии или явлении, о чём Мопассан говорил, что все эти события появляются из ниоткуда, из реальности, из повседневности. В произведениях отечественных и зарубежных писателей, использующих разные приёмы, мы наблюдаем разные виды фантастики. Главные из них – это зависимость от душевного состояния героя, сама атмосфера, способствующая созданию фантастического. В каких-то случаях используется сон; повествование происходит от первого лица – приём, усиливающий правдоподобие. Правдоподобие невероятного также подчёркивает наличие в тексте свидетелей, невероятное помещается в реальный контекст, даются реальные факты, автор строит своё повествование так, чтобы действовать на подсознание читателя.

Все эти приёмы используются для создания достоверности описываемого фантастического события. «Даже у самого недоверчивого бессознательное отодвигает на задний план голос рассудка» [5,с.53], способствуя вере в невероятное. Используя фантастическое, писатель сознательно создаёт свой текст так, чтобы он казался правдивым.

Художественное изображение человека, мотивация его поступков, реалии быта способствуют усилению

изобразительных возможностей произведения, проникновению писателя во внутренний мир героя, в его подсознание. В рассказе «Сон» Тургенев использует сновидение как главный приём изображения невероятного, фантастического. По мнению А.Б. Муратова, «отсутствие границ между реальным и ирреальным, возможность и одновременно недостаточность рациональных истолкований событий <...> особенность рассказа «Сон»» [6,с.119]. Соотнесение этого произведения с романтической литературой свидетельствует о том, что романтические идеи о сопредельности человека с общими законами бытия имеют для писателя важное значение. Муратов признаёт существование в произведении идеального мира. В то же время исследователь показывает психологическую мотивированность поступков героя. Во сне герой отыскивает отца в одном из домов города. «Особенно смущал меня один сон. Мне казалось, что я иду по узкой, дурно вымощенной улице старинного города, между многоэтажными каменными домами с остроконечными крышами. Я отыскиваю моего отца, который не умер, но почему – то прячется от нас и живёт именно в одном из этих домов. И вот я вступаю в низкие, тёмные ворота, перехожу длинный двор, заваленный брёвнами и досками, и проникаю наконец в маленькую комнату с двумя круглыми окнами» [7, с. 266].

Через сон как приём Тургенев приходит к фантастическому, невероятному, когда сон становится явью. В событийном ряде повести сюжетное единство сна распадается на составные: встреча с предполагаемым отцом, обстановка сна, солнечный день, шумная толпа, кофейня. В XIII главе герой узнаёт улицу и дом, но не находит отца, увиденного прежде во сне. В XV главе происходит совпадение деталей реального и «таинственного». «Странный», онирический мир возникает в повести «Сон», как верно считает Р. Н. Поддубная: «Странный, мерцающий в поле «мечта – явь – сон» художественный мир «Сна» порождён не романтическими тенденциями в мировоззрении и методе Тургенева, а поисками писателем художественного языка, позволяющего воплотить в искусстве явления психической жизни, граничащие с бессознательным» [8, с.6].

В «Сне» сын нашёл дом, но отца там и не было. Цепочка «мечта – сон – явь» реализовалась не полностью, но сын нашёл по снам человека, которого он принял за отца, – барона. Сын встречается с ним. В своих поступках сын следует сну, своему внутреннему голосу, бессознательное ведёт его к поискам отца. История невероятная, но правдоподобная. Сам по себе фантастический сон героя говорит о его воображении. Последовательность, предложенная Р.Н. Поддубной «мечты – явь – сон», а в нашей интерпретации «мечты – сон – явь», получившая частичную реализацию, выглядит правдоподобно, в нём совпадение фактов, точность деталей (кольцо, дом из сна стал явью и др.). Исследователь прав, когда утверждает, что художественный мир фантастического произведения «Сон» – это гимн природе человека, а не личности, подобной Творцу.

Тургеневское произведение «Сон» возникает как «студийный» этюд, исследующий наследственные проявления в психике человека, в судьбе личности. В повести нет социальной тематики, характерной для бытового плана. Герой произведения разгадывает «тайну» своего рождения и причину «странных» взаимоотношений с матерью, раскрывает истоки «странного» влечения барона к своей матери. Художественное исследование загадки любви между бароном и матерью героя развивает эффективность мотива «фатальных браков», а размышления о феномене наследственности в «студийности» выявляют исследовательский характер рассказа Тургенева. Решение такой задачи требовало от героя определённой психической организации, способности чутко откликаться на стремление человека познать свои кровные связи с целым, выявить явления, которые не объясняются рационально. Обращение к герою с рефлексивным сознанием, мечтающему разгадать загадки своей наследственности, связано не столько со стремлением писателя к изображению неустойчивости психики личности и изменчивости форм быта, но и со «студийностью» всего позднего творчества Тургенева.

Выбор авторской позиции в использовании формы исповеди героя о событиях прошлого, придающего правдоподобие событиям, был сознательным.

Фантастический рассказ «Сон» не имеет конкретно-бытовых и общественно-исторических реалий. А из событийно-бытового ряда представлено лишь то, что позволяет изобразить психологическую ситуацию. Экспозиция рассказа построена не только на принципе изображения психической организации героя-рассказчика, но и на мотиве «страстность-тайна». В начале экспозиции этот мотив выражает в сознании героя противоречия между очевидным и «тайным», невероятным смыслом явлений и фактов. Реально объясняется желание сына найти отца. Сюжет поисков отца изобилует совпадениями и случайностями. Живущий в нервном напряжении и в магнетическом, сомнамбулическом состоянии герой узнаёт, что барон уехал в Америку, но что-то приводит его на берег моря, где он натывается на труп барона, думая узнать в нём родного отца, но это был другой человек. Герой уходит, возвращается во второй раз и уже не находит трупа. Тургенев правдоподобно показывает поиски героем своего отца, но они дважды завершаются ничем, потому что делал он это под влиянием бессознательного, то есть сна.

Рассмотрим «таинственное» в повести Тургенева «Клара Милич» (После смерти). В этой повести необычно психическое состояние героя, живущего в противоречивой обстановке. Такие люди поддаются воздействию неизвестных, загадочных сил, склонны к восприятию жизни путём чтения книг. Сами же они, размышляя о сложных явлениях жизни, не способны к непосредственному анализу, принимая воображаемое за реальность. В повести «Клара Милич» Тургенев применяет онирическое в качестве основного приёма, как и в рассказе «Сон». Характеризуя это произведение как фантастическое, Г.Б. Курляндская пишет: «Факт люб-

ви после смерти возлюбленной заинтересовал писателя не только в силу стремления изобразить власть одного человека над душой другого человека, сохранившегося после смерти. Главная задача Тургенева сводилась не к выражению оккультных симпатий, а к воспроизведению психологического процесса познания действительности и самого себя»[9, с.55].

По мнению исследователя, эта повесть развивается в двух эмоциональных противоположно-направленных планах, исключающих возможность единой, целостной концепции мира. Рядом с изображением общения живых с умершими стоит естественное объяснение «прозрений» Аратова как болезненных состояний психики. Явление Клары интерпретируется автором как плод болезненного воображения Аратова – человека, наследственная склонность которого к галлюцинациям становится навязчивой в условиях, как кажется ему, из-за совершившейся гибели возлюбленной.

Обращаясь к психологическим проблемам и душевным переживаниям, к процессу зарождения чувства у героя, превращения бессознательного в факт сознания, Тургенев остаётся реалистом. В лице Аратова даётся вариант «лишнего человека» из разночинной демократической среды. Учёный-отшельник, романтик и мечтатель, он посвящает себя научным изысканиям, не связанным с проблемами современности. Как человек, который находится в постоянном эстетическом возвышении над будничной жизнью, Аратов погружён в свои раздумья. Он человек мечты, живущий уединённо.

И вот Аратов впервые встречается с Klarой Милич. Прошло немало времени, чтобы герой, медлительный из-за своего темперамента, осознал свои чувства к Klаре. Влечение героя к Klаре Милич показывается писателем как бессознательное. Образ Клары расходится с представлениями героя об идеальной женщине, сформировавшимися у него с облика его матери. Он хотел бы, чтобы его возлюбленная походила на его мать. Страсть врывается в сердце Аратова насильственно, вопреки его идеалу.

После смерти Клары Аратов выпрашивает у её сестры фотографию. Постоянные напряжённые размышления о загадочной девушке приводят его к почти осязаемому её присутствию. Герой видит живой образ запомнившейся ему девушки с фотографии. «Он погасил свечку – и мрак водворился в его комнате <...> И вот ему почудилось: кто-то шепчет ему на ухо <...> Ни одного отдельного слова нельзя было уловить... Но это был голос Клары! Аратов открыл глаза, приподнялся, облокотился <...>это, несомненно, голос Клары!» [10, с.396]. Конечно, это невероятно, но правдоподобно, это галлюцинации. Такие герои, как Аратов, встречались в жизни. Аратов чувствовал, что нравственные понятия смещаются. Идеалы рушатся, зло в жизни не исчезает, и человек ощущает брэнность своего существования, подверженного самым разнообразным случайностям. Все эти противоречия обостряют интерес к вечным вопросам о жизни и смерти, гармонии и красоте. Аратов отрывается от обыденных забот ради веч-

ных истин, помогающих обрести уверенность, которой ему не хватало в жизни. Будучи реалистом, писатель добивается правдоподобия этой истории. Самоубийство актрисы – это трагедия для Аратова, с которой он не справился. Он не вынес одиночества и умирает.

В фантастических произведениях писателей-классиков наблюдаются разные виды фантастики. У Пушкина реалистическая фантастика передаёт душевные потрясения героев. У Лермонтова (повесть «Штосс») в фантастических обстоятельствах художник Лугин испытывает моменты творческого озарения. У Гоголя в «Петербургских повестях» мы видим гротескный реализм, фантастический гротеск. У Тургенева это «студийная» фантастика в его «таинственных» повестях. О Тургеневе Мопассан писал, что в своих фантастических произведениях он описывал то, что знал, пережил сам, создавая свои тексты с помощью воображения.

Исследователь В. А. Доманский пишет: «Писатель стремится расширить возможности воздействия своего творчества на читателя посредством обращения к смежным искусствам: музыке, живописи, архитектуре, скульптуре, театральному искусству и т.д.» [11, с. 160]. По его словам, в одной частной беседе Тургенев признался в своём желании с детства стать «пейзажистом». Убедительным свидетельством глубоких и разносторонних связей писателя с изобразительным искусством являются рисунки и карикатуры, которые были для писателя не случайными. Тургенев делал их осознанно, уточняя словесный портрет своих персонажей. Становление писателя-художника как искусного пейзажиста произошло в описаниях природы в его произведениях.

По словам Мопассана, Тургенев был прекрасным рассказчиком, он рассказывал свои невероятные истории так, что в них можно было верить, настолько они были правдоподобны. У слушателей кровь стыла в жилах от услышанного. Вот одна из таких историй. Будучи молодым и сильным, рассказчик однажды охотился в России. Весь день он пробродил в лесу, к вечеру вышел на берег тихой речки. Охотнику захотелось искупаться. Он бросился в воду и поплыл в освежающей, про-

хладной воде. Вдруг чья-то рука легла ему на плечо. Он обернулся и увидел чудовище, наподобие женщины с огромным лицом, с волосами, покрывавшими всё тело и пльвшими за спиной. Охотник почувствовал такой ужасный страх, который можно было испытать только при виде сверхъестественного. Обезумев, охотник не помнил, как очутился на берегу, чудовище с криком преследовало его. Парализованный страхом, охотник бежал из последних сил, когда мальчик, пасший в лесу коз, пришёл ему на помощь. Он отогнал кнутом чудовище и объяснил охотнику, что это сумасшедшая, которая живёт тут в лесу уже тридцать лет. Целыми днями плавает она в этой реке. Рассказчик добавил, что никогда в жизни не испытывал такого страха. Всё оказалось реальностью. Но описание этого невероятного, фантастического происшествия настолько правдоподобно, что осталось у охотника на всю жизнь. К этому можно только добавить русскую поговорку: «У страха глаза велики».

В заключение отметим, что, развивая реалистический художественный метод, Тургенев мог многообразно и глубоко передавать фантастический пафос реалистическим способом, то есть показывать невероятное правдоподобно. Для этого он использует следующие приёмы: рассказ часто ведётся от первого лица, делаются ссылки на свидетелей, создаётся фантастическая атмосфера, используются сновидения, бессознательное, что заставляет читателя верить в невероятное. Прочитав исследование Ю.Г. Нигматуллину, которая пишет: «Поискам прекрасного в мире «вечной» природы, в натуре человека всегда выражали стремление писателей вырваться за пределы уклада жизни, освободиться из плена конкретного исторического времени, придать своему идеалу универсальный общечеловеческий характер» [12, с. 25].

Тургенев расширял возможности реалистического художественного метода, придавая правдоподобие фантастическим произведениям, которые содержат в себе антропологизм в эстетическом идеале Тургенева, что усиливает пересоздающее начало, приводя к обновлённому, обогащённому фантастикой, реалистическому методу.

Библиографический список

1. *Вюру М.* Maupassant. Le Horla et autres récits fantastiques. Librairie Générale Française, 2007. 383р.
2. *Доманский В.А.* Изобразительное мастерство Тургенева и художественные открытия барбизонской школы // Тургеневские чтения. М.: Книжница, 2011. 15с.
3. *Курляндская Г.Б.* Литературная срединная Россия. Орел, 1996. 238 с.
4. *Курляндская Г.Б.* Литературная срединная Россия. Орел, 1996. 238с.
5. *Maupassant Guy.* Le Horla et autres récits fantastiques. Librairie Générale Française, 2007.383 р.
6. *Муратов А.Б.* Тургенев-новеллист. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1985. 185 с.
7. *Нигматуллина Ю.Г.* Национальное своеобразие эстетического идеала. Казань, 1970. 400 с.
8. *Поддубная Р.Н.* Концепция фантастического в позднем творчестве Тургенева. Идеино-художественная структура рассказа «Сон» // Восьмой межвузовский Тургеневский сборник. Курск, 1980. 8 с.
9. *Пустовойт П.Г.* И.С.Тургенев – художник слова. М.: Изд. МГУ, 1987. 302 с.
10. *Тургенев И.С.* Собр.соч.в12 т. М.: Худож.лит., 1975. Т.1. 400 с.
11. *Тургенев И.С.* Собр.соч. в 12 т. М.: Худож.лит., 1975. Т.8. 527 с.
12. *Тургенев И.С.* Собр.соч. в 12 т. М.: Худож.лит.,1975. Т.8. 527 с.

References

1. *Bury M.* Maupassant. Le Horla et autres récits fantastiques. Librairie Générale Française, 2007. 383p.
  2. *Domansky V. A.* Turgenev's fine craftsmanship and artistic discoveries of Barbizon school // Turgenev's readings. M.: Knizhnitsa, 2011. 15p.
  3. *Kurlyandskaya G. B.* Literary middle Russia. Orel, 1996. 238 p.
  4. *Kurlyandskaya G. B.* Literary middle Russia. Orel, 1996. 238 p.
  5. *Maupassant Guy.* Le Horla et autres récits fantastiques. Librairie Générale Française, 2007. 383 p.
  6. *Muratov A. B.* Turgenev-novelist. L.: Publishing house of Leningrad University press, 1985. 185p.
  7. *Nigmatullina Yu. G.* National originality of an aesthetic ideal. Kazan, 1970. 400 p.
  8. *Poddubnaya R. N.* The concept of the fantastic in Turgenev's later works. The ideological and artistic structure of the story "Sleep"// the Eighth Intercollegiate Turgenev's collection. Kursk, 1980. 8 p.
  9. *Pustovoit G. P.* I. S. Turgenev – the artist of the word. M.: Publishing House. Moscow state University, 1987. 302 p.
  10. *Turgenev I.S.* Collection of works in 12 volumes. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. Vol. 1. 400 p.
  11. *Turgenev I.S.* Collection of works in 12 volumes. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. Vol. 8. 527 p.
  12. *Turgenev I.S.* Collection of works in 12 volumes. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. Vol. 8. 527 p.
-

УДК 811.161.1

UDC 811.161.1

Е.Р. ИОАНЕСЯН

доктор филологических наук, кафедра иностранных
языков, Институт языкознания РАН
E-mail: ioanevg@mail.ru

E.R. IOANESJAN

Doctor of Philology, Department of foreign languages,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
E-mail: ioanevg@mail.ru

ПРЕДИКАТЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ: ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

EMOTIVE PREDICATES: PROTOTYPICAL SCENARIO AND SEMANTIC EVOLUTION

Статья посвящена описанию предикатов эмоционального состояния в синхроническом и диахроническом аспектах. Исследуются способы номинации эмоций, которые прослеживаются во внутренней форме слов, синхронной полисемии и фразеологии. Предлагается список семантических переходов, отражающих пути семантической эволюции предикатов эмоционального состояния. Исследование опирается на большой корпус толковых и этимологических словарей.

Ключевые слова: лексическая семантика, семантические переходы, диахрония, синхрония, внутренняя форма слова, полисемия.

The paper focuses on describing emotive predicates both synchronically and diachronically. Different ways of nomination of emotions which are reflected in the inner form of the word, synchronic polysemy and phraseology are considered. A set of semantic shifts is proposed to show the process of semantic evolution in lexical field of emotions. The study is based on a large corpus of explanatory and etymological dictionaries.

Keywords: lexical semantics, semantic shifts, diachrony, synchrony, inner form of the word, polysemy.

I. Основные положения

Интерес к диахроническим исследованиям в области лексической семантики определяется целями построения объяснительных моделей языка. См., например, у К.-П. Хербермана [8] об этимологии как науке о мотивационных связях и основах номинации, а также у О.Н. Трубачева: «Знание эволюции значения слова не безразлично для понимания его нынешней природы и структуры, поэтому суждение этимологии, должно интересовать, и оно так или иначе интересует, специалиста по современной лингвистической семантике, иначе проигрывает лингвистическая семантика» [7, с. 148]. В работе мы обращаемся и к этимологии слова, и к синхронной полисемии, поскольку между этими явлениями нет принципиальных различий, «синхроническое и диахроническое – лишь разные стороны одного и того же исторического процесса» [2, с. 17]. См. также в [3, с. 394]: «... синхронная полисемия представляет собою не что иное, как проекцию диахронического развития на синхронную плоскость, или, по выражению из [Толстой 1997: 15], «развернутую в пространстве диахронию»». Мы используем термин семантическая деривация для отношений семантической производности, связывающих между собой разные значения одного слова на уровне синхронной полисемии, и отношения между значениями слова в разные моменты его истории; см. подробно [3, с. 393-407].

При описании семантической деривации слов,

обозначающих эмоциональные состояния, мы пользовались аппаратом семантических переходов – «семантических соотношений вида ‘a’ → ‘b’, с указанием конкретных лексем (как минимум двух), в которых данный семантический переход представлен – синхронно или диахронически» [3, с. 401]. Нас будут интересовать переходы ‘a’ ↔ ‘эмоциональное состояние’. При этом ввиду ограниченности объема статьи основной материал будет касаться переходов ‘a’ ↔ ‘страх’, иногда мы будем приводить показательные примеры для других состояний (см. примечание 1).

II. Семантические переходы

Прототипический сценарий разных эмоций может содержать однотипные компоненты. Так, первопричиной многих эмоциональных состояний является оценка некоторого положения вещей как желательного или нежелательного для субъекта [1, с. 368]. Многие эмоциональные состояния сопровождаются неконтролируемыми физиологическими и/или контролируемыми, частично контролируемыми или неконтролируемыми поведенческими реакциями. Негативные эмоции могут предполагать действия субъекта для предотвращения наступления нежелательной ситуации и т.д. Изучая способы номинации эмоций, которые прослеживаются во внутренней форме слов, синхронной полисемии и фразеологии, мы обнаружили, что во многих случаях в их основе лежат указанные компоненты.

1. Причина состояния – мнение субъекта о том, что

имеет место (или будет иметь место) негативная / положительная ситуация Р.

Страх. Прототипический сценарий страха включает компонент опасность/негативная ситуация (см. примечание 2). Это лежит в основе переходов 'опасность'/'негативная ситуация' ↔ 'страх'. Примеров этого перехода много, приведем лишь некоторые из них:

1) 'опасность'/'негативная ситуация' ↔ 'страх':

(а) *Fear* (англ.) – 'страх'; исходным значением этого слова был смысл 'опасность': «Sb: OE: [sudden calamity, danger] 1. in OE peril; 2. ME A state of alarm or dread; 3. ME The state of fearing (smth)» [OUD] (см. в примечании 8 список источников и принятых сокращений).

(б) *Miseria* (лат.): 'горе, беда, несчастье, бедственное положение' и 'боязнь, страх' [ЛРС; ALD, LSL и др.].

(в) *Danger* (англ.). У существительного *danger* в конце 14 в. зафиксировано значение 'опасность', и это значение слово сохраняет до настоящего времени. Однако в истории Англии был период, когда у этого существительного отмечалось также значение 'робость'. В словарях указанное значение датируется первой четвертью XVI в.: «soyness – 1526» [OUD].

(г) *Uneasy* (англ.). Первым значением этого прилагательного (в настоящее время словари дают его с пометой «archaic») было значение 'трудный'; в XVII в. у прилагательного зафиксировано значение 'встревоженный, беспокойный' – в этом значении оно активно используется и в настоящее время.

(д) *Alarme* (франц.) имеет значения 'сигнал опасности' – 'тревога' [TR и др.]: «XIVe; it. all'arme «aux armes!» 1 ♦ Signal pour appeler aux armes, annoncer l'approche de l'en-nemi; ♦ Signal avertissant d'un danger. 2. Vive inquiétude en présence d'une chose alarmante» [PR].

2) 'страх' → 'опасность'/'негативная ситуация':

(а) *Timor* (лат.): 'страх' и 'предмет страха, ужас' (то, что каузирует, вызывает страх', т.е. опасная или неприятная ситуация) [ЛРС; DLF; NDL]. (б) *Terror* (лат.): 'страх' и 'предмет страха, устрашающее обстоятельство; страшная опасность' [ЛРС; LSL; DLF, NDL].

(в) *Metus* (лат.): 'страх, боязнь, опасение', с одной стороны, и 'опасность, угроза' [ЛРС], 'причина/предмет страха', с другой [ЛРС; LSL; NDL].

(г) *Craindre* (франц.): Основное значение глагола – 'бояться', но он имеет также значение 'опасно'; «*Ça craint: c'est dangereux, ou c'est mauvais*» [AD]. (д) *Panique* (франц.): 'паника' и 'опасность' *C'est sérieux, mais ce n'est pas la panique, remets-toi, mon petit vieux* (R. Sabatier. *Canard au sang*) [ГрГр]. 'Это серьезно, но ничего особенно страшного, успокойся, старина' (см. примечание 3).

Приведем по одному примеру семантического перехода 'причина эмоции' ↔ 'эмоция' для чувств жалости, отвращения, стыда и досады.

Жалость. Латинское прилагательное *miser* означало 'несчастный, обездоленный', образованный от него глагол *miseror* (депон.) использовался в значении 'иметь сожаление, испытывать сострадание, сочувствовать, соболезновать, жалеть' [ЛРС и др.]. Характерно, что в словарях часто отмечается, что состояние, описываемое прилагательным *miser* и его дериватами, (*miseria*,

misere), настолько плохо, что вызывает жалость, сочувствие, см, например, в [DLF]: «*Misere, misérablement, d'une manière digne de pitié*». Несчастный, обездоленный человек вызывает жалость, сочувствие: X страдает → У жалеет X-а.

Отвращение. Согласно мнению П. Розин и Э. Фаллон, эмоция отвращения жестко связывается с пищевым поведением [5, с. 271], при этом одной из причин пищевого отвержения является пища, которая имеет неприятный вкус или запах. Это объясняет семантический переход 'неприятный вкус' ↔ 'отвращение'. Переходов 'неприятный вкус' → 'отвращение' много, приведем один пример перехода 'отвращение' → 'неприятный вкус': у латинского слова *taedium*, обозначавшего чувство отвращения, развилось значение 'неприятный вкус или запах', см., например, [ЛРС и др.]: «(I) *dégoût, aversion, repugnance pour*; (II) *métaph. dans le sens objectif, objet de dégoût: Vetustus oleo taedium affert, l'huile en vieillissant rancit, prend un goût ou une odeur désagréable*» [GDL]. Переход 'отвращение к пище' → 'когнитивное отвращение' представлен во многих языках, напр., рус. *отвращение*, франц. *dégoût* и ит. *disgusto* и другие.

Стыд; позор. Латинское слово *decus* имело, среди прочих, значения 'славное деяние' и 'добродетель, нравственная высота'; *dedecus* имело противоположное значение 'позорное деяние, бесчестный поступок': *dedecus admittere* 'совершить бесчестный поступок'. Кроме того, у этого слова зафиксировано также значение 'стыд, позор, срам' [ЛРС; EDL и др.]. Таким образом, здесь можно усматривать переход 'причина стыда/позора' → 'стыд/позор' (бесчестный поступок → стыд/позор). Аналогичный переход представлен латинским прилагательным *prober*: 'позорный, постыдный, мерзкий' и производным от него существительным *probrum*: «(1) постыдный поступок, позорное дело: *insimulare aliquem probrum* Pl обвинять кого-л. в позорном поступке; 2) позор, срам: *inferte alicui probrum* С опозорить кого-л.» [ЛРС]. Интересно, что глагол *opprobare*, образованный от *probrum*, дает пример другого перехода от смысла 'постыдный поступок': 'постыдный поступок' → 'упрекать, ругать'.

Досада. Французское слово *dépit* произошло от лат. *despectus* 'презрение'. Значение 'презрение' слово утратило, но сохранилось значение 'chagrin mêlé de colère' [PR] ('смесь печали и гнева'), в основе которого лежит уязвленное самолюбие, оскорбленное достоинство, «*sentiments de la personne méprisée*» [TR]. (Из толкования мы видим, что между русской досадой и французским *dépit* нет полного соответствия.) Испанское *despecho*, когнат французского слова, демонстрирует аналогичный семантический переход: «*Enfado o resentimiento que se siente ante un desengaño o ante un menosprecio*» [GCD]. Семантический переход: 'причина досады' → 'досада' ['презрение' (→ уязвленное самолюбие) → 'досада'] (см. примечание 4).

Смушение, замешательство. Причиной смушения, замешательства может выступать внезапное вмеша-

тельство в осуществление планов и намерений человека. Это отразилось в развитии у французского глагола *déconcerter*, изначально означавшего ‘расстраивать планы, мешать их реализации’, смысла ‘привести в замешательство, смутить’ [PR; TR и др.].

Разочарование. Одной из причин разочарования человека является осознание, что его обманули или он сам обманулся. См., например в [1, с. 383]: «Если человек обманулся в ком-то, он может испытывать разочарование, если он просчитался, он может испытывать досаду». Примерами перехода ‘обман’ → ‘разочарование’ являются франц. *deception* и *décevoir*, исп. *decepción* [DRAE], исп. *chasco* [DRAE; GCD] и др. Другой причиной разочарования могут стать неприятные события в жизни человека, непредвиденные негативные изменения. Примером перехода ‘негативное событие’ → ‘разочарование’ являются английские *to disappoint* и *disappointment*. Глагол *to disappoint* был заимствован из французского языка в значении ≈ ‘лишить кого-л. должности’, позже у него появилось значение ‘разочаровать’. Этот семантический переход четко обозначен в OED: «disappoint early 15c., “dispossess of appointed office”, from M.Fr. *desappointer* (14c.) “undo the appointment, remove from office” from *des-* (see DIS- (Cf. *dis-*)) + *appointer* “appoint” (see APPOINT (Cf. *appoint*)). Modern sense of “to frustrate expectations” (late 15c.) is from secondary meaning of “fail to keep an appointment”». Любопытно, что у существительного *disappointment* значение ‘разочарование’ явилось основой для появления значения ‘неприятность’ [RHU и др.]: ... *and changed his plan before the others had had time to realize the disappointment* (Robert Louis Stevenson. *Treasure Island* (1883)). ... успел изменить план своих будущих действий, прежде чем прочие поняли, какая беда их постигла [НКРЯ]. Таким образом, в этом слове представлены два перехода: 1) ‘негативное событие Р’ (увольнение) → ‘разочарование’ и ‘разочарование’ → ‘негативное событие’. При этом исходное значение ‘увольнение’ было утрачено.

Судьба французского глагола *désappointer* необычна. В начале 17 в. у него тоже было отмечено значение ‘разочаровать’, впоследствии утраченное. В 18 в. французский глагол снова начал употребляться в этом значении, что признано считать калькированием английского глагола *to disappoint* [BW; PR; TR].

Следует отметить, что переход ‘причина эмоции’ ↔ ‘эмоция’ входит в более широкий класс переходов ‘причина ситуации Р’ ↔ ‘ситуация Р’. Подобные переходы возможны для предикатов, описывающих такие ситуации Р, прототипический сценарий которых включает указание на причину Р. Такова, например, ситуация наказания: (а) *Грѣхъ* (др.рус.) имело значение ‘ошибка, грех’ и ‘наказание’; см. в [СР]: «тѣсѣрѣа, наказаніе: – Иже есть рѣзаніе и бытіе тѣ же есть грѣхъ. *Златостр. сл. 7.*». (б) *Noxa* (лат.): ‘вред, ущерб’, ‘проступок’ – ‘наказание, кара’ [ЛРС; GDL и др.].

2. Одним из важных компонентов прототипической ситуации страха является ощущение неконтролируемости ситуации: «Интенсивный страх переживается как

чувство абсолютной незащищенности и неуверенности в собственной безопасности. У человека возникает ощущение, что ситуация выходит из-под его контроля» [5, с. 312]. Невозможность предотвратить наступление опасной ситуации может обуславливаться подчиненным, зависимым положением человека (человека, находящегося в рабстве, заключении и т.п.). Приведем несколько примеров перехода ‘подчиненное положение/зависимость’ – ‘страх’. (а) Английское прилагательное *caitiff* (англ.) – ‘трусливый, малодушный’ образовано от старо-французского *captive* – ‘пленный; лишенный свободы’, которое восходит к латинскому *captivus* [OED; OUD]. (б) Испанское прилагательное *detenido*, образованное от причастия глагола *detener* – ‘останавливать; задерживать; арестовывать’, имеет значения ‘арестованный; заключенный’ и ‘малодушный, трусливый’ [DRAE]. (в) Итальянское существительное *soggezione* имеет значения ‘подчинение, подчиненность, зависимость’ и ‘робость, страх’; *avere soggezione* – ‘трусить’; *mettere in soggezione* – ‘пугать’ [VT]; глагол *insoggettire* имел значение ‘подчинять, покорять’, в настоящее время у него отмечается значение ‘пугать’; *insoggettirsi* – ‘пугаться’ [GDH].

Второй фактор, определяющий неспособность человека контролировать ситуацию, – это физическая и/или моральная слабость. Слабый человек ассоциируется с трусостью, сильный человек – с мужеством. Примеров очень много, приведем несколько: (а) Английский глагол *to dismay* ‘лишать мужества; пугать’ восходит к *exmagare (Vulgar Latin) – ‘лишать силы’ [OED]. (б) *Infirmus* (лат.): ‘бессильный, слабосильный’ – ‘трусливый, малодушный’ [ЛРС; DLF; JWH]. (в) *Blando* (исп.): ‘слабый’ – ‘трусливый, трусоватый’ [ИСПС; DCD; DRAE].

3. Желание субъекта избежать неприятной для него ситуации. В случае страха это желание проявляется в следующем:

1.1. Неконтролируемые (частично контролируемые, см. примечание 5) поведенческие реакции: бегство, попытки стать незаметным и т.д. Это лежит в основе переходов ‘убегать/отступать’ ↔ ‘страх’, ‘съежиться’ ↔ ‘страх’ и т.п., широко представленных в языке:

(1) ‘убегать/отступать’ ↔ ‘страх’: (а) Глагол *fugere* (лат.) и производные от него; *fugere*: ‘убегать’ – ‘избегать; бояться; остерегаться’; *fugax*: ‘готовый бежать’ – ‘боязливый, робкий’; «*Fugax contra insequentes crocodilus*. Plin. *Coward, et qui s'enfuit*» [EDL]; «*timide, peureux, prêt à s'échapper*» [OLD]; *fuga*: «*action d'éviter, aversion, crainte*» (см. примечание 5) [JWH]; «*aversion, répugnance, horreur, action d'éviter quelqu'un*» [OLD]; *fugae*: ‘беглецы’ – ‘трусы’; «*fugae merae Pt* – истинные трусы (*o neumelyx gladiatorax*)» [ЛРС]; существительное *fugillas* (исп.) – ‘робкий (нерешительный) человек’ [ИСПС], ‘беспокойный, нервный’ [GCD]. (б) Английское существительное *scuttler* – ‘трус’ образовано от глагола *to scuttle* – ‘поспешно бежать, удирасть; отступать в беспорядке, драпать’. Существительное *scuttle* имеет значения ‘стремительное бегство’, ‘стремление избежать опасности’ и ‘трусость’ [НБАРС]. (в) Глагол

to fleu (Шотландия) происходит от др.-англ. глагола *āflygan*: префикс *ā-* + *-flēgan*, *-flygan* (каузатив от глагола *flee* – ‘убегать, спасаться бегством’) (см. примечание 7). В современном языке у этого глагола, помимо исходного значения ‘заставить убежать’ (диал. [CED]), отмечено значение ‘испугать’ [AHD; MWD и др.]. (г) *Recoil* (англ.) является дериватом глагола *to recoil*, который произошел от ст. франц. *reculer* – ‘двигаться назад, отступать’. Со временем существительное развило значение ‘чувствовать ужас, отвращение’: *Renee felt herself recoil at the very thought* [OD]. (д) Английский глагол *to shy*, имеющий значения ‘избегать чего-л.’, ‘отступать’ и ‘пугаться’ происходит от прилагательного *shy*, которое восходит к протогерм. **skeukh(w)az* – ‘боязливый’: «late Old English *sceoh* “timid, easily startled”, from Proto-Germanic **skeukh(w)az* “afraid”» [OED].

(2) ‘съежиться’ ↔ ‘страх’: (а) Испанский глагол *azorrillarse* имеет значения ‘трусить’, ‘прятаться’ и ‘свернуться клубочком, съежиться’ [ИСРС; БИРСЛА]. (б) Испанский глагол *achumicarse* в Никарагуа имеет значения ‘робеть’ и ‘сжиматься, съеживаться’ [БИРСЛА].

1.2. Контролируемые действия, продиктованные страхом:

1. Действия в ситуации опасности – например, попытки спрятаться, отказ от продолжения деятельности. Это лежит в основе семантических переходов вида ‘страх’ ↔ ‘прятаться’ ‘страх’ ↔ ‘отказ от действий’, ‘страх перед X’ ↔ ‘меры по предотвращению X’:

‘страх’ ↔ ‘прятаться’: (а) Испанский глагол *achantar* имеет значение ‘пугать, запугивать’, а прономинальная форма глагола используется в значениях ‘пугаться’ и ‘прятаться’. См., например, [DRAE]: «1. tr. Acoquinar, arabullar, achicar a alguien; 4. prnl. coloq. Aguantarse, agazaparse o esconderse mientras dura un peligro». (б) Испанский глагол *encadarse* – ‘трусить, бояться’ в Арагоне и Наварре выступает также в значении ‘прятаться, скрываться’, см., например, в [DLE]: «1) Alava. Navarra. Meterse en el cado, agazaparse; 2) fig. Acoquinarse, acobardarse».

‘страх’ – ‘отказ от действий’, ‘страх перед X’ – ‘меры по предотвращению X’: (а) Глагол *ahuevarse* (исп.) в Латинской Америке имеет значение ‘испугаться, трусить’ [БИРСЛА]. Кроме того, у этого предиката словари зафиксировали значение ‘прекратить что-л. делать из страха’: «Dejar de hacer o interrumpir (una persona) un asunto por miedo» [GCD]. В Коста-Рике у него развилось также значение ‘не хотеть ничего делать’ [БИРСЛА, DRAE и др.]. (б) Значение ‘трус; трусливый’ у английского *recreant*, как отмечают этимологические словари, производно от исходного значения ‘человек, признающий себя побежденным’, т.е. человек, отказавшийся от продолжения борьбы. Отказ от борьбы ассоциируется с трусостью, и язык отразил эту связь развитием у *recreant* значения ‘трус’.

2. Действия, направленные на предупреждение опасности. Это лежит в основе семантических переходов вида ‘охранять’ – ‘страх’, ‘заботиться’ – ‘страх’, ‘следить’ – ‘страх’ и т.п. Приведем несколько примеров:

(а) У немецких глаголов *sorgen* и *besorgen* в словарях отмечаются значения ‘заботиться (о ком-л., чем-л.)’ и ‘опасаться’; аналогичные значения имеют существительные *Sorgen* и *Besorgen*. (б) Латинский глагол *custodire* имел значения: 1) охранять, защищать, нести охрану: *provinciam custodire* защищать провинцию; 2) наблюдать: *siderum motus custodire* наблюдать движение звезд; следить, иметь надзор; в) *se custodire* ‘остерегаться’ [ЛРС]; *custodite* осторожно, осмотрительно [ЛРС].

Для чувства отвращения, которое рассматривается как реакция отторжения, основанная на негативной когнитивной оценке объекта, характерно стремление удалиться от источника неприятных ощущений: «... испытывая отвращение к чему-либо, человек прежде всего стремится устранить объект отвращения или отстраниться от него. В тех случаях, когда отвращение вызвано неприятным запахом или вкусом, вы можете почувствовать тошноту, словно ваш желудок говорит «фу». Но даже психологическое отвращение – отвращение, вызванное исключительно когнитивными причинами и не сопровождающееся физической тошнотой, – тем не менее побуждает вас к отстранению от неприятного объекта» [5, с. 275]. В языке это проявляется в виде семантических переходов вида ‘отворачиваться’ – ‘отвращение’, ‘отталкивать’ – ‘отвращение’, ‘отклонять’ – ‘отвращение’, ‘отказываться’ – ‘отвращение’ и т.п. Например: (а) *Declinatio* (лат.): ‘уклончивое движение’ – ‘отвращение’ [ЛРС], см. также в [GDL]: «action de décliner quelque chose, с.-à-d. de détourner, de faire dévier. II) au fig., action de se détourner de quelque chose, de l’éviter, aversion, antipathie, répugnance». (б) *Recusatio* (лат.): ‘отказ’ – ‘отвращение’ [ЛРС; DLF и др.]; (в) *Repel* (англ.); в начале 15 в. имело значение ‘удалять; прогонять’, в начале 19 в. у него отмечено значение ‘вызывать отвращение’ [OED; OUD]: «early 15c., “to drive away, remove”, from O.Fr. repeller, from L. repellere “to drive back”, from re- “back” + pellere “to drive, strike” (see PULSE (Cf. pulse) (1)). Meaning “to affect (a person) with distaste or aversion” is from 1817» [OED]. (г) *Aversion* (франц.) – ‘отвращение’, от лат. *aversio* (de *avertere*) – ‘обращение, отворачивание в другую сторону’ [PR; BW]; характерно, что у другого производного от глагола *avertere* – *āversatio* отмечено значение ‘отвращение’ [ЛРС; GDL и др.]; у *aversio* же в классическую эпоху не было этого значения, оно появилось позже [BW].

Любопытно, что у английского *aversion*, заимствованного из французского языка в значении ‘отворачиваться’ в конце 16 в. (теперь уже устаревшее) и развившее к середине 17 в. значение ‘отвращение’, сейчас словари отмечают значение ‘попытка избежать неприятную ситуацию’ [AHD]. Таким образом, на новом витке развития английское слово отразило характерную для отвращения «реакцию отторжения».

Кроме того, если чувство отвращения связано с какой-то деятельностью, у человека возникает стойкое нежелание заниматься этим. В языке это отражается в переходах ‘отвращение к V’ → ‘нежелание делать V’. Так, у того же английского *aversion* в словарях отмеча-

ется значение 'нежелание, неохота': «a feeling of strong dislike or of not wishing to do something: *I felt an instant aversion to his parents. She has a deep aversion to getting up in the morning*» [CAL].

4. Контролируемые поведенческие и речевые реакции.

Для некоторых эмоций характерны определенные внешние проявления (см., напр., [1, с. 369]). Так, ликование обязательно проявляется в восклицаниях, плясках, песнях и т.п., любовь – в частности, в поцелуях и т.д. Это объясняет переходы типа 'танцевать' → 'ликовать', 'прыгать' → 'ликовать', 'целовать' → 'любить', 'радостно восклицать' → 'ликовать' и т.д.: (а) *Exsultare* (лат.): 'прыгать' – 'ликовать' [ЛРС; DLF и др.]. (б) *Jubilare* (лат.) 'издавать громкие крики, торжествующие возгласы' – 'ликовать' [ЛРС]. (в) Русское *ликовать*, образованное от *лик*, которое было заимствовано «из гот. *laiks* "танец", *laikan* "скакать, прыгать"» [ФЭ]. (г) *Osculari* (лат.) 'целовать' – 'нежно любить' [ЛРС; GDL и др.]. д) Первым значением английского глагола *to crow*, (по одним источникам ономотопея, по другим – заимствование из германских языков) было 'издавать громкий крик, о петухе'; позже в словарях зафиксированы значения 'издавать радостные звуки, о людях' и 'громко радоваться; хвастаться'. Причем последнее из этих двух значений – 'громко радоваться; хвастаться', отмечено более ранней датой 1522 г., а первое – 1579 г. [OUD и др.]. Таким образом, здесь можно предположить следующую цепочку переходов: 'крик петуха' → 'ликование' → 'радостные звуки, восклицания людей' (пение петуха, очевидно, ассоциировалось с радостным, победным криком).

Бурная радость, ликование может вызывать желание украсить все вокруг, чтобы все соответствовало радостному ощущению. Это, по-видимому, объясняет переход, имевший место во французском глаголе *pavoiser*: от значения 'поднять флаги на корабле в ознаменование радости' → 'украшать флагами здания в честь праздника' → 'ликовать' [PR].

5. Неконтролируемые поведенческие и речевые реакции

Кроме того, эмоции могут вызывать неконтролируемые поведенческие и речевые реакции. Печаль и скорбь, например, могут сопровождаться стонами и определенными жестами, что находит отражение в языке, например: (а) *Gemitus* (лат.) 'стон' – 'скорбь; печаль' [ЛРС и др.]. (б) *Plangere* (лат.): «*plangi O* бить себя в грудь (от отчаяния, в скорби); *p. aliquem Tib* предаваться скорби по ком-л., горестно оплакивать кого-л.» [ЛРС].

6. Неконтролируемые физиологические реакции.

Для страха это – потоотделение, дрожь, дефекация, испускание кишечных газов, опорожнение мочевого пузыря, изменение цвета лица, элевация волос и др. Ввиду ограниченности объема далее мы приводим по одному-два примера на семантический переход: (1) потоотделение: *to sweat* (англ.): 'потеть' – 'волноваться, тревожиться', например: *Don't sweat over the bills*. [АНД]. (2) Опорожнение мочевого пузыря: *pisser*

(франц.) – 'мочиться', *pisser dans son froc* – 'трусить, дрейфить' [ГрГр]; (3) испускание кишечных газов: *windy* (англ.): 1) страдающий от газов; 2) боязливый [НБАРС; CED]; (4) дефекация, понос: *zurrarse*: (исп.): 1) испражняться; 2) трусить [ИСПС; DRAE и др.]; *zurrón* (М.) – 'трусливый' [БИРСЛА]; *colique* (франц.) – 'понос', *avoir la colique* – 'бояться, трусить' [ГрГр; AD и др.]; (5) дрожь: от и.-е. корня *tresō произошло много слов со значением 'дрожать' и 'бояться', в частности, рус. *трус* [ФЭ, Т. 4, с. 110; от другого и.-е. корня *tremō тоже образовано много слов, имеющих указанную полисемию, например, лат. *tremere* и производные от него [ЛРС и др.]; (6) холод: *raggelare*: (ит.): 'охлаждать, замораживать' – 'приводить в ужас, трепет' [VT]; (7) изменение цвета лица: *to appall* (англ.) – 'ужасать'; образован от ст.-франц. *apalir* 'побледнеть или заставить побледнеть' [OED]; (8) элевация волос: глагол *horrere* (лат.) имел значения 'торчать кверху; вставать дыбом (о волосах)', 'дрожать (от холода)' и 'бояться' [ЛРС; NDL и др.]; *erizarse* (исп.) – 'становиться дыбом (о волосах)' и 'бояться' (П.-Р.) [ИСПС]; (9) судороги: глагол *acalambrear* (исп.), образованный от существительного *calambre* 'судороги; спазм', имеет значения 'вызывать судороги' и 'пугать, запугивать' (Ур.) [БИРСЛА; DRAE].

Приведем также по одному примеру для других эмоций.

'Отвращение' – 'тошнота, рвота' (рвота входит в прототипический адаптивный комплекс для отвращения): *nausea, nauseare* (лат.); *nausée, haut-le-coeur* (франц.) и др.; 'Отвращение' – 'морщить нос' (см. у К. Изарда о «сморщенном носе» как мимическом проявлении реакции отвращения [5, с. 274]): «*corrugare nares* заставить сморщить нос (*m. e.* внушать отвращение)» (лат.) [ЛРС; GDL и др.].

'Раздражение' – 'элевация волос': франц. *se hérissier* [PR; TR и др.].

'Сильное удивление' – 'затрудненное дыхание; одышка': *époustopler, couper le souffle, souffler* (франц.) [PR; TR и др.]; 'сильное удивление' – 'взъерошенные волосы': *ébouriffer* (франц.). 'Сильное удивление' – 'оцепенение' (полная обездвиженность с мутизмом и ослабленными реакциями на раздражение): *stupor* (лат.) [ЛРС, DLF и др.], производное от него *stupeur* (франц.) [PR, TR и др.].

'Стыд' – 'изменение цвета лица': *erubescere* (лат.), *rubor, ruborizarse* (исп.); *to blush, blushful* (англ.) и др.

Итак, мы попытались описать один из путей семантической эволюции предикатов эмоционального состояния, показать отношения семантической производности как на уровне синхронной полисемии, так и между значениями слов в разные периоды его истории. Наш анализ позволил сделать вывод, что в основе семантических переходов вида 'а' ↔ 'эмоция', независимо представлены ли эти переходы синхронно или в диахронии, в качестве элемента 'а' часто лежат компоненты прототипических сценариев конкретной эмоции, такие как представление о том, что имеет/имела или будет иметь плохая или, наоборот, хорошая ситуация для

субъекта эмоции; ощущение неконтролируемости ситуации для чувства страха; попытки избежать неприятной ситуации; неконтролируемые физиологические реакции субъекта на ту или иную эмоцию и т.п. Мы предполагаем также, что семантическая эволюция предикатов других семантических классов тоже может быть связана с прототипическими сценариями ситуаций, соотносящихся с этими предикатами.

Примечания

1. В статье частично используются идеи, изложенные в предшествующей работе автора [4], однако добавлены новые положения и существенно расширен материал исследования.

2. Существует несколько разновидностей страха, см., например, [3, с. 530-546], тем не менее представляется возможным постулировать прототипический сценарий страха, который включает следующие компоненты: опасность/негативная ситуация; ощущение неконтролируемости ситуации; желание субъекта избежать опасной ситуации; неконтролируемые физиологические реакции на страх.

3. Показательно, что этимологически родственные слова в одних языках имеют значение 'страх', в других – значение 'опасность'. См., например, словарную статью русского глагола *бояться* в словаре М. Фасмера: «бояться бояться боюсь, укр. боїтися, ст.-слав. боѣти съ φοβέσθαι, болг. боѣ се, сербохорв. бојати се, словен. bojáti se, bátl se, чеш. báti se, польск. bać się, в.-луж. bojeć so, н.-луж. bojaś se. Родственно лит. bájùs «страшный», báimė «страх», báilė «боязнь, страх», bijótiš «боять-ся», др.-инд. bháyatē, bibhēti «боится», bhītás «боящийся», авест. bayente «страшить, пугать», др.-ирл. báigul «опасность» (Педерсен, Kelt. Gr. 1, 56)» [ФЭ].

4. Следует сказать, что одна и та же негативная ситуация может лежать в основе номинации разных эмоциональных состояний в разных языках. Так, например, франц. *dommage* является примером перехода 'нанесение ущерба, вреда' → 'сожаление' (рус. *сожалеть* 1, см. [Зализняк 2006, с. 93]), а исп. *agraviar* и пол. *uszkadzać* – примером перехода 'нанесение ущерба, вреда' → 'обида, оскорбление'. То, что выбирает язык в качестве способа номинации, определяется множеством разных факторов, и результат предсказать невозможно: «семантическая производность в общем случае обладает свойством мотивированности, но не обладает свойством выводимости» [3, с. 35-36].

5. В некоторых случаях бегство является импульсивной, неконтролируемой реакцией на опасную ситуацию, в других – осознанным поведением перед лицом опасности.

6. Ужас и отвращение часто совмещаются в одном чувстве, ср. англ. *horror*. И ужас, и отвращение вызывают одинаковую реакцию – желание убежать от опасного или неприятного объекта. См., например, итальянский глагол *rifuggire*, в котором сочетаются значения 'убегать', 'избегать, увиливать' и значение 'чувствовать отвращение'.

7. «Origin of Fley: Middle English flayen, from Old English āflēgan, āflūgan, from ā-, ar-, perfective prefix + -flēgan, to put to flight» [MWD].

8. Источники и принятые сокращения

БИРСЛА – Большой испанско-русский словарь. Латинская Америка / Волкова А. С., Михеева Н.Ф., Кузнецов В.В. и др. Под ред. Н. М. Фирсовой. М.: ИнфраМ, 2011. 725 с.

ГрГр – Гринева Е. Ф., Громова Т.Н. Словарь разговорной лексики французского языка (на материале современной художественной литературы и прессы). М.: Русский язык, 1988. 640 с.

ИСРС – Испанско-русский словарь / Загорская Н. В., Курчаткина Н.Н., Нарумов Б.П. и др. Под ред. Б. П. Нарумова. М.: Русский язык, 1988. 832 с.

ЛРС – Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. Изд. 2-е, переработ. и доп. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.

НБАРС – Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1993-1994.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка // www.ruscorgo.ru.

СР – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В трёх томах. Санкт-Петербург, 1890–1912. [Electronic resource]. Access mode: <http://etymolog.ruslang.ru>.

ФЭ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4

томах Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. I–IV.

AD – Doillon A. Dictionnaire de l'argot. P.: Robert Laffont, 2010. 1770 p.

AHD – The American Heritage Dictionary of the English Language, 5th edition Copyright © 2013 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company [Electronic resource]. Access mode: <http://education.yahoo.com/reference/dictionary>.

ALD – Ausführliches Lateinisch-deutsches Handwörterbuch von Karl Ernst Georges. 1913–1918. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.zeno.org/Georges-1913>.

BW – Bloch O., Wartburg W. Dictionnaire étymologique de la langue française. P.: Presses Universitaires de France. 5ème édition, 1968. 682 p.

CAL – Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press [Electronic resource]. Access mode: <http://dictionary.cambridge.org>.

CED – Collins English Dictionary. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.collinsdictionary.com>.

DCD – Diccionario Clave: Diccionario de uso del español actual (con sinónimos y antónimos) 9th Edition. © Ediciones SM, 2012. [Electronic resource]. Access mode: <http://clave.smdiccionarios.com>.

DLE – Diccionario de la Lengua Española General Ilustrado Alkona, Innovación de Productos y Servicios SL, 1995. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.diclib.com>.

DLF – Gaffiot F. Dictionnaire latin-français. P., 1934. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.lexilogos.com>.

DRAE – Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. Madrid, 2015. [Electronic resource]. Access mode: <http://lema.rae.es/drae>.

EDL – R. Estienne. Dictionarium latinogallicum. P., 1522. [Electronic resource]. Access mode: <http://ru.scribd.com>.

GCD – Gutiérrez Cuadrado J. Diccionario Salamanca de la Lengua Española. [Electronic resource]. Access mode: http://sal_es.esacademic.com.

GDH – Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli. Copyright © Hoepli 2011. [Electronic resource]. Access mode: <http://dizionari.repubblica.it/italiano>.

GDL – Grand dictionnaire de la langue latine sur un nouveau plan par Napoléon Theil, d'après le dictionnaire de William Freund (1929). Traduit en Français. Paris, Librairie de Firmin-Didot. [Electronic resource]. Access mode: http://www.lexilogos.com/latin_dictionnaire.

JWH – Jeanneau G., Woitrain J.-P., Hassid J.-C. Dictionnaire Latin-Français. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.prima-elementa.fr>.

LSL – Lewis & Short. A Latin Dictionary (1879). [Electronic resource]. Access mode: http://short_latin_la_en.enacademic.com.

MWD – Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.m-w.com>.

NDL – Nouveau dictionnaire latin-français par Edouard de Suckau. P., 1865. [Electronic resource]. Access mode: <https://books.google.fr/books>.

OD – Oxford Dictionaries. Oxford University Press, 2016. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.oxforddictionaries.com>.

OED – Harper D. Online Etymology Dictionary 2011–2015 // <http://www.etymonline.com>.

OLD – Olivetti E., Olivetti F. Dictionnaire Latin – Français. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.grand-dictionnaire-latin.com>.

OUD – The Oxford Universal Dictionary on historical principles. Third edition, revised with addenda. Oxford University Press, Amen House, London E.C., 1955.

PR – Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française par Paul Robert. P.: Dictionnaire LE ROBERT, 1970. 1969 p.

RHU – Random House Unabridged Dictionary, Copyright © 1997, by Random House, Inc. [Electronic resource]. Access mode: <http://dictionary.infoplease.com>.

TR – Le Trésor de la langue française informatisé. [Electronic resource]. Access mode: <http://atilf.atilf.fr>.

VT – Vocabolario Treccani. Istituto dell'Enciclopedia Italiana. 2013. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.treccani.it/vocabolario>.

Библиографический список

1. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. *Виноградов В.В.* История слов. М.: Толк, 1994. 1138 с.
3. *Зализняк А. А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
4. *Иоанесян Е.Р.* Семантические переходы в лексическом поле страха // Научный диалог. № 12 (48), 2015. С. 81-92.
5. *Izard K.* Психология эмоций. Перев. англ. СПб.: Издательство «Питер», 1999. 464 с.
6. *Толстой Н.И.* Избранные труды. Славянская лексикология и семасиология. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 520 с.
7. *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 147-179.
8. *Херберман К.-П.* Компаративные конструкции в сравнении. К вопросу об отношении грамматики к этимологии и языковой типологии // Вопросы языкознания, № 2, 1998. С. 43-73.

References

1. *Aprsjan J.D.* Integral Description and Sistemic Lexicography. Moscow: School: «Yaziki Russkoj Kulturi», 1995. 767 p.
  2. *Vinogradov V.V.* The history of words. Moscow: Tolk, 1994. 1138 p.
  3. *Zaliznjak A. A.* Polysemy in language and ways of its representation. Moscow: Yaziki Slavjanskih Kultur, 2006. 672 p.
  4. *Ioanesjan E.R.* Semantic Transitions in Lexical Field of Fear // Scientific dialogue, № 12 (48), 2015. Pp. 81-92.
  5. *Izard K.* The Psychology of Emotions / (transl. from English). Spb: Piter, 1999. 464 p.
  6. *Tolstoj N.I.* Selected works. V. I. Slavic Lexicology and Semasiology. T. I. Moscow: Yaziki Russkoj Kulturi, 1997. 520 p.
  7. *Trubatchov O.N.* Etymological Research and Lexical Semantics // Principles and Methods of Semantic Studies. Moscow: Science. 1976. Pp. 147-179.
  8. *Herbern K.P.* Comparative Constructions in Comparison: Grammar in relation to Etymology and Typology // Journal of Linguistics, № 2, 1998. Pp. 43-73.
-
-

Н.В. КУРГУЗОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: marusia_nb@mail.ru

N.V. KURGUZOVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of history of Russian literature XI-XIX centuries, Orel State University named after I.S. Turgenyev
E-mail: marusia_nb@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СОБИРАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРА ОРЛОВСКОГО КРАЯ

SOME RESULTS OF COLLECTING AND STUDYING FOLKLORE OF THE OREL REGION

В статье рассматривается история собирания и публикации традиционного фольклора Орловского края начиная с XIX века. Анализируются подходы к публикации орловского фольклора и основные сборники фольклорных текстов. Прослеживаются основные тенденции в исследовании традиционного и современного фольклора региона.

Ключевые слова: собирание, фольклорные сборники, региональный фольклор.

The article considers the history of collecting and publishing the traditional folklore of the Orel region., starting in the 19th century. The author analyzes the approaches to publishing the Orel folklore and the major collections of folklore texts. The main trends in the study of the traditional and modern folklore of the region are tracked.

Keywords: collecting, folklore collections, regional folklore.

История собирания и изучения фольклора Орловской области насчитывает более ста пятидесяти лет. Данная статья ни в коей мере не претендует на исчерпывающее изложение этой истории, а лишь намечает ее некоторые вехи. В обзоре публикаций и исследований мы делали акцент на филологический и этнографический аспекты изучения фольклорных текстов. При создании этой статьи мы опирались на данные библиографических указателей «Русский фольклор» [1-10] и «Традиционная культура Орловщины» [11].

Фольклор Орловского края находится в центре внимания исследователей с 40-х годов XIX века. Одной из самых ранних публикаций календарного и свадебного фольклора стала статья в журнале «Северное обозрение» (1849)¹. Систематическая же собирательская работа связана с именем Петра Киреевского и его последователей. Именно тогда П.В.Киреевский совершил первую фольклорную экспедицию по Орловской губернии. С этого времени и началась профессиональная запись произведений устного народного творчества. Одним из первых в этой серии работ вышел сборник М. Стаховича (1851-1854), содержащий в себе помимо текстов лирических песен музыкальные ноты с аранжировками народных мелодий для фортепьяно и семиструнной гитары. В сборник вошли песни, записанные в Воронежской, Тамбовской и Орловской губерниях².

Судьба материалов, собранных П.В. Киреевским

и его корреспондентами, оказалась очень сложной. Общество любителей Российской словесности получило в свое распоряжение архив П. Киреевского в феврале 1860 года и тотчас приступило к его разработке. Сам Киреевский, умерший в 1856 году, успел обнародовать очень немногое. На протяжении 60-70-х годов XIX века Общество издало под редакцией П.А. Бессонова десять выпусков былевых и исторических песен, шесть выпусков духовных стихов и значительное количество белорусских песен. После этого работа прервалась почти на двадцать лет. В 1907 году работа возобновлена под руководством В.Ф. Миллера и М.Н. Сперанского, выпустивших Новую серию. Эта серия содержит лирические песни обрядовые и необрядовые. В 1911 году удалось издать первый выпуск, объемом 22 печатных листа. Осенью 1917 года под руководством М.Н. Сперанского стал печататься второй выпуск Новой серии, который должен был стать последним, но в связи с революционными событиями и тяжелыми условиями жизни вышла только первая часть второго выпуска. Лишь в 1929 году оказалось возможным довести издание до полного конца. Во вторую часть второго выпуска были включены и недостающие материалы Собрания Киреевского из архива Бессонова. Бумаги Бессонова по его смерти были приобретены П. Щукиным. И недостающая часть Собрания была обнаружена в бумагах П. Щукина, хранившихся в ГИМ, таким образом, была дополнена часть необрядовых песен, главным образом игровых, были найдены и пятьдесят песен в записи А. Пушкина. В сборник 1929 года вошли необрядовые песни Тульской, Калужской, Рязанской, Тамбовской, Орловской, Симбирской, Саратовской, Оренбургской, Уфимской,

1 Орловская старина: (Из записок тамошнего сторожила) // Северное обозрение. 1849. т.2. №9. с. 774-785.

2 Собрание русских народных песен. Текст и мелодии собрал и музыку аранжировал для фортепьяно и семиструнной гитары М.А. Стахович. СПб, 1851-1854. – тетр. 1-4.

Казанской, нижегородской, Владимирской губерний. Песни, собранные в Орловской губернии, представлены номерами 1925-2356³. Однако и в этом случае не были опубликованы все материалы из Собрания Киреевского. В томе 79 серии «Литературное наследство» (1968) были помещены коллекции песен, собранные для П.В. Киреевского русскими писателями из вновь найденных частей архива фольклориста. Песни группируются вокруг имени собирателя безотносительно к географическому принципу. Исходя из фактов биографии собирателя, можно предположить регион собирания⁴. В 1986 году Академией Наук СССР были изданы два тома записей П.И. Якушкина в Собрании П. Киреевского из архивов П. Киреевского и П. Бессонова. Записи расположены в хронологическом порядке и отражают путь формирования методики собирательской работы в сознании фольклориста⁵.

Начинания П. Киреевского в начале двадцатого века воспринимались современниками как часть истории минувшего столетия и становились приметой литературно-общественной жизни эпохи. Так, воспоминания о работе П. Киреевского вместе с воспоминаниями об исполнении народных песен и драм крепостными И. Тургенева вошли в книгу Н.М. Гутьяра «Иван Сергеевич Тургенев»⁶. О деятельности П. Киреевского писал М. Гершензон в книге «Образы прошлого» (1912). Помимо подробного портрета П. Киреевского в очерке можно найти и историю собирания народных песен, создания знаменитого Собрания⁷.

В настоящее время информацию о роли Орловского края в судьбах П.В. Киреевского и П.И. Якушкина посвящены работы многие работы, в том числе и Б.А. Леоновой⁸. Автор опирается не только на ранее опубликованные биографии, но и на вновь выявленные и малоизвестные материалы, в том числе – собственные изыскания. Издание снабжено иллюстрациями и приложениями, содержащими, в частности, труднодоступные ныне документальные и мемуарные свидетельства, тексты, принадлежащие перу самих фольклористов.

Собиранием народных песен в Орловской гу-

бернии занимался не только П.В. Киреевский. К сожалению, остались неопубликованными песни, собранные В. Алексеевым и Н. Каревым в Орловской и Новгородской губерниях в 1898 и 1899 годах.⁹ Т.А. Мартемьянов размышлял на тему особенностей бытования «Комарицкой» и «Барыни», практически забытых для современного крестьянина, благодаря скандальному содержанию текстов. Исследователь публикует «неопальные» куплеты этих песен и предлагает вниманию читателя размышления об исторической подоплеке возникновения этих сюжетов в Орловской губернии, связывая их содержание с общим характером населения губернии в том виде, в каком оно существовало при Смутном времени. В качестве аргументов автор предлагает сопоставление песенных и исторических персонажей¹⁰.

В.Н. Добровольский в обеих своих статьях предлагает вниманию читателей сопоставительный анализ фольклора Орловской и других сопредельных областей. Так в статье «Некоторые поверья, песни и обряды Орловской и Калужской губерний» (1902) большую часть работы занимает публикация календарного (овсень, масленица, Чистый понедельник, Петров и Ильин дни) и семейного (крестины и сватовство) фольклора орловской губернии (с. Сабурово Мценского уезда)¹¹. А вот статья 1905 года «Песни Дмитровского уезда Орловской губернии, записанные В.Н. Добровольским» содержит в себе краткую характеристику календарных и свадебных песен Дмитровского уезда в сравнении с песнями Смоленской губернии. Автор подробно останавливается на фонетических и грамматических особенностях, исполняемых в Дмитровском уезде песен, проводит сравнение местных эпитетов с эпитетами народных песен Смоленской губернии. В статье приводится подборка календарного и семейно-обрядового (свадьба, заговоры) фольклора, а также исторических песен и духовных стихов. Помимо фольклорного, в работе присутствует и подборка этнографического материала: народные календарные приметы, топонимы, гидронимы и фитонимы, деревенские прозвища¹².

Информация о традиционных календарных праздниках приведена в книге Д. Святского «Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости» (1908). Помимо исторических рассуждений о характере религии древнего населения этой территории, в книге есть и интересные этнографические сведения о первом дне Петровского поста¹³.

9 Алексеев В., Карев Н. Народные песни, собранные в Орловской и Новгородской губерниях в 1898, 1899 годах. – 1899, 4с, рукопись.

10 Мартемьянов Т.А. Камаринская и Барыня (к истории народных песен) СПб, 1901. То же – Исторический вестник, 1900, №10, окт. С. 161-176.

11 Добровольский В.Н. Некоторые поверья, песни и обряды Орловской и Калужской губерний // ЖС, 1902, вып. II. С. 207-213.

12 Добровольский В.Н. Песни Дмитровского уезда Орловской губернии, записанные В.Н. Добровольским // ЖС, 1905, №3, с.290-414.

13 Святский Д. Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. Орел, 1908.

3 Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. II, ч. II / Под ред. М.Н. Сперанского. М., 1929.

4 Литературное наследство. Т.79. Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. Киреевского. М, 1968.

5 Собрание народных песен П. Киреевского. Записи П. Якушкина. В 2-х т. / Отв. ред А.А. Горелов. Л., 1983-1986.

6 Гутьяр Н.М. Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев, 1907.

7 Гершензон М. Образы прошлого. М., 1912.

8 Ивушкина Э.А., Леонова Б.А., Степанова Е.Ю. П.И. Якушкин – смолянин и орловец// Письменность и культура Смоленщины. История и современность: Сб. статей. Смоленск: Смоленский пед. ун-т, 2000. С.174-181. Леонова Б.А. П.В. Киреевский – библиофил, читатель, исследователь// Тезисы Шестых Всероссийских чтений «Оптина пустынь и русская культура», посвященных братьям Киреевским. Калуга, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского, 2006. С.32-35. Леонова Б.А. Народные этнологические легенды в записях П.И. Якушкина// Славянский сборник: Материалы Международных Славянских Чтений: «Духовные ценности и нравственный опыт русской цивилизации в контексте третьего тысячелетия». – Вып. 6. Орел: ОГИИК, 2007. С.38-40. Леонова Б.А. У истоков русской фольклористики (Знаменитые орловцы – исследователи народного творчества). Орел: ОГИИК, 2012.

Но не только этнографический и диалектологический аспекты народных песен интересовали в то время исследователей. Игровые песни Орловской губернии становились и предметом социологического анализа положения женщины в патриархальной семье¹⁴.

М.Н. Сперанским были опубликованы шесть необрядовых лирических песен из тетрадей В. Караджича (1907). Песни в записях Караджича сопровождалась пометками о том, что были записаны в Орловской губернии¹⁵. Публикация записей Караджича стала поводом к анализу словоупотребления в фольклорном тексте для Г. Ильинского¹⁶.

Тексты обрядовых и необрядовых лирических песен публикует Н. Иваненко¹⁷, В. Покровский¹⁸. Две необрядовые лирические песни опубликованы П. Россиевым в статье «Довески к народным песням» (1910)¹⁹. Подборку колыбельных песен опубликовал А.А. Чарушин, сопровождая ее этнографическими заметками о «первом детстве» крестьянских детей²⁰. Колыбельные песни также публикует и И. Каллиниников в статье «Присказки»²¹.

Особо следует отметить общерусские сборники народных песен, в которые издатели включали и записи, сделанные в Орловской губернии²². Это сборник П. Шейна²³ «Великорус...» (вошли свадебные песни и причитания и погребальные обряды ряда губерний, в том числе и Орловской), сборники частушек Е. Елеонской²⁴, загадок М. Рыбниковой²⁵. Лирические песни Орловской губернии были включены в сборник русских народных песен, адресованный Музыкально-этнографической комиссией при Этнографическом отделении импера-

торского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете младшим школьникам²⁶.

Для 19 века характерны публикации общерусских сборников народных песен с нотами в переложении для гитары, фортепьяно и хоров, куда вошли и песни, записанные в Орловской губернии. Это сборники М. Стаховича, Маслова и Подгородецкого, Ильинского и Маслова, Школьный сборник. Эта тенденция была продолжена и в 20 веке – сборник Н. Лопатина и В. Прокунина (1928)²⁷, сборник народных песен в записях В. Захарова²⁸, сборник Н. Чаплыгина²⁹, сборник А. Ковалева³⁰, сборник частушек Н. Котикова³¹, сборник русских народных песен для оркестра народных инструментов, куда вошли песни, записанные в том числе и в Орловской области³².

Тексты, записанные от М.И. Клягиной, собирательницы фольклора в Орловской области, опубликовал вместе с нотными приложениями в обработке для голоса с фортепьяно С. Кондратьев (1944)³³. Две песни, записанные в Орловской области, опубликованы в обработке для хора и фортепьяно В. Садовниковым (1944)³⁴.

В довоенные годы двадцатого века выходят многочисленные публикации частушек, например, Г.Деева-Хомяковского³⁵, В.И. Симакова³⁶. Среди многочисленных публикаций частушек Н. Захарова-Мэнского, записанных в разных регионах страны, публикуются и частушки Орловской области³⁷. Песни и частушки, за-

14 Комаровский Г. Женщина в патриархальной семье (на основе игрищенских песен Орловского уезда) // Вятские губернские ведомости. 1895. 20 сентября, №74; 4 октября №78; 7 октября №79; 11 октября №80; 14 октября №81.

15 Сперанский М.Н. В.С. Караджич и русская народная песня // ИОРЯС. 1907. Т. XII. Кн. 4. с. 277-285.

16 Ильинский Г. Еще о «дузях» // Русский филологический вестник. Варшава, 1908. Том LX. С. 203-204.

17 Иваненко Н. Этнографические материалы из Орловской губернии // ЖС, 1910, вып.4. отд.2. с.326-338.

18 Народная словесность: Обрядовые и бытовые песни / Сост. В. Покровский. М., 1891.

19 Россиев П. Довески к народным песням // Русский архив. 1910.

20 Чарушин А.А. Уход и воспитание детей у народа (Первое детство) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. №18. с. 589-600.

21 Присказки (Колыбельные песни). Сообщил И. Каллиниников // ЖС, 1915. вып. 3, прил. С. 42-44.

22 Листопадов А.И. Записи народных песен в 1904 г. Поездка в донскую область для собирания казачьих и малорусских песен и записи великорусских песен Орловской и Пензенской губерний // Известия общества любителей естествознания, археологии и этнографии. Т. XCIV. С. 341-363. Маслов А., Подгородецкий Б. Сборник «1812 год в народных песнях». Стильная гармонизация для хоров однородного и смешанного. СПб, 1912. Русские старинные хоровые народные песни. СПб, 1907 (с нотами). Стихи, старины и песни для одного голоса с сопровождением фортепьяно положили А. Ильинский и А. Маслов. Ч.1. Великорусские песни. М. 1904.

23 Великорус...СПб, 1898-1900. Т.1., вып.2. с. 377-835.

24 Сборник великорусских частушек. Под ред. Е.Н. Елеонской. М., 1914.

25 Рыбникова М. Загадки. М.-Л., 1932.

26 Школьный сборник русских народных песен для младшего возраста. Сост. и издан Музыкально-этнографической комиссией при Этнографическом отделении имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Вып.1. М., 1904.

27 Лопатин Н., Прокунин В. Сборник русских народных лирических песен. Опыт систематизации свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н. Лопатина, с положением песен для голоса и фортепьяно В. Прокунина с приложением полной расстановки слов и некоторых вариантов по их напеву. Ч.2. / Под ред. В. Федорова. М., музсектор Госиздата, 1928.

28 30 русских народных песен. Записи В. Захарова. Ред. текстов и примеч. П.М. Казьмина. М.-Л., Музгиз, 1939 (хор им. Пятницкого). Сто русских народных песен. Запись В. Захарова. Ред. текстов и примеч. П. Казьмина. М., 1958.

29 Русские песни. Ред. Н.П. Чаплыгин. М., 1949 (с нотами).

30 Советские народные песни. Отв. Ред. А.П. Ковалев. М., Госкультпросветиздат, 1950 (с нотами).

31 Русские частушки, страдания, припевки / Сост. Н. Котикова. Под ред. М. Матвеева. Л., Музгиз, 1961.

32 Русские народные песни для голоса и оркестра русских народных инструментов / Обр. Ю.А. Зацарного. М., 1980. Народные песни Нечерноземья. Для хора без сопровождения и в сопровождении баяна / Сост. А.А. Костенко. М., 1985.

33 Кондратьев С. Русские народные песни в обработке для голоса с фортепьяно. Тетрадь 1. М.-Л., Музгиз, 1944.

34 Садовников В. Две русские народные песни. Для смешанного хора с фортепьяно. М.-Л., Музгиз, 1944.

35 Революционные песни и частушки / Сост. Г.Д. Деев-Хомяковский. М., 1924.

36 Симаков В.И. Сборник двустрочных частушек (страданий). М., 1928.

37 Захаров-Мэнский Н. Современные частушки // Огонек, 1927, №29. с.11. Прибаутки деревенской улицы. Шуточные частушки современной деревни / Сост. Н. Захаров-Мэнский. М., 1927.

писанные в Орловской губернии, были опубликованы и проанализированы Е. Лепер в 1928 году³⁸.

В 1957 году в Орловской области работала экспедиция Московской консерватории, результаты которой были опубликованы в журнале «Музыкальная жизнь»³⁹. Под эгидой кабинета народной музыки Московской государственной консерватории выходит сборник народных песен Орловской области Н. Владыкиной-Бачинской⁴⁰. В сборник вошли свадебные обрядовые, необрядовые лирические, таночные, плясовые, аелёшные песни. На сборник Н. Владыкиной-Бачинской своей рецензией откликнулся А. Правдюк. В ней он сожалеет по поводу высокого процента отсева записанных песен исходя из соображений высокой художественности и научной ценности (из 150 записанных в сборник вошла лишь 61 песня). Автор не согласен и с классификацией текстов внутри сборника и сожалеет о том, что поэтическая составляющая песен осталась вне поля зрения составителя⁴¹.

В конце девятнадцатого века отдельные факты бытовой жизни крестьян становятся объектом этнографических зарисовок отдельных авторов, например, опахивание рогатого скота от падежа⁴², метеорологическая магия⁴³ и народные приметы⁴⁴, святочные игры и сопровождавшие их песни⁴⁵, ранневесенняя⁴⁶ и пасхальная⁴⁷ обрядность. Из этнографических исследований интересна статья А. Балова, посвященная купальским обрядам, в которой автор приводит большое количество этнографического материала, зафиксированного в разных регионах империи, в том числе и в Орловской губернии⁴⁸.

Внимание собирателей привлек распространенный по всей Центральной России обряд похорон кукушки. В журнале «Этнографическое обозрение» (1912) В. Харузина опубликовала воспоминания информан-

тов об этом обряде, приуроченных к Болховскому и Трубчевскому уезду⁴⁹. А вот свое научное осмысление существовавшему обряду предложила в тех же номерах «Этнографического обозрения» Р.Е. Кедрина. Сравнив записи обряда, сделанные Сахаровым, Снигиревым, Харузиной, Носовой, Сумцовым, исследователь приходит к выводу, что этот обряд призван установить духовное побратимство между жителями без какого-либо эротического элемента⁵⁰.

Этнографический материал метеорологической магии интересовал и И. Каллинникова, который в своей статье «Народные приметы» публикует подборки как календарных примет, так и примет, связанных с отношениями с соседями, скорой женитьбой и т.д.⁵¹.

Большой интерес представляет публикация подборки заговоров, записанных А. Максимовым в Орловской и Воронежской губерниях⁵², и сборник по народной медицине Г. Попова⁵³. Следует отметить, что в советский период на заговорах лежало некое табу – их опасались и собирать, и публиковать, и изучать. Вот почему единственная известная нам публикация заговоров Орловской области приходится лишь на 1995 год (заговор от зубной боли)⁵⁴.

Подробное описание свадебного обряда, начинающего со сватовства и заканчивающегося княжим пиром (второй день свадьбы) содержится в публикации Д. Ханькова «Свадебные обряды Орловской губернии» в журнале «Москвитянин» (1843). Следует отметить, что свадебный обряд представлен в основном описаниями обрядовых действий жениха и его родственников. В статье приводится и ряд свадебных песен. Однако в целом не ясно, представлена ли последовательная запись одного обряда, или перед нами воспоминания автора обо всех, виденных им свадьбах. В статье нет и указаний на место записи свадьбы⁵⁵. Интересные подробности городского свадебного обряда середины девятнадцатого века приводит протоиерей Николай Соколов в своих воспоминаниях, особенно в связи со сватовством⁵⁶. Свадебные обычаи орловской области представлены и в газетной заметке в «Биржевых ведомостях» (1896)⁵⁷. Часто сва-

Деревенские прибороты. Частушки / Сост. Н. Захаров-Мэнский. М., 1930. Частушки современной деревни / Сост. Н. Захаров-Мэнский. М., 1930. В.Н. Добровольским // ЖС, 1905, №3, с.290-414.

38 Лепер Е.Р. Южновеликорусский летний обряд «караулить солнце» // Этнография, 1928, №2, с. 32-64.

39 Блок В. Садиков Н. По тургеневским местам (Экспедиция Московской консерватории летом 1957 года по записи песен Орловской области) // Музыкальная жизнь, 1958, №1, с. 22-23.

40 Народные песни Орловской области / Сост. Н. Владыкина-Бачинская. М., «Музыка», 1964.

41 Правдюк А.А. Сборник песен Орловской области // Славянский музыкальный фольклор. М., 1972. с. 414-417.

42 Снегирев И.М. «Опахивание» или изгнание коровьей смерти и несколько слов о Волосе, скотном боге // Московские ведомости. 1861. №195. с. 71-95. Опахивание от падежа рогатого скота (в Орловской губернии) // Волжский вестник, 1890, 26 августа, №210.

43 Вызывание дождя (в орловской губернии) // Витебские губернские ведомости. 1897, 14 августа. №95.

44 Месяц июль // Орловские губернские ведомости [Ч. неофиц.] 1886, №62.

45 Древнерусские драматические произведения. СПб, 1898.

46 Иваненко Н. Этнографические материалы из Орловской губернии // ЖС, 1910, вып.4. отд.2. с.326-338.

47 Пасхальные обычаи и песни в Орловской губернии // Смоленский вестник. 1895. №42. Сахаров И.П. Красная горка и Радунца // Народная словесность: Обрядовые и бытовые песни / Сост. В. Покровский. М., 1891.

48 Балов А. Характер и значение древних «купальских» обрядов и игрищ // Русский вестник, 1905, №12. с. 424-467.

49 Харузина В. Обряд «крестить кукушку» в орловской губернии // ЭО, 1912, №1-2. с. 140-145.

50 Кедрина Р.Е. Обряд крещения и похорон кукушки в связи с народным кумовством // Этнографическое обозрение, 1912, №1-2. с. 101-139.

51 Каллинников И. Народные приметы // ЖС, 1916, №2/3, Приложение, с. 47-49.

52 Максимов А. Народные средства борьбы с эпидемиями // Русские ведомости. 1910. №179. 5 августа

53 Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. СПб, 1903. Репринтное издание вышло в 1991г.

54 Саренков С. «Зубам – не шуметь, не болеть» // Сельская новь – 1995, №11 (ноябрь), с.57.

55 Ханьков Д. Свадебные обряды Орловской губернии // Москвитянин, 1843, №9, с. 235-242.

56 Воспоминания и автобиография одесского протоиерея Николая Ивановича Соколова // Киевская старина. 1906. №1. с. 36-63. №3/4 – с.275-298; №10 – с.155-197.

57 О чем говорят и пишут // Биржевые ведомости, 1896, 6 февраля, №36.

дебные песни включались в сборники наряду с другими фольклорными текстами. Отдельно же свадебный фольклор публиковался в записях Н. Иваненко⁵⁸ и других собирателей⁵⁹.

Уже в советское время в 1966 году в Орле выходит книга Н. Элиаш «Русские свадебные песни», содержащая в себе анализ отражения ранних форм брачных отношений в свадебном фольклоре. Наблюдения автора несколько умозрительны и лишены доказательств в виде статистических данных частотности исследуемых сюжетов и мотивов. Анализ генезиса свадебного фольклора сделан на общерусском материале, в том числе и на материале песен Орловской области⁶⁰.

В конце девятнадцатого века многих этнографов и историков волновал вопрос о происхождении и этнической принадлежности племени вятичей к той или иной языковой семье. И. Евсеев и П. Якобий на основании местных говоров, топонимов и гидронимов, антропологических и археологических данных доказывали, что вятичи являются одним из племен угро-финской языковой семьи⁶¹. Этот спор послужил толчком к изучению особенностей местных говоров и фольклора. Е.Ф. Карский возвращается к этой полемике, замечая, что в Брянском уезде Орловской губернии соседствуют несколько говоров, отмеченных сильным южно-русским влиянием, особенно влиянием белорусского языка. Эту особенность автор объясняет сильным влиянием соседних губерний⁶². С другой стороны, исследование говоров часто сопровождалось публикацией фольклорного материала. Так, большое количество фольклорных текстов разных жанров (календарный, обрядовый, детский фольклор, былички, частушки и духовные стихи) цитируется в исследовании Е.Ф. Будде «О говорах Тульской и Орловской губерний»⁶³, П.Н. Тиханова «Брянский говор. Заметки из области русской этнологии»⁶⁴, А.И. Сахарова «Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губернии»⁶⁵, в «Хрестоматии по великорусской диалектологии» Н. Дурново и Д. Ушакова⁶⁶.

58 Сватанье (Орловская губерния). Зап. Н.П. Иваненко // ЖС, 1905, вып.1-2. с. 107-140.

59 С орловской выставки // Сибирские ведомости, 1903, №245, 5 сент. С.4.

60 Элиаш Н. Русские свадебные песни. – Орел, 1966.

61 Евсеев И. Кто были древнейшие насельники Орловского края // Орловские епархиальные ведомости, 1906, №33-34. Якобий П. Вятичи орловской губернии. СПб, 1907.

62 Карский Е.Ф. К вопросу о народном говоре Брянского уезда Орловской губернии // Новый сборник статей по славяноведению. СПб, 1905, с. 314-320.

63 Будде Е.Ф. О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследования и словарь (отчет II Отделению Академии Наук). – Сб. Отд. рус. яз. и словесности Имп. АН. 1904. Т. 76, №3. С. 1-148.

64 Тиханов П.Н. Брянский говор. Заметки из области русской этнологии // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. АН, 1907. т. 76. №4. с 1-263.

65 Сахаров А.И. Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губернии СПб, 1900. (Сборник Отделения русского языка и словесности имп. АН. Т.68).

66 Дурново Н., Ушаков Д. Хрестоматия по великорусской диалектологии. Пособие при преподавании русского языка в высш. учеб заведениях. М., 1910.

В двадцатом веке диалектологи продолжают привлекать в качестве материала исследования фольклорные тексты. Собранные еще в 19 веке народные песни в Дмитровском уезде В. Добровольским стали материалом для исследования диалектной лексики народной песни для Ф.П. Сороколетова⁶⁷.

С середины 20 века в Орловском государственном педагогическом институте на кафедре истории русского языка под руководством профессора Р.Н. Попова были начаты исследования в области диалектов Орловской области. С появлением такой дисциплины, как этнолингвистика, среди преподавателей кафедры появились публикации диалектологического характера, сделанные на основе фольклорных текстов и народных демонологических рассказов⁶⁸.

Первая публикация пословиц Орловской губернии относится к 1830 году, подборка поговорок и пословиц была опубликована в журнале «Москвитянин»⁶⁹. Фольклорные тексты тех же жанров, записанные в Брянском уезде Орловской губернии, публикует М. Лисицын в 1868 году⁷⁰. А вот подборки В.А. Георгиевского⁷¹ и П. Лепешова⁷² так и остались в рукописях неопубликованными.

Былин на территории Орловской губернии и позже Орловской области записано не было. Но на нашей территории были зафиксированы исторические песни. Ряд записей вошло в Собрание Киреевского и другие публикации. Так, три песни в книге «Исторические песни русского народа XVI-XVII вв.» В.Ф. Миллера опубликованы с примечаниями о записи в Орловской губернии, эти песни были записаны в середине девятнадцатого века корреспондентами П. Киреевского и вошли в его Собрание⁷³. Песня о татарском полоне, записанная в Орловской губернии, вошла в третий выпуск сборник «Народный русский хор» (1906) В.Д. Хорошевича-Терницкого⁷⁴. Песни о Степане Разине вошли в Приложение и стали объектом анализа в исследовании

67 Сороколетов Ф.П. Диалектная лексика в языке народных песен (на материале песен Дмитровского уезда Орловской губернии, собранных В.Н. Добровольским) // Диалектная лексика. 1977. – Л., 1979. с. 54-62.

68 Меркулова В.И. Календарная и обрядовая лексика, связанная с христианскими праздниками, в говорах Орловской области // Духовная культура: Проблемы и тенденции развития. Тезисы докладов. Сактывкар, 1994. ч.1. с. 72-74. Меркулова Л.И. Названия мифологических существ, обитающих в лесу (на материале орловских говоров) // Духовная культура: Проблемы и тенденции развития. Сактывкар, 1994, ч.1., с.68-70.

69 И.С. Мценские идеотизмы и пословицы // Москвитянин. 1830, №1-2. Кн.1., с.1-4.

70 Лисицын М. Пословицы и присловья, собранные в Брянском уезде// Орловские губернские ведомости, 1868, №7.

71 Георгиевский В.А. Пословицы и поговорки Орловской губернии. 1890, 76 с., рукопись.

72 Лепешов П. Загадки, собранные в самом городе Орле 1850, 7 с., рукопись.

73 Миллер В.Ф. Исторические песни русского народа. XVI-XVII вв. Пг., 1915.

74 Народный русский хор. Русские народные песни. Вып. 1-3. Переложил для четырехголосного смешанного хора по Балакиреву, Мельгунову, Лопатину, Прокунину, Римскому-Корсакову, Филиппову и др. В.Д. Хорошевич-Терницкий (Беневский) М., 1906-1912.

А. Н. Лозановой «Народные песни о Степане Разине» (1928)⁷⁵.

Петербургская газета «Северная пчела» от 1844 года со ссылкой на Орловские губернские ведомости рассказывала о летописной истории древнерусского города Вщиж, бывшего на тот момент селом во владениях одного из помещиков. В статье рассказывалось об археологических изысканиях хозяев имения на месте кургана Заветный. Рассказ о раскопках сопровождался местными преданиями о кладах, связанных с этим курганом⁷⁶.

К периоду 1843-1844 годов относятся и записи П. Якушкина, вошедшие в публикацию «Народные сказания о кладах, разбойниках, колдунах и их действиях, записанные в Малоархангельском уезде»⁷⁷. Именно он первым стал публиковать предания о знаменитом разбойнике Кудеяре, но особый интерес представляют собой предания и о других разбойниках Орловской земли – Муравье, Яриле и др.

Мартемьянову принадлежит книга «Город Болхов Орловской губернии (историко-бытовые очерки)» (1896), изданная под псевдонимом Рустика, «скромного дилетанта». Автор рассматривает две версии истории Болхова, критикуя при этом М.Пясецкого и соглашаясь с Соловьевым в том, что Болхов был построен Иваном Грозным на месте древнего Девигорска. Описывая кратко историю города Смутного времени, Мартемьянов останавливается на преданиях об основании мужского и женского монастырей в Болхове. Но не только прошлое волнует автора, он подробно описывает быт и нравы современных ему болховчан, касаясь разных сторон жизни города: торговля, ярмарки, костюмы. Особое внимание Мартемьянов уделяет описанию болховской свадьбы. В книгу вошли также анекдоты о болховитянах, присловья, некоторые болховские пословицы и другие этнографические наблюдения автора⁷⁸.

Мифологические представления крестьян Орловской губернии о лешем, водяном, русалках и колдунах представлены в публикациях А.И. Иванова⁷⁹ и Петра Юшина. К сожалению, в статье последнего вся информация дается без ссылок на информантов и конкретные места записей⁸⁰.

Многие собиратели фиксировали предания о Кудеяре в Орловской и сопредельных губерниях в свя-

зи с частотностью как этого образа, так и сюжета о разбойнике-колдуне. Н. Добротворский проводил сопоставительный анализ сюжетов о Кудеяре в Орловской, Курской и Гродненской губерниях⁸¹. А. Юрасовский в своей небольшой книге «Легенда сельца «Гремучего ключа» Мценского уезда» приводит одну из версий предания о Кудеяре и «боярыне», относя действие сюжета во владения помещика Барыкова (село Барыково) Мценского уезда. Вместе с этим сюжетом А. Юрасовский рассказывает и предание о способе добыть заколдованный клад Кудеяра, а также о месте, где некогда стоял дом убитого Кудеяром боярина на Неруче⁸². Предания, бытовавшие в Орловской губернии о Кудеяре, записал и А.И. Фаресов в связи с одним из творческих замыслов Н. Лескова⁸³.

Не только предания о разбойниках, но и легенды привлекали внимание собирателей и исследователей. В уже упоминавшейся книге Д. Святского со ссылкой на Г.М. Пясецкого приведены легенды о крещении жителей Мценска и о существовании каменных изображений св. Николая и Параскевы Пятницы⁸⁴. В ряде случаев орловские легенды становились предметом газетных публикаций⁸⁵.

Также как и народные лирические песни, легенды и предания Орловской губернии включались в сборники общерусского характера, например, наряду с текстами других территорий в сборник А.Е. Бурцева «Легенды русского народа» (1912)⁸⁶.

П. Якушкин, помимо народных песен, записывал и сказки. Исследователи полагают, что Якушкин был корреспондентом А. Афанасьева и ему принадлежит запись пяти сказок, опубликованных позже А. Афанасьевым в своем сборнике⁸⁷. Автографов этих сказок не было найдено, тексты опубликованы в «Собрании народных песен П. Киреевского. Записи П. Якушкина»⁸⁸. Следует отметить, что в сборнике А. Афанасьева опубликованы и другие сказки, записанные в Орловской губернии. Сборник А. Афанасьева снабжен географическим указателем, что позволяет выделить орловский материал среди записей, сделанных в других губерниях.

И. Худяков создавал свое собрание сказок независимо и параллельно с А. Афанасьевым. Фольклорист сам записывал тексты в летних экспедициях и сам издавал

75 Лозанова А.Н. Народные песни о Степане Разине. Саратов, 1928.

76 Село Вщиж (Орловской губернии) // Северная пчела, 1844, №25 и №40.

77 Якушкин П. Народные сказания о кладах, разбойниках, колдунах и их действиях, записанные в Малоархангельском уезде // Москвитянин, 1844, №12, Смес. С. 21-29.

78 Рустика. Город Болхов Орловской губернии (историко-бытовые очерки). Орел, 1896.

79 Иванов А.И. Верования крестьян Орловской губернии // ЭО, 1900.ю кн.47, №4. с.68-118.

Статья была опубликована вновь: Иванов А.И. Из статьи «Верования крестьян Орловской губернии» // Русское колдовство, ведовство, знахарство. СПб, 1994, с. 243-258.

80 Юшин П. Верования русского народа в Ливенском уезде Орловской губернии // ЭО, 1901. т.48, №1. с. 164-166.

81 Добротворский Н. Курские и орловские Кудеяры // Киевская старина, 1888, №12, с.117-132. Добротворский Н. Кудеяров курган // Киевская старина, 1898, №5-6. с. 607-609.

82 Александр Юрасовский. Легенда сельца «Гремучего ключа» Мценского уезда. Из орловских преданий. Орел, 1902.

83 Фаресов А.И. Против течений. Н.С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. МПб, 1904.

84 Святский Д. Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. – Орел, 1908.

85 Орл В. Орловские легенды // Смоленские вести, 1894, 11 сентября, №106.

86 Бурцев А.Е. Легенды русского народа. Кн.1. СПб, А.К. Вейермана, 1912.

87 Русские народные сказки А.Н. Афанасьева. Т. 1-5. Под ред. А.Е. Грузинского. М., 1913-1914.

88 Собрание народных песен П. Киреевского. Записи П. Якушкина. В 2-х т. Т.2. / Отв. Ред А.А. Горелов. Л., 1986.

их зимой в Петербурге. Всего вышло три выпуска сказок, ставших позднее библиографической редкостью. Сборник был переиздан в 1964 году и в него вошли пять сказок орловской губернии (№108-112)⁸⁹.

Большой вклад в собирание сказок Орловской губернии внес И. Каллиников. Так, отдельным сборником в 1914 году вышли сказки, записанные И. Каллиниковым в Орловской губернии⁹⁰. А в ежегодных отчетах о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук, составленных Н.А. Котляревским, публикуются отчеты И.Каллиникова о фольклорно-этнографических экспедициях в Орловскую губернию в 1913, 1914 и 1915 годах⁹¹. И. Каллиников делится опытом полевой собирательской работы в статье «О собирании сказок в Орловской губернии» (1913). Помимо объективных условий, затруднявших работу (погода, сельскохозяйственные работы и т.д.), недоумение собирателя вызывает как невежество крестьян, испытывающих ужас перед фонографом, так и пренебрежительное и прямо отрицательное отношение к фольклору местной интеллигенции и духовенства. Большой интерес представляют комментарии И. Каллиникова по поводу зависимости сохранности фольклора от расположения села и основных занятий населения в этом селе. Особую научную ценность представляют замечания исследователя об особенностях исполнения сказок. Каллиников делит сказки по репертуару, исполнительским особенностям на мужские и женские сказки⁹².

В статье «Сказочники и сказки» И. Каллиников рассказывает об экспедиции уже лета 1915 года, о посещении сел Севского и Брянского уездов. Фольклорист подробно описывает сказочников и сказочниц, давших ему материал для записей. И. Каллиников кратко отмечает особенности костюмов в каждом селе и особенностях ремесла. Особый интерес представляет описание трудностей собирательской работы и предложения по усовершенствованию работы: выезжать «в поле» по несколько человек, чтобы одновременно и записывать тексты, и фиксировать (зарисовывать) этнографические реалии каждого конкретного села. Большое значение Каллиников уделяет участию в этнографических экспедициях женщин, так как крестьянки часто стыдятся, отказываются исполнять некоторые обряды, песни при мужчинах⁹³.

Присказки, собранные И. Каллиниковым в ходе

89 Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / изд. Подг. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеев. – М.-Л., 1964.

90 Каллиников И. Ф. Сказки Орловской губернии. Орел, 1914.

91 Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. АН за 1913г., сост. Н.А. Котляревским. СПб, 1913. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. АН за 1914г., сост. Н.А. Котляревским. СПб, 1914. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. АН за 1915г., сост. В.Н. Перетц. СПб, 1915.

92 Каллиников И. о собирании сказок в Орловской губернии // ЖС, 1913, №3/4, с. 346-362.

93 Каллиников И. Сказочники и сказки // ЖС, 1915, №3, с.246-272.

фольклорных экспедиций, опубликованы в одноименной статье в журнале «Живая старина». В статье приведены записи присказок (небылиц, небывальщин), сделанные от Екатерины Ефимовны в селе Илькове Мценского уезда Орловской губернии. Кроме того, в публикации приводятся также 3 колыбельные песни и 1 пестушка⁹⁴.

Во второй выпуск сборника великорусских сказок архива Русского географического общества (1917) вошла сказка «Сказание о птице небесной и двух телесной» (№241), записанная в селе Куликово-Ржавец Малоархангельского уезда Орловской губернии в 1903 году. Следует отметить, что текст в целом мало похож на традиционную сказку и представляет собой вариант этиологического предания⁹⁵.

Д.О. Святским в журнале «Живая старина» (1912) были опубликованы три сказки, записанные в Орловской губернии в 1909 году в Севском уезде⁹⁶.

Вообще следует отметить, что почти все записи сказок фольклористы осуществляли на территории Севского, Карачевского и Трубчевского уездов, ныне не входящих в состав Орловской области. Почти нет записей сказок, сделанных на территории тех районов, которые составляют костяк Орловской области. Исключение составляет публикация трех сказок Ермалая Серегина из коллекции И. Каллиникова в Литературном альманахе (1939). Все три сказки записаны в селе Каменка Болховского уезда в 1914 году. Помимо сказок в альманахе опубликованы и три лирические песни (обрядовые и необрядовые), записанные в Брянском районе Орловской области⁹⁷.

В двадцатых годах двадцатого века В. Ильинским, В. Лебедевым и другими была предпринята краеведческая экскурсия на лодке из Орла вниз по Оке до Паслова, результаты которой были опубликованы в Бюллетене Орловского бюро краеведения⁹⁸. Экспедицию в Орловскую и Саратовскую область для собирания фольклора предпринимал Саратовский государственный университет⁹⁹. Во второй половине XX века регулярные экспедиции в Орловской области проводили сотрудники и студенты Московской государственной консерватории, РАМ им. Гнесиных, Института культуры (г. Орел). Большая часть полевых записей хранится в архивах Кабинета народной музыки Московской консерватории и Кабинета народной музыки РАМ им. Гнесиных [12]. Опубликованы фольклорные тексты были в сбор-

94 Каллиников И. Присказки // ЖС, 1915, №3, Приложение, с.42.

95 Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Вып. II. Издал А.М. Смирнов. Пг. 1917.

96 Святский Д.О. Три сказки Орловской губернии // ЖС, 1912, вып. II-IV, с. 311-314.

97 Литературный альманах, Орел, 1939. с. 133-151.

98 Ильинский В.А., Лебедев В.Ф. и др. Краеведческая экскурсия на лодке из Орла вниз по Оке до Паслова и обратно. Материалы по народно-поэтическому творчеству. // Бюллетень Орловского губернского бюро краеведения. 1927, №2, с. 20-26.

99 Бахтина В.А. Саратовский государственный университет // Русский фольклор: Проблемы «Свода русского фольклора». Л., 1977, т.17. с. 203.

никах Л.Л. Куприяновой¹⁰⁰, Чабан С.Н.¹⁰¹ Часть расшифровок записей, сделанных ГМПИ им. Гнесиных, была приобретена Орловским областным центром народного творчества и издана в виде сборника «По горенке павушка гуляла»¹⁰² [12]. Нотированные народные песни Орловской области также были опубликованы Областным домом народного творчества в шести сборниках, составителем которых был Л.С. Афанасьев¹⁰³. Подробнее об истории собирания, издания и исследования орловского песенного фольклора можно прочитать в статье фольклористов-музыковедов С.Н. Чабан и Т.В. Тищенко [12].

В целом в двадцатом веке собирание и публикация фольклорных материалов не имеет того масштаба, который присущ девятнадцатому веку. Газетные и журнальные публикации в большинстве своем посвящены музыкальной самодеятельности, народным хорам в деревенских клубах¹⁰⁴. Музыкальное краеведение продолжало развиваться в том числе и в качестве школьных кружков,¹⁰⁵ и фольклор становится неотъемлемой частью педагогического процесса¹⁰⁶. Проблемы восстановления обрядового фольклора образовательными учреждениями и учреждениями культуры на сцене и в рамках педагогического процесса стали предметом размышлений и исследований Е.З. Соловьевой¹⁰⁷, которые

100 Народные песни Орловской области / сост. Л.Л. Куприянова, М.В. Медведева. М., 1983

101 Чабан С.Н. Традиционная песенная культура Орловского края: история современность. Орел, 2005.

102 Народные песни Орловской области «По горенке павушка гуляла» / сост. М.В. Костякова. Орел, 2004.

103 Русские народные песни Орловской области / сост. Л.С. Афанасьев. Орел, 1986. Народные песни Орловской области / Спасско-Лутовиновский фольклорный хор / сост. Л.С. Афанасьев. Вып.2. Орел, 1980. 41 с. Народные песни Орловской области / Чичиринский фольклорный ансамбль Залегощенского района / запись и обработка песен Л.С. Афанасьева. Вып.3. Орел, 1981. 40с. Народные песни Орловской области: Дмитровский район / обработка для народного хора Л.С. Афанасьева. Вып.4. Орел, 1982; Вып.5. Орел, 1983; Вып.6. Орел, 1987.

104 Мирошниченко А. Люди и песни Мценского района (Художественная самодеятельность Орловской области) // Советская культура, 1955, №56, 4 мая. Шепелев В. Хор деревни Крутиловки (Новодеревеньковского района). Орел, 1958. 16 стр. Коробков С. Запелай, моя подружка (Создание частушек в орловском районе Орловской области) // Культпросветраба, 1958, №2, с.36-28. Макиенко П. Песни родной стороны. // Клуб и художественная самодеятельность, 1964, №13, с.22-23. Макиенко П. Михайловские встречи // Клуб и художественная самодеятельность, 1964, №20, с.19-20. Эрденко И. Поет семья лесника (Н.Т. Мамохина. Орловская область). // Культпросветраба, 1965, №9, с.42. Киселев Я. Знайки старых песен // Орловская правда, 1962, №270, 17 ноября. Дидуrow А. Мценский квартет. Встреча с песней. // Комсомольская правда, 1966, 24 апреля, №96. Ив городе и в селе // Клуб и художественная самодеятельность, 1971, №15, с.32. Попов А. Новосильские лебедушки. Фестиваль народных талантов. // Медицинская газета, 1975, 23 июня, №59.

105 Сизов П. Стою у раскрытых в столетия дверей. // Музыкальная жизнь, 1979, №11. с. 21.

106 Куприянова Л.А. Календарные песни Орловщины в репертуаре детского хора // Музыкальный народный календарь. Тезисы докладов. М., 1985. с. 64-65.

107 Соловьева Е. З. Возрождение традиционного обряда в практике работы учреждений образования и культуры Орловской области. // Научный, информационно-аналитический журнал «Образование и общество». 2010, № 6. С. 119-122. Соловьева Е. З. Адаптивные возможности традиционного обряда в проведении современного народного праздника. // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму

в итоге вылились в диссертационное исследование¹⁰⁸.

Нельзя не отметить огромный вклад, который внесла в публикацию и изучение орловского фольклора Р.А. Масленникова. Будучи преподавателем филологического факультета Орловского педагогического института, она руководила студенческими фольклорными практиками, проводила большую полевую работу. Ею была издана целая серия книг, посвященных орловскому обрядовому песенному наследию, детскому фольклору, пословицам и поговоркам¹⁰⁹.

В конце XX – начале XXI века начинается публикация исследований фольклора Орловской области кафедры историко-культурного наследия Орловского государственного университета. Это исследования И. Бутримовой «Календарная обрядовая поэзия: традиции и современность»¹¹⁰, Э.Сальниковой «Традиционная необрядовая лирика в современном бытовании»¹¹¹, В. Полосухина «Традиционная русская бытовая песня в орловских вариантах»¹¹², О. Бережновой «Жанры детского фольклора»¹¹³. Вслед за первой книгой серии В. Костина «Песенные родники»¹¹⁴ исследования орло-

Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сборник материалов. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. С.233-242. Соловьева Е. З. Фольклор в деятельности учреждений культуры Орловской области // Проблемы изучения фольклора и русской духовной культуры. Материалы международной научной конференции. 31 мая-2 июня 2007 года, Орел. Сборник статей / Научный редактор М. В. Антонова. Орел, Издательство Орловского государственного университета, 2008. С.6-14. Соловьева Е. З. Роль традиционной культуры в вопросах духовно-нравственного воспитания молодого поколения // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. 2011, № 1 (39). С.212-216. Соловьева Е.З. Традиционная культура в вопросах патриотического воспитания и духовной идентичности молодежи. // Культурно-исторический потенциал модернизации: парадоксы российской ментальности. / Сб. статей. / Отв. ред. Монастырский Д.В., Дерябина Е.Д., Цветков Г.А. М., АПРИКТ, 2012. С. 61-65. Соловьева Е.З. Взаимосвязь художественного образования и технологических процессов возрождения народной культуры в нравственном становлении специалистов социально-культурной сферы // Вуз искусств и культуры в едином образовательном пространстве: материалы междунар. научн.- практ. конф. (Орел, 28-29 марта 2013 г./ гл. ред. Н.А.Паршиков; науч. ред. и сост. И.А. Ивашова; ред. Колл. И.И. Банникова, А.С. Деденева, Т.Д. Крылова, Э. А. Феноеева. Орел: Орловский государственный ин-т искусств и культуры. 2013. С. 67-70.

108 Соловьева Е. З. Социально-культурные технологии патриотического воспитания молодежи в процессе возрождения народных обрядов Дисс. ... канд. пед. наук. М., 2011. 266 с. Социально-культурные технологии патриотического воспитания молодежи в процессе возрождения народных обрядов [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05 / Е. З. Соловьева; Московский гос. ун-т культуры и искусств. М.: МГУКИ, 2011. 23 с.

109 Народные песни Орловского края: сб. / Сост. Р.А. Масленникова. Тула, 1987. 192 с. Отлетала лебедушка: (русский свадебный обряд) / Сост. Р.А. Масленникова. Орел, 1992. 224 с. Масленникова Р. Чтобы свеча не угасла... / сост. Р.А. Масленникова. Орел, 2001. 163с. И про вашу честь пословица есть / Сост. Р.А. Масленникова. Орел, 2004. 110с.

110 Бутримова И. Календарная обрядовая поэзия: традиции и современность (В помощь учителю). Орел, 2004.

111 Сальникова Э. Традиционная необрядовая лирика в современном бытовании (В помощь учителю). Орел, 2004.

112 Полосухин В. Традиционная русская бытовая песня в орловских вариантах (В помощь учителю). Орел, 2004.

113 Бережнова О. Жанры детского фольклора (В помощь учителю). Орел, 2004.

114 Костин В. Песенные родники (В помощь учителю). Орел, 2004.

вского репертуара авторы сопровождают публикациями текстов, записанных ими в экспедициях 90–х годов XX века и в самом начале XXI века.

Большой вклад в публикацию и изучение орловской традиционной культуры внес Государственный Республиканский центр русского фольклора под руководством А.С. Каргина. Была предпринята попытка фундаментального издания орловского фольклора в записях второй половины 20 века. Вышел в свет библиографический указатель по публикациям и исследованиям орловского фольклора, подготовленный Орловской публичной библиотекой имени И. А. Бунина¹¹⁵. Второй том издания соединял в себе нотированные записи орловского музыкального фольклора, собранные кафедрой народного хорового пения Орловского государственного института искусств и культуры, и исследования по специфике музыкального и танцевального фольклора Орловского края¹¹⁶. Отдельный раздел посвящен фольклору в деятельности учреждений культуры и современной исполнительской практике. К сожалению, проект не получил завершения, и третий том серии, содержащий материалы фольклорного фонда кафедры истории русской литературы XI–XIX веков Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, так и остался неизданным.

Следующим шагом в исследовании орловского фольклора стала организованная кафедрой истории XI–XIX веков Орловского государственного университета конференция «Проблемы изучения фольклора и русской духовной культуры» прошедшая 31 мая – 2 июня 2008 года. По итогам конференции был выпущен сборник статей, основанных как на общерусском, так и на орловском материалах¹¹⁷.

В последние десятилетия изучение обрядового фольклора приобретает новые аспекты, в том числе и в рамках актуального направления лингвофольклористики. М.В. Костромичевой проделана большая работа по изучению региональной лексики, связанной с разными этапами, чинами, традиционными блюдами и т.д. свадебного обряда (назовем лишь некоторые из многочисленного списка работ)¹¹⁸. Помимо многочис-

ленных публикаций отдельного упоминания заслуживает «Словарь свадебной лексики» М.В. Костромичевой, который стал своего рода итогом исследований на стыке диалектологии и этнографии, и учебное пособие для студентов¹¹⁹. Вопросам символики свадебных песен и причитаний, специфике пространственной и временной организации художественного мира русской свадебной лирики посвящены исследования Н.В. Кургузовой, выполненные как на общерусском, так и на орловском материалах¹²⁰.

В исследованиях современного похоронного обряда также можно выделить лингвистический¹²¹, этнографический аспекты¹²². Особо следует отметить публикацию Б.А. Леоновой похоронных причитаний и общее описание похоронно-поминальной обрядности Малоархангельского уезда Орловской губернии, сделанное на основе архивных материа-

2003 г. Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2003. С. 161-164. Костромичева М.В. Одежда невесты в традиционной свадьбе Орловского края. // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Доклады и сообщения девятой российской научно-практической конференции (Москва, декабрь, 2004). Вып. 3. М.: Энциклопедия российских деревень, 2004. С. 331-333. Костромичева М.В. Бесприданница: лексикографическая трактовка и культурный контекст // Селищевские чтения: Материалы Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения А.М. Селищева. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2005. С. 245-247. Костромичева М.В. Чины с частными обрядовыми функциями в традиционной орловской свадьбе. // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Ч. III. Воронеж: ВГПУ, 2005. С. 61-66. Костромичева М.В. Наименования старой девы в орловских говорах // Актуальные проблемы современной лингвистики. Тихоновские чтения: Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию профессора А.Н.Тихонова. Том II. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. С. 189-193. Костромичева М.В. Новые материалы по лексике свадебного обряда в орловских говорах // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»: Сборник научных трудов памяти З.М. Петровой (к 85-летию со дня рождения) / Отв. ред. И.А. Малышева. СПб.: Наука, 2007. С. 86-91.

119 Костромичева М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины. Орёл, 1998. 217 с. Костромичева М.В. Свадебный обряд Орловского края. Учебное пособие по курсу «Лингвистическое краеведение» для студентов филологического факультета. Орел: ОГУ, 2005. 36 с.

120 Кургузова Н.В. Мифопоэтический аспект пространственно-временной системы русской свадебной лирики (песни и причитания). Автореферат дис. на соиск. уч. степ. к.ф.н. по спец. 10.01.09 – Фольклористика. Петрозаводск, 2007. Кургузова Н.В. Символика времени в русских свадебных песнях и причитаниях: монография. Орел, 2013.

121 Костромичева М.В., Запалова Н.С. К вопросу об именовании «нечистых» покойников в народных говорах // Слово: внутренняя и внешняя система: Сборник статей по материалам докладов и сообщений международной научной конференции / Министерство образования и науки РФ, Смоленский государственный университет. Смоленск: Изд-во Смол ГУ, 2005. С. 126-131.

122 Костромичева М.В., Запалова Н.С. Поминальные ритуалы в орловской погребальной традиции. // Европейские языки: историография, теория, история: Межвузовский сборник научных работ. – Выпуск 5. Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2005. С. 33-38. Костромичева М.В. К семантике погребального обряда Орловщины: приметы, предвещающие смерть // Орловские говоры: Проблемы изучения: Сборник научных трудов. – Выпуск 3 / Научный редактор Т.В. Бахвалова. Орел: ОГУ, Полиграфическая фирма «Картуш», 2007. С. 35-46. Леонова Б.А. Погребальные рушники в аспекте традиционной возрастно-групповой дифференциации (по современному этнографическим материалам Орловского Полесья) // Феномен социализации в этнической культуре: Мат-лы XI Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2012. С.453-459.

115 Традиционная культура Орловщины: библиографический указатель. М., 2010. 200с.

116 Традиционная культура Орловщины: экспедиционные, архивные, аналитические материалы: в 3 т. Т.2. М., 2012. 584с.

117 Проблемы изучения фольклора и русской духовной культуры. Материалы международной научной конференции. 31 мая – 2 июня 2007 года, Орел. Сборник научных статей / Научный редактор М.В. Антонова. Орел, 2008.

118 Костромичева М.В. Лексика свадебного обряда в орловских говорах. (Статья). // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1993. СПб., изд. ИЛИ РАН, 1994. С. 66-68. Костромичева М.В. Наименования этапов свадебного обряда в Орловской области. // X Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 94». Тезисы докладов. СПб., изд. ИЛИ РАН, 1994. С. 48-50. Костромичева М.В. Система свадебных выкупов и их наименования в орловских говорах. // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998. СПб., изд. ИЛИ РАН, 2001. С. 228-231. Костромичева М.В. Сват и сваха: особенности именовании в говорах. // Афанасий Матвеевич Селищев и современная филология: Материалы Всероссийской научной конференции 24-26 сентября

лов 1920-х гг.¹²³. Ей же принадлежит исследование обрядовой кухни и ритуальных застолий Орловской губернии на основе комплексного анализа опубликованных и архивных этнографических материалов, этнолингвистических данных, собственных наблюдений автора¹²⁴. Этнографический и музыковедческий аспекты свадебного обряда представлен в исследованиях Т.В. Тищенко и О.В. Чернобаевой¹²⁵, а также Г.А. Яхиной¹²⁶.

Из всего многообразия народного календаря, помимо лингвофольклористического аспекта¹²⁷, именно весенне-летний цикл притягивает внимание исследователей. Семантике календарных обрядов на переходе весны в лето, бытовавших в регионе в первой половине XX в., посвящены статьи Б.А. Леоновой (на экспедиционных материалах) и Е.З. Соловьевой¹²⁸.

Несказочная проза в Орловском крае продолжает активно бытовать, но пока привлекает не так много внимания исследователей. Статьи М.В. Костромичевой и Н.В. Кургузовой выполнены на материалах записей последних лет и посвящены специфике современного бытования быличек и легенд в нашем регионе¹²⁹. Но нельзя не отметить, что современная несказочная проза нуждается в систематическом собирании и публикации.

Исследованию детского фольклора в синхронном аспекте посвящены несколько статей, написанные на орловском материале¹³⁰. Они посвящены специфике

современного детского фольклора, и в частности языковым играм.

Многолетние фольклористические и диалектологические исследования традиционной культуры Орловского края ведутся в том числе и в рамках постоянных студенческих практик. Студентам, изучающим народную культуру в синхронном и диахронном аспектах, адресованы программы-вопросники, посвященные разным тематическим блокам¹³¹.

Продолжая тему современного фольклора в Орловском регионе, можно отметить несколько статей, посвященных семантике и мифопоэтике запретительных надписей в маршрутках¹³², творчеству футбольных фанатов¹³³, региональному социолекту (народно-бытовым названиям в Орле), который в полной мере отражает и сохраняет уникальную городскую культуру и историю¹³⁴. К исследованию городского фольклора можно отнести и статью Б.А. Леоновой о ба-

---

духовно-нравственных ценностей в современном обществе: сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конф. (с международным участием), Орёл, 1-2 апреля 2010 г. / науч. ред. А.С. Каргин. Орёл: Орловский гос. ин-т искусств и культуры; ООО «Горизонт», 2010. С. 147-154. Костромичева М.В., Нерсесян А.Р. Языковая игра в современном детском фольклоре // Язык как система и деятельность-2. Материалы Международной научной конференции. Ростов н/Д.: Изд-во НМЦ «ЛОГОС», 2010. С. 215-217. (в соавторстве с Нерсесян А.Р.).

131 Костромичева М.В. Этнолингвистическая программа-вопросник по теме «Рождение. Младенчество. Детство». Учебно-методическое пособие по проведению диалектологической практики для студентов филологического факультета. Орёл: ОГУ, 2005. 22 с. Кургузова Н.В. Костромичева М.В. Погребально-поминальный обряд. Учебно-методическое пособие по проведению фольклорной и диалектологической практик для студентов филологического факультета. Орёл, ОГУ, 2009. Костромичева М.В. Орловский региональный социолект. Материалы к словарю. Учебно-методическое пособие по дисциплине «Этносоциоллингвистика» для студентов филологического факультета (специальность: 032900.00 – русский язык и литература с дополнительной специальностью; квалификация: учитель русского языка, литературы и истории). Орёл: ОГУ, 2009. 32 с. Костромичева М.В., Кургузова Н.В. Свадебный обряд. Учебно-методическое пособие по проведению фольклорной и диалектологической практик для студентов филологического факультета. Орёл, 2015. 52 с.

132 Кургузова Н.В. «Тише будешь, дальше едешь...»: мифологизация образа дороги в современном городском фольклоре (на материале запретительных надписей в маршрутках) // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность. Сборник статей. М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 224-231.

133 Костромичева М.В. Фольклор и сленг орловских футбольных фанатов // Фольклор і сучасна культура : матеріялы ІІІ Міжнарод. наук.-практ. канф., 21-22 крас. 2011 г., Мінск. У 2 ч. Ч. 2. / редкол.: І. Роўда [і інш.]. Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2011. С. 11-13.

134 Костромичева М.В. Народно-бытовые названия памятников г. Орла // Социальные варианты языка – V: Материалы международной научной конференции 19-20 апреля 2007 года. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2007. С. 358-360. Костромичева М.В. Некоторые вопросы лексикографического описания регионального социолекта // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст: сборник научных статей / отв. ред., сост. А.Г. Лошаков, Л.А. Савёлова. Архангельск, 2010. С. 401-405. Костромичева М.В. Региональный социолект в Интернете // Русский язык и проблемы современного образования : сб. научных статей. – Вып. 3 / сост. и отв. ред. Р.В. Попов; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012. С. 47-56. Костромичева М.В. Региональный социолект в граффити // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург; 8-10 сентября 2012 г. : в 2 ч. Ч. 1 / [ред. кол.: Е.Л. Березович (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2012. С. 110-112.

---

123 Леонова Б.А. «Дороженька невозвратная» (Мир смерти в традиционной культуре орловских крестьян). Орёл: Орловский гос. ин-т искусств и культуры. Издатель Воробьев А.В., 2009. 40с.

124 Леонова Б.А. Традиционный пищевой комплекс и обрядовая культура Орловского края // Традиционная культура. 2016. №2.

125 Тищенко Т.В. Орловский песенный фольклор. К вопросу о современном состоянии // Народное певческое искусство : фольклорные традиции, преподавание, исполнительство : антология / ред. колл. : И.А. Ивашова, И.И. Банникова, А.Г. Пастухов, С.Н. Чабан – Орёл : Орловский гос. ин-т искусств и культуры, 2008. 259 с. Чернобаева О.В. Современное состояние традиционного свадебного обряда Орловской области: проблема сохранения и развития традиции // Там же.

126 Яхина Г.А. Свадебная кукла свахи // Актуальные проблемы изучения народно-художественной культуры региона. Декоративно-прикладное творчество: материалы регион. науч.-практ. конф. Орёл, 2005. С. 123-124.

127 Костромичева М.В. Лексика народного календаря в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007 / Ин-т лингв.исслед. Спб.: Наука, 2007. С. 351-356.

128 Леонова Б.А. К вопросу о специфике календарной обрядности Орловского Полесья // Традиционная культура и современный мир: Мат-лы 5-й Межрегиональной научно-практической конференции. – Курск, 2015. С.32-37. Соловьева. Весенне-летние обрядовые праздники в Орловской области. // Народное творчество. 2008, № 3. С.50-51.

129 Костромичева М.В. Рассказы о неведомом: современные записи / М. В. Костромичева // Тургеневский ежегодник 2010 года / Орловский объединенный государственный литературный музей И. С. Тургенева, Тургеневское общество в Орле. Орёл, 2011. С. 77-86. Кургузова Н.В. Легенды о святых покровителях Орловского края // Орловский текст российской словесности / Науч. ред. Е.А. Михеичева. Орёл, 2010. С. 6-12.

130 Костромичева М.В., Нерсесян А.Р. О некоторых особенностях современного детского фольклора // Орловский текст российской словесности. Материалы всероссийской научной конференции. Орёл, 2010. С. 17-22. Костромичева М.В., Нерсесян А.Р. Особенности детского счётного текста // Национальный фольклор и формирование

зарной площади как событийном локусе городских обрядовых практик, «обрядовом» ассортименте товаров, особенностях календарных обычаев в среде базарных торговцев старого Орла¹³⁵.

В качестве небольшого итога хотелось бы заметить, что до сих пор масса как личных архивов собирателей, так и архивных записей, хранящихся в учреждениях образования и культуры Орловской области, остается неопубликованной. Прежде всего, речь идет о фольклорно-этнографических материалах Орловского объединённого литературного музея И.С. Тургенева. Такие материалы в литературных музеях обычно рассматривались в связи с отражением в экспозициях ключевой для русской классической литературы идеи «народности», а также проблемой фольклорных источников творчества того или иного автора. По мнению Б.А. Леоновой, современное литературоведение позволяет привлекать фольклорные материалы для иссле-

дования, в том числе и локального текста¹³⁶. Изучение же специфики орловского фольклора в его словесном аспекте, хотя и имеет некоторые опыты, но, безусловно, представляет собой открытое пространство для исследования.

135 Леонова Б.А. Городской базар в контексте традиционного народного календаря (по орловским материалам второй половины XIX - начала XX вв.) // Торговля в этнокультурном измерении: Мат-лы XIV Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2015. С. 347-352.

136 Леонова Б.А. Музейное собрание как источник фольклористических исследований // Современная наука и музеи, библиотеки, архивы: сб. науч. статей, докладов и тезисов. Орёл: ОГИИК, 2010. С. 168-172. Леонова Б.А. Собрание местного литературного музея в отраслевых исследованиях этнокультурной проблематики // Вопросы музеологии. СПб., 2011. -№2 (4). С.172-177. Леонова Б.А. Фольклорно-этнографические материалы собрания Орловского объединённого литературного музея И.С.Тургенева в свете проблемы локального текста культуры // Музеи, архивы и библиотеки в современном информационном обществе сб. науч. статей, докладов и тезисов V Международных музейных чтений «Современные проблемы музееведения». Вып. 4. Орёл: ОГИИК, 2011. С. 63-66. Леонова Б.А. Этнографический источник в контексте литературного музея: проблемы интерпретации // Труды СПбГИК 2015. Том 212. Музеи в мире культуры. Мир культуры в музее: Мат-лы Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2013. С.121-126. Леонова Б.А. Традиционные верования и народная магия в фольклорных записях из собрания Орловского государственного объединённого литературного музея И.С.Тургенева // Музеи, библиотеки, архивы как институты исторической памяти: Сборник науч. статей, докладов и тезисов. Орёл: ООО «Горизонт», 2014. С. 145-147.

Библиографический список

1. Русский фольклор: Библиографический указатель. 1800—1855. Сост. Т.Г. Иванова. СПб., 1996.
2. Русский фольклор: Библиографический указатель. 1881—1900. Сост. Т.Г. Иванова. Л., 1990.
3. Русский фольклор: Библиографический указатель. 1901—1916. Сост. М.Я. Мельц. Л., 1981.
4. Русский фольклор: Библиографический указатель. 1917—1944. Сост. М.Я. Мельц. Л., 1966.
5. Русский фольклор: Библиографический указатель. 1945—1959. Сост. М.Я. Мельц. Л., 1961.
6. Русский фольклор: Библиографический указатель. 1960—1965. Сост. М.Я. Мельц. Л., 1967.
7. Русский фольклор: Библиографический указатель. 1966-1975: В 2-х ч. Сост. М.Я. Мельц. Л., 1984 (ч. 1); 1985 (ч. 2).
8. Русский фольклор: Библиографический указатель. 1976—1980. Сост. Т.Г. Иванова. Л., 1987.
9. Русский фольклор: Библиографический указатель. 1981—1985. Сост. Т.Г. Иванова. СПб., 1993-2001.
10. Русский фольклор: Библиографический указатель. 1991—1995. Сост. Т.Г. Иванова и М. В. Рейли. СПб., 2001.
11. Традиционная культура Орловщины: библиографический указатель. М., 2010.
12. Чабан С.Н., Тищенко Т.В. Из истории собирания и исследования музыкально-песенного фольклора Орловского края // Традиционная культура Орловщины: экспедиционные, архивные, аналитические материалы: в 3-х т. Т.2. М., 2012. с. 21-49.

References

1. Russian folklore: bibliographic index. 1800-1855. T.G.Ivanova. Saint-Petersburg, 1996.
2. Russian folklore: bibliographic index. 1881-1900. T.G.Ivanova. Leningrad, 1990.
3. Russian folklore: bibliographic index. 1901-1916. M.Ya.Melts. Leningrad, 1981.
4. Russian folklore: bibliographic index. 1917-1944. M.Ya.Melt. Leningrad, 1966.
5. Russian folklore: bibliographic index. 1945-1959. M.Ya.Melts. Leningrad, 1966.
6. Russian folklore: bibliographic index. 1960-1965. M.Ya.Melts. Leningrad, 1966.
7. Russian folklore: bibliographic index. 1966-1975: 2 parts. M.Ya.Melts. Leningrad, 1984 (Part 1), 1985 (Part 2).
8. Russian folklore: bibliographic index. 1976-1980. T.G.Ivanova. Leningrad, 1987.
9. Russian folklore: bibliographic index. 1981-1985. T.G.Ivanova. Saint-Petersburg, 1993- 2001.
10. Russian folklore: bibliographic index. 1991-1995. T.G.Ivanova, M.V.Reyli. Saint-Petersburg, 2001.
11. Traditional culture of the Orel region: bibliographic index. Moscow, 2000.
12. Chaban S.N., Tischenkova T.V. From the history of collecting and studying music and song folklore of the Orel region // Traditional culture of the Orel region: expeditionary, archival, analytical materials (in 3 parts). Part 2. Moscow, 2012. Pp. 21-49.

В.А. ЛУКИН

доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева
E-mail: lucerby@yandex.ru

V.A. LUKIN

Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Orel State University named after I. S. Turgenev
E-mail: lucerby@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ КРИЗИС ТОЛЕРАНТНОСТИ (I)

SOCIOCOMMUNICATIVE CRISIS OF TOLERANCE (I)

В центре внимания автора находится толерантность, рассматриваемая в социально-философских и коммуникативных аспектах. Амбивалентный и парадоксальный характер восприятия толерантности носителями русского языка иллюстрируется словообразовательным гнездом -ТОЛЕР-, представленным как ряд ситуаций с участниками, их действиями и состояниями. Основное внимание уделено кризису толерантности – противоречию между целью толерантности (компромисс) как культурно-коммуникативной идеологии vs. результату ее использования (конфликт) в современном обществе.

Ключевые слова: кризис толерантности; коммуникативная толерантность, конфликт; компромисс; самопротиворечивость толерантности.

The focus of the author is tolerance considered in the philosophical and communicative aspects. The ambivalent and paradoxical character of the perception of tolerance is illustrated by Russian family of words -TOLER- presented as a series of situations with the participants, their actions and attitudes. Special attention is paid to the crisis of tolerance – the contradiction between the goal of tolerance (compromise) as a cultural and communicative ideology vs. the result of its use (conflict) in contemporary society.

Keywords: crisis of tolerance; communicative tolerance; conflict; compromise; self-contradictory of tolerance.

Идея толерантности и ее лексические воплощения еще лет двадцать тому назад были на периферии российского идеологического ландшафта, лексической системы языка и культурно-коммуникативных процессов. Соответствующее словообразовательное гнездо было малочисленным и совершенно неразработанным; из всех авторитетных словарей только в Большом академическом (1963) мы можем найти всего три слова с пометой *устар.*: *толерантно, толерантность, толерировать*.

На рубеже тысячелетий происходит импорт европейской культурно-политической идеологии толерантности, который влечет за собой реанимацию слова

(корня). Идея и слово распространяются организованно, систематически, а потому стремительно и довольно агрессивно [9, с. 64–65]. Это закономерным образом вызывает не менее активное и агрессивное сопротивление – нетолерантную реакцию на нетолерантное продвижение толерантности – прежде всего в сфере общественного мнения, в коммуникативных процессах и в языке.

В итоге словообразовательное гнездо -ТОЛЕР- разрослось и оказалось разработанным настолько, что его можно представить как ряд ситуаций, имеющих варианты, градации, участники с их вариантами и градациями, действиями и состояниями.

Таблица 1.

Ситуации
ТОЛЕРАНТНОСТЬ, ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ, ТОЛЕРАНТОЛОГИЯ:
варианты, градации, участники, действия и состояния

СИТУАЦИЯ
ТОЛЕРАНТНОСТЬ (20000000)

×

Градации

архитолерантность (119)
    ²квазитолерантность (569)
мегатолерантность (331)
    ²полутолерантность (93)
    ²тоталерантность (1000)

∅

Варианты

автотолерантность (235)
евротолерантность (3000)
лингвотолерантность (14000)

евротолер-АЗМ(25000)
евротолерА-СТия(2000)
либерал-толерА-СТия (93000)
толера-Б-СТВо (28)
толера-АЗМ (11000)
толера-СТия (11000)
толера-СТоФИЛия (1)
толерантоФИЛия (16)

✘

Участник

Субъект (Агенс)

толерал (444)
толерантствующий (544)
толерант (20000000)
толератор (881)

?толерантист (904)
?толерантицик (913)
?толерист (1000)

полутолерА-СТ (40)
толераНТ-УЛ (274)
толера-СТ (175000)
толерЮГа (157000)
толера-АС (2000)

✘

Объект (Экспириенс)

толерированный (8000)
толерлируемый (10000)

ЗатолерироваННый (255)
НЕДотолерироваННый (1)
ОбтолерантеННый (194)
ОттолерантеННый (383)
ОттолерироваННый (229)
ПЕРЕтолерироваННый (26)

Действие участника

толерирование (1000)
толерировать (11 000)
толерироваться (1000)
толеровать (1000)
?толерантничать (4000)

ВЫтолера-СТить (63)
ДОтолера-СТиться (11000)
ДОтолерировать (146)
Затолерантить (857)
Затолера-СТить (590)
Затолерировать (261)
НАтолера-СТить (182)
Обтолерантить (222)
Обтолера-СТить (208)
Оттолера-СТить (1000)
Оттолерировать (240)
ПЕРЕтолерировать (26)
ПРОтолерантить (207)
ПРОтолера-СТить (218)
?толеранствовать (3000)

Свойства участника

толерантный (20000000)

∅

Г р а д а ц и и

∅

АРХИтолерантный (2000)
КВАЗИтолерантный (217)
МЕГАтолерантный (1000)
НАИтолерантнЕЙШий (750)
НЕДОтолерантный (578)
ПОЛУтолерантный (460)
СВЕРХтолерантный (9000)

Варианты	
<i>толерантолюб</i> (5)	<i>гомолЕРА-СТ</i> (249) <i>зоомолЕРА-СТ</i> (14) <i>толеРА-Б</i> (445) <i>евромолЕРА-СТ</i> (3000) <i>либЕРА-СТ-толЕРА-СТ</i> (82000) <i>НЕКРОтолЕРА-СТ</i> (16) <i>педотолЕРА-СТ</i> (241) <i>толЕРА-СТлюб</i> (5) <i>толЕРА-СТоФИЛ</i> (45) <i>толеРА-ЗМатик</i> (1000) <i>толерал-либЕРА-СТ</i> (473) <i>толерОИД</i> (328) <p style="text-align: center;">✘</p>
Состояние участника	
∅	<i>толерантНУ-Тый</i> (4000)
Инструмент участника	
∅	<i>толЕРА-СТин</i> (290)
СИТУАЦИЯ <i>ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ</i> (50000000)	
<i>антитолерантность</i> (6000) <i>контртолерантность</i> (22000) <i>нетолерантность</i> (67000) <p style="text-align: center;">?толерантофобия (12)</p>	∅
У ч а с т н и к	
?толерантофоб (9000)	∅
Субъект (Агенса)	
∅	<i>антитолЕРА-СТ</i> (3000)
Свойство участника	
<i>атолерантный</i> (366) <i>интолерантный</i> (49000) <i>нетолерантный</i> (393000) <p style="text-align: center;">∅</p>	∅
Инструмент участника	
∅	<i>антитолЕРА-СТин</i> (6)
СИТУАЦИЯ <i>ТОЛЕРАНТОЛОГИЯ</i> (178)	
<i>толерантоведение</i> (17) <i>толерантознание</i> (1) <p style="text-align: center;">∅</p>	<i>толЕРА-СТология</i> (8)
У ч а с т н и к	
<i>толерантолог</i> (180)	<i>толЕРА-СТолог</i> (56)

Цифры в скобках после слов (представлены в орфографии источника) обозначают количество ответов поисковика Яндекс на запрос по соответствующей лексеме (конец марта – начало апреля 2016 г.).

Слева в списке даны лексемы с нейтральной семантикой, справа – содержащие негативные коннотации, определенные на основании внутренней формы слова. Словообразовательные средства выделены прописными буквами и разделены на части, которые не всегда совпадают с границами морфем вследствие наложения различных способов словообразования (*толеРАнтность* + *маРАЗМ* → *толеРА-ЗМ*, *толеРАНТный* + *таРАНТУЛ* → *толеРАНТ-УЛ*; *толЕРАНтность* + *педЕРАСТия* → *толЕРА-СТия*).

Контекстный анализ, являющийся отдельной задачей, в настоящей статье не представлен. Учтем лишь то, что самые частотные слова *интолерантность* (50000000), *толерант* (20000000), *толерантность* (20000000), *толерантный* (20000000), *нетолерантный* (393000) многозначны (являются терминами иммунологии, медицины, математики); в интересующих нас значениях они употребляются как в нейтральных контекстах, так и в негативных, вплоть до оскорбительных. Наоборот, все лексемы с негативными коннотациями, а также содержащие такие коннотации с известной вероятностью (они смещены к центру списка и отмечены знаком «³») при значительно меньшей частотности тяготеют к лексической и контекстной однозначности

(причем это относится и к обценной лексике, наличие которой обозначено знаком «✖»).

Несмотря на изменчивость состава словообразовательного гнезда, можно с уверенностью констатировать, что оно растет за счет окказиональных новообразований с негативными коннотациями. Они разнообразнее и их намного больше (59), чем нейтральных (28). Причем максимум словообразовательной активности при доминировании негативных коннотаций приходится на ситуацию *ТОЛЕРАНТНОСТЬ* (56 vs. 17), тогда как *ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ* и *ТОЛЕРАНТОЛОГИЯ*, напротив, характеризуются перевесом нейтральной лексики (11 vs. 4).

Несомненно, часть носителей русского языка и русской культуры расценивает в качестве аномалии *ТОЛЕРАНТНОСТЬ*, а не *ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ*. Прототипический аномальный объект обозначения задается наиболее частотной мотивирующей синтагмой *-EP-ACT-*, которая однозначно указывает на девиантную социальную группу лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Сделанное на ограниченном материале, это наблюдение тем не менее отражает общую тенденцию.¹ По данным ВЦИОМ, Россия демонстрирует нарастание негативного отношения к гомосексуалистам, лесбиянкам и однополым бракам: «При этом интересно, что мы движемся в противоположе, усиливая, вопреки мировой тенденции, неприятие гомосексуальных связей. Поэтому данный показатель может служить одним из параметров национальной идентификации» [2].

Для Субъекта (Агенса) и других активных участников ситуации *ТОЛЕРАНТНОСТЬ* более характерны не процессуальные и длящиеся действия, а интенсивно-результативные (глагольная составляющая словообразовательного гнезда многочисленна и в грамматическом отношении наиболее выразительна – уточняет и усиливает лексически выраженную семантику).

Соответственно, Объект (Экспириенс) обозначен однородным рядом грамматических форм пассива и предстает как претерпевший целенаправленное интенсивное, возможно, агрессивное и унижительное воздействие.

Из списка ситуаций, составленного по материалам словообразовательного гнезда, следует, что *ТОЛЕРАНТНОСТЬ* – это аномальная ситуация с неопределенно широкой шкалой градации, прототипическому субъекту которой свойственны патологические наклон-

ности, проявляющиеся в целенаправленных, энергичных и в значительной мере агрессивных действиях, направленных на объект ситуации – Экспириенса, безответно претерпевающего результативные воздействия негативного, возможно, унижительного и постыдного толка.

Это картина не согласия, сотрудничества и гармонии в многообразии, а острого конфликта и раздора. В лингвистическом аспекте конфликт в том, что значение слова *толерантность* и либерально-демократическая идея толерантности вступают в отношения противоположности с тем, что и как называет толерантностью часть носителей русского языка.

Конфликт, в свою очередь, свидетельствует о явном социально-коммуникативном кризисе. Как и всякий кризис он представляет собой излом, ломку, перелом, разрыв; предполагает выход наружу того, что до поры было скрыто – «внутреннее становится внешним, ранее невидимое становится зримым» [7, с. 141]. Создаются наилучшие условия для научного исследования.

Конечная цель заключается в построении теоретически мотивированного определения коммуникативной толерантности, которое стало бы основанием для критического анализа и установления границ данного феномена. В основном эти результаты представлены в нашей следующей статье «Социально-коммуникативный кризис толерантности (II)». Для их достижения в настоящей статье – первой из двух – обосновываются следующие тезисы:

1. Поскольку толерантность как социально-философская и политическая доктрина хронологически и по существу первична относительно стандартных коммуникативных практик ее реализации – предмета лингвистических исследований, – определение коммуникативной толерантности возможно только на основе выявления общих и устойчивых смыслов, слагающих политическую и социально-философскую идею толерантности. Сам по себе анализ лексем и речевых процессов мало что дает, потому что он вторичен. Мы имеем дело как раз с тем случаем, когда «бесплодно всякое определение, сделанное на основании слова; плохо, когда при определении вещей исходят из слов» [12, с. 38].

2. Идея толерантности внутренне противоречива: неукоснительное следование толерантности как социально-политической идеологии может привести и приводит в наши дни к результату (конфликт), противоположному цели (компромисс), достижению которой толерантность призвана содействовать.

3. По этой причине мы сегодня являемся свидетелями того, как толерантность – культурно-политическая идеология и коммуникативная практика – приобретает все более кризисный характер в крупнейших странах Европейского Союза.

Рациональность и противоречия толерантности

Со времен знаменитого «Послания о веротерпимости» Дж. Локка (XVII в.) до «Декларации принципов терпимости» (конец XX в.) толерантность сохраняет

¹ Словообразовательное гнездо, представленное в виде ряда ситуаций, – вполне естественный объект в отличие от довольно искусственных концептов и фреймов толерантности, которые типичны для многих отечественных лингвистических исследований (см., например, обзоры литературы в [8, 11]). Существенно при этом, что лингвисты, делая акцент на аксиологических аспектах рассматриваемой темы, не дополняют анализ лексики, текстов и коммуникации концептуальным объяснением тех причин – прежде всего политических и философских, – которые обусловили как столь широкое распространение толерантности, так и ожесточенное противодействие ей. Поэтому одна из основных задач нашего исследования – восполнение этого пробела, а не критический обзор лингвистических публикаций о толерантности (впрочем, недостатки и упущения чисто лингвистического подхода становятся в этом случае достаточно очевидными).

ряд своих содержательных свойств.

Толерантность как допущение инаковерия и инакомыслия, открытость по отношению к чужому и противоположному мнению, признание его правомерности, отказ от насилия в разрешении конфликтов и готовность к поиску компромисса не является универсальным понятием.

Еще Локк утверждал, что никакая церковь не должна мириться с теми, кто внутри нее «упорно нарушает установленные данным сообществом законы», ибо в противном случае она погибнет [6, с. 100]. Речь идет об обществе в целом: «неограниченная терпимость должна привести к исчезновению терпимости», поэтому «во имя терпимости следует провозгласить право не быть терпимыми к нетерпимым» [10, с. 328–329]. Следовательно, понятие толерантности влечет за собой смысл ‘нетерпимость по отношению к нетерпимым’:

В свою очередь, толерантность как ‘терпимость по отношению к терпимым’ всегда вторична по отношению если не к конфликту, то к противоречиям и разногласиям, которые являются необходимой предпосылкой к толерантности. «Нам не требуется быть толерантными к чужим взглядам и точкам зрения, когда мы к ним уже и так индифферентны или даже осознаем ценность этого “иного понимания”. Ожидание толерантности требует от нас сознательно “отвлечься” от сохраняющегося на когнитивном уровне несогласия ради разрешения противоречий на уровне социального взаимодействия, чтобы мы на время отстранились от этого несогласия» [13, с. 47]. То есть толерантность и в этом случае по презумпции предполагает наличие смысла ‘несогласие’ – невыраженного и парадоксальным образом преднамеренно забытого несогласия «на когнитивном уровне».

Толерантность нацелена на достижение компромисса, но не предполагает разрешение противоречия, лежащего в основании конфликта, – в противном случае терпеть или демонстрировать согласие нет нужды. По этой причине толерантность результативна, только если она процессуальна, а сама процессуальность характеризуется неопределенностью, принципиальной незавершенностью (в этом явное противоречие должного и действительного, как оно представлено русским словообразовательным гнездом, точнее говоря, глагольной частью ситуации *ТОЛЕРАНТНОСТЬ*).

Если бы толерантность была способом разрешения конфликтов, мы могли бы постоянно наблюдать ее самоустранение. В действительности же, наоборот, «на релевантном когнитивном уровне конфликт не разрешается; он должен быть некоторым образом сегментирован и нейтрализован в поведенческих действиях, во всяком случае, должен быть заторможен, чтобы обеспечить контакты на уровне социальной интеракции» [13, с. 48].

Толерантность рациональна практически, ситуативно, то есть тогда, когда целесообразна. Например, принятие инакомыслия и суждений, противоположных собственным, рационально и необходимо, если ни истинность, ни ложность их не может быть установлена.

Поэтому *tolerantia* Локка – это прежде всего *vero*–терпимость, к которой потом правомерно были добавлены культурное многообразие, права человека, свобода убеждений, моральные ценности...

Расширение границ толерантности означает увеличение числа конфликтов, по которым достигнуты или достигаются компромиссы без устранения первооснов, причин конфликтов. Это придает толерантности все большую значимость, ценность и одновременно опасную противоречивость.

Как раз в этом своем качестве толерантность нужна и выгодна политике – искусству возможного, которое равнодушно к противопоставлению истины и лжи в стремлении к достижению своих целей. Цели могут быть благими – толерантность служит средством для избавления от предрассудков, предубеждений, ограниченности – или порочными: «за фасадом возрожденного понятия толерантности формируется другой, возможно, еще более изощренный, опыт насилия» [3, с. 75].

Толерантность не является абсолютной ценностью, потому что она всегда «служит для» – для мира, стабильности, гармонии, прогресса; для манипулирования, сохранения и консервирования существующего порядка вещей... То есть она представляет собой инструментальную ценность vs. антиценность и по этой причине «ускользает» от классификации в виде добродетели, поскольку вообще не является добродетелью. Это очевидно во всех подходах к толерантности...: они влекут за собой толерантность или требуют ее, поскольку действуют другим ценностям, которых нельзя достичь иначе как в условиях смирения с различием» [5, с. 33].

Толерантность возможна только в условиях, формируемых и определяемых властью и силой – политической, административно-бюрократической, военной, теократической, финансово-экономической и т.п. При этом субъект толерантности – всегда тот, кто, имея силу или власть (или тот, кого защищает власть и кто по праву может обратиться к ней), готов не применять их против объекта толерантности – носителя иных мнений, убеждений, ценностей, не располагающего сопоставимыми властными и силовыми ресурсами. Фермер может быть толерантен к сезонным рабочим-мигрантам, офицер – к манере общения рядовых в свободное время, белые в США могли быть толерантны к неграм и индейцам в XIX веке, в России того же времени – помещики к крепостным крестьянам, но не наоборот (вербальное согласие объекта толерантности с субъектом при сохранении идейных, моральных, культурных, социальных разногласий – это симпатия, миролюбие, соглашательство, покорность, смирение, безволие, апатия, хитрость, затаенная злоба, но не толерантность).

При этом субъект и объект толерантности находятся под защитой закона. Терпимость к тем, кто лишен прав или по определению не попадает под охрану закона, – не толерантность, а или преступное попустительство (педофилы, беглые преступники и лица, объявленные в розыск), или просто жалость (заклученные, бездомные животные).

Толерантность, таким образом, тем отличается от жалости, сострадания, гуманности, терпения, что «опирается на предпосылку существования универсальной силовой основы, аккумулированной в определенных государственных (межгосударственных тоже) учреждениях и способной сдерживать конфликт мировоззрений в состоянии взаимотерпимости» [3, с. 76]. «О проявлении толерантности уместно говорить только в случае обладания... субъектом силой для подавления различия или возможности... отклонения» [4, с. 155].

Условием возникновения и становления идеи толерантности является неравенство, цель толерантности – установление равенства; она «рождается из духа равенства» (Л. Ионин), но ее существование длится, пока сохраняется неравенство (в противном случае, когда равенство достигнуто и освящено законом, речь идет не о терпимости и доброй воле, а о подчинении или правонарушении).

Если участники коммуникации обладают не только равными правами, но и паритетом сил, то безукоризненно корректные формы демонстрации согласия не могут служить диагнозом толерантности. Она возможна, но не отличима от слабости, боязни, примиренчества, безразличия, сдержанности, дальновидной хитрости, коварства, житейской сметки, если ни у одного из участников коммуникации нет реальной возможности использовать силу для разрешения исходного противоречия. Поэтому следование протоколу при политических, военных или дипломатических переговорах между равными партнерами, диалог, сопровождаемый улыбкой, между покупателем и продавцом, доброжелательная беседа священников, представляющих разные конфессии, транслируемая по телевидению, наверняка свидетельствуют только о вежливости при неопределенной вероятности всего прочего.

К началу XXI века толерантность приобретает новые черты.

Вследствие процессов глобализации границы между «своими» и «чужими» смешались и наложились друг на друга, усилив неопределенность идеологии толерантности, с которой теперь «оказываются согласными несогласные друг с другом в основных принципах политические движения» [14, с. 164]. Неопределенность семантики предопределяет выход на первые роли прагматики. Кто «свои» и кто «чужие» все чаще решается с позиций мирового субъекта политики толерантности, который совпадает с субъектом политики глобализации – стран золотого миллиарда во главе с США.

В частных случаях асимметричное распределение ролей субъекта и объекта толерантности также предопределено силовым потенциалом. Поэтому мена ролей субъекта и объекта свидетельствует о перемене власти или о ее эрозии. В Европе такого рода эрозия проявляется в том, что государственные и надгосударственные институты, призванные в демократическом обществе выражать волю и интересы большинства, все чаще наделяют особыми правами явные меньшинства (сексуальные, этнические), ущемляя большинство. «Возникает

новый риск в развитии общества – дискриминация большинства как современный вызов демократии» [1, с. 86].² Следовательно, достигая равенства как своей цели, толерантность создает условия для нового неравенства – отрицает саму себя.

Поскольку в условиях глобализации растет число открытых и тлеющих конфликтов, политика толерантности расценивается во многих случаях в качестве безальтернативной, что ведет к ее экспансии и вызывает конфликты среди «своих» (например, отношение властей крупнейших стран Европы к однополым бракам и особенно к мигрантам создает новые линии конфронтации внутри этих стран и между странами).

Таким образом, неукоснительное следование толерантности как идеологии приводит к результатам, противоположным цели, ради достижения которой к толерантности в свое время обратились. Наступает кризис толерантности. Ее противоречия и пороки становятся настолько очевидными, что не могут больше вызывать раздражения и неприятия со стороны широких слоев населения – не философов, политологов или социологов, среди которых всегда были критики и противники толерантности, а простых людей. Но пока такое положение дел характерно для России.

В Европе кризис толерантности смягчен тем, что он носит вторичный характер, как вторична сама толерантность – инструментальная ценность. Причина же кроется в провале общеевропейского проекта по построению мультикультурного общества; толерантность – необходимое условие для осуществления политики мультикультурализма. Любопытно, что Совет Европы призывает отказаться не только от заведшей в тупик идеологии, но и от самого слова *мультикультурализм* [1, с. 87].

От толерантности европейцы отказываться не спешат потому, скорее всего, что данное средство пригодно для разных целей и, кроме того, пока не ясно, чем его можно заменить. Это логично и представляет собой закономерное развитие толерантности как политической практики, которая приемлема, пока целесообразна (и от которой при изменении условий ничто не мешает отказаться). Основа такого рода целесообразности складывается в тех сферах человеческой деятельности, где, как было сказано, господствуют мнения (*δόξα*), по отношению к которым противопоставление истины и лжи либо нейтрализуется, либо ни то, ни другое не доказуемо.

² Из преамбулы к резолюции Европейского парламента «О гомофобии в Европе» (2006) следует, «что любые попытки обосновать неприемлемость большинством гомосексуализма заранее объявляются только уловками, маскирующими “иррациональный страх” перед людьми нетрадиционной сексуальной ориентации» [1, с. 89]. На этом основании «некоторые эксперты предлагают врачам-психиатрам рассматривать гомофобию как “нетерпимое расстройство личности” ... и классифицировать ее как психическое заболевание в острой форме, подлежащее принудительному лечению» [1, с. 90].

Библиографический список

1. *Аксеновский Д.И.* Дискриминация большинства как новый риск в развитии общества. Вестник РГГУ. Сер. «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2014, № 1 (123). С. 86-93.
2. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2876. Однополые браки: за и против. 09.07.2015. – [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115315> (дата обращения 15. 04. 2016).
3. *Быстрицкий Е.К.* Конфликт культур и методология толерантности. Вопросы философии. 2009, № 11. С. 74-86.
4. *Ильинская С.Г.* Философско-методологические подходы к изучению категории «толерантность» // Политико-философский ежегодник. Вып. 1. М.: ИФРАН, 2008. С. 154-168.
5. *Кэрри Дж. Н.* Толерантность в новом ключе: историческая и глобальная перспективы // Толерантность в современной цивилизации. Сборник методических материалов. Т. 1. Философия толерантности: история и современность. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2007. С. 29-34.
6. *Локк Дж.* Послание о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 91-134.
7. *Лукин В.А.* Кризис и текст. Русское слово в русском мире. М.: Азбуковник, 2006. С. 126-167.
8. *Михайлова О. А.* Лингвокультурологические аспекты толерантности. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.
9. *Никифорова Л. В.* Толерантность vs. компетентность // Фундаментальные проблемы культурологии: Культурное многообразие: теории и стратегии М., СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009. С. 63-70.
10. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
11. *Романова Т.В.* Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) // Политическая лингвистика. 2015, № 2 (52). С. 39-49.
12. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М.: Соцэкгиз, 1933.
13. *Хабермас Ю.* Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий // Социологические исследования. 2006, № 1. С. 45-53.
14. *Хомяков М.Б.* Критики толерантности // Толерантность в современной цивилизации. Сборник методических материалов. Т. 1. Философия толерантности: история и современность. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2007. С. 164–177.

References

1. *Aksenovskij D.I.* The discrimination of the majority as a new risk in the development of society // Bulletin of Russian State Humanitarian University. Ser. "Political science. Social and communication science". 2014, № 1 (123). Pp. 86-93.
2. VTSIOM. Press release № 2876. Same-sex marriage: the pros and cons. 09/07/2015. [Electronic resource] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115315> (Date of access 15. 04. 2016).
3. *Bystritskij E.K.* Conflict of cultures and tolerance methodology // Problems of Philosophy. 2009, № 11. Pp. 74-86.
4. *Iljinskaya S.G.* Philosophical and methodological approaches to the study of "tolerance" category // Political and Philosophical Yearbook. Vol. 1. М.: IFRAN, 2008. Pp 154-168.
5. *Carry J. N.* Tolerance in a new way: Historical and global perspectives // Tolerance in modern civilization. Collection of teaching materials. Vol. 1. Philosophy of Tolerance: History and Modernity. Yekaterinburg: Ural State University, 2007. Pp 29-34.
6. *Locke J.* A Letter Concerning Toleration // Locke J. Works. Vol. 3. М.: Mysl, 1988. Pp 91-134.
7. *Lukin V.A.* The crisis and the text // Russian word in Russian world. М.: Azbukovnik, 2006. Pp 126-167.
8. *Mikhailova O. A.* Linguistic and cultural aspects of tolerance. Ekaterinburg : Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2015.
9. *Nikiforova L.V.* Tolerance vs. Competence // Fundamental problems of cultural studies: Cultural diversity: theory and strategy. М., St. Petersburg: Novyj khronograf, Eidos, 2009. Pp. 63-70.
10. *Popper K.* The Open Society and Its Enemies. Vol. 1. М.: Phoenix; Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaya initsiativa», 1992.
11. *Romanova T. V.* Tolerance and political correctness: an analytical review of the current state of the problem (linguistic aspect) // Political linguistics. 2015, № 2 (52). Pp. 39-49.
12. *Saussure F. de.* Course in General Linguistics. М.: Sotsekgiz, 1933.
13. *Habermas J.* When should we be tolerant? On competition of visions of the world, values and theories // Sociological studies. 2006, № 1. Pp. 45-53.
14. *Khomyakov M.B.* Critics of tolerance // Tolerance in modern civilization. Collection of teaching materials. Vol. 1. Philosophy of Tolerance: History and Modernity. Ekaterinburg: Ural State University , 2007. Pp 164-177.

Л.А. ЛЫСЕНКО

аспирант, кафедра филологии и массовых коммуникаций, Нижневартровский государственный университет

E-mail: lla-08@mail.ru

L.A. LYSENKO

Graduate student, Department of philology and mass communication, Nizhnevartovsk State University

E-mail: lla-08@mail.ru

**ОБРАЗ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
И.С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» И Б.К. ЗАЙЦЕВА «ПУТЕШЕСТВИЕ ГЛЕБА»**

**THE IMAGE OF THE RUSSIAN ORTHODOX IN THE AUTOBIOGRAPHICAL WORKS OF I.S.SHMELEV'S
«SUMMER OF THE LORD» AND B.K. ZAITSEV'S «GLEB'S JOURNEY»**

В данной статье рассматриваются два автобиографических произведения авторов русского зарубежья И.Шмелева и Б.Зайцева, предпринимается попытка сравнения присутствующих в них признаков распространенности православия в России конца 19–начала 20 веков как основной веры русского народа. В произведении «Лето Господне» Россия представлена как глубоко православная страна, в «Путешествии Глеба» описан путь к вере.

Ключевые слова: православие, Шмелев, Зайцев, Лето Господне, Путешествие Глеба, вера, традиции, праздники.

This article discusses two autobiographical works of authors of the Russian diaspora B. Zaitsev and I. Shmelev, an attempt to present a comparison of Orthodoxy in their prevalence of signs in Russia in the late 19th and early 20th centuries, as the basic belief of the Russian people. In the works «Summer of the Lord» Russia is presented as a deeply Orthodox country, in «Gleb's Journey» the path to faith is described.

Keywords: Orthodox, Shmelev, Zaitsev, Summer of the Lord, Gleb's Travel, faith, traditions, holidays.

Среди писателей русского зарубежья ярко выделяется творчество двух авторов – Ивана Сергеевича Шмелева и Бориса Константиновича Зайцева. Оба автора написали свои самые крупные автобиографические произведения в эмиграции, а посвящены они любимой ими России, в которую при жизни им попасть не довелось. Не только направление творчества, но жизненный путь и судьбы Ивана Шмелева и Бориса Зайцева во многом схожи. И Шмелев и Зайцев признаны литературоведами православными писателями, несмотря на то, что их пути к вере были разными.

Шмелев родился и вырос в Москве в патриархальной православной семье, впитал дух православия с детства, чему и посвятил свое автобиографическое произведение «Лето Господне». И. Ильин (как видно из эпиграфа, это произведение посвящено известному философу и его супруге) отмечал, что это рассказ о том, как русский, христиански озаренный простец строил свои будни, покоряясь солнцу планетному и молитвенно осмысливая свою жизнь солнцем православия. Как год его жизни делался православным годом и в то же время трудовым хозяйственным годом, протекавшим перед лицом Божиим. Это рассказ о том, в каких, праздниками озаренных буднях русский народ прожил тысячу лет и построил свою Россию [1, с. 383].

Произведение состоит из трех частей: «Праздники»,

«Праздники-радости», «Скорби», а названия глав чаще являются названиями православных праздников, например «Пасха», «Рождество», «Крещение», «Покров», «Вербное воскресенье», либо таинств («Соборование»), традиций («Говенье», «Крестный ход», «Благословение детей»), либо этапов человеческой жизни («Именины», «Кончина»). Особенно стоит выделить главу «Москва» – в ней отец главного героя Вани любит Москву: «Отец смотрит на Москву, долго-долго. И будто говорит сам с собой: – А там... Донской монастырь, розовый... А вон, Казанская башня... а то – Данилов... Симонов. Сухарева башня...» [5, с. 432]. В этом любовании Москвой и одновременно прощании с городом – ведь это были последние дни жизни отца – образ православной Москвы, которой дорожат, как оплотом православия, потому что живут в окружении монастырей, и сам город дышит в восприятии героев произведения красотой веры. Шмелев колоритно описывает, как зимой на Крещение на Москве-реке лед колот, проруби сооружают, перед постом открывается великопостный рынок, а перед Пасхой – вся жизнь города подчинена приговору к великому празднику в домах, на рынке, торговых лавках.

Первая глава первой части – «Великий Пост», глава о покаянном настроении православной семьи. «Я просыпаюсь от резкого света в комнате: голый какой-

то свет, холодный, скучный. Да, сегодня Великий Пост. Розовые занавески с охотниками и утками уже сняли, и оттого так голо и скучно в комнате. Сегодня у нас Чистый Понедельник, и все у нас в доме чистят... И радостное что-то копошится в сердце: новое все теперь, другое. Теперь уж «душа начнется», – Горкин вчера рассказывал, – «душу готовить надо». Говеть, поститься, к Светлому Дню готовиться» [5, с. 283]. Дальше идет рассказ о Пасхе, Троице, Рождестве и других православных праздниках. И исчисление периодов времени также идет по православным праздникам: «...Рождество скоро... а там и мясоед...» [5, с. 296]. Жизнь семьи, окружения – как в бытовом, так и духовном проявлении – подчинена кругу православных праздников.

Главным героем автобиографической поэмы в прозе «Лето Господне» является маленький Ваня, в образе которого без труда угадывается сам автор Иван Шмелев. Рядом с ним отец – Сергей Иванович, русский купец, знающий торговое дело, при этом глубоко верующий, добрый, занимающийся благотворительностью, с уважением относящийся даже к простым мужикам. Произведение заканчивается его кончиной и похоронами. И хотя жизнь главного героя Вани еще будет долго продолжаться, влияние отца на сына оказалось решающим, как и наставника Горкина, который работал на его отца. Именно Горкин с любовью рассказывал ребенку о вере, постепенно приоткрывая свет православия, который Шмелев пронес через всю жизнь. Горкин рассказывал о православных праздниках не в отрыве от жизни русского народа, а наоборот, подчеркивая устоявшиеся традиции, как принято их отмечать, каким должен был быт, но главное – духовную суть праздников. Вот Горкин наставляет мальчика, например, рассказывая о рождественских традициях: «В Сочельник, под Рождество, – бывало, до звезды не ели. Кутью варили, из пшеницы, с медом; взвар – из чернослива, груши, шепталы... Ставили под образа, на сено. Почему?... А будто – дар Христу. Ну..., будто, Он на сене, в яслях» [5, с. 368]. А перед Троицей объяснял, почему не было принято работать в этот день, и в каждом мудром слове наставника столько глубины, что невольно проникаешься верой в каждое слово и будто слышишь спокойный ровный тон благоговейного повествования: «Завтра вся земля именинница. Потому – Господь ее посетит. У тебя Иван-Богослов ангел, а мой – Михаил-Архангел. У каждого свой. А земли-матушки сам Господь Бог, во Святой Троице... Троицын день. «Пойду, – скажет Господь, – погляжу во Святой Троице, навещу». Адам согрешил. Господь-то чего сказал? «Через тебя вся земля безвинная прокляна, вот ты чего изделал!» И пойдет. Завтра на коленках молиться будем, в землю, о грехах. Земля Ему всякие цветочки взростила, березки, травки всякие... Вот и понесем Ему, как Авраам-царь. И молиться будем: «пошли, Господи, лето благоприятное!» Хо-рошее, значит, лето пошли» [6, с. 351].

Интересным моментом, подчеркивающим объединяющую силу православия для Москвы конца 19 века, является описание Крестного хода в одноименной гла-

ве. Начинается она с описания подготовки конкретной семьи главной героя – маленького Вани: «Завтра у нас “Донская”. Завтра Спас Нерукотворный пойдет из Кремля в Донской монастырь крестным великим ходом, а Пречистая выйдет Ему навстречу в святых воротах. И поклонятся Ей все Святые и Праздники, со всех хоругвей. У нас готовятся. Во дворе прибирают щепу и стружку, как бы пожара не случилось: сбежится народ смотреть, какой-нибудь озорник-курильщик ну-ка швырнет на стружку! а пожарным куда подъехать, народ-то всю улицу запрудит. Горкин велел поставить кадки с водой и швабры, – Бог милостив, а побережся надо, всяко случается» [6, с. 208].

В доме главного героя собирается много разного народа, который готовится к участию в Крестном ходе, в основном странники и простые люди: «...а “Донская” у нас великий праздник, со старины, к нам со всей Москвы съедутся, как уж заведено, – все и парадно надо. К вечеру все больше народу напоздает, в мастерской будут ночевать. Кипит огромный самовар-котел, поит пришлых чайком Катерина Ивановна, которая лесом торговала, а прогоревши, – по милосердию, Богу предалась, для нищих... Сидят всякие старички, старушки в тальмах с висюльками, в парадных шалях, для праздника; вынули из сундуков, старинные» [6, с. 212]. Всех собравшихся приютили в доме ради праздника, обогрели, накормили по старинному православному обычаю – приютить путешественников. К празднику дорожки, по которым пройдет Крестный ход, посыпали красным песком и травой «чтобы неслышно было, будто по воздуху понесут. У забора на Донскую улицу плотники помосты намостили – гостям смотреть» [6, с. 210], в каждом дворе навели полный порядок. Вот как о сути празднования рассказывал Горкин Ване: «...радость-то какая, косатик... встретятся у донских ворот, Пречистая со Спасителем! и все воспоют... и певчие чудовские, и монахи донские, и весь крестный ход – “Царю Небесный...” а потом – “Богородице Дево, радуйся...”!» [6, с. 208].

И вот сам Крестный ход в день празднования иконы Божией Матери «Донская» «Вот и “Донская” наступила. Небо – ни облачка. С раннего утра, чуть солнышко, я сижу на заборе и смотрю на Донскую улицу. Всегда она безлюдная, а нынче и не узнать: идет и идет народ, и светлые у всех лица, начисто вымыты, до блеска. Ковыляют старушки, вперевалочку, в плисовых салопках, в тальмах с висюльками из стекла, и шелковых белых шалях, будто на Троицу. Несут георгины, астрочки, спаржеву зеленцу, – положить под Пречистую, когда поползут под Ее икону в монастыре. С этими цветочками, я знаю, принесут они нужды свои и скорби, всякое горе, которое узнали в жизни, и все хорошее, что выдали, – “всю свою душу открывают... кому ж и сказать-то им!” – рассказывал мне Горкин» [6, с. 215]. В этом рассказе Горкина суть веры православного народа, великое почитание святых, умение просить помощи у святых, Богородицы, уповать на милость Бога.

Продолжается глава описанием Крестного хода: «Подвигается Крестный ход. Впереди – конные жан-

дармы, едут по обе стороны, не пускают народ на мостовую... Теперь все видно, как начинается Крестный ход. Мальчик, в бело-глазетовом стихаре, чинно несет светильник, с крестиком, на высоком древке. Первые за ним хоругви – наши, казанские, только что в ход вступили. Сердце мое играет, я знаю их. Я вижу Горкина: зеленый кафтан на нем, в серебряной бахромке. Он стал еще меньше под хоругвей; идет-плетется, качается: трудно ему идти. Голова запрокинута, смотрит в небо, в золотую хоругвь, родную: Светлое Воскресение Христово. Вся она убрана цветами, нашими георгинами и астрами, а над золотым крестиком наверху играет, будто дымок зеленый, воздушная, веерная спаржа... Слезы мне жгут глаза: радостно мне, что это наши, с нашего двора, служат святому делу, могут и жизнь свою положить, как извозчик Семен, который упал в Кремле за ночным Крестным ходом, – сердце оборвалось. Для Господа ничего не жалко. Что-то я постигаю в этот чудесный миг... – есть у людей такое... выше всего на свете... – Святое, Бог! – Иван-Воин... – шепчет мне Кланюшка, – с нашей Якиманки... трудится Артамон Иваныч, москательщик. Звонкают и цепляются хоругви: от Спаса в Наливках, от Марона-Чудотворца, от Григория Неокессарийского, Успения в Казачьей, Петра и Павла, Флора-Лавра, Иоакима и Анны... – все изукрашены цветами, подсолнухами, рябинкой. Все нас благословляют, плывут над нами» [6, с. 219]. Продолжается описание продвижения Крестного хода – сотен представителей всех храмов Москвы, которые несут хоругви и иконы. Сам Крестный ход предстает в произведении как нечто живое, сплывающее жителей Москвы, описание образа православной России, которая объединяется во имя праздника.

Подвести итог вышесказанному можно словами А.И. Смирновой, которая характеризует произведение и созданный в нем образ православного образа жизни русского народа: «В его (Шмелёва – Л.Л.) творчестве, пожалуй, впервые эпически, масштабно, глубоко, реалистически достоверно запечатлен православно-религиозный опыт народа, «изнутри» раскрыто его воцерковленное бытие. Собственно психология верования, трудный, порой исполненный драматизма путь человека к единению с Богом, мучительное состояние духовной брани, молитвенное служение Богу — все это отражено писателем с документальной точностью и психологической достоверностью. Подобного преднамеренно емкого и концентрированного воссоздания воцерковленной личности мы не найдем даже в русской классике XIX века, в том числе в произведениях самых последовательно православных художников слова — Достоевского и Лескова» [3, с. 71].

Совсем иначе образ православной России предстает перед нами в автобиографической тетралогии Бориса Зайцева «Путешествие Глеба». Произведение является автобиографическим, написано, как и «Лето Господне» Шмелева, в эмиграции, вот только путь главного героя Глеба в нем описан с раннего детства до взрослых лет.

Характеризуя произведение, авторы учебника по литературе русского зарубежья под редакцией Л.П.

Кременцова отмечают, что «сам Зайцев признавал автобиографический характер произведения, поскольку в нем представлена «история одной жизни». Не случаен и выбор имени героя, связанного через коннотацию имен «Борис» и «Глеб» с именем автора. Название произведения символично, оно обозначает не только конкретный путь, проходимый героем, но и духовное путешествие к самому себе, к вечным ценностям. Зайцев определил жанр произведения как роман-хронику-поэму: ««Путешествие Глеба» обращено к давнему времени России, о нем повествуется как об истории, с желанием, что можно, удержать, зарисовать, ничего не пропуская из того, что было мило сердцу» [4, с. 111].

Автобиографическая тетралогия состоит из частей «Заря», «Тишина», «Юность», «Древо жизни». В них – жизнь и судьба российской семьи и главного героя Глеба, детство которого прошло не в православной семье, а в семье инженера, просвещенной по тем временам семье, в которой считали веру уделом людей простых. «В устовском доме кое-где висели образа, но случайные, без любви заведенные, без любви к ним и относились: ни отец, ни мать, «люди шестидесятых годов», верующими не были. Мать, к ужасу родных, некогда ходила в Петербурге на курсы, слушала физиологию у Сеченова и носила модный тогда гарибальдийский берет. Базаровское было ей не чуждо. А отец, смеясь, рассказывал, как в Горном институте профессор богословия опровергал Дарвина. Священники в доме бывали, на Пасху и Рождество – получали, что надо, «вкушали», придерживая рукава рясы, и отправлялись восвояси» [2, с. 37]. Именно так о семье главного героя Глеба, а значит и о своей семье, рассказывает Зайцев с первых страниц произведения. Однако уже здесь видим, что, несмотря на «просвещенность», православные праздники в семье отмечали и исполняли связанные с ними традиции. К примеру, в части «Заря» мы встречаем описание празднования Рождества в семье: «Так или иначе относились бы родители Глеба к Рождеству, в русской деревне, да и во всей жизни тогдашней прочно сложился рождественский обиход. Давным-давно вся уж Россия с океанами лесов своих, полей, степей Младенца приняла...» [2, с. 55]. Далее автор описывает, как простые деревенские жители ходили в Церковь на Рождество, как выглядел священник, вызывавший у Глеба детский страх: «Глеб боялся священников, и из самых дальних дней бытия у него сохранился как бы ужас перед нестигающей золотой ризой, кропилом, огромными поповскими сапогами. Именно край ризы, из-под которой видны сапоги на слона, это была первая его встреча с Церковью» [6, с. 56]. В это Рождество священник также по давно заведенному обычаю пришел в дом: «Он, разумеется, знал, что «господа» равнодушны к религии, но о чем говорить? На первый день полагается молебен в барском доме, будет чего и вкусить, будет и злато». После молебна, повествует автор, «отец первым подходил ко кресту, потом мать, дети. Глеб прикладывался бесчувственно. Главная его забота была – не сделать бы чего неловкого, не вызвать бы неудовольствия старика в

ризе и странной лиловой шапке. А отец Рождество даже любил. Приятным небольшим тенором с утра распевал: «Рождество Твое, Христе Боже на – наш, возсия мирови свет разума!» [2, с. 57]. Итак, Зайцев отмечает, что веками существовавшая рождественская традиция все же была не чужда и в доме «просвещенных» людей того времени. Есть еще один момент, на котором писатель заостряет внимание, – это поведение в праздник простого деревенского народа, в котором мы не находим идиллической картинки шмелевского лета Господня, наоборот, без прикрас описаны и гадания, и разгул: «И по всему селу другие мужики так же мучительно и сладострастно закидывали головы и крикали, глотая водку в честь родившегося Младенца... Начинались Святки, девки на засидках пели песни, лили воск в воду и пробовали его на тени. Окликали имя суженого при звездах на улице. Некоторые невестились... Мир темен, слаб. Мы нуждаемся в милости и прощении. Напившись по случаю Рождества, апостоловидный Семиошка из незлобного мудреца обращался в зверя (мог, например, схватить нож и в ярости мчаться с ним за горничной девушкой). Его укрощал отец, запирая в чулан. В «патенте» за сивухой граждане села Устов пропивали кто что мог, нализывались и дрались тоже по мере сил. Несколько фонарей под глазами, несколько окровавленных носов. Праздник возбуждал. Били жен. ... И не только в Устах, но и по всей России было так. Радость и грубость, поэзия и свинство» [2, с. 57]. Таким предстает перед читателями Рождество, которое с детства запомнил Глеб. Тем не менее, это тоже образ православной России.

В первой же главе мы видим описание православного таинства Венчания, причем с соблюдением всех традиций, и даже неверующая мать Глеба, вспоминая о своей собственной свадьбе, обращается именно к Богу, желая новобрачным счастья: «В руке у нее была серебряная сахарница, с выгравированными цифрами: 1872–1882, в память десятилетия их венчания с отцом. – Дай Бог, – сказала она. И поставила сахарницу на buffet» [2, с. 62].

Тот факт, что православие у русского народа, независимо от просвещенности, просто в крови, указывают и другие факты. Так, в различных ситуациях родители Глеба и другие герои произведения употребляют православную лексику; например, собираясь в путь, говорят «Ну, с Богом», или отец, напутствуя сына, говорит: «Ну, учись, Бог с тобой. А на Петров день поедем уток стрелять...» [2, с. 98]. Здесь можем отметить, что и времяисчисление жизни семьи также идет в соответствии с кругом православных праздников: «Перед Пасхою мать подала прошение об увольнении его из гимназии: «по болезни»» [2, с. 176].

Также в тетралогии особо следует отметить описание пейзажей, так как герои произведения много путешествуют, в основном по центральной части России. Так, отправляясь на каникулы из Калуги, Глеб наблюдает с парохода: «И когда «Владимир» после медленных маневров у пристани, криков, гудков, наконец залопотал колесами, тронулся, Глеб с чувством уверенного в

себе взрослого путешественника смотрел, как уходила Калуга в садах, белея церквями, с домиками по взгорью, над которыми возносился Собор – он над всем господствовал» [2, с. 157].

Таких описаний, когда в городах, в том числе и в Москве, на самых видных местах располагается именно церковь, в произведении очень много. Жизнь русского народа была немыслима без храмов. В этом смысле значимо описание улицы, где Глебу предстояло жить: «– Вот она эта самая и есть Жировка. Улица довольно просторная и чистая. В начале ее церковь» [2, с. 162].

В православной России и обучение было наполнено духом православия. Так, например, чтобы поступить в гимназию, Глебу пришлось сдавать экзамен по «Закону Божьему», который он изучал и в гимназии, а позднее и в реальном училище. И обучение было освещено молитвой: «В гимнастическом зале все Училище на молитве – с этого начинается день. «Царю Небесный, Утешителю, Душе Истины, Иже везде сый и вся исполняй...» Отпели, разошлись по классам и спустились вниз в рисовальный» [2, с. 211].

Именно в училище для Глеба состоялась встреча, во многом повлиявшая на его мировоззрение. «О том, как ему жить самому, чем заниматься, думал он и раньше. Теперь входил в возраст, когда начинает волновать и другое, обширнее: что такое человек, для чего живет, что за гробом, есть ли бессмертие. Редко ли, часто ли возвращался он к этому, но вопрос в нем сидел – то заглушаясь, то обостряясь. Ответить на него он не мог...» [2, с. 223]. Юношеские размышления о жизни привели его к более близкому общению с отцом Парфением, священником, преподававшим Закон Божий. «Глебу о Парфений нравился. Отношения у них были хорошие, но напряженные. Может быть, они друг другу были нужны, друг друга беспокоили. Глеб находился в том настроении ранней юности, когда все хочется самолично пересмотреть, удостовериться, потрогать руками. Если же не выходит, долой. Истина должна быть моей, или никакой. И так как представить себе до конца бесконечность, смерть, «инобытие» невозможно, Глеб склонен был, вопреки о. Парфению с его коричневой рясой, все это отрицать. Его и тянуло, и мучило, и отталкивало. Говорить открыто с о. Парфением было нельзя, – о. Парфений начальство, а религия обязательна, как математика, русский язык. Явно не соглашаться с о. Парфением насчет бессмертия или ада так же бессмысленно, как с Александром Григорьичем касательно площади круга. О. Парфений занимал и тревожил Глеба. В нем чувствовал он сильного защитника того, в чем сам сомневался или склонен был отрицать. Тревожил и Глеб о. Парфения – тем, что именно в нем, лучшем ученике класса, ощущал он скрываемое противодействие. С другими было попроще, но и безнадежней. Выучил урок и ответил. Велят пойти в церковь – сходит. Глеб же что-то переживал, а направлено у него это в сторону» [2, с. 224]. Это были первые попытки поиска смысла жизни, который Глеб обретет значительно позже. Тем не менее, именно этот человек, которому Глеб по-

стоянно противоречил в разговорах вне стен училища, сыграл особую роль в формировании его отношения к вере, прежде всего потому, что заставлял задумываться, рассуждать и искать. И это еще одно подтверждение того, что Россия была православной страной, где оставаться равнодушным к вере было почти невозможно. Показательным в этом плане является образ матери, которая будучи «просвещенным» и далеким от веры человеком, все же в конце жизни устремилась к Богу: перед смертью попросила пригласить священника, исповедалась и причастилась.

Таким образом, сравнивая образ православной России в произведениях Ивана Шмелева «Лето Господне» и Бориса Зайцева «Путешествие Глеба», можно отметить, что в первом каждая строчка дышит православием, описан быт православной семьи, а через нее жизнь и быт всей верующей России. Во втором

произведении образ православной России можно воссоздать по крупницам: это описание церковных таинств, описание пейзажей с обязательным описанием церквей, использование религиозной лексики в быту героев, размышления главного героя Глеба о вере и Боге, описание традиций православных праздников. Но учитывая, что оба автора стали глубоко православными верующими, в произведениях воссозданы два образа православной России, оба из которых ведут к познанию Бога и обретению веры. Если Ивану Шмелеву все, заложенное в детстве, помогло сохранить веру и пронести ее через всю жизнь, то Борису Зайцеву пришлось совершить длительное жизненное «путешествие», по аналогии с названием тетралогии, чтобы стать православным человеком и пребывать им до конца жизни. Оба автора пришли к одному миропониманию, только разными путями.

Библиографический список

1. Дунаев М.М. Творчество И.С. Шмелева (1873-1950) // Православие и русская литература. Ч.5. М., 2003. 614 с.
2. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. 624 с.
3. Литература русского зарубежья («первая волна» эмиграции: 1920—1940 годы): Учебное пособие: В 2 ч. Ч. 1. А.И. Смирнова, А.В. Млечко, В.В. Компанец и др.; Под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. А.И. Смирновой. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. 244 с.
4. Русская литература XX века: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 2 т. Т.1: 1920-1930-е годы. Л.П. Кременцов, Л.Ф.Алексеева, Т.М. Колядич и другие. Под ред. Л.П. Кременцова. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 496 с.
5. Шмелев И.С. Избранное. М.: Правда, 1989. 688 с.
6. Шмелев И.С. Лето Господне Светлый берег, Москва, 2009. 512 с.

References

1. Dunayev M.M. I.S. Shmelev's Creativity (1873-1950) // Orthodoxy and Russian literature. Part 5. M., 2003. 614 P.
2. Zaytsev B.K. Collected Works: 5 volumes. Volume 4. Gleb's Travel: autobiographical tetralogy. M.: Russian book 1999. 624 p.
3. Russian foreign literature ("first wave" of emigration: 1920-1940 years): Textbook. At 2 vol., Vol. 1. A.I. Smirnova, A.V. Mlechko, V.V. Kompaneets. Under ed. Dr. Philology, prof. A.I. Smirnova. Volgograd: Publishing House of Volgograd, 2003. 244 p.
4. Russian literature of XX century: Manual for students of higher educational institutions: In 2 vol. Vol. 1: 1920-1930. L.P. Kremontsov, L.F.Alekseeva, T.M. Kolyadich. Under ed. L.P. Kremontsov. M.: Publishing Center "Academy", 2003. 496 p.
5. Shmelev I.S. Selected. M.: Pravda, 1989. 688 p.
6. Shmelev I.S. Summer of the Lord Light shore. Moscow, 2009. 512 p.

УДК 821.161(091)

UDC 821.161(091)

Е.А. МИХЕИЧЕВА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: inoliterat@mail.ru

Н.А. БОНДАРЕВА

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков, Орловский государственный университет экономики и торговли

E-mail: ilin26@yandex.ru

E.A. MICHEITSHEVA

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian literature of XX - XXI centuries and the history of foreign literature, Orel State University named after

I.S.Turgenev

E-mail: inoliterat@mail.ru

N.A. BONDAREVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Orel State University of Economy and Trade

E-mail: ilin26@yandex.ru

АНДРЕЕВ И ГЕРМАНИЯ. ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА В ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ANDREEV AND GERMANY. THE PERCEPTION OF CREATIVITY LEONID ANDREYEV IN GERMANY IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Интерес немецких деятелей искусства к России, к русскому авангарду очевиден и объясняется прежде всего сходными историко-культурными ситуациями, в которых оказались Россия и Германия в начале XX века, а также существовавшими русско-немецкими культурными связями, что и подтверждается популярностью творчества Л. Андреева в Германии.

Ключевые слова: Л. Андреев, Германия, экспрессионизм, литературная традиция, авангардизм, импрессионизм, отчаяние, пессимистичность.

The interest of German artists to Russia, the Russian avantgarde is obvious and is due primarily to the similar historical and cultural situations in Russia and Germany in the early twentieth century, as well as the existing Russo-German cultural ties, what popularity of Andreev's art in Germany confirm.

Keywords: L. Andreev, Germany, expressionism, literary tradition, avantgardism, impressionism, despair, pessimism.

Один из первых фактов тесного сотрудничества между деятелями русского и немецкого авангарда – организация «Нового художественного объединения» (позднее – «Синий всадник» («Der blaue Reiter»)) в Мюнхене в 1909 году; его создателями были Василий Васильевич Кандинский и Алексей Явленский. Важно то, что основатели «Синего всадника», одного из первых объединений экспрессионистов, были русскими по национальности. В. В. Кандинский поддерживал тесные контакты с русским авангардистским искусством на протяжении 1910-1920-х годов. В первой половине 1910-х годов как в России, так и в Германии устраивались многочисленные совместные выставки немецких экспрессионистов и русских художников – авангардистов, участников группы «Бубновый валет»: Владимира и Давида Бурлюков, Михаила Ларионова, Натальи Гончаровой, Аристарха Лентулова и других. Одна из первых таких выставок, названная «Венок-Стефанос», состоялась в Петербурге (а затем в Херсоне) в марте 1909 года. Позднее, в 1910 году, Давид и Владимир Бурлюки стали членами «Нового художественного объединения», в сентябре того же года они опубликовали свои статьи в каталоге выставки «Синего всадника».

В 1912 году братья Бурлюки и Н. Гончарова принимали участие в первой выставке галереи «Der Sturm» (по названию одного из ведущих экспрессионистических журналов, издаваемого М. Вальденом). В 1911 году выходит альманах «Синий всадник», который, по замыслу его издателей В. Кандинского и Ф. Марка, должен был выходить одновременно в Париже, Мюнхене, Москве. Хотя этот замысел не осуществился, русская культура была широко представлена на страницах альманаха.

Со стороны немецких экспрессионистов к России существовал значительный интерес; литераторы и художники-экспрессионисты приезжали в Россию (например, Людвиг Рубинер, в 1909 году дважды тайно побывавший в Российской империи). Русское искусство в целом оказывало значительное влияние на художественную жизнь Германии в начале XX века. Писателями и мыслителями России интересовались деятели немецкого экспрессионистического движения.

В истории германо-русских культурных связей в 1910-е гг. необходимо отметить большую роль одного из ведущих экспрессионистских журналов – «Die Aktion», ещё до начала мировой войны представлявшего на своих страницах русских мыслителей, писателей и

поэтов, классиков и современников. В 1915 году вышел специальный номер журнала, посвященный литературе России. Женой издателя журнала Франца Пфемферта была русская – Александра Рамм; две её сестры активно сотрудничали в «Die Aktion», а одна из них – Мария – стала женой поэта-экспрессиониста К. Эйнштейна. Интерес экспрессионистов к России в 1910-е годы был очевиден.

Октябрьская революция усилила интерес к культуре и искусству России. В самой Германии в это время революционные настроения также были очень сильны. Февральская и Октябрьская революции стали для немецких экспрессионистов, несомненно, потрясением, у многих из них укрепилось желание ближе познакомиться с советской Россией.

Началом нового этапа развития германо-русских связей стало подписание Брестского мира в марте 1918 года. До середины 1918 года ни один немецкий литератор не мог ступить на территорию Советской Республики. Активные шаги по установлению контактов с европейскими, и в первую очередь немецкими, художниками были предприняты в ноябре 1918 года Международным бюро Отдела ИЗО Наркомпроса. Отдел ИЗО принял обращение к немецким коллегам, переданное через Людвиг Бэра, который в декабре 1918 был отправлен в Берлин для установления контактов с немецкими деятелями искусства. В марте 1919 года это обращение было опубликовано в журнале «Menschen». Российские художники предлагали созвать конгресс представителей немецкого и русского искусства, который положил бы начало созыву всемирной конференции искусств в будущем. Ряд художественных объединений Германии откликнулся на этот призыв и направил свои программы в Отдел ИЗО.

Первым немецким писателем, приехавшим в советскую Россию, был близкий к экспрессионистам Альфонс Паке. Уже в 1919 году в Германии вышла его книга «В коммунистической России» («Im kommunistischen Russland. Briefe aus Moskau». Jena, 1919). Книжки о России А. Паке и других авторов выходили и в последующие годы. Франц Юнг, активный участник экспрессионистического движения, встречался с В.И. Лениным (в качестве члена Коммунистической рабочей партии Германии), работал руководителем предприятия в России. Вернувшись в Германию, с 1920 по 1924 год он издал шесть книг о советской России.

Знакомству с новой Россией способствовала и организация помощи голодающим Поволжья, в которой приняли участие деятели немецкой культуры. В Германии начала 20-х годов существовало движение сторонников сближения с Россией, на основе которого летом 1923 года было создано общество «Друзья новой России»; среди его членов и учредителей – Альберт Эйнштейн, Генрих Манн, Эгон Эрвин Киш, писатели-экспрессионисты Л. Ренн и Э. Толлер.

Творчество Л. Андреева по времени совпадало с появлением «пред-экспрессионистских» произведений А. Стриндберга, Б. Шоу, пьес немецкого драматур-

га-экспрессиониста Ф. Ведекинда (сочинения которого в 1907-1908 гг. выходили на русском языке в издательстве «Шиповник», где печатался и Л. Андреев), а также с выступлениями почти неизвестных тогда в России австрийских писателей – Ф. Верфеля, Ф. Кафки, К. Эдшмида и других.

К сожалению, нет прямых свидетельств о контактах Леонида Андреева с немецкими экспрессионистами. Л. Андреев говорил по-немецки на бытовом уровне, однако существует ряд биографических фактов, позволяющий нам утверждать, что имя Леонида Андреева было известно немецким читателям и немецкой критике уже в начале XX века. Исследователь творчества Леонида Андреева Мартин Бевернис является автором диссертации «К восприятию Леонида Андреева в Германии» (Bevernis M. Zur Aufnahme Leonid Andreevs in Deutschland. Berlin, 1964.), но автор диссертации уделяет внимание только «революционным» произведениям Андреева, отображая картину восприятия литературного творчества Л.Н. Андреева в Германии в период 1904-1963 гг.

Своими интересными в языковом исполнении и проблемными рассказами Леонид Андреев достиг в предреволюционные годы национальной славы и международного признания, прежде всего в Германии. Обстановка в России и Германии в начале 20 века была в чём-то схожа: экономический кризис, нестабильное политическое положение, волнения в обществе. Взяв за основу сюжета своих произведений события русско-японской войны, первой русской революции и последовавшей за ней реакции, а главную свою задачу определив как исследование психического состояния личности в эпоху мировых катаклизмов, Андреев буквально всколыхнул критику и в России и за рубежом, и это способствовало значительному повышению интереса к России, усилению пропаганды русской литературы, вследствие чего произведения некоторых русских писателей становятся объектом внимания немецкой литературной критики и достоянием широкой общественности в Германии.

События русско-японской войны, процесс перехода волнений в открытую революцию побудили большинство русских, выразив определенную позицию в творчестве, вступить в политическую борьбу, высказываться за или против революции, быть единомышленником или противником тех или иных политических партий. Андреев не был при этом исключением. Запрещенный в России пацифистский рассказ «Красный смех» был напечатан за границей, в феврале 1905 года Андреев предоставлял свою квартиру для нелегальных заседаний ЦК большевиков, за что месяц провёл в тюрьме.

Однако такие политические акции были выражением его спонтанных чувств; Андреев не был органически связан с революционным движением, он был внутренне раздвоен, колебался между партиями: оценивал социал-демократов как серьезную революционную силу, опасался победы кадетов, провозглашал в качестве своего политического кредо анархизм. Не удивительно,

что Андреев, заслужив к 1905 году славу пацифиста в Германии и прославив другом и соратником Горького, относился к самым обсуждаемым представителям русской литературы в немецкой прессе.

В Германии, а именно в Берлине, писатель побывал дважды, с октября 1905 года по март 1906 года и с августа 1906 года до начала 1907 года. Примерно месяц Андреев с женой и сыном Вадимом жил в Мюнхене. Из письма писателя Николаю Дмитриевичу Телешову, датированному 29 декабря 1905 года, становится известно, что Леонид Николаевич вместе со своей семьей жил в Грюневальде. Во время второго своего пребывания в Германии Андреев жил на Хербстштрассе 26 (по данным полицейского регистра). О причинах прибытия Леонида Андреева в Берлин осенью 1905 года немецкую общественность проинформировал известный критик и переводчик Август Шольц (псевдоним Томас Шэфер), опубликовавший в газете «Berliner Tageblatt» интервью с писателем, которое Андреев дал летом 1905 года на финской даче в Нейволе. Шольц, поддерживавший прекрасные отношения с русскими писателями, зимой 1901/1902 года лично познакомился с Андреевым, с 1905 года занимался переводом его произведений на немецкий язык, наладил связь Андреева с издательством Ладыжникова в Берлине.

Леонид Андреев рассказал, что намеревается поехать в Западную Европу с тем, чтобы там в спокойной обстановке заняться осуществлением литературных планов. Такое же обоснование своему путешествию он дал и в письме матери, Анастасии Николаевне Андреевой в октябре 1905 года; он сокрушался, что не уехал за границу раньше: «...без границы надлежащим образом нельзя понять ни жизни, ни человека. И со всеми своими писаниями я чувствую себя глубоко провинциальным, как человек, который всю жизнь прожил в Севске, рассматривал явления с севской точки зрения – и вдруг попал в СПб» [2; 124]. Опасаясь возможной репрессии после выхода антивоенного рассказа «Красный смех», осенью 1905 года писатель уехал за границу, но больше всего Андреев боялся, что будет действительно вынужден эмигрировать из-за дальнейших попыток вовлечения его в политические события на родине.

Шольц сообщил в статье, что во время своих бесед с Андреевым они почти всегда обсуждали актуальные проблемы современной России. Андреев был убежден, что Россия должна найти свой собственный тип общественной формации с новыми лидерами. Андреев не выдвигал никаких конкретных политических программ, однако у некоторых литературных критиков после прочтения интервью, которое Шольц выдал без комментариев, сложилось впечатление, что Андреев – революционер.

После приезда Леонида Андреева в Германию «Научно-литературное объединение» в Берлине попросило его выступить с публичным чтением пьесы о революции «К звёздам!». На авторском чтении (27 декабря 1905 года) в здании Моабитского клуба на Виклифштрассе присутствовал немецкий критик

Е. Цабель, который спустя два года рассказал о своих впечатлениях от этого вечера в книге «Russische Kulturbilder». Цабель пишет, что почти две тысячи человек (среди них много русских) пришли на этот вечер, который принял массовый характер, как будто это был митинг в Петербурге или Москве. Всем присутствующим казалось, что Андреев принёс с собой веяние и волнение современной русской жизни и революции. Но чтение прошло без особенного успеха. Публика не оценила драмы и была слегка разочарована произведением, которое перед тем слишком шумело [11; 35].

Отношение к Андрееву в немецкой критике было неоднозначным, даже противоречивым. К нему по-разному относились критики, поддерживающие способ революционного преобразования действительности и выступающие против. Интервью «Gespräch mit Leonid Andrejew» Августа Шольца в «Berliner Tageblatt», в котором Андреев рассматривал революцию как возможность освобождения человека от оков государства, положило начало целой череде неясностей и неточностей относительно его творчества. Русского писателя называли даже «буревестником революции».

Позже Артур Лютер напишет об Андрееве в некрологе, что тот политически поддерживал левых, был одним из основателей большевистской партии и был просто вынужден жить какое-то время в Германии, так как оставаться в России было слишком опасно. «Когда в 1917 году большевики пришли к власти, чтобы применить свою теорию на практике, Андреев одновременно с Горьким отвернулись от своих соратников по партии, и в отличие от Горького Андреев уже никогда не вернулся назад» [5; 19]. Лютер подчеркивал, что творчество Андреева будет интересно, в первую очередь, тем читателям, которые враждебно относились к советской власти.

В социал-демократической прессе Леонид Андреев оценивался как «безусловно, самый значительный автор современной России наряду с Максимом Горьким» [5; 20], научившийся у Толстого видеть все происходящее и уметь донести это до читателя, у Достоевского проникать в человеческую душу без стыда и страха, а у Чехова коротко и одновременно полно изображать драму человеческой жизни. Не обделили Андреева вниманием и печатные органы рабочего движения. Многочисленные статьи о русском писателе были написаны Идой Аксельрод в «Leipziger Volkszeitung». Её оценки также полны противоречий. Социал-демократические критики ориентировали своих читателей на социально-критическое содержание, на антивоенный характер произведений Андреева. Они указывали на традиции критического реализма, не видя при этом никаких других тенденций в творчестве писателя [11; 36].

Представление о Леониде Николаевиче интересно дополняют также сообщения прусской полиции о его политической деятельности. В седьмом отделении полиции Берлина хранилось личное дело Андреева в акте «Leonid Andrejew» под номером VII 415.06, которое было заведено на него после появления краткой биогра-

фии русского писателя в газете «Тэг». В этом личном деле были подчеркнуты два предложения: «В феврале прошлого года он (Леонид Андреев) принадлежал к писателям круга Максима Горького. В марте того же года он его уже покинул» [Цит. по: 3; 64]. Андрееву уделялось больше внимания со стороны немецкой полиции, нежели любому другому иностранцу, прибывавшему в Германию или Австрию, в личном деле зафиксированы все его перемещения по Германии, его публичные чтения. О его публичных выступлениях сообщалось 2-4 раза еженедельно. В его личном деле есть, например, запись, сделанная комиссаром полиции Брауером, из которой мы узнаем, что публичное выступление Андреева, запланированное на 30.11.06, было отложено из-за тяжелой болезни его жены и что 12.12.06 она умерла в клинике профессора Бумма. Этим сообщением прерываются записи об эмигранте Андрееве, скорее всего, смерть Александры Михайловны, с точки зрения полиции, делала его безопасным для власти.

Первым произведением, принёсшим Л. Андрееву европейскую славу, был рассказ «Красный смех», который убедительно показал, насколько серьёзен разброс мнений немецких критиков относительно его творчества.

Существует 4 варианта перевода рассказа на немецкий язык. В марте 1905 года в Берлине параллельно с изданием на русском языке этот рассказ выходит в переводе А. Шольца, второй перевод вышел в свет в том же году уже в собственном издательстве А. Шольца; третий выходит в издательстве Ладыжникова в Берлине с предисловием Берты фон Зуттнер, лауреата Нобелевской премии, автора известного романа «Долой оружие!», президента австрийского общества друзей мира и вице-президента международного бюро мира в Берне и, наконец, четвёртый перевод был сделан Артуром Лютером и появился в 1922 году в одном из издательств Берлина. Перевод Шольца был напечатан, правда, с сокращениями, и в главном печатном органе социал-демократов – в издании «Vorwärts».

После публикации рассказа Леонид Андреев стал восприниматься в Германии несколько иначе, чем прежде. В центре внимания немецкоязычного читателя оказался протест Андреева против любых войн. Произведению приписывали политический смысл. Детальное изображение переживаний солдат, других участников войны, передача их мыслей, натуралистическое описание ран, действующее на психику человека, – всё это позволило Андрееву заслужить симпатии и поддержку читателей, выступавших против войны. Более того, благодаря своему острому обличительному содержанию рассказ «Красный смех» стал выразительным средством пропаганды различных организаций пацифистского толка. Берта фон Зуттнер была буквально сражена произведением и талантом Леонида Андреева. В издательстве Ладыжникова имеется её письмо, адресованное главному редактору издательства, где она делится своими чувствами по поводу прочитанного: «С ужасом и восторгом я восприняла это могучее произве-

дение. С ликованием, поскольку мне кажется, что никогда ещё не было выковано более острое и более блестящее оружие для борьбы, которой посвящена моя жизнь, чем этот «Красный смех». Он обратит к идее мира тысячи умов. Правда, военные специалисты, пожимая плечами, отделаются от рассказа словами «преувеличение, фантазия, неправда», но другие читатели будут потрясены, они почувствуют, как много истинного в мечте писателя, они увидят, что не только безумие относится к болезням современной войны (это ведь доказанный факт), что он употребил свой блестящий талант на создание этого произведения, – оно никогда не доставит ему ни малейших душевных мук. Только истекающим кровью, сжимающимся от боли сердцем можно создавать такие вещи», – так оценила это произведение Берта фон Зуттнер [Цит. по: 5; 65].

В то время как Берта фон Зуттнер видела в «Красном смехе» большое агитационное значение, критик и переводчик Е. Цабель в своём фельетоне в «Nationalzeitung» летом 1905 года, а затем и в книге о русской культуре в 1907 году попытался дать литературную оценку произведению Андреева, особо выделив эстетические достоинства рассказа Л. Андреева. Он признал блестящее дарование автора, который с редким искусством изобразил ужасы войны и бойню народов в Манчжурии. По мнению Цабеля, Андреев захватывает и потрясает своих читателей не только самим сюжетом, но и художественной разработкой темы, её психологическим толкованием. Под «красным смехом» Цабель понимал «страшную, отвратительную музыку преисподней, которая сопровождает эту безумную войну, всё низкое и подлое просто выбивается из человеческой природы» [Цит. по: 3; 66]. После детальной передачи содержания рассказа критик делает вывод, что своим произведением Андреев призван освободить человечество от веками утверждённого тезиса о том, что война – начало всех начал, начало любого крупного дела.

Помимо положительных оценок «Красного смеха», были и отрицательные отклики, например, писателя и переводчика Германа Эсвайна. Эсвайн сомневался, что Андреев располагал фактическим материалом, приступая к работе над «Красным смехом», представления Андреева о войне складывались, по его мнению, из газет. «Красный смех», по словам Г. Эсвайна, – продукт не совсем нормального воображения автора [Цит. по: 3; 68].

Тем не менее этот рассказ открыл Германии талант писателя; произведение получило наибольшее количество отзывов. Рассказ «В тёмную даль» появился в Штуттгарте ещё в 1902 году и выдержал несколько изданий, однако он не привлек внимания немецкой критики. Не замеченными критикой остались «Набат», «Нет прощения», «Марсельеза». После «Красного смеха» наибольшим успехом у немецких читателей пользовался «Рассказ о семи повешенных» (перевод А. Шольца, журнал «Vorwärts», 1908). Это произведение в немецком переводе вышло впервые в издательстве Ладыжникова, затем в том же году в одном из мюнхенских изданий в переводе Лили Вибек. Спустя практически 30 лет рассказ

переиздавался в Мюнхене и Гамбурге, в сборник были также включены рассказы «Елеазар», «Иуда Искариот». В переводах А. Шольца вышли также «Губернатор» и «Так было».

В 1910-е гг. Леонид Андреев становится более известен как драматург. Его первая драма «К звёздам!» (перевод А. Шольца, 1906), поставленная на «Свободной народной сцене» в Вене 12 октября 1906 года под руководством Ричарда Валентина, была встречена восторженно. Леонид Андреев писал своему брату: «Вчера и сегодня меня поздравляют. Все венские газеты (больше 10), даже консервативные, очень одобряют пьесу, демократические – в восторге» [1; 146]. В Берлине пьеса появилась на сцене 4 февраля 1907 года «Kleines Theater» в постановке Виктора Барновского, который с 1905 года возглавлял «Малый театр». Спектакль успеха не имел. Двумя годами позже пьеса была поставлена на сцене Гамбурга.

Драма «Савва», не будучи допущенной в репертуар театров России, была поставлена в берлинском театре имени Геббеля 1 октября 1909 года под названием «Чудо», под руководством актёра и режиссера

А. Лихо, игравшего заглавную роль. После трёх представлений пьеса была снята из-за неуспеха. 28 февраля 1924 года состоялась премьера драмы «Царь – Голод» (на «Народной сцене» в Берлине под руководством Ф. Холля). Известны также следующие критики, высказывавшиеся по поводу творчества Леонида Андреева: М. Кафнер, А. Брюкнер, Ф. Дюзель. Роза Люксембург высоко оценивала произведения Андреева.

Необходимо заметить, что Андреева читали и обсуждали не только в Германии, а также в Польше, Франции, Англии, США, Италии, Швейцарии. Переводы андреевских драматических произведений начали появляться в США с середины 900-х годов; некоторые из них печатались в журналах, другие – в отдельных изданиях или в сборниках пьес. В 1924 году в США появилось объёмное исследование Александра Кауна «Леонид Андреев»; оно не утратило своего значения до сих пор благодаря обилию использованных в нём источников, в том числе архивных материалов, предоставленных в распоряжение автора книги вдовой писателя Анной Ильиничной Андреевой [4; 37].

Библиографический список

1. *Прутцев Б.И.* Творческое наследие Леонида Андреева. Русский писатель в контексте мировой литературы // Поколение. 24 августа. 1996. № 132, № 133.
2. *Русский современник*, кн. IV. М. Л., 1924.
3. *Bevernis M.* Zur Aufnahme Leonid Andreevs in Deutschland. Berlin, 1964.
4. *Kaun A.* Leonid Andreyev. A critical study / New York, 1924.
5. *Luther A.* Leonid Andreyew, in: Leipziger Tageblatt, Nr. 448 vom 15. September 1919.
6. *Martens Gunter.* Nietzsches Wirkung im Expressionismus // Nietzsche und die deutsche Literatur. Hrsg. von Bruno Hillebrand in 2 Bd. München – Tübingen, 1978. Bd. 2: Forschungsergebnisse.
7. *Musil R.* Expressionismus // Expressionismus. Der Kampf um eine literarische Bewegung (Hrsg. von P.Raabe). Zürich: Arche, 1987.
8. *Rietzschel Th.* Ein sensationeller Fund. Der Koffer aus dem Keller // Kulturchronik. Nachrichten und Berichte aus der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 1995. № 5.
9. *Vietta S., Kemper H.-G.* Expressionismus. München: Wilhelm-Fink, 1994.
10. *Worringer W.* Abstraktion und Einfühlung. München, 1911.
11. *Zeitschrift für Slawistik.* 1966, Band XI, № 1.

References

1. *Prutzev B.I.* The Creative legacy of Leonid Andreyev. Russian Pisatel in the context of world literature / B. I. Protsiv // Generation. 24 Aug. 1996. № 132, № 133.
2. *Russian contemporaries*, vol. IV. M. L., 1924.
3. *Bevernis M.* Zur Aufnahme Leonid Andreevs in Deutschland. Berlin, 1964.
4. *Kaun A.* Leonid Andreyev. A critical study / New York, 1924.
5. *Luther A.* Leonid Andreyew, in: Leipziger Tageblatt, Nr. 448 vom 15. September 1919.
6. *Martens Gunter.* Nietzsches Wirkung im Expressionismus // Nietzsche und die deutsche Literatur. Hrsg. von Bruno Hillebrand in 2 Bd. München – Tübingen, 1978. Bd. 2: Forschungsergebnisse.
7. *Musil R.* Expressionismus // Expressionismus. Der Kampf um eine literarische Bewegung (Hrsg. von P.Raabe). Zürich: Arche, 1987.
8. *Rietzschel Th.* Ein sensationeller Fund. Der Koffer aus dem Keller // Kulturchronik. Nachrichten und Berichte aus der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 1995. № 5.
9. *Vietta S., Kemper H.-G.* Expressionismus. München: Wilhelm-Fink, 1994.
10. *Worringer W.* Abstraktion und Einfühlung. München, 1911.
11. *Zeitschrift für Slawistik.* 1966, Band XI, № 1.

О.В. ПЕТЕШОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и лингводидактики, Балтийский федеральный университет имени И.Канта
E-mail: peteshova_olga@rambler.ru

O.V. PETESHOVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of linguistics and linguodidactics, Baltic Federal University named after I. Kant
E-mail: peteshova_olga@rambler.ru

ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ С ПОЗИЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

RENAMING OF GEOGRAPHICAL OBJECTS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LANGUAGE THEORY

В статье демонстрируется степень изученности топонимических переименований в современной российской лингвистике. Показывается, что большинство работающих в этой сфере языковедов анализируют только причины соответствующего процесса. Особое внимание автор уделяет проблеме согласования исходных и новых топонимов. При решении данной проблемы предлагается учитывать фактор использования в процессе переименования одного или нескольких национальных языков.

Ключевые слова: топоним, ойконим, переименование, географический объект, топонимический пуризм, Северо-Восточная Пруссия.

The article considers the degree of knowledge about the toponymical renamings in modern Russian linguistics. It shows that most linguists working in this sphere analyze only the reasons of the process under study. The author focuses on the problem of coordination between original and new toponyms. To solve this problem it's suggested to take into consideration whether there were one or several national languages used in the renaming process.

Keywords: toponym, oikonym, renaming, geographical object, toponymical purism, North Eastern Prussia.

Общеизвестно, что топонимика как наука об именах географических объектов находится на пересечении самых разнообразных наук и прежде всего истории, географии и лингвистики. Соответственно, междисциплинарный характер носит и теория переименований (то есть замены современных имен на новые или исконные имена [5; 135]) в сфере топонимики. В библиотеках доступны труды о топонимических переименованиях с точки зрения истории [1], географии [11] и даже психологии, в рамках которой переименования декретные, то есть осуществленные волевым усилием, а не естественным путем, рассматриваются как акт этноцида [3]. Тем не менее лингвистические исследования указанной проблематики едва ли могут считаться по-настоящему обширными.

Российские языковеды, изучающие переименования, акцентируют свое внимание на причинах данного явления. Наиболее обстоятельное их описание приводится в кандидатской диссертации С.А. Никитина, где называются следующие основания для переименования географических объектов [см.: 9; 4]:

1. Политические причины. Конкретизируя это утверждение, лингвист О.Н. Кузьменко говорит о переименованиях, с одной стороны, в связи с необходимостью сохранения памяти о значимых событиях недавнего прошлого и выдающихся личностях последних лет и, с другой стороны, с целью устранения из памяти событий и имен, ассоциирующихся у населения с предыдущим политическим строем [6; 64-67];

2. Изменение административно-территориального статуса объекта;

3. Эстетические причины. Сам С.А. Никитин имеет в виду заботу переименовывающих населенные пункты правительств о благопристойности номинаций географических объектов. Исследователь А.С. Щербак дополняет его тезис, рассуждая о стремлении людей жить в городах и сёлах с «красивыми, эстетичными названиями» [13; 15];

4. Стремление избавиться от созвучных названий. Приведенный список можно расширить за счет перечисления реже действующих причин, обозначенных в статьях других языковедов:

5. «Людическая» причина, трактуемая О.Н. Кузьменко как склонность населения к остроумному переосмыслению прежних названий [6; 67];

6. Желание уйти от диалектных черт в ойконимике региона [4; 66];

7. Предпочтение более типичной для местных географических названий словообразовательной модели [там же].

При рассмотрении полученного списка очевидно, что большинство топонимических переименований было вызвано к жизни влиянием экстралингвистических факторов, причем на практике преобладает первая группа причин.

Помимо политической составляющей анализируемого процесса отечественная теория языка упоминает об его экономической стороне (финансовом обеспечении

деятельности инициаторов реноминаций и внедрения новых топонимов) и чисто языковом плане (вхождении названий в существующую топонимическую систему с соблюдением норм используемого национального языка) [8; 101]. О последнем аспекте речь идет, в частности, в работе Ю.М. Шемчук, посвященной отношениям между старыми и вытесняющими их новыми именами – как интересующими нас собственными, так и нарицательными. Лингвист утверждает, что полное быстрое вытеснение исконной топонимики имеет место крайне редко; как правило, в первое время, продолжительность которого в разных случаях различна, два топонима конкурируют между собой, равноправно сосуществуя в языке [12; 83]. Считается, что подобного рода «дублетная многоимённость» в наибольшей степени касается номинаций мелких объектов – микротопонимов [2; 56].

Удивительным, по нашему мнению, является тот факт, что в отечественной теории языка практически не затрагивается вопрос о способах согласования между исходными и новыми топонимами при переименовании. Описание произвольных новых номинаций географических объектов, то есть никак не связанных с исходными, содержится только в статье О.В. Струковой и З.Е. Фоминой, пишущих об определенной доле учета характерных особенностей переименованных поселений при отборе семантического наполнения некоторых из таких переименований [10; 121]. Немного больше внимания лингвисты уделяют согласованным переименованиям, сохраняющим лексико-семантическую преемственность с ранее употребляемыми топонимами. С.А. Никитин выделяет, по сути, три способа данного топонимического согласования:

1. замена одного из компонентов номинации (либо основы, либо аффикса): *Екатеринодар* → *Краснодар*;
2. добавление компонента: *Ленинск* → *Ленинск-Омский*;
3. опущение компонента: *Царевосанчурск* → *Санчурск* [9; 14].

Однако оказывается, что эта стройная, на первый взгляд, теория применима лишь к переименованиям в пределах одного национального языка. Вместе с тем в истории уже одной нашей страны присутствуют ситуации переименований, обусловленных тотальной сменой населения региона и его языкового состава, например, последовавшие за присоединением бывшей Северо-Восточной Пруссии, а ныне Калининградской области, к территории СССР в 40-50-е годы XX века. В их результате местные прусско-немецкие топонимы сменились на карте топонимами русскоязычными, и, хотя основная масса переименований при этом носила произвольный характер, проведенные исследования позволили констатировать наличие многочисленных случаев топонимического согласования, осуществляемых одним из следующих способов:

1. заимствование, то есть полный перенос исходного топонима в новую топонимическую систему, естественно, с переходом к графике нового языка. Обычно заимствованию подвергаются названия относительно

крупных водоемов:

река *Pissa* → *Писса*, река *Lepone* → *Лепона*;

2. перевод:

река *Schnecke* → *Улитка*, гора *Hoher Berg* → *Высокая*.

Вариантом этого способа согласования являются:

– частичный перевод:

река *Alte Arge* → *Старая*, озеро *Alte Gilge* → *Старое*.

В обоих примерах переводится только определяющий компонент;

– псевдоперевод, причиной которого чаще всего служит фонетическое сходство исходного топонима прусского происхождения с лексемой немецкого языка, имеющей совершенно другую семантику. Так, название реки *Arge* было ошибочно переведено «с немецкого» как *Злая*, в то время как верным был бы перевод с прусского – «Дикая», что давно констатировано специалистами по этимологии гидронима из Германии (см., например, объяснение на сайте <http://wiki-de.genealogy.net>);

3. ассоциативное название, то есть предпочтение номинации, внутренняя форма которой находится в ассоциативной связи со словом-переводческим эквивалентом исходного топонима в языке новой топонимической единицы:

река *Menge* (в переводе – «большое количество чего-либо») → *Большая*,

канавы *Schulmeistergraben* (слово переводится как «учительская канава») → *Школьная*;

4. аллюзия, под которой понимается выбор лексемы нового языка, фонетически схожей с исходным топонимом, но обладающей совсем другой семантикой:

река *Sassup* (значение лексемы – «заячья река») → *Засыпка*,

поселение *Anstippen* (нечто вроде «дервни тех, кто снимает кожу») → *Антипино*;

5. одинаковая тематическая соотнесенность, подразумевающая выбор нового названия, в основу которого положен мотивирующий признак из той же предметной области, что и у исходной номинации географического объекта. В частности, для пары ойконимов *Stucken* (дословно: «Липовое») → *Яснополянка* сходным мотивирующим признаком является отсылка к флоре местности (для русского ойконима она, конечно, более косвенная; к тому же отметим, что по данному примеру прослеживается историческое изменение региональной растительности);

6. одинаковая соотнесенность, при которой некий географический объект, названный в честь другого географического объекта, расположенного в непосредственной близости от него, в результате переименования получает имя, каким-либо образом связанное с новым именем этого близлежащего объекта. Этот метонимический по своей сути, тип соответствия можно проиллюстрировать так: в Северо-Восточной Пруссии был населенный пункт Гольдбах (*Goldbach*), по которому протекала река Гольдбахер Флис (*Goldbacher Fließ*). После реноминации на карте района появляются город

Славинск и река Славинка соответственно.

Данные способы были впервые описаны в работе участника совместного калининградско-кильского проекта *Umbenennungsprozesse im Gebiet Kaliningrad* (в переводе с немецкого «Процессы переименования в Калининградской области») М. Лангенфельда [см.: 7] на языковом материале лишь одного района изучаемого региона. Выводы по поводу способов согласования исходных и новых топонимов, сделанные нами в ходе анализа еще шести районов области, полностью совпали с выводами немецкого коллеги, поэтому отметим, что приведенные выше пары-примеры топонимической преемственности принадлежат автору настоящей статьи.

Продолжая исследования региональных географических названий, мы обратились к хронологически более ранней кампании по переименованиям на территории Северо-Восточной Пруссии, а именно к нацистским переименованиям 1938 года, декларируемой целью которых была германизация господствующей балтийской (преимущественно прусской, а также литовской) топонимики. Однако, как показывает наш опыт, данное идеологически окрашенное мероприятие оказалось пуристическим только на словах, поскольку как исходные, так и новые топонимы, задействованные инициаторами освещаемой волны переименований, имеют смешанные языковые истоки, что очевидно из следующей серии подобранных нами иллюстраций:

Popelken (балтийский) → *Markthausen* (немецкий) (однозначный акт пуризма);

Opeluszgraben (немецко-балтийский) → *Rosengraben* (немецкий) (частичный пуризм);

Raging-Fließ (немецко-балтийский) → *Raging* (балтийский) (процесс, обратный акту пуризма);

Sandfluss (немецкий) → *Lindental* (немецкий) (процесс, не имеющий к пуризму никакого отношения) и т.п.

В условиях подобного языкового хаоса, возникшего в итоге беспорядочного оперирования двумя национальными языками при сохранении состава местного населения, нами было установлено большое многообразие применяемых способов топонимических согласований, среди которых можно условно вычленить такие четыре группы, как:

1. способы согласования, присущие переименованиям в пределах одного национального языка, например:

– замены: *Motzwehen* → *Motzfelde*, *Tawellingken* → *Tawellenbruch*;

– добавления: *Rucken* → *Ruckenhagen*, *Kaiser* → *Kaiserdamm*;

– опущения: *Großlaschnicken* → *Laschnicken*, *Paitfließ* → *Pait*;

2. способы согласования, присущие переименованиям в ситуации изменения языка населения, в частности:

– переводы:

Auxinne → *Goldfließ*, в переводе с прусского и немецкого языков соответственно – Золотая река;

– аллюзии:

Trammischen → *Trammen*, суть аллюзии состоит в переходе от прусского наименования «поселение сходящихся людей» к созвучному немецкому личному имени;

– одинаковая тематическая соотнесенность:

Lauknen (буквально: «Полевое») → *Hohenbruch* («Высокое болото»).

Вместе с тем заимствования при этом невозможны, так как оба фигурирующих при переименовании национальных языка (немецкий и прусский либо литовский) пользуются одной и той же системой графем, а простой перенос топонима в этом случае приравнивается к полному отсутствию переименования;

3. комбинации из способов согласования, присущих переименованиям в двух предыдущих случаях. Из множества реально встретившихся нам комбинаций приведем для наглядности три примера:

– аллюзия (способ двуязычного согласования) + замена (способ одноязычного согласования):

Petschkehmen → *Petschwalde*. Здесь сохранение первого компонента объясняется аллюзией прусской лексемы, отсылающей к неким славянским горам, и немецкого слова «сажа», а второй компонент (в переводе с прусского языка – «деревня») заменяется на немецкоязычный компонент со значением «лес»;

– перевод (способ двуязычного согласования) + замена (способ одноязычного согласования):

Pillupönen (прусское «замковое место») → *Schlossbach* (немецкое «замковый ручей»);

– перевод (способ двуязычного согласования) + добавление (способ одноязычного согласования):

Walterskehmen (прусское «деревня Вальтера») → *Großwaltersdorf* (немецкое «большая деревня Вальтера»). Переводу, как очевидно из пояснений в скобках, подвергается компонент *-kehmen* со значением «деревня»;

4. структурные адаптации, специфичные для характеризующей ситуации языкового смешения. В определенном отношении они близки замене как способу согласования при оперировании одним национальным языком, однако предусматривают обязательное сохранение корня исходного топонима при изменении топонимического форманта исходного языка на аналогичный ему по функциям аффикс нового языка, как это происходит в парах топонимов *Dobauer See* → *Dobauer See* или *Klein Lenkeningken* → *Kleinlenkenau* (адаптирующиеся суффиксы выделены подчеркиванием; во втором примере адаптация сопровождается объединением компонентов составного ойконима).

В завершение статьи подчеркнем, что расширение материала исследования в таком, пока не слишком активно осваиваемом лингвистическими методами, разделе теории языка, как топонимические переименования, уже позволило и наверняка позволит в будущем углубить и даже коренным образом изменить представление о способах согласования между исходными и новыми номинациями географических объектов, а также о многих других аспектах указанной области языкового анализа.

Библиографический список

1. *Алейников М.В.* Ономастические и топонимические изменения в современном Казахстане как проявление политики казахизации // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 2. С. 369-372.
2. *Беляев А.Н.* О вариативности топонимов в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2013. № 2. С. 53-58.
3. *Ворошилин С.И.* Топонимические войны в мире – насильственная смена топонимов вследствие войн, революций и колонизации // Вопросы всеобщей истории. 2011. Т. 13. С. 80-98.
4. *Ильин Д.Ю.* Трансформация ойконимических наименований в топонимике региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 10. С. 63-68.
5. *Крюков П.А.* Роль экстралингвистического фактора в формировании немецкого топонимикона (на примере идеологической компоненты в северной и восточной Германии в период с 1933 по 1990-е гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2011. № 6. С. 133-138.
6. *Кузьменко О.Н.* О функциях переименования топонимов (на примере урбанонимов Парижа) // Studia Linguistica. 2014. № 23. С. 63-70.
7. *Лангенфельд М.* Процесс переименований в Калининградской области // Калининградские архивы. 2011. № 9. С. 158-171.
8. *Матвеев А.К.* Тенденции и практики в современной российской урбонимации // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 100-105.
9. *Никитин С.А.* Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 17 с.
10. *Струкова О.В., Фомина З.Е.* Этнокультурная специфика реноминаций немецких топонимов в разных ареалах России (на материале немецких топонимов Самарской, Ленинградской и Пермской областей) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2014. № 1. С. 116-129.
11. *Ханмагомедов Х.Л., Изиева И.А., Гебекова А.Н.* Наименование и переименование географических объектов как географический факт // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2011. № 3. С. 86-91.
12. *Шемчук Ю.М.* Типология отношений обновленных номинаций с заменяемыми лексемами при переименовании // Вестник Гуманитарного института Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 80-83.
13. *Щербак А.С.* Принципы анализа топонимических изменений в России: отражение языковой картины мира (на материале тамбовских географических объектов) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 6. С. 14-16.

References

1. *Aleynikov M.V.* Onomastic and toponymic changes in modern Kazakhstan as manifestation of kazakh-oriented policy // The world of science, culture and education. 2014. № 2. Pp. 369-372.
2. *Belyayev A.N.* Variations of German place-names // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series "Linguistics". 2013. № 2. Pp. 53-58.
3. *Voroshilin S.I.* Toponymical wars in the world - toponyms' violent change as a result of war, revolution and colonization // Problems of world history. 2011. Vol. 13. Pp. 80-98.
4. *I'in D.Y.* Transformation of the oikonyms in the regional toponymy // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2011. № 10. Pp. 63-68.
5. *Kryukov P.A.* The role of extralinguistic factor in the formation of German toponymicon (on the basis of ideological component in Northern and Eastern Germany from 1933 to the 1990s) // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series "Linguistics". 2011. № 6. Pp. 133-138.
6. *Kuz'menko O.N.* About functions of toponym renaming (the case of Paris toponyms) // Studia Linguistica. 2014. № 23. Pp. 63-70.
7. *Langenfeld M.* Renaming process in the Kaliningrad region // Kaliningrad archives. 2011. № 9. Pp. 158-171.
8. *Matveyev A.K.* Tendencies and practices in the contemporary Russian urbonomination // Problems of onomastics. 2009. №7. Pp. 100-105.
9. *Nikitin S.A.* Linguistic aspects of geographical objects renaming in Russia. Author's abst. Candidate of philology. M., 2003. 17 p.
10. *Strukova O.V., Fomina Z.Y.* Specific nature of German toponyms renaming in different Russian habitats (based on German place names of the Samara, Leningrad and Perm regions) // Scientific herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. 2014. № 1. Pp. 116-129.
11. *Khanmagomedov K.L., Iziyeva I.A., Gebekova A.N.* Denomination and renaming of geographical features as a geographical fact // Herald of North-Caucasus Federal University. 2011. № 3. Pp. 86-91.
12. *Shemchuk Y.M.* Typology of relations between new naming unites and replaced lexical items in renaming process // Herald of the Humane Institute of the Tolyatti State University. 2010. № 1. Pp. 80-83.
13. *Shcherbak A.S.* Principals of the analysis of toponymy changes in Russia: Reflection of the world's language picture (on the material of Tambov geographical objects) // Vestnik of the Orenburg State University. 2004. № 6. Pp. 14-16

А.Е. ПЕТРЕНКО

аспирант, кафедра романского языкознания,
Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова
E-mail: menestrelka@mail.ru

A.E. PETRENKO

Graduate student, Department of Romance Linguistic,
Lomonosov Moscow State University
E-mail: menestrelka@mail.ru

КОММЕРЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ РОМАНЕ «ВИЛЬГЕЛЬМ АНГЛИЙСКИЙ»

THE LEXIC OF COMMERCE IN THE OLD FRENCH NOVEL «WILLIAM OF ENGLAND»

Средневековый роман в стихах «Вильгельм Английский» (XII век) интересен для изучения в лингвистическом, культурно-историческом, философском аспектах. Текст произведения представляет собой богатейший лексический материал: средневековый автор насыщает роман единицами принципиально разных лексико-семантических полей, в памятнике освещены как традиционные сферы жизни общества (вера и религия, феодальные и куртуазные отношения), так и зарождающиеся в нем коммерция и право. Семантический и этимологический анализ лексем, принадлежащих теме «Коммерция», позволяет сделать выводы о том, как укреплялась новая сфера социального развития в языковой картине мира средневекового человека.

Ключевые слова: «Вильгельм Английский», лексико-семантическое поле, средневековье, коммерция, языковая картина мира, средневековое мировоззрение.

The medieval verse novel «William of England» (XII century) is interesting to study in linguistic, cultural, historical and philosophical aspects. This text is a product of the richest lexical material: medieval author fills the novel by fundamentally different lexical-semantic field's units. Traditional spheres of social life (faith and religion, feudal and courtly relations) and arising commerce and law in it are highlighted in the novel. The semantic and etymological analysis of tokens belonging to the «Commerce» theme, allows to make conclusions about the way new sphere of social development in the linguistic picture of the world of medieval man grew strong.

Keywords: «William of England», lexical-semantic field, the Middle Ages, commerce, linguistic map of the world, medieval mentality.

Высокое Средневековье было временем начала развития торговых отношений на территории Франции. Население росло, росли и площади обрабатываемых земель. Появились излишки продовольствия, которые можно было продавать. Города становились крупнее, регулярно проводились торговые ярмарки. Развитие каждого вида деятельности всегда сопровождается разработкой определенной лексики, обслуживающей эту деятельность. Специальная лексика чаще всего изучается по документам, однако в случае романа «Вильгельм Английский» (благодаря широкой тематике, которая охватывается в данном романе) мы имеем возможность познакомиться с номенклатурой правовой и коммерческой лексики в период создания романа – в XII веке и проследить, каким образом функционирует и как взаимодействуют лексемы, относящиеся к данным полям.

Поскольку в Средние века сухопутной торговле препятствовали пошлины на многочисленных границах, а также частые грабежи, товары предпочитали перевозить морем. Следовательно, средневековая внешняя торговля была преимущественно морской, и преобладали два морских торговых пути – северный и южный. По Средиземному морю шла торговля шелками, оружием, украшениями, тканями, пряностями, зерном, маслом; по Балтийскому и Северному морям – рыбой, солью,

воском, пенькой, лесом, мехами, льном, смолой, сукном, зерном, шерстью [2]. Неслучайно тема коммерции в романе «Вильгельм Английский» неразрывно связана с морем и специализированной морской лексикой (*cargoier une nef au port* «грузить корабль», *la mé* «море», *li mas* «мачта», *le batiax* «корабль», *haute mer* «прилив» и т.п.), здесь торговля ведется только морем, которое, безусловно, добавляет авантюриности повествованию.

Укреплению внешней торговли способствовало развитие и становление более устойчивого денежного обращения [2]. В XII в. на торговых путях возникали города и порты. Например, итальянские купцы приезжали на ярмарки, (одна из самых известных – в Труа), чтобы купить фламандские ткани и продать товары из Азии. В романе ярмарка (*foire*) представляется как место, где сходятся все дороги, мероприятие, в котором участвуют люди различных сословий, именно с ярмарки начинается развязка сюжета.

Лексико-семантическое поле коммерции в романе весьма обширно, его единицы являются отражением средневековых торговых устоев, а также мировоззрения человека, его восприятия денежных отношений, активно развивающихся в обществе описанного периода. Так, из сюжета романа и представленного в корпусе работы лексического материала можно сделать вывод о том, что

материальное начинает активно внедряться в сознание средневекового человека, в его картину мира, однако не противоречит его духовной, религиозной составляющей, а как бы открывает новую грань средневекового мировоззрения. Представленная в романе коммерческая лексика тесно граничит с лексикой права, что говорит об основательном и законном утверждении торгового обычая в средневековом обществе.

Лексико-семантическое поле коммерции представлено в романе 44 лексемами. Мы предлагаем выделить три микрополя и в качестве центральных лексем – *marcié* в значении «торговля» или «рынок» как место, где осуществляется торговля, *marceans* как действующее лицо коммерческого процесса и *argent* в качестве его движущей силы.

Marciés: латинское *mercatus*, произошедшее от *merx, mercis* («товар») полисемично, лексема служила для обозначения торговли (крупной и мелкой), а также торговых мест (народного рынка, ярмарки). [3]

В старофранцузский период лексема не потеряла своей многозначности. В конце X века *marched* – «собрание продавцов и покупателей в общественном месте для сбыта продовольствия и других товаров». В «Песни о Роланде» лексема употребляется в значении «купля-продажа по вольной цене», то есть торговля. В 1150 *marchié* обозначает «городок/поселок с правом учреждения рынка» («bourg qui a le droit de tenir marché»). В 1160 *marcié* как причастие прошедшего времени зафиксировано со значением «то, что покупают на рынке, то, что приносят с рынка».

Итак, в зависимости от значения *marcié* (а в романе лексема обозначает и рынок, и торговлю в целом) мы разделим другие компоненты микрополя на две группы как наиболее близкие к первому и ко второму значению центральной лексемы.

Если рассматривать *marcié* как торговлю, крупную или мелкую, то в романе можно найти ключевые термины коммерческого процесса любого уровня, которые мы относим к центру, скорее, по ассоциативному, психолингвистическому критерию, нежели чисто лингвистическому.

Таким термином будет однокоренное с *marcié* *marceandise*. Основное значение лексемы, как в старофранцузском, так и в современном языке – «товар». В 1160-74 годах *marceandise* обозначает движимое имущество для продажи («ce qui est meuble et objet de commerce»), но в романе «Вильгельм Английский» лексема употребляется в значении «крупная торговля, коммерция, спекуляция» («négoce, commerce, trafic»):

Si l'en a moult plus cier tenu

Por çou qu'il lui fu avenu

Si bien de sa marceandise. («Его гораздо больше ценили за удачную торговлю»). [1]

Данная лексема встречается также и в основном значении («товар»).

Следовательно, в своих периферийных значениях *marcié* и *marceandise* будут полными синонимами.

В романе представлены основные глаголы (их два),

определяющие коммерческий процесс: *acater* и *vendre*, они являются полными антонимами.

Accater восходит к народно-латинскому *accaptare, происхождение которого имеет две версии: *ad + captare* («схватить») или от *acceptare*, дублета *accipere* в значении «присваивать». В X в. *acheder* выступает в значении «получить, добиться» («obtenir»). Во 2 половине XII века лексема получает значение «приобрести (какую-либо материальную ценность) за определенную плату («acquérir (un bien) contre paiement »). В 1160 году зафиксировано еще одно значение: «добиться (преимущества) ценой какой-либо жертвы» (*obtenir (un avantage) au prix d'un sacrifice*). [3]

В романе [1] встречаем выражение *racater ses wages* («платить, возмещать долги»), которое по семе «договор» может относиться и к ЛСП права, глагол *racater* (*re+acater*), употребляющийся в «духовном» смысле в выражении *racater le pechier* («исккупать грех»), мы также можем отнести к ЛСП религии.

Vendre происходит от латинского *vendere* («продавать», сокращенного от *venum dare* «отдавать в виду сбыта»). Латинское значение «продавать за деньги или за другую плату» сохранилось и в старофранцузском, и в современном французском языке [3].

Продолжая семантико-синтаксический ряд, включаем в данное микрополе лексему *ciere*, которая также употребляется в романе в разных контекстах (*valoir ciere*, но *cher seignor*). Лексема происходит от латинского прилагательного *carus* – «дорогой, стоящий, ценный» («cher, coûteux, précieux»), а также «любимый, уважаемый» («*aimé, estimé*). В старофранцузском языке лексема зафиксирована в конце X века с теми же значениями: 1. «любимый», а с середины XI века также начинает употребляться в качестве вежливого эпитета в формулировках уважительного обращения перед именем («*cher filz*»); 2. «дорогой, ценный»; 3. В «Песни о Роланде», датированной 1100 годом, лексема употребляется в качестве наречия («*vendre cher*»), хотя пока имеет переносное значение [3].

У *ciere* лексическая сочетаемость включает еще и глагол *valoir*. Лексема причудливым образом изменила свое значение. Латинское *valere* означало «быть сильным, могучим» («*être fort, vigoureux*»), а так как именно эти качества уважались и ценились, то лексема вскоре приобрела значение «иметь ценность, достоинство, цену» («*avoir de la valeur, du mérite, un prix*»). В старофранцузский период к середине XI века лексема укрепляется в употреблении со значением «иметь какую-либо цену, стоить» («*être d'un certain prix*»). Во второй половине XII века *valeir* зафиксировано со значением «приносить доход, пользу» («*apporter, donner tel profit*») [3].

Так как значение *valoir* включает себя сему «цена», далее мы рассматриваем две лексемы, обозначающие цену: *prex* и *fuer*.

Fuer (*fur; feur*) восходит к *forum*, обозначающему к классической латыни народную площадь, рынок («*place publique, marché*»), затем в изменении значения сыграл

роль ассоциативный перенос: *fuer* стало употребляться в значении «действия, совершаемые на рынке» («*oré-gations qui se font au marché*»), то есть торговля. Завершило эту ассоциативную цепочку употребление *fuer* в значении «цена» «*grix*» [3].

Зафиксировано также в 1160 употребление устойчивого словосочетания *a nul fuer*, которое встречается и в романе «Вильгельм Английский» в значении «ни за что, никоим образом» («*à aucun prix, en aucune façon*») [3].

Итак, всякая торговля (*marcié*) имеет своей целью получение прибыли, приращение материального достатка. В романе [1] есть фраза *il vaut et il en puet avoir* (подразумевается: «сколько он (товар) стоит на самом деле и сколько прибыли с него можно получить, выгодно продав»), а также встречаются синонимичные глаголы *atraier* и *gaagner*.

Gaeng – отглагольное от старофранцузского *gaagner*, первоначально в старофранцузский период лексема *gaeng* имела значение «время сбора урожая», произошедшее от франкского *waida («с-х отава»). С 1145 года закрепляется «коммерческое» значение «заработок, прибыль, выигрыш» («*ce qu'on gagne, augmentation d'avoir*»).

Выражение *dieux a tost gaagne doinst* (пусть Господь дарует благополучие) [1] мы можем одновременно отнести к ЛСП религии. Такие пересечения представляют особую важность для выявления основных черт мировоззрения средневекового человека, в сознании которого духовное неотделимо от материального.

Aquiest – субстантивированное причастие прошедшего времени, восходящее к народно-латинскому *acquasitum, образованного от глагола *acquagere («приобретать»). В средневековой латыни приобрело форму *médiév. acquasitus, -us*. В старофранцузском языке употреблялось с конца XII века в значении «приобретенное, нажитое материальное благо» [3].

Если же рассматривать *marcié* в значении «рынок, торговое место», то неполным его синонимом будет лексема *foire*.

Foire пришло из классической латыни (*feriae, feria*) и обозначало дни, предназначенные для отдыха, а затем и праздничные дни; в Риме тогда проводились так называемые *feriae* – девять дней рыночной торговли в Риме, регулярно выпадавшие на религиозные праздники. Так, в средневековой латыни *feria* начало употребляться в значении «ярмарка» («*foire*»), которое закрепилось за лексемой в языке всех последующих эпох. В старофранцузском языке первое употребление датировано 1160 годом [3].

Глагол *sejourner*, взятый обособленно, не имеет специализированного «коммерческого» значения и не относится к изучаемому нами полю, однако в романе употребляется в контексте с *marcié* и приобретает значение «находиться на торгах».

Li marceans tantost s'en torment.

Au mains qu'il pueent i sejornent.

(«Купцы тотчас уехали, не оставаясь на торгах

долгое время») [1].

Лексема восходит к народно-латинскому *subdiurnare, дословно «оставаться какое-то время». В результате диссимилиации *sejourner* образовано от формы *sojourner*, которая появилась в процессе изменения предлога *sur*, выступающего здесь в качестве префикса. В памятниках первой половины XII века *surjurner* используется в значении «пребывать какое-то время в каком-либо месте» («*demeurer quelque temps dans un lieu*»).

Ассоциативно мы сближаем *marcié* и *foire* с лексемой *bargaigner*, которая происходит в результате смешения франкского *borgen (современное немецкое *borgen* «брать в долг, заимствовать») с нижнефранкским *waidanjan (*gagner**);

Bargaignier употребляется во второй половине XII века со значением «*marchander*» («торговаться» или как переходный глагол «торговать»), но отмечено как более разговорное в сравнении с «*marchander*». В XIII веке значение изменилось на «колебаться в отношении чего-либо» («*hésiter au sujet de qqch*») [3].

Desprisier будет гипонимом по отношению к *bargaigner* (тип связи – вхождение), так как оба глагола имеют сему «торговаться», но *desprisier* имеет еще и уточняющую сему «понижать цену». Образованный от глагола *priser** с помощью префикса *dé-**, глагол приобрел противоположное значение. Лексема употребляется в памятниках XII-XIII веков в значении «обесценивать, сбивать цену», а затем в переносном значении «понижать, не брать во внимание, презирать». Стоит отметить, что в современном французском языке есть два глагола-паронима, восходящих к одному и тому же латинскому глаголу *pretiare*: *dépriser* и *déprecier*, однако употребляются они в разных значениях: «недооценивать» и «снижать цену, не уважать» соответственно [3].

Итак, перейдем к анализу второго микрополя, центральной лексемой которого будет *marceans* (данная лексема употребляется в романе как имя и как прилагательное).

Лексема восходит к причастию *mercatans, образованному от народно-латинской формы глагола *mercatare (вести торговлю), происходящего в свою очередь от *mercatus* «*marché*» («рынок») [3].

В старофранцузский период в функции имени *marceans* начинает употребляться с конца X века со значением «торговец, купец» («*celui qui fait du commerce*»). Первое же употребление прилагательного зафиксировано как раз в романе «Вильгельм Английский» [1] – *nes marceande* («торговый корабль»).

В купеческом обществе и среди зажиточных горожан очень престижным считалось скорняжное дело, поэтому приемный отец одного из центральных героев Ловеля хочет научить мальчика обрабатывать и продавать меха. В романе употребляется лексема *peletier*, которая по семе «торговец мехами» может быть включена в ЛСП коммерции и составлять родо-видовую пару с *marceans* (тип связи – вхождение). Лексема восходит к старофранцузскому *pel* «кожа», в XI веке употреблялось в средневековой латыни *pelletarius*. Старофранцузское

peletier впервые употребляется в романе «Вильгельм Английский» [1] со значением «тот, кто изготавливает и продает меха, скорняк».

В романе образы персонажей-купцов и богатых горожан всегда сопровождаются эпитетами и символами материального достатка. Нередко встречается характеристика *rice*, которая функционирует также в ЛСП феодальных отношений и которая равно подходит как для купца, так и для феодала.

Rice – заимствование из готского *reiks* «*puissant*» (могущественный), которое, в свою очередь, восходит к германскому **rikja*. В старофранцузский период у лексемы зафиксировано два значения: в 1050 *puissant, pourvu de grands biens* «могущественный, обладающий большими благами», и в 1120 «*qui annonce ou suppose la richesse*» (показывающий или предполагающий богатство). В романе «Вильгельм Английский» значение *rice* – вопрос сочетаемости с существительным: так как богатство феодала делает его могущественным, при сочетаемости с лексемой *seignor rice* выступает в своем раннем значении «сильный, могущественный», при характеристике купца богатство представляется обилием материальных благ и золота [3].

В романе также встречается лексема *assasés*, которая является неполным синонимом *rice* (тип связи – вхождение).

Assasés – причастие прошедшего времени от *assasier* – «офранцузенного» латинского глагола *satiare*, образованного от наречия *satis* («довольно, достаточно»). Старофранцузский глагол *assasier (assaisier)* употребляется в прямом и переносном значении «утолить чей-либо голод» («*assasier, satisfaire la faim de quelqu'un*). Соответственно, причастие прошедшего времени, представленное в романе, имеет значение «насыщенный, обладающий чем-либо в изобилии» («*celui qui possède en abondance*») [3].

В романе [1] употребляются лексемы, обозначающие богатство и имущество: *bien, avoir, rente, meubles, movoir*.

Субстантивированное от наречия, существительное *bien* в X веке употреблялось только в морально-нравственном контексте и означало то, что справедливо и правильно, что представляет собой духовную ценность («*ce qui est juste, qui représente une valeur morale*»). Однако в XI веке оно обозначает то, что может быть взято в собственность («*ce qui est susceptible d'appropriation*») [3].

Avoir субстантивированное от глагола *avoir* начинает употребляться с середины X века и обозначает имущество, богатство («*biens, fortune*»). В структуре ЛСП коммерции *avoir* и *bien* будут полными синонимами (тип связи – вхождение).

Лексема *rente* принадлежит полю правовой лексики ввиду того, что обозначает некое обязательство выплаты. Однако здесь мы можем говорить о пересечении полей правовых и денежных отношений, так как *rente* употребляется в романе в значениях: 1) «доход, приданое», 2) «выплата, награда».

*Si li dona moult rice fame,
Car de rente .M. mars i prist.
Et as .II. marceans assist*

.M. mars de rente d'esterlins. («Он нашел ему (сыну) богатую супругу, за которую давали 1000 марок приданого, а обоим купцам он присудил тысячу марок стерлингов».) [1]

С XII века и только в старофранцузский период *rente* употребляется в значении «возврат, возмещение» («*restitution*») В 1119 году зафиксировано более узкое, правовое значение «долг, регулярная выплата за пользование движимым или недвижимым имуществом» («*ge-devance, tribut à payer régulièrement pour un bien mobilier ou immobilier dont on a la jouissance*»). В «Вильгельме Английском» данная лексема обозначает денежный доход [3].

Meubles и *movoir* – полные синонимы (тип связи – вхождение), обозначающие в романе движимое имущество, по отношению к синонимичным лексемам *bien* и *avoir* будет образовывать партитивную (метонимическую) связь, так как имеют уточняющий смысл и ограничивают значение «имущество» собой «движимый».

Субстантивированное от прилагательного *meuble*, восходящего к латинскому *mobile*, обозначающего движимое имущество («*les biens meubles*»). Лексема впервые употребляется в романе «Вильгельм Английский» [1]. Здесь *meubles* обозначает легко перевозимые ценности, движимость («*bien aisément déplaçable, bien mobilier*»).

Лексема *movoir* восходит к латинскому *movere* («двигать, колебать, толкать, вызывать что-либо, волновать, провоцировать»). С XII века глагол встречается в старофранцузских памятниках со значением «причинять что-либо» и «приводить в движение» («*causer*» и «*mettre en mouvement*») [3].

Интересно, что словарь характеризует субстантивированное *movoir* как редко употребляемое и не фиксирует ни одного случая употребления данной лексемы в старофранцузский период, поэтому точное значение можно вывести лишь из контекста.

В романе [1] представлены и старинные меры веса *muis et sestier*. Данные лексемы можно было бы отнести к сфере быта, однако здесь они употреблены в контексте «денежном», для обозначения чрезмерного материального достатка богатого человека (проповедь об Алчности).

*En tel torment, en tel justice
Sont li pluïsor par covoitise
Qui ont a muis et a sestiers*

Plus que ne lor seroit mestiers. («В таких мучениях пребывают, и такое наказание терпят те, кто имеет в мюи и сетье больше, чем ему необходимо».)

Muis образовано от латинского *modius* («мера емкости преимущественно для хлеба»).

В XII веке употребляется в значениях «бочка, сосуд, чан» («*futaille, récipient, tonneau*») и «мера емкости предпочтительно для зерна» («*mesure de capacité servant surtout pour le blé*»).

Sestier восходит к латинскому *sextarius* («шестой»), что означает меру веса и как для жидкостей, так и для твердых веществ. В старофранцузском языке лексема встречается также в романе Кретьена де Труа «Эрек и Энида», датированном 1170 годом, и имеет значение «мера веса, установленная для зерна и других сухих веществ» («mesure pour les grains et autres matières sèches») [3].

Лексема *castaigne*, как и *châtaigne* в современном языке, имеет значение «каштан» и должна быть отнесена к ЛСП быта, однако здесь она употребляется в сочетании с глаголом *valoir* и обозначает (хоть и в метафорическом смысле меру, стоимость), поэтому наряду с *muis* и *sestier* мы можем включить данную лексему в ЛСП коммерции.

Que le vaillant d'une castaigne

De tos moebles ne vos remaigne

N'en portés vaillant .I. festu

Fors tant que vos arés vestu, (Из имущества ничего не берите с собой, даже стоимостью равное каштану, соломинке, только одежду, которую носите).

Материальному благополучию в романе противопоставит бедность и нужда. Автор как бы сопоставляет лишения, выбранные королем Вильгельмом и зажиточность купцов-горожан. Оппозиции «богатство-бедность», «достаток-нужда» имеют лексическое отражение в романе.

Povre – полный антоним по отношению к *rice* (тип связи – расхождение). Лексема восходит к латинскому *pauper*, *-eris* «раууге».

В 1050 зафиксировано в значении «нуждающийся, тот, кому не хватает материальных благ» («qui est nécessaire, qui manque de biens matériels nécessaires») [3].

Автор [1] вводит также лексему *mestier* и употребляет ее в нескольких значениях: в сочетании с глаголом *avoir* лексема имеет значение «нужда, необходимость», само словосочетание *avoir mestier* тяготеет к *povre* по сему «нуждаться» (тип связи – схождение). Так же *mestier* употребляется со значением «профессия, должность».

Происхождение лексемы *mestier* объясняется пересечением двух морфологически и семантически близких имен *ministerium* («служба, должность, функция» и особенно «служение культу», откуда в христианской латыни употребляется со значением «божественная служба») и *mysterium* («мистерия, тайна», и «тайный обряд в честь культа какого-либо бога, доступный для посвященных»). В старофранцузский период в X веке употребляется в значении *ministerium*, то есть «служба, должность, функция», как в церковной области, так и с более широким значением, а также как «профессиональный класс, специальность, деятельность» («*catégorie professionnelle, métier, activité*»): в романе [1] «Вильгельм Английский» встречаем:

... uns forestiers

Cui la baillie et li mestiers

Estoit de le forest garder

(«...один лесник, должность которого была охранять этот лес...»)

Затем значение лексемы расширяется до «*utilité, besoin, nécessité*» («назначение, потребность, необходимость»), а позже по метонимическому переносу имеет значение «*objet, instrument*», применяемый в какой-либо профессии. В романе словосочетание *avoir mestier* означает «нуждаться, иметь потребность в» (*être besoigneux, avoir besoin*) [3].

Prendés, amis, par ma priere

Et les besans et l'aumosniere

Car mestier vos porra avoir.

(«Друг, прошу вас, возьмите бизантии и кошель, ибо можете в них нуждаться»).

Старофранцузское *ausmones* (современное *aumône*), обозначающее милостыню, подаяние, безусловно, стоит отнести к лексико-семантическому полю религии. Однако в нашем романе понятие милостыни раскрывается не с точки зрения духовной, как одна из христианских добродетелей, а скорее имеет «коммерческий» смысл (ведь милостыню подают купцы) и рассматривается как единовременная денежная выплата. Это позволяет нам отметить пересечение ЛСП религии с ЛСП коммерции и отнести *aumones* к периферии последнего. Непосредственно же связь *aumones* с денежным миром доказывает однокоренное *aumosniere*, обозначающее суму или кошель для сбора милостыни, а в романе – именно денежного подаяния (бизантиев).

Prendés, amis, par ma priere

Et les besans et l'aumosniere...

Лексема *ausmones* («милостыня») ассоциативно тяготеет к *truander* («просить милостыню»), а *truander* в свою очередь отсылает к *povre u avoir mestier* по сему «нищий» (тип связи – схождение).

Truander восходит к галльскому **trunganto* («mendiant, vagabond» (нищий), первое же употребление глагола в старофранцузский период зафиксировано в романе «Вильгельм Английский» (598) со значением «*gueuser, vagabonder, mendier*» («просить милостыню, бродяжничать, нищенствовать») [3]. Стоит отметить, что основной, «ядерной» семой *truander* будет являться «недостаток денежных и других материальных средств к существованию», что позволяет нам включить данную лексему в ЛСП коммерции. Религиозный же смысл *truander* приобретает позже, так как коннотативное значение лексемы складывается из идеологических и философских доминант в обществе определенной эпохи. Так, приобретенное значение «терпеть лишения во славу Божью» позволяет нам отметить пересечение ЛСП коммерции с ЛСП религии.

Итак, лексемы *povre, avoir mestier, ausmones* и *truander* составляют антонимический ряд к лексемам *rice* и *assasé*, которые являются главными характеристиками центра микрополя *marceans*.

Лексема *prodome*, наряду с *rice* и *assasé*, (// феод.) также употребляется в романе в качестве положительной характеристики зажиточного горожанина.

Prodome происходит от позднелатинского существительного *prode*, («profit», «avantage») и прилагательного («*utile, avantageux*») [3].

Как и в латыни, *preu* (или *pro*, *prod*, *prou*), зафиксированное в XI веке, может быть существительным со значением «польза, преимущество, прибыль» и прилагательным, употребляющимся, чтобы обозначить человека: 1) «доброго», 2) «храброго, доблестного», 3) «мудрого, дальновидного, хорошо осведомленного», 4) «честного, добродетельного». Как существительное данная лексема будет синонимом *gaaing* и *profit*, как прилагательное – синонимом *vallant* и пересекаться с лексико-семантическими полями феодальных и куртуазных отношений. Отметим, что *prex* тоже употребляется в романе в значении «profit».

Лексема *prodome* в старофранцузском языке имела значение «храбрый, достойный человек» («homme vaillant, de valeur»), в качестве прилагательного же обозначает человека добродетельного, мудрого, опытного. В современном языке значение сузилось, лексема употребляется только в юридической сфере. Как и *preu*, *prodome* имело место в словаре феодальной и куртуазной лексики.

Итак, купец – это человек обеспеченный множеством жизненных благ, осознающий свое превосходство над всяким малоимущим и «знающий себе цену». И для этой черты характера в романе употребляется рефлексивный глагол *se prisoir*. Лексема восходит к позднелатинскому *pretiare* «estimer, priser». В старофранцузский период *prisoir* употребляется с 1100 года в значении «дорожить кем-либо или чем-либо» и «ценить, уважать» («faire cas de quelqu'un ou quelque chose», «faire l'évaluation, estimer»). В «Вильгельме Английском» [1] употребляется рефлексивный глагол в значении «ценить себя, высоко себя ставить»:

«Li uns d'aus, qui plus se prisoit,

A la roïne regardée:…»

(«..Один из них (купцов), который выше других себя ставил, посмотрел на королеву...»).

Итак, перейдем к третьему микрополю. В качестве его центра мы выделяем *argent*, лексему, которая продолжает синтагматический (ассоциативный) ряд «торговля – (рынок) – купец – деньги». К данному микрополю мы отнесем номинации монет, а также лексемы, обозначающие различные действия с деньгами.

Argent – заимствование из латыни (*argentum* – «серебро»). В конце IX века лексема появляется в старофранцузских памятниках со значением «белый блестящий металл, используемый для изготовления монет, посуды, украшений и т.п.» («métal blanc, brillant, dont on se sert pour fabriquer des monnaies, de la vaisselle, des bijoux, etc.») Только ко 2 половине XII века появляется значение «монета, изготовленная из этого металла» (*monnaie fabriquée avec ce métal*) [3].

Or, как и латинское *aurum*, в старофранцузском языке употреблялось и в прямом, и в косвенном значении («драгоценный металл в разных формах (монеты, украшения и т.п.)», а также как символ материальных благ, денежного достатка, богатства. В конце X века в старофранцузских памятниках лексема употребляется с негативной коннотацией, в это время в сознании

средневекового человека появляется идея о тленности материальных благ, о греховном тщеславии земного богатства [3].

Лексема *mars* восходит к франкскому *marka, перешедшему в средневерхненемецкое *marke*, *marc*, *march* и обозначающему половину одного ливра золотом или серебром («moitié d'une livre d'or ou d'argent»), а в немецком лексема *Mark* укрепилась в другом значении – «метка, знак» («marque, signe»), так как промежуточной семой являлась «слиток металла с официальной меткой» («lingot de métal muni d'une marque officielle»). В средневековой латыни лексема употреблялась только во втором значении. Старофранцузское *mars* имеет более узкое значение (1130 год) – «количество золота или серебра весом в 8 унций» [3].

Besans. Не вдаваясь в нумизматическую предысторию, можно сделать вывод о происхождении монеты. Восходящее к латинскому *byzantius*, *besans* употребляется в средневековых текстах с начала XI века и обозначает византийскую золотую или серебряную монету [3].

Deniers. Из классической латыни *denarius* пришло со значением «денарий, серебряная монета стоимостью десять ассов (римская монета), весом равная одной аттической драхме». С X века означает *denier* римскую монету («monnaie romaine»). В 1100 году в «Песни о Роланде» впервые употребляется как французская монета («monnaie française») [3].

Sols восходит к латинскому *solidus* («мощный, полный, целый»), откуда после субстантивации появляется значение «жалованье, полная сумма», а в поздней латыни и «золотая монета». В старофранцузский период и до Революции эта денежная единица соответствовала одной двадцатой части ливра и двенадцати денье. Однако сохранилось и прежнее латинское значение «зарплата, жалованье», которое использовалось преимущественно для обозначения военного жалованья (отсюда *soldat*). В Средневековье существовало понятие *chevalier a/ en soldees*, то есть «наемник на конную службу» [3].

Термин *estrelins* соответствует английскому *sterling**, также лексема употреблялась в средневековой латыни (*esterlingus*, *sterlingus*). Употребление *esterlin* в старофранцузском языке зафиксировано в 1160-74 гг со значением «серебряная монета, по стоимости равная четырем денье» («monnaie d'argent valant quatre deniers») [3].

Мы рассмотрели все разновидности монет, отображенные в романе, и можем заключить, что все эти лексемы являются гипонимами по отношению к *argent* и образуют с последним гипер-гипонимическую связь (тип связи – вхождение). Затем рассмотрим несколько лексем, обозначающих операции с деньгами, которые также имеют ассоциативную связь с центральной лексемой микрополя *argent*.

В романе есть две лексемы, обозначающие платеж: *paiement* и *païage*. Обе они образованы от глагола *paier*, который восходит к латинскому *pacare* (которое в свою очередь происходит от *pax* («мир»). Первоначальное

значение латинской лексемы – «мирить, умиротворять» («faire la paix, pacifier»), должно быть, преобразовалось в позднелатинский период в «удовлетворять, успокаивать» («satisfaire, apaiser»), и лексема стала употребляться в переносном, «духовно-нравственном» значении, которое впоследствии развивается в других романских языках и приобретает уточняющий компонент, сему «денег» («satisfaire, apaiser avec de l'argent»), которая становится основной и относит лексему к миру материальному, коммерческому[3].

Так, во второй половине X века глагол еще употребляется в значении «примириться с кем-либо» («se réconcilier avec quelqu'un»), а уже в конце того же века – «удовлетворить, отплатить».

Образованное от глагола имя впервые употребляется в данном романе [1] и после этого часто встречается в средневековых памятниках.

Лексемы *assanler u esparnier*, употребленные в романе в «денежном» контексте являются синонимами (тип связи – вхождение).

Лексема *assanler* восходит к народно-латинскому *assimulare (производному от *simul* «одновременно, вместе»). В средневековый период закрепляется два значения: «объединяться» или как переходный глагол «объединять, связывать» (середина XI века), а также «собирать, накапливать» («rassambler, mettre ensemble, amasser»)[3].

Esparnier имеет германское происхождение и восходит к франкскому *sparanjan («относиться бережно, снисходительно») и средневеннонемецкому *sparên, sparôn* («не убивать, пощадить»). В старофранцузский период лексема впервые встречается (в значении «ne pas tuer, laisser vivre») в «Песне о Роланде». Затем в па-

мятниках первой половине XII века *esparnier* означает «обращаться бережно, снисходительно» («traiter avec ménagement, indulgence»), а также «употреблять, использовать с соблюдением меры» (consommer, employer avec mesure, de façon à garder une reserve)[1].

Также в романе встречаем глагол *despandre* – антоним *assanler* и *esparnier* (тип связи – расхождение). Восходит к латинскому *dispendere*, вытесненном впоследствии глаголом *dépenser*. В 1 половине XII века *despandre* употребляется в значении «распространять, расточать, распределять» («répandre, dispenser»)[3].

Также деньги можно одалживать, что обозначается в романе лексемой *presterer*.

Presterer происходит от латинского *praestare*, что означало «предоставлять в распоряжение, добывать для кого-либо, снабжать», так, старофранцузское выражение *prêter serment* («давать клятву») является калькой латинского *jusjurandum praestare*. В старофранцузский период также употребляется в значении «предоставлять в пользование» («mettre à la disposition de quelqu'un»). Со второй половины XII века значение уточняется «снабжать кого-либо чем-либо с условием возврата» («fournir une chose à condition qu'elle soit rendue»)[3].

Роман «Вильгельм Английский» является уникальным художественным текстом, отразившим в своем слове процесс развития и активизации торговых отношений в Западной Европе в Высоком Средневековье. Многие лексемы данного лексико-семантического поля зафиксированы в тексте романа как первое употребление. Анализ коммерческой лексики, употребленной в романе, позволяет увидеть, как складывается система употребления данной специальной лексики во французском языке.

Библиографический список

1. Chrétien de Troyes (?) Guillaume d'Angleterre. Publication, traduction, présentation et notes par Christine Ferlampin-Acher. P. : Honoré Champion Éditeur, 2007.
2. *Конотопов М.В., Сметанин С.И.* История экономики: Учебник для вузов. М.: Академический проект, 2000. 367 с.
3. Этимологический словарь: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/> и лексикологический словарь старофранцузского языка: http://www.lexilogos.com/francais_dictionnaire_ancien.htm

References

1. Chrétien de Troyes (?) Guillaume d'Angleterre. Publication, traduction, présentation et notes par Christine Ferlampin-Acher. P. : Honoré Champion Éditeur, 2007.
2. *Konotopov M.V., Smetanin S.I.* History of economic: manuel for highschoools. M.: Academic project, 2000. 367 p.
3. Etymologic dictionary: [http://www.cnrtl.fr/etymologie/lexicographical dictionary of Old French](http://www.cnrtl.fr/etymologie/lexicographical%20dictionary%20of%20Old%20French): http://www.lexilogos.com/francais_dictionnaire_ancien.htm

А.С. ПОЛЯКОВ

аспирант, кафедра русского языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: xanderpolyakov@gmail.com

A.S. POLYAKOV

Graduate student, Department of Russian language, Orel state university named after I.S. Turgenev
E-mail: xanderpolyakov@gmail.com

**НЕНОРМАТИВНЫЕ ЭТНОНИМЫ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ КОММЕНТАРИЯХ К ТЕКСТУ
ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА («88 ЗАПОВЕДЕЙ ДЭВИДА ЛЭЙНА»)**

ETHNOPHAULISMS IN RUSSIAN COMMENTS ON EXTREMISTIC TEXT (“88 PRECEPTS BY DAVID LANE”)

Статья посвящена анализу специфики интерпретации русскоязычными интернет-пользователями неонацистского текста «88 заповедей Дэвида Лэйна», заключающейся в возбуждении вражды в основном по национальному, а не расовому признаку. Сравнивается частотность употребления в интернет-комментариях некоторых наиболее употребительных ненормативных этнонимов.

Ключевые слова: ненормативные этнонимы, частотность употребления лексики, Дэвид Лэйн, вербальный экстремизм, интернет-дискурс.

The article is devoted to analysis of specifics of interpretation of the “88 Precepts by David Lane” by Russian Internet users that consists in arousing of mainly national, not racial enmity. The author compared the frequency of use of ethnophaulisms in Internet comments.

Keywords: ethnophaulisms, word frequency, David Lane, verbal extremism, Internet discourse.

В настоящее время одним из актуальных направлений в социально-гуманитарной науке является проведение междисциплинарных прикладных исследований, в которых используются достижения, различных научных дисциплин, таких как социолингвистика, лингвоконфликтология, психолингвистика, юридическая лингвистика и др. В рамках лингвокриминалистики специальные лингвистические знания могут и должны быть использованы при установлении истины судом и вынесении им верного решения. Результаты лингвокриминалистических исследований в отдельных областях (в частности – в сфере межэтнических отношений) могут быть использованы как при выработке стратегии государственной политики по регулированию отношений между составляющими многонациональный и многоконфессиональный социум группами, так и при оценке степени эффективности ее проведения.

Одним из самых очевидных, эксплицитно выраженных средств возбуждения вражды между различными группами в составе социума по какому-либо признаку является употребление ненормативных наименований лиц по признаку принадлежности к какой-либо группе, лексическое значение которых содержит негативно-оценочную коннотацию. К таким лексико-тематическим группам относятся, в частности, ненормативные этнонимы – названия различных видов этнических общностей, племен, племенных союзов, родов. [13: 598], противопоставленные официальным названиям и отличающиеся от них наличием в лексическом значении субъективно-оценочного и эмоционально-экспрессивного компонентов. Они потенциально могут

употребляться в инвективной функции, более того, их использование может стать ключевым средством для стратегий создания этнической предубежденности [3]. Термин *ненормативный этноним* мы выбрали в своем исследовании потому, что он указывает на основную черту таких единиц – несоответствие нормам, причем нормам различного типа: нормам литературного языка, нормам морали и поведения в обществе и, наконец, нормам права. Лицо, употребляющее ненормативный этноним, опирается на бинарное противопоставление «свой – чужой», где «свой» оценивается однозначно положительно, а «чужой» – отрицательно. Говорящий, употребляя такие слова, демонстрирует свое негативное отношение к представителям называемых групп, а в контексте такая демонстрация может конкретизироваться заявлениями о неравенстве этнических групп, о превосходстве той общности, к которой принадлежит сам, и/или, напротив, о негативных качествах, неполноценности «чужого». Примеры таких лексических единиц: *азер* – азербайджанец, *бульбаш* – белорус, *жид* – еврей, *кацап* – русский, *лягушатник* – француз, *ниггер* – чернокожий, *фриц* – немец, *хохол* – украинец, *япошка* – японец и другие.

Употребление ненормативного этнонима может быть расценено как действие, направленное на возбуждение ненависти и вражды по признакам расы, национальности, языка и происхождения – деяние, рассматриваемое уголовным правом как занимающее центральное место в системе преступлений экстремистской направленности, предусмотренное статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации [6: 133].

Частотность употребления лексических единиц напрямую зависит от степени актуальности называемых явлений, действий, предметов. Логично предположить, что ненормативные этнонимы не являются исключением из данного правила. В целях проверки данной гипотезы мы обратились к анализу комментариев (как жанра интернет-дискурса), отличительными чертами которых являются субъективность и оценочность суждений, «экспликация личностного отношения автора к рассмотренным темам» [18: 171]. Данному жанру И.Г. Сидорова дает такую характеристику: «Жанр интернет-комментарий обусловлен аффективными коммуникативными действиями частно-публичной языковой личности, которые выражаются в кооперативной и деструктивной стратегиях, направленных на самовыражение языковой личности и возможность выражения личной позиции человека как члена социального интернет-сообщества, формирующего общественное мнение» [18: 179]. «Агрессивные комментарии являются вполне очевидной реакцией читателей на действия властей, т.к. власть и государственные структуры всегда вызывают критику у народа. Политическая языковая личность «приговорена» к эмоциональной реакции читателей, которые следят за действиями политиков, принятием законов и решительных мер» [18: 172]. Со вторым утверждением можно поспорить: написание интернет-пользователями агрессивных комментариев не может однозначно детерминироваться негативной реакцией автора текста на действия органов государственной власти, а равно на какие бы то ни было события в публичной сфере. По нашему мнению, агрессия автора комментария может быть следствием пребывания в определенном психоэмоциональном состоянии, которое необязательно мотивировано реакцией на действия органов власти или чьи-либо действия вообще.

Подобная речевая агрессия, или, скорее, так называемая «речевая несдержанность» может привести к серьезным последствиям. Так, по нашим наблюдениям, частотность употребления отдельных ненормативных лексических единиц в наибольшей степени определяется их присутствием в агрессивных (инвективных) комментариях. Комментарии на тему межэтнической вражды, содержащие ненормативные этнонимы, называющие те этнические общности, которые больше всего попадают в поле зрения общества, особенно его маргинальной части, которой присущи нетолерантность, склонность к дискриминации «чужих», в частности, национализм и шовинизм, могут позволить исследователям отследить общественные настроения в данной сфере. Предполагается, что по количеству отдельных употребляемых ненормативных этнонимов в течение отдельно взятого временного отрезка можно отследить тенденции роста или падения напряженности в отношениях между отдельными этническими общностями.

В рамках исследования ненормативной этнонимии нами был проведен контент-анализ (который «представляет собой перевод в количественные показатели массовой информации (текстовой, аудиовизуальной,

цифровой) с последующей ее статистической обработкой» с целью «сосчитать наиболее часто повторяющиеся слова или темы, например, в газетном материале, и определить общую тенденцию», «выйти на <...> стереотипы сознания масс, предпочтительные модели поведения» и др. [20: 125]) комментариев к одной из публикаций текста «88 заповедей Дэвида Лэйна». Выбор источника не является случайным. Высказывание «14 слов Дэвида Лэйна» («We must secure the existence of our people and a future for White children»: «Мы должны сохранить само существование нашего народа и его будущее для детей белого человека») и текст «88 заповедей Дэвида Лэйна» являются программными текстами в дискурсах неонацизма и радикального национализма и имеют в данных сферах интертекстуальный статус, что подтверждается достаточностью для национал-радикала упоминания одного лишь названия текста для исчерпывающей демонстрации идеологических взглядов и идентификации в среде сторонников. В рассматриваемом дискурсе последовательность цифр 14/88 – часть транслируемого кода культуры как системы традиционных (в рамках данного дискурса) ценностей (что коррелирует с определением понятия *интертекстуальность*, данного Н.А. Кузьминой [12]). При этом отмечается, что «в дискурсе неонацизма большое значение придаётся символам, в том числе, оформленным в виде чисел. <...> Числа 14 и 88 используются в неонацистских текстах, как по отдельности, так и в комбинации, сама комбинация известна в различных графических оформлениях: 14/88; 1488; 14|88; 1488; 14 88; 14-88; 14_88» [9: 145].

Комментарии к тексту «88 заповедей Дэвида Лэйна» были оставлены разными читателями веб-страницы <http://asher.ru/library/literature/1488> в период с 2010 до 2015 год. Благодаря тому, что, во-первых, сам по себе текст в некоторой степени схематичен, поскольку не содержит упоминания конкретных этнических общностей, помимо «белой расы», и, во-вторых, в его содержании отчетливо прослеживается оппозиция «свой – чужой», читателю легко идентифицировать себя с условной группой «своих». На месте «чужого» в случае согласия читателя с позицией автора может оказаться любая общность этнического характера, будь то раса, нация, этнос, этнографическая группа и т.п. Важно и то, что обыденное языковое сознание зачастую не знает четкой дифференциации разных типов этнических общностей, вследствие чего отдельный этнос может считаться автором комментария другой расой, в то время как расовая принадлежность «чужого» совпадает с его собственной: ср., например то, как русский называет кавказцев *черной расой*, отождествляя ее, по-видимому, с негроидной, т.е. чужой, в то время как в науке принято относить этнические общности Кавказа к европеоидной расе. Данный факт может быть объяснен особенностями обыденного языкового мышления, для которого важны категории «свой» и «чужой». Причем к первой группе человек может в разных ситуациях относить общности разного охвата и уровня, во вторую же попадают все остальные. Такое упрощение обыденного зна-

ния о различных этнических общностях не случайно: в обыденном языковом сознании при толковании слов, обозначающих близкородственные натур- и биофакты, прослеживается склонность к нейтрализации видовых признаков [см., например: 17: 289].

Схематичность текста и возможность оставить к нему комментарий позволяет провести подобие ассоциативного эксперимента, где заповеди Лэйна будут стимулом, а комментарии – реакциями. Контент-анализ комментариев на рассматриваемой странице показывает, что интерпретация исходного текста Дэвида Лэйна читателями, оставившими комментарии, в некоторой степени отличается от авторского замысла. Так, Лэйн (1938–2007), живший в США, поднимал проблему преимущественно не столько межнационального, сколько межрасового противостояния. Это объясняется расово-национальным составом общества, в котором он жил: межнациональный конфликт между белыми гражданами США – иммигрантами из разных стран Европы и их потомками – трудно себе представить. Здесь оппозиция «свой – чужой» приобретает расовую окраску: белые / небелые = черно-, темно-, смуглокожие (к которым по признаку оттенка кожи могут быть отнесены и латиноамериканцы).

В отличие от общества США времени написания текста Лэйном, в современном российском социуме остро стоят проблемы, скорее, межэтнических, а не межрасовых отношений. В словарях русской ненормативной лексики слово *черный* определяется так: «1. Негр. 2. Житель Кавказа, Закавказья и Средней Азии» [5: 463]; «*жарг.* Кавказцы» [7: 962]; «То же, что черножопый (где черножопый – «*Вульг.-прост. Пренебр.* 1. О смуглом, чернявом человеке (кавказце, азиатке). 2. Об африканце, негре; темнокожем)» [15: 379]; 3. «*пренебр.* Житель Кавказа или Средней Азии» [16: 960]; «*Уничиж. (презр.) разг.-сниж.* О людях с темным, смуглым цветом кожи; о кавказцах или о выходцах из некоторых азиатских стран» [1: 707]. То есть слово *черный* и его производные как ненормативные этнонимы реализуют в русском языке два значения: 1) представитель негроидной расы; 2) представитель одной из этнических общностей Кавказа или Средней Азии.

При рассмотрении комментариев к тексту Лэйна нами были выявлены примеры употребления слов *черный* и его производных в обоих указанных значениях, но слова с корнем *-черн-* в значении ‘представитель одной из этнических общностей Кавказа или Средней Азии’ употребляются комментаторами текста значительно чаще, чем в значении ‘представитель негроидной расы’ (примеры комментариев, в которых упоминаются кавказские или среднеазиатские этносы, называемые словом с корнем *-черн-*: *без кавказа россия не россия вот вам пример сборная россии по вольной борьбе! не одного русского, но при этом больше медалей чем у любой другой сборной! где же русские покажите что хотя бы бороться умеете а потом уже росси. от черных избавляйте; Или, уважаемые толерасты, вам нравится , когда ваших девушек трахают*

*чурки? Мусульмане давно пытаются истребить белых, а вы их еще и защищаете. Вот когда ваши родственники погибнут от рук черных, тогда посмотрим, как вы их дальше будете защищать; но уже я настолько зол, что собрал бы всех черных, живущих за пределами даг и чех ингуш осетин и иностранцев с кавказа и востока и отправил бы их в шахты; Хачики! валите домой в горы, ишаков е**ть!!! и те кто черножопым очко подлизывает тоже проваливайте вместе с ними!; они на язык джигиды а на деле большинство пидорасы. возьмите в руки ножи валите пидорасов, режьте. Я суки умоюсь вашей гнилой кровью и сегодня и завтра. когда придет наше время черножопые вы как шкуры будете плакать; Да вот и х*р там я веду зож работаю учсь и рук. боем занимаюсь и ненавижу чёрных особенно тех которые себя очень высоко ставят и также шавок ненавижу ... а всё началось после того когда пацан выпрыгнул в окно с криком «достали чурки» я не хочу что бы подобное случилось с моим ребёнком... и насчёт избиения толпой чёрные часто дерутся с теми кто слабее них вот и делайте вывод и т.д.). Русскоязычные радикально настроенные комментаторы в целом склонны к дискриминации по национально-этническому, а не расовому признаку. Это подтверждается использованием и других известных в русском языке ненормативных этнонимов, называющих лиц по признаку происхождения (кавказцев и/или среднеазиатцев), при этом лексикографическая трактовка ряда этнонимов может быть представлена более детализированно с указанием на конкретную национальность: даже такие прозрачные с точки зрения мотивации слова, как *азер, даг*, обязательно будут употребляться говорящим именно так, как производящие слова *азербайджанец, дагестанец*; толкование их может быть расширительным ввиду нечеткости представлений о родо-видовых отношениях между объектами в обыденном языковом сознании (это отражается и в словарях, например: *азер* – «*жарг.* Азербайджанец, *тж* в широком смысле кавказец» [7: 9]; *азер, айзер* – «сокр. Уничиж. или неодобр. жарг. Об азербайджанце; вообще о любом кавказце» [1: 23]; *даг* – «*жарг.* Кавказец». [7: 162]). Размыванию этих связей в обыденном сознании способствует и следующий отмеченный М.В. Костромичевой факт: «для российской действительности актуальны и такие понятия, как «лицо кавказской национальности» и более широкое – «лицо южной национальности», при этом к последнему относят жителей не только Кавказа и Закавказья, но и Средней Азии, то есть налицо объединение в рамках одного понятия лиц, имеющих разную национальность и принадлежащих к разным расам» [10: 94]. Следует отметить, что денотативный компонент ненормативного этнонима может быть как таким же конкретным, как у нормативного, так и максимально размытым, настолько, что лексическая единица сможет подходить для наименования целой группы этносов, сходных в отношении территориальной, расовой принадлежности или каких-либо антропологических признаков.*

Помимо комментариев, содержащих ненорматив-

ные этнонимы с корнем –*черн-*, мы включили в анализируемый материал такие слова, как *азер* (см.: *Я не считаю, что я права, но в жизни моего маленького городка, очень много: дагов, азеров, и ары. И так получилось, что у них здесь почти весь бизнес, на работу берут не официально, увольняя не выплачивают деньги; Сколькo документалистики и просто роликов в интернете, когда азеры, дагеры и прочее говно до**ываются до русской культуры, русского народа!!! ; И вот вы говорите не бьют они толпой да? Было недавно дело, что 5 Азеров х**ачили 1 Русского малолетку...Это нормально? Это вы скажите есть правильно?), *даг* (см.: *а убили его не тупо Чурки, А именно те маральные уроды о которых я говорил раньше, нельзя за 1 м**аков винить всю нацию...У каждого из Вас есть хороший друг, который всегда поможет и не обязательно, что он Армянин, или индус, или даже кареец, да х*й с ним пусть даже Даг; И расскажи-ка, уважаемый, когда чеченцы, даги и Русские были вместе?!?!?!?!?! Сталина помнишь?!?!? был такой великий правитель! Почитай, что он говорил и делал с, тобою названными, горными дикими нациями! Как можно воссоединиться с теми, кто всегда был врагом?!?!? То, что даги, ингуши и чеченцы всегда на ножах и при всех своих улыбках воткнул нож в спину...к сожалению...не для кого не секрет! ; черножопая мрась везет сюда наркоту и только по этому их надо бить спайс гашиш геронин только либо даги либо чичя), *обезьяна* (в значении: «2. Т. н. «лицо южной национальности») [5: 254]: *если чурка себя не умеет себя вести, то зачем он нам??? гнать? да по закону нельзя. остается терпеть??? да зачем мне терпеть свою родину? эта проблема не в обезьянах, а в смотрящих на них; Я не призываю никого резать или убивать ноо кавказцы в корень о**ели серьезно б** я не против других народов кроме кауказких . А эти обезьяны ведут себя как дома), *хач* («Т. н. «лицо южной национальности», кавказец» [5: 444]; «жарг. Азербайджанец» [7: 922]: *деды не за такую россию воевали! они не для хачей ее отстаивали а для своих потомков! ; Толерасты выплескивайте свое г**но на власть и правоохранительные органы! Я посмотрю на вас когда какой нибудь е**ный хачик на свадьбе этих обезьян будет размахивать стволом и палить куда ни попадя и заденет тебя или кого то из твоих близких! ; Я лишь хочу сказать, что хачи хотим мы этого или нет, захватывают наши государства, наших женщин, диктуют свои порядки, в общем ведут себя как дома; Нет ничего хуже, когда видишь белую, красивую девушку гуляющую с хачём и держащая за руку чёрного ребёнка), *чех* («Чеченец» [5: 465]; «жарг. Чеченец» [7: 968]. «1. Чеченец. 2. Арм. Чеченский боевик» [16: 959]. «Жарг. арм. Чеченец, ингуш (обычно о чеченских боевиках, сепаратистах)» [1: 713]: *Надо уничтожить только чернокожих с российским гражданство, азиаты это работяги. зло от чехов дагов ингушей; но уже я настолько зол, что собрал бы всех черных, живущих за пределами даг и чех ингуш осетин и иностранцев с кавказа и востока и отправил бы их в шахты), *чурбан* («1. пренебр. Житель Кавказа, Средней Азии» [16:*****

970]: *ваши предки были мудрыми людьми и братьями для нас, но они все вымерли остались еденицы, и тупорылые чурбаны-пидоры, которые убивают своих же на своей же родине пытаюсь этим штото доказать, и называют себя великими воинами; А для вас - чурбанов, евреев и т.д давно разработан алгоритм действий: чемодан-вокзал...(Откуда примчал туда и вали пока возможность есть); Всех чурбанов и их е**ное отребье и славянских баб которые б**довали с ними или жили, всю эту е**ную шушеру сжечь!!! ; Раньше я думал что зарезал чурбана и ему подобные сами уедут из россии. Но нет их не убивать надо а просто калечить и тогда другие задумаются; А как мне её любить, если она сдѣт дом чурбанам?), *чурек* («прост., пренебр. Прозвище кавказца» [7: 975]: *прочитал заповеди... потом прочитал 11 страниц вашего мнения... честно сказать мне плевать на чуреков), *чурка* («2. Житель Кавказа, Закавказья и Средней Азии [5: 470]; «прост., пренебр. 2. Прозвище кавказцев и жителей Средней Азии» [7: 975]. «Грубо-прост. Презр. или Бранно. 3. Об азиате, кавказце» [15: 386]. «2. пренебр. Азиат; кавказец // пренебр. Арм. Военнослужащий-азиат» [16: 970]; «Разг.-сниж. 2. Уничиж. презр. бран. О коренном жителе Кавказа или Средней Азии» [1: 718]: *Ну, знаете, чурки, хачи и хохлы и прочие отдавали свои жизни за ваших родителей и за вашу Русь; а чурки нигеры и остальное отродие нашей земли и в правду гнать надо; На месте зеков кого бы вы съели : чурку(нигера) (противно) или славянина(брат) жалко? ; инструменты то ведь все ровно придумали белые, и машины белые люди придумали, белые дали всему основу а негры чурки и т.д. все слизали и украли; куда не плюнь кругом они, на верхушках сидят что не чурка так жид и это всё вокруг нас творится).***

Отдельно отметим ряд комментариев, содержание которых не позволяет сделать однозначный вывод о том, представителей каких именно этнических общностей – рас или наций – имеет в виду автор: в ряде случаев неясно даже, идет ли речь о расе или о нации. Несколько примеров, в которых очевиден лишь инвективный характер употребления рассматриваемых единиц: *Только тупой недоучка, человек у которого проблема с интеллектом, черножопая скотина и наркоман, которому всё пох, могут говорить, что высказывания Дэвида Лэйна это бред. ; Черные, летите на марс, пока вас всех не перерезали! 14\88 ; полностью согласен!!! а те кто пишет мудака и всё такое просто слепые люди (дегенераты или черножопые у**ки) ; горите в Аду мрази чёрные. Залить Вас всех ипритом! ; рабу не нужна свобода. РАБ мечтает о мести! знай своё место, Гнида Черножопая. придёт время ещё, покажешь, что можешь. ; Я не пью, работаю, содержу семью, и тоже презираю черноплодных и вроде не тунядец))))); да у**ок он, такой же как и ты! <...> белые такие же у**ки как и черные, а вы суки п***оболы еще хуже. Приведем также пример комментария, могущего потенциально вызвать ненависть по признаку языка: *пиши на своем родном чёрном языке!!!! не смей морать русский зык своими гнилыми словами!!!!**

Неактуальность расового признака для русскоязычных читателей текста Лэйна косвенно подтверждается и единичными употреблениями ненормативного этнонима *желтый* в значении 'представитель монголоидной расы, азиат' («Азиатский, относящийся к Японии, странам Юго-Восточной Азии» [16: 225]; ср.: *желток* – «шутл. или пренебр. Азиат» [16: 223]; *желтопузый* – «груб.-прост., пренебр. Азиат» [7: 213]). Это слово было отмечено всего в пяти комментариях, несмотря на то, что оно называет представителей расы, отличной от европеоидной, которая по замыслу автора противопоставляется иным расам.

Примечательно, что гораздо чаще употребляется этноним *жид* («груб.-прост. Презрительное, бранное название еврея» [7: 216]; «Грубо-прост. Неодобр. Презрительная кличка еврея» [15: 140]; «уничиж. (бран.) вульг. О еврее» [1: 178], который наряду со своим нормативным вариантом *еврей* употребляется в комментариях к тексту. Это свидетельствует о том, что антисемитизм остается настолько актуальной и даже традиционной темой для русскоязычных праворадикалов, что евреи оказываются традиционным объектом националистической агрессии, их обвиняют в существовании каких-либо проблем даже при обсуждении произведения, в котором они совершенно не упоминаются. В контексте *жид* может считаться комментатором таким же врагом, как *черный*, приравнивается к нему (см.: *Все выб**дки неславянской расы, которые здесь гавкают про гнилой, жидохристианский "интернационал", у**ывайте к жидам и чёрным, на**й! Слава Белой Расе! Смерть жидам и всем чёрным ублюдкам!*).

Приведем количество отмеченных случаев словоупотребления некоторых ненормативных этнонимов по годам в комментариях к тексту «88 заповедей Дэвида Лэйна»:

употребление слова *желтый* в значении 'представитель монголоидной расы': 2010 – 0, 2011 – 0, 2012– 2, 2013 – 0, 2014– 3, 2015 – 0;

употребление слов в значении 'представитель негроидной расы' (*негр, нигер, нигра, черножопый, черномазый, черноплодный, черный, чернь*): 2010 – 4, 2011 – 20, 2012 – 7, 2013 – 4, 2014 – 2, 2015 – 1;

употребление слова *жид* в значении 'еврей': 2010 – 2, 2011 – 7, 2012 – 12, 2013 – 3, 2014 – 4, 2015 – 1;

употребление слов в значении 'представитель одной из этнических общностей Кавказа или Средней Азии' (*азер, даг, обезьяна, хач, черножопый, черномазый, чер-*

ный, чех, чурбан, чурбек, чурек, чурка и др.): 2010 – 31, 2011 – 95, 2012 – 42, 2013 – 27, 2014 – 7, 2015 – 6.

Отметим, что снижение количества агрессивных комментариев, содержащих наиболее распространенные ненормативные этнонимы, объясняется не столько спадом читательского интереса к неонацистскому творчеству Лэйна и одновременно напряженности в отношениях между русскими и представителями различных этнических общностей Кавказа и Средней Азии, сколько потерей интереса к конкретному источнику. Этот спад был бы обнадеживающим, если бы данные о частотности всех ненормативных этнонимов во всех источниках имели предположительно такой же вид. Однако другие наши наблюдения показывают, что это маловероятно. Например, в последнее время вследствие российско-украинского конфликта активизировалось употребление как давно существующих, так и совершенно новых ненормативных этнонимов, называющих жителей этих двух стран [11]. И данная проблема требует отдельного направления в нашем этнонимическом исследовании.

В заключение отметим: даже по одному источнику материала выявляется специфика демонстрации межэтнической вражды в русскоязычной среде. Во-первых, наиболее резким является разграничение по признаку не расы, а национальности и происхождения, что подтверждается преобладанием в контекстах комментариев ненормативных этнонимов, обобщенно называющих представителей этнических общностей Кавказа и Средней Азии. Их намного больше, чем, например, названий представителей негроидной расы; наименования представителей монголоидной расы и вовсе единичны и теряются среди этнонимов, называющих нации. Во-вторых, наличие негативно-оценочных наименований представителей еврейской нации в комментариях к тексту, в котором о нациях речи не идет, ярко показывает, насколько по-прежнему для русскоязычных праворадикалов актуален антисемитизм.

Возможность получить такое наглядное представление значительно повышает актуальность уже частично проведенной работы по составлению словаря ненормативных этнонимов: один и тот же материал – результат многолетнего сбора – может и должен быть использован не только как иллюстрации к лексическим единицам, но и как дополнение к официальным статистическим данным.

Библиографический список

1. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.
2. Бринёв К.И. Судебная лингвистическая экспертиза по экстремизму: проблема определения термина «социальная группа» // Современная политическая лингвистика: тезисы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29.09–6.10.2011) / гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2011. С. 39–40.
3. Буряковская В.А. Признак этничности в семантике языка: На материале русского и английского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Волгоградский гос. пед. ун-т. Волгоград, 2000. 23 с.
4. Грищенко, А.И., Николина, Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Коллективная монография. Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 175–187.
5. Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.

6. Землюков С.В., Потанов Д.П. Ст. 282 УК РФ (место в системе преступлений экстремистской направленности) // Известия АлтГУ. 2014. №2 (82). С.132–136.
7. Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: ок. 16000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2005.
8. Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. №111. С.200-205.
9. Костромичева М.В. Неонацистская символика в Интернет-общении: 14/88 // Современная политическая лингвистика: тезисы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29.06 – 6.10.2011) / гл. ред. А. П. Чудинов; ФБГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2011. С. 145–147.
10. Костромичева М.В. Признаки потерпевшего в ст. 282 Уголовного кодекса РФ: попытка толкования // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева и К.И. Бринева; Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2011. С. 91–102.
11. Костромичева М.В., Поляков А.С. Российско-украинский конфликт: инвективные новообразования // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28.08.2014) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФБГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2014. С. 129–131.
12. Кузьмина Н.А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Журнал Факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова «Медиаскоп». URL: <http://www.mediascope.ru/node/755> (дата обращения: 16.10.2015).
13. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990.
14. Матвеева О.Н. Юрислингвистическое экспертное исследование: перспективы и пути совершенствования // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Материалы межрегионального научно-практического семинара. Москва, 7-8 декабря 2002 г. Часть 2. Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Галерея, 2003. С. 182–193.
15. Мокшенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани (матизмы, обцензизмы, эвфемизмы). СПб.: «Норинт», 2004.
16. Никитина Т.Г. Молодежный сленг: толковый словарь. М.: Астрель: АСТ, 2007.
17. Общественное языковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3: коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». Кемерово, 2010. 460 с.
18. Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2014. 249 с.
19. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; Под ред. Г.Н. Складневской. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 944 с.
20. Чернобровкина Е.П. Контент-анализ в лингвистических исследованиях // Вестник БГУ. 2011. №11. С.125–129.

References

1. Big dictionary of Russian oral expressive speech. SPb.: Norint, 2004.
2. Brinev K.I. Forensic linguistics of extremism: a problem of definition of term “social group” // Modern political linguistics: proceedings of the international scientific conference (Ekaterinburg, 29.09–6.10.2011) / Editor-in-chief A.P. Chudinov; FSBEI HPE “Ural State Pedagogical University”. Ekaterinburg, 2011. Pp. 39–40.
3. Buryakovskaya V.A. Ethnicity marks in language semantics: On Russian and English materials: abstract of dissertation... Candidate of Philological Sciences: 10.02.20. – Volgograd State Pedagogical University. Volgograd, 2000. 23 p.
4. Grishenko A.I., Nikolina N.A. Expressive ethnonyms as a mark of hate speech // Hate speech and agreement speech in modern sociocultural context. Multi-authored monograph. / Editors-in-chief I.T. Vepreva, N.A. Kupina, O.A. Mihailova. – The works of Ural TSSI. Vol. 20. Ekaterinburg: Ural University publishers, 2006. Pp. 175–187.
5. Elistratov V.S. Defining dictionary of Russian slang. M.: AST-PRESS KNIGA, 2005.
6. Zemlyukov S.V., Potanov D.P. Article 282 of Criminal code of Russian Federation (place in the extremistic crimes system) // Altai State University news. 2014 vol. 2 (82). Pp. 200–205.
7. Kveselevich D.I. Defining dictionary of Russian obscene words: about 16000 words. M.: Astrel’: AST, 2005.
8. Korobkova O.S. Hate speech markers in ethnic identity naming units: sociolinguistic aspect // Herzen State Pedagogical University of Russia news. 2009 vol. 111. Pp. 200–205.
9. Kostromicheva M.V. Neonazi symbols in the Internet speech: 14/88 // Modern political linguistics: proceedings of the international scientific conference (Ekaterinburg, 29.09–6.10.2011) / Editor-in-chief A.P. Chudinov; FSBEI HPE “Ural state pedagogical university”. Ekaterinburg, 2011. Pp. 145–147.
10. Kostromicheva M.V. Complainant evidence in the article 282 of Criminal code of Russian Federation: an attempt of interpretation // Juridical linguistics–11: Law as a discourse, text and word: interacademic collection of studies / Editors-in-chief N.D. Golev & K.I. Brinev; Kemerovo State University. Kemerovo, 2011. Pp. 91–102.
11. Kostromicheva M.V., Polyakov A.S. Russian-Ukrainian conflict: invective innovations // Political communication: prospects of scientific field development: International scholarly conference materials (Ekaterinburg, 26–28.08.2014) / editor-in-chief A.P. Chudinov; FSBEI HPE “Ural state pedagogical university”. Ekaterinburg, 2014. Pp. 129–131.
12. Kuzmina N.A. Intertextuality and Precedent as basic cognitive categories of media discourse // A journal of Journalism Faculty of Lomonosov Moscow State University “Mediascope”. URL: <http://www.mediascope.ru/node/755> (accessed date: 16.10.2015).
13. Linguistic encyclopedic dictionary. M.: “Sovetskaya encyclopedia”, 1990.
14. Matveeva O.N. Juridical linguistic expert study: prospects and ways to improve // Theory and practice of linguistic analysis of mass media texts in forensics and informational disputes: Transregional research and practice study tour materials. Moscow, December 7-8 2002. Part 2 / Editor-in-chief Prof. M.V. Gorbanevsky. M.: Galeriya, 2003. Pp. 182–193.
15. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Dictionary of Russian invectives (foul, obscene words, euphemisms). SPb.: “Norint”, 2004.
16. Nikitina T.G. Youth slang: defining dictionary. M.: Astrel’: AST, 2007.

17. Ordinary linguistic consciousness: ontological and gnosiological aspects. Part 3: multi-authored monograph / editor-in-chief N.D. Golev; SEI HPE “Kemerovo State University”. Kemerovo, 2010. 460 p.
18. *Sidorova I.G.* Communicative-pragmatic characteristics of personal Internet discourse genres (site, blog, social network, comment). Ph.D. thesis in Philology. Volgograd, 2014. 249 p.
19. Defining dictionary of modern Russian language. Linguistic change of the end of XX century / Institute for Linguistic Studies of Russian Academy of Sciences; ed. G.N. Sklyarevskaya. M.: “Izdatelstvo AST” LLC, 2001. 944 p.
20. *Chernobrovkina E.P.* Content analysis in linguistic studies // BSU Herald. 2011. Vol. 11. Pp. 125–129.
-
-

Е.Д. ПРЕСНЯКОВА

магистр, кафедра истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

М.В. АНТОНОВА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: gavrila05@yandex.ru

E.D. PRESNYAKHOVA

Master, Department of history of Russian literature of XI-XIX centuries, Orel State University named after I.S. Turgenev

M.V. ANTONOVA

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of history of Russian literature of XI-XIX centuries, Orel State University named after I. S. Turgenev
E-mail: gavrila05@yandex.ru

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ В СКАЗКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА И.Ф. КАЛЛИНИКОВА)

PAST, PRESENT AND FUTURE IN THE FAIRY TALE (BASED ON THE COLLECTION OF I.F. KALLINIKOV)

В статье рассматривается воплощение категории художественного времени в волшебных сказках, записанных И.Ф. Каллиниковым в Орловской губернии. Авторы выявляют языковые средства передачи линейности и однонаправленности действия.

Ключевые слова: сказка, категория времени, хрононим, медиальная формула, глагольные формы, синтаксическая структура.

The article discusses the artistic embodiment of the category of time in fairy tales, the written by I.F. Kalinnikova in Orel province. The authors identify the linguistic means of transmission linearity and unidirectional character of the action.

Keywords: tale, time category, chronon, medial formula, verb forms, syntactic structure.

Задачей настоящей работы является рассмотрение специфики реализации категории времени в сказках, записанных И.Ф. Каллиниковым в Орловской губернии в 1912-1915 гг. К сожалению, сборник «Сказки Орловской губернии» до сих пор остается практически не исследованным, можно назвать всего лишь несколько научных статей [См.: 1: 15-21; 2: 15-18]. Обращение к изучению темпоральных особенностей орловских сказок в данной статье предпринимается впервые.

Время является одной из основных категорий традиционной картины мира [3, 43-56, 103, 166]. Элиаде в работе «Миф о вечном возвращении (архетипы и повторение)» предложил различать время мифологическое, циклическое, бесконечное и время историческое, линейное, дискретное [9, 27-144]. Если символом первого является круг, то символом второго предстает прямая линия. Как замечает С.М. Толстая, эти два типа времени «не исключают друг друга» [8, 155]. Исследовательница пишет, что «мифологическому восприятию времени не чуждо представление о начале и конце мира, о смене поколений, о линейности человеческой жизни от рождения до смерти» [8, 155]. Тем не менее линейное время в традиционной культуре постоянно преобразуется в циклическое и вовлекается в круговорот «вечного возвращения» [9, 27-144]. Можно говорить о временном коде традиционной культуры, когда время наделяется семантикой, сакрализуется, включается в систему цен-

ностей, координатами которой оказываются жизнь и смерть [4, 46]. С.М. Толстая отмечает, что категория времени свойственна здешнему миру, то есть миру живых, «в потустороннем мире времени нет – он неподвижен и неизменен» [8, 155].

Исследовательница указывает, что пространственно-временные параметры мира (жизни) являются всеобщими, поэтому «объектом их изучения в этнолингвистике может быть не только каждая реальная или воображаемая единица пространства (граница, угол, круг, перекресток, верх – низ, «этот» и «тот» свет и т.д.), или времени суток (сутки, ночь, век, фазы луны, пора, лето, жизнь и т.д.) и соответствующие языковые единицы, но и любой текст – вербальный (поговорки, причитания, легенды, мифологические рассказы и т.д.) или ритуальный (свадебный обряд, погребально-поминальные обычаи, запреты и предписания в ткачестве и т.п.)» [7, 10-11]. В то же время в традиционной культуре и в языке имеются тексты, в которых мотивы времени являются доминантой, к таковым относятся топонимия в языке и народный календарь. Как видим, исследовательница не включает в свое перечисление народную сказку. Тем не менее в сказке категория художественного времени имеет большое значение.

Русская волшебная сказка имеет совершенно особую темпоральную структуру, ее характерные черты связаны с построением в целом всей структуры этого жанра.

Одним из первых указал на специфические особенности категории времени в народной сказке Д.С. Лихачев. В целом определив сказочное время как замкнутое, он отметил, что «время сказки тесно связано с сюжетом» [5, 225]. Сказка довольно часто говорит о течении времени и отсчитывает его от одного эпизода к другому: «Время отсчитывается от последнего события: “через год”, “через день”, “на следующее утро”» [5, 225].

Если возникает перерыв во времени, то это означает остановку или паузу в развитии действия. Следующее событие, следующий эпизод происходит «на следующее утро», «через день», «через год». Откладывается действие также при помощи устойчивых формул: «утро вечера мудренее».

Вообще временным значением обладают многие традиционные формулы, которые могут замедлять действие, останавливать его там, «где особенно заметен разрыв между длительностью событийного времени и быстротой рассказа об этих событиях» [5, 225]. Так, формулы «долго ли, коротко ли» или «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», «скоро скажется, долго деется», «близко-ле, далеко-ле, низко-ле, высоко-ле» указывают на расхождение событийного времени с временем рассказа об этих событиях и подчеркивают стремление соблюдать условную пропорцию между длительностью самих событий и длительностью рассказа о них.

Д.С. Лихачев также отмечает линейность и однонаправленность сказочного времени: «Время в сказке всегда последовательно движется в одном направлении и никогда не возвращается назад. Рассказ всегда подвигает его вперед. Вот почему в сказке нет статических описаний» [5, 226].

Итак, время в волшебной сказке линейно. События в ней располагаются в хронологической последовательности. Один эпизод сменяется другим, и время осознается только в соотношении с событиями, которые расположены друг за другом, то есть линейно. В то же время, как указывает В.А. Бахтина, время в сказке «скачет», так как оно следует за героями. Некоторые эпизоды могут оказаться параллельными друг к другу, так как в них действуют разные персонажи. В ряде случаев, как мы уже отмечали, используются глаголы настоящего времени для описания события, чтобы зримо представить слушателям ситуацию. В других эпизодах отмечается наличие будущего времени, когда волшебный помощник дает герою рекомендации о дальнейших действиях. В таком случае эпизоды удваиваются, повторяясь в будущем, а затем в прошедшем (или настоящем) глагольном времени [3, 158-159]. Эта особенность прослеживается и в волшебных сказках из сборника И.Ф. Каллиникова. В качестве примера обратимся к анализу небольшой по размеру сказки «Людоед» (сюжет «Мальчик-с-пальчик») [6].

В данной сказке можно выделить 13 эпизодов:

1. Начало сказки: описание бедности семьи мужика. В повествовании используются глаголы прошедшего времени «обидняла», «ушибла бедность», «бедна жил»,

что характерно для инициальной формулы и подчеркивает отнесенность действия в прошлое.

2. Решение мужика отправить детей в лес. В данном эпизоде использовано глагольное настоящее время: «Говорит жене своей».

3. Отец оставляет детей в лесу. Отмечается сочетание глагольного прошедшего и настоящего времени: мальчик «слышал», «набрал камушков», «паехали» в лес, «едут», «швыряет» камушки, «свалил».

4. Дети ожидают отца. Интересно, что в этом эпизоде использована неопределенная форма глагола, очевидно, обозначающая длительность времени действия: «Ани ждать – паждать, нетуатца – дело к вечеру».

5. Возвращение детей. Вновь глаголы прошедшего времени: «пашли», «привел».

6. Отец второй раз отвозит детей в лес. Соединение глаголов прошлого и настоящего времени: «посажал в телегу», «паехали», «брасает на дороге хлеб», «уехал».

7. Дети заблудились в лесу. Глаголы прошедшего времени: «пашли дамой», «блудиди, блудили», «празябли».

8. Дети приходят в дом к людоеду. Глаголы прошедшего и настоящего времени: «узлес» на дерево, «пашли на агонь», «дом стаит», «застучали», «выходит» женщина, «пустила» в дом, «апсушила, накормила и спать палажила». Смена глаголов прошедшего и настоящего времени в данном отрывке позволяет представить себе последовательность действий.

9. Дети в доме людоеда. Людоед возвращается домой и обещает резать и съесть детей «завтра». Днем ничего не происходит. Ночью мальчик подменяет своих братьев на дочек людоеда, которым тот по ошибке отрезает головы. Дети убегают. Здесь вновь наблюдается соединение форм глаголов настоящего и прошедшего времени: людоед «приходит», дети «день пробыли», семь дочерей «было», ночь «приходит» и пр. Интересно, что в данном эпизоде рассказчик как бы возвращает слушателя к предшествующему событию. Оказывается: «А мальчик-то с пальчик слышал разговоры-то ево». Именно поэтому он готовится к бегству.

10. Людоед обнаруживает подмену и смерть дочерей. Используются глаголы настоящего времени.

11. Погоня и смерть людоеда. Только глаголы прошедшего времени: «надел» сапоги-скороходы, «палетел», «увидали» его, людоед «бех, бех, примарилсяды заснул», санogi «снял», «зарезал».

12. Выкуп за людоеда. Мальчик возвращается к жене людоеда и, предъявив ей сапоги, просит от имени разбойников выкуп.

13. Благополучное возвращение домой. Финальная формула. Используются глаголы прошедшего времени: «прибех», «павел», «пришел», «принес».

В данном тексте преобладает глагольное прошедшее время, что естественно. Чередование глагольное прошедшего и настоящего призвано подчеркнуть линейность, однонаправленность действия от событий более ранних к событиям более поздним. Отмечаем, что однажды время совершает «скачок», когда рассказчик

испытывает потребность рассказать о некоем действии, о котором он ранее умолчал, вероятно, для создания интриги.

Будущее глагольное в данной сказке возникает только в речах персонажей, которые обещают совершить то или иное действие: «*я счасдровец нарублю*», «*Я праважук двору*», «*Ладно завтра два у гости придуть, парежу их*». Однако здесь не происходит удвоения событий, поскольку программа по крайней мере в двух случаях остается невыполненной.

Примеры удвоения событий за счет использования будущего времени можно обнаружить в других сказках сборника.

Сказка «Орел и Лев»:

«*На тебе клубочек, иди за им. Падайдешь к кустам, ступайу кусты, у кустах прут, сятъпад куст. Прилетятъ двенадцать девушек купаца, замечай, каторая рубашку наперетскинет, то ты ту рубашку схорониды пат куст схоронись*»;

«*Паиол вон за клубком, ишол, ишол – кусты, он пат куст спрятался, сидит и ждет. Летят двенадцать лебедей, аб землю ударились – девушками исделались – аднадругой краше. Поскидали рубашки и купацау прут. Аднанперетскинула рубашку, звать ее Василиса, из руцкихпапала. Купаются. Он ис пат куста патихоньку, рубашку узял и лех пат кустом*».

Заметим, что при описании совершающихся в прошлом событий вновь фиксируется смешение глагольных форм прошедшего и настоящего времени.

Сказка «Незнайка»:

«*У таком-та месте стаять два катла, в адном смола, у другом золото; акунись у смалу, тада у золото после етава*».

«*У смалу акунулся – усе заляпила яму; у золотоакунулся – на макушечки капля осталась. Исделался сильная, магучай*».

При передаче рекомендаций волшебного помощника форма настоящего глагольного времени «*стаять два катла*» использована, чтобы подчеркнуть постоянный характер действия. При описании событий эта деталь в речи сказителя опущена.

«Меч-самосеч, кисет самотряс и рубаха»:

«*Ды я стежучку знаю; будешь ехать все, ехать, попадетцастешка, поезжай ей; увидишь дом, еазалате, у етат дом езжай*».

«*Ехал, ехал, стешкапопалась, обрадовался; поехал по стешке. Близка ли, далека ли – к дому тому приехал*».

Аналогично построенные очень пространные эпизоды имеются в сказке «Про Синего». Сначала девушка, которую «жарят» в котле в преисподней рассказывает герою сказки Борису, каким образом можно выбраться из ада, а затем с большими подробностями повествует о действиях, совершенных героем. Причем здесь можно отметить и текстуальные повторы, и значительное расширение повествования за счет подробностей в описании пути.

По сути дела, это программа действий героя, проек-

ция будущего, которое должно совершиться и совершается в линейном времени сказки, в целом отнесенном в замкнутое прошлое. Данное обстоятельство приводит к тому, что в сказке текстуально дважды (трижды) повторяются подобные эпизоды: сначала как рекомендация, затем как состоявшееся событие.

Справедливости ради надо сказать, что текстуальный повтор отмечается далеко не всегда. Рассказ о событиях, заключенных в программе действия, может быть весьма распространенным и подробным, с множеством перипетий, которые не учитываются в тех рекомендациях, которые дает герою чудесный помощник. Так, в сказке «Марья Моревна» ворон советует Ивану-царевичу: «*...у етакое месте старик стиригетьлашадей, откыль конь у змея Гагарина. Нацмись у старика, возьми жеребчика*». Рассказ о добывании коня занимает большое пространство текста, является многоэпизодным и включает в себя помощь благодарных животных, тогда как сам совет весьма краток, так что текстуальное повторение является невозможным.

Линейность времени, а следовательно, и последовательность действий в сказке передается также следующими приемами:

1. Цепочка глаголов, обозначающих действие: «*Проснулся, видит птица сидит надереву, убил эту птицу, сжарил*», «*Папрасилпращения, паехали с миром к себе*» («Царица Неродица»); Причем в сложном предложении глагол, который должен входит в цепочку, может быть опущен: «*Яйцом в лоб Кацея – он и умер*» («Царевна-лягушка»).

2. Синтаксическая структура, включающая глагольный повтор + результат действия: «*Пошел он за клубком, шел, шел – кусты...*» («Орел и лев»); «*Шел, шел, три земли прошел, три горы перешел, идет по лесу*» («Марья Моревна»); «*По морю плыть да плыть. Плыл, плыл, приплыл на остров*» («Малый голый»); «*Давай идти, идти – дом здоровый на берегу...*» («Купец Иван Васильевич...»); «*Шел, шел, уморился. Сел...*» («Незнайка»); «*Шел, шел по лесу, на поле вышел*», «*Тот ждал, ждал, не дождал ее*» («О змее Горыныче»).

3. При помощи медиальных формул, включающих в себя словосочетание «сколько времени» в значении «неопределенно долго» или «много времени» (существительное «время» может быть опущено), за данной формулой обязательно следует указание на последующее событие или действие: «*Плыли сколько время, бурья поднялась, корабли потопило*» («Купец Иван Васильевич»); «*Сколько ни ехал, приезжает*» («Змей об двенадцати голов»); «*Сколько прошло, к обедне пошел*» («Купеческий сын»);

4. При помощи хрононимов, указывающих на продолжительность действия: «*Царь перевенчал, пожил месьяцАмельян с женой, пожил другой*» («Амельяндурак»); «*Пожил, пожил один, да назад итить в свой город. Пошел, пошел, ишелдень, семьишел, приходит в свой город*» («Купеческий сын»); при счете месяцев, дней или лет хрононимы при повторах могут опускаться.

Итак, в связи с линейностью времени в волшебной

сказке события в ней располагаются в хронологической последовательности. Один эпизод сменяется другим, и время осознается только в соотношении с событиями, которые расположены друг за другом, то есть линейно. В рассмотренных нами сказках из сборника И.Ф.Каллиникова в ряде случаев используются глаголы настоящего времени для описания события, чтобы

зримо представить слушателям ситуацию. В других эпизодах отмечается наличие будущего времени, когда волшебный помощник дает герою рекомендации о дальнейших действиях. В таком случае эпизоды удваиваются, повторяясь в будущем, а затем в прошедшем (или настоящем) глагольном времени.

Библиографический список

1. *Алехина И.В., Антонова М.В., Кургузова Н.В.* К истории создания сборника сказок Орловской губернии И.Ф.Каллиникова // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук материалы XXV международной научно-практической конференции. Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». 2015. С.15-21.
2. *Антонова М.В.* Специфика волшебных сказок из сборника И.Ф. Каллиникова. Сказка: научный подход к детскому жанру: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 24-25 апреля 2008 г. В 2 ч. Ч.2. Нижний Тагил, 2008. С. 13-18.
3. *Бахтина В.А.* Время в волшебной сказке. Проблемы фольклора. М., 1975.
4. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.
5. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1979.
6. Сказки Орловской губернии. Из собрания сказок Иосифа Федоровича Калиникова. Орел, 1998. Тексты сказок цитируются по данному изданию.
7. *Толстая С.М.* Вместо предисловия. Пространство и время в языке и культуре. М., 2011. С.10-11.
8. *Толстая С.М.* Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М., 2011.
9. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении (архетипы и повторение) // Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С.27-144.

References

1. *Alekhina I.V., Antonova M.V., Kurguzova N.V.* The history of the creation of a collection of fairy tales of the Orel province of I.F. Kallinikov // Modern problems of humanitarian and natural Sciences proceedings of the XXV international scientific-practical conference. Scientific information and publishing center "Institute for strategic studies". 2015. Pp. 15-21.
  2. *Antonova M.V.* Specificity of fairy tales from the collection of J.Th. Kallinikov // Tale: the scientific approach to child genre: Materials of all-Russian scientific-practical conference, Nizhny Tagil, 24-25 April 2008, in two parts. P. 2. Nizhny Tagil, 2008. Pp. 13-18.
  3. *Bakhtina V. A.* Time in a fairy tale. The problems of folklore. M., 1975.
  4. *Gurevich A. J.* Categories of medieval culture. M., 1984.
  5. *Likhachev D. S.* Poetics of old Russian literature. L., 1979.
  6. Tales of the Orel province. From the collection of fairy tales of I.F. Kallinikov. Orel, 1998. The texts of the fairy tales quoted in this publication.
  7. *Tolstaya S. M.* Instead of the Foreword. Space and time in language and culture. M., 2011. Pp. 10-11.
  8. *Tolstaya S. M.* Semantic categories of language culture. Essays on the Slavic ethnolinguistics. M., 2011.
  9. *Eliade M.* The myth of the eternal return (archetypes and repetition). Eliade M. Kosmos and history. M., 1987. Pp. 27-144.
-
-

САЙ НА

аспирант, кафедра истории русской литературы,
Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова
E-mail: sai.na@yandex.ru

SAI NA

Graduate student, Department of History of Russian
literature, Lomonosov Moscow State University
E-mail: sai.na@yandex.ru

РОЛЬ БА ЦЗИНЯ В СТАНОВЛЕНИИ КИТАЙСКОГО ТУРГЕНЕВЕДЕНИЯ

BA JIN'S ROLE IN FORMATION OF THE CHINESE STUDIES ABOUT TURGENEV

Из всех русских писателей И.С.Тургенев является одним из самых изучаемых писателей в Китае. Первые работы о нем и переводы появились еще в начале XX века. К началу XXI века изучение Тургенева приобрело в Китае особую актуальность. Одним из тех, кто активно способствовал становлению китайского тургеневедения, был классик китайской литературы Ба Цзинь (1904-2005).

Ключевые слова: влияние Тургенева, китайское тургеневедение, переводы, Ба Цзинь.

I. S. Turgenev is one of the most studied writers in China among all Russian writers. The first works about him and translations appeared in the early 20th century. By the early 21th century the study of Turgenev emerged full blown in China. One of those who provided strong support to the generation of study of Turgenev in China was the classic author of Chinese literature Ba Jin (1904-2005).

Keywords: influence of Turgenev, study of Turgenev in China, translations, Ba Jin.

В Китае имя великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева стало известно в начале XX века. В 1903 году в книге «История России» [8] давалась лаконичная характеристика стиля тургеневской прозы. Но по-настоящему знакомство с тургеневским творчеством началось лишь после событий 4 мая 1919 года. «Движение четвертого мая» 1919 года было культурным движением. Поэтому оно еще называется «движением новой культуры» или «движением новой литературы». Его сторонники ориентировались на идеи французских просветителей и марксизм, а также на русскую литературу. Китайская «новая литература» зародилась во время «Движения четвертого мая». Вот почему основоположники новой китайской литературы были и переводчиками русской литературы. По мере развития нового культурного движения в Китае стали публиковаться повести и романы Тургенева, издаваться сборники его избранных произведений.

Следом за переводами стали появляться и книги по истории русской литературы и о русских писателях. На начальном этапе большинство исследований и оценок давалось во введениях к переводам, а специальных работ о Тургеневе было очень мало. Первая из них – это статья «Тургенев» [7], написанная в 1920 году писателем, переводчиком, общественным деятелем Ху Юйчжи. В ней подробно рассказывается о творчестве Тургенева, оно сопоставляется с сочинениями Л. Толстого. В наше время количество специальных статей о Тургеневе неуклонно увеличивается: начиная с 2000 года в Китае за один год появляется до 130 статей о Тургеневе. В начале XXI века исследование Тургенева в Китае является для

китайских литературоведов одной из актуальнейших проблем.

Первопроходцем в этом процессе был «отец современной китайской литературы» Лу Синь (1881 – 1936). Он выступал и как переводчик, и как исследователь русской литературы. Благодаря ему появились на китайском языке произведения Гоголя, Чехова, Горького и др. В тургеневских творениях Лу Синь видел «добрую душу, горечь, агонию угнетенных». Среди китайский писателей, высоко ценивших Тургенева, можно назвать и другие имена, например, Го Можо (1892 – 1978), которого больше всего привлекали тургеневские образы «лишних людей», или Юй Дафу (1896 – 1945), считавший Тургенева своим литературным учителем. Но наиболее всесторонне воспринял творчество Тургенева Ба Цзинь (1904 – 2005). Ба Цзинь, единственный из основоположников современной китайской литературы, кто дожил до XXI века: родившись в 1904 году, он умер лишь в 2005 году, прожив целое столетие. Ба Цзинь переводил немало и других русских писателей, в том числе Герцена, Гоголя, Горького, но недаром его называют «китайским Тургеневым».

Ба Цзинь всегда считал Тургенева своим учителем. Он говорил: «На протяжении многих лет я всегда любил произведения Тургенева и, безусловно, находился под его влиянием» [1]. Впервые он познакомился с произведениями Тургенева в 1919 году. Четырнадцатилетний Ба Цзинь копил деньги, чтобы покупать газеты, в которых печатались произведения зарубежных авторов, в том числе такие произведения Тургенева, как «Первая любовь», «Вешние воды». В 1922-1923 годах, когда ему

было 18-19 лет, вышли по-китайски «Записки охотника», первые переводы тургеневских романов «Накануне», «Отцы и дети» [6]. Все эти произведения оказали большое влияние на Ба Цзиня, на его собственные произведения. В первой повести Ба Цзиня «Гибель» (иногда ее называют романом и переводят как «Погибель»), опубликованной в 1928 году, образ главного героя, Ду Дасиня, создан под влиянием тургеневского Инсарова из романа «Накануне». Ба Цзинь использует приемы, сходные с тургеневской «тайной психологией» [5]. Он, как и Тургенев, считает, что любовь становится пробным камнем для человека. Это особенно чувствуется в его «Трилогии любви» (1931-1933), объединяющей повести «Туман», «Дождь», «Молния». Бацзинские девушки, как и тургеневские, по волевым качествам ярче и в большей степени обладают смелостью, здравым смыслом, чем сопутствующие им герои. В сюжете бацзинского «Тумана», в характерах персонажей и даже в отдельных эпизодах можно увидеть воздействие тургеневского «Рудина». Главный герой, Чжоу Жуншуй, слабый и нерешительный человек, хотя и несчастлив в браке, боится ответить на чувства Чжан Жолань, хотя девушка сама решается признаться ему в любви. Особенно восхищал Ба Цзиня тургеневский роман «Отцы и дети». Отсюда изображение столкновения и борьбы между старым и новым поколениями в одном из важнейших произведений Ба Цзиня – в его трилогии второй половины 1930-х годов «Стремительное течение», включающей романы «Семья», «Весна», «Осень».

Но Ба Цзинь является не только выдающимся китайским писателем – он и известный переводчик. В 20-х годах многие произведения Тургенева были переведены на китайский язык, но качество перевода оставляло желать лучшего. Система перевода Тургенева на китайский язык устоялась лишь благодаря Ба Цзиню. Ба Цзинь посвятил переводам Тургенева более 40 лет и занимает особое место среди переводчиков тургеневских произведений на китайский язык. Им была заложена основа для дальнейшего изучения Тургенева в Китае.

Работа Ба Цзиня над переводами Тургенева началась со «Стихотворений в прозе». Во время поездки во Францию в 1928 году был сделан первый перевод. Это было стихотворение в прозе «Порог». К началу 1945 года Ба Цзинем уже было переведено 51 стихотворение в прозе Тургенева.

Эта работа содействовала обращению самого Ба Цзиня к этому жанру. В 40-х годах он печатает сборник оригинальных стихотворений в прозе, озаглавив его «Драконы, тигры и собаки» (1942) [2]. При этом Ба Цзинь использует и характерное для Тургенева повествование от первого лица, к примеру, в стихотворении «Дракон», и прием «пересказа сновидения», как в своем стихотворении «Сон» («Драконы, тигры и собаки»). Прямым продолжением тургеневского стихотворения в прозе «Порог» стал одноименный рассказ Ба Цзинь «Порог» [3], где описывается русская девушка Ирина, посвятившая себя борьбе за светлое будущее.

В 1930-е – 1940-е годы Ба Цзинь переводит романы

«Отцы и дети» (1943), «Новь» (1944), «Стихотворения в прозе» (1945). В 1949 году в его переводе появляется повесть «Пунин и Бабурин», а в мае 1952 – «Муму». Кроме того, в 1950 году Ба Цзинь издает перевод «Воспоминаний о Тургеневе» участника революционного движения Исаака Яковлевича Павловского (1853 – 1924), вышедшие отдельной книжкой в 1887 году в Париже на французском языке (Pavlovsky I. Souvenirs sur Tourguéneff. Paris, 1887). В 1953 г. Ба Цзинь снова издает перевод романа «Отцы и дети». В июне 1959 издательство «Народная литература» печатает перевод «Избранных повестей и рассказов Тургенева», сделанный Ба Цзинем и его женой Сяо Шань.

Об особой роли Ба Цзиня как переводчика Тургенева говорит тот факт, что в 1955 году он получает приглашение от Государственного музея И.С. Тургенева в Орле приехать на чествования Тургенева. К сожалению, Ба Цзинь не смог лично приехать в Орле в октябре 1955 года, но от его лица здесь выступил студент Ленинградского университета Юй Шаои. Таким образом, Ба Цзинь стал первым из китайских исследователей Тургенева, представленных русским коллегам, а также первым китайским исследователем, принявшим участие в российских научных мероприятиях, посвященных Тургеневу. Присланный Ба Цзинем доклад назывался «Величие и сильное влияние». В нём он рассказывал о состоянии изучения Тургенева в Китае, о его переводах на китайский язык. Доклад вызвал большой интерес. В орловской газете «Правда» №202 от октября 1955 года был напечатан обзор конференции, где подчеркивалась важность выступления Ба Цзиня. С письменного согласия Ба Цзиня его текст, озаглавленный «О творчестве Тургенева в Китае», был напечатан в 1960 году в Орле в сборнике «И.С. Тургенев (1818 - 1883 - 1958). Статьи и материалы», вышедшем под редакцией академика Михаила Павловича Алексева. Текст Ба Цзиня занимал почетное место – он открывал вторую часть сборника «И.С.Тургенев и национальные литературы Запада и Востока», где были напечатаны статьи представителей США, Китая, Нидерландов, Югославии, Польши, Венгрии, Болгарии, Северной Кореи и других стран. Материал Ба Цзиня был снабжен специальной вводной заметкой академика Алексева. Алексеев счел необходимым рассказать о жизни и творчестве Ба Цзиня и о его вкладе в изучение Тургенева в Китае и потому, что видел в Ба Цзине «одного из крупнейших современных китайских писателей», и потому, что «Ба Цзинь из скромности умолчал здесь о собственных своих заслугах по мастерскому переводу произведений Тургенева на свой родной язык и по их популяризации на своей родине».

Рукописный оригинал текста Ба Цзиня хранился в Орловском объединенном государственном литературном музее имени И.С. Тургенева. В 1994 году заведующий музеем Александр Иванович Понятовский подарил его музею-усадьбе Тургенева в Спасском-Лутовинове. Как пишет преподаватель Пекинского университета иностранного языка Ван Лие [4], первым обративший

внимание на историю участия Ба Цзиня в чествованиях Тургенева 1955 года, теперь рукопись находится в фонде мемориального музея Тургенева в Лутовинове под номером № 2577.

В 1970-е годы Ба Цзинь продолжает работать над переводами Тургенева. Он и раньше переводил Тургенева по английским изданиям, прежде всего по «Собранию сочинений» Тургенева, подготовленному известной английской переводчицей Констанс Гарнетт. Однако Ба Цзинь активно занимается изучением русского языка и в 1974 г. он переводил «Нови» уже не с английского

языка, а на основе русского оригинала. В 1978 году он выпускает новую редакцию своего перевода «Отцов и детей», сверенную с русским текстом.

За последние два десятилетия в Китае вышло немало работ, посвященных отношению Ба Цзиня к Тургеневу. В одних проводится сопоставление произведений обоих писателей, в других – анализируются воззрения Ба Цзиня на принципы перевода произведений Тургенева. Однако это вовсе не означает, что проблема полностью решена и исчерпана.

Библиографический список

1. *Ба Цзинь* О творчестве Тургенева в Китае. В кн.: И.С. Тургенев (1818-1883-1958): Статьи и материалы. Под ред. М.П. Алексева. Орел: Орловское книжное издательство, 1960. С. 388.
2. *Ба Цзинь* Драконы, тигры и собаки. Чэнду. 1942. 122 с. (на кит.яз.)
3. *Ба Цзинь* Порог. Шанхай. 1936. 152 с. (на кит.яз.)
4. *Ван Лие* Ба Цзинь: китайский пионер изучения творчества И.С.Тургенева // Русская литература и искусство. 2008. № 3. С. 106 - 108. (на кит.яз.)
5. *Ван Лие* И.С. Тургенев в восприятии классиков китайской литературы XX века // Балтийский филологический курьер. 2012. № 4. 2004. С. 312-320.
6. *Сунь Найсю* И.С. Тургенев и современные китайские писатели. В кн.: И.С.Тургенев и Китай. Шанхай: Из-во Сюе Линь, 1988. С. 283. (на кит.яз.)
7. *Ху Юйчжи* И.С. Тургенев // Восток . 1920. т. 17. № 4 (18). (на кит.яз.)
8. *Шан Бэнь Ли Си Сион* История России. Пер. с япо на кит. яз. Шанхай: Из-во Гуан Чжи, 1903. С. 71. (на кит.яз.)

References

1. *Ba Jin* About Turgenev's works in China. In.: I.S. Turgenev (1818-1883-1958): Articles and materials. Ed. M.P. Alekseev. Orel: Publishing house Orel, 1960. P. 388
  2. *Ba Jin* Dons, tigers and dogs. Chengdu. 1942. P. 122. (in Chinese)
  3. *Ba Jin* Doorstep. Shanghai. 1936. P. 152. (in Chinese)
  4. *Van Lie* Ba Jin: Chinese pioneer in the study of Turgenev's heritage // Russian literature and art. 2008. № 3. Pp. 106 -108. (in Chinese)
  5. *Van Lie* I. S. Turgenev in the perception of classic authors of Chinese literature of 20th-century // The Baltic Philological Courier. 2012. № 4. 2004. Pp. 312 - 320.
  6. *Sun Naixiu* I. S. Turgenev and modern Chinese writers // I. S. Turgenev and China. Shanghai, 1988. P. 283(in Chinese).
  7. *Hu Yuzhi* I. S. Turgenev // Orient . 1920. Vol. 17. № 4 (18). (in Chinese)
  8. *Shan Bjen Li Si Sion* History of Russia. Translation from Japanese into Chinese. Shanghai: Guang zhi Publishing house, 1903. P. 71(in Chinese)
-
-

А.О. СЕРЕДИНА

аспирант, кафедра истории русской литературы,
Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова
E-mail: Serenaphil@mail.ru

A.O. SEREDINA

Graduate student, Department of history of Russian
literature, Lomonosov Moscow State University
E-mail: Serenaphil@mail.ru

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ В РАННЕЙ ПРОЗЕ А.А. ГРИГОРЬЕВА И И.С. ТУРГЕНЕВА

WOMAN'S PORTRAIT IN EARLY PROSE OF A.A. GRIGORIEV AND I.S. TURGENEV

А.А. Григорьев и И.С. Тургенев одновременно дебютируют как прозаики в середине 1840-х годов. При создании портретов своих героев Григорьев следует отходящему в прошлое романтическому канону. Тургенев разрушает этот канон, что отвечает духу времени и поэтике натуральной школы. Однако у обоих писателей обнаруживаются общие принципы в созданных ими женских портретах.

Ключевые слова: Аполлон Григорьев, Иван Тургенев, проза, женский портрет, описания женщин, романтический канон.

A.A. Grigoriev and I.S. Turgenev debuted as prose writers at the same time in the middle of 1840s. Creating portraits of his heroes, Grigoriev followed the romantic canon that passed away. Turgenev destroyed this canon, what corresponds to the spirit of time and the poetics of the natural school. However, both writers have the general principles in portraits of women, created by them.

Keywords: Apollon Grigoriev, Ivan Turgenev, prose, woman's portrait, women's descriptions, romantic canon.

Сопоставительное изучение творчества Ап. Григорьева и И.С. Тургенева в основном ограничивается двумя темами: эволюцией восприятия Григорьевым-критиком прозы Тургенева и сравнением литературных позиций писателей по отношению к творчеству современников. Данные проблемы нашли отражение, например, в статье С.Н. Носова «Тургенев и Аполлон Григорьев» [7] и в многочисленных работах М.Я. Сарриной, среди которых «Тургенев и Ап. Григорьев: Творческий диалог (1852–1853)» [8].

Нет никаких свидетельств того, что Ап. Григорьев и И.С. Тургенев могли быть лично знакомы друг с другом в 1840-е годы. Известны лишь две статьи Ап. Григорьева, содержащие в себе печатный отклик на прозу Тургенева. Первая из них – опубликованная в «Финском вестнике» рецензия 1846 г. на изданный Н.А. Некрасовым «Петербургский сборник», в который вошла тургеневская повесть «Три портрета». Во второй статье «Русская литература в 1849 году» критик отдает «первое место в ряду беллетрических произведений истекшего года» [3] трем новым тургеневским *Рассказам Охотника*. Неизвестно также, был ли знаком И.С. Тургенев с прозой Ап. Григорьева 1840-х годов. Вопрос взаимного интереса писателей в 1840-е важен для того, чтобы определить, оказался ли кто-то из них под влиянием идей другого или же общие черты их поэтики имеют иной корень.

Ап. Григорьев дебютировал в качестве прозаика практически одновременно с Тургеневым – в середине 1840-х годов. При этом анализу общих черт поэтики

обоих писателей практически не уделялось внимания. Среди немногочисленных работ на эту тему можно назвать статью Е.Е. Гродской «Автобиографический герой Григорьева и герой Тургенева» [4]. Тем не менее художественная проза писателей дает большие возможности для сопоставительного анализа: ведь, как известно, Ап. Григорьев постулировал себя «последним русским романтиком», И.С. Тургенев же закрепил в отечественной литературе тип «лишнего человека», показав несостоятельность романтического мировидения. При этом в поэтике обоих писателей можно обнаружить общие принципы. Особенно интересным нам кажется проследить и обосновать сходства в создании И.С. Тургеневым и Ап. Григорьевым женских портретов.

Для анализа нами будут взяты все изданные в XX веке тексты Ап. Григорьева 1840-х [1], [2]. В круг анализируемых произведений И.С. Тургенева входят повести «Переписка» (1844–1854), «Андрей Колосов» (1844), «Три портрета» (1846), «Бретер» (1847), «Петушков» (1848), «Дневник лишнего человека» (1849, опубл. 1850), рассказ «Гамлет Шигровского уезда» (другие рассказы из «Записок охотника» мы не рассматриваем, так как даже когда герой и проявляет себя через любовь, как в рассказах «Ермолай и мельничиха», «Малиновая вода», все-таки описанию женщины не уделяется такого большого внимания, как когда Тургенев обращается к изображению рефлексирующего интеллигента, чей характер лучше всего раскрывается через отношения к женщине).

Женскому портрету в прозе Ап. Григорьева прису-

щи следующие элементы: цвет волос, цвет глаз, описание взгляда, влага в глазах, улыбка, цвет лица (щеки), воздушность движений, детскость и «змеиность». Для прозы Ап. Григорьева характерен женский портрет, создающий образ истинно романтической героини: красивой, но бледной и болезненной девушки с пылающим взором.

Ап. Григорьев следует байроновской типологии женских характеров, в которой различаются «два типа идеальной красавицы: восточная женщина, с черными глазами и темными волосами, и прекрасная христианка, голубоглазая и светловолосая... Контраст захватывает не только внешний облик героини, но распространяется на внутренний мир» [5].

Таким образом, среди героинь Ап. Григорьева можно выделить два типа женщин: ангелов и грешниц. Женщины-ангелы чисты и невинны, в натуре грешниц-«Магдалин» изначально заложено падение. Женщины-ангелы светловолосы и голубоглазы. У женщин-грешниц темные волосы и глаза, цвет которых нельзя однозначно определить: или темно-голубые, как у Лидии из примера выше, или излучающие двойственный свет, как у другой героини-грешницы Елены из рассказа «Офелия». Нужно только отметить, что в колористике Григорьева к светлым волосам относятся белокурые и темно-русые, а к темным – светло-каштановые и черные. Оба типа женщин имеют бледный цвет лица, так как румянность – примета ни в коем случае не романтического идеала, а барышни «в полном смысле»: «свежей, как огурчик, румяной, как заря, и довольно *глупенькой*» [2].

Появление в портрете женщин остальных названных нами элементов обуславливается григорьевской «теорией женщины». Она постулируется в тексте рассказа «Офелия»: «Душа женщины, жизнь женщины – водяная влага, бездна без образов, до тех пор, пока зиждательный дух мужчины не повеет на нее. Душа женщины, натура женщины глубока и бездонна, как бездна, но и темна, как бездна, пока не осветит ее свет любви мужчины. Душа женщины, глаза женщины – зеркало, в котором отражается воля мужчины <...>... Женщина – те же мы сами, наше я, но отделившееся для того, чтобы наше я могло любить себя, <...> могло видеть себя и могло страдать до часа слияния <...> жизни и смерти» [1].

Момент, когда начинает создаваться душа женщины, отражается на ее внешности. Вот как описывается влюбившаяся Лиза, одна из героинь «Офелии»: «пришла ее минута <...>, та минута женщины, когда почка мгновенно раскрывается цветком <...>, и жажда любви пробилась на бледные ланиты ярким заревом *румянца* <...>, и быстрые голубые глаза подернулись *влагою*» [1]. Кроме влаги в глазах, обнаруживающей сладострастные помыслы, и румянца на щеках, у влюбившейся девушки появляется фосфорический, болезненный блеск в глазах. Болезненность во взгляде героинь связана с тем, что любовь зарождает в них зерно страдания, благодаря которому формируется личность, поэтому любовь для героинь сродни болезни.

У женщин на губах возникает или чистая «детски-простая улыбка *ангелов* Рафаэля» [1], или же «детски-насмешливая улыбка» [1], обнажающая переплетенность в натуре героини невинного детского и лукавого женского начал. Сочетание чистоты и соблазнительности появляется в момент «создания» души женщины. Крайним выражением женского лукавства становится «змеиность», которая впервые в текстах Ап. Григорьева проявляется в улыбке: «на ее губах *прозмеилась* улыбка женского торжества» [1].

Воздушность в описаниях героинь выражается в сравнении женщины с птичкой, тенью, паром, видением: «Она могла бы показаться скорее светлой *тенью*, тончайшим *паром*, чем существом из плоти и костей. <...> Она *выпорхнула* из магазина, как *птичка*» [1]. Воздушность подчеркивает неоформленность женской природы, ее принадлежность к состоянию «водяной влаги, бездны без образов» [1].

Каким же образом герои-мужчины «создают» из этой «бездны» душу женщины? Нужно сказать, что среди мужчин в прозе Ап. Григорьева можно выделить два типа: «наивные» герои и герои-«злодеи», «искусители». «Наивные» герои еще сами не являются сформировавшимися личностями. Они пытаются создать мировоззрение возлюбленных чтением книг А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Жорж Санд, пением романсов А.Е. Варламова, арий из оперы «Роберт-дьявол» Дж. Мейербера. «Искусители» же берут на себя право «создания» душ как женщин, так и «наивных» героев. «Злодеи» делают это, заставляя других страдать, то есть влюбляя в себя девушек-возлюбленных «наивных» героев.

По утверждению Б.Ф. Егорова, «теория женщины» «под стать аналогичным разоблачениям утрированного романтического эгоизма в философско-художественном труде Сёрена Киркегора “Или – или”» [1], опубликованного в 1843 г. Понятно, что Ап. Григорьев не мог читать датского философа, поэтому Б.Ф. Егоров справедливо видит в этом совпадении «воздействие духа времени» [1], вероятнее всего немецкой романтической философии [9].

Нужно отметить, что женский портрет в прозе Ап. Григорьева сводится к описанию внешности. Отсутствие психологического портрета женщин объясняется тем, что писатель показывает только момент зарождения внутреннего мира героинь.

В.А. Недзвецким в работе «И.С. Тургенев: логика творчества и менталитет героя» выделяются три типа женщин у И.С. Тургенева: «тип домовитой семьянинки, няньки для детей и супруга», тип «необычайно прельстительной девушки», представляющей собой «неотразимый и опасный соблазн» и тургеневский «идеал женщины и женственности» [6]. Первому типу женщин у И.С. Тургенева соответствует тип неромантической героини у Ап. Григорьева, полной и румяной. Второй тип тождественен григорьевской женщине-грешнице. Третий же тип близок женщине-ангелу.

Однако в прозе И.С. Тургенева 1840-х мы не най-

дем полного соответствия женских портретов и типов описаниям героинь у Григорьева. Тургенев последовательно не маркирует чистоту и греховность женской природы цветом волос и глаз. Так, сюжетную роль женщин-ангелов в рассказах Тургенева исполняют Варя («Андрей Колосов») и Маша («Бретер»). Однако в «Андрее Колосове» не найти описания цвета глаз и волос Вари, а Маша наделена русыми волосами и карими глазками. Кроме того, в каждом из портретов этих героинь есть снижающий элемент. Приведем описание Вари: «Девушка тотчас *порхнула* в другую комнату. Она была не очень хороша собой, довольно *бледна*, довольно *худая*; но я и прежде и после не видывал ни таких глаз, ни таких волос» [10]. Мы видим в этом портрете и воздушность, и бледность, и худобу, которая также является признаком болезненности. В портрете Вари отмечается и ее детскость: рассказчик называет девушку «этот *ребенок*» [10]. Однако красота Вари не абсолютна, точнее она не отличается красотой. Впоследствии же рассказчик заметит, «что у ней руки немного *красны*» [10], а краснота, как и румянность – деталь, которая не может быть присуща героине, способной очаровать романтика.

Напоминают григорьевских женщин-грешниц Танюша («Андрей Колосов») и Ольга («Три портрета»). Не лишена искуственности жена Василия («Три портрета»), которая появляется только на медальоне «с портретом женщины *чернобровой* и *черноглазой*, с лицом *сладострастным* и смелым» [10].

Другие героини анализируемых текстов И.С. Тургенева (за исключением «Переписки» и «Дневника лишнего человека») напоминают больше пародию на романтическую героиню. Такова Линхен – первая любовь Гамлета Щигровского уезда – у которой «кудри в завитках и глаза *бледно-голубые*», но при этом *нос* такой великолепный и «руки *красные* с белыми ногтями» [10]. Такова и Василиса («Петушков»): «Лицо она имела *полное, круглое*, щеки *румяные*, глаза карие, *небольшие*, *нос* несколько вздернутый, русые волосы и *великолепные плечи*. Ее черты выражали доброту, *лень* и *беспечность*» [10]. Также здесь можно назвать танцовщицу («Переписка»): «Стоило взглянуть на ее *низкий лоб*, стоило хоть раз подметить ее *ленивую* и *беспечную* усмешку, чтобы тотчас убедиться в *скудости* ее *умственных способностей*. И я никогда не *воображал* ее *необыкновенной женщиной*» [10]. Как мы видим, кроме полноты, румяности, появления в портрете носа и плечей, к сниженным деталям относятся такие качества, как лень и беспечность. Осознание посредственности возлюбленной сродни отказу ей в невероятной красоте.

В описании Лизы Ожогойной из «Дневника лишнего человека» возникают элементы, которые наталкивают на мысль, что И.С. Тургенев следует той же концепции «создания женщины», что и Ап. Григорьев. Когда Чулкатурин гуляет с Лизой на закате, он замечает, как «началось в ней то внутреннее, тихое брожение, которое предшествует *превращению ребенка в женщину*» [10]. Этому брожению способствовало и чтение накануне

не «Кавказского пленника». Как мы помним, «наивные» герои Ап. Григорьева также пытались образовать возлюбленную при помощи чтения А.С. Пушкина. Лучи заходящего солнца разливают по лицу Лизы румянец. Чулкатурин признается: «Я вечно буду помнить <...> этот взгляд, *еще детский и уже женский*, эту счастливую, словно расцветающую улыбку, не покидавшую полураскрытых губ и *зардевших щеки*» [10]. Мы видим в тургеньевском портрете основные приметы зарождения женской души, которые были определены Григорьевым: соединение детского и женского, появившийся румянец. Как и в прозе Григорьева, решающую роль в формировании личности девушки сыграли не попытки «образования», предпринимаемые Чулкатуриним, а страсть, возникшая у Лизы к князю Н*.

Стремятся образовать своих возлюбленных и Андрей Колосов из одноименной повести, и Василий («Три портрета»). Однако эти герои родственны григорьевским злодеям, а не «наивным» героям. Кроме того, любовная ситуация в «Андрее Колосове» разрешается образом, совершенно не свойственным для прозы Григорьева. Возлюбленная наскучивает и Колосову, который по всем приметам мог бы претендовать на роль «злодея», но «между тем в нем не было <...> той таинственности, которою щеголяют юноши, одаренные самолюбием, бледностью, черными волосами и “выразительным” взглядом» [10], теряет интерес к девушке и рассказчик, сюжетно исполняющий роль «наивного» героя. Таким образом, «злодей» не губит ни неопытного юношу, ни возлюбленную, и коллизия не разрешается драмой.

Комически предстают перед читателем попытки Петушкова из одноименной повести образовать Василису. Девушка засыпает или смеется. Да и Петушков читает ей ни А.С. Пушкина и ни Жорж Санд, а второстепенного писателя-романтика – М.Н. Загоскина.

По-новому видоизменяется романтическое разрешение любовной коллизии в «Бретере». После общения со «злодеем» Лучковым у Маши «тихо бродила душа», «легкий *румянец* пятнами выступал на ее бледном лице; <...> взгляды тихо разгорались и быстро погасали...» [10], то есть выступали все приметы зарождения влюбленности и души. Однако Маша предпочитает Лучкову «наивного» Кистера, который ведет с нет разговора о Шиллере, Россини и Моцарте. У Ап. Григорьева же ни один «наивный» герой не был удачлив в любви. Таким образом, И.С. Тургенев привносит пародийный элемент не только в женский портрет, но и в разрешение любовных коллизий.

В отличие от прозы Ап. Григорьева, в рассказах И.С. Тургенева появляется психологический портрет женщины. Он наблюдается только в описании Марьи Александровны («Переписка»). Описание ее внешности отсутствует не только из-за более ограниченных возможностей эпистолярного жанра этого произведения. Марья Александровна – единственная героиня, показанная после «создания» ее души. Именно это способствовало фокусировке внимания автора на ее психо-

логическом портрете, а не на описании внешности.

Б.Ф. Егоров утверждает, что проза 1840-х годов писалась Ап. Григорьевым «с достаточной долей самоиронии», что в ней прослеживаются попытки изжить в себе романтическое мировосприятие. Однако в 1840-е годы Ап. Григорьев сознательно следует романтическому канону и не стремится к его разрушению, о чем свидетельствуют созданные им женские портреты. Выделение женщин-ангелов и женщин-грешниц впоследствии найдет отражение в критике Ап. Григорьева: в программных статьях второй половины 1850-х годов им будут выделены смиренный и хищный типы. Эта типология исторических и литературных героев в русской культуре легла в основу Пушкинской речи Ф.М. Достоевского,

в прозе которого также можно обнаружить противостояние двух типов женщин: кроткой и падшей. Таким образом, проза Ап. Григорьева 1840-х годов предвосхищает основные идеи его критики и органически вписывается в литературный процесс своего времени.

В 1840-е годы и И.С. Тургенева, и Ап. Григорьева интересовали схожие темы. Но несмотря на то, что писатели были почти современники, их отношение к романтизму было принципиально разным, что проявилось и в манере создания женских типажей, и в разрешении любовных коллизий. Таким образом, смену романтической и реалистической эпох они пережили по-разному: И.С. Тургенев ушел вперед вместе с «натуральной школой», Ап. Григорьев же остался верен старой парадигме.

Библиографический список

1. *Григорьев А.* Воспоминания. Изд. подготовил Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 1988. 433 с.
2. *Григорьев А.* Другой из многих. В кн.: Проза русских поэтов XIX века. Сост., подготовка текста и примеч. А.Л. Осповата. М.: Сов. Россия, 1982. С. 127–128.
3. *Григорьев А.А.* Русская литература в 1849 году. Отечественные записки. Т. 1. 1850. С. 15–31.
4. *Гродская Е.Е.* Автобиографический герой Григорьева и герой Тургенева. В кн.: Памяти Анны Ивановны Журавлевой: Сборник статей. Сост.: Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская. М.: Три квадрата, 2012. С. 384396.
5. *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. Л.: Наука, 1978. С. 161, 164.
6. *Недзвецкий В.А.* И.С. Тургенев: логика творчества и менталитет героя: Курс лекций. Отв. ред. В.А. Беглов; Отв. за вып. Ю.А. Буксман. М.: Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия, 2008. 232 с.
7. *Носов С.Н.* Тургенев и Аполлон Григорьев. В кн.: И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л.: Наука, 1990. С. 32 – 45.
8. *Sarrina M.Y.* Тургенев и Ап. Григорьев: Творческий диалог (1852-1853). В кн.: И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. Вып. 3. С.165-203.
9. *Takho-Godi E.A., Seredina A.O.* Женский портрет, или теории «создания женщины» в ранней прозе Ап. Григорьева. В кн.: Острова любви БорФеда: Сборник в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова. ИРЛИ РАН; СПбИИ РАН; Ред.; сост. А.П. Дмитриев и П.С. Глушаков; Под общ. ред. Е.П. Щегловой. СПб.: Издательство «Росток», 2016. С.861-873.
10. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 тт. Сочинения: в 12 тт. Т. 3, Т. 4. М.: Наука, 1978.

References

1. *Grigoriev A.* Memories. Ed. by B.F. Egorov. M.: Nauka, 1988. 433 p.
2. *Grigoriev A.* Another of the many. In: Prose of Russian poets of the XIX century. Comp., preparation of the text and notes by A.L. Ospovat. M.: Sov. Rossiya, 1982. Pp. 127-128.
3. *Grigoriev A.A.* Russian literature in 1849. Annals of the Fatherland. Vol. 1. 1850. Pp. 15-31.
4. *Grodskaya E.E.* The autobiographical hero of Grigoriev and hero of Turgenev. In: In memory of Anna Ivanovna Zhuravleva: Collected papers. Comp.: G.V. Zyкова, E.N. Penskaya. M.: Three squares, 2012. Pp. 384396.
5. *Zhirmunsky V.M.* Byron and Pushkin. Leningrad: Nauka, 1978. Pp. 161, 164.
6. *Nedzvetsky V.A.* I.S. Turgenev: the logic of creativity and mentality of the hero: Lectures. Executive editor V.A. Beglov; Responsible for issue Yu.A. Bukzman. M.: Lomonosov Moscow State University; Sterlitamak: Sterlitamak. State Ped. Academy, 2008. 232 p.
7. *Nosov S.N.* Turgenev and Apollon Grigoriev. In: I.S. Turgenev. Matters of biography and works. Leningrad: Nauka, 1990. Pp. 32 – 45.
8. *Sarrina M.Y.* Turgenev and Ap. Grigoriev: Creative Dialogue (1852-1853). In: I.S. Turgenev. New researches and materials. Executive editor N.P. Generalova, V.A. Lukina. M.; SPb.: Alliance-Archeo, 2012. Vol. 3. Pp.165-203.
9. *Takho-Godi E.A., Seredina A.O.* Woman's portrait, or The theory of «creation of woman» in Ap. Grigoriev's early prose. In: BorFed's Islands of love: Collected papers in honor of Boris Fedorovich Egorov's 90th Birthday / IRLI RAN; SPbII RAN; ed.; comp. A.P. Dmitriev and P.S. Glushakov; Edited by E.P. Shcheglova. SPb.: «Rostok» Publisher, 2016. Pp. 861-873.
10. *Turgenev I.S.* Complete works and letters: In 30 vol. Works: in 12 vol. Vol. 3, Vol. 4. M.: Nauka, 1978.

К.А. СНУРНИЦЫН

аспирант, кафедра русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: kirillsnurnitsyn@yandex.ru

K.A. SNURNITSYN

Graduate student, Department of Russian literature of XX-XXI centuries and the history of foreign literature, Orel State University named after I. S. Turgenev
E-mail: kirillsnurnitsyn@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОГО РАЗЛАДА ЛИЧНОСТИ В ПОВЕСТИ Ю. В. ТРИФОНОВА «ОБМЕН»

**THE PROBLEMS OF SPIRITUAL DISORDER OF THE PERSONALITY IN THE STORY
YU. V. TRIFONOV "THE EXCHANGE"**

Статья посвящена исследованию темы духовного разлада личности в творчестве Ю. Трифонова (1925-1981). Писатель исследует жизнь советской интеллигенции, призванной быть интеллектуальной элитой общества, но которая медленно и неуклонно тонет в «болоте повседневности». Необходимо отметить, что перечислены периоды творчества писателя в тесной их связи с комплексом критики и анализа другими публицистами.

Ключевые слова: Трифонов, «Обмен», духовный разлад, фрустрация, советская интеллигенция.

The article is devoted to the theme of sociopathy in the work of Yuri Trifonov (1925-1981). The writer examines the life of the Soviet intellectuals, who are intended to be the intellectual elite of society, but slowly and irreversibly sinking into a "swamp of everyday life". It should be noted that the periods of the writer's work are listed in a close connection with criticism and analysis of other writers.

Keywords: Trifonov, "Exchange", sociopathy, frustration, soviet intellectuals.

Тема духовного разлада личности – одна из центральных тем в мировой литературе, но в русской литературе она приобрела особое значение, так как внутренний конфликт, постоянная рефлексия, состояние фрустрации близки русскому человеку как никому другому. Ю. Трифонова (1925-1981) интересует, прежде всего, проблема духовного разлада личности, живущей в условиях советской действительности.

Повесть «Обмен» (1969) относится к возникшей в период «оттепели» «городской прозе», для которой характерны некоторый отход от идеологических установок и возвращение к морально-этическим ценностям. Главными героями «городской прозы» становятся простые люди, обитатели «спальных районов» крупных городов, обремененные бытовыми заботами, – следствием современной жизни с ее бешеным темпом и социальной неустроенностью. Ю. Трифонов исследует жизнь советской интеллигенции, призванной быть интеллектуальной элитой общества, но которая медленно и неуклонно тонет в «трясине повседневности».

Исследователи разделяют творчество Трифонова на несколько периодов. Первый – 1950-е - начало 60-х годов, когда появилась повесть «Студенты» и первые робкие отклики критиков и читателей на вполне вписывающееся в рамки соцреализма произведение молодого автора; его спортивные и путевые очерки, «туркменские» рассказы. Начало второго периода условно датируется 1969 годом. Именно к этому периоду относится повесть «Обмен» и первые серьезные критические от-

клики на нее. Наиболее близки к авторскому видению проблемы, на наш взгляд, А.Г. Бочаров – «Контрапункт: общее и индивидуальное в прозе Ю. Трифонова, В. Шукшина, В. Распутина», Ф.Ф. Кузнецов «Быть человеком. О некоторых нравственных проблемах современной прозы», «В борьбе за человека». Важно обозначить направленность статей данных авторов на социальную проблематику «московских» повестей» (так назвал писатель свои «городские» повести) Трифонова. Появились также научные работы и критические статьи, в которых авторы обращались к идейно-эстетическим основам прозы Трифонова [Селеменова, 2008, 197]. Критики [А.Бочаров «Восхождение» (1975), Б.Панкин «По кругу или по спирали?» (1977)]..находили связь «московских» повестей с исторической прозой Трифонова (повестью «Нетерпение», романом «Старик»):

Третий этап – с конца 1970-х годов, когда творчество Трифонова стало объектом пристального внимания товарищей по писательскому цеху, известных литературоведов, критиков. В концептуальных статьях Л.А. Аннинского («Неокончателные итоги», «Реальность прозы»), О.А. Кутминой («Принципы психологического анализа в творчестве Ю. Трифонова»), В.Д. Оскоцкого, Л.А. Теракопьяна («Городские повести Ю. Трифонова»), Ю.М. Оклянского («О «белых воротничках» и ларечной цивилизации») определились основные подходы к изучению наследия писателя. Главными объектами исследования становятся нравственная проблематика произведений, жанровая спец-

ифика и языковые особенности рассказов и повестей Трифонова. Критик Ю.М. Окладский подчеркивает: «Испытание бытом, властная сила житейских обстоятельств и герой, так или иначе романтически им противостоящий... – сквозная и заглавная тема позднего Трифонова» [Окладский, 1983, 231].

Четвертый этап – вторая половина 80-х годов. Смерть писателя в 56 лет, когда его талант только набирал силу, актуализировала задачу научного анализа его наследия как единого, целостного литературного феномена в контексте русской прозы XX века. В этот период в России и за рубежом выходят первые монографии, посвященные творчеству Трифонова: Н.Б. Иванова «Проза Юрия Трифонова», Т.А. Патер «Обзор творчества и анализ московских повестей Юрия Трифонова» (США, 1983).

«Городскую прозу» Трифонова – повести «Обмен», «Долгое прощание», «Предварительные итоги», «Другая жизнь», «Дом на набережной» – следует отнести к нравственно-психологической прозе. В ней отражены нравственные, этические, искания писателя, заявлена гражданская позиция, проявилось умение поднимать насущные, злободневные, жизненно важные, остросоциальные вопросы, касающиеся событий советской жизни. Во вчерашних «шестидесятниках», еще недавно деятельных, справедливых, готовых отстаивать права личности, Трифонов видит уже “сдавшихся людей”, таких как Дмитриев (“Обмен”), Ребров (“Долгое прощание”). Произведения Трифонова заставляют читателя взглянуть на себя самого, увидеть в себе черты трифоновских героев, осудить в себе самом обывателя, так легко попадающего в сети мещанства.

Повести строятся по одной и той же схеме зачинов и финалов. Вначале попадание героя в кризисную ситуацию, выводящую его за рамки обычного образа жизни («Обмен», «Предварительные итоги», «Другая жизнь»). В финале же читатель видит изменения, произошедшие в сознании героя. Лирический герой проживает целую жизнь (или какой-то важный для перестройки его сознания период жизни) и заслуживает «другую жизнь», но не ту, о которой он мечтал.

Бытие определяет сознание. Сам автор говорил, что он пишет не быт, а именно бытие. «Его открытием стало изображение текучести жизни, жизненного процесса [...] Он поставил себе целью воплотить невоплотимое: «Увидеть бег времени, понять, что оно делает с людьми, как все вокруг меняет» [Белая, 1985, 40]. Многие исследователи, такие как Н.Б. Иванова, Г.А. Белая, А.Г. Бочаров, указывают на «спиралеобразный» способ повествования в произведениях Трифонова. «Принцип «спирали» основывается как на внутритекстовом уровне, так и на интертекстовом. Проза Трифонова, по сути, основана на одних и тех же темах, но, каждый раз возвращаясь к ним, писатель «дочерпывает» смыслы» [Иванова, 1984, 218].

Какие же конкретные проблемы поднимает писатель в повести «Обмен»? В самом начале произведения автор дает нам понять, на фоне каких событий

будут развиваться основные действия: «В июле мать Дмитриева Ксения Федоровна тяжело заболела... <...> В сентябре сделали операцию, худшее подтвердилось... <...> Вот именно тогда, когда Ксения Федоровна вернулась из больницы, жена Дмитриева затеяла обмен: решила срочно съезжаться со свекровью, жившей одиноко в хорошей, двадцатиметровой комнате на Профсоюзной улице» [Трифонов, 2011, 13]. Таким образом, Трифонов обрисовывает нравственный конфликт, определяя его «пространственные координаты»: комнату в 20 метров, принадлежащую матери Дмитриева, и комнату Виктора и Лены, которая разделена ширмой на две части – взрослую и детскую. Чтобы в будущем необходимость в ширме отпала, и был затеян этот «квартирный» и на самом деле нравственный обмен, цена которого – предательство самого близкого человека – матери.

В дальнейшем нам станет известно, что главный герой неоднократно пытался съехаться со своей матерью, но жена до наступления печальных событий отказывалась от этого. Очевидно, что сейчас причиной перемены настроения жены стала квартира. Осознание этого подавляло Дмитриева и раздражало, как упрек, вспоминались слова матери: «Сынок, ты хорошо подумал?» Но постепенно Дмитриев привыкает жить по законам, навязываемым обывательским сознанием жены и ее окружения, и обмен квартиры еще живой матери, но в ожидании ее скорой смерти, уже не кажется ему чудовищным. Даже в минуты отчаянья, когда в ссорах с женой он пытался сохранить остатки нравственного чувства, у него не хватало мужества на решительное «нет!», и Дмитриев убежал от тягостных раздумий в «клуб полуженатиков», чтобы хоть там излить душу. Так рождалось «отчуждение» – от себя самого, от умирающей матери, от жены, друзей, от всех и вся; Виктор выбирает самый легкий способ уйти от проблемы – играть роль «наблюдателя – постороннего», вместо борьбы предпочесть бездействие. Виктор даже доходит до оправдания «душевной неточности» супруги, но в один момент что-то внутри него меняется. Казалось, это «что-то» даст развитие вялотекущему внутреннему конфликту героя, побудит его к действиям, но кроме рефлексии, которая итак была ему свойственна, подавленности, тоски и легких сомнений, ничего не возникло.

Трифонов изображает главного героя как невольника, смирившегося со своей участью. Подобное «смирение» оборачивается духовной трагедией личности: «невмешательство», «непротиводействие» злу становится таким же злом: философия Мерсо (героя повести Камю «Посторонний») – философия экзистенциализма, на которую неосознанно опирается Виктор, не выносит испытания жизнью. Мораль, вопреки заверениям философов, существует, и как бы ни была стройна философская теория, практика жизни разрушает ее, и это было не раз доказано героями Достоевского, Л. Толстого, Л. Андреева. Человек вправе сделать нравственный выбор, и в этом выборе раскрывается его суть “Ты уже обменялся, Витя. Обмен произошел...”, – выносит приговор любимому сыну умирающая мать.

«Обмен» произошёл не сразу. Трифонов поэтапно, психологически обоснованно раскрывает нравственное падение героя. Поначалу дело доходило даже до «легкого рукоприкладства», лишь только стоило супруге несправедливо затронуть самое святое – его мать. Но постепенно «он уже не существовал как частица семьи Дмитриевых, а существовал как нечто другое, объединенное с Леной». Совместная жизнь изменила его, да и сама жизнь изменилась. «Все изменилось на том берегу, все «олукьянилось». «Олукьянился» – то есть стал жить по принципам, по которым живут в семье Лукьяновых, в которой воспитывалась Лена, – людей приземленных, лишенных духовности, обеспокоенных только материальными проблемами. А установил эти принципы жизни в семье Лукьяновых их отец, Иван Васильевич, некогда предприимчивый, «могучий» человек, чья «сила» проявлялась в бестактности, бесчеловечности, эгоизме, равнодушии ко всем, кто не Лукьяновы. «Олукьянивание» Лены проявляется как в мелочах, так и в серьёзных поступках: Она, не задумываясь, брала себе самую лучшую посуду Дмитриевых, могла поставить грязное ведро возле входа в комнату Ксении Федоровны, без раздумий убрала портрет свекра из комнаты и повесила его в прихожей. Поначалу эти действия кажутся бытовыми мелочами, на самом деле они помогают понять эгоизм, обывательскую сущность Лены. Особенно ее равнодушие и бестактность проявляются в тот момент, когда «мозговые спазмы» ее собственной матери (заурядная мигрень!) вызывают в ней большее волнение, чем смерть Ксении Федоровны, матери мужа. И собственного отца, перенёсшего инсульт, она спокойно оставляет и уезжает отдыхать в Болгарию. И вот в эту «атмосферу» постепенно вживается воспитанный в интеллигентной, образованной, культурной семье Виктор Дмитриев.

От описания жизни одного человека Трифонов переходит к обобщениям: Виктор «мучился, изумлялся, ломал себе голову, но потом привык. Привык оттого, что увидел, что то же – у всех, и все – привыкли». Осознание «всеобщности» такой жизни служит оправ-

данием герою. Об изменениях, произошедших в его жизни, он думает уже без особого сожаления: «А, может быть, это не так уж плохо? И если это происходит со всем – даже с берегом, с рекой и с травой – значит, может быть, это естественно и так должно быть?». Никто не может помочь Виктору найти ответ на волнующие его вопросы. А самому ему удобнее ответить «да, так и должно быть» – и успокоиться.

Но как можно сравнивать внешние изменения в природе (берега, реки, травы) с человеческой душой?! «Квартирный вопрос» стал для героев Трифонова, как и для героев романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, лакмусовой бумажкой, помогающей распознать их человеческую суть. «Квартирный вопрос» оказался для героя неразрешимой проблемой. Дед Виктора говорит: «Мы с Ксенией ожидали, что из тебя получится что-то другое. Ничего страшного, разумеется, не произошло. Ты человек не скверный, но и не удивительный». Такую уничтожающую оценку дает Трифонов своему герою. Сам писатель любит и ощущает близкими себе «удивительных» людей: Ксению Федоровну, деда, Сергея, героя повести «Другая жизнь», семью Н. В. Ганчука в романе «Дом на набережной», С.К. Мигулина из романа «Старик».

Духовное оскудение личности, опасность, которую предвидел и сумел раскрыть в своих «городских повестях» Ю. Трифонов, стала главным бедствием в наши дни. «Олукьянивание» становится повсеместным явлением. Нравственный «обмен», когда заменой любви, сопереживанию, соучастию становятся равнодушие, черствость, порой жестокость, когда отдается предпочтение материальному, а духовное уходит на задний план, уже не заставляет современных «Дмитриевых» мучиться угрызениями совести, а воспринимается как норма жизни, что-то обыденное, неизбежное. Свою задачу Трифонов видел в том, чтобы заставить человека заглянуть в самого себя, задаться вопросом, нет ли в нем самой нравственной слепоты и глухоты, свойственной героям его «городских повестей».

Библиографический список

1. Аннинский Л. Неокончательные итоги. О трех повестях Юрия Трифонова // Дон. 1972. №5. С. 183-192.
2. Белая Г. Вечные темы // Белая Г. Литература в зеркале критики. С. 179. Впервые – под названием: Неповторимое однажды (Философско-этическая тема в прозе Юрия Трифонова) // Литературное обозрение. 1983. № 5 С. 40-45.
3. Бочаров А. Встречи с Юрием Трифоновым: (Воспоминания) // Лит. обозрение. 1994. №1/2. С. 80-85.
4. Иванова Н. Б. Проза Юрия Трифонова. М. : Сов. писатель, 1984. 294 с.
5. Овчаренко А. И. О психологизме и творчестве Юрия Трифонова. Рус. лит. 1988. № 2. С. 32-57.
6. Оклянский Ю. М. Юрий Трифонов. Портрет, воспоминания. М. : Сов. Россия, 1985. 384 с.
7. Оклянский Ю. М. О «белых воротничках» и ларечной цивилизации // Лит. газ. 1995. 21 июня (№25).1. С.5.
8. Селеменова М. В. Поэтика повседневности в городской прозе Ю.В. Трифонова. – Известия Уральского государственного университета. № 59 (Вып. 16. Филология). Екатеринбург, 2008. С. 195-208
9. Трифонов Ю. В. Как слово наше отзовется... Сост. А. П. Шитов; вступ. ст. Л. А. Аннинского. М., 1985. 384 с.
10. Трифонов Ю. В. Московские повести. АСТ, М. 2011. 448 с.

References

1. Anninsky L. Inconclusive outcome. About three stories of Yuri Trifonov // Don. 1972. №5. Pp. 183-192.
2. Belaya G. Eternal themes // Literature in the mirror of criticism. P. 179. For the first time - under the name: The unique one (Philosophical and ethical theme in the prose of Yuri Trifonov) // Literary Review. 1983. № 5. Pp.40-45.

3. *Bocharov A.* Meeting with Yury Trifonov (Memories) // Lit. Review. 1994. №1 / 2. Pp. 80-85.
  4. *Ivanova N. B.* Yury Trifonov's prose. Moscow: Sov. writer, 1984. 294 p.
  5. *Ovcharenko A. I.* About psychology and the work of Yuri Trifonov. Rus. Literature. 1988. № 2. Pp. 32-57.
  6. *Oklyansky Y. M.* Yuri Trifonov. Portrait, memories. Moscow: Sov. Russia, 1985. 384 p.
  7. *Oklyansky Y. M.* About the "white-collar" and larechnoy civilization. Lit. news. 1995 June 21 (№25) .1. P.5.
  8. *Selemeneva M.V.* Poetics of everyday life in urban prose of Y. Trifonov. - Proceedings of the Ural State University. № 59 (Issue 16. Philology). Ekaterinburg, 2008. Pp. 195-208.
  9. *Trifonov Yu. V.* As our word will respond ... Comp. by A.P. Shitov; introd. Art. by L.A. Anninsky. M., 1985. 384 p.
  10. *Trifonov Yu.V.* Moscow lead . ACT, M., 2011. 448 p.
-
-

Н.А. ХАМИТОВ

аспирант, отдел лексикологии и диалектологии,
Институт языка, литературы и искусства имени
Галимджана Ибрагимова
E-mail: hamitov_nafis@mail.ru

N.A. KHAMITOV

Graduate student, Department of Lexicology and
Dialectology, Galimdzhan Ibragimov Institute of
Language, literature and Art
E-mail: hamitov_nafis@mail.r

К ВОПРОСУ О ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТЕРМИНОВ СПОРТА В ТАТАРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

REVISITING PART OF SPEECH BELONGING OF SPORTS TERMS IN THE TATAR AND ENGLISH LANGUAGES

В статье рассматривается проблема частеречной дифференциации терминов спорта в татарском и английском языках. Долгое время в языкознании господствовало положение, согласно которому только существительные или словосочетания на базе существительного могут номинировать терминологические единицы языков. Однако ряд ученых считает возможным употребление других частей речи в качестве терминов. Как показывает частеречный анализ, для спортивной терминологии в целом характерны термины-существительные. Наряду с терминами-существительными также наблюдается использование терминов-глаголов, терминов-отглагольных существительных, терминов-прилагательных и др.

Ключевые слова: спорт, термин, части речи, татарский язык, английский язык.

In the article the problem of part of speech differentiation of sports terms in the Tatar and English languages is considered. For a long time in linguistics dominated position, according to which only nouns or noun phrases can nominate terminological units of languages. However some scientists find possible the use of other parts of speech as terms. As the analysis of part of speech shows, nouns are often used as sports terms. Verbs, verbal nouns, adjectives and others can be used as terms as well.

Keywords: sport, term, parts of speech, Tatar, English.

В своем послании по случаю Международного дня спорта Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун говорил про спорт следующие слова: «Спорт является уникальным и мощным инструментом для поощрения достоинства и равных и неотъемлемых прав всех членов человеческой семьи. Это движущая сила позитивных социальных перемен».

Последнее время изучение спортивной терминологии значительно выросло. Сейчас в России спорт развивается быстрыми темпами. По свидетельству ряда специалистов, терминологические системы отдельных областей науки насчитывают в настоящее время от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч терминов, а одна только спортивная терминология имеет несколько сотен тысяч.

Долгое время в языкознании господствовал подход, согласно которому исключительно имена существительные и субстантивные сочетания могут номинировать терминологические единицы языков для специальных целей. Однако ряд учёных считает возможным употребление других частей речи в качестве терминов (В.Г. Даниленко, С.Г. Казарина и И.Ю. Бережанская др.). Грамматическим «фондом» терминологии, по словам В.П. Даниленко, «являются знаменательные слова: существительные, прилагательные, наречия, глаголы» [4]. Сторонники включения различ-

ных морфологических классов в состав терминологической лексики отмечают, что терминируемые понятия шире, чем семантические возможности существительного как средства выражения всех этих понятий. Так, например, прилагательные в терминологии стремятся к выражению родо-видовых отношений между понятиями, выполняя функцию уточнения. В ряде терминологий часто терминологизируются понятийные категории, такие как признаки действия. Единственным средством выражения этой категории понятий выступает наречие. Прилагательные и наречия могут обозначать специальные понятия. В.П. Даниленко отмечает: «Мнение о непригодности прилагательных для роли терминов на том основании, что они в речи не употребляются абсолютно, нельзя считать убедительным, т.к. указанное отличие не является приметой прилагательных в терминологии. Это – примета данной части речи, независимо от сферы употребления. Прилагательное – определение, которое, естественно, должно иметь определяемое» [4].

Согласно наиболее распространенной точке зрения, термины должны быть представлены именами существительными. Таковую точку зрения разделяли, в частности, А.А.Реформатский, О.С.Ахманова, О.Д.Митрофанова, Г.О. Винокур и др. По их мнению, любая развитая терминология предполагает высокую степень абстракции, представляет систему названий

понятий о вещах и действиях, поэтому единственным лексико-грамматическим средством, выражающим научные понятия, являются существительные. По мнению О.С. Ахмановой: «Очень важным вопросом является вопрос о том, к каким частям речи принадлежат или должны принадлежать лингвистические термины: ограничивается ли терминология данной области знания существительными или же в нее входят прилагательные, глаголы и другие части речи. Отвечая на этот вопрос, следует прежде всего обратить внимание на то, что в европейских языках система существительных настолько развита, имеются настолько неограниченные возможности образовывать отглагольные существительные и отвлеченные от основ прилагательные, что основной состав терминологического списка для этих языков вполне может быть исчерпан существительными» [1].

В массиве спортивных терминов как татарского, так и английского языков отмечено большое превосходство существительных и субстантивных составных наименований.

Спортивная терминология, как и терминология в целом, обогащается, прежде всего, существительными, которые занимают в процессе номинации центральное положение. Тезис, что любая терминология представлена преимущественно именами существительными или именными словосочетаниями, подтверждается нашим материалом. В образовании спортивных терминов татарского языка активно участвуют как однословные существительные (*капкачы* 'вратарь', *көрәш* 'борьба', *туп* 'мяч', *уен* 'игра' и т.п.), так и составные наименования (*кулкөрәше* 'рукопашный бой', *уенвакыты* 'время игры', *чаңгыспорты* 'лыжный спорт' и др.). Причём некоторые термины представлены как однословными, так и составными вариантами (*капкачы* – *капкадаторучы* 'вратарь', *кәшәкә*– *кәшәкәтагы* 'клюшка', *тайбоксинг*– *тайланд боксы* 'тайбоксинг', *һөҗүмчә*– *һөҗүмитүчә* 'нападающий, форвард' и др.). Доля однословных существительных в татарском языке 35 % всего материала, доля составных наименований больше 65 %.

Что касается английского языка, количество существительных приблизительно одинаково, как в татарском. Доля однословных существительных 40% существительных – *helmet* 'шлем', *station* 'стадион', *spurt* 'рывок', *stayer* 'стайлер', *steeplechaser* 'участник скачек с препятствиями', *slide* 'скольжение', *outsider* 'аутсайдер, посторонний', *field* 'поле', *court* 'корт', *spiral* 'спираль', *target* 'цель', *oar* 'весло', *grip* 'рукоятка', *move* 'перемещение, движение', *chessboard* 'шахматная доска', *game* 'игра', *set* 'сет', *checkmate* 'шахматы', *kayak* 'каяк' и составных 60 % (*violationofrules* 'нарушение правил', *numberoftrials* 'количество попыток', *healthprotection* 'здоровоохранение', *spiritoftheteam* 'дух команды' и др.), причём в обоих языках к наиболее частотным конструкциям принадлежит тип «прилагательное + существительные»: в татарском языке – *җыйма команда* 'сборная команда', *акробатик рок-н-ролл* 'акробатический рок-н-ролл', *үзәксакчы*, *уртадагы*

сакчы 'центральный защитник', *өлкән тренер* 'старший тренер', *фигуральшуу* 'фигурное катание', *физик культура* 'физическая культура' и др.); в английском языке – *americanfootball* 'американский футбол', *irishdancing* 'ирландские танцы', *paralympicathlete* 'паралимпийский спортсмен' и др.).

Существительные, участвующие в образовании спортивных терминов как татарского, английского, так и иноязычного происхождения, и они представлены следующими тематическими группами: названия спортивных игр и видов спорта; названия спортсменов; названия спортивного инвентаря; названия спортивной площадки и ее частей; названия типов и частей состязаний и др.

В образовании спортивных терминов английского языка в значительно меньшей мере участвуют глаголы и прилагательные (прилагательных всего 2%, глаголов 30 % и глагольных конструкций 6 % всего материала). В татарском языке встречается немного более аналитических глагольных конструкций, чем в английском, где таким конструкциям соответствуют однословные выражения (*рафтинг беләнишөгьльләну* заниматься рафтингом – *rafting* и др.). Глаголы как части словосочетаний встречаются, главным образом, в терминосистемах спортивных игр (*футбола*, *хоккея*, *гандбола*, *баскетбола* и др.).

Наиболее продуктивна модель «существительное + глагол»: *көндәшнекаплау* 'закрывать соперника', *хет-триккасау* 'сделать хет-трик', а также «словосочетание + глагол»: (*тупны*) *капкагакадарыгыту* 'добротить (мяч) до ворот', *кагыйдәләрнебозыпуйнау* 'играть с нарушением правил', *рекордкую* 'установить рекорд', *уенчыныуеннанчыгару* 'удаление игрока' и др.); в английском языке «глагол+существительное»: *toplaytennis* 'заниматься теннисом', *toplayfootball* 'играть в футбол', *toplayvolleyball* 'играть в волейбол', *topumpiron* 'качаться', *toliftbarbell* 'поднимать штангу', *tostretchmuscles* 'растягивать мышцы' и др.

Что касается самостоятельных глаголов, наш материал охватывает также большое количество отглагольных существительных (в татарском – *ишү* 'гребля', *йөгерү* 'бег', *очрашу* 'встреча', *сикерү* 'прыжок' и др.; в английском – *rafting*, *coaching* и др.); в английском языке – глаголов: *tostart* 'начинать', *toseed* 'сеять', *tostare* 'смотреть', *tocheck* 'проверить', *toout* 'выбывать', *tooutplay* 'обыгрывать', *tooverlap* 'перекрывать', *toovershoot* 'перелетать', *tomull* 'обдумывать' и др.

Прилагательные в большей мере встречаются как части составных наименований. Это, главным образом, относительные прилагательные, образованные от названий видов спорта (в татарском – *фигуральшуу* 'фигурное катание', *жиңел атлетика* 'лёгкая атлетика', *милликөрәш* 'национальная борьба' и др., в английском – *snowboard* 'сноуборд', *softball* 'софтбол', *sick* 'больной', *scientific* 'научный', *overall* 'общий, целый', *overhand* 'производимы сверху вниз'), а также другие, выражающие отношение к лицам, предметам и т.п.

В татарском языке нами отмечены несколько

ко субстантивированных прилагательных (причастий) – *сикеруче* ‘прыгун’, *узышучы* ‘гонщик; бегун’, *һөжүмитуче* ‘нападающий, форвард’, *ыргытучы* ‘метатель’, *чабышучы* ‘бегун’. Их соответствия в английском языке – имена существительные: *junper* ‘прыгун’, *runner* ‘бегун’ и др.

Рассмотрим термины, относящиеся к другим частям речи. Можно привести слова *хип-хоп* (*бию* ‘танец’), в английском – *hip-hop*, также пинг-понг (*өстәл теннисы* ‘настольный теннис’), в английском – *ping-pong* (данные слова английского происхождения, но если его

рассматриваем с точки зрения частей речи татарского языка, то они образованы из двух междометий). В составе спортивных терминов принимают участие также предлоги и наречия (5 %) – в татарском языке *белән* ‘с’ (*туп белән* ‘с мячом’), *алга* ‘вперёд’, *артка* ‘назад’ и др.; в английском – *in* ‘в’ (*beinform* ‘быть в форме’), *out* ‘вне’ и др.

Следует отметить, что в обоих сопоставляемых языках ситуация схожая, преобладают существительные. Однако в татарском языке невысокое превосходство аналитических конструкций, чем в английском.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Бережанская И.Ю. Консубстанциональные термины в лингвистической терминологии английского и русского языков (сравнительный анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 27 с.
3. Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии: сб. ст. М.: Наука, 1971. С. 7-67.
4. Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
5. Даниленко В.П., Волкова И.Н. Лингвистический аспект стандартизации терминологий. М.: Наука, 1993. 123 с.
6. Казарина С.Г. Типологическое терминоведение как дифференцированная лингвистическая дисциплина // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2012. №3. С. 237-241.
7. Митрофанова О.Д. Язык научно-технической литературы. Москва: Изд-во МГУ, 1973. 147 с.
8. Реформатский А.А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М.: Наука, 1986. С. 163-198.

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of Linguistic terms. M.: Soviet encyclopedia, 1966. 608 p.
  2. Berezhanskaya I.Yu. Consubstitutional terms in linguistic terminology of the English and Russian languages (comparative analysis): Author's abstract of candidate dissertation in philol.sciences. M., 2005. 27 p.
  3. Danilenko V.P. Lexical-semantic and grammatical features of term-words // Studies on Russian terminology. M. 1971. P.7-67.
  4. Danilenko V.P. Russian terminology. Experience linguistic description. M.: Nauka, 1977. 246 p.
  5. Danilenko V.P., Volkova I.N. The linguistic aspect of terminology standardization. M.: Nauka. 1993. 123 p.
  6. Kazarina S.G. Terminology as a typological differentiated linguistic discipline // Bulletin Adyge State University. Ser. Philology and the Arts. 2012. №2. Pp. 237-241.
  7. Mitrofanova O.D. The language of scientific and technical literature. M.: Moscow State University Press, 1973. 147 p.
  8. Reformatsky A.A. Thoughts about terminology // Contemporary problems of Russian terminology. M., 1986. Pp. 163-198.
-
-

Е.В. ХВАСТОВА

соискатель, кафедра русского языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: khaelena@yandex.ru

E.V. KHVASTOVA

Applicant, Department of the Russian language, Orel State University named after I.S. Turgenyev
E-mail: khaelena@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ ПЛЮРАТИВОВ

THE PRINCIPLES OF CREATING LEXICOGRAPHY OF PLYURATIVES

В статье речь идёт о необходимости выработки принципов лексикографирования плюративов. Эти принципы должны помочь в создании полного словаря плюративов. Создание такого словаря поможет оценить явление плюрализации с точки зрения функциональности.

Ключевые слова: словарь, словообразование, плюрализация, плюратив.

The article is about the need of the development of the principles of creating lexicography of plyuratives. These principles have to help with the creation of the unabridged dictionary of plyuratives. The creation of such dictionary will help to estimate the pluralization from the point of view of functionality.

Keywords: dictionary, word formation, pluralization, plyurative.

Одним из перспективных направлений лексикографии является создание словарей новых слов, созданных одним способом словообразования. «Если же приняться за создание такого словаря, в котором были собраны окказионализмы, образованные при помощи одного и того же способа словообразования, то прежде всего следовало бы в теоретической части дать чёткое определение такого способа словообразования, отграничив его от каких-либо смежных явлений. То есть такая теоретическая часть могла бы стать очерком (или минимонографией) по конкретному неузуальному способу словообразования. В современном словообразовании практически нет подобного рода описаний окказиональных способов (при всём уважении к узуальным способам, таким как префиксация, суффиксация, сложение, слияние, которые уже имеют свои описания, может быть, конечно, ещё и не очень достаточные). Так что словарь подобного типа выполнил бы двойную функцию: 1) систематизировал бы – по необходимости – теоретический материал о данном способе; 2) наглядно представил бы реальные возможности анализируемого способа» [3, с. 3].

Как заявку на словарь одного способа словообразования следует рассматривать статью В.В. Изотова: «Мы сосредоточим своё внимание на одной словообразовательной черте идиолекта С. Соколова – на создании им форм степеней сравнения, которые мы считаем самостоятельными единицами. <...>

Поскольку словообразование применительно к образованию степеней сравнения реализуется чаще всего как суффиксация (простая сравнительная степень и простая превосходная степень), в словарной статье не будем указывать на способ словообразования. Словарная статья строится по упрощённой схеме: Заголовочное

слово; значение; контекст (так как все примеры взяты из романа «Палисандрия», то такой компонент, как адресация, отсутствует). <...>

ВОЗВЫШЕННОЙ. Более возвышенный. *Нам было покойно, задумчиво, светлос печально, и тон беседы делался поминутно возвышенной и нездешней»* [2, с. 46-47].

Автор так объясняет идеологию словаря новообразований Саши Соколова: «В данном случае представлен фрагмент, если можно так выразиться, фрагмента словаря. Имеется в виду следующее: описание новообразований Саши Соколова будет представлено как словарь, который, в свою очередь предполагается реализовать как серию словарей, например: словарь суффиксальных образований; словарь префиксальных новообразований; словарь слитных новообразований; словарь контаминационных новообразований. Словарь же суффиксальных новообразований предполагается представить либо как серию словарей по частям речи, либо как серию словарей по суффиксальным значениям (представленный фрагмент представляет собой реализацию как раз второго принципа)» [2, с. 46-47].

Как видим, главной задачей В.В. Изотов считает создание «Словаря новообразований Саши Соколова», а словари отдельных способов – всего лишь практическое подспорье для его создания.

В 2011 году была предпринята успешная попытка совмещения этого принципа. Словарь плюративов Саши Соколова «является, с одной стороны, словарём новообразований, созданных по одному способу словообразования, с другой – частным случаем полного словаря новообразований одного автора» [4, с. 4]. Словарная статья выглядит следующим образом:

«**ЛУВРЫ**. Музеи.

К сожалению, далеко не все посетители наших **лувров** дают себе труд внимательно прочитать инструкцию министерства культуры, и поэтому многие завязывают их неряшливо, нехотя (П:330)» [4, с. 8]

Некоторые теоретические основы словаря новообразований, созданных одним способом словообразования, изложены в работах [5], [6]. В этих работах рассматриваются принципы создания словаря новых слов, созданных способом голофразиса, а работа [5] являет собой собственно словарь голофрастических конструкций, созданных голофразисом в сочетании с другими способами.

Словарная статья строится следующим образом:

«**НИ-ЧЕ-ГО-НИ-БЭ-НИ-МЭ-НЕ-ПО-НИ-МА-Ю**. Ничего непонимаю; ни бэ ни мэ.

«Это в самом деле выходит за пределы теоретической физики и моего разумения! **Ни-че-го-ни-бэ-ни-мэ-не-но-ни-ма-ю!** – по слогам произнёс он» (Б.Штерн).

Голофразис + синтаксический тмезис + графикация.

Фразеологизированное словосочетание «ни бэ, ни мэ» вставляется внутрь синонимичного ему выражения «ничего не понимаю», присутствует также и графикация в виде разбивки по слогам, отражающей паралингвистическую ситуацию – проговаривание по слогам» [5, с. 13].

Серию отраслевых словарей применительно к творчеству В.С. Высоцкого, а именно лексикографирование определённых примет индивидуального языка (сравнений, фразеологизмов, фонетических и грамматических особенностей и т.д.), продолжает Словарь плюративов В.С. Высоцкого [7], который является словарём одного способа словообразования применительно к творчеству одного автора.

Словарная статья представлена следующим образом:

СОЛНЦА. Светила.

Где та чудовищная мгла, Которой матери пугают? Светло – хотя ни факела, ни **солнца** мглу не освещают! («Упрямо я стремлюсь ко дну...»).

В этом Словаре не даётся описание новообразований, созданных одним способом словообразования, но он представляет собой именно такой тип словарей. Словарь сопровождается статьёй о способе словообразования – плюрализации. Некоторые плюративы имеют комментарий. Например, к словарной статье **ГРЕИ** даётся сноска: «Теоретически вполне возможна отсылка и к Артуру Грею – герою «Алых парусов» А.Грина. Но всё-таки имя, поставленное в один ряд с Ловеласом и Дон Жуаном, предполагает, по-нашему, всё же отсылку к герою О. Уайльда.

В то же время не стоит сбрасывать со счетов и такую вероятность: Высоцкий имеет в виду обоих Греев (потому-то фамилия и стоит во множественном числе).

Косвенное подтверждение того, что имеется в виду всё же Дориан Грей, находим у С.И. Кормилова: «Наконец, из иностранных есть ещё фамилии, взятые у других авторов: Джеймс Бонд, Гобсек, Дориан Грей

(и Грей – во множественном числе), Фауст, Кокильон, Мак-Кинли, Робин Гуд, Нат Пинкертон, Шерлок Холмс» [8, с. 139]».

Следует сказать, что Словарь плюративов В.С. Высоцкого [7] нуждается в дополнении, поскольку некоторые плюративы не вошли в это издание. Возможно также расширить комментарий к новообразованиям.

Необходимо выработать определённые принципы лексикографирования плюративов, что поможет в создании полного словаря плюративов.

Словарь новообразований, созданных одним способом словообразования, – в нашем случае путём плюрализации – необходимо сопроводить статьёй об этом способе образования слов.

Главная единица словаря – словарная статья. Она включает в себя заголовочное слово, значение, контекст, комментарий.

1. Заголовочное слово

Заголовочное слово должно быть дано в начальной форме прописными буквами полужирным шрифтом: **ХОККЕИ, ЯНВАРИ, НЬЮТОНЫ** и т.д. Но некоторые авторы считают: «В основе принятого нами принципа подачи заголовочных слов лежит, в сущности, несложное правило: у любого словообразовательного окказионализма окказиональна вся парадигма, т.е. любая словоформа, а значит, он может быть с лёгкостью приведён к реконструируемой нами начальной форме. Ведь, находя в тексте любое узувальное, но незнакомое слово, даже далёкий от филологии человек не задумываясь приводит его к начальной форме и в таком виде ищет в словаре. Что касается словоизменительных окказионализмов, то они остаются в той форме, в какой только и являются окказиональными (*в кафе, денежек* и т.п.)» [1, с. 12].

Нет необходимости указывать часть речи, поскольку плюрализации подвергаются имена существительные.

2. Значение.

Важно дать значение плюратива, хотя в выпусках «Новое в русской лексике» без толкования остаются слова, имеющие окказиональный характер; составители «Словаря языка русской поэзии XX века» тоже не дают дефиниций; составители словаря новообразований Е.А. Евтушенко так объясняют свою позицию: «... толкование новообразования, как правило, отсутствует из-за неизбежности некоторого субъективизма составителей» [9, с. 10].

3. Контекст.

Необходимо указать контекст употребления плюратива. Как правило, это всегда строка из произведения, название и автор которого также указываются. В нашем случае плюративы выбраны из произведений В.С. Высоцкого, поэтому указывать автора нет необходимости. Вот так выглядит контекст употребления новообразования **экваторы**: «Что мне север, **экваторы**, Что мне бабы-новаторы – Когда в нашем предбанничке Так свирепствуют нянечки! («Я лежу в изоляторе...»).

4. Комментарий.

Значение может сопровождаться комментарием,

который даётся в виде сноски и содержит разную дополнительную информацию: историческую, ассоциативную и другую. Например, значение плюратива **РОБИНЫ** «совокупность особенных гусей» сопровождается следующим комментарием: «Для нас вполне отчётлива ассоциация с Робинотом Гудом; да и сам Робин Гусь недвусмысленно заявляет о своей особости, выделенности из общего ряда гусей, храбрости: «Я Робин

Гусь, не робкий гусь, Да! Я не трус, но я боюсь, Что обо мне вы слышать не могли. Я славный гусь, хорош я гусь, Я вам клянусь, я вам клянусь, Что я из тех гусей, что Рим спасли»» [7, с. 14].

Плюрализация как способ образования слов только утверждается в системе способов русского словообразования. Создание словаря плюративов поможет оценить это явление с точки зрения функциональности.

Библиографический список

1. *Валавин В.Н.* Словотворчество Маяковского: опыт словаря окказионализмов. М.: Азбуковник, 2010. 622 с.
2. *Изотов В.В.* Словарь Саши Соколова как серия отраслевых словарей // Слово и текст: значение, употребление, интерпретация. Сборник научных трудов. Орёл, 2011. С. 44-48.
3. *Изотов В.П.* О типах словарей новых слов. Полифилология-6. Орёл, 2006. С. 13.
4. *Изотов В.В., Изотов В.П.* ... в каком из бытий... Словарь плюративов Саши Соколова. Орёл, 2011. 18 с.
5. *Изотов В.П., Ковынёва И.А.* Лексикографическое представление голофрастических конструкций, созданных комбинированными способами словообразования. Орёл, 2011 (а). 22 с.
6. *Изотов В.П., Ковынёва И.А.* Голофрастические конструкции в лексикографическом освещении. Проект словаря голофрастиков. – Saarbücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2011(б). 67 с.
7. *Изотов В.П., Хвастова Е.В.* Раздвинутые горизонты: Словарь плюративов В.С. Высоцкого. Орёл: Изд-во Орловский государственный университет, 2010. 20 с.
8. *Кормилов С.И.* Антропонимика в поэзии Высоцкого. Предварительные заметки и материалы к теме // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. III. Т. 2. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1999. С. 130-142.
9. *Намитоква Р.Ю., Нефляшева И.А.* Слова поэта: Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко. Майкоп: ООО «Качество», 2009. 304 с.

References

1. *Valavin V. N.* Mayakovsky's word creation: experience of the dictionary of occasionalisms. M.: Azbukovnik, 2010. 622 p.
2. *Izotov V. V.* Sasha Sokolov's dictionary as series of industry dictionaries//Word and text: meaning, use, interpretation. The Collection of scientific works. Orel, 2011. Pp. 44-48.
3. *Izotov V.P.* About types of dictionaries of new words//Polyphilology-6. Orel, 2006. P. 13.
4. *Izotov V. V., Izotov V.P.* ... in what of lives ... The dictionary of plyuratives of Sasha Sokolov. Orel, 2011. 18 p.
5. *Izotov V.P., Kovynyova I.A.* Lexicographic presentation the golofrastic constructions created by combined methods of word formation. Orel, 2011 (a). 22 p.
6. *Izotov V.P., Kovynyova I.A.* Golofrastic constructions in lexicographic lighting. A project of the dictionary of golofrazis. Saarbücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2011(b). 67 p.
7. *Izotov V.P., Hvastova E.V.* The moved apart horizons: The dictionary of plyuratives of V. S. Vysotsky. Orel: Orel State University publishing house, 2010. 20 p.
8. *Kormilov S. I.* Antroponimic in Vysotsky's poetry. Preliminary notes and materials to the subject. Vysotsky's World: Researches and materials. Issue III. V. 2. M.: V. S. Vysotsky's GKTsM, 1999. Pp. 130-142.
9. *Namitokova R. Yu., Neflyasheva I.A.* The words of the poet: Experience of the dictionary of author's new growths of Yevgeny Yevtushenko. Maykop: «Kachestvo», 2009. 304 p.

Е.М. ЦУКАНОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева
E-mail: tsukanova68@mail.ru

Y.M. TSUKANOVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the German language, Orel State University named after I.S.Turgenev
E-mail: tsukanova68@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СУГГЕСТИИ В РЕКЛАМНОМ СЛОГАНЕ

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSING SUGGESTION IN AN ADVERTISING SLOGAN

В данной статье предпринята попытка комплексного описания языковых единиц лексического, грамматико-синтаксического и стилистического уровней языка, применяемых рекламодателями для усиления суггестивной составляющей рекламного слогана как сложной лингвистической формы внушения, обеспечивающей наиболее эффективное воздействие на адресата рекламного сообщения.

Ключевые слова: реклама, рекламный слоган, суггестия, языковые средства выражения суггестии.

The given article presents an attempt at a complex description of language means of the lexical, the syntactical and the stylistic levels of the language system which are used by advertisers for emphasizing the suggestive component of an advertising slogan as a complex linguistic form of suggestion exerting the most efficient impact on the addressee of an advertising message.

Keywords: advertisement, an advertising slogan, suggestion, language means of expressing suggestion.

Язык рекламы как особого вида коммуникации уже на протяжении многих десятилетий привлекает внимание ученых, причем не только лингвистов. Многогранность данного феномена, сложный, междисциплинарный характер рекламы как средства межкультурного общения вызывает интерес экономистов, социологов, историков, психологов и представителей других наук. Многие исследования по изучению рекламы выполнены на стыке различных дисциплин, что подчеркивает многоплановость феномена рекламы.

Следует отметить, что со временем произошли значительные изменения в расстановке акцентов в научных исследованиях рекламных текстов. Изначально реклама интересовала в большей степени экономистов как средство информирования о товарах и услугах, но постепенно влияние рекламы на современное развитие общества оказалось столь велико, что в научных кругах сформировалось убеждение о своевременности присвоения рекламе статуса социального института.

Акценты сместились от простого информирования человека до побуждения его к совершению определенных действий, изменению ценностных установок, представлений и мнений и т.п., одновременно сохраняя у него иллюзию независимости или самостоятельности принимаемых решений и действий, уверенности в том, что он действует по своей воле. В определении лингвистического статуса рекламы появились новые составляющие: «Реклама – это разновидность массовой коммуникации, в которой создаются и распространяются информативно-образные, экспрессивно-суггестивные тексты однонаправленного неличного характера, опла-

ченные рекламодателем и адресованные им группам людей с целью побудить их к нужным рекламодателю выбору и поступку» [2, с. 35].

Из данного определения следует, что рекламные тексты отличаются от других типов текстов еще и суггестивным (воздействующим) признаком, наряду с выделенными учеными ранее, такими как «...свёрнутость, дополненность, сигнальность, иерархичность, оценочность, инструктивность» [1, с. 47].

Из определения суггестии, представленного в Большом психологическом словаре, следует, что: «Суггестия или внушение (англ. suggestion) – вид целенаправленного коммуникативного влияния на поведение и сознание человека (или группы людей), в результате которого человек (группа людей) вопреки имеющейся фактической информации (воспринимаемой, извлекаемой из памяти) признает существование того, что в действительности не существует, либо что-то делает вопреки своим намерениям или привычкам. Иначе говоря, внушение изменяет свойственные человеку способы анализа информации и способы поведения» [3, с. 72].

Суггестию противопоставляют убеждению, поскольку убеждение – это воздействие одного человека на другого доводами разума. Внушение осуществляется с целью создания определенных состояний или побуждений к определенным действиям. Суть внушения состоит в воздействии на чувства человека, а через них – на его разум и волю.

Ядром рекламного текста является рекламный слоган. В нем в максимально концентрированном коли-

честве содержатся языковые средства воздействия на потребителя. Основные требования, предъявляемые к слоганам, заключаются в следующем: с одной стороны, слоган должен быть кратким. С другой стороны, он должен быть достаточно емким, поскольку призван выражать суть коммерческого предложения. Слоган – это основной элемент механизма воздействия рекламы, важнейшая единица рекламной коммуникации, оказывающая влияние на потребителя информация, воздействующая на его эмоции и поведение. Это воздействие опирается на использование языковой суггестии, т.е. на использование оптимального набора языковых средств разных уровней.

В данной статье представлены результаты анализа 150 немецких рекламных слоганов на предмет наличия тех или иных языковых средств каким-либо образом оказывающих, на наш взгляд, воздействующий (внушающий) эффект.

Исходя из цели и задач исследования, все выявленные языковые средства были отнесены нами к лексико-семантическому, грамматико-синтаксическому и стилистическому уровню.

В задачи нашего исследования не входило выявление и описание языковых средств выражения суггестии на фонетическом уровне. Мы считаем, что полноценность анализа и достоверность выводов исследования на данном уровне возможно лишь при анализе определенных типов рекламных сообщений: аудиовербальном и мультимедийном. Нами же были исследованы исключительно вербальные рекламные слоганы.

Языковые средства, выявленные нами на лексическом уровне, представлены следующими лексическими единицами (перечисление единиц данного уровня осуществляется по мере убывания: от наиболее частотных к наименее частотным):

1. Имена собственные:

Bosch hat die Lösung.

Bosch

Тот факт, что употребление имен собственных является самым распространенным видом речевого воздействия из всех лексических средств в отобранных нами примерах, имеет свое объяснение. Имена собственные являются индивидуальными наименованиями предметов, что важно для рекламного слогана, поскольку называются и рекламируются конкретные товары, услуги, страны-производители и т.д. Имена собственные принадлежат к международной лексике и переходят из языка в язык и из диалекта в диалект в той же или почти той же материальной форме, в какой они употребляются в породившем их языке или диалекте, что удобно для создания рекламных слоганов для продвижения товаров, услуг и т.д. на международном рынке.

2. Слова с конкретным / абстрактным значением:

Например:

Automobile mit Charakter.

Chrysler

Известно, что выбор лексики для рекламного текста (в частности слов с конкретным / абстрактным значени-

ем) обусловлен, прежде всего, его целевой установкой – вызвать у реципиента положительные ассоциации, поскольку эмоции, связанные с восприятием рекламы, переносятся на её объект. Поэтому, как показал анализ исследуемого материала, важной особенностью существительных, используемых в рекламном тексте, является то, что они в большинстве своём обозначают объекты или явления положительного или (гораздо реже) нейтрального характера.

3. Заимствования

There's no better way to fly.

Lufthansa

Заимствования – неотъемлемая составляющая процесса функционирования и исторического изменения языка, один из основных источников пополнения словарного запаса. Заимствованная лексика отражает факты этнических контактов, социальные и культурные связи между языковыми коллективами. Было установлено, что с англицизмами, в частности в немецкой рекламе, связываются положительные ассоциации. Была выявлена зависимость англицизмов и понятий прогресса, инноваций, открытости миру, а также таких ценностей, как индивидуальность, успех, стиль жизни, трендовость. Таким образом, с целью заимствований осуществляется внушение, что данная реклама направлена на «людей мира», образованных, ориентированных на успех, будущее, развлечения, в числе которых может быть каждый, кто выберет данный товар, услугу т.д.

4. Повтор:

Wir kaufen gut ein, damit Sie gut einkaufen.

Rewe

Nur die Wirklichkeit wirkt wirklicher.

Invent.

HP

Употребление повторяющихся слов служит особым средством создания ритма рекламного слогана. Психологическая установка в данном случае является следствием регулярности выполнения или восприятия определённых действий, которые обладают периодичностью и вызывают у человека, который сам их выполняет или наблюдает за ними, состояние предвосхищения, прогноза. Поэтому ритм часто относят к основным механизмам суггестии, т.е. регулярной презентация информационных отрезков.

Повтор делает акцент на семантически значимых словах, в слогане создает ощущение длительности и протяженности действия, что достаточно актуально, когда в ограниченном объеме текста нужно в дополнение к основному смыслу создать эффект временной продолжительности.

Повтор слов, имеющих в своем составе один корень, мы относим к разновидности лексико-семантического повтора, хотя, если считать этот прием повтором морфем, можно было бы отнести его к грамматико-синтаксическим средствам выражения суггестии. На наш взгляд, это повтор однокорневых слов, т.е. слов с общей семантикой, поэтому отнесение данного вида повтора к лексико-семантическим средствам выражения

суггестии вполне оправдано.

5. Антонимы

Für kleine Hunde mit großen Ansprüchen.

Cäsar

Антонимические противопоставления, актуализируемые в целях воздействия в рекламном слогане, придают парадоксальное значение всему сообщению, что также придает тексту ритмичность. А ритм, как уже было сказано выше, часто относят к основным механизмам суггестии.

6. Употребление числительных

Bester Kentucky-Bourbon seit 1795.

Jim Beam

Эффективный рекламный слоган должен привлечь внимание потребителя, запомниться ему, вызвать или помочь сформировать определенное эмоциональное отношение к заложенной в тексте информации, и, в идеале, побудит к определенному действию. Рекламное сообщение должно выделяться в потоке однотипных сообщений, поэтому очень часто именно количественный аспект информации помещается в фокус внимания. Употребление числительных направлено на эмоциональное восприятие адресата и также выступает как способ языкового манипулирования.

7. Устойчивые выражения

Rexona läßt Sie nicht im Stich.

Rexona

Употребление фразеологизмов в рекламном слогане в их исходной форме, без каких-либо окказиональных изменений, достаточно редко и предназначено, как правило, для создания комического эффекта, обусловленного несоответствием данного социального явления объективному ходу вещей, что ведет к запоминаемости, суггестивному воздействию.

Языковые средства на грамматико-синтаксическом уровне представлены следующими единицами:

1. Односоставные предложения:

Das Auto.

VW

Autos zum Leben.

Наибольшее (в сравнении с другими грамматико-синтаксическими средствами выражения суггестии) количество односоставных предложений объясняется тем, что традиционно центральной грамматической единицей синтаксиса является предложение. Во избежание коммуникативной неудачи в рекламных текстах и отдается предпочтение предложению, обладающему большими в первую очередь коммуникативными возможностями, чем слово или словосочетание. Выбор суггесторами именно односоставных предложений в рекламном слогане предопределен особенностями данного типа коммуникации: минимум слов – максимум информации.

2. Повелительное наклонение

Hör auf Deinen Durst.

Was wirklich zählt, ist klar.

Sprite

Формы повелительного наклонения выражают воздействие, побуждение со стороны говорящего, т.е. имеют экспрессивное значение, поэтому обладают

очень высоким потенциалом воздействия на адресата. Глаголы в форме повелительного наклонения в наибольшей степени способствуют реализации основной цели рекламного текста – воздействовать на адресата для побуждения его к приобретению товара или услуги. Этим объясняется, на наш взгляд, достаточно высокая частотность употребления глаголов в форме повелительного наклонения.

3. Сравнительная и превосходная степени сравнения прилагательных:

Waschmaschinen leben länger mit Calgon.

Calgon

Имена прилагательные в сравнительной и превосходной степени обладают яркими экспрессивными свойствами, формируют положительную оценку объекта рекламирования, создают конкурентное преимущество, поэтому относятся к достаточно частотным средством выражения суггестии в рекламном слогане.

4. Синтаксический параллелизм:

Ariel wäscht nicht nur sauber, sondern rein.

Soll's wirklich rein sein, muss es Ariel sein.

Ariel

Усиление внушения производится за счет неоднократного повторения важных элементов слогана в составе определенных повторяющихся синтаксических конструкций.

Повтор или повторяемость, как было сказано выше, – один из основных принципов подачи языкового материала в рекламе и, следовательно, один из основных средств выражения суггестии. С помощью повторов разного типа (фонетических, морфологических, синтаксических) – в широком смысле с помощью параллелизма, достигается многослойность построения рекламных текстов. Тексты, рассчитанные на целенаправленное и полное использование глубинных уровней языка и сознания, чаще всего строятся как последовательность предложений, объединенных параллелизмом различного уровня.

Прием синтаксического параллелизма эмоционально насыщает слоган таким образом, чтобы суггерендом было воспринято каждое отдельно взятое слово в тексте.

5. Инверсия:

Alles Gute!

Die beste Filme aller Zeiten.

Muss ich sehen!

Kabel 1

Инверсией акцентируется внимание на самом главном, смещается логическое ударение в предложении, наиболее важная информация выдвигается на первый план.

6. Умолчание – сознательная незавершенность предложения; автор не до конца выражает свою мысль, предоставляя читателю самому догадаться, что именно осталось невысказанным.

Ich trinke Jagermeister, weil... Muss was drin sein!

Jagermeister

Умолчание берет свое начало в классической грече-

ской литературе как риторическая фигура, при которой мысль выражается не до конца, происходит экспрессивный обрыв в высказывании, который дает возможность потребителю домыслить, дофантазировать, решить загадку по поводу того, что именно «скрыл» автор текста.

Умолчание помогает рекламодателю избежать явно-го, открытого давления на потребителя, что, несомненно, положительно влияет на реципиента.

7. Парцелляция:

Licher Bier. Aus dem Herzen der Natur.

Licher Pilsener

Парцелляция выражается намеренным разделением связного текста, слова и предложения отделены друг от друга точками, что разбивает синтаксически связанный текст на интонационно обоснованные отрезки, рекламный слоган становится максимально действенным в плане восприятия, т.к. язык максимально приближается к разговорному стилю и становится предельно четким, структурированным, создается конкретный образ.

8. Бессоюзе:

Alle reden vom Wetter.

Wir nicht.

Unternehmen Zukunft.

Die Bahn macht mobil.

Die Bahn kommt.

Deutsche Bahn

В данном примере отсутствуют сочинительные союзы, которые могли бы связать несколько простых предложений в одно сложносочиненное. Бессоюзе настраивает на деловой лад, как бы «предупреждает» о компрессии информации.

9. Градация:

Nichts geht über Bärenmarke.

Nichts geht über Bärenmarke, Bärenmarke Qualität.

Nichts geht über Bärenmarke, Bärenmarke im Kaffee.

Nichts geht über Bärenmarke, Bärenmarke zum Kaffee.

Bärenmarke

Градацию можно охарактеризовать как явление экспрессивного синтаксиса, в котором наслаиваются однородные синтаксические конструкции. Идея выражается через эти конструкции, которые градуируются по восходящей линии.

10. Пассив (в русском языке – страдательный залог):

Wissen, was gespielt wird.

PC Games

Пассив в немецком языке отличается более яркой аспектуальной окрашенностью по сравнению с активом. Это выражается в двух основных тенденциях: к большей выпуклости значения предельности и к обозначению временно нелокализованного действия в пассиве. Действие предстает, таким образом, либо как повторяющееся, обычное, либо поднимается до высшего уровня абстракции, описывая закономерности и свойства, обладающие постоянным, «вневременным» значением.

Следует отметить, что пассив является наименее частотным языковым средством выражения суггестии на грамматико-синтаксическом уровне. Это объясняется, видимо, тем, что рекламодатели намеренно избегают

использования страдательного залога, поскольку общение активными речевыми конструкциями заложено у нас на подсознательном уровне, а осознание того, что «все уже сделано или делается за тебя» кем-то другим понижает воздействующий эффект рекламы, в меньшей степени активизирует реципиента.

Языковые средства на стилистическом уровне представлены следующими единицами:

1. Олицетворение:

Waschmaschinen leben länger mit Calgon.

Calgon

В рекламных слоганах качества живых существ приписываются неодушевленным предметам для того, чтобы «снабдить» товар атрибутами человека. С помощью этого приема товар из неодушевленного становится одушевленным, наделенным характером. А это означает совсем другое к нему отношение: как к живому существу, к другу. Слоган, включающий данный языковой прием, рассчитан на эмоциональную сферу, а не рациональную, что соответствует основным требованиям суггестии: внушение, а не убеждение.

2. Риторическое обращение:

Weil Sie es sich wert sind.

L'Oreal

Это важное языковое средство не только оживляет рекламный текст, но и помогает установить контакт с будущим потребителем. Ведь реклама, обращенная к конкретной категории потребителей, обладает наибольшей действенностью, поэтому полезно разговаривать с целевой аудиторией, обращаясь к ней.

Риторическое обращение относится к стилистическим фигурам, т.е. особым стилистическим оборотам, выходящим за рамки необходимых норм для создания художественной выразительности. Стилистические фигуры делают нашу речь информационно избыточной, но эта избыточность нужна для выразительности речи, а значит более сильного воздействия на адресата.

3. Эпитет:

Der Geschmack von Freiheit und Abenteuer

Marlboro

Использование эпитетов способствует созданию образа товара – определения товаров и услуг должны вызывать конкретные ассоциации, представления (преимущественно, что, естественно для рекламы, положительные). Эпитеты детализируют представление потребителей о продукте, акцентируя их внимание на его значимых свойствах.

Эпитеты как языковой инструмент суггестии в слоганах чрезвычайно функциональны и эффективны. Ведь образность речи упрощает понимание и усиливает восприятие заложенной в слогане информации.

4. Языковая игра – столкновение прямого и переносного значений слова, разных типов омонимов либо сходных по звучанию слов.

Ich höre Ramazzotti, weil ich ihn nicht trinken will!

Ramazzotti

Цель языковой игры – выразиться необычно, обновить форму речи и тем самым способствовать за-

поименованию сообщения. Но этим не ограничиваются ее возможности. Языковая игра служит более точной и тонкой, образной передаче мысли. Причем мысль не просто выражается ярче, в более запоминающейся форме, но в ней появляется дополнительный смысл. Большим потенциалом для повышения эффективности речевого воздействия обладают многозначные слова, омонимы, паронимы.

5. Синекдоха:

Der frische Franzose.

Le Tartare

Синекдоха как разновидность метонимии не является прямым инструментом создания образа, но, тем не менее, является довольно распространенным стилистическим средством воздействия в рекламе, поскольку свидетельствует о том, что данное сообщение предназначено большому количеству реципиентов и каждому в отдельности.

6. Анафора:

Keiner macht mehr an.

Keiner macht mich mehr an.

Ehrmann

Повтор одних и тех же слов в начале предложений, по своей сути уже являющийся суггестивным инструментом рекламодателя, усилен тем, что помещен в сильную позицию слогана, в начало, в позицию размещения самой важной информации.

7. Гипербола:

Balance ist alles.

Balisto

Гиперболы создают новую шкалу для оценки рекламируемого товара. Своеобразная градуальная шкала как результат данной гиперболизации стремится вывести рекламируемый объект за пределы возможных сравнений.

8. Эпифора:

Die mit dem Kupferkopf.

Die Alkaline mit dem Kupferkopf.

Hält entscheidend länger.

Duracell

Эпифора также передает уверенность. Но если анафора фиксирует внимание на посылке, то эпифора – на следствии, она отражает некую неизбежность.

Как и анафора, эпифора создает ритм, позволяет несколько раз упомянуть название товара или его преимущество, делает рекламу более живой и интересной, хотя и используется реже, чем анафора, ввиду того, что значимая информация традиционно располагается в самом начале сообщения.

9. Сравнение – образное выражение, построенное на сопоставлении двух предметов, понятий или состояний, обладающих общим признаком, за счет которого усиливается художественное значение первого предмета.

Ein Bier wie Bayern

Löwenbräu

Использование сравнительных конструкций в рекламе имеет ряд особенностей, обусловленных спец-

ификой рекламного текста. В частности, в отличие от других сфер коммуникации, где подразумеваемый стандарт сравнения довольно легко восстановить из контекста, реклама целенаправленно стремится к созданию двусмысленных конструкций, которые могут быть поняты по-разному. С одной стороны, это позволяет сделать текст более убедительным для потребителя, с другой нередко избавляет рекламодателя от ответственности за некорректные сравнения, поскольку сопоставление с конкурентами в рекламе запрещено. Видимо, вследствие этого количество явных сравнений в рекламном слогане немногочисленно, однако сравнение как средство воздействия на потребителя довольно действенно.

10. Риторический вопрос – вопрос, не требующий ответа. Фактически – это скрытое утверждение (отрицание), не требующее ответа.

Das unmögliche Möbelhaus aus Schweden.

Entdecke die Möglichkeiten.

Mach was anderes.

Wohnst Du noch oder lebst Du schon?

Ikea

Это явное суггестивное языковое средство, поскольку перед суггерендом ставятся вопросы, на которые очень сложно ответить «нет», это своеобразная «ловушка». Однако употребление риторических вопросов является наименее частотным языковым средством выражения суггестии на стилистическом уровне. Это объясняется тем, что определенные типы читателей могут ответить на них или (что еще хуже) дать отрицательный ответ, что приведет к уменьшению количества потенциальных покупателей.

Следует подчеркнуть, что деление лексических и стилистических языковых средств на отдельные языковые уровни в данном исследовании достаточно условно. Известно, что стилистические приемы создаются и употребляются в речи, в тексте только в процессе функционирования. Назначение их самое разное в зависимости от коммуникативных задач. В структурном отношении они могут быть лексико-семантическими, словообразовательными, фразеологическими, грамматическими (в том числе синтаксическими), а также собственно текстовыми сущностями (выходящими за предел предложения), например композиционными. Это говорит о том, что особого языкового уровня (в общепринятом языковедческом смысле) они не образуют, так как составляют неравновеликие и качественно разнородные, то есть принадлежащие к разным языковым ярусам, единицы и явления.

Подводя итоги исследования, следует подчеркнуть, что рекламодатели предпочитают использовать языковые средства выражения суггестии в рекламных слоганах в комплексе, а именно: задействовать несколько единиц разных языковых уровней в одном рекламном слогане, что объясняется стремлением усиления речевого манипулирования за счет их взаимодействия.

Библиографический список

1. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: Перемена, 1992. 198 с.
2. *Медведева Е.В.* Рекламная коммуникация (2-е изд., испр.). М.: Эдиториал УРСС, 2004. 277 с.
3. *Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П.* Большой психологический словарь под общей ред. Б.Г. Мещерякова. М., СПб: АСТ, АСТ-Москва, Прайм-Еврознак, 2008. 857 с.
4. «Slogans.de» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slogans.de>

References

1. *Karasik V.I.* The Language of the Social Status. Moscow: Peremena, 1992. 198 p.
  2. *Medvedeva E.V.* Communication in Advertising (the 2nd edition). Moscow: Editorial URSS, 2004. 277 p.
  3. *Mescheryakov B.G., Zinchenko V.P.* The Major Psychological Dictionary under the editorship of B.G. Mescheryakov. Moscow, Saint-Petersburg: AST, AST-Moscow, Prime-Evroznak, 2008. 857 p.
  4. «Slogans.de» [an e-resource]. Access mode: <http://www.slogans.de/>
-

С.Н. ШЕВЧЕНКО

аспирант, кафедра общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет
E-mail: floradale@mail.ru

S.N. SHEVCHENKO

Graduate student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University
E-mail: floradale@mail.ru

МЕТОНИМИЧЕСКОЕ РАСШИРЕНИЕ СЕМАНТИКИ ЛЕКСЕМ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

METONYMIC EXTENSION OF NATURAL RESOURCES TERMS IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Описаны некоторые особенности метонимического расширения, присущие рассматриваемой лексико-семантической группе, определены наиболее активные единицы. Отмечены множественные совпадения в двух языках в способах метонимического расширения, а также выявлены некоторые расхождения, вызванные спецификой национального быта и мышления. Высокая частотность метонимии обнаружена в разговорном языке и просторечье.

Ключевые слова: метонимия, семантическое расширение, номинация, культурная специфика, свернутое высказывание.

The article is devoted to the specificity of metonymic extension of natural resources terms; it reveals the most active units of the group. The similar ways of metonymic extension are concluded to be numerous in both languages. At the same time the national mode of life and peculiarities of thought lead to the discrepancies in the developing of metonymic processes. High frequencies of metonymy have been found in colloquial and common language.

Keywords: metonymy, semantic extension, nomination, cultural identity, minimized saying.

Единицы лексико-семантической группы «Полезные ископаемые» и их производные характерны для всех пластов русского и английского языков. Они часто обнаруживаются в текстах художественного стиля и демонстрируют максимально высокую частотность в поэтическом языке. Здесь они употребляются, как правило, в переносных смыслах, показывая большой потенциал семантического расширения, который, помимо метафоризации, основывается также на метонимии. Если в целом лексемы полезных ископаемых частотны для художественного языка, то их метонимические расширения довольно часто обнаруживаются в разговорном стиле, в просторечье. Происходит это потому, что разговорный язык стремится к свернутому высказыванию, быстрой передачи мысли в речи, метонимия же представляет собой эллипсоидное сокращение, призванное выразить значение с помощью небольшого набора языковых средств. Большинство метонимических номинаций являются регулярными в языке, демонстрируя высокую частотность и устойчивость.

Метонимическое расширение – один из распространенных способов, приводящих к возникновению многозначности слова, в которой проявляется фундаментальное свойство языка – его способность «ограниченными средствами передавать безграничность человеческого опыта». [2, 75]

При сравнении случаев метонимии в русском и английском языках, выявляется преобладание совпадений,

при которых расширение семантики лексем происходит схожим образом. Однако расхождения также отмечают. Они вызываются, преимущественно, разницей в образе жизни и в особенностях быта.

Чаще всего, в данной лексико-семантической группе метонимия проявляется в номинации предмета по названию вещества, из которого он состоит. Большим потенциалом метонимических расширений обладают лексемы металлов в обоих языках: золото/gold; серебро/silver; бронза/bronze, brass; медь/copper; железо/iron; свинец/lead; в английском языке это также олово/tin; в русском – чугун (безэквивалентные варианты). Обнаруживается метонимия и при употреблении названий строительных камней: мрамор/marble (в обоих языках), гранит (в русском языке). Метонимическое использование названий драгоценных камней встречается реже, не является столь регулярным, оно более характерно для поэзии.

Исследуя особенности метонимических расширений, стоит упомянуть, прежде всего, такие частотные лексемы металлов, как золото, серебро и бронза, в значении медалей разного достоинства. В данном случае золотая медаль метонимически превращается в золото и т.д.: «После чрезвычайно успешного (два золота и три серебра) выступления на Играх в Сиднее, казахи провалились на чемпионате мира-2001» (Николай Цынкевич. Вне «Зоны» действия. Наши девушки сразятся за золото баскетбольного чемпионате мира (2002) // «Известия»,

2002.09.24) [Цит. по: 1]. Аналогично в английском языке: «Soviet athletes took 11 golds, 9 silvers, and 9 bronzes/ Советские спортсмены взяли 11 золотых, 9 серебряных и 9 бронзовых наград» (Mike Eckel. Sochi Olympics: Russian athletes yearn to find new glory \\\ News: Christian Science Monitor, 2014) [Цит. по: 4]. Отличие состоит в том, что в английском языке метонимичное слово в значении медали сочетается с любым числительным, а в русском только с числительными от одного до четырех: четыре золота/серебра/бронзы, но пять золотых/серебряных/бронзовых медалей.

В спортивном языке не только существительное золото, но и прилагательное золотой может употребляться метонимически: золотой прыжок – прыжок, с помощью которого удалось выиграть золотую медаль.

Помимо медалей, данные слова могут означать и другие реалии, сделанные из этих драгоценных металлов. Например, золото и серебро используются для обозначения денег, монет: «Раздай им золото, только лучше было бы, если золотые монеты остались у меня во дворце» (Л. А. Чарская. Дуль-Дуль, король без сердца) [Цит. по: 1]. Золото может означать деньги в широком понимании: «Там, где мирно спят купцы,/ Бродит в бочках горечь солода,/ И ручьем стекает золото/ В крепко сбитые ларцы» (В.А. Рождественский. Таллин) [Цит. по: 1].

Еще один вариант метонимического названия золотых монет в русском языке – существительное золотой, возникшее из сокращения золотого червонца: «... и видит на ладони два золотых, не то десяти, но то пятнадцатирублевого достоинства» (Л.Н. Андреев. Первый гонорар) [Цит. по: 1]. Золотой в рассматриваемом значении обнаруживается в текстах рубежа IX-XX веков, и практически не встречается в современное время.

В английском языке по аналогии с русским золото может означать деньги: «your worth depending on how much gold or silver you have in your purse/ ваша значимость, зависящая от того, сколько золота и серебра у вас в кошельке» (Clynes, Michael. The white rose murder). [Цит. по: 3].

Аналогично серебряные монеты подвергаются метонимическому сокращению и могут обозначаться словом серебро: «Кон был большой: три золотых и серебра много» (Л.Н. Толстой. Хаджи-Мурат) [Цит. по: 1]. В английском языке наблюдаются схожие процессы: «not that anyone would have cared about coppers, but coppers added up to silvers, and silvers to golds/ не всякий заботится о мелочи, однако копейка к копейке дает серебряный рубль, а он - золотой» (Modesitt, L.E. Scholar) [Цит. по: 4].

Общим для обоих языков является номинирование монет низкого достоинства, мелочи, словом медь: «Мелочь, серебро и медь, полтинники и железные рубли насыпаны были вокруг» (А. Иличевский. Перс); «Водил цыган медведя,/ Плясал его медведь,/ А зрители-любители/ Ему бросали медь» (Д. Самойлов. «Водил цыган медведя...») [Цит. по: 1]. В английском языке: «Vincas pulled three silvers and ten coppers from his bag and handed the coins over/ Винкас вынул три серебряные монеты и десять медяков из сумки и отдал их». (Rajnar

Vajra. Emerald river, Pearl Sky) [Цит. по: 4]. В английском языке существует способы метонимического наименования денег (монет), отсутствующие в русском языке, с помощью слов tin (олово) и brass (бронза, латунь), однако такой способ номинации обнаруживается нечасто. Пример: «Kim's only in it for the tin/ Ким здесь только из-за денег» [Цит. по: 6]. Brass как название медных и бронзовых монет и для наименования денег вообще используется в Великобритании с XVI века: «Shame that the muses should be bought and sold for every peasant's brass/ Стыдно, что музы легко покупаются и продаются за деньги» (Joseph Hall. Virgidemiarum) [Цит. по: 7]. Также слово brass (деньги) встречается в поговорке XX века Йоркширского происхождения: «Where there's muck thee's brass», которая обозначает «где есть грязь, есть деньги/ медь». Таким образом, для метонимического обозначения монет в английском языке используется более широкий круг металлов, чем в русском.

Изучая семантику слова бронза, стоит также упомянуть интернациональное словосочетание бронзовый век (bronze age), в котором обнаруживается метонимия. Данное словосочетание не означает, что век был изготовлен из бронзы, оно появилось в результате сокращения языкового выражения мысли о времени, когда началось использование бронзы и бронзовых изделий.

Как в русском языке, так и в английском существуют метонимические выражения шить/вышивать золотом, замещающие полную форму шить/вышивать золотыми нитками: «she threaded her needle with gold to start embroidering the unicorn's eye/ она вложила в иголку золото, чтобы начать вышивать глаз единорога». (Pulsford, Petronella. Lee's ghost) [Цит. по: 3]. Лексема золото также употребляется во фразах носить золото, одеваться в золото, где она заменяет представление о золотых украшениях: «The trendy clubs, the casinos, where the women all dripped with gold and diamonds/ Модные клубы, казино, где женщины все в золоте и алмазах». (Williams. Cathy. A French encounter) [Цит. по: 3]. Здесь подразумеваются золотые украшения и украшения с алмазами. Аналогичным образом «her fingers glittered with gold» – ее пальцы блестели золотом – означает: блестели золотыми кольцами. В русском языке тоже многочисленны примеры: «Злыми змейками рыжеет /Золото на тонкой шее,/ Рот рубиново-багрян» (И. В. Чиннов. «Почему-то вдруг приснится...») [Цит. по: 1]. В данном примере золото выступает метонимическим сокращением золотой цепочки.

Золото и серебро могут в то же время метонимически означать посуду (золотую, серебряную)/ family silver. Характерное для русского языка выражение есть с золота, серебра употребляется как в прямом, так и в переносном значении. В современном языке оно, как правило, переносное: «Насколько близки к реальности расхожие представления, что в шоу-бизнесе все на золоте едят и на лимузинах ездят?» (А. Мунипов. И. Матвиенко: «Просчитать хит невозможно» (2002) // «Известия», 2002.03.19) [Цит. по: 1]. Умываться с серебра (из серебряного кувшина или водой, в которую бро-

шена серебряная ложка или другой серебряный предмет) может употребляться в прямом смысле: «Поэтому в четверг нужно непременно умыться с серебра и умыть детей» (Г. Пилявская. Расписание предпасхальной недели // Комсомольская правда, 2006.04.17) [Цит. по: 1], а также в переносном: она с серебра умывается, т.е. бела и красива. В английском языке эквиваленты приведенных выше выражений, содержащих слова золото, серебро в значении есть, умываться с посуды, отсутствуют.

Лексемы серебро и медь в русском языке могут называть звон колоколов и колокольчиков, из которых они сделаны, а также сами колокола: «Громко скликает гудящая медь/ Чернь на кровавое вече» (С.С. Бехтеев. Звонарь); «Бубнит военный марш, трезвонит медь набатная» (С. И. Кирсанов. Предчувствие) [Цит. по: 1]. С участием слова серебро: «имя девушки одной как серебро звучащее» (И. Л. Сельвинский. Песня), серебро здесь означает 'серебряный колокол'.

Слово медь может метонимически обозначать не только колокола, но и инструменты духового оркестра: «оркестра ярко-блещущая медь» (Б.Б. Божнев. Уход солдат на русско-японскую войну); «И привычные строки уже не ложились в тетради,/ А гремели над гробом, как та – похоронная – медь...» (В. Блаженный. «...А как в сад заходила -- свисали угрозою сучья...») [Цит. по: 1]. В английском языке в этом случае используется слово brass: brass band, например, распространенное сокращенное обозначение оркестра медных духовых инструментов; sounding brass – 'медь звучащая', подразумевающая звучание данных инструментов.

Другим металлом, активно участвующим в метонимических процессах, является железо. Данным словом называется широкий круг предметов, из него сделанных. В выражении заковать в железо (clad in iron), слово железо означает 'кандалы'. Пример другого исторического употребления: «регулярные парады людей в средневековом железе, несомненно, сделают столицу по-настоящему привлекательной для туристов» (И. Давыдов. Стальная гвардия порядка // «Русская жизнь», 2012) [Цит. по: 1]. В данном случае слово железо означает 'железные доспехи'.

Под словом железо в разговорном русском языке может подразумеваться легковой автомобиль: «Приветливый... грибник... вскрыл капот моей не новенькой отечественной машины, подергал за провода, и безответное железо ожило» (З. Прилепин. Случай на этом берегу // «Русская жизнь», 2012) [Цит. по: 1].

На современном компьютерном сленге железо также означает внутренности, механические части системного блока, сделанные из металла, железа (жесткий диск, видеокарта, материнская плата): «Часто получается, что покупатель должен вместе с железом приобрести именно виндозу, а это не всегда удобно» (Ю. Красавин. Будь умнее Билла Гейтса (2013.04.19) // «Новгородские ведомости», 2013) [Цит. по: 1].

В английском языке iron (железо) используется для обозначения утюга, который сделан из данного металла. В русском языке такой способ номинации отсутствует.

Кроме того, в английском имеются глаголы, образованные от слова iron: to iron (гладить), to iron out (решать проблемы). Помимо утюга словом iron (железо) также может называться меч (sword).

В русском языке имеется своя специфика наименований с помощью слова железо. Словосочетание железная дорога (в английском языке – рельсовая: railroad, railway) метонимически сокращается в просторечии до железки. У нее же есть еще одно имя – чугушка, – происходящее от сокращения словосочетания: дорога, построенная из чугунных рельс. Данный способ обнаруживаем в строчках стихотворения М.И. Цветаевой: «Вейтесь, вейтесь, рельсы, вейтесь,/ Ты гуди, чугунок, гуди...». Здесь чугунок метонимически обозначает 'чугунные рельсы'.

Посуда играет большую роль в быту народа. В культуре разных стран она изготавливается из различных металлов или их сплавов. Для русских типично использование чугуна, что привело к появлению особой разновидности посуды: чугушка, чугунок: «А на второе – гречка в чугушке из печки» (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова) [Цит. по: 1]. В английской культуре чугушная посуда распространения не имеет, и, следовательно, в языке отсутствует ее название. Однако существуют свои специфические наименования. Поскольку исторически в ходу была посуда из меди, то это привело к появлению кухонной утвари с аналогичным названием – copper: 'котел, котелок, чайник': «The wort is then run into a copper where it is boiled for an hour or more with hops/ Сусло заливается в котел, где оно кипит час или больше с хмелем» ([CAMRA fact sheets]. St Albans: CAMRA, n.d.) [Цит. по: 3].

Большим потенциалом метонимических преобразований в английском языке (в большей степени британском) при номинации посуды обладает слово tin (олово), способ, отсутствующий в русском языке. Прежде всего, оно отсылает нас к консервным банкам (tin cans = tins), которые традиционно изготавливаются из олова и его сплавов. Используется данный вид метонимии очень широко («a tin of sardines» (банка сардин)). Кроме того, данным словом называются многочисленные формы для выпечки: «He would even bake a pie in their tin if they wanted / Он даже смог бы выпечь пирог в их форме, если бы они захотели» (D. James. Lovesick). [Цит. по: 4]. Более того, испеченный продукт тоже может получить данное наименование. Так называются и длинные батоны с разрезом сверху.

Общим для обоих языков является метонимическое расширение лексемы свинец, при котором он превращается в средство номинации пуль, сделанных из него: «Расщедрившись, он объявил начальникам башкирских команд, чтобы они начинали получать в пагдаузе порох и свинец» (М. Б. Салимов. Сказка о последнем хане // «Бельские Просторы», 2010) [Цит. по: 1]. В русском и английском языках обнаруживается выражение град свинца: «На машину обрушили град свинца из автоматов и гранатометов» (М. Гзовский. Величество должны мы уберечь (2004) // «За рулем», 2004.02.15) [Цит. по:

1]; «The Mahdi ordered an immediate frontal assault, which ran into a hail of lead and fizzled out/ Приказ немедленно наступления обернулся градом свинца и закончился неудачей» (Simon Rees. Military History) [Цит. по: 4].

Не только металлы обладают большим потенциалом метонимических расширений. Это справедливо и по отношению к камням. В русской поэзии и художественной литературе мрамор метонимически может называть статуи, сделанные из него: «И мрамор жеманниц барокко/ В капризном притворстве стыда/ Завидует ей, одиноко/ Застывшей над гладью пруда» (Вс. А. Рождественский. В летнем саду).

Однако чаще мрамор отсылает нас к могильным плитам: «Даже мрамор с фамилиями и то утащили, и только цепь над двумя безымянными могилами по-прежнему висела в древесной сырой полутьме и пугала случайные парочки» (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей) [Цит. по: 1]. Похожий способ обнаруживаем и в английском языке: «and then got out to take another look at the marble. Seventeen names. Seven or eight had died in hospital, yes, and some of those would have lingered for a day or two /и затем пошел посмотреть на мраморную могильную плиту. Семнадцать имен. Семь или восемь умерли в больнице, да, и некоторые еще промучились день или два». (Lyall, Gavin. Conduct of Major Maxim) [Цит. по: 3]. Кроме того, для английского языка характерно метонимическое название мраморного пола словом мрамор: «I discovered the pleasure of walking barefoot on marble» (Я понял, как приятно походить босиком по мрамору). (Girling, Richard. The best of Sunday Times travel) [Цит. по: 3].

В русском языке обнаруживается своя специфика использования слова гранит. Берега рек, одетые в гранитные плиты, часто называются именем самого материала: «Волной прошедшего катера нас колотило о гранит» (В. Попов. Свободное плавание // «Звезда», 2003) [Цит. по: 1]. Наиболее часто данное значение слова связывается с Петербургом: «Нева вспухала на глазах и переливалась через гранит» (К. Г. Паустовский. Орест Кипренский). В то же время гранитом, как и мрамором, могут называться могильные плиты: «С лица земли исчезнувший, хранит / Он всё, что надобно, уйдя в гранит» (Л.Н. Мартынов. Ушедший в землю) [Цит. по: 1]. В английском языке для номинации мемориальных табличек широко используется слово brass (медь, бронза): «The green brass was springing up among their tombs, and over their graves/ Среди их могил бросались в глаза зеленые медные таблички памятников» (Stearns's Life and Discourses. North American Review: July 1838) [Цит. по: 5].

Продолжая городскую тему, следует указать на случаи метонимии, при которых в русском языке чугунные ограды называются словом чугун: «и мощные узлы ограды/ металы копыя на бегу/ в – чтоб воскресая был не рад он-/ веков простуженный чугун» (В.В. Казаков. Весеннее) [Цит. по: 1].

Что касается драгоценных камней, то с их участием метонимия наблюдается в следующих случаях. В бытовом языке она связывается с одеждой и ношени-

ем украшений с драгоценностями: ходить в жемчугах и алмазах, вся в жемчугах, «Монгольская на пальце бирюза – творение юаньского искусства» (В.С. Логинов. Ученый) [Цит. по: 1]. В английском языке: «They both wore plain silk blouses, pearls and Herms scarves/ на них обеих были надеты простые шелковые блузки, жемчуга и шарфы» (Beauman, Sally. Destiny) [Цит. по: 3]; «she pulled me to her, then took the amber from her ears/ она потянула меня к себе, затем вынула янтарь из ушей» (Torday, Daniel. The last flight of Poxl West) [Цит. по: 4].

Вторая разновидность метонимического употребления драгоценных камней связана с наименованием реальных и явлений по цвету, который соответствует тому или иному камню: лазурь – небо («Последняя туча рассеянной бури! Одна ты несешься по ясной лазури» (А.С. Пушкин)); янтарь – смола сосен («и из ствола закапает янтарь» (Н.А. Заболоцкий. Одинокий дуб)). Аналогично в английском языке: «A Christmas tree a story high stood in the corner, its boughs strung with amber/ Рождественская елка, стоящая в углу, чьи ветки украшены янтарем» (Petersen, Kate. Mezzo) [Цит. по: 4].

В поэтических произведениях часто наблюдается метонимическое опущение слова цвет: «Блеснет нам где-то за порогом иного неба бирюза» (Л.Ф. Бартольд. «Когда мы здесь к концу дороги...»); другой пример: «и стлался, в дали убегая, холмистой степи изумруд» (Ю.К. Балтрушайтис. Бальмонту) [Цит. по: 1]. В данном случае имеются в виду бирюзовый цвет неба и изумрудный цвет степи. В словосочетании лазурное утро слово лазурный представляет собой метонимию, оно означает 'утро с ясным лазурным небом'.

Помимо слов, обозначающих драгоценные камни, метонимии подвергаются и слова, называющие более прозаические природные ископаемые. В русском языке в употреблении лексемы песок обнаруживаются метонимические сокращения: песок в значении 'сахар-песок' (редкий способ в английском языке), растут в песках – 'растут на песчаных почвах' (также малохарактерный вариант для английского языка).

Таким образом, единицы рассматриваемой лексико-семантической группы «Полезные ископаемые» обнаруживают достаточно высокий потенциал метонимического расширения значения. Причина возникновения метонимии – стремление к сокращению высказывания, в результате утрачиваются некоторые элементы языковой конструкции, а их значение переносится на оставшееся слово (слова). Наблюдается процесс, при котором высказывание сворачивается, а семантика слова расширяется, принимая на себя элементы значения соседних слов. Метонимичен, прежде всего, разговорный язык и просторечье, которые стремятся к свернутым высказываниям.

С большой частотой метонимия обнаруживается в повседневном языке при употреблении в быту названий различных металлов.

В русском и английском языках обнаружено большое количество сходных способов метонимического расширения рассматриваемой лексико-семантической

группы, однако выявляются и расхождения, вызванные спецификой культуры быта народа и его мышлением. Метонимия носит преимущественно регулярный характер.

Для поэзии характерно свернутое метонимическое использование цветовых характеристик драгоценных камней при описании колористических особенностей явлений мира.

Библиографический список

1. Национальный корпус русского языка. 500 000 000 слов, 2003-2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 18.05.2016)
2. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: ЛКИ, 2008. 280 с.
3. The British National Corpus (BNC). 100,000,000 words. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.corpus.byu.edu/bnc> (дата обращения: 20.05.2016)
4. The Corpus of Contemporary American English (COCA). 520,000,000 words, 1990-2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 19.05.2016)
5. The Corpus of Historical American English. (COHA). [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/coha/> (дата обращения: 24.05.2016)
6. Oxford dictionaries. Language matters. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english> (дата обращения 06.05.2016)
7. Phrases. Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.phrases.org.uk/> (дата обращения 16.05.2016)

References

1. The National Corpus of the Russian language. 500 000 000 words, 2003-2015. Available at: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed 18 May 2016)
  2. *Shmelev D.N.* The problems of semantic analysis of lexis. Moscow: LKI, 2008. 280 p.
  3. The British National Corpus (BNC). 100,000,000 words. Available at: <http://www.corpus.byu.edu/bnc> (accessed 20 May 2016)
  4. The Corpus of Contemporary American English (COCA). 520,000,000 words, 1990-2015. Available at: <http://corpus.byu.edu/coca/> (accessed 19 May 2016)
  5. The Corpus of Historical American English. (COHA). Available at: <http://corpus.byu.edu/coha/> (accessed 24 May 2016)
  6. Oxford dictionaries. Language matters. Available at: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english> (accessed 06 May 2016)
  7. Phrases. Dictionary. Available at: <http://www.phrases.org.uk/> (accessed 16 May 2016)
-
-

УДК 512(072.3)

UDC 512(072.3)

А.А. АКСЁНОВ

доктор педагогических наук, профессор, кафедра математического и информационного анализа экономических процессов, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: aksenovaa@inbox.ru

A.A. AKSYONOV

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of the mathematical and information analysis of economic processes, Orel State University named after I.S.Turgenev
E-mail: aksenovaa@inbox.ru

ПРОПЕДЕВТИКА ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ЛОГИЧЕСКОМУ ПОИСКУ РЕШЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

PROPAEDEUTICS PROCESS TEACHING SCHOOLBOYS LOGICAL SEARCH FOR SOLVING MATHEMATICAL TASKS

В статье охарактеризована сущность пропедевтики обучения школьников логическому поиску решения математических задач. Представлены основные ресурсы процесса логического поиска решения задач. Обоснована возможность их применения в обучении школьников в начальных и младших классах.

Ключевые слова: математическая задача, поиск, решение, пропедевтика, процесс обучения математике.

The article described the essence of the teaching of pupils propaedeutics logical search for solving mathematical problems. Core resources of the search process of problem solving are represented. The possibility of their use in teaching schoolboys at the elementary and preparatory levels is justified.

Keywords: mathematical task, search, decision, propaedeutics, process of teaching mathematics.

1. Обоснование проблемы

Проблема обучения школьников поиску решения математических задач трудна и до сих пор в науке и практике не нашла приемлемого решения. Многие научные исследования по этой проблеме были посвящены лишь некоторым частным её аспектам и в своей совокупности не решали её. Только недавно появились исследования, в которых предпринята попытка создания многоаспектной теории, раскрывающей проблему обучения школьников поиску решения задач не с частных, а с общих позиций [1]. Однако, во-первых, это сугубо научные разработки, описывающие эту проблему только на теоретическом уровне. Во-вторых, заметим, что в них речь идёт о логическом поиске решения, то есть таком, суть которого детерминирована специфическими особенностями самих задач. Иными словами, логический поиск решения задач обусловлен объективной информацией, содержащейся в каждой задаче. В-третьих, это лишь первые попытки, которые, конечно, через некоторое время должны быть подвергнуты критическому переосмыслению и переработаны. Окончательно построить теорию обучения школьников логическому поиску решения математических задач можно, пожалуй, за несколько десятилетий и, видимо, усилиями многих учёных.

На практике полноценное обучение школьников логическому поиску решения математических задач можно воплощать лишь начиная с 13-14 лет, когда у них начинает формироваться абстрактно-логическое мышление и способность к доказательству, что было установлено ещё П.П. Блонским в первой половине

двадцатого века. Однако для достижения большей эффективности этого процесса нужно, чтобы школьники к этому возрасту уже владели некоторыми частными аспектами общего умения выполнять логический поиск решения задач, которые должны быть освоены ими ещё тогда, когда у них преобладает наглядно-образное мышление. Следовательно, всё то, что они изучают на этом этапе, должно быть направлено на соединение с формированием общих умений выполнять логический поиск решения задач, то есть требуется полноценная пропедевтика обучения поисковым умениям.

Для полноценного обучения школьников логическому поиску решения задач необходимо добиться того, чтобы они знали основные поисковые ресурсы. Такими ресурсами являются: *виды задач; методы и алгоритмы решения задач; четырёхаспектная типология теоретического базиса задач; сущность внутрпредметных связей; два варианта декомпозиции задачи на ряд подзадач; три вида информации, выявляемой в процессе решения задачи; типология задач.* Разумеется, речь идёт не о сообщении всей совокупности сведений по вышеперечисленным ресурсам, а о том, чтобы школьники осознали сущность и поняли практическую полезность каждого из них применительно к процессу логического поиска решения школьных математических задач.

**2. Содержание и сущность обучения
логическому поиску решения задач на этапе
обучения, характеризуемом преобладанием
наглядно-образного мышления школьников**

Раскрывая сущность процесса обучения логическому поиску решения математических задач на этом этапе, в первую очередь необходимо учесть диалектическое единство двух в некотором смысле противоположных обстоятельств. С одной стороны, учащиеся большую часть школьного обучения находятся в том возрасте, когда их мышление является в основном наглядно-образным. Способность к доказательству и собственно абстрактно-логическое мышление, играющее основную роль в поиске и выполнении доказательства и в решении задач, формируется у подростков примерно к 8 классу современной школы. С другой стороны, обучение логическому поиску решения задач – это, прежде всего, формирование умения решать любые задачи, для работы с которыми школьники изучили всю необходимую теорию. Разумеется, такое умение может быть сформировано у школьников только тогда, когда процесс обучения опирается на их абстрактно-логическое мышление. Полученное противоречие вполне можно в достаточной мере разрешить, если начиная с 5 класса, обучать школьников частным приёмам работы над задачей, поиску решения некоторых типов задач и т. д., а с 7-8 класса начать постепенное формирование полноценного умения решать любые задачи.

Освоение школьниками основных закономерностей процесса поиска решения задач начинается со знакомства с математическими задачами, которое состоялось ещё в начальной школе. Здесь учащиеся узнают, что формулировка задачи включает в себя условие и требование. Под условием понимается то, что в задаче дано, а под требованием – то, что нужно в ней *найти* (фактически, первые задачи, которые решают школьники – сюжетные задачи на вычисление).

В младших классах учащимся средней школы сильна процедура переформулирования задачи с целью задания её условия и требования в явном виде. Они понимают сущность условия и требования задачи. Школьники способны указывать лишние данные в условии или устанавливать недостаток информации, выяснять, корректно или противоречиво сформулирована задача, имеет ли место в этом тексте *задача* или в нём есть только условие, но нет требования (или наоборот) и т. д. В это же время нужно постепенно знакомить учащихся с различными приёмами работы с математическими задачами, приёмами преобразований, которые выполняются в процессе их решения. Это такие приёмы, как равносильное переформулирование задачи, изменение редакции формулировки задачи с целью явного задания её условия и требования.

Учащиеся 5-6 класса нужно обучать обнаружению аналогичных задач в их общем массиве. Кроме того, значительное внимание надо уделять самостоятельному составлению задач школьниками. Причём они должны составлять не только задачи, формально аналогичные

даным, но и прочие задачи, основываясь на своей фантазии и интуиции, которая интенсивно развивается в процессе составления задач.

В школьном курсе математики существует 7 основных видов задач: задачи на вычисление; задачи на доказательство; задачи на построение; задачи на исследование; конструктивные задачи; задачи, решаемые приведением конкретного примера; задачи, решаемые словесным описанием. Обучение определению вида задачи в полной мере может быть осуществлено только тогда, когда учащиеся изучают и алгебру, и геометрию, поскольку начиная с этого момента, школьная математика содержит довольно много различных тем учебного материала.

Учащихся необходимо знакомить со всеми семью видами задач по мере их появления в школьном курсе математики. Такие виды задач, как «Задачи на вычисление», «Конструктивные задачи», «Задачи, решаемые приведением конкретного примера», могут быть включены в курс математики начальной школы. Конструктивными являются, например, такие задачи: «Составьте задачу, в которой ответ можно найти, сосчитав: $8 + 4 - 2$ ». В младших классах следует предлагать более сложные задачи. Так, можно предложить учащимся составить задачу, которая будет решена, например, тремя действиями, ответом к которой будет число 43, а в тексте задачи нужно использовать словосочетания «столько же» и «меньше на 28». К моменту обучения в младших классах учащиеся понимают сущность задач этих видов, могут определить, к какому из них она относится. Это проявляется, например, в том, что, получив задачу, в формулировке которой содержатся слова «можно ли», они приводят в качестве решения конкретный пример. Такова задача: «Может ли сумма двух однозначных чисел быть двузначным числом?».

В обучении учащихся младших классов можно пропедевтически использовать и задачи на исследование. Приведём пример: «Даны рычажные весы и восемь внешне одинаковых монет, одна из которых легче всех остальных. За какое минимальное количество взвешиваний она будет обнаружена?». Вид задач на построение строго не может быть представлен даже в младших классах, но он вполне реализуется на уровне задач-прототипов. Некоторые задачи на построение с использованием линейки со шкалой, циркуля и транспортира содержатся в учебниках математики для 6 класса (авторы – Н.Я. Виленкин, А.С. Чесноков, С.И. Шварцбурд, 1996 г.). Можно расширить их арсенал, предложив школьникам построить, например, четырёхугольник, у которого известны три стороны и два угла, с вершинами, соединяющими известные смежные стороны. Далее задачи на доказательство и построение изучаются в курсе геометрии седьмого класса.

Задачи, решаемые словесным описанием, доступны учащимся младших классов. Ими являются, например, задания по составлению характеристики того, что изображено на рисунке: учащимся может быть предложено указать точки, лежащие и не лежащие на данной пря-

мой, или назвать номера четырёхугольников, содержащих прямой угол и т. п.

После знакомства с этими видами задач следует обобщить данную их классификацию и сформулировать название каждого из семи видов. Для того чтобы всё это было усвоено учащимися, далее в процессе обучения им нужно определять вид каждой решаемой задачи. И так, к окончанию седьмого класса учащиеся вполне способны на элементарном уровне познакомиться со всеми семью видами задач школьной математики.

В среднем и старшем звене учащиеся решают задачи, для которых могут иметь место все четыре возможные ситуации, обусловленные количеством теорий, с помощью которых задача сформулирована и решена: 1) задача сформулирована и решена средствами одной теории; 2) задача сформулирована средствами одной теории, но решена с привлечением аппарата дополнительных теорий; 3) задача сформулирована средствами нескольких теорий и решена только их средствами; 4) задача сформулирована средствами нескольких теорий и решена с привлечением арсенала дополнительных теорий. (Назовём это *четырёхаспектной типологией теоретического базиса задач*.) Выясним, какие аспекты этого ресурса могут применяться в обучении младшеклассников.

Первая ситуация, когда формулирование и решение задачи выполнено средствами одной темы (теории), разумеется, составляет основную часть в указанном курсе математики. Если для решения задачи, сформулированной средствами одной темы, применять арсенал другой темы, такие задачи вполне реализуемы в обучении младшеклассников. Это, например, задачи на вычисление, которые решаются в процессе изучения пропедевтического курса геометрии. Основная тема здесь – какой-либо геометрический материал, но для решения задач используются все знания, необходимые для выполнения вычислений, что справедливо отнести к другой теме. Сюда же можно отнести и сюжетные задачи, решаемые с помощью уравнений. Решение уравнений, безусловно, в младших и начальных классах можно считать отдельной темой. Важно лишь найти правильное соотношение решения сюжетных задач с помощью уравнений и собственно арифметически, так как первый вариант обладает, в основном, математическим преимуществом в обучении, а второй вариант – методическим преимуществом.

В упомянутом выше учебнике математики для 6 класса в теме «Координатная плоскость» есть ряд задач, сформулированных средствами этой темы с использованием других средств геометрии (таких, как прямая, ломаная). Это вполне можно считать задачей, сформулированной средствами нескольких теорий. Такие задачи решаются их же средствами. Позднее, повторяя координатную плоскость в ходе изучения окружности, можно расширить арсенал таких задач, предложив школьникам, например, задачу: «Окружность радиуса 3 см имеет центр в точке $A(4; 5)$. Пересекает ли окружность прямую, проходящую через точки $B(-2; -3)$ и $C(8;$

$6)$?». Эту задачу можно наполнить сюжетным содержанием, например, связав центр окружности с местонахождением антенны сотовой связи, радиус окружности – с радиусом её действия, а прямую – с близлежащим шоссе. Так можно составить задачу о сотовой связи, но правдоподобнее взять другой масштаб, что свяжет уже три темы в одной задаче. Причём если о масштабе ничего не указано в формулировке, а предполагается, что школьники сами (возможно, с помощью учителя) предложат использовать масштаб для построения графической интерпретации задачи, то имеет место четвёртая ситуация, обусловленная тем, что учащиеся решают задачу, сформулированную средствами нескольких тем, привлекая к решению ещё одну тему. Разумеется, учителю следует чаще использовать координатную плоскость и геометрический материал для составления и решения таких задач. Можно привлечь для этого составление уравнений, тему «Графики» и пр.

Обучая логическому поиску решения задач, учителю надо обращать внимание школьников на то, что задача декомпозируется на подзадачи. Каждую подзадачу следует выделять и обучать учащихся этому умению (эти умения учителя начинают формировать ещё у учащихся начальных классов). Далее школьникам нужно рассказать о непосредственной (индифферентной) и поэтапной декомпозиции исходной задачи на несколько подзадач. Систематически изучая алгебру и геометрию, они вполне могут овладеть этими умениями, поскольку большинство сюжетных задач, решаемых ими в течение 6 лет обучения в начальных и младших классах, допускает непосредственную декомпозицию на подзадачи. То есть у школьников уже есть немалый опыт применения этого приёма работы с задачей. Поэтапная декомпозиция задач на подзадачи – это, в некотором смысле, противоположная процедура. Главное, чтобы учащиеся поняли, что если результат данной подзадачи логически детерминирует сущность последующей подзадачи, имеет место поэтапная её декомпозиция на подзадачи.

Рассмотрим задачи, заимствованные в учебнике математики для 6 класса (авторы – Н.Я. Виленкин, А.С. Чесноков, С.И. Шварцбурд, 1996 г.). Они в учебнике отнесены к числу задач повышенной трудности. Задача № 1328: «Вычтя из знаменателя дроби $537/463$ некоторое число и прибавив его к знаменателю, после сокращения Таня получила $1/9$. Какое число она вычитала из числителя и прибавляла к знаменателю?». Решая эту задачу, можно заметить, что сумма числителя и знаменателя равна 1000. Если от числителя отнять какое-то число и его же прибавить к знаменателю, то сумма числителя и знаменателя не изменится. Только после этого можно догадаться, что дробь $1/9$ целесообразно представить в виде $100/900$. Теперь легко найти, что искомое число – 437. Задача № 1330: «Найдите натуральные числа a и b , такие, чтобы число, обратное их разности, было в три раза больше числа, обратного их произведению». Эту задачу следует предложить школьникам после изучения пропорций. Им по силам составить пропорцию $1/(a - b) = 3/ab$, и на основе соответствующих её свойств

преобразовать её к виду $3a - 3b = ab$. Только получив это равенство, можно вести рассуждения дальше. Лишь переписав его (возможно, после многих других попыток) в виде $3a - ab = 3b$, а затем выполнив вынесение общего множителя за скобки (что тоже изучено учащимися к моменту знакомства с пропорциями) и представив в виде $a(3 - b) = 3b$, можно сделать вывод, что b может быть равно 1 или 2, так как левая часть равенства должна быть положительной, поскольку его правая часть всегда положительна. Далее легко найти, что только числа 6 и 2 удовлетворяют условию задачи. Таковой же является задача: «Докажите, что у равнобедренного треугольника высота, опущенная из вершины на основание, является медианой и биссектрисой». Поскольку к моменту её решения школьники ещё не изучили теорему о сумме углов треугольника, провести доказательство они могут только методом «от противного». Выполняя его, предполагают, что высота не может быть медианой, то есть она не делит основание треугольника пополам. Лишь после этого делают вывод, что треугольники, на которые исходный треугольник разделён «высотой», не равны друг другу, значит, не равны и смежные углы, то есть рассматриваемый отрезок не является высотой.

В ходе декомпозиции исходной задачи на подзадачи учитель должен обращать внимание учащихся на то, что для каждой подзадачи существует определённая идея решения. В курсе алгебры и геометрии немало задач, логика решения которых одна и та же, но конкретное исполнение решения может быть различным даже для одной и той же задачи. С помощью таких задач нужно пояснить учащимся, что такое метод и что такое способ решения задачи, причём способ решения школьникам достаточно понимать как альтернативный вариант решения. Здесь же нужно на конкретных примерах показать, что метод – более ёмкое понятие, чем способ и что один метод может включать в себя несколько способов. Рассмотрим пример: «Из города А в город В выехал грузовик. Через два часа вслед за ним выехал легковой автомобиль, средняя скорость которого на 30 км/ч больше скорости грузовика. Найти скорости движения автомобилей, если в город В они прибыли одновременно и грузовик пробыл в пути 6 ч». В зависимости от того, скорость какого автомобиля школьники обозначат неизвестной x , они составят уравнение $4(x + 30) = 6x$ или уравнение $4x = 6(x - 30)$.

Среди методов решения задач существуют и такие, которые встречаются наиболее часто. В процессе обучения учителю нужно выделить эти методы, учащиеся должны изучить признаки того, что задача решается с помощью этого метода. Сделать это можно таким образом. Знакомясь с очередным методом, школьники выделяют указанные основные признаки или учитель излагает их учащимся. Далее они решают несколько задач с целью овладения применением данного метода. Здесь необходимо рассмотреть *все признаки* того, что задача может быть решена изучаемым методом. Когда изучены все методы, которые учитель посчитал нужным выделить в качестве *основных стандартных*,

учащимся должна быть предложена система задач, для решения которых необходимо задействовать *все* изученные ими методы. Рассматривая каждую конкретную задачу, учащиеся выбирают метод, с помощью которого её можно решить. Можно предварительно рассмотреть всю систему задач и, не решая их, определить, какой метод применяется для решения каждой задачи. Этот приём можно применять, знакомя школьников с новым методом решения задач. Но здесь учащимся из системы следует выбирать те задачи, которые решаются изучаемым в данный момент методом. Причём не обязательно их все решать. Такая работа учит школьников выделять в задаче признаки того, что в её решении применяется изучаемый метод. К тому же так можно рассмотреть большее количество задач, а так как не все они решены, получается экономия времени, но вместе с тем новый метод изучается довольно основательно. Эта методика работы с задачами используется многими учителями, работающими в профильных и специализированных математических классах.

Для экономии времени без ущерба для качества обучения можно использовать следующий приём. Применяя новый метод к решению задач, часть из них школьники решают полностью, а большую часть не полностью. Для них процесс решения включает в себя всё то, что имеет отношение к применению нового метода, а далее задача должна довольно легко решаться с помощью средств, ранее изученных и хорошо усвоенных школьниками. Затем учащиеся так же работают с остальными задачами. В домашней работе они должны большинство задач решить полностью. Этот приём показал свою эффективность в обучении учащихся профильных и специализированных математических классов.

Обучая учащихся использованию тех или иных методов решения задач, учителю следует в качестве основных выбирать такие методы, которые будут использованы не только в данной теме, но и далее в школьном курсе математики. Тогда учащиеся их лучше запомнят и научатся применять.

Решая нетривиальные задачи, нужно на некотором этапе решения каким-либо образом преобразовывать их, чтобы применить данный метод решения. Такое преобразование выполняется аналитико-синтетическим методом. С целью упорядочения процесса поиска решения задачи, учащихся нужно приучить к тому, что в ходе поиска возможно движение от требования (и искомого) к условию, то есть анализ, и движение от условия к требованию, то есть синтез. Целесообразно назвать это «методом движения назад» и «методом движения вперёд» (ввести научные термины можно позже, в более старших классах). Использование аналитического и синтетического методов поиска решения практикуется уже в начальной школе. Поскольку большинство сюжетных задач на вычисление допускает как аналитический, так и синтетический поиск решения, у школьников к моменту начала изучения алгебры и геометрии накоплен достаточный опыт применения анализа и синтеза к поиску решения задач.

Перечисленные выше факты касались, в основном, содержательной составляющей обучения. Рассмотрим его процессуальный компонент. Работая в начальных и младших классах, учитель должен помнить о наличии в сознании человека тесной взаимосвязи речи и мышления. В зрелом возрасте она проявляется преимущественно в том, что человек (тем более, имеющий хорошее образование) может достаточно чётко сформулировать и высказать или изложить на бумаге свои мысли. В начальной и младшей школе интеллект субъекта ещё только формируется, поэтому имеет место обратная зависимость – хорошо (для ученика данного возраста) развитая речь помогает развитию мышления. Для того чтобы более или менее приемлемо высказать свои мысли, школьник должен их сформулировать, осознать суть того, что он собирается сказать, а это, в свою очередь, как раз и развивает мышление. Поэтому опытные учителя математики требуют от учащихся начальной и младшей школы произнесения вслух всех действий, выполняемых в ходе решения задач. Эта привычка у них сохраняется примерно до 8-9 класса и обычно исчезает по мере развития абстрактно-логического мышления.

Немаловажно помнить, что математика этого периода обучения тоже является инструментарием всей последующей математики, изучаемой субъектом далее в школе и вузе. Поэтому она изобилует многочисленными частностями, требующими овладения до уровня хорошо сформированного умения или навыка. Следовательно, особое внимание в процессе обучения следует уделить формированию этих умений и навыков. Для этого можно использовать учение П.Я. Гальперина о поэтапном формировании умственных действий [2].

Сделаем некоторые выводы. Прежде всего, работа учителя математики с учащимися младших классов в плане обучения их логическому поиску решения задач должна быть направлена на соединение с теми действиями, которые предпринимаются учителем, формирующим у школьников общее умение выполнять логический поиск решения математических задач. Для этого нужно обратить внимание на овладение школьниками аналитико-синтетическим методом поиска решения задач, осознание ими того, что в процессе решения задачи важно найти теоретические средства, опираясь на которые можно решить задачу. Не менее важно приучить школьников к тому, что любой математический факт, используемый в решении задачи, каким-либо образом связан с другими фактами, существующими в математике вообще, поэтому поиск решения – это, прежде всего, поиск различных теоретических фактов, так или иначе связанных друг с другом.

Неумение школьников решать задачи состоит, прежде всего, **в неумении управлять своими действиями в ходе поиска решения задачи**, следовательно, формирование общего умения выполнять логический поиск решения задач должно состоять в обучении школьников управлению своей деятельностью в процессе поиска решения. Отсюда следует главный вывод: целенаправленное обучение школьников логическому поиску решения

математических задач должно базироваться на деятельностном подходе, а поисковая деятельность должна состоять, главным образом, из тех конкретных видов деятельности, которые имеют отношение, прежде всего, к выработке самоуправляющих умений, проявляющихся в работе с задачами. Также очевидно, что на этапе пропедевтики нужно на самом элементарном уровне приучать школьников к управлению своими действиями в процессе решения задач. Этому способствует произнесение вслух действий, которые учащиеся выполняют, решая задачи, а также структурирование решения задачи (как в процессе выполнения поиска, так и в изложении найденного варианта решения).

3. Три вида информации, содержащейся в задаче, и сущность её получения в процессе логического поиска решения задач

Любая математическая задача, в частности школьная, представлена субъекту в виде формулировки, содержащей условие и требование. Под условием обычно понимают то, что в задаче дано, а под требованием понимается побудительное предложение, которое указывает, что вообще нужно сделать в этой задаче.

В процессе поиска решения формулировку задачи анализируют с целью получения какой-либо информации, помогающей найти решение. Но зачастую это непростая процедура. Достаточно заметить, что условие и требование в задаче далеко не всегда сформулированы в явном виде. Поэтому приходится редактировать формулировку, чтобы вычленив в ней то, что в задаче дано, и то, что в ней требуется сделать, и сформулировать это в явном виде. Часто формулировка задачи, даже содержащая в явном виде условие и требование, включает в себе много скрытой информации, которую нужно уметь выявлять.

Много внимания этой проблеме уделил методист-математик Г.И. Саранцев [6]. В этой статье автор раскрыл умение анализировать условие и требование геометрической задачи. Причём анализ условия и требования в некоторой степени выполняется по-разному. Это, безусловно, верно, но в процессе такого анализа много общего. В первую очередь рассмотрим анализ условия и требования математической задачи с точки зрения общих закономерностей. Г.И. Саранцев утверждает, что в ходе анализа *условия* вся информация теоретически разделяется на три основных вида: 1) информация, непосредственно заданная в условии задачи; 2) информация, полученная непосредственно из условия задачи; 3) информация, полученная уже из новой, то есть выведенной ранее информации. Безусловно, так же нужно получать информацию и из *требования* задачи. Аналогично под анализом условия и требования задачи следует понимать выявление той информации, которая непосредственно не задана в них, но им присуща (автор относит это только к анализу условия). Выражая согласие с Г.И. Саранцевым в том, что анализ требования нужен для выяснения возможных путей ответа на вопрос задачи, по аналогии с этим целью анализа условия бу-

дем считать выявление тех теоретических положений, посредством которых можно решить задачу. Эта информация «автоматически» выявляется и в процессе анализа требования задачи.

Итак, непосредственно заданная информация содержится в формулировке задачи, поэтому для её выявления достаточно разграничить условие и требование. Для выявления информации второго вида существенны два обстоятельства. Первое состоит в том, что условие (или требование) является отдельным понятием, а второе – в том, что условие (или требование) отдельным понятием не является. Оно является каким-либо математическим фактом, который можно истолковать, опираясь на некоторые понятия и отношения между ними. Когда условие (требование) является каким-либо математическим фактом, следует выделить в этом факте все присутствующие понятия и объекты, а также установить связи и отношения между ними.

Информация третьего вида выявляется теми же путями, что и информация второго вида. На это указывал Г.И. Саранцев в статье [6].

Пример. Решить уравнение $\cos x = \log_2(x^2 + 2)$.

В формулировке условие и требование заданы в явном виде. Искомое (корни) неизвестно. Требование – решить уравнение – это понятие. Напомним его определение. Решить уравнение – значит найти все его корни или доказать, что их нет. Это информация второго вида. Информация третьего вида здесь состоит в том, что эту задачу нужно решать либо как задачу на нахождение, либо как задачу на доказательство. Возможно, потребуется и находить корни и доказывать, что их нет на каком-либо подмножестве области определения уравнения.

Условие здесь: $\cos x = \log_2(x^2 + 2)$. Это и есть непосредственная информация – равенство двух выражений, то есть условие не является понятием. Выявим информацию второго вида. Если условие выражать через понятия, задействуем понятие функции. Здесь имеют место следующие функции: $y = \cos x$ и $y = \log_2(x^2 + 2)$. Их признаками является символическая запись. Рассмотрим свойства этих функций. Функция $y = \cos x$ определена при всех x , периодическая, область значений – отрезок $[-1; 1]$, возрастание и убывание чередуется, функция чётная. Функция $y = \log_2(x^2 + 2)$ – сложная. Это композиция функций $y = \log_2 z$ и $z = x^2 + 2$. Теперь выявим информацию третьего вида. Функция $z = x^2 + 2$ определена при всех x , область значений – промежуток $[2; +\infty)$. Тогда функция $y = \log_2(x^2 + 2)$ определена при всех x . Функция $y = \log_2 z$ строго возрастает, поэтому $\log_2 z \geq \log_2 2 = 1$, так как $z \geq 2$. Итак, область значений сложной функции $y = \log_2(x^2 + 2)$ – промежуток $[1; +\infty)$. Значит, функция $y = \log_2(x^2 + 2)$ ограничена снизу, а функция $y = \cos x$ ограничена и снизу, и сверху. Сопоставляя эти факты, замечаем, что первую функцию снизу, а вторую функцию сверху ограничивает число 1. Следовательно, уравнение может иметь корни лишь тог-

да, когда одновременно выполнены равенства: $\cos x = 1$ и $\log_2(x^2 + 2) = 1$. Получаем систему уравнений:

$$\begin{cases} \cos x = 1, \\ \log_2(x^2 + 2) = 1. \end{cases}$$

Решением системы и исходного уравнения является число 0.

Рассмотренный пример относится к той части математики, когда обучение поиску решения задач находится уже далеко не на этапе пропедевтики, но здесь специально представлено это уравнение, так как оно в большей степени демонстрирует сущность каждого из трёх видов информации. Разумеется, точно так же нужно выявлять информацию трёх видов и в ходе решения сюжетных задач, и геометрических задач, решаемых учащимися 7 класса и т. п.

Таким образом, к концу первого года изучения алгебры и геометрии учащиеся должны уметь: выявлять в задаче информацию трёх видов; определять вид задачи; понимать суть четырёхаспектной типологии теоретического базиса задач; декомпозировать данную задачу на подзадачи непосредственно (индифферентно) и поэтапно; применять анализ и синтез в процессе поиска их решения. Вся совокупность знаний об основных методах решения задач должна быть усвоена учащимися к концу обучения в девятом классе.

4. Информационная структура школьных математических задач

В 1977 году опубликованы результаты исследований Ю.М. Колягина по проблеме применения задач в обучении школьников математике [3, 4]. Согласно этим исследованиям, информационная структура задачи состоит из компонентов: $S = (A, C, D, B)$. Смысл их следующий.

A – условие задачи, то есть данные и отношения между ними.

B – требование задачи, то есть искомое (искомые) и отношения между ними.

C – базис решения задачи, то есть теоретическая и практическая основа, необходимая для обоснования решения.

D – способ, определяющий процесс решения задачи, то есть способ действия по преобразованию условия задачи для выполнения требования.

Впоследствии они были усовершенствованы В.И. Крупичем в труде [5]. В частности, в информационную структуру задач был введён компонент R – основное отношение в системе отношений между искомым и условием в задаче.

В типологии задач Ю.М. Колягин компонент B понимал как искомое, то есть то, что необходимо узнать (найти, построить, описать и т. п.), а не как требование (то есть побудительное предложение). Заметим, что с точки зрения психологии мышления требование и искомое в задаче – суть разные реальности, так как требование *всегда* известно, а искомое – нет. Это методическое замечание принадлежит известному психологу А.В. Брушлинскому. Задача имеет место лишь тогда, когда известен и компонент A, и компонент B (понимаемый

как требование). Если хотя бы один из этих компонентов неизвестен, задача места не имеет. Учитывая указанное выше замечание, дуалистичный компонент В следует разделить на два однозначных компонента – собственно требование в задаче (компонент В) и искомое в задаче (компонент Е). Тогда информационная структура любой школьной математической задачи будет представлена в виде: $S = (A, B, E, C, D, R)$. Здесь первые три компонента в предельно общем случае относятся к формулировке задачи: это условие, требование и искомое (которое известно только в задачах на доказательство – в них искомым как раз и является то, что требуется доказать).

Для субъекта, взаимодействующего с задачей, возможны только два типа ситуаций: когда все компоненты А, В, Е, С, D ему известны (стационарная ситуация); когда хотя бы один из них субъекту неизвестен (нестационарная или проблемная ситуация).

С учётом того, что для чётких и корректных школьных математических задач всегда должно быть известно условие и требование, можно выделить нижеследующую типологию задач.

I тип. АВЕСD и АВХСD – алгоритмические задачи.

II тип. АВЕСХ и АВХСУ – полуэвристические задачи.

III тип. АВЕХУ и АВХУZ – эвристические задачи.

Очевидно, она составлена (В.И. Крупиным) исходя из количества неизвестных компонентов в информационной структуре задачи. Компонент R не влияет на типологию задач, поэтому он в ней не учитывается [6]. В эту типологию не вошли задачи типов АВЕХD и АВХУD. Оба типа задач отличаются тем, что неизвестен теоретический базис решения, но известен способ решения, а также условие. Этого не может быть для математических задач, так как теоретический базис – это теоретическое обоснование способа решения, следовательно, если известен способ, то должен быть известен и его теоретический базис. Однако в задачах указанных типов он неизвестен.

С информационной структурой задач можно знакомить учащихся девятого класса, поскольку они уже изучают достаточно большое количество тем (теорий) и способны к восприятию некоторых абстрактных сведений о задаче. Подход к типологии задач, очевидно, субъективен. Для одного решателя задача имеет один вид информационной структуры, для другого – иной вид, так как он может не знать теоретических средств, необходимых для её решения.

Школьников надо приучить к тому, что поиск решения задач выполняется по схеме: выдвигается некоторая

идея и определяются теоретические средства, необходимые для её реализации, или наоборот, для какого-то теоретического материала отыскивается идея, позволяющая применить данные теоретические средства в решении задачи. Так может повторяться несколько раз в процессе поиска. Иными словами, поиск решения и теоретического базиса задачи – это два аспекта одного и того же процесса, и отыскивать одно без другого невозможно. В дальнейшем понимание этого факта станет основой формирования у школьников общих умений выполнения логического поиска решения задач.

5. Выводы

Процесс обучения школьников поиску решения задач в полной мере начинается лишь в 8 классе. Этому способствуют содержание курса математики и психолого-физиологические особенности мышления подростков. Но без пропедевтики всех средств, выполняющих роль инструмента в целенаправленном обучении логическому поиску решения задач, невозможно осуществлять само это обучение как таковое. Следовательно, пропедевтика соответствующего обучения должна в полной мере охватить все частные умения, которые необходимо сформировать у младших школьников.

Вторым, не менее важным обстоятельством, которое нужно учесть на этапе пропедевтики, является то, что формирование умения выполнять поиск решения любых математических задач в первую очередь заключается в воспитании умения управлять своими действиями, предпринимаемыми в ходе поиска решения задачи. Это, в свою очередь, означает, что учитель математики, обучая учащихся младших классов, должен формировать у них основы такого управления. Прежде всего, это выражается в том, что школьники должны осмысливать и уметь чётко формулировать всё то, что они делают в процессе отыскания способа решения задачи, то есть нужно в полной мере задействовать связь речи и мышления.

Также важный фактор – получение информации в процессе анализа формулировки задачи. Этому можно учить и учащихся начальных классов.

Изучение информационной структуры задачи – первый шаг к теоретическому осмыслению самих задач. Самое главное здесь – добиться от школьников понимания диалектического единства поиска способа решения задачи и её теоретического базиса. Целенаправленно обучать этому школьников нужно, начиная с девятого класса.

Библиографический список

1. Аксёнов А.А. Теория обучения логическому поиску решения школьных математических задач: дисс. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Аксёнов Андрей Александрович. Орёл, 2010. 460 с.
2. Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий. Исследования мышления в советской психологии. М.: Наука, 1966. С. 236–277.
3. Колягин Ю.М. Задачи в обучении математике. Ч. I. М.: Просвещение, 1977. 110 с.
4. Колягин Ю.М. Задачи в обучении математике. Ч. II. М.: Просвещение, 1977. 144 с.
5. Крупица В.И. Теоретические основы обучения решению школьных математических задач. Монография. М.: Прометей, 1995. 166 с.

6. *Саранцев Г.И.* О методике обучения школьников поиску решения математических задач. Преподавание алгебры и геометрии в школе: Пособие для учителей. Сост. О.А. Боковнев. М.: Просвещение, 1982. 223 с.

References

1. *Aksyonov A.A.* Learning theory logical search for decisions of the school of mathematical tasks: diss. ... dr. ped. science: 13.00.02 / Andrey Aleksandrovich Aksyonov. Orel, 2010. 460 p.
  2. *Halperin P.Y.* Psychology of thinking and teaching about the gradual formation of mental action. Study of thinking in Soviet psychology. М.: Nauka, 1966. Pp. 236–277.
  3. *Kolyagin Yu. M.* Tasks in teaching mathematics. P. I. М.: Prosvecshenie, 1977. 110 p.
  4. *Kolyagin Yu. M.* Tasks in teaching mathematics. P. II. М.: Prosvecshenie, 1977. 144 p.
  5. *Krupich V.I.* Theoretical bases of teaching solution of school mathematical tasks. Monograph. М.: Prometheus, 1995. 166 p.
  6. *Sarantcev G.I.* On the method of teaching students to find solutions to mathematical tasks. Teaching algebra and geometry in school: a handbook for teachers / Compl. O.A. Bokovnev. М.: Prosvechenie, 1982. 223 p.
-
-

А.В. АМЕЛИЧКИН

кандидат педагогических наук, старший преподаватель, кафедра экономики и управления, Орловский государственный институт культуры
E-mail: Amel88@yandex.ru

A.V. AMELICHKIN

Candidate of Pedagogics, Senior Lecturer, Department of Economics and Management, Orel State Institute of Culture
E-mail: Amel88@yandex.ru

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПО РАЗВИТИЮ
ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ
НА ОСНОВЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА**

**THE PEDAGOGICAL POTENTIAL OF SOCIO-CULTURAL INSTITUTIONS FOR THE DEVELOPMENT
OF ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL ABILITIES OF YOUNG PEOPLE: ACTIVITY APPROACH**

В данной статье рассматривается педагогический потенциал социально-культурных учреждений по развитию организационно-управленческих способностей молодежи на основе деятельностного подхода в условиях современности. Особое внимание уделяется педагогическим ресурсам, способствующим эффективному развитию организационно-управленческих способностей молодежи в практике социально-культурной деятельности.

Ключевые слова: организационно-управленческие способности молодежи, социально-культурные учреждения, деятельностный подход, личностное развитие, досуг.

This article examines the pedagogical potential of socio-cultural institutions for the development of organizational and managerial abilities of young people. Based on active approach in terms of modernity, particular attention is paid to educational resources contributing to the effective development of organizational and managerial abilities of young people in the practice of social and cultural activity.

Keywords: organizational and managerial skills of youth, social and cultural institutions, activity approach, personal development, leisure.

Современная воспитательная ситуация характеризуется масштабностью негативных явлений, обострением социальных проблем, устойчивостью асоциальных тенденций в молодежной среде, высокой степенью социальной дезадаптации молодежи. Поэтому социально-культурные учреждения, являющиеся специальной сферой социально-культурной жизни и создающие внешние и внутренние условия для разностороннего развития личности молодого человека, приобрели сегодня высокую социально-педагогическую значимость.

В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации» (на период до 2020 года), «Национальной доктрине образования в Российской Федерации» (на период до 2025 года) подчеркивается, что современному обществу нужны образованные, нравственные, предприимчивые люди, способные принимать ответственные решения, прогнозировать их возможные последствия и отличающиеся динамизмом, конструктивностью, развитым чувством ответственности. Среди важных качеств современной молодежи особенно необходимы организаторские и управленческие способности, развитость которых непосредственным образом влияет на эффективность принимаемых ими решений.

Молодежь является той социальной средой, где,

как в зеркале, отражаются «болевы́е точки» реальной деятельности, поэтому она наиболее чувствительна к любым социальным инновациям. Профессиональная деятельность молодежи требует мобилизации психических и физических ресурсов организма. Современные условия большого конкретного напряжения, наличия значительных физических и эмоциональных деструктивных межличностных конфликтов приводят молодых людей к усталости. Поэтому в условиях досуга может быть компенсация и восстановление организма через деятельность.

Значительным педагогическим потенциалом по решению данных проблем обладают социально-культурные учреждения, являющиеся организатором социально-культурной деятельности людей в досуговой сфере, местом, где каждый молодой человек может успешно развивать свои способности, приобретать определенные навыки и умения. Совместное проведение досуга и общение, развертывающиеся в социально-культурных учреждениях, представляют собой уникальную среду, позволяющую оптимизировать процесс развития у молодежи организационно-управленческих способностей в силу ориентированности этой деятельности на самовыражение, духовное развитие, воспитание и просвещение.

Сегодня некоторые формы непрерывного образования становятся неотъемлемой частью деятельности социально-культурных учреждений. Они обладают большим педагогическим потенциалом, т.к. приобщение к культуре, знакомство с ее продуктами и носителями связано с процессом познания и передачей знаний, навыков и информации. Многие формы клубной деятельности, такие как различные кружки, любительские объединения, массовые мероприятия, фестивали, выставки, экскурсии, оказывают значительное влияние на людей в плане их творческого развития и информированности. Даже эпизодическое участие в них, общение с знакомыми, друзьями, другими участниками мероприятий обогащают человека новыми знаниями и опытом.

Социально-культурные учреждения решают социальные проблемы в регионе, предлагая молодежи новые модели образа жизни. Современная сфера досуга способна решать те социальные проблемы, которые общество не может решить в других сферах жизнедеятельности (например, проблему девиантного поведения подростков и молодых людей). Это не означает, что культурно-досуговая деятельность в полной мере способна выполнить данный социальный заказ, но предложить альтернативные социально значимые досуговые программы клубная сфера просто обязана. Тем более, что деятельность социально-культурных учреждений нацелена на создание наиболее благоприятных, оптимальных условий для отдыха, развития духовных, творческих, организационно-управленческих и других способностей молодого человека. Социально-культурные учреждения придают совместной социально-культурной деятельности молодежи качественную определенность, значимость, как для отдельной личности, так для групп людей и общества в целом. При этом происходит развитие социальной активности и творческого потенциала, формирование культурных запросов и потребностей, создаются условия для духовного развития и наиболее полной реализации личности в сфере досуга.

Принципиальным отличием современных социально-культурных учреждений от своих предшественников является преимущественный акцент в их деятельности на групповые и индивидуальные формы работы с различными социально-демократическими группами населения, в том числе с подростками, молодежью, людьми пенсионного возраста. Досуг здесь превращается в особый образ жизни, в заполнение свободного времени разнообразными, часто позитивными, приятными впечатлениями, в источник удовольствия.

В последнее десятилетие в социально-культурной сфере активно развивается медиаобразование, обладающее огромным педагогическим потенциалом в области культурного потребления, предполагающее качественно новый уровень восприятия и переработки информации. Многие социально-культурные учреждения переходят на более интенсивное использование новых носителей информации, включая видео-, аудио- и компьютерную технику, подготавливают мо-

лодежь к более углубленному восприятию кино, телевидения, видеопрограмм и продукции других средств массовой коммуникации. Развитие массмедийных технологий открыло инновационное направление просветительской деятельности, что привело к появлению новых форм социально-культурной деятельности и распространению новых видов досуговых услуг, к которым можно отнести интернет-конференции, виртуальные выставки и музейные экспозиции, удаленный доступ к информации о культурных ценностях. Сегодня в социально-культурных учреждениях создаются медиатеки, где сосредоточены всевозможные источники и средства информации: библиотека, фонотека, видеотека, компьютерный и телекоммуникационный центры.

Большим педагогическим потенциалом в современном культурно-образовательном пространстве обладают телекоммуникационные технологии. Сегодня во всем мире в области педагогической практики растет интерес к такой разновидности сетевых сообществ, как сообщества обмена знаниями, так как они непосредственно связаны с процессом обучения. Телекоммуникации позволяют обеспечить людей учебными и учебно-методическими материалами и обратной связью, предоставляют доступ к отечественным и зарубежным информационным системам. В социально-культурных учреждениях применяются телекоммуникационные приемы, способствующие развитию организационно-управленческих способностей молодежи: интерактивные обучающие деловые игры, совместные образовательные проекты (коммуникативные, управленческие, лидерские), совместные досуговые мероприятия.

В последнее десятилетие в культурно-образовательном пространстве обширную педагогическую нишу стал занимать Интернет. Это удобный и доступный источник разнообразной информации, принципиально преобразующий всю систему накопления, хранения, распространения и использования культурных ценностей. Интернет превратился не только во всемирное хранилище информации, но и в новейшее средство социальной коммуникации [2, с. 164].

Сегодня в социально-культурных учреждениях активно проявляются самоорганизационные процессы среди молодежи. Общественная самоорганизация реализует ценностно-смысловую функцию (присвоение участниками позиции субъекта социальных преобразований, ценностей созидательного отношения к окружающей действительности, креативности, продуктивной организации деятельности, самореализации в группе), индивидуально-ориентационную функцию (уточнение представлений о себе как субъекте социально-культурной деятельности, социальных отношений, права), инструментально-операционную функцию (освоение и интериоризация способов анализа, проектирования, организации деятельности, рефлексии изменений, способов взаимовыгодного сотрудничества, способов реализации собственного лидерского потенциала).

Организационно-педагогическими условиями эффективности педагогического обеспечения общественной самоорганизации молодежи в учреждениях культуры являются подготовка руководителей и лидеров к реализации себя в качестве субъектов общественной самоорганизации и развитие их организационно-управленческих способностей. Подготовка руководителей производится через включение последних в практическую (сборы, проектная деятельность) и учебную (школа общественной самоорганизации) деятельность, в процессе которой осваиваются как социальные технологии, так и технологии индивидуальной самоорганизации. В процессе самоорганизации у молодых людей развиваются такие качества, как самостоятельность, целенаправленность, эмоциональная устойчивость, адаптивность, коммуникабельность, целеустремленность, системность мышления, аналитичность, делегирование.

Эффективным средством развития организационно-управленческих способностей в учреждениях культуры являются модульные тренинги, входящие в систему игрового имитационного моделирования и осуществляемые деятельностное обучение. Тренинги позволяют освоить такие умения и навыки как технология командообразования; создание системы мотивации; успешное планирование своего времени; подготовка совещания; проведение презентации; управление конфликтом, временем и стрессом; налаживание эффективной коммуникации в коллективе.

Другой формой организационно-педагогической практики социально-культурных учреждений по развитию организационно-управленческих способностей через деятельность являются конкурсы молодежных лидеров общественных объединений. Они направлены на выявление, поддержку и поощрение способной талантливой молодежи, осуществляющей общественную и социально значимую деятельность; повышение профессионального мастерства и престижа деятельности лидеров молодежных общественных объединений, органов ученического и студенческого самоуправления; выявление, оценку и распространение успешного опыта управленческой деятельности в общественном движении, передового опыта деятельности общественных объединений, инновационных подходов в теории и практике общественного движения.

Педагогическим потенциалом по развитию организационно-управленческих способностей молодежи в социально-культурных учреждениях обладает кейс-метод – техника обучения, использующая описание реальных ситуаций. Обучающиеся должны тщательно проанализировать ситуацию, разобраться в сути проблемы, предложить возможные решения и выбрать лучшие из них. Кейсы базируются на реальном фактическом материале или же максимально приближены к реальной ситуации, выступая практическим методом обучения. В них дается наглядная характеристика проблемы и демонстрация поиска способов её решения. Этот метод имеет сильные стороны, к которым можно отнести: возможность работы в группах на едином проблемном поле; использование крат-

кой информации, снижающей степень неопределенности в условиях ограниченного количества времени; использование принципов проблемного обучения; возможность не только получения молодыми людьми знания, но и глубокого осмысления теоретических концепций; возможность создания новых моделей деятельности; выработку навыков простейшего обобщения информации. Также очевидное преимущество метода кейс-стади в том, что работа над ситуацией вызывает сильную, напряженную целевую устремленность, творческий стимул, материал не нагромождается в беспорядке, а укладывается слоями в известной последовательности, постоянно приобщая учащегося к самостоятельному и сознательному разрешению поставленных организационно-управленческих задач.

Сегодня в психолого-педагогической практике стал активно применяться так называемый обучающий коучинг – метод консультирования и тренинга. Этот метод отличается от классического тренинга и классического консультирования тем, что он не дает советов и жестких рекомендаций, но нацеливает человека на поиск выхода из проблемной ситуации. От психологического консультирования коучинг отличается направленностью мотивации. Так, если психологическое консультирование и психотерапия направлены на избавление от какого-то симптома, работа с коучем предполагает достижение определенной цели, новых позитивно сформулированных результатов в жизни и работе. Это новое направление психологического консультирования, использующее современные психолого-педагогические технологии, ориентированные на эффективное достижение намеченных целей. Коучинг не учит молодого человека, что делать, он создает условия для того, чтобы обучаемый сам понял, что ему надо делать, а именно: определить способы, с помощью которых он может достичь желаемого, самому выбрать наиболее целесообразный способ действия и наметить основные этапы достижения своей цели. Здесь происходит обучение человека достижению целей оптимальными путями и в кратчайшие сроки. Именно поэтому этот вид консультирования активно развивается, создавая в коллективе живую атмосферу сотворчества [1, с. 114].

Помимо вышеперечисленных педагогических технологий, нельзя забывать, что молодежь, приходя в социально-культурные учреждения, стремится отдохнуть, снять с себя нервное напряжение, чтобы, сохранить свое физическое и духовное здоровье, реализовать способности, не получающие достаточного развития в иных условиях. Все эти желания молодежи могут быть причинами стихийного формирования клубной общности на базе социально-культурных учреждений.

Таким образом, вовлечение молодежи в организационно-управленческую практику, развитие ее социально-культурной и созидательной активности занимают центральное место в стратегии государственной молодежной политики Российской Федерации. Поэтому современное быстро меняющееся общество требует от молодого поколения активного раскрытия и проявления собственного потенциала в различных

сферах жизнедеятельности. Огромным педагогическим потенциалом по решению данных проблем обладают социально-культурные учреждения. Они являются своеобразным местом концентрации социально-культурной деятельности людей в досуговой сфере, местом, где каждый человек приобретает способности, навыки, умения. С помощью современных педагогических тех-

нологий можно эффективно развивать организационно-управленческие способности молодежи на основе деятельностного подхода, учитывая при этом индивидуальные мотивации, склонности, черты характера, темперамент, имеющуюся систему знаний, уровень развития, интеллектуальные и творческие способности человека.

Библиографический список

1. *Амеличкин А.В.* Педагогическая деятельность учреждений культуры по формированию организационно-управленческих способностей молодежи. *Образование и общество.* 2012. Вып. 3 (74). С. 112-114.
2. *Жарков А.Д.* Теория и технология культурно-досуговой деятельности: учебник. М.: МГУКИ, 2007. 480 с.

References

1. *Amelichkin A.V.* Educational activity of cultural institutions to form organizational and managerial abilities of youth // *Education and Society.* 2012. Vol. 3 (74). Pp. 112-114.
  2. *Zharkov A.D.* Theory and technology of cultural and leisure activities: textbook. M.: MGUKI, 2007. 480 p.
-

М.И. БОГОМОЛОВА

доктор педагогических наук, профессор, кафедра дошкольной педагогики, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
E-mail: mariyabogomolova@mail.ru

M.I. BOGOMOLOVA

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of preschool pedagogics, Ulyanov State Pedagogical University
E-mail: mariyabogomolova@mail.ru

НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ, ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ПРИОБЩЕНИЯ К ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЦЕННОСТЯМ

FOLK PEDAGOGICS IN THE SYSTEM OF NATIONAL EDUCATION RESOURCES, HARMONIZATION OF CROSS-CULTURAL RELATIONS, FAMILIARIZATION WITH UNIVERSAL VALUES

В статье рассматриваются исследования известных авторов отечественной педагогики, посвященные изучению значимости педагогического потенциала народной педагогики в воспитании детей. В них освещаются педагогические воззрения народов, дается детальный анализ фольклора, обычаев, традиций, накладывающих отпечаток на формирование личности ребенка, на взаимоотношения между людьми, на привычные черты характера и поведения у разных народов в исторической связи с их прошлым и настоящим.

Ключевые слова: народная педагогика, педагогический потенциал народной педагогики, национальное воспитание, межнациональное воспитание, национальная культура, традиции, педагогика, фольклорная среда.

The researchers of well-known scholars of Russian pedagogics, who studied the significance of pedagogical potential of folk pedagogics in child rearing are considered in the article. The researchers show pedagogical opinions of peoples, give a detailed analyses of folklore, customs, traditions, which have had an effect on forming a personality of a child, on personal relationships, on various peoples' habitual features of character and behavior in historical connection with the past and the present.

Keywords: folk pedagogics, pedagogical potential of folk pedagogics, national and international education, national culture, traditions, pedagogics, folklore environment.

В настоящее время с возрождением и интенсивным развитием национальных культур как в теории, так и в практике национального воспитания многие исследователи обращаются к изучению разных аспектов этнопедагогики. Кроме классиков педагогики, в настоящее время большую научную ценность представляют работы отечественных ученых, посвященные изучению вопросов этнопедагогики и ее роли в воспитании детей.

В исследовании Е.В. Борисовой «Традиции воспитания детей в крестьянской семье в России (1861-1917)» впервые были выявлены традиции воспитания детей в крестьянской семье Центрального региона России на основе взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов, к которым отнесены: внутрисемейные отношения, религия, народное творчество, труд, крестьянская среда; раскрыто содержание выявленных традиций: показана возможность адаптации рассмотренных традиций воспитания к современным условиям; выявлены основные функции традиций воспитания, которые имеют актуальное значение для дальнейшего развития теории семейного воспитания.

К традициям, сложившимся на основе внутрисемейных отношений, относятся: соблюдение возрастных этапов при установлении отношений между родителями и детьми; ранняя социально-половая ориентация;

разделение воспитательных ролей и функций отца и матери; дифференцированный подход к воспитанию мальчиков и девочек [4].

Традиции воспитания религиозно-нравственного характера: уважительное отношение к родителям, старшим членам семьи; почитание родительского дома; ответственность за судьбу вдов и сирот; милосердие, взаимопомощь, гостеприимство – являлись основой, которая определяла всю дальнейшую жизнь человека в крестьянской среде. Востребованность этих традиций в наше время объясняется общечеловеческими нормами нравственности, заложенными в них православию. Нравственность крестьянства формировала именно православная вера. Крестьянские дети видели, как родители помогают соседям, погорельцам, подают нищим, принимают странников, ухаживают за стариками, больными, убогими, трудятся с утра до вечера. Все это оставалось в детской памяти. Личный пример родителей оказывал решающее влияние на воспитание.

Погружение детей в фольклорную среду начиналось с рождения и продолжалось в течение всей жизни человека. Семья имела решающее значение в приобщении к разным жанрам фольклора. Особенностью русского фольклора является его педагогичность.

Нравственное и материальное благополучие чело-

века определялось семьей, обеспечивавшей важнейшую функцию – воспитания детей и сохранения преемственности поколений. Передача жизненного опыта молодым, сохранение традиционного уклада жизни, культуры, освоение ребенком нравственных устоев осуществлялись прежде всего в семье.

Классическая семья состояла обычно из деда, сыновей, внуков, правнуков, во главе ее стоял большак; эта роль передавалась от отца к сыну. Старший по возрасту мужчина управлял всей жизнью и хозяйством семьи. В отсутствие отца его обязанности исполнял старший сын, потому-то он и обладал большими правами в сравнении с остальными детьми. Лишь в конце XIX в. семьи стали часто выделяться из большого коллектива, совместное проживание семей братьев было уже редким явлением.

Хозяин, большак, нес основную тяжесть сельскохозяйственных работ, строительства – «всякий дом хозяином держится». Большак собирал на семейный совет всю семью; в присутствии детей решались важные хозяйственные дела, такие как выбор культуры для сева, покупка, продажа вещей, а также женитьба сыновей и пр. Наибольший вес в решении семейных вопросов имели старшие, а дети получали наглядный урок совместного и ладного обсуждения дел и почтения к старшим.

Вообще вся культура поведения строилась на принципе почтительного отношения к мужчинам и старшим. Даже изба имела свою половину для мужчин и отдельно – для женщин с детьми. В переднем углу под образами за столом всегда садились старшие мужчины семьи и почетные гости – мужчины.

Почтением, особым уважением была окружена в крестьянской трудовой семье мать, что закреплено обычаями повседневного поведения. Такое отношение было важным элементом нравственного воспитания, и оно закладывалось с самого раннего детства. «Муж голова, жена душа» (семья) – так в народе определили роли супругов в семейной жизни. Ответственность, заботливость мужа по отношению к жене выразились и в пословице: «Хоть крест с шеи продай, а жену корми». Во многих семьях отец, поддерживая авторитет матери, обращался к ней по имени отчеству, называя «хозяюшкой», «матушкой», «премного любезной и предражайшей», «чести и фамилии хранительницей». Были, конечно, примеры и другого рода, однако давний обычай укрепил уважительные отношения супругов. Мать показывала детям личный пример любви к ним, повседневной заботы, нежности и ласки. В свою очередь, в старости она могла рассчитывать на уважение и уход со стороны детей. Если же взрослые забывали о своем долге перед матерью, на ее защиту становилось общество, требовавшее наказания для них.

В семье дети не только осваивали свои будущие трудовые обязанности, овладевая практическими умениями, но и осознавали свои функции в будущей взрослой жизни. Девочка перенимала у матери стиль ее поведения в семье, училась строить свои взаимоотношения с другими членами семьи, признавая безусловный авторитет мужчины – главы семьи. Врожденный инстинкт

материнства развивался благодаря постоянной практике участия в воспитании детей: приглядывании за младшими. Уже с раннего детства девочка начинала заботиться о своей будущей семейной жизни, готовя себе приданое – пряла, ткала, вышивала. Общество ценило в девушках смирение, доброту, хозяйственность, трудолюбие, здоровье; этому идеалу она старалась соответствовать.

Мальчик также начинал осознавать свою будущую ответственность за семью, включаясь в различного рода трудовую деятельность и также постепенно входя в сложившуюся систему взаимоотношений.

В отношениях с детьми родители прибегали не только к ласке, но и к наказаниям за проступки. Причем пока ребенок был мал, его чаще всего не наказывали, а пугали. Становился ребенок старше – использовалось наказание. Это могли быть упреки матери, когда приходил в разорванной рубашке; строгое отчитывание за грязь в доме, порчу вещей; порка за неосторожное обращение с огнем. Плачущего, раскאיвающегося ребенка старались простить. Доброжелательное, ласковое отношение к детям создавало у них ощущение защищенности.

Строго придерживались в семье и правила не наказывать детей трудом, так как труд должен быть сопряжен с радостью, тогда и не будет в тягость.

Таким образом, семья с ее бытом, традиционными взаимоотношениями была для ребенка прообразом своей будущей семьи, она определяла хозяйственные и нравственные устои, на которых держалась крестьянская жизнь.

В опыте народного воспитания особое место занимают традиции. Развитие, преемственность и традиции взаимодействующие понятия. З.Г. Нигматов рассматривает их в диалектической взаимосвязи, раскрывая сущность каждого: развитие представляет собой направленное движение: от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему. Процесс сохранения и переноса необходимых элементов, обеспечивающих историческую связь развития, означает преемственность. Следовательно, понятие преемственности содержит в себе, с одной стороны, смысл исторической связи, с другой – основы развития. Упомянутый автор всесторонне характеризует содержание и направление традиций, соотношение нового и старого в традициях. Особо выделяются гуманные, интернациональные, нравственные обычаи и традиции. По образному выражению З.Г. Нигматова, возникновение свода народных обычаев и системы нравственных традиций и передача их от одного поколения к другому в результате реализации диалектического закона преемственности ознаменовали собой появление педагогики народного воспитания как сознательной, целенаправленной деятельности по выработке у последующих поколений тех духовных и физических качеств, которые определялись условиями жизни народа [7].

Ведущей идеей исследования В.К. Кочисова является идея доминирующей роли этносоциальных ценностей в развитии личности. На основе этнографического, фольклорного, историко-педагогического и особенно

педагогического материала в исследовании освещается вопрос о народных формах и методах обучения и воспитания осетинских детей и молодежи в период до 1917 года [6].

Большой научный интерес представляет исследование Т.Н. Петровой «История воспитания и педагогической мысли чувашского народа в XV-XVIII веках» (1996). В названной работе автором впервые были выявлены и обобщены социально-исторические условия накопления опыта воспитания и становления педагогической мысли чувашского народа; рассмотрена традиционная культура воспитания в контексте древнего общекультурного наследия; раскрыт волжско-булгарский пласт педагогической культуры; показана гуманистическая общность народных педагогических культур [8].

Целеустремленное, всестороннее научное изучение народной педагогики было проведено Г.Н. Волковым. Он дал наиболее полное и четкое определение содержания и сущности народной педагогики, ее особенностей и специфики как сложного и многопланового социально-педагогического явления. Волковым был определен переход от исследования практики народного воспитания к изучению педагогических идей народной педагогики, дано определение этнопедагогики как науки.

Г.Н. Волков подчеркивает, что теоретическое обобщение предполагает единство анализа и синтеза. Нельзя, к примеру, представлять русских как абстрактный монолит. Надо исследовать их традиционную культуру воспитания – применительно к Северу, сибирякам, казакам, потомственным дворянам, старообрядцам (староверы), русским жителям национальных регионов, русскому зарубежью и другие. Величие русской культуры именно в этом многообразии. К педагогической культуре других народов тоже необходимо подходить дифференцированно [5].

В настоящее время приобретает особую актуальность преодоление безнационального характера интернационального сознания и поведения. Национальное, народное, истинно демократическое и гуманистическое должно быть в центре всех без исключения педагогических начинаний.

В теоретическом осмыслении народной педагогики важно принципиально разобраться в истоках ее созидательной силы. Для обоснования силы народной педагогики. Г.П. Волков рассматривает пять решающих позиций, они имеют основополагающее значение для нашего исследования, являются настоящей программой общечеловеческого, общенародного воспитания. Содержание этих положений мы приводим в своей работе «Народная педагогика в системах прошлого и на современном этапе» [1].

Главное общее: формирование совершенного человека является лейтмотивом народного воспитания, в этом все народы едины. В устном творчестве всех народов людям приписывается много черт, раскрывающих богатство человеческой природы, широко распространены идеи неограниченных возможностей трудового совершенства.

У всех народов выражена большая любовь и забота о маленьком ребенке.

Народная педагогика не мыслит воспитание совершенного человека вне активной деятельности. Особое воспитательное значение приобретали сложившиеся многочисленные обычаи и традиции, обряды и праздники.

Общность педагогических культур объясняется многими факторами:

- а) общностью исторических условий развития разных народов;
- б) общностью целей и интересов народов всех стран, их общечеловеческими духовно-нравственными ценностями;
- в) общностью основ народной психологии;
- г) общностью географических условий;
- д) взаимовлиянием педагогических традиций разных народов.

Выдающимся достижением народной педагогики является выделение в

ней главного условия человеческого совершенства – связи каждого человека с себе подобными.

Правила народной педагогики (этнопедагогики) совсем простые, но вместе с тем они составляют основу общечеловеческих требований нравственного кодекса:

- уважать старших;
- заботливо относиться к детям, больным, слабым, беспомощным;
- обожествление хлеба, воды, земли;
- бережное отношение к продуктам питания, материально-духовным ценностям, ко всему живому в природе;
- трудолюбие;
- терпеливость;
- скромность;
- добротворчество, милосердие;
- гостеприимство, уважение других;
- умение выслушать собеседника и тому подобное.

Мы уже отмечали, что педагоги-мыслители прошлого в своей исследовательской деятельности широко опирались на идеи народного опыта (Я.А. Коменский, И.Г. Песталоцци, К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой, П.Ф. Лесгафт). Большую ценность представляют труды отечественных ученых, практиков, занимающихся проблемами этнопедагогики в нравственном, национальном, межнациональном воспитании. К настоящему времени исследованы средства, педагогические традиции многих народов [2]. Географию специально проведенных исследований по изучению педагогической ценности народных традиций разных народов можно представить следующим образом: русских (Б. Александров, Е.С. Бабунова, Т.И. Березина, Е.В. Борисова, Г.В. Виноградов, Л.М. Захарова, О.В. Леонова, татар (М.Т. Аминов, Г.А. Арсланова, В.М. Горохов, Р.Ш. Маликов, М.И. Махмудов, Г.В. Мухаметзянова, З.Г. Нигматов, Р.А. Низамов, В.Ф. Петрова, Р.А. Сахипова, Я.И. Ханбиков, А.Г. Хузица, З.Т. Шарафутдинов, З.М. Явгильдина), чувашей (Л.Г. Васильева, Г.Н. Волков.

Т.П. Петрова, Э.И. Сокольникова, Ю.П. Сокольников, С.Н. Султанова), якутов (В.Ф. Афанасьев, Г.П. Жирков), коми (Л.Д. Вавилова), грузин (А.Ф. Хинтабидзе), армян (Ф.Х. Арутюнян), азербайджанцев (А.Ш. Гашимов, Л.А. Мамедова), адыгейцев (А.И. Шоров. Ю.К. Намитов), киргизов (СМ. Абрамзон), узбеков (Д.Д. Бабиева, Г.Д. Баубекова, Р.М. Кадырова, Р.А. Полуянова, М.Ш. Ширбаев), народов Средней Азии и Казахстана (А.Э. Измайлов), башкир (Р.Л. Агишева, К.Ш. Ахияров, А.С. Гаязов, В.И. Баймурзина, Т.К. Исхаков), таджиков (М. Аринов, Р.И. Изатуллоев, Н. Турсунов), карачаевцев (Х.Х. Батчаева, Л.Н. Бушуева, А.С. Койчуева), тувинцев (К.Б. Солчак, Г.Г. Мунзик), туркмен (Ш.Б. Аннаклычев, К. Пирлиев), дагестанцев (З.Т. Гасанов, З.М. Магомедова), бурят (В. Бальжиев), алтайцев (Р.К. Санбасова), мордвы (Т.Г. Тимошина), эвенков (Ю.Б. Стракач), русских, татар, чувашей, удмуртов (Т.Ф. Бабынина), осетин (В.К. Кочисов), хакасов (И.Ф. Сагаякова), ханты и манси (Г.А. Бахшиевич). В них освещаются педагогические воззрения народов, дается детальный анализ фольклора, обычаев, традиций, накладывающих отпечаток на формирование личности ребенка, на взаимоотношения между людьми, на привычные черты характера и поведения у разных народов в исторической связи с их прошлым и настоящим.

В последние десятилетия появились исследования по использованию традиций татарской народной педагогики в гуманистическом (З.Г. Нигматов), эстетическом (С.И. Раимова, З.М. Явгильдина), патриотическом интернациональном (Г.В. Мухаметзянова), физическом (Э.Х. Галеев), нравственном (Р.А. Низамов, Р.А. Сахипова, А.Г. Хузина) воспитании детей.

В исследованиях упомянутых авторов показаны неисчерпаемые возможности средств народной педагогики. Так, А.Г. Хузина ставит основной своей задачей выявить воспитательные возможности татарской народной педагогики в нравственном воспитании младших школьников в условиях современной семьи. З.М. Явгильдина дает подробную характеристику воспитательного потенциала татарского детского фольклора, анализируя и располагая его по разделам, жанровым разновидностям и формам, спектру воспитательных возможностей [3].

Средства, приемы и методы народной педагогики выступают вполне дифференцированно: к распространенным средствам народной педагогики относятся пословицы, поговорки, легенды, афоризмы. В народе бытуют много пословиц и поговорок, все они направлены на улучшение нравственных качеств личности.

Высоко оценивая воспитательную роль народной педагогики, Г.Н. Волков подчеркивает, что в педагогической мудрости народа наблюдается достаточно четкая дифференциация форм воспитания: пословицы – главным образом для социально-этического формирования,

загадки – для умственного воспитания, песни – для эстетического, патриотического, сказки для того и другого. Сказки могут быть направлены на формирование определенных черт характера подрастающего человека. Пословицы и поговорки – преимущественно для нравственного назидания и эстетического воспитания, загадки – для развития сообразительности, смекалки, интеллекта, песни и танцы для эстетического воспитания, сказки для всего. Кроме того, с определенным жанром связаны и конкретные возрасты как воспитуемых, так и воспитателей. Ясно, какой возраст и для какого возраста пользуются потешками, колыбельными песнями. Старые чаще всего прибегают к пословицам. Дети оперируют считалками, жеребьевками, игровыми речитативами [5].

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что в современном воспитании необходимо учитывать следующие принципы:

- интернационализм как основы конструирования отношений, общения в социально-педагогическом комплексе Федерации;
- ценности культур народов и значимости народной педагогики как мировоззренческой, инструментальной основы бытовых и профессиональных процессов социализации и становления личности;
- терпимости к воззрениям личности, в том числе различным религиозным верованиям, к социокультурной среде ее развития;
- учета специфики широких социальных движений в России и мире и использования их возможностей, традиций, обычаев в развитии самобытной личности.

Эффективное осуществление этих задач во многом зависит от подготовленности педагогов к реализации воспитательного потенциала народной педагогики.

В современной историко-педагогической литературе сложились, в основном, четыре отличные друг от друга трактовки понятия «народная педагогика»: во-первых, как духовный феномен, присущий сознанию народных масс (эмпирические знания, сведения, идеалы, идеи, взгляды, представления, установки воспитательных действий и так далее); во-вторых, как педагогическая практика разных народов; в-третьих, как единство педагогической мысли и педагогической деятельности народных масс и, в-четвертых, как наука о народном воспитании [5].

В настоящее время, в условиях демократизации, нравственного очищения общества центральной проблемой является этнопедагогическое осмысление процесса формирования нравственного облика детей, придание ему целостного характера. Это может помочь научиться видеть грани общечеловеческого в национальном. Без этого невозможна высокая культура межнационального общения.

Библиографический список

1. *Богомолова М.И.* Народная педагогика в системах прошлого и на современном этапе. Учебно-методическое пособие. Набережные Челны, 1995. 40 с.
2. *Богомолова М.И.* Национальное воспитание и двуязычие в истории педагогических учений. Казань, 1998. 440 с.
3. *Богомолова М.И.* Межнациональное воспитание детей. Учебное пособие. М.И. Богомолова, Л.М. Захарова. М., Флинта. Наука, 2011. 175 с.
4. *Борисова Е.В.* Традиции воспитания детей в крестьянской семье в России (1861-1917 гг): автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 1997. 18 с.
5. *Волков Г.Н.* Этнопедагогика. М.: Академия, 1999. 168 с.
6. *Кочисов В.К.* История становления и развития образования в педагогической мысли в Осетии до 1917 г. Автореферат дисс. ... докт. пед. наук. М., 1997. 49 с.
7. *Нигматов З.Г.* Духовное развитие личности на основе этнокультурных традиций. Педагогическое образование: гуманитарские традиции и новаторство. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Казань, 1999. С. 5-8.
8. *Петрова Т.Н.* История воспитания и педагогической мысли чувашского народа в XV-XVIII вв.: автореф. дисс. доктора пед. наук. М., 1996. 38 с.

References

1. *Bogomolova M.I.* National pedagogics in the system of the past and the present stage. Textbook. Naberzhnye Chelny, 1995. 40 p.
  2. *Bogomolova M.I.* National education and bilingualism in the history of pedagogical doctrines. Kazan, 1998. 440 p.
  3. *Bogomolova M.I.* The ethnic upbringing of children. Textbook. M.I. Bogomolova, L.M. Zakharova. M., Flinta. Science, 2011. 175 p.
  4. *Borisova E.V.* The tradition of raising children in a peasant family in Russia. Abstract of diss. ... Cand. of ped. scien. M., 1997. 18 p.
  5. *Volkov G.N.* Ethnopedagogy. M.: Academy, 1999. 168 p.
  6. *Kochisov V.K.* The history of formation and development of education in the pedagogical thought in Ossetia until 1917. Abstract of diss. ... Doc. of ped. scien. M., 1997. 49 p.
  7. *Nigmatov Z.T.* Spiritual development of the individual on the basis of ethnocultural traditions. Pedagogical education: humanistic tradition and inovation. Proceedings of the VI International scientific- practical conference. Kazan, 1998. Pp. 5-8.
  8. *Petrova T.N.* History education and pedagogical thought of the Chuvash people in the XV-XVIII cc. Abstract of diss. ... Doc. of ped. scien. M., 1996. 38 p.
-
-

Ю.Н. БОРИСОВА

ассистент, кафедра социологии, культурологии и политологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: ogty-borisova@mail.ru

J.N. BORISOVA

Assistant, Department of sociology, culturology and political science, Orel State University named after I.S. Turgenev
E-mail: ogty-borisova@mail.ru

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРОЛОГИИ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ - АРХИТЕКТОРОВ (ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД)

SCIENTIFIC BASIS OF USING PROJECT ACTIVITIES IN LEARNING CULTURAL STUDIES FOR THE STUDENTS OF ARCHITECTURE TO DEVELOP PROFESSIONAL COMPETENCE (VOCATIONAL GUIDANCE APPROACH)

В данной статье рассматриваются возможности использования метода творческих проектов в процессе изучения дисциплины «Культурология» с целью формирования профессиональных компетенций у студентов-архитекторов. Изучение дисциплины «Культурология» рассматривается с позиции профессионально-ориентированного подхода.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, творческий проект, компетентностный подход, инновационные формы работы, интерактивное обучение, профессионально-ориентированный подход.

The article considers the possibility of using creative projects method in the process of learning discipline ‘Cultural Studies’ in order for architectural students to develop professional competence. A study of discipline ‘Cultural Studies’ is considered from the perspective of vocational guidance approach.

Keywords: professional competence, creative project, competence approach, innovative forms of work, interactive learning, vocational guidance approach.

Основная цель современного высшего образования – развить у студентов устойчивую потребность к самосовершенствованию. Особое внимание при этом уделяется отбору содержания и методов организации учебного процесса, которые способствуют формированию компетенций для дальнейшей профессиональной деятельности выпускника.

Для формирования как общекультурных, так и профессиональных компетенций применяют такие технологии обучения, при которых студенты проявляют самостоятельность, становятся субъектами процесса обучения, а преподаватель – его организатором. Кроме того, в соответствии с условиями реализации компетентностного подхода по ФГОС требуется широкое использование в учебном процессе разнообразных интерактивных форм проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой. Только таким образом, на наш взгляд, могут развиваться профессиональные навыки студентов.

Профессиональная компетентность также совершенствуется и за счет включения студентов в инновационные формы работы, которые призваны повышать мотивацию студентов к обучению поскольку стимулируют активную творческую индивидуальную и коллективную деятельность. Рефлексия позволяет каждому обучающемуся самостоятельно определять роль, место коллективной деятельности, способствует формированию индивидуальной и групповой ответственности за

внедрение проекта в практику [3].

Задачи современного образования неразрывно связаны с формированием профессиональной компетентности студентов в контексте культуры. Для обеспечения международного стандарта образования необходимо включение культурологических дисциплин в содержание обучения и для инженерных направлений подготовки. В современных условиях профессионалами считаются люди с глобальным мышлением, которые умеют наладить международные профессиональные и культурные контакты, а также обладают высоким уровнем культурной и социальной толерантности. Они должны обладать высокой коммуникативной и профессиональной культурой.

На рисунке 1 показан один из возможных подходов к формированию профессиональных компетенций в процессе изучения культурологии. Отметим, что за счет применения всех представленных в схеме технологий обучения формируются профессиональные компетенции.

Рассмотрим еще одно не менее важное понятие – интерактивное обучение. Это обучение, которое целиком погружено в общение. В интерактивном обучении сохраняются конечная цель и основное содержание процесса обучения, но транслирующие формы меняются на диалоговые, основанные на взаимопонимании и взаимодействии.

Рис. 1. Схема формирования профессиональных компетенций в процессе изучения культурологии.

На сегодняшний день в вузах недостаточно разработаны теоретические основы использования интерактивных форм, средств и методов обучения в органическом сочетании с традиционными, в массовой практике подготовки бакалавров в области архитектуры на занятиях по гуманитарным дисциплинам, в том числе культурологии редко используются интерактивные технологии обучения.

Применяя интерактивные технологии обучения на занятиях по культурологии, можно обеспечить не только высокий уровень усвоения учебного материала большинством студентов, но и их творческое развитие и самостоятельную активность. Так как интерактивное обучение является специальной формой организации познавательной деятельности, она имеет конкретные цели. Одной из этих целей можно назвать создание комфортных условий обучения, при которых студенты смогут почувствовать личную успешность, повышение интеллектуального уровня. При этом процесс обучения становится более продуктивным и дает возможность каждому обучающемуся раскрыть и развить свои творческие способности [8].

Мы определяем следующие педагогические условия, которые могут повысить эффективность применения интерактивных технологий обучения для формирования профессиональных компетенций студентов в процессе изучения культурологии (рис. 2).

Раскрытие творческих способностей обучающихся, предоставление им возможностей проявить свои способности – отличительная черта формирования профессиональных компетенций студентов-архитекторов в процессе изучения культурологии. Студенты, которые обучаются с применением инновационных способов обучения, имеют более высокий уровень развития по различным показателям, чем студенты, обучающиеся с применением только традиционных способов обучения (Д.Ш. Матрос, Н.Н. Мельникова, 2001, П.К. Петров, 1999, Д.М. Полев) [7].

В современных, быстро изменяющихся социально-экономических условиях, которые заставляют личность постоянно изменять себя, проблема использования

Рис. 2.

личностного профессионально-творческого потенциала для формирования профессиональных компетенций студентов-архитекторов в процессе изучения культурологии требует новых путей решения. Особенно актуальным становится проблема необходимости создания условий для развития творческого потенциала студентов инженерных специальностей.

Дисциплины гуманитарного, социального и экономического цикла имеют большой потенциал для формирования профессиональных компетенций, так как они развивают умственные действия, такие как анализ, синтез, умение учиться, проводить эксперименты, универсальные способы деятельности и их применение для решения инженерных задач в дальнейшей профессиональной деятельности. Изучение культурологии может быть направлено на формирование таких профессиональных компетенций, как:

- способность разрабатывать архитектурные проекты согласно функциональным, эстетическим, конструктивно-техническим, экономическим и другим основополагающим требованиям, нормативам и законодательству на всех стадиях: от эскизного проекта – до детальной разработки и оценки завершённого проекта согласно критериям проектной программы (ПК-1);
- способность использовать воображение, мыслить творчески, инициировать новаторские решения и осуществлять функции лидера в проектом процессе (ПК-2);
- способность взаимно согласовывать различные факторы, интегрировать разнообразные формы знания и навыки при разработке проектных решений, координировать междисциплинарные цели (ПК-3);
- способность демонстрировать пространственное воображение, развитый художественный вкус, владение методами моделирования и гармонизации искусственной среды обитания при разработке проектов (ПК-4);
- способность применять знания смежных и сопутствующих дисциплин при разработке проектов,

действовать инновационно и технически грамотно при использовании строительных средств (ПК-5) [18].

На современном этапе значение дисциплин гуманитарного, социального и экономического цикла для становления архитектора определяется требованиями работодателей к профессиональной компетентности выпускника, помимо профессиональной квалификации должен обладать большим набором профессиональных компетенций, а также ролью культурологических знаний в создании базы, способствующей более эффективному восприятию дисциплин профессионального цикла и дальнейшему личностному и профессиональному росту [5]. Для того чтобы в процессе изучения культурологии начали формироваться профессиональные компетенции, необходимо создать научно-обоснованную теоретическую базу по организации образовательного процесса.

Одной из основных функций профессионального и, как его части, гуманитарно-экономического и социального образования является обеспечение фундаментальности полученных знаний, необходимой для усвоения и переработки постоянно нарастающего потока информации, повышения профессиональной мобильности, непрерывного образования.

Поэтому при проектировании содержания образования необходимо учитывать культурное наследие, культурные ценности и предшествующий опыт.

Требования к подготовке профессионально компетентного бакалавра указаны в следующих документах: в Национальной Доктрине образования в Российской Федерации, Стратегии модернизации содержания общего образования, декларациях о присоединении к Копенгагенскому и Болонскому процессам, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, новых образовательных стандартах и другие.

Подготовка компетентного архитектора является целью ФГОС ВПО третьего поколения и заключается в формировании определенных компетенций, а именно качеств и способностей обучающегося к активной профессиональной деятельности, в том числе к творчеству. При этом знания и умения в традиционном обучении трансформируются в средство развития личности студента. Поэтому использование интерактивных методов обучения будет способствовать максимальной творческой активности обучающихся для формирования профессиональных компетенций.

По нашему убеждению, метод проектов в курсе культурологии будет помогать формировать указанные профессиональные компетенции у студентов-архитекторов.

Для будущих архитекторов важно осознавать свою профессиональную направленность, понимать сущность инженерного мировоззрения. Понимание основ и смысла техники, архитектуры и технического творчества является формой развития технического мышления, инженерного самосознания [16]. Мы трактуем техническое мышление как своеобразный синтез логического и образного мышления, их равнозначность.

Мышление архитектора должно включать в себя: системное мышление (экологическое, эргономическое, экономическое, эстетическое, управленческое и коммуникативное), логическое, научное, практическое, творческое мышление и образно-интуитивное. Для формирования компетентной личности, который будет обладать системным мышлением, необходимо расширить взгляд на цель, задачи обучения учебной дисциплины, т.е. создать комплексный, специальный и гуманитарно-психолого-педагогический базис научных представлений [11].

Среди современных интерактивных технологий проектная деятельность является наиболее целесообразной для формирования профессиональных компетенций [1]. Метод проектов мы рассматриваем как одну из личностно ориентированных развивающих технологий, основой которой считается идея развития познавательных навыков учащихся, творческой активности, самостоятельности, умения находить и решать проблемы, ориентироваться в информационном пространстве, умения прогнозировать и оценивать результаты собственной деятельности. Проектная деятельность, как правило, ориентирована на самостоятельную деятельность обучающихся – индивидуальную, парную, групповую, выполняемые студентами за определенный промежуток времени [17]. С точки зрения Е.С. Полат, данный метод можно применять только при наличии действительно важной проблемы, для решения которой необходимо провести какое-либо исследование [15].

Выпускник-архитектор должен обладать большим набором знаний и умений их применять. Это подтверждает необходимость использования при обучении будущих архитекторов проектов практической направленности. Приобретенный опыт практической деятельности можно использовать при решении проблем, возникающих на производстве [6].

Профессионально-ориентированные практические задания по культурологии смогут повысить эффективность процесса обучения и формирования профессиональных компетенций студентов.

Метод проектов появился достаточно давно – в начале 20 века в США [12]. Его называли методом проблем и связывали с идеями гуманистического направления в философии и образовании, которые были разработаны американским философом и педагогом Дж. Дьюи, а также его учеником В.Х. Килпатриком. Они предлагали построить обучение на активной базе, через целенаправленную деятельность учащегося. Очень важным считалось, что обучающиеся должны были осознать свою личную заинтересованность в получаемых знаниях, которые нужны будут им в жизни и в профессиональной деятельности. Для этого нужно было обозначить проблему, для решения которой учащиеся должны будут активизировать все свои знания в изучаемой области и найти и получить новые недостающие знания, которые помогут решить проблему.

Педагог может указать, где можно найти информацию, направить мысли обучающихся в нужном на-

правлении, обеспечив тем самым их самостоятельный поиск, однако решить проблему, применив все полученные и найденные знания, студенты должны самостоятельно, чтобы получить наиболее ощутимый результат. Таким образом, вся самостоятельная работа над проблемой приобретает вид проектной деятельности.

Со временем идея метода проектов несколько изменилась. В настоящее время она становится интегрированным компонентом вполне разработанной и структурированной системы образования. Но суть ее остается прежней – активизировать интерес студентов к различным проблемам, который будет направлен на решение данной проблемы через получение определенной суммы знаний и умений через проектную деятельность.

Русские педагоги заинтересовались методом проектов также в начале 20 века. В 1905 году С.Т. Шацкий была организована группа педагогов, которые внедряли проектные методы в процесс обучения. Позднее, уже при советской власти, эти идеи были широко внедрены в систему образования, однако они были недостаточно продуманы и последовательны и постановлением ЦК ВКП/б/ в 1931 году метод проектов был осужден и с тех пор до недавнего времени в России больше не предпринималось сколько-нибудь серьезных попыток внедрить данный метод в процесс обучения. Вместе с тем в США, Великобритании, Бельгии, Израиле, Финляндии, Германии, Италии, Бразилии, Нидерландах и многих других странах он активно и весьма успешно развивался.

Основным отличием метода проектов от учебно-исследовательской деятельности является получение практического результата помимо всестороннего и систематического исследования проблемы [9].

При выполнении творческого проекта студенты вовлекаются в активный творческий процесс, при этом происходит и закрепление уже полученных знаний, и получение новых. Помимо этого формируются исследовательские, коммуникативные и организационно-управленческие компетенции, а также навыки работы в коллективе и др.

В культурологии творческий проект – это активное обучение через целенаправленную деятельность студента. Творческий проект повышает интерес будущих архитекторов к определенным проблемам, которые предполагают наличие некоторой суммы знаний и посредством проектной деятельности предусматривают решение поставленных проблем посредством практического применения знаний.

Метод проектов по культурологии базируется на развитии познавательных навыков обучающихся, умениях самостоятельно выстраивать свои знания, умениях свободно ориентироваться в информационных источниках, развитии творческого мышления [13]. Говоря о методе творческих проектов в культурологии, мы предполагаем способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы, которая должна завершиться реальным практическим результатом. Этот результат мы можем увидеть, осмыслить, потрогать, ис-

пользовать в реальной практической деятельности. Для достижения такого результата, необходимо, чтобы студенты научились самостоятельно мыслить, находить и решать проблемы, используя для этого знания из разных областей, умения прогнозировать результаты и возможные последствия различных вариантов решения, умения устанавливать причинно-следственные связи.

Отличительными чертами метода творческих проектов при обучении культурологии от традиционных методов обучения являются следующие:

- участники проекта принимают инициативу от кого-либо из жизни;
- участники проекта договариваются друг с другом о форме обучения;
- участники проекта самостоятельно развивают проектную инициативу;
- участники проекта организуют себя на выполнение проекта;
- участники проекта информируют друг друга о ходе выполнения проекта;
- участники проекта дискутируют друг с другом.

Целью обучения с использованием метода творческих проектов по культурологии является создание условий, при которых студенты будут:

- самостоятельно приобретать недостающие знания из различных информационных источников;
- использовать полученные знания для решения познавательных и практических задач;
- приобретать коммуникативные навыки при работе в группах;
- развивать у себя исследовательские умения (определение проблемы, сбор информации, наблюдение, проведение эксперимента, анализ, разработка гипотезы, синтез);
- развивать системное мышление.

Исходные теоретические позиции проектного обучения:

- в центре внимания находится обучающийся, развитие его творческих способностей;
- образовательный процесс построен не в логике учебной дисциплины, а в логике практической деятельности, что повышает его мотивацию;
- индивидуальный график работы над проектом обеспечивает развитие каждого студента на индивидуальный уровень;
- комплексный подход к разработке творческих проектов способствует оптимальному развитию основных психических функций обучающегося;
- глубокое усвоение знаний обеспечивается посредством их универсального применения в различных ситуациях.

Основные требования к использованию метода творческих проектов при изучении культурологии:

1. Наличие важной в исследовательском плане задачи, решение которой требует интегрированных знаний, проведения исследовательского поиска.
2. Практическая, теоретическая, познавательная значимость предполагаемых результатов.

3. Самостоятельная активная деятельность обучающихся.

4. Разработка структуры содержательной части творческого проекта.

Применение исследовательских методов предполагают следующую **последовательность действий при выполнении творческого проекта:**

- определение проблемы и постановка задач исследования;
- построение гипотезы ее решения;
- выбор методов исследования;
- выбор способа оформления результата (презентация, защита, творческого отчета, просмотр и др.);
- сбор, систематизация и анализ полученных данных;
- подведение итогов, оформление проекта, его презентация;
- выводы.

Параметры внешней оценки проекта по культурологии:

- важность и актуальность исследуемой проблемы;
- корректность применяемых методов проведения исследования и методов обработки входящих результатов;
- активность каждого участника проекта;
- коллективный характер принимаемых решений;
- уровень общения и оказания помощи участникам проекта, их взаимодополняемость;
- глубина исследования проблемы;
- привлечение необходимых для выполнения проекта знаний из других областей;
- наличие доказательств для принимаемых решений, умение найти аргументы для выводов;
- эстетика оформления конечных результатов;
- умение ориентировать в проекте, отвечать на вопросы оппонентов, краткость и аргументированность ответов каждого члена проекта.

Проекты по культурологии можно разделить на виды согласно типологическим признакам [14].

Для типологии проектов мы предлагаем использовать следующие типологические признаки:

1. Деятельность, которая доминирует в творческом проекте: исследовательская, поисковая, творческая, ролевая, практико-ориентированная, ознакомительно-ориентировочная.

2. Предметно-содержательная область: одиночный проект (используется одна область знания), междисциплинарный проект.

3. Координация творческого проекта: непосредственная (жесткая, гибкая), скрытая (неявная, имити-

рующая участника проекта).

4. Характер контактов (среди участников одного вуза, группы, города, региона, страны, стран мира).

5. Количество участников проекта.

6. Время выполнения проекта.

Реализация метода творческих проектов при изучении культурологии на практике ведет к изменению позиции преподавателя данной дисциплины. Если раньше он считался носителем готовых знаний, то теперь он становится организатором исследовательской деятельности обучающихся. При этом необходимо изменение психологического климата в группе, так как преподаватель должен переориентировать свою учебно-воспитательную деятельность и деятельность студентов на различные виды самостоятельной работы, на выход на первый план деятельности исследовательского, поискового, творческого характера.

Необходимым условием также является организация внешней оценки проектов, так как только так есть возможность отследить качество выполнения проекта, его эффективность, необходимость внести коррективы. Характер этой оценки будет зависеть от типа проекта, от его темы, его содержания, условий выполнения. Если это исследовательский проект, то он должен включать этапность проведения, причем эффективность выполнения всего проекта будет во многом зависеть от правильно организованной работы на всех этапах [2].

Целесообразно рассмотреть общие подходы к структурированию творческого проекта по культурологии:

1. Начинать необходимо всегда с определения темы проекта, его типа, количества участников.

2. Далее преподаватель должен определить возможные варианты проблем, по которым нужно провести исследования в рамках намеченных тем. Сами же проблемы могут выдвигаться студентами с подачи педагога.

3. Распределение задач по группам, выбор методов исследования, определение информационных источников, предполагаемых творческих решений.

4. Самостоятельная работа студентов над проектом по творческим задачам.

5. Обсуждения промежуточных результатов в группах.

6. Защита творческих проектов.

7. Коллективное обсуждение, выводы [10].

На сегодняшний день метод творческих проектов стал одним из самых популярных как в России, так и во всем мире, так как он позволяет эффективно сочетать теоретические знания и их практическое применение для решения конкретных проблем.

Библиографический список

1. Барангулова С. М. Педагогические условия формирования профессиональной компетентности студентов технического вуза через научно-исследовательскую деятельность. // Молодой ученый. 2012. №7. С. 247-249.
2. Бухаркина М.Ю. Разработка учебного проекта. М., 2003. 152 с.
3. Горячев А.В. Проектная деятельность в образовательной системе. М., 2004.
4. Гусев В. В. «Метод проектов» как частный случай интегративной технологии обучения. // Директор школы, № 6, 1996. 110 с.

5. *Двуличанская Н.Н.* Дидактическая система формирования профессиональной компетентности студентов учреждений среднего профессионального образования в процессе естественно-научной подготовки. автореф... дисс. на соиск. уч. ст. докт. пед. наук. Москва, 2012. 13.00.08 – теория и методика профессионального образования.
6. *Зуева М.Л.* Сравнительный анализ возможностей метода проектов и адаптивной системы обучения в формировании ключевых компетенций. http://vestnik.yspu.org/release/pedagogika_i_psichologiy/33_1/
7. *Кирьякова А.В.* Ориентационно-ценностные основания компетентностных технологий Компетентность и технологии образования: Материалы научно-практической конференции. Хорсенс: Университетский колледж Витуса Беринга. Дания, 2008. 297 с.
8. *Козырев В.А., Радионова Н.Ф., Тряпицына А.П.* Компетентностный подход в педагогическом образовании: коллективная монография. Под ред. проф. В.А. Козырева, проф. Н.Ф. Радионовой и проф. А.П. Тряпицыной. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. 392 с.
9. *Краля Н.А.* Метод учебных проектов как средство активизации учебной деятельности учащихся: учебно-методическое пособие. Под ред. Ю.П. Дубенского. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005, 59 с.
10. *Мазур И.И.* Управление проектами. Москва, 2005. 655с.
11. *Никитина Н.Н.* Становление культуры профессионально-личностного самоопределения учителя [текст]: дис. докт. пед. наук. Ульяновск, 2003. 120 с.
12. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров. Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров. М.: Академия, 2000. 272 с.
13. Новые педагогические и информационные технологии. Под ред. Е.С.Полат. М., 1999. 333 с.
14. *Полат Е.С.* Метод проектов: режим доступа -<http://www.ioso.ru/distant/project/meth%20project/metod%20pro.htm>
15. *Столбов П.В.* Психологические условия формирования профильных профессиональных компетенций у студентов вуза (на примере строительных специальностей). автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук, Нижний Новгород. 2011.
16. *Фатеева И.А.* Метод проектов как приоритетная инновационная технология в образовании / И. А. Фатеева, Т. Н. Канатникова. // Молодой ученый. 2013. №1. С. 376-378.
17. Федеральный государственный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 200100 «Архитектура».
18. *Чечель И.Д.* Метод проектов или попытка избавить учителя от обязанностей всезнающего оракула. //Директор школы, № 3. 1998 .

References

1. *Barangulova S.M.* Pedagogical conditions that form professional students' competence from technical college through research work. Young scientist. 2012. №7. Pp. 247-249.
2. *Buharkina M.Y.* The Development of educational project. М. , 2003, 152 p.
3. *Goryachev A.V.* Project activities in the Educational system. Moscow, 2004
4. *Guzeev V.V.* "The project method" as a particular case of integrated learning technology. Schoolmaster, № 6, 1996. 110 p.
5. *Dvulichanskaya N.N.* Didactic system that forms professional students competence from institutions of secondary vocation education of natural - science training. / Abstract diss. to receive the doctoral degree of pedagogical sciences. Moscow, 2012. 13.00.08 - theory and methods of professional education.
6. *Zueva M.L.* The Comparative analysis of the possibilities of the projects method and adaptive learning system in the formation of core skills. http://vestnik.yspu.org/release/pedagogika_i_psichologiy/33_1/
7. *Kiryakova A.V.* The value orientation bases of competence technology / competence and education technologies: Materials of scientific-practical conference. Horsens: Vitus Bering University College, Denmark, 2008. 297 p.
8. *Kozyrev V.A., Radionova N.F., Tryapitsyna A.P.* Competence approach in teacher education: Collective monograph / Ed.by Prof. V.A. Kozyrev, prof. N.F. Radionova and prof. A.P. Tryapitsyna. SPb.: Publishing house RGPU named after A.I. Herzen, 2012. 392 p.
9. *Kralya N.A.* The method of project-based learning as means of activation of students' educational activity: teaching manual. Ed. By U.P. Dubenski. Omsk: Omsk State University Publishing House, 2005, 59 p.
10. *Mazur I.I.* Management of projects. Moscow, 2005. 655p.
11. *Nikitin N.N.* Formation of culture of professional and personal teacher's self-determination [text]: diss. Doctor. ped. science. Ulyanovsk, 2003. 120 p.
12. New pedagogical and informational technologies in education system: Textbooks for students ped. universities and the system upgraded. Qualify. ped. personnels / E.S. Polat, M.Y. Buharkina, M.V. Moiseeva, A.E. Petrov. М.: Academy, 2000. 272 p.
13. New pedagogical and informational technologies. Ed. E.S.Polat. М., 1999. 333 p.
14. *Polat E.S.* Method of projects: access mode- <http://www.ioso.ru/distant/project/meth%20project/metod%20pro.htm>.
15. *Stolbov P.V.* Psychological terms of formation of profile and professional competences among students of the university (for example, building specialties) / dissertation author's abstract on competition of a scientific degree of the candidate of psychological sciences, Nizhny Novgorod. 2011.
16. *Fateeva I.A.* Method of projects as a priority innovative technology in education / I.A. Fateeva, T.N. Kanatnikova // Young scientist. 2013. №1. Pp. 376-378.
17. The state educational standard of higher professional education for specialty 20 01 00 « Architecture »
18. *Chechel I. D.* Method of projects or attempt to get rid a teacher of duties as a teacher omniscient oracle. // Headmaster, №3, 1998.

Ю.А. ВОРОНЦОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Брянский государственный технический университет
E-mail: Voroncova.yuliya@mail.ru

J.A. VORONTSOVA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of foreign languages, Bryansk State Technical University
E-mail: Voroncova.yuliya@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ

THEORY OF GENERATION THEORETICAL BACKGROUND

Данная статья посвящена рассмотрению теории поколений. Статья ставит своей целью рассмотреть разные подходы к понятию «поколение», осветить, как связана между собой лингвокультурология и теория поколений; составить классификацию теории поколений в зависимости от типа, временных рамок и учёта аутентичного языкового материала. Гипотеза о сходных поколенческих ценностях была проверена во многих странах с положительным результатом.

Ключевые слова: поколение, основоположник, классификация, преемственность, конфликт, хронологический возраст, ценности.

This article is devoted to the theory of generations. The article aims at consider different approaches to the notion “generation”, highlighting how cultural linguistics and the theory of generations are interconnected; classifying the theory of generations, depending on the type, time frame and authentic language material. The hypothesis of similar generational values has been tested positively in many countries.

Keywords: generation, founder, classification, continuity, conflict, chronological age, values.

К изучению понятия «поколение» одним из первых в отечественной науке обратился С.И. Ожегов. В толковом словаре С.И. Ожегова даются следующие определения «поколения»: 1) родственники одной степени родства по отношению к общему предку (предкам); 2) одновременно живущие люди (особи) близкого возраста; 3) группа людей, близких по возрасту, объединённых общей деятельностью (Выросло новое поколение ученых); 4) переносное: серия приборов, механизмов, изделий в ее отношении к предшествующим или последующим сериям [6].

А.И. Афанасьева определяет поколение как «объективно складывающуюся конкретно-историческую совокупность близких по возрасту и сформировавшихся в один и тот же исторический период людей, характеризующуюся специфическими демографическими чертами» [2].

Данная статья продолжает изложение проведенных авторами исследований понятия «поколение». Наиболее полно эту дефиницию раскрывает И.С. Кон – советский и российский социолог, антрополог, философ, сексолог, один из основателей современной российской социологической школы, популяризатор науки и просветитель. Он утверждает, что при описании возраста человека и возрастных категорий очень часто возникает терминологическая путаница. Например, термин «поколение» обозначает: 1) генерацию, звено в цепи происхождения от общего предка («поколение отцов» в отличие от «поколения детей»); 2) возрастную-однородную группу, когорту сверстников, родившихся в одно и то же время,

но не связанных узами родства; 3) условный отрезок времени, в течение которого живет или активно действует данное поколение; 4) общность современников, сформировавшаяся в определенных исторических условиях, под влиянием каких-то значимых исторических событий, независимо от их хронологического возраста («поколение романтизма» или «послевоенное поколение» в отличие от «военного» и «довоенного»). Он подчеркивает, что одни авторы видят суть проблемы преемственности или конфликта поколений в характере взаимоотношений родителей и их детей, другие – в отношениях старших и младших, третьи – в исторических сдвигах, различии жизненного опыта людей, выросших в тех или иных конкретных социальных условиях. Однако это совершенно разные проблемы [5].

Те же проблемы возникают и при попытках ввести какую-либо классификацию поколений. Формирование основ классической теории поколений в Новое время охватывает XVII-XVIII века, когда происходит подлинное возрождение учения о преемственности поколений, развитого впервые в античности, но теперь получившего иное обоснование, понимание и направление.

Основоположником такого направления явился Дж. Вико – итальянский философ эпохи Просвещения, заложивший основы культурной антропологии и этнологии. Он выдвинул четыре принципа исторического исследования, которые легли в основу классической теории поколений: 1) земная всемирная история независима от Священной истории; 2) саморазвитие общества осуществ-

вляется по своим внутренним законам и причинам в процессе смены поколений; 3) просвещение является главным фактором прогресса в развитии общества; 4) история есть смена поколений, преемственно связанных единством законов разума и ростом рационального знания [3].

Прямыми последователями Вико выступили Ж. Кондорсе и Д. Дидро, заложившие первые начала классической теории преемственности поколений в ее натуралистическом подходе. По Кондорсе, мировая история раскрывается как история человеческого разума, если ее рассматривать как результат деятельности поколений, то есть масс индивидов, сосуществующих локально пространственно. Этот результат, обнаруживаемый в каждый данный момент, зависит от всей последовательности результатов в предшествующие времена, и в свою очередь проявится в достижениях будущих поколений. Все наследуемое и передаваемое суть продукты человеческого разума и его применения.

В целом и Кондорсе, и Дидро объединяет то, что начало истории они видят в человеке первобытном, неразвитом, но уже наделенном разумом. Прямо противоположный в этом отношении подход, ведущий к так называемому метафизическому романтизму, намечается в работах Ж.-Ж. Руссо и Д. Юма.

В частности, Руссо идее безграничного прогресса противопоставляет тезис: «Все выходит хорошим из рук Творца, все вырождается в руках человека» [7]. С этим тезисом он намечает жесткое разграничение между научно-техническим прогрессом и моральной личностью, между «культурой» и «цивилизацией» (в терминах Шпенглера). В истоках истории он помещает не «разумного, но невежественного дикаря», а «естественного человека», не имеющего никаких стимулов к самосовершенствованию. В итоге смена поколений перестает у него рассматриваться как процессия этапов прогресса. В то же время, противопоставляя «человеку естественному» искусственного «цивилизованного человека», он переосмысливает и функцию преемственности поколений: ее задача не аккумуляция культурных достижений человечества для дальнейшего их развития, а искусство поддержания человека в цивилизованном состоянии.

Решающую роль в дальнейшем развитии темы преемственности поколений имела полемика И. Гердера и И. Канта об истоках истории. С одной стороны, Кант противопоставляет идее саморазвертывания человеческой истории по естественным законам идею телеологизма (цели и плана развития). С другой стороны, Гердер в определении преемственности, в определении содержания и направления наследуемого вводит в обиход такие понятия, как «дух народа» и «дух времени», которые легли в основу концепции метафизического романтизма [4].

В начале 90-х годов прошлого века два американца – экономист, демограф Н. Хоув и драматург, историк В. Штраус – независимо друг от друга изучали такой популярный социальный феномен, как конфликт поколений. И одновременно пришли к одинаковым выводам. Им показалось странным, что модели поведения людей,

принадлежащих к одному поколению, совершенно не похожи на модели поведения представителей поколения другого в пору того же возраста.

Объединившись, исследователи в 1991 году написали книгу “Generations” («Поколения»), в которой им удалось проследить изменения, происходившие в поведении американского социума со времен Колумба [1].

В ее основу Хоув и Штраус положили мысль о том, что поведение человека зависит от того, в каких условиях он жил и воспитывался до 12-14 лет. Именно до этого возраста у нас формируется собственная система ценностей, которую мы потом и проносим через всю жизнь. Сборник правил, свод не подлежащих сомнению аксиом [8].

По мнению социологов, поколенческие «ценности» формируются у ребенка до 12-14 лет под влиянием общественных событий (политических, экономических и социальных – определяющих в том числе темп и иные характеристики технического прогресса), а также семейного воспитания. Формирование этой группы ценностей происходит еще до того момента, когда ребенок начнет оценивать внешние события с позиции «хорошо/плохо» или «правильно/неправильно». Он просто живет в этих условиях и как губка впитывает контекст, тщательный анализ которого начнется чуть позже, а уже затем накопленная «база данных» начинает формировать личность. Такой подход не был новаторским, однако куда более важны выводы, которые сделали из всего этого пионеры теории поколений.

Ценности, сформированные до 12-14 лет, именуется «глубинными». Они являются подсознательными, чаще всего абсолютно незаметными и неявными (в том числе для самих представителей поколений). Но в течение всей жизни каждое поколение неизбежно живет и действует под их влиянием. При этом авторы учения не отрицают: заложенные в человеке ценности легко разделяются на собственно поколенческие, общечеловеческие и индивидуальные.

Теория постулирует, что промежуток времени, в течение которого рождаются представители одного поколения, составляет около 20 лет. Российские ученые в основном рассматривают поколенческие модели, начиная с 1900 года (Хоув и Штраус в своих работах рассматривали период с XVI столетия). Исходя из такого подхода, возникла следующая классификация: 1900-1923 – поколение GI («поколение победителей»); 1923-1943 – «молчаливое поколение»; 1943-1963 – «бэби бумеры»; 1963-1984 – поколение X; 1984-2000 – поколение Y», поколением Миллениума; 2000-2020 – поколение Z.

Люди, рожденные на стыке поколений (плюс-минус три года от граничных дат), являются частичными носителями ценностей окружающих групп и образуют так называемые «эхо-поколения». Их задача – служить связующим раствором цивилизации и выступать в роли посредников, «переводчиков».

Каждые четыре (из перечисленных) последовательно стыкующиеся поколения формируют цикл, который ученые уподобляют годичному: зима, весна, лето, осень.

Длительность каждого такого цикла составляет около 80 лет. А затем начинается новый виток. Пятое (следующее за группой из четырех предыдущих) поколение обладает ценностями, сходным с первым. Так, ценности поколения Y в силу этой закономерности должны быть близки установкам поколения G1. А поколение Z будет ближе к представителям «молчаливого поколения».

Поколение победителей – Величайшее поколение (от англ. “Greatest Generation”) существовало с 1900-1923 годы. Событиями, оказавшими наибольшее влияние на это поколение, были: Великая депрессия, Первая и Вторая мировые войны, создание ООН, Перл-Харбор, Корейская война, возникновение СССР, атомные бомбардировки, полет Линдберга, политическая деятельность Рузвельта, Гитлера, Сталина, Черчилля.

Представители этого поколения по праву заслужили право называться победителями, т.к. большинство из них принимало активное участие во Второй мировой войне и даже сохранить жизнь в то время уже можно считать своего рода победой. Это люди, родившиеся в годы великой депрессии, в молодом возрасте ушедшие на фронт, вернувшись домой, начавшие активно восстанавливать экономику. «Победители» отличаются завидным трудолюбием, ответственностью и оптимизмом. Бездействие для них подобно смерти. Если позволяет здоровье, то победители сами делают уборку дома, ходят в магазин, они активно высказывают свою жизненную позицию при любых обстоятельствах. Они привыкли изменять жизнь к лучшему, побеждать и строить, при этом они свято верят в светлое будущее, а идеология для них превыше всего. Ради идеи они готовы сражаться, бороться и побеждать, во что бы то ни стало.

К основным маркерам данного поколения мы отнесли несколько направлений: военную терминологию (*штурмовые отряды*, *Нормандская операция*, или *операция «Оверлорд»*, *Операция «Нептун»* (от англ. Operation Neptune, фр. Opération Neptune), *Высадка в Нормандии* (англ. Normandy landings, фр. Débarquement de Normandie); технику и технологию (*авиафракт*, *воздушные грузоперевозки* (от англ. air freight), *зарядное устройство* (от англ. recharger), *наддув* (от англ. supercharge); политика, экономика (*Великая депрессия* (от англ. Great Depression), *«Чёрная пятница»* (от англ. Black Friday; пятница 15 апреля 1929), *Фриц* (от англ. Fritz, сокр. от нем. Friedrich); быт и общество (*«Титаник»* (от англ. Titanic), *Восход Земли (видимый с Луны)* (от англ. earthrise), *пищевая цепь*, *цепь питания* (от англ. food chain); безэквивалентная лексика (*duplex* – двухквартирный дом, *strafe* – обстреливать пулеметным огнем с бреющего полета).

Молчаливое поколение (от англ. “Silent Generation”), поколение Бит (от англ. “Beats”), Битники (от англ. “Beatniks”) существовало с 1923-1943 годы. Событиями, оказавшими наибольшее влияние на это поколение, были: Великая депрессия, мировой экономический кризис, Вторая мировая война, ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, начало противостояния СССР – США.

Молчаливое поколение осталось наименее изученным и ввиду этого не совсем понятным поколением по сравнению со всеми другими поколениями XX-XXI века. Это обусловлено тем, что «молчаливые» весьма малочисленны. Уважение к закону у них возведено в фетиш, как и уважение к должности и статусу человека. Полное и беспрекословное подчинение стоящему выше по карьерной лестнице для «молчаливого» – это совсем не признак трусости или лицемерия, это неизбежная жизненная установка. Для него всякая власть – от Бога.

То, что именно в их «период роста» были изобретены антибиотики, перевернувшие медицину и позволившие лечить смертельные ранее заболевания, внушило им безоговорочное уважение к врачам. Слово доктора для «молчаливого» – закон, не подлежащий обсуждению. Понятие «семья» для «молчаливого» свято. В ней он чувствует себя полноценным и свободным человеком. В семье он может говорить на любые темы, обсуждать проблемы, о которых будет молчать в любых других местах.

К основным маркерам данного поколения мы отнесли несколько направлений: военную терминологию (*сверхбомба* (от англ. superbomb), *авиадесант*, *парашютный десант* (от англ. paratroop drop), *интерком* (от англ. intercom), *каннибализировать* (от англ. cannibalize); техника и технологии (*компьютерная программа* (от англ. computer program), *кибернетика* (от англ. cybernetics), *транзистор*, *кристаллический триод* (от англ. transistor); общество и быт (*Шангри-ла* (от англ. Shangri-La), *Виктория* (англ. V-sign (сокр. от victory-sign), *проверка нуждаемости* (от англ. means testing); безэквивалентная лексика (*car-pool* – договоренность автовладельцев о совместной эксплуатации автомашин, *foo fighters* – НЛО этого периода, *zoot suit* – двубортный пиджак с широкими плечами и мешковатые брюки на подтяжках, с узкими отверстиями).

Поколение Бэби-Бумеры (от англ. “Baby-Boomers”), Поколение Я, Me Generation (от англ. “Generation Me”) существовало с 1943 по 1963 годы. Событиями, оказавшими наибольшее влияние на это поколение, были: окончание Второй мировой войны, начало Холодной войны, Война во Вьетнаме 1968 г., рок-музыка и сексуальная революция, нефтяной кризис 1973 года, убийство Джона Кеннеди, высадка первого человека на Луну.

То, что начиналось как познание самих себя у «Молчаливых», у «Бэби-бумеров» трансформировалось в нарциссическую жизненную установку «Я – это все», которая быстро привела к неистовому молодежному перевороту неопишуемой силы. Это поколение нарушало все правила. Дети победы, они были столь многочисленны, что для них оказывались тесны все общественные учреждения и институты: школа, обеспечение жильем, медицинское обслуживание, правительственные программы, система трудоустройства и пенсионные планы. Истинные «яппи» (то есть требующие больше, чем они могли самостоятельно оплатить), они, казалось, были изначально благословлены щедростью – самым лучшим, что могли дать им родители.

«Бумеры» получили свое название в честь бума рождаемости, который произошел после Второй мировой войны. В основу ценностей этого поколения легла психология победителей. Во взрослой жизни «бэби-бумеров» работа имеет большое значение – они хотят быть участниками процессов, а не их сторонними наблюдателями. Для того чтобы повысить мотивацию «бумера» на какое-либо действие, следует делать упор на профессионализм, успешность, высоту намеченной цели. Для работодателя «бумер» – находка, ибо среди представителей этого поколения больше всего трудолюбивых. При этом «бумеры» думают о здоровье, красоте, стремятся как можно дольше оставаться в хорошей форме. Успех и, как следствие, материальное благополучие – вот то, что может стать для бумера определяющим в жизни.

К основным маркерам данного поколения мы отнесли несколько направлений: технику и компьютеры (*микротехнология* (от англ. microtechnology), *инстаматик* (от англ. Instamatic – серия недорогих плёночных фотоаппаратов), *программа «Аполлон»* (от англ. Apollo program, Project Apollo), *киберкультура* (от англ. cyberculture); политика, экономика (*нефтяной кризис 1973 года*, *«нефтяное эмбарго»* (от англ. Oil embargo), *еврократ* (от англ. Eurocrat), *евроцентризм* (от англ. eurocentrism), *«Гринпис»* (от англ. Greenpeace); общество, развлечения (*новая волна*, *ню вэйв* (от англ. New Wave), *модник*, *модница*, *стиляга* (от англ. Mod – «ультрасовременный», сокращение от “modernist”), *Дредлоки*, *локи*, *дреды* (от англ. dreadlocks – «устрашающие локоны»); безэквивалентная лексика (*JFK shot* – убийство Джона Ф. Кеннеди, *WASP* – белая кость (применительно к американцам англосаксонского происхождения и протестантского вероисповедания), *peacenik* – противник войны (особенно во Вьетнаме).

Поколение X (англ. “Generation X”), поколение Next (от англ. будущее), поколение Пепси, 13 поколение существовало с 1963 по 1984 года. Событиями, оказавшими наибольшее влияние на это поколение, были: Афганская война (1979-1989), Холодная война; падение Берлинской стены, война в Персидском заливе, операция Буря в пустыне, эра персональных компьютеров, поп-культура, MTV, открытие СПИДа, убийство Джона Леннона, рассвет новых музыкальных групп и направлений, в частности “heavy metal”; Курт Кобейн – как голос и символ поколения, смерть принцессы Дианы.

Считается, что у детей поколения X было самое несчастливое детство, так как процент разводов среди их родителей (представителей поколения бэби-бумеров) был невероятно высок и превышал количество счастливых браков. Из-за этого представители данного поколения зачастую весьма отличаются друг от друга: кто-то смог перебороть себя, стать выше обстоятельств и добиться успеха в жизни, другие же предпочли всю жизнь жить на пособие. Первоначально СМИ достаточно негативно отзывались о представителях данного поколения, называя их “slackers” (от англ. бездельники, тунеядцы). Однако постепенно, наблюдая за темпами развития тех-

нического прогресса и тем, как умело его научились использовать в свою пользу представители поколения X, критика сменилась восторженными отзывами.

К основным маркерам данного поколения мы отнесли несколько направлений: Интернет (*Персональный компьютер*, *ПК* (от англ. personal computer, PC), *ПЭВМ* (персональная электронно-вычислительная машина), *Фидонет* (от англ. FidoNet, коротко Фидо), *Интернет или интернет* (от англ. Internet от international net – международная сеть, Всемирная сеть); политика, экономика (*холодная война* (от англ. The Cold War), *Карибский кризис*, *Афганская война* (от англ. Afgan War); безэквивалентная лексика (*Able Archer 83* (от англ. Опытный лучник) – десятидневные командные учения НАТО, которые начались 2 ноября 1983 года и охватили территорию Западной Европы).

Поколение Y (от англ. “Generation Y”) – поколение Миллениума (от англ. millennials – «поколение двухтысячных»), поколение «некст», «сетевое» поколение, эхо-бумеры (дети бэби-бумеров) существовало с 1982 по конец 1990-х годов.

Событиями, оказавшими наибольшее влияние на это поколение, были: война в Ираке, развитие связи, компьютерных технологий, экономический кризис 2008-2012 годов, новый всплеск терроризма.

Большинство поколения «игрек» относится к либеральной культуре, однако отдельные группы придерживаются более консервативных взглядов. Среди поколения «игрек» широко распространены неонацистские, коммунистические и монархические идеи. Демократы также присутствуют, однако их процент сравнительно мал.

Поколение «игрек» также соотносится с так называемым «поколением бумеранга», или «поколением Питера Пэна», в связи с тем, что его представители склонны оттягивать переход во взрослую жизнь на более долгий срок, чем их сверстники в предыдущих поколениях, а также дольше оставаться жить в родительском доме. Социолог К. Шапутис назвала это явление «синдромом переполненного гнезда» [9]. Первопричина этой тенденции может быть отнесена к экономическим условиям: международный финансовый кризис, повсеместное повышение стоимости жилья, безработица. Представители этого поколения активно стремятся к самовыражению как посредством сети Интернет, так и за его пределами.

К основным маркерам данного поколения мы отнесли несколько направлений: техника, компьютеры, Интернет (*компьютерный терроризм* (от англ. cyberterrorism – «кибертерроризм»), *торрент* (от англ. BitTorrent), *торрент-трекер* (от англ. torrent tracker), *логин* (от англ. login); экономика, бизнес (*стартап или стартап-компания* (от англ. start-up – «запускать»), *бизнес-инкубаторы* (от англ. business incubators), *технопарк*, *технологический парк* (от англ. technology park, также research park, science park), *фрилансер* (от англ. freelancer – «вольный копеечник», «свободный копыеносец, «наёмник»); безэквивалентная лексика (*google drift* (от англ. google + drift – «медлен-

ное течение») – ситуация, когда вы искали в гугле что-то определенное, но наткнулись на нечто более интересное и теперь читаете об этом, *forgoogle* (от англ. *forget* – «забывать» + *google*) – отметить про себя, что нужно будет поискать в Интернете ответ на заинтересовавший вопрос, и в итоге забыть, что хотели найти).

Поколение Z (от англ. “Generation Z”) – поколение ЯЯЯ (от англ. “MeMeMe”) существовало с начала 1990-х по 2000-е годы.

Событиями, оказавшими наибольшее влияние на это поколение, были: развитие Интернета, повсеместное распространение социальных сетей, террористический акт 11 сентября 2001 года, вторжение в Ирак, глобальная рецессия 2009 года, избрание первого темнокожего президента США Барака Обамы.

Поколение Z – первое поколение, выросшее в непосредственной связи с Интернетом. Это во многом повлияло на его развитие. Представители поколения Z всегда «он-лайн», постоянно общаются со своими сверстниками по мобильному телефону, через СМС, в социальных сетях.

Другой отличительной чертой поколения Z является то, что оно выросло в эпоху экономической нестабильности. Из-за этого их часто сравнивают с Молчаливым поколением, которое видело последствия Великой депрессии. Это привело к тому, что представители поколения Z склонны искать нестандартные методы работы и используют новые методы ведения бизнеса.

В эту эпоху получил широкое распространение мультикультурализм – политика, направленная на сохранение и развитие в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий, и обосновывающая такую политику теория или идеология.

С другой стороны, большинство представителей поколения Z выступают за социальное и экономическое равенство. Примером может послужить образование протестного движения «Захвати Уолл-стрит».

Существует мнение, что представители этого поколения будут более осторожными и более консервативными, по сравнению с остальными существующими поколениями. Это обусловлено тем, что они более осведомлены о глобальных процессах, а отсутствие нравственных запретов в обществе не вызывает открытого протеста против этих запретов. При этом большинство традиционных моральных ценностей им чуждо.

К основным маркерам данного поколения мы отнесли несколько направлений: экономика, бизнес (*краудсорсинг* (от англ. *crowdsourcing*, *crowd* – «толпа» и *sourcing* – «использование ресурсов»), *краудфандинг* (народное финансирование, от англ. *crowd funding*, *crowd* – «толпа», *funding* – «финансирование»), *аутсорсинг* (от англ. *outsourcing* (*outer-source-using*) – «использование внешнего источника/ресурса»); общество, развлечения (*смайтмоб* (от англ. *smart mob* – «умная толпа»), *Флешмоб или флэшмоб* (от англ. *flash mob*, *flash* – «вспышка, миг, мгновение»; *mob* – «толпа»; переводится как «мгновенная толпа»), *слэшдот-эффект* (от англ. *Slashdot effect*); общение, социальные сети (*соци-*

альная сеть (от англ. *social networking service*), *селфи* (самострел, от англ. *selfie* и *self* – «сам», «само»); безэквивалентная лексика (*poker face* – лицо, не выражающее никаких эмоций, как у игроков в покер, *duckface* – выражение лица, чаще всего женского, на фотографиях, когда губы заметно выпячиваются вперед, *bus look* – непримечательное выражение лица, которое появляется, когда едете в общественном транспорте).

Подводя итоги, отметим, что гипотеза о сходных поколенческих ценностях была проверена в ЮАР, Канаде, Азии и Европе. Результат положительный: учение признано вполне работоспособным и применимым. В границах одного и того же поколения люди из разных стран и даже с разных континентов – похожи. Теперь же есть все основания говорить о новой тенденции, вызванной глобализацией. Для российской действительности теорию поколений адаптировали Е. Шамис, психолингвист, преподаватель Академии народного хозяйства при правительстве России, и А. Антипов, психолог, преподаватель Института психологии и педагогики.

Среди прочих статей Е. Шамис опубликовала работу под названием: «Какие факторы и характеристики дали названия поколениям?» В данном исследовании она выдвигает следующие основные факторы:

1. период, когда возникло поколение – например, Беби-Бумеры – от *Baby-Boom* – бум рождаемости после II Мировой войны; поколение Миллениум – поколение, которое оканчивает школу в новом тысячелетии;

2. особенности воспитания и среды – молчаливое поколение росло в период, когда «подслушивают стены, недалеко от болтовни и сплетни до измены», поэтому поощрялось, чтобы дети не говорили слишком много; 13-е поколение (X) – 13 поколение в США, которое живет при существующем флаге страны (другая интерпретация этого названия – связана с имиджем числа «13» – необычного, рискованного, мистического – что близко к ценностям поколения X);

3. дела поколения – представители поколения GI выиграли во Второй Мировой войне и поэтому их называют «Победители», их другое название – «Строители» связано с тем, что они отстроили города и страны после войны; поколение Сети (Y) – поскольку представители этого поколения много времени проводят в интернете;

4. поколение само выбирает себе название – так получилось с поколением X. В 1991 году канадский автор Д. Коупланд написал роман «Поколение X: Сказки для ускоренного времени». В своем романе он описал молодежь 1980-х. Этот термин понравился молодежи и стал популярным. Название «Поколение X» Коупланд позаимствовал из научного исследования британской исследовательницы молодежи Дж. Деверсон. Она была первой, кто употребила термин в 1964 году, на основании исследования-опроса по подросткам того времени. В своем исследовании она обнаружила подростков, «которых не учили верить в Бога, которые не любят королеву и не уважают родителей». Деверсон работала совместно с голливудским корреспондентом Ч. Хамблеттом. Хамблетт и предложил назвать книгу «Поколение X».

Библиографический список

1. *Антипов А.* За икса не отвечаю. В мире науки, 2013. № 3. С. 75
2. *Афанасьева А.Н.* Исторический процесс и смена поколений. Преемственность поколений как социологическая проблема. М.: Мысль, 2003. С. 20-24.
3. *Вико Дж.* Основания Новой науки об общей теории наций: перев. с итал. А.А. Губера. М.: М.-К.: «REFL-book»-«ИСА», 1994. С. 18.
4. *Гулыга А.В.* Немецкая классическая философия. М.: Рольф, 2001. 416 с.
5. *Кон И.С.* Ребенок и общество. М.: Академия, 2003. С. 66.
6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. М.: Азбуковник, 1999. С. 58
7. *Руссо Ж.-Ж.* Педагогические сочинения: в 2-х т. Т.2. Под ред. Г.Н. Джибладзе; Сост. А.Н. Джуринский. М.: Педагогика, 1981. С. 47.
8. *Чумаков В.* КК-3.5. Теория поколений // Коммерческий директор. URL: <http://www.svblog.ru/consult/КК-3/5/>
9. *Kathleen Sh.* The Crowded Nest Syndrome: Surviving the Return of Adult Children. L.: Clutter Fairy Publishing, 2004. Pp. 19

References

1. *Antipov A.* I am not responsible for X. In the world of science, 2013. № 3. Pp. 75
  2. *Afanasyeva A.N.* Historical process and generation change. Continuity of generations as a sociological problem. M.: Mysl', 2003. Pp. 20-24
  3. *Vico J.* Grounds of New science about the general theory of nations: transl. from Italian. AA Huber. M.: MA-K.: «REFL-book» - «ISA», 1994. Pp. 18
  4. *Gulyga A.V.* German classical philosophy. M.: Rolf, 2001. 416 p.
  5. *Kon I.S.* The child and society. M.: Academiay, 2003. Pp. 66.
  6. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Y.* Explanatory Dictionary of the Russian language: 80000 words and idiomatic expressions / Russian academy of sciences. Institute of Russian language named after V.V. Vinogradov. M.: Azbukovnik, 1999. Pp. 58.
  7. *Rousseau Jean-Jac.* Pedagogical Works: in 2 volumes. Vol. 2. ed. G.N. Jibladze; compl. A.N. Dzhurinskiy. M.: Pedagogika, 1981. Pp.47.
  8. *Chumakov V.* КК 3.5. The theory of generations. Commercial Director. URL: <http://www.svblog.ru/consult/КК-3/5/>
  9. *Kathleen Sh.* The Crowded Nest Syndrome: Surviving the Return of Adult Children. L.: Clutter Fairy Publishing, 2004. Pp. 19
-

УДК 378.1

UDC 378.1

Н.С. ГЕДУЛЯНОВА

доктор педагогических наук, профессор, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: lambrador2@gmail.com

А.М. МИТЯЕВА

доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой социального управления и конфликтологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: annamm@inbox.ru

N.S. GEDULYANOVA

Doctor of Pedagogics, Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev
E-mail: lambrador2@gmail.com

A.M. MITYAEVA

Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Social and Conflict Management, Orel State University named after I.S. Turgenev
E-mail: annamm@inbox.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

THE ORGANIZATION OF STUDENTS' RESEARCH ACTIVITY

В статье рассмотрены толкования научно-исследовательской деятельности обучающихся в системе общего и вузовского образования. Предложены материалы для проведения научно-исследовательских семинаров среди обучающихся общеобразовательных школ, способствующие развитию компетенций в сфере исследований и разработок, познавательной активности обучающихся.

Ключевые слова: система непрерывного педагогического образования, качество образования, компетентностно-проектная модель, компетентностный подход в оценке учебных достижений обучающихся.

This article deals with the interpretation of students' scientific research activity in the system of general and higher education. The authors suggested materials for research seminars among students of secondary schools, contributing to the development of competencies in the field of students' research and development of cognitive activity.

Keywords: a system of continuous pedagogical education, the quality of education, the competence and design model, competence-based approach in the evaluation of students' educational achievements.

В распоряжении Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» в числе приоритетов выдвинута задача по достижению надлежащего качества образования на всех уровнях – от общего, начального и среднего профессионального образования до высшего и послевузовского профессионального образования – по формированию у человека жизненных установок и моделей поведения для будущего инновационного развития России.

Ключевыми для инновационного предпринимательства и развития среди обучающихся, являются личностные качества: мобильность, желание обучаться в течение всей жизни, склонность к предпринимательству и принятию риска в целом [1, с.205].

Целенаправленная работа по развитию компетенций в сфере исследований и разработок, а также мотиваций к инновациям в российских образовательных организациях направлена на реализацию реформы профессионального образования и развитие системы непрерывного образования в рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие образования».

Одной из главных задач развития познавательной активности обучающихся в образовательных организациях общего и высшего образования является организация научно-исследовательской и инновационной деятельно-

сти [2, с.46]. Перед тем как приступить к ее практической реализации, руководителям образовательных организаций необходимо ответить на следующие вопросы:

- как определить, какие обучающиеся и педагоги способны и готовы заниматься таким видом деятельности?
- каково содержание этой деятельности?
- как оформить полученные по итогам исследования результаты, подготовить исследовательскую работу?

Для ответа на эти и другие вопросы целесообразно провести серию семинаров для руководителей научных секторов, педагогов по организации научно-исследовательской деятельности среди обучающихся [3, с.11].

При подготовке и проведении семинаров можно использовать следующую схему:

1. теоретическое освещение той или иной педагогической проблемы;
2. возможности решения данной проблемы в педагогической практике;
3. собственный опыт образовательных организаций и педагогов в решении данной проблемы;
4. обмен мнениями [4, 2000].

Ниже предлагаются некоторые материалы для проведения научно-исследовательских семинаров среди обучающихся общеобразовательных школ.

1-й семинар «Формы и методы обучения» (вводный семинар).
Общая характеристика методов обучения

Таблица 1.

Метод обучения	Начальные учебные условия	Промежуточные результаты	Пути достижения промежуточного результата	Конечный результат	Формы обучения
Объяснительно-иллюстративный (репродуктивный)	Выделяются учителем, известны ученику	Известны ученику	Известны ученику	Обучающемуся необходимо запомнить	Традиционные: рассказ, беседа, лекция, семинар, семинар-практикум, практикум, практическая работа, лабораторная работа, экскурсия, самостоятельная работа
Программированное обучение	Выделяются учителем, известны ученику	Не известны ученику	Известны ученику	Ученику необходимо получить	Традиционные + алгоритмические
Эвристический	Выделяются учителем, известны ученику	Известны ученику	Не известны ученику	Ученику необходимо получить	Традиционные + реферативная работа, проектная деятельность
Проблемное обучение	Выделяются учителем, известны ученику	Не известны ученику	Не известны ученику	Ученику необходимо получить	Традиционные + проектная деятельность, «мозговой штурм»
Модельное обучение	Не выделяются учителем, а отбираются самим учеником в зависимости от его понимания задачи	Ученик получает самостоятельно	Определяются самим учеником	Определяется самим учеником	Традиционные + конференции, деловые игры: урок-суд, урок-аукцион и т.п.

2. Матрица разнообразия форм и методов обучения

Таблица 2 отражает пример взаимосвязи форм и методов обучения отдельно взятого учителя.

Возможно, одним из показателей мастерства учителя является то, сколько клеток этой матрицы он сможет заполнить. Закрасив те или иные клетки, учитель увидит, что у него получается хорошо, а над чем следует поработать [5, с.43]. Такая матрица может лежать в основе индивидуальной программы самообразования учителя, явиться отправным пунктом в целенаправленном

поиске профессионально значимой информации.

Чем больше педагог заполнил клеток, тем более разнообразна его деятельность по управлению учебно-познавательными процессами учащихся [6, с.100]. При этом учитель может добавить в клетки один из трех значков:

+ – знаю, умею, готов показать и помочь другим учителям;

Δ – владею, но полной уверенности нет;

О – не владею, но хотел бы познакомиться и научиться применять.

Таблица 2.

Матрица разнообразия форм и методов обучения, применяемых педагогом

Метод	Объяснительно-иллюстративный	Программированное обучение	Эвристическое обучение	Проблемное обучение	Модельное обучение
Рассказ	+		Δ		О
Беседа	+		+		О
Лекция	+	О		О	О
Семинар	+		О		+
Семинар-практикум		О			
Практикум			О	+	
Практическая работа	+			О	
Лабораторная работа	+	+			О
Экскурсия	Δ	Δ	Δ		
Самостоятельная работа	+	Δ	Δ	Δ	О

Данными этой матрицы может воспользоваться заместитель директора школы для того, чтобы представить себе, что могут педагоги [7, с.282]. Пример сводной

матрицы предлагается ниже (табл. 3). Цифрами обозначено количество учителей, указавших данную ячейку.

Таблица 3.

Матрица разнообразия форм и методов обучения, применяемых учителями школы

Метод	Объяснительно-иллюстративный	Программированное обучение	Эвристическое обучение	Проблемное обучение	Модельное обучение
Рассказ	32		17		
Беседа	32		32		
Лекция	30			3	
Семинар	28				1
Семинар-практикум			1		
Практикум	7	4			
Практическая работа	26	3			
Лабораторная работа	20	17		2	1
Экскурсия	29	17	19		
Самостоятельная работа	32	29	17	18	1

2-й семинар «Организация исследовательской деятельности учащихся в школе».
Исследовательская деятельность в школе
 (общедидактические подходы)

Таблица 4.

Сравнение традиционного и исследовательского подходов к обучению

Традиционное обучение	Исследовательское обучение
1. Учитель излагает основные представления и понятия, заложенные в содержании учебного предмета и отраженные в изучаемой теме	1. Учащийся самостоятельно постигает ведущие понятия и идеи, а не получает их в готовом виде от учителя
2. Учащиеся узнают жизненно важные идеи и понятия благодаря их прямому изложению учителем	2. При изучении предметов надо создавать такие ситуации, которые предоставляют учащимся возможность ознакомиться с представлениями, понятиями и в то же время требуют от них самостоятельно устанавливать, обнаруживать эти понятия на предлагаемых примерах
3. Предметы преподаются как целостный и законченный свод авторитетной и непротиворечивой информации, не подлежащей сомнению	3. Знакомство с представлениями должно включать альтернативные точки зрения, недостатки имеющихся объяснений, сомнения в достоверности выводов
4. Учебное познание строится на четкой логической основе, оптимальной для изложения и усвоения	4. Учащимся принадлежит ведущая роль в принятии решений о выборе способа работы с изучаемым материалом
5. Основная цель лабораторных работ - формирование практических манипулятивных навыков, а также способности следовать указаниям, направленным на достижение запланированных результатов	5. Материалы лабораторных работ побуждают учащихся выдвигать идеи, альтернативные тем, которые они изучают в классе
6. Изучение материала в ходе лабораторных работ следует установленным указаниям и определяется методикой, направленной на иллюстрацию изученных в классе понятий и представлений	6. Учащиеся сталкиваются с новыми явлениями, представлениями, идеями в лабораторных опытах, прежде чем они будут изложены и изучены на уроке
7. Лабораторные опыты должны быть спланированы учителем так, чтобы правильные ответы, результаты достигались лишь теми учащимися, которые четко придерживаются инструкций к лабораторной работе	7. В лабораторных опытах учащимся предоставляется возможность самостоятельно планировать свое исследование, определять его аспекты, предполагать возможные результаты
8. В ходе лабораторной работы ученики используют указания о том, что необходимо наблюдать, измерять, фиксировать, чтобы получить искомый правильный результат	8. Каждый учащийся самостоятельно изучает, описывает и интерпретирует те сведения и наблюдения, которые он наравне со всеми получает в ходе исследования
9. Сущность знаний следует иллюстрировать материалом об их применении	9. Для изучения правила (закона) учащимся следует познакомиться с примерами, из которых это правило (закон) можно вывести самостоятельно, без его изложения учителем
10. Для настоящего понимания изучаемого содержания ученикам следует усвоить свод связанной с этим содержанием информации фактологического характера	10. Учащиеся подвергают сомнению принятые представления, идеи, правила, включают в поиск альтернативные интерпретации, которые они самостоятельно формулируют, обосновывают и выражают в ясной форме

Уровни исследовательского обучения

Уровень	Деятельность учителя	Деятельность учащегося (группы)
1-й (наиболее легкий)	Ставит проблему и намечает метод ее решения	Самостоятельный поиск и обнаружение путей решения проблемы
2-й (средней сложности)	Только ставит проблему	Самостоятельный поиск метода и путей решения проблемы
3-й (наиболее сложный)	Не вмешивается в процесс, наблюдает за ходом исследования, консультирует	Самостоятельная постановка проблемы, поиск метода и путей ее решения

Требования к организации исследовательской деятельности в школе

1. Общие требования к исследовательской деятельности

1.1. Необходимо, чтобы у учащегося возникло чувство неудовлетворенности имеющимися представлениями. Он должен прийти к ощущению их ограниченности.

1.2. Новые представления (понятия) должны быть такими, чтобы учащиеся ясно представляли их содержание и допускали сосуществование с имеющимися представлениями о мире.

1.3. Новые идеи должны быть явно полезнее старых. Новые представления будут восприняты как более плодотворные, если они помогают решить нерешенную проблему, ведут к новым идеям, обладают более широкими возможностями для объяснения или предсказания [8, С.21].

2. Требования к процессу исследования

2.1. Побуждать учащихся формулировать имеющиеся у них идеи и представления, высказывать их в явном виде.

2.2. Сталкивать учащихся с явлениями, которые входят в противоречие с существующими представлениями.

2.3. Побуждать к выдвигению предположений, догадок, альтернативных объяснений.

2.4. Давать учащимся возможность исследовать свои предположения в свободной и ненапряженной обстановке, особенно путем обсуждений в малых группах.

2.5. Предоставлять ученикам возможность применять новые представления к широкому кругу явлений, ситуаций так, чтобы они могли оценить их прикладное значение [9, 2007].

3. Требования к учителю, реализующему исследовательский подход к обучению

Учитель, руководящий исследовательской деятельностью учащихся, должен:

1. Тонко чувствовать проблемность ситуаций, с которыми сталкиваются учащиеся, и уметь ставить перед учеником (группой учащихся) реальные задачи в понятной для учеников форме.

2. Выполнять функцию координатора исследовательской деятельности и партнера учеников, избегать директивных приемов.

3. Стараться увлечь учащихся проблемой и процессом ее глубокого исследования, стимулировать творческое мышление при помощи поставленных вопросов.

4. Проявлять терпимость к ошибкам учеников, предлагать свою помощь или адресовать к нужным источникам информации.

5. Организовывать мероприятия, способствующие

сбору учениками данных, консультации их со специалистами по исследуемой проблематике.

6. Предоставлять возможность для регулярных отчетов учащихся, рабочих групп; обмена мнениями в ходе обсуждений. Поощрять критическое мышление учащихся.

7. Заканчивать процесс исследовательской деятельности до появления признаков потери интереса ребят к проблеме.

8. Способствовать продолжению учащимися научно-исследовательской деятельности [10, 2007].

Критерии выбора учебных проблем

1. Проблема соответствует познавательным потребностям ученика или группы учащихся.

2. Ученики принимают участие в отборе учебных проблем и в разработке плана действий и способов их решения.

3. Наличие необходимых ресурсов для решения проблемы.

4. Выбранная проблема допускает выбор способов решения, активизируя тем самым механизмы принятия решения.

5. Учет предшествующей подготовки и опыта школьников.

6. Выбранная проблема является достаточно обычной и повторяющейся, чтобы оправдать усилия группы учащихся.

7. Учебная проблема должна быть достаточно серьезной и значимой, чтобы гарантировать заинтересованность всего класса.

8. Проблема отвечает возрастным особенностям учащихся и может быть ими решена (этот критерий особенно важен при формулировке проблемы и отборе материалов для ее решения) [11, 2009].

Как правило, проблемы, которые школьники считают настоящими, обычно выходят за рамки одного предмета. К решению реальной проблемной задачи часто привлекаются умения, понятия и знание явлений, относящихся к целому ряду учебных дисциплин [12, с.319]. Таким образом, при организации исследовательской деятельности может потребоваться пересмотр расписания (в большей степени это относится к использованию исследовательского подхода в обучении на третьей ступени школы) [13, с.106].

3-й семинар «Проектная деятельность в школе»

1. Виды проектов. Этапы работы над проектом

Проект-замысел, план; разработанный план сооружения, механизма; предварительный текст какого-либо документа [14, с.48].

Виды проектов в школе

Монопредметный проект – проект в рамках одного учебного предмета (учебной дисциплины), вполне укладывается в классно-урочную систему.

Межпредметный проект – проект, предполагающий использование знаний по двум и более предметам. Чаще используется в качестве дополнения курочной

деятельности.

Надпредметный проект – внепредметный проект, выполняется на стыках областей знаний, выходит за рамки школьных предметов. Используется в качестве дополнения к учебной деятельности, носит характер исследования.

Таблица 5.

Последовательность работы над проектом

Стадия работы над проектом	Содержание работы	Деятельность учащихся	Деятельность учителя
1. Подготовка	Определение темы и целей проекта, его исходного положения. Подбор рабочей группы	Обсуждают тему проекта с учителем и получают при необходимости дополнительную информацию. Определяют цели проекта	Знакомит со смыслом проектного подхода и мотивирует учащихся. Помогает в определении цели проекта. Наблюдает за работой учеников
2. Планирование	А) Определение источников необходимой информации. Б) Определение способов сбора и анализа информации. В) Определение способа представления результатов (формы проекта). Г) Установление процедур и критериев оценки результатов проекта. Д) Распределение задач (обязанностей) между членами рабочей группы	Формируют задачи проекта. Вырабатывают план действий. Выбирают и обосновывают свои критерии успеха проектной деятельности	Предлагает идеи, высказывает предположения. Наблюдает за работой учащихся
3. Исследование	1. Сбор и уточнение информации (основные инструменты: интервью, опросы, наблюдения, эксперименты и т.п.). 2. Выявление («мозговой штурм») и обсуждение альтернатив, возникших в ходе выполнения проекта. 3. Выбор оптимального варианта хода проекта. 4. Поэтапное выполнение исследовательских задач проекта	Поэтапно выполняют задачи проекта	Наблюдает, советует, косвенно руководит деятельностью учащихся
4. Выводы	Анализ информации. Формулирование выводов	Выполняют исследование и работают над проектом, анализируя информацию. Оформляют проект	Наблюдает, советует (по просьбе учащихся)
5. Представление (защита) проекта и оценка его результатов	Подготовка отчета о ходе выполнения проекта с объяснением полученных результатов (возможные формы отчета: устный отчет, устный отчет с демонстрацией материалов, письменный отчет). Анализ выполнения проекта, достигнутых результатов (успехов и неудач) и причин этого	Представляют проект, участвуют в его коллективном самоанализе и оценке	Слушает, задает целесообразные вопросы в роли рядового участника. При необходимости направляет процесс анализа. Оценивает усилия учащихся, качество отчета, креативность, качество использования источников, потенциал продолжения, проекта

2. Оценивание проекта

1 способ. Перед защитой проекта на каждого учащегося составляется индивидуальная карта [15, с.116]. В ходе защиты она заполняется педагогом и однокласс-

никами, а затем и самим учеником. После этого подсчитывается среднеарифметическая величина из расчета баллов, выставляемых в данной позиции (табл. 6).

Таблица 6.

Индивидуальная карта учащегося, защищающего проект

Этапы	Критерии оценки	Самооценка	Педагог	Коллеги по команде (классу)
Защита	Представление (из 15 баллов)			
	Ответы на вопросы (из 15 баллов)			
Процесс проектирования	Интеллектуальная активность (из 10 баллов)			
	Творчество (из 10 баллов)			
	Практическая деятельность (из 10 баллов)			
	Умение работать в команде (из 10 баллов)			
Итог	Достигнутый результат (из 15 баллов)			
	Оформление (из 15 баллов)			

Суммирование в этом случае выглядит следующим образом: 85-100 баллов – «отлично»; 70-85 баллов – «хорошо»; 50-70 баллов – «удовлетворительно»; менее 50 баллов – «неудовлетворительно».

Для избежания «двойки» за проект в ходе проектирования необходимо проводить консультации, дискуссии, насыщать учебную деятельность элементами самостоятельного познания и получения информации.

2 способ. Для оценивания индивидуальной работы над проектом более удобна рейтинговая оценка (табл. 7). Подобная анкета заполняется в ходе защиты самим проектантом, его одноклассниками и учителем.

Итоговая оценка (балл): 180-140 баллов – «отлично»; 135-100 баллов – «хорошо»; 95-65 баллов – «удовлетворительно»; менее 65 баллов – «неудовлетворительно».

Таблица 7.

Рейтинговая оценка проекта

Оценка этапов	Критерии оценки	Баллы
Оценка работы	Актуальность и новизна предлагаемых решений, сложность темы	5, 10, 20
	Объем разработок и количество предлагаемых решений	5, 10, 20
	Практическая ценность	5, 10
	Уровень самостоятельности участников	10, 20
	Качество оформления записки, плакатов и др.	5, 10, 15
	Оценка рецензентом проекта	5, 10
Оценка защиты	Качество доклада	5, 10, 20
	Проявление глубины и широты представлений по излагаемой теме	5, 10, 20
	Проявление глубины и широты представлений по данному предмету	5, 10, 20
	Ответы на вопросы преподавателя	5, 10
	Ответы на вопросы учащихся	5, 10

3 способ. Для старшеклассников можно предложить более сложный рейтинговый подход, где выделяются и оцениваются 10 критериев на 4 уровнях (0, 5, 10, 20 баллов) [16, С.290]. Сложность заключается не в оценке, а в повышенных критериях, приближающихся к вузовским. Сама оценка складывается из суммы среднеарифметической величины коллективной оценки, самооценки и оценки преподавателя (сумма делится

на три). Выделяются 5 критериев выполнения и 5 критериев защиты проекта, и каждый из них оценивается отдельно (табл. 8). Правда, при таком подходе исключена оценка собственно деятельности учащихся в процессе проектирования.

Итоговая оценка (балл): 200-155 баллов – «отлично»; 154-100 баллов – «хорошо»; менее 100 баллов – «удовлетворительно».

Таблица 8.

Рейтинговая оценка (повышенный уровень)

Этапы	Критерии оценки	Уровень (0,5,10,20)
Оформление и выполнение проекта	1. Актуальность темы и предлагаемых решений, практическая направленность работы	
	2. Объем и полнота разработок, самостоятельность, законченность, подготовленность к защите	
	3. Уровень творчества, оригинальность раскрытия темы, подходов, предлагаемых решений	
	4. Аргументированность предлагаемых решений, подходов, выводов	
	5. Качество записи: оформление, соответствие стандартным требованиям, рубрицирование и структура текста, качество эскизов, схем, рисунков	
Защита	1. Качество доклада: композиция, полнота представления работы, подходов, результатов; аргументированность и убежденность	
	2. Объем и глубина знаний по теме (или предмету), эрудиция, наличие межпредметных (междисциплинарных) связей	
	3. Представление проекта: культура речи, манера, использование наглядных средств, чувство времени, импровизационное начало, удержание внимания аудитории	
	4. Ответы на вопросы: полнота, аргументированность, убежденность, дружелюбие, стремление использовать ответы для успешного раскрытия темы и сильных сторон работы	
	5. Деловые и волевые качества докладчика: умение принять ответственное решение, готовность к дискуссии, способность работать с перегрузкой, доброжелательность, контактность	

4-й семинар «Организация ученического научного общества»

Формы работы ученического научного общества (УНО)

1. Лекторское бюро

Цель: подготовка популярных лекций по вопросам:

1. новейшие достижения науки и техники;
2. история науки;
3. деятели науки;
4. загадки и тайны науки;
5. и т.д. (обсуждаются на заседании секции при утверждении плана работы).

2. Теоретический отдел

Цель: углубление знаний учащихся, интересующихся той или иной наукой.

Работа членов секции заключается в написании рефератов на выбранную тему и защите их на заседании секции (заседании совета УНО, неделе/декаде по предмету, конференции, экзамене и т.п.). Наиболее интересны и значимы рефераты междисциплинарного содержания, написанные на стыках областей знаний (физика-химия, астрономия-биология, химия-астрономия, физика-биология, математика-информатика, литература-история и другие сочетания) [17, с.58].

Научное руководство отделом осуществляют учителя-предметники, преподаватели вузов (при наличии такой возможности).

Рекомендации для «теоретиков» можно давать в виде «рецептов научного поиска»:

Вариант 1. Собрав множество фактов, найти между ними нечто общее и на основании этого сделать теоретический вывод. Так в основном работают геологи, археологи, социологи.

Вариант 2. Исходя из теоретических предпосылок, построить систему, которая позволит объяснить встречающиеся факты. Так чаще всего работают математики и физики.

Вариант 3. Сравнивая уже известные теоретические положения и факты, сопоставляя их, обнаружить между ними неожиданные, многообещающие связи. По этому пути идут и физики, и химики, и медики.

3. Бюро научной и технической информации (БНИТИ).

Основная задача – систематическое ознакомление учащихся школы с новыми открытиями и изобретениями в различных областях науки, а также со знаменитыми датами календаря науки (о жизнедеятельности ученых и изобретателях, о лауреатах Нобелевской премии, о юбилейных датах научных открытий и т.п.) [18, с.138].

Работа членов секции заключается в проведении обзоров научно-популярных журналов: «Наука и жизнь», «Квант», «GEO», «Природа» и др. (целесообразно за каждым членом секции закрепить определенный журнал и проводить его обзор ежемесячно).

О проведенном обзоре можно сообщать на специальном стенде, по радио, школьному радио, в устных журналах.

4. Библиографический отдел

Задача отдела – популяризация среди школьников научно-популярной и научно-фантастической литературы.

Работа членов секции начинается с тщательного просмотра книг в школьной (районной, городской) библиотеках и составления на них подробных аннотаций. В дальнейшем учащиеся следят за поступлением новых книг, устраивают различные выставки (тематические, предметные, авторские), создают стенды книжных новинок.

5. Секция смекалистых («Думающая группа»)

Задача секции – объединить любителей решать не-

стандартные и трудные задачи.

Работа членов секции заключается в подборе нестандартных и трудных задач, подготовке школьников к интеллектуальным марафонам, предметным неделям и другим внеклассным мероприятиям по предметам.

6. Секция занимательной науки

Задача секции – проведение в младших классах викторин, турниров, часов и вечеров занимательной науки и т.п.

7. Ученическое конструкторское бюро — УКБ

Задачи секции – поддержание школьного оборудования в рабочем состоянии.

Работа членов секции заключается в изготовлении и ремонте приборов, приспособлений, установок, а также в выполнении заказов других секций УНО для проведения вечеров, выставок, олимпиад и т.д.

Руководителем секции может быть кто-либо из учителей предметов естественнонаучного цикла или технологии, технических работников, инженеров, родителей [19, с.150].

8. Секция администраторов

Задача секции – подготовка к проведению экскурсий, вечеров, выставок, конференций, встреч в рамках работы УНО.

Члены секции фактически координируют всю работу УНО, являются первыми помощниками учителей-предметников и могут их заменить при подготовке и проведении репетиций по плану мероприятий УНО.

5-й семинар «Внеурочная образовательная деятельность учащихся: факультатив, предметная неделя, ученическая конференция»

Внеурочная образовательная деятельность

Внеурочная образовательная деятельность – это различные виды самостоятельной образовательной деятельности школьников: массовые, групповые и индивидуальные.

Массовая внеурочная работа может проводиться в форме вечеров и спектаклей, викторин и познавательных игр, конкурсов и выставок, конференций и предметных недель, лекториев и т.п. [20, с.57].

К *групповым внеурочным занятиям* можно отнести факультативы, школьный совет по учебному предмету, кружки, творческие объединения учащихся, клубы, ученическое научное общество и т.п.

Индивидуальная внеурочная образовательная деятельность может осуществляться в виде исследовательских работ, конструирования, проектной деятельности, прикладных работ.

Основные формы внеурочной образовательной деятельности учащихся:

1. Факультатив (от лат. *facultas* – возможность) не обязательно, выбираемое по желанию учебное занятие.

Виды факультативов:

– *Курсы повышенного уровня (факультативы по предметам, входящим в учебный план)*. На них углубленно изучается содержание учебного предмета, систематизируются и обобщаются полученные знания,

сочетается теоретическая и практическая подготовка учащихся. Целью также может быть подготовка учащихся к продолжению образования, знакомств с вузовской системой обучения и программами вступительных экзаменов.

– *Прикладные факультативы.* Цель – знакомств с важнейшими путями и методами применения знаний на практике, развитие интереса к современным технологиям, технике и производству (например «прикладная математика», «прикладная психология» «прикладная экономика», «информатика и редактирование» и т.д.).

– *Спецкурсы.* На них углубленно рассматриваются отдельные вопросы основного курса и проблемы, выходящие за рамки учебной программы («Семейный бизнес», «саморазвития человека» и т.п.).

– *Межпредметные факультативы.* Цель – интеграция знаний учащихся о природе и обществе (например, «деловой английский» «страноведение» и др.).

– *Факультативы по предметам, не входящие в учебный план.* Такие факультативы имеют особо значение для школ с профильными классами, для усиления специальных дисциплин (например, «Социально-экономическая подготовка будущего педагога» для любых профильных классов, «политология» для гуманитарно-юридически классов, «шагаем в экономику с первого класса» для педклассов и т.п.) [21, с.258].

Факультативы должны давать возможность учитывать индивидуальные возможности учащихся повышать степень их самостоятельности на основе выполнения творческих, исследовательских или конструкторских работ, подготовки рефератов, докладов.

2. Предметная неделя (декада)

Обычно это своего рода «гала-мероприятия» по учебному предмету или образовательной области, включающие почти весь спектр форм внеурочной образовательной деятельности (школьные туры олимпиад, конференции, КВНЫ, диспуты, лектории и др.). В их подготовке и проведении участвуют школьники практически всех параллелей совместно с учителями. Для подготовки и проведения предметной недели за 1,5-2 месяца до начала создается «центр» (штаб), куда входят учителя и наиболее активные учащиеся. В задачи «центра» входит:

- планирование «Недели»;
- координация подготовки участников того или иного мероприятия;
- разработка первоначального проекта проведения «Недели» и обсуждение его на общем собрании предста-

вителей каждого класса, участвующего в мероприятиях;

- доработка плана с учетом замечаний;
- утверждение рабочей программы подготовки и проведения «Недели»;
- корректирование плана в ходе подготовки того или иного мероприятия.

В течение предметной недели регулярно и широко используются средства школьной информации (радиопередачи, стенгазеты, стенды, бюллетени, фоторепортажи и т.п.). Помимо этого желательно организовать выставку ученических творческих работ (плакатов, поделок, стенгазет, рисунков и пр.).

3. Ученическая конференция

Основной задачей конференций является развитие у школьников умений и навыков самостоятельного приобретения знаний на основе работы с научно-популярной, учебной и справочной литературой, а также обобщение и систематизация их знаний по учебным предметам, составление планов и тезисов докладов, подготовка выступлений.

В ходе подготовки конференции учащимися совместно с учителями определяется тематика проблем для самостоятельного изучения или под руководством учителя, подбираются источники информации для качественного освоения проблемы.

Конференции могут проводиться как в урочное, так и во внеурочное время. Количество проблем, рассматриваемых на конференции, не следует делать слишком большим. Тексты докладов должны быть доступными для понимания учащимися, краткими и емкими, выходить за рамки школьных учебников и пособий. Особое внимание при подготовке конференции необходимо уделить выступлениям учащихся: их манере держаться перед аудиторией, краткости изложения (в чем заключается проблема; что уже сделано в этом направлении; что предстоит сделать; некоторые цифры, но наиболее «яркие» и не очень много), расстановке интонационных акцентов, паузам, форме завершения доклада [22, с.321].

Для участия в конференции в качестве выступающих или гостей желательно пригласить компетентных специалистов по проблеме, рассматриваемой на конференции.

При подготовке конференции нужно также позаботиться об оформлении зала (плакаты, трибуна), наличии аудиовизуальных средств (графопроектор, экран, видеоаппаратура, микрофоны и др.), стендов, выставок (книг, работ учащихся).

Библиографический список

1. Гедулянова Н.С., Гедулянов М.Т. Наставничество как условие эффективного управления медицинскими организациями в области стоматологии. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 2(71). С. 205-210.
2. Гедулянова Н.С., Гедулянов М.Т. Качество образования – цель и результат инноваций.// Эко-потенциал. 2015. № 3(11). С.46-49.
3. Гедулянова Н.С., Горюева Л.В., Богданович Е.В. Рациональная модель системы наставничества как условие эффективного управления персоналом в российской организации. //Образовательные ресурсы и технологии. 2013. № 2(3). С.11-21.
4. Мурадова Н.С. Семейный бизнес как фактор формирования предпринимательской активности детей (на материале Республики Дагестан): диссер. на соиск. уч. степ. канд. педаг. наук. Дагестанский государственный университет. Махачкала, 2000.

5. *Мурадова Н.С.* Предпринимателями не рождаются (проблемы совершенствования экономического образования учащихся общеобразовательных школ). Педагогика. 2001. № 2. С.43.
6. *Мурадова Н.С.* Семья и школа как факторы, способствующие формированию социально-экономической активности сельских школьников. //Образование и общество. 2005. № 2. С.100.
7. *Мурадова Н.С.* Непрерывное педагогическое образование как условие формирования социально-экономической культуры педагога. // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2006. № 2. С. 282 – 284.
8. *Мурадова Н.С.* Совершенствование социально-экономической подготовки педагога в системе повышения квалификации педагогических кадров. Инновации в образовании. 2007. № 3. С. 21-29.
9. *Мурадова Н.С.* Формирование социально-экономической культуры педагога в системе непрерывного педагогического образования: диссер. на соиск. уч. степ. докт. педаг. наук. Московский педагогический государственный университет. Москва, 2007.
10. *Мурадова Н.С.* Формирование социально-экономической культуры педагога в системе непрерывного педагогического образования: автореф. диссер. на соиск. уч. степ. докт. педаг. наук. Московский педагогический государственный университет. Москва, 2007.
11. *Мурадова Н.С.* Экономика образовательного учреждения – инвестиции в будущее. Российская Федерация, Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Орловский гос. ун-т». Орел, 2009.
12. *Мурадова Н.С.* НИРС – инвестиции в будущее. //Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. С. 319-323.
13. *Мурадова Н.С.* Социально-экономическая подготовка обучающихся в процессе производственного обучения. //Научные исследования в образовании. 2007. № 2. С. 106-108.
14. *Мурадова Н.С.* Правовое регулирование социально-экономической подготовки педагога в системе непрерывного педагогического образования. //Право и образование. 2006. № 5. С. 48-53.
15. *Мурадова Н.С.* Совершенствование навыков делового общения у студентов высших учебных заведений как условие модернизации российского образования. //Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2003. Т.1 № 3. С. 116-120.
16. *Митяева А.М.* Содержательные аспекты индивидуализированной работы со студентами в вузе. //Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 4(60). С.290-293.
17. *Митяева А.М.* Пути преодоления коммуникативных барьеров в межкультурном общении. Межкультурное взаимодействие в современном обществе: проблемы и перспективы развития: мат-лы межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и соискателей. Орел: ООО «Горизонт», 2014. С.58-61.
18. *Митяева А.М.* Профилактика конфликтов в молодых семьях. Конфликтология. СПб, СПбГУ № 1. 2011. С.138-146.
19. *Митяева А.М.* Инновационные технологии разрешения семейных конфликтов у детей с девиантным поведением // Конфликтология. СПб, СПбГУ. № 4. 2014. С.150-159.
20. *Митяева А.М.* Содержание многоуровневого высшего образования в условиях реализации компетентностной модели. М.: Педагогика, №8. 2008. С.57-65.
21. *Митяева А.М.* Компетентностно-проектная модель высшего образования в условиях его модернизации в России. Ученые записки Орловского государственного университета. № 2.2011. С.258-265.
22. *Митяева А.М.* Компетентностный подход в оценке учебных достижений студентов в высшей школе. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. №2(58). С.321-329.

References

1. *Gedulyanova N.S., Gedulyanov M.T.* Tutorship as a condition for effective management of the Ministry of health in the field of dentistry. Scientific notes of Orel State University. 2016. № 2 (71). Pp. 205-210.
2. *Gedulyanova N.S., Gedulyanov M.T.* The quality of education - the purpose and the result of innovations. Eco-potential. 2015. № 3 (11). Pp. 46-49.
3. *Gedulyanova N.S., Gorovaya L.V. Bogdanovich E.V.* The rational model of mentoring system as a condition for effective personnel management in the Russian organization. Educational resources and technology 2013. № 2 (3). Pp. 11-21.
4. *Muradova N.S.* The family business as a factor of children's business activity (on the Republic of Dagestan) / The dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences / Dagestan State University. Makhachkala, 2000.
5. *Muradova N.S.* We are not born as the owners (the problem of improving the economic education of secondary school students). Pedagogy 2001. № 2. P.43.
6. *Muradova N.S.* The family and school as factors that contribute to the formation of social and economic activity of the rural schoolboys. Education and Society 2005. № 2. P.100.
7. *Muradova N.S.* The continuous teaching training as a condition of the formation of economic and social culture of the teacher. Herald of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. 2006. № 2. Pp. 282 - 284.
8. *Muradova N.S.* The improving of the social-economic training of the teacher in system of improvement of professional skill of pedagogical personnels. Innovations in Education. 2007. № 3. Pp. 21-29.
9. *Muradova N.S.* The formation of the teacher's social-economic culture in the system of a continuous pedagogical education / Thesis for the degree of Doctor of Pedagogical Sciences / Moscow State Pedagogical University. Moscow, 2007.
10. *Muradova N.S.* The formation of the social-economic culture of the teacher in system of a continuous pedagogical education / The synopsis of thesis for the degree of Doctor of Pedagogical Sciences / Moscow State Pedagogical University. Moscow, 2007.
11. *Muradova N.S.* The economy of the educational institution - investment in the future. Russian Federation, Federal Agency for Education, SEI HPE "Orel State University " Orel, 2009.
12. *Muradova N.S.* NIRS - investments in the future // Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2009. № 3. Pp. 319-323.
13. *Muradova N.S.* Social-economic training of the students in the course of vocational training. Scientific research in education. 2007. № 2. Pp. 106-108.

14. *Muradova N.S.* The legal regulation of social and economic preparation of the teacher in system of a continuous pedagogical education. *Law and Education*. 2006. № 5. Pp. 48-53.
  15. *Muradova N.S.* The improving of business communication skills of the students of higher education schools as a condition of modernization of Russian education // *Psychological-Pedagogical Gaudeamus journal*. 2003. Vol.1 № 3. Pp. 116-120.
  16. *Mityaeva A.M.* Substantive aspects of individualized work with students in high school. *Scientific notes of Orel State University*. 2014. № 4 (60). Pp. 290-293.
  17. *Mityaeva A.M.* The ways of overcoming communication barriers in intercultural communication. *Interculturality in contemporary society: problems and prospects: Materials of interregional scientific-practical conference of young scientists, post-graduate students*. Orel: Company "Horizon", 2014. Pp. 58-61.
  18. *Mityaeva A.M.* Prevention of conflict in young families. *Conflict*. St. Petersburg, St. Petersburg State University. № 1. 2011. Pp. 138-146.
  19. *Mityaeva A.M.* The innovative technology permits in the family conflict with children's deviant behavior. *Conflict*. St. Petersburg, St. Petersburg State University 2014. № 4. Pp. 150-159.
  20. *Mityaeva A.M.* The content of multi-level higher education in the implementation of competence model. М.: Education, 2008. № 8. Pp. 57-65.
  21. *Mityaeva A.M.* The competence and design model of higher education in the context of its modernization in Russia. *Scientific notes of Orel State University*. 2011. № 2. Pp. 258-265.
  22. *Mityaeva A.M.* The competence approach in the evaluation of educational achievements of students in higher education. *Scientific notes of Orel State University*. 2014. № 2 (58). Pp.321-329.
-
-

УДК 378.146

UDC 378.146

Л.И. ГУБАРЕВА

кандидат педагогических наук, кафедра профессионального обучения и бизнеса, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: tatina0711@yandex.ru

Т.А. СЕНЬКИНА

кандидат технических наук, кафедра туризма и гостиничного дела, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: tatina0711@yandex.ru

М.И. ТИХОНОВИЧ

магистрант, 1 курс обучения направления подготовки 44.04.01 «Педагогическое образование», профиль «Инженерная педагогика», Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: tatina0711@yandex.ru

L.I. GUBAREVA

Candidate of Pedagogics, Department of professional learning and business, Orel State University named after I.S. Turgenev
E-mail: tatina0711@yandex.ru

T.A. SENKINA

Candidate of Technical Sciences, Department of tourism and hotel business, Orel State University named after I. S. Turgenev
E-mail: tatina0711@yandex.ru

M.I. TIKHONOVICH

Master, 1 course of 44.04.01 direction of preparation "Pedagogical education", profile of Engineering pedagogy, Orel State University named after I. S. Turgenev
E-mail: tatina0711@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАНДАРТАМИ EUR-ACE

THE METHODOLOGY OF DESIGNING EDUCATIONAL PROGRAMS IN ACCORDANCE WITH EUR-ACE STANDARDS

Разработка Рамочных стандартов для аккредитации инженерных программ, реализуемых высшими учебными заведениями, является основной целью проекта EUR-ACE.

Разнообразие инженерных программ, предоставляющих уровень образования, необходимый для освоения инженерной профессии, предусматривают разрабатываемые Стандарты. Предложенные Стандарты позволяют сравнивать академические квалификации, существующие в Европейском пространстве высшего образования, с особенностями освоения инженерных программ в России и, таким образом, способствуют развитию мобильности среди выпускников инженерных программ.

Ключевые слова: стандарты, инженерные программы, аккредитация, квалификация, выпускники.

Development of Framework standards for the accreditation of engineering programmes implemented by higher educational institutions, is the main goal of the project EUR-ACE.

The diversity of engineering programmes that provide the education level necessary for the development of the engineering profession provide the developed Standards. Proposed Standards allow us to compare academic qualifications existing in the European higher education area with the peculiarities of the development of engineering programs in Russia, and thus contribute to the development of mobility among graduates of engineering programs.

Keywords: standards, engineering programs, accreditation, qualification, graduates.

Проектирование образовательной программы является первым (начальным) циклом общего процесса непрерывного совершенствования программы.

Процесс включает в себя две взаимосвязанные и постоянно «прокручивающиеся» петли, демонстрирующие непрерывное совершенствование учебного процесса в вузе, направленное на достижение целей образовательной программы и планируемых результатов обучения (рис. 1).

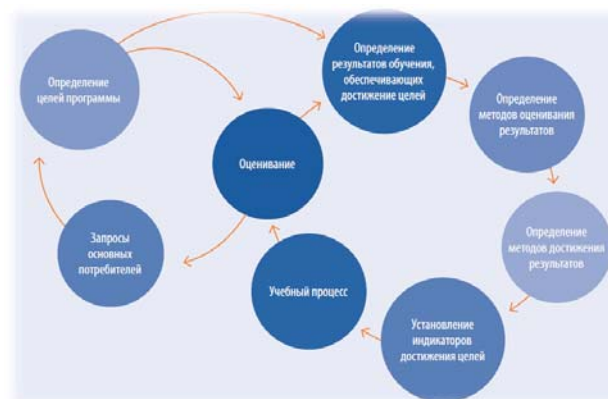

Рис. 1. Процесс совершенствования и оценивания программы.

Внешняя (левая) петля демонстрирует процессы формирования, оценивания и корректировки (в случае необходимости) целей образовательной программы.

Внутренняя (правая) петля показывает, каким образом в университете последовательно планируются, достигаются и оцениваются результаты обучения.

Взаимосвязь внутренней и внешней петли демонстрирует, что через оценивание достижения результатов обучения проверяется достижение целей образовательной программы: возможна как корректировка планируемых результатов обучения (и, соответственно, учебного процесса) для обеспечения достижения целей программы, так и корректировка целей образовательной программы, если их достижение оказывается невозможно по каким-либо причинам.

Стоит заметить, что внешняя петля «прокручивается» несколько медленнее, чем внутренняя: оценка достижения целей образовательной программы может состояться лишь после нескольких выпусков.

Таким образом, процессы внутренней петли закончатся несколько раз, прежде чем завершится цикл внешней петли. Непрерывное совершенствование предполагает в случае необходимости проектирование (модернизацию) программы для обеспечения достижения целей образовательной программы и результатов обучения.

Проектирование образовательной программы включает в себя следующие этапы (шаги):

1. Формирование концепции образовательной программы.

Разработка концепции программы предполагает определение основных ее потребителей, создание в подразделении системы, обеспечивающей взаимодействие с потребителями, изучение их запросов, формирование концепции программы.

2. Формулировка целей образовательной программы.

Разработчик программы на основе изучения требований основных потребителей (основного потребителя) программы формулирует ее цели. Цели программы должны соответствовать миссии вуза или подразделения и обеспечивать её конкурентоспособность и востребованность потребителями программы.

3. Планирование результатов обучения образовательной программы.

Разработчик программы планирует измеряемые результаты обучения образовательной программы – те знания, умения и качества, которые приобретаются учащимися в процессе освоения программы. Результаты обучения должны быть согласованы с запросами основных потребителей программы и обеспечивать достижение выпускниками поставленных целей.

4. Модули и распределение кредитов.

На данном этапе определяется, каким образом планируется достижение результатов обучения образовательной программы: оценивается кредитная стоимость результатов обучения программы и определяется набор модулей программы, обеспечивающих их достижение.

Каждый модуль (дисциплина) характеризуется набором результатов обучения данного модуля или дисциплины и соответствующим количеством кредитов в соответствии с его вкладом в результаты обучения образовательной программы. Каждый планируемый результат обучения модуля подразумевает некоторую учебную деятельность студента, определяемую сущностью результата обучения, образовательной средой, применяемыми технологиями и т.д. Таким образом, количество кредитов, соответствующих результату обучения по модулю, определяется нагрузкой студента, необходимой для достижения данного результата обучения. Разработчику программы необходимо распределить планируемые результаты обучения (и, соответственно, кредиты) между обязательными модулями образовательной программы в соответствии с их вкладом в достижение этих результатов. Нормативный временной ресурс, отводимый модулю, устанавливается в соответствии с его кредитной стоимостью.

Разработчик каждого модуля обеспечивает подготовку учебно-методических материалов, планирует использование различных педагогических технологий (форм, методов и средств), направленных на достижение планируемых результатов обучения данного модуля. Каждый модуль должен включать систему оценивания достижения результатов обучения. Назначение кредита отдельному результату обучения модуля (дисциплины) невозможно при отсутствии оценивания его достижения.

5. Разработка системы оценивания достижения планируемых результатов обучения и целей образовательной программы

Оценивание достижения результатов обучения и целей образовательной программы должно осуществляться систематически и служить основой для непрерывного совершенствования программы.

Немаловажным дополнением к системе, реализуемой подразделением или вузом, является общественно-профессиональная аккредитация программы с участием независимых экспертов (представителей образовательного или профессионального сообщества).

Концепция образовательной программы

Проектирование образовательной программы начинается с построения ее концепции. Под этим понимается определение основных потребителей образовательной программы, изучение их запросов и определение на их основе целей проектируемой образовательной программы.

Важнейшим фактором для образовательной программы является ее востребованность основными потребителями. Разработчик программы в рамках стратегии развития своего вуза и в соответствии с его миссией должен четко понимать, прежде всего, для кого разрабатывается и чьим запросам будет удовлетворять разрабатываемая программа. В качестве основных потребителей программы могут выступать: органы управления образованием страны или региона, работодатели

в лице представителей отраслей экономики, промышленных компаний или исследовательских институтов, региональные и федеральные органы власти, а также сотрудники самих вузов, абитуриенты и их родители.

Правильное определение своего основного потребителя (или нескольких потребителей), изучение его запросов и разработка концепции программы, направленной на их удовлетворение, является ключевым моментом решения множества проблем, связанных с дальнейшим развитием программы: ее востребованностью студентами, финансированием, трудоустройством выпускников, а также её содержанием, оценением и гарантированием её качества. Программа должна быть способна гибко реагировать на изменяющиеся условия внешней среды, для чего необходим четко определенный и эффективно действующий механизм взаимодействия с основным потребителем (основными потребителями).

Важно отметить, что разработчик программы (коллектив подразделения вуза) должен понимать, что основную ответственность за разрабатываемую программу несет именно он. Понимание своей ответственности требует от разработчика знания как современных мировых тенденций в своей профессиональной сфере, так и учета требований мирового профессионального сообщества и аккредитационных организаций к компетенциям выпускников разрабатываемой программы, что должно гарантировать признание качества получаемого ими образования. Для обеспечения востребованности и конкурентоспособности программа должна:

- выгодно отличаться от аналогичных программ других вузов, максимально соответствуя запросам своего основного потребителя;

- обеспечивать высокое качество подготовки специалистов и постоянно совершенствоваться.

Систематическое изучение интересов основных потребителей программы и стремление им соответствовать является необходимым условием существования любой образовательной программы в современных условиях. В вузе или подразделении, ответственном за реализацию образовательной программы, должна функционировать постоянно действующая система совершенствования программы, включающая изучение запросов основных потребителей, формирование целей образовательной программы и систематическую оценку их достижения. Данные, получаемые в результате опросов выпускников программы, работодателей, преподавателей и других заинтересованных сторон, должны систематически изучаться, анализироваться и использоваться для совершенствования образовательной программы и корректировки ее целей.

Цели образовательной программы

Сформулировав концепцию программы, разработчик должен сформулировать цели образовательной программы. Собственно говоря, цели программы являются сжатым выражением концепции программы, формулируя задачи образовательного процесса на языке компетенций, приобретаемых выпускниками образова-

тельной программы. Итак, цели образовательной программы – это совокупность знаний, умений и опыта, которыми должны обладать выпускники программы через некоторое время после ее окончания.

Цели программы представляют собой широкие формулировки, отражающие специфику программы, не затрагивающие при этом содержание самой программы. Поскольку цели программы являются важным инструментом взаимодействия программы и вуза с внешней средой, они должны быть доступны, понятны и привлекательны для ее основных потребителей. Поэтому цели программы должны соответствовать потребностям общества в подготовке специалистов определенного профиля, отвечать интересам потенциальных работодателей, быть привлекательными для абитуриентов и студентов и в то же время демонстрировать специфику программы по отношению к аналогичным программам других вузов, тем самым обеспечивая конкурентоспособность и востребованность.

Образовательная программа и учебный процесс должны обеспечивать достижение ее целей. Важно понимать, что некоторые цели могут быть достигнуты всеми выпускниками, а другие лишь частью выпускников, и что их достижение происходит лишь через некоторое время после окончания программы.

Оценка достижения целей образовательной программы, как правило, проводится при помощи изучения мнения работодателей, выпускников и других заинтересованных сторон. Достижение целей образовательной программы является одним из важных критериев при аккредитации программ, в том числе организациями-членами ЕНАЕЕ. Цели образовательной программы должны удовлетворять следующим требованиям:

- соответствовать запросам одного или более потребителей; пониматься и разделяться той группой потребителей, чьи интересы она должна удовлетворять;

- соответствовать миссии вуза, пониматься и разделяться коллективом подразделения, реализующего программу;

- быть краткими и ясными, подчеркивать уникальность программы;

- быть достижимыми, для чего каждой цели должен соответствовать как минимум один результат обучения;

- иметь более широкую формулировку, чем результаты обучения.

Результаты обучения программы

Для достижения целей программы разработчики должны детализировать их в виде результатов обучения, разработать учебный план с подробным описанием модулей и дисциплин и результатов обучения модулей и дисциплин, в итоге освоения которых будут достигаться результаты обучения программы.

Цели образовательной программы представляют собой широкие формулировки, описывающие специфику подготовки и портрет будущего выпускника на уровне, доступном ее потенциальным потребителям.

Результаты обучения определяют знания, умения и опыт, которые должны приобрести студенты по окончании процесса обучения. Достижение результатов обучения программы выпускниками должно обеспечивать достижение целей образовательной программы.

Результаты обучения образовательной программы (модуля) – это знания, умения и личные качества, которые должен продемонстрировать выпускник в момент окончания программы (модуля). В отличие от целей образовательной программы, которые могут быть достигнуты через некоторое время после окончания обучения (при этом необязательно все цели будут достигнуты всеми выпускниками!), результаты обучения программы должны достигаться всеми выпускниками в момент окончания обучения по образовательной программе.

Результаты обучения образовательной программы должны удовлетворять следующим требованиям:

- результаты обучения задаются в терминах знаний, умений, опыта и интегрирующих их компетенций, приобретаемых всеми выпускниками программы по окончании обучения;

- каждый результат обучения формулируется таким образом, чтобы студент или выпускник смог продемонстрировать его достижение в процессе освоения или по окончании программы;

- результаты обучения соответствуют как минимум одной цели программы;

- результаты обучения должны быть четко и ясно сформулированы, понятны студентам, преподавателям, работодателям и внешним экспертам и допускать эффективное оценивание;

- результаты обучения должны быть демонстрируемы и измеримы;

- в совокупности результаты обучения отдельных модулей (дисциплин) программы должны приводить к достижению результатов обучения образовательной программы в целом.

Результаты обучения программы формулируются разработчиками на основе целей программы и требований её основных потребителей к профессиональным и универсальным компетенциям выпускника. Их достижение обеспечивает освоение всей образовательной программы (точнее, всех её обязательных модулей). Таким образом, как отмечалось выше, каждой цели образовательной программы должен соответствовать хотя бы один результат обучения программы.

Результаты обучения программы декомпозируются на результаты обучения отдельных её модулей. Результаты обучения отдельного модуля или дисциплины – это детализированные требования к знаниям, умениям и личным качествам студента, которые должны быть продемонстрированы по окончании модуля или дисциплины. Они формулируются разработчиками программы совместно с преподавателями, ответственными за разработку модуля или дисциплины, и должны гарантировать достижение результатов обучения программы.

Модули и распределение кредитов

Созданная как система перезачета кредитов, система ECTS трансформировалась в Европейскую систему перезачета и накопления кредитов. Кредиты ECTS используются (помимо перезачета кредитов университетами или подразделениями) для описания вклада изучаемых модулей в образовательную программу. Приложения к дипломам (транскрипты), выдаваемые европейскими вузами, используют кредиты ECTS как показатели признаваемых университетом видов учебной деятельности студентов. Кредиты назначаются студенту, если он закончил модуль или дисциплину и был успешно аттестован. Таким образом, выступая в качестве меры нормативной студенческой нагрузки, необходимой для достижения планируемых результатов обучения, кредиты используются в настоящее время как инструмент проектирования образовательных программ.

Следующие шаги проектирования образовательной программы принадлежат правотворческой (внутренней) петле модели ABET и относятся к формированию её структуры и содержания. Настоящая методология предполагает использование кредитной системы ECTS в качестве инструмента оценивания содержания образовательной программы и результатов её освоения. Сохраняя основной принцип кредита ECTS как единицы нормативных трудозатрат студента, связанных с освоением доли образовательной программы, в настоящей методике изначально устанавливается однозначное соответствие между планируемыми результатами обучения и их кредитной стоимостью в образовательной программе, и далее, в соответствии с кредитной стоимостью, определяется нормативное время трудозатрат, необходимое для их достижения.

Разработчик программы, оценивая в кредитах тот или иной результат обучения образовательной программы, определяет его как по объему и глубине знаний и навыков, так и по его значимости для данной образовательной программы или, другими словами, для набора компетенций выпускника в соответствии с целями образовательной программы.

Планируемые результаты обучения образовательной программы достигаются в результате освоения дидактических единиц – модулей (дисциплин) программы. Модули образовательной программы могут состоять из одной или нескольких обязательных или элективных дисциплин, а также включать практику, НИРС, курсовые проекты, выпускную квалификационную работу (ВКР). Так как некоторые результаты обучения (например, относящиеся к личностным качествам) достигаются не в рамках отдельного модуля, а в ходе освоения нескольких модулей или даже всей программы в целом, кредит(ы) назначается(-ются) тому модулю (единице программы или учебного плана), в котором осуществляется оценивание достижения данного результата обучения.

Результаты обучения отдельных модулей программы представляют собой детализированные знания, умения и владение опытом их практического применения,

способствующие приобретению выпускниками профессиональных и универсальных компетенций в результате обучения по образовательной программе.

Они являются основой для разработки рабочих программ отдельных модулей и дисциплин. При формировании результатов обучения отдельных модулей и дисциплин их разработчики должны учитывать следующие принципы:

- результаты обучения отдельных модулей должны быть сформулированы таким образом, чтобы соответствовать результатам обучения программы в целом;
- результаты обучения отдельных модулей должны быть достаточно четко определены и описывать, какие знания и умения реально может приобрести студент за ограниченный период обучения;
- достижение результатов обучения должно оцениваться с использованием прямых методов оценивания: письменных опросов, устных презентаций, практических занятий, письменных работ, проектов, экзаменов и т.д.;
- при определении результатов обучения отдельных модулей (дисциплин), следует учитывать принцип последовательности: более высокий уровень знаний и понимания развивается на основе предшествующего обучения.

Оценивание достижения результатов обучения и целей образовательной программы

В соответствии с рамочными стандартами EUR-ACE для успешного прохождения профессиональной аккредитации программы вуз должен представить доказательства того, что он реализует «регулируемый и систематический процесс постоянного пересмотра требований потребителей, целей программы, результатов обучения, образовательного процесса, ресурсов и партнерских отношений, системы управления».

Схожие требования имеют и другие аккредитационные агентства.

Образовательный процесс должен вовлекать студентов в стимулирующий, практико-ориентированный процесс обучения, который полностью подготовит их занять свое место на рынке труда и далее развивать свою профессиональную карьеру.

План по оцениванию должен быть сфокусирован на обучении студентов и том, каким образом программа может помочь студентам учиться более эффективно.

Такой план достигает своего максимального потенциала, когда он полностью выстроен на комплексе четко определенных целей и результатов вуза, программы и дисциплин. Когда оценивание служит целям стратегического планирования, оно становится эффективным инструментом непрерывного совершенствования качества обучения и вносит вклад в достижение видения и миссии вуза.

Подразделению или комиссии по программе необходимо выстроить легко управляемую схему для постоянного улучшения и развития программы при помощи стратегического планирования, основанного на следую-

щих вопросах:

1. ЗАЧЕМ? (какие вы ставите специфические цели и задачи оценивания и улучшения программы?)
2. КТО? (кого вы вовлечете? Кто является ключевыми заинтересованными сторонами?)
3. КОГДА? (какие у вас временные рамки?)
4. КАК? (какой метод оценивания наиболее подходит?)
5. ЧТО? (какие информативные данные вы будете собирать?)

После того как определены специфические цели оценивания, следующие группы заинтересованных сторон могут быть вовлечены в процесс оценки:

- студенты (обучающиеся в данный момент и заканчивающие обучение);
- выпускники;
- преподаватели;
- сотрудники (администрация);
- работодатели (представители промышленности);
- профессиональные организации (агентства по сертификации или аккредитации);
- руководители подобных программ в других вузах.

Далее необходимо составить план по оцениванию целей и результатов образовательной программы.

Подобный план может быть разработан на уровне подразделения (кафедры), отвечающего за основную образовательную программу, и его эффективную реализацию должны курировать руководитель программы или рабочая группа, состоящая из преподавателей, имеющих опыт оценивания и хорошую мотивацию.

Оценка достижения целей образовательной программы

Оценка целей должна происходить за пределами вуза. Основными заинтересованными сторонами, которые могут послужить источником информации при оценке достижения целей, являются работодатели и выпускники.

При этом оцениваются в %-ном отношении:

- количество выпускников, которые работают по специальности;
- количество выпускников, которые занимаются научными исследованиями;
- количество выпускников, получивших степень кандидата/доктора наук;
- количество выпускников, которые используют современные компьютерные технологии;
- степень удовлетворенности работодателей качеством подготовки выпускников;
- % спроса на выпускников.

Оценивание результатов обучения программы

Существует множество способов сбора данных, демонстрирующих качество обучения студентов. Для упрощения классификации способов оценивания можно их разделить на прямые и непрямые (косвенные). Прямые методы оценивания, вероятнее всего, более

знакомы преподавателям. Прямым измерениям подвергаются образцы действительной работы студента, включая отчеты, экзамены, презентации, выполнение задач и другие завершённые работы. Преимущество прямых измерений – они основаны на том, что преподаватели собирают примеры того, что студенты могут сделать, и это является строгим доказательством прогресса обучения студента. Возможной слабой стороной прямых измерений является то, что не все может быть продемонстрировано студентами прямым образом, например, ценности, восприятие, чувства и личностные качества.

Так как любой метод имеет свои ограничения, идеальный план оценивания должен сочетать прямые и непрямые измерения из различных источников. Такое сочетание методов позволяет получать связанные доказательства прогресса обучения студента.

В соответствии со стандартами EUR для оценки процесса обучения и внутренней эффективности деятельности организации предлагается использовать следующий набор прямых и непрямых методов оценивания.

Прямые	Непрямые
Стандартные экзамены (Standardized exams)	Письменные опросы и анкетирование (Written surveys and questionnaires)
Местные экзамены (Locally developed exams)	Заключительное и другие интервью (Exit and other interviews)
Порфолио (Portfolios)	Архивные записи (Archival record)
Моделирование (Simulations)	Фокус-группы (Focus groups)
Оценка усвоения (Performance Appraisal)	
Внешний экзаменатор (External examiner)	
Устные экзамены (Oral exams)	
Наблюдение за поведением (Behavioral observations)	

Одним из обстоятельных подходов к оцениванию результатов обучения является установление соответствий в программе (curriculum mapping) – это один из методов оценивания, который позволяет определить где, когда и как результаты обучения формируются и оцениваются внутри образовательной программы.

Это позволяет выстраивать эффективную стратегию для четкого формулирования, согласования и интеграции результатов обучения во всей последовательности дисциплин, а также давать четкое представление студентам, преподавателям, администрации и внешним заинтересованным сторонам о том, как результаты обучения формируются в рамках образовательной программы.

Установление соответствий в программе имеет особую ценность, когда преподаватели совместно анализируют данные, полученные в ходе опросов, и определяют сильные стороны, пробелы, избыточность и несоответствия в программе. На основе совокупных показателей, относящихся к планируемым и формируемым результатам обучения, преподаватели обсуждают сильные стороны программы и разрабатывают специальные

рекомендации по ее улучшению. Преподаватели могут оценить разнообразие и частоту применения методов обучения и оценивания и проверить, насколько глубина и сложность учебной деятельности студентов различается внутри программы.

Оценивание результатов обучения модулей

В соответствии со словарем терминов, относящихся к высшему образованию (в области техники и технологий), оценивание в отношении к студентам – это общая совокупность письменных, устных и практических форм контроля, включая проекты и портфолио, которые используются для принятия решения об успеваемости студентов в освоении дисциплины или модуля. Данные измерения могут быть использованы преимущественно студентами для оценивания своего собственного прогресса (текущее оценивание) или университетом для анализа того, были ли дисциплина или модуль освоены удовлетворительно в соответствии с запланированными результатами обучения дисциплины или модуля (итоговое оценивание).

В настоящее время существует множество методов оценивания освоения модуля или дисциплины, которые преподаватель может применять после определения планируемых результатов обучения модуля.

Вот некоторые из них:

- экзамен «с закрытым учебником» (Closed-book examination);
- экзамен «с открытым учебником» (Open-book examination);
- онлайн-тестирование с различными вариантами (On-line test, involving different options);
- устная презентация с вопросами или без (Oral presentation with or without questions);
- устный экзамен по предварительно определенной теме (Oral examination on a predetermined topic);
- устный экзамен без предварительно определенной темы (Oral examination on open topics);
- Письменный отчет (по форме или без нее) (Written report (with or without a pro-forma));
- проекты или изготовленные макеты (Designs or manufactured artifacts);
- стендовый доклад или электронный постер (Poster or e-poster);
- задания, состоящие из вопросов, на которые необходимо отвечать в числовой или реферативной форме (Assignment involving numerical or essay questions);
- портфолио выполненных работ или электронное портфолио (A portfolio of work, or an e-portfolio);
- веб-страница (A wiki).

Для создания атмосферы успеха, в которой все учащиеся верят в то, чего они могут достигнуть, преподавателям необходимо:

1. обеспечить, чтобы студенты точно понимали:
  - что им необходимо выполнить,
  - как это будет оцениваться,
  - что у них получается хорошо,
  - что получается неправильно и что необходимо

сделать, чтобы это исправить;

2. избегать сравнения со способностями других и соперничества.

Специалист, практикующий в области оценивания, должен быть немного статистиком, хорошо понимать видение лидера и достаточно ориентироваться в методах социологических опросов.

Данные, получаемые в ходе анализа образовательной программы, а также при помощи системы изучения востребованности, трудоустройства, сопровождения карьеры и профессионального развития выпускников, должны постоянно использоваться для совершенствования программы, ее целей и результатов обучения.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3.09.2005 г. № 1340-р «О Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2006-2010 годы».
2. Ассоциация инженерного образования России. <http://www.aeer.ru/>
3. ABET, Criteria for Accrediting Engineering Programmes, Effective for European Association for Quality Assurance in Higher Education. <http://www.enqa.eu/>
4. Reviews during the 2013-2014. Режим доступа: <http://www.abet.org/>

References

1. The order of government of the Russian Federation from 3.09.2005, № 1340-R «About the Concept of the Federal target program of education development for 2006-2010».
  2. Association for engineering education of Russia. <http://www.aeer.ru/>
  3. ABET, Criteria for Accrediting Engineering Programmes, Effective for European Association for Quality Assurance in Higher Education. <http://www.enqa.eu/>
  4. Reviews during the 2013-2014. Mode of access: <http://www.abet.org/>.
-
-

Е.В. ЗЕЛЕНИНА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Тульский государственный университет
E-mail: Zeleninagold@yandex.ru

E.V. ZELENINA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Tula State University
E-mail: Zeleninagold@yandex.ru

КОНКУРС ПРОЕКТОВ ЭКСКУРСИЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЧУВСТВ У СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ

COMPETITION OF THE ENGLISH LANGUAGE EXCURSION PROJECTS AS A MEANS OF LINGUISTICS MAJORS' PATRIOTIC FEELINGS DEVELOPMENT

В статье поднимается проблема развития патриотизма у студентов-лингвистов в процессе профессиональной подготовки в высшем учебном заведении. В качестве одного из возможных решений проблемы предлагается проведение конкурса проектов экскурсий на английском языке, стимулирующих интерес к истории и культуре родного края.

Ключевые слова: патриотизм, проектная технология, конкурс проектов, экскурсия, профессиональные компетенции, бакалавры лингвистики.

The article raises the problem of developing patriotism among linguistics majors in the process of their university study. Holding competitions of the English language excursion projects aimed at stimulating interest in history and culture of their native place is regarded as one of the possible solutions to the problem.

Keywords: patriotism, project-based technology, competition of projects, excursion, professional competences, linguistics majors.

Патриотизм – национальная идея России, общее объединяющее начало [3]. Такой тезис был приведен главой государства в ходе встречи с Клубом лидеров, объединяющим предпринимателей из 40 регионов. Роль патриотизма в истории России трудно переоценить, историческая память народа хранит немало случаев, когда именно любовь к Родине помогала людям выжить, достигать побед, добиваться результатов в самых сложных ситуациях как в масштабах личности, так и в масштабах страны.

Воспитанию патриотизма у граждан России в настоящее время уделяют повышенное внимание: в конце 2015 года утверждена государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 - 2020 годы» [2], в рамках реализации которой создаются патриотические организации, проводятся форумы и конференции с целью формирования патриотических идей у молодежи. Содержание программы включает, наряду с другими мероприятиями, совершенствование форм и методов работы по патриотическому воспитанию граждан, научно-методическое сопровождение патриотического воспитания граждан. В связи с этим особого внимания заслуживает идея Президента Российской Федерации В.В. Путина об органичности патриотического воспитания: «Патриотическое воспитание должно быть не только стройной государственной системой, но прежде всего органичной частью жизни самого общества» [4]. Любовь к Родине, ответствен-

ность за настоящее и будущее страны, знание ее истории должны закладываться в сознание людей не только на макроуровне, но и на различных микроуровнях: в ситуациях повседневного общения, в профессиональной сфере, в культурно-просветительской сфере и, безусловно, в процессе получения образования. Ключевым при этом, с нашей точки зрения, является понятие органичности, то есть обусловленности включения патриотических идей в контекст занятия самой сущностью изучаемого предмета.

Добиться этой органичности – важная задача для любого преподавателя. Особенно непросто реализовать эту задачу в ситуации, когда цель учебной дисциплины связана, в первую очередь, с изучением иностранного языка, культуры, истории и традиций народов других стран. Однако и в данном случае возможно органичное включение патриотических идей в учебный контекст.

Проиллюстрируем сказанное выше на примере из собственной педагогической практики преподавания практического курса английского языка.

Цель данной дисциплины заключается в формировании у студентов свободного, нормативно правильного и функционально адекватного владения коммуникативными умениями говорения, аудирования, чтения и письма во всех видах речевой деятельности, с учетом национально-культурной специфики речевого поведения носителей языка, на основе требований, предъявляемых ФГОС ВО по данному направлению

подготовки 45.03.02 *Лингвистика*, обеспечивающих формирование общекультурных и профессиональных компетенций выпускников, направленных на формирование навыков межкультурного взаимодействия.

При обучении данной дисциплине студентов-лингвистов нами часто используется проектная деятельность в разных ее формах, поскольку она обладает рядом преимуществ. С позиций содержания образовательного процесса профессиональной подготовки проектная деятельность обеспечивает открытость, политематичность и полипредметность, способствующие достижению предметных и метапредметных результатов обучения.

Многообразие видов проектов (исследовательские, творческие, информационные, практико-ориентированные и т.д.) обеспечивает возможность формулирования в качестве задач проекта решение проблем, связанных с будущей профессиональной деятельностью бакалавров лингвистики.

Получение конкретного результата, готового к внедрению, как правило, в виде материального продукта по итогам завершения проекта создает условия для рефлексии и анализа итогов успешности выполнения проекта на основе качеств полученного продукта.

Особенно эффективным в рамках преподавания практического курса английского языка нам представляется проведение конкурса проектов.

Под *конкурсом проектов* мы понимаем контрольно-обучающую процедуру, основанную на состязательности участников, в процессе которой осуществляется выполнение, защита проектов, связанных с решением профессионально значимой для деятельности переводчика задачи, и выявление наиболее успешного из них [1].

В основу данной контрольно-обучающей процедуры положена идея личностной значимости образовательных достижений для обучающегося. Применение конкурса проектов в целях формирования и контроля компетенций будущих лингвистов обусловлено его прагматической направленностью на результат, который получается при решении проблемы, в данном случае – при решении учебной задачи, представляющей значение в личностно-профессиональном развитии будущих специалистов в области лингвистики и перевода. Использование метода проектов позволяет обеспечить соблюдение педагогических условий: субъект-субъектного характера, профессиональной направленности, обязательной рефлексивной составляющей. Конкурс проектов ориентирован на стимулирование самостоятельной деятельности обучающихся и поэтому способствует самоактуализации студентов в качестве субъектов обучения в процессе профессиональной подготовки в области лингвистики и перевода.

При этом именно состязательный характер конкурса служит мотивирующим фактором для развития патриотических чувств как стимул к формированию интереса к истории и географии родного края, поскольку любовь к Отечеству начинается с любви к своей «малой Родине».

Один из конкурсов проектов, проводимый нами на занятиях по практическому курсу английского языка, называется **Конкурс проектов «Туристический маршрут по городу-герою Туле и его окрестностям»** [1].

Данный конкурс в содержательном плане основан на реальных требованиях ранка труда в области перевода. При устройстве на работу в качестве переводчика в учреждения культуры, например, в музей, кандидатам в качестве испытания, как правило, предлагают составить экскурсию на английском языке по заданному маршруту. Поэтому в рамках «Конкурса проектов туристических маршрутов по городу-герою Туле и его окрестностям» будущим выпускникам предлагается решить проблему аналогичную той, с которой они могут столкнуться при устройстве на работу по специальности в учреждение культуры: им необходимо подготовить и защитить проект экскурсии.

Таким образом, имитация реальной ситуации при проведении конкурса проектов обеспечивает профессиональную ориентированность такой формы обучения.

С другой стороны, задача составления экскурсии безусловно связана с информационным поиском, изучением специальной литературы по истории, географии, экономике, мифам, легендам, связанным с определенным объектом культурного наследия нашей Родины. Это, в свою очередь, создает преподавателю возможности для включения в материал задания компонента, направленного на развитие патриотических чувств обучающихся.

Проектная деятельность предполагает четкое планирование и следование намеченному плану, соблюдение установленных сроков и требований к проекту. Деятельность участников конкурса планируется следующим образом:

Этап 1. Подготовка.

Данный этап включает целеполагание и ознакомление студентов с требованиями и условиями выполнения проекта, формой представления результатов (проведение реальной или виртуальной экскурсии, последний вариант предполагает сопровождение защиты проекта компьютерной презентацией в формате Power Point).

На этапе подготовки обучающиеся формулируют с помощью преподавателя темы индивидуальных проектов и обосновывают актуальность выбранной темы, отвечая на вопрос «Почему именно указанный маршрут представляет интерес для туристов?».

Следует отметить, что очень часто уже на этом этапе проявляется очевидный интерес студентов к патриотической составляющей проекта: при выборе объектов маршрута они задумываются об их исторической и культурной ценности. Однако на данном этапе патриотическое отношение к выполнению проекта носит, скорее, эмоциональный характер.

Этап 2. Выполнение проекта.

Обучающиеся самостоятельно работают над решением поставленной задачи: производят поиск и отбор необходимой информации, ее систематизацию и

анализ. При консультативной помощи преподавателя студенты выбирают место и объекты экскурсии, планируют маршрут, готовят описание выбранных объектов и достопримечательностей на английском языке. На этапе выполнения преподавателю важно обратить внимание студентов на необходимость подготовки ответов на возможные вопросы «туристов», связанные с инфраструктурой и историей объектов, например: С помощью каких видов транспорта можно добраться до указанного места? Предусмотрена ли в выбранном объекте возможность использования средств связи? К какому веку относят первое историческое упоминание объекта?

На этапе выполнения проекта обучающиеся готовят необходимые материалы: текст или план экскурсии, презентацию (при виртуальной экскурсии), иллюстративный материал (например, карту маршрута с нанесенными объектами и их кратким описанием на английском языке) и т.д.

На данном этапе студенты обладают уже значительными сведениями о тех музеях, памятниках, других важных объектах, экскурсии по которым они будут проводить. Вслед за первоначальным интересом следует глубоко осмысленное патриотическое отношение к достопримечательностям родного края, студенты делятся друг с другом не только впечатлениями о степени готовности проекта, но и информацией: формирование патриотических чувств в рамках выполнения проекта переходит в когнитивно-эмоциональную сферу.

Этап 3. Защита проектов на конкурсе.

Данный этап подразумевает представление конечного результата проекта: проведение реальной или виртуальной экскурсии по туристическим маршрутам города-героя Тулы и его окрестностям на английском языке.

Среди выбираемых студентами маршрутов для составления экскурсий особенно популярны места, издавна привлекающие туристов со всего мира: Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник Василия Дмитриевича Поленова, Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», Тульский государственный музей оружия, музей «Тульские самовары», Тульский Кремль, а также соборы и церкви, скульптурные памятники, парки и скверы.

Часто студентов интересует архитектура города. Так, например, в рамках проекта под названием «Старинная Тула» проводилась экскурсия по улицам города, на которых сохранились старинные дома, сопровождаемая рассказом об их архитектурных особенностях. Важно, что составитель экскурсии обратил внимание на тот факт, что уже в названиях многих тульских улиц – «Дульная», «Ствольная», «Литейная», «Арсенальная», «Штыковая» – запечатлена историческая память об оружейниках, которые в небольших мастерских изготавливали сложные механизмы и детали

для ружей. При проведении экскурсии на английском языке происхождению этих названий уделялось особое внимание.

Среди любимых студентами маршрутов виртуальное путешествие в уездный город Крапивну, где летом проводится Международный фестиваль Крапивы, и который практически не изменился с XIX века; посещение Памятника Хвосту, который изображен в виде 29-сантиметровой ящерицы с зачеткой и без кончика хвоста и выполнен из сплава медных пятак весом 10 кг (студенты приходят к ящерке подержаться за хвост или погладить ее, чтобы успешно сдать экзамен или зачет), Центральный парк культуры и отдыха им. П.П. Белоусова, заложенный по инициативе патриота своего города санитарного врача Петра Петровича Белоусова в конце XIX века.

На данном этапе патриотические чувства студентов выражаются в конкретных действиях: они эмоционально рассказывают, отвечают на вопросы «экскурсантов», демонстрируют презентации, аудио- или видеоматериалы. По словам многих студентов, в момент проведения экскурсии они испытывают чувство гордости за свой родной край, ощущение сопричастности к истории страны. Так, студентка 3 курса кафедры Лингвистики и перевода Тульского государственного университета Светлана Н., подготовившая виртуальную экскурсию, посвященную башням Тульского Кремля, провела фотосессию башен при разной погоде в разное время дня, объяснив свое нежелание использовать фотографии из сети Интернет тем, что они не передают всей красоты и атмосферы этих архитектурных памятников.

Этап 4. Контроль и рефлексия.

Обсуждение итогов конкурса проектов, выбор победителя тайным голосованием, заполнение листов экспертных оценок. Пример разработанного нами листа экспертной оценки приводится ниже:

Оценивание итогов проектной деятельности целесообразно проводить коллегиально, группой экспертов, состоящей из преподавателей и приглашенных работодателей. Подсчет суммы баллов каждого участника по отдельным критериям и по совокупности дает возможность определить победителя конкурса и определить уровень сформированности компетенций (высокий, средний и низкий).

На этапе контроля и рефлексии патриотические чувства авторов проектов выражаются в проявлении социальной ответственности. В процессе обсуждения итогов конкурса студенты приходят к пониманию важности накопления знаний в области истории и культуры родного края, необходимости формирования умения правильно и точно представлять эти знания на иностранном языке перед представителями других народов и культур, осознают свою роль в качестве будущих посредников в межкультурной коммуникации, являющихся носителями российских духовных ценностей.

Лист экспертной оценки проекта туристического маршрута
 по городу-герою Туле и его окрестностям

Фамилия, имя, отчество автора проекта _____

Тема проекта _____

Фамилии, имя, отчество эксперта _____

Максимальный балл - 32

Критерии и показатели		Баллы		
Профессионально-технологический критерий	Обоснованность темы проекта	0	1	2
	Соответствие содержания экскурсии заявленной теме	0	1	2
	Культурологическая релевантность содержания экскурсии	0	1	2
	Решение проблем перевода, вызванных лингвокультурологическими лакунами	0	1	2
	Соблюдение этики поведения в заданном межкультурном контексте	0	1	2
	Качество инструментального сопровождения экскурсии с использованием ИКТ	0	1	2
	Результативность информационного поиска	0	1	2
	Наглядность представления результатов проекта	0	1	2
Лингвистический критерий	Произношение и интонационная организация высказываний	0	1	2
	Владение лексическим запасом	0	1	2
	Владение грамматикой	0	1	2
	Синтаксическая организация текста	0	1	2
	Учет стилистических особенностей ситуационного контекста	0	1	2
	Прагматическая ориентированность	0	1	2
	Последовательность изложения	0	1	2
	Использование средств логической связи	0	1	2
Сумма баллов				

Резюмируя вышесказанное, отмечаем, что проектная деятельность, организованная подобным образом, создает на занятиях атмосферу профессиональной состоятельности, готовит выпускников к осуществлению профессиональной деятельности в области перевода.

Опираясь на собственный педагогический опыт, отметим, что использование конкурса проек-

тов эффективно не только в рамках аудиторных занятий, но и при проведении кураторских часов. Эта составляющая воспитательной работы неразрывно связана с учебной деятельностью, направленной на формирование профессиональных компетенций, личностно-профессиональное и гражданское развитие обучающихся.

Библиографический список

1. Зеленина Е.В. Педагогический контроль сформированности профессиональных компетенций (на примере подготовки переводчиков): монография. Тула: Изд-во ТулГУ, 2014. 125 с.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы»» URL: <http://government.ru/media/files/8qqYUwzHUxzVkh1jsKAЕtrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 21.06.2016).
3. Kremlin.ru: Встреча с активом Клуба лидеров [Официальный сайт Президента Российской Федерации]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51263/> (дата обращения: 21.06.2016).
4. Kremlin.ru: Заседание Российского оргкомитета «Победа» [Официальный сайт Президента Российской Федерации]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51641> (дата обращения: 21.06.2016).

References

1. Zelenina E.V. Educational assessment of professional competences (through the example of translators' training): monograph. Tula, 2014. 125 p.
2. The Decree of the Government of the Russian Federation of 30 December 2015 № 1493 «On the state program "Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016-2020"». URL: <http://government.ru/media/files/8qqYUwzHUxzVkh1jsKAЕtrx2dE4q0ws.pdf> (accessed date: 21.06.2016).
3. Kremlin.ru: Meeting with the core group of the Leaders Club [Official Web-site of the President of the Russian Federation]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51263/> (accessed date: 21.06.2016).
4. Kremlin.ru: Meeting of the Russian Pobeda (Victory) Organising Committee [Official Web-site of the President of the Russian Federation]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51641> (accessed date: 21.06.2016).

И.Н. ИВАНЕНКО

директор, муниципальная гимназия №39 (Орел)
E-mail: orel_school39@mail.ru

I.N. IVANENKO

Director, Municipal gymnasium № 39 (Orel)
E-mail: orel_school39@mail.ru

**РОЛЬ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ТЕКСТОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК МЕТОДОЛОГИЯ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ» В ПОДГОТОВКЕ К ГИА И ОСВОЕНИИ ФГОС НОО И ООО**

**ROLE OF IMPLEMENTATION OF THE «TEXT SPACE AS METHODOLOGY OF ARTS EDUCATION»
PROJECT IN PREPARATION FOR SFE AND DEVELOPMENT OF FSES NOO AND LTD COMPANY**

В статье рассматривается модель реализации инновационной деятельности гимназии, инновационные инструменты программы (видеоконференцсвязь, сетевое партнерство), формы и методы инновационной работы.

Ключевые слова: инновационная деятельность, видеоконференцсвязь, сетевое партнерство, текстовое пространство, гуманитарное образование.

In the article the model of realization of innovative activity of the gymnasium, innovative tools of the program (a video conferencing, network partnership), forms and methods of innovative work is considered.

Keywords: innovative activity, video conferencing, network partnership, text space, arts education.

В условиях модернизации и развития системы образования в муниципальной гимназии №39 г. Орла реализуется инновационная деятельность с учетом реализации приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в сфере образования, направленная на разработку, апробацию и внедрение новых образовательных технологий и образовательных ресурсов.

В соответствии с пунктом 4 статьи 20 ФЗ – 273 «Об образовании в Российской Федерации» муниципальная бюджетная гимназия №39 г. Орла консолидирует инновационный и методический потенциал образовательных организаций, входящих в состав РИП и Всероссийскую национальную образовательную программу «Гимназический союз России», являясь базовым общеобразовательным учреждением региональной инновационной площадки «Развитие сетевого взаимодействия и освоение ВКС как важнейший этап деятельности инновационного общеобразовательного учреждения», строя модель реализации инновационной деятельности исходя из ВНОП «Гимназический союз России».

Основу педагогической концепции составляет открытое образование.

Основная задача – создание методической, технологической и научно-педагогической базы для самостоятельного функционирования гимназий и лицеев в качестве образовательных ресурсных центров в различных регионах России.

• Инновационными инструментами Программы выступают: Видеоконференцсвязь как коммуникационный и технологический образовательный ресурс нового поколения.

• Сетевое партнерство образовательных учреждений, которые в формате ВКС реализуют межрегиональный проект «Текстовое пространство как методология гуманитарного образования».

Над проектом работали общеобразовательные организации, входящие в РИП, а также инновационные школы-участники ВНОП «Гимназический союз России». Партнерами являются гимназии Ливен, Болхова, Покровского, Мезенский и Ливенский лицеи, участвующие в интерактивных уроках, конференциях и семинарах, проводимых в гимназии №39. Привлеченные партнеры – активные слушатели ВКС-уроков – учителя образовательных организаций города Орла: гимназий №19, 16, лицеев №1, 4, 21, 22, 32, общеобразовательных школ № 3, 5, 11, 15, 18, 24, 25, 26, 27, 33, близлежащих школ Орловского района. В реализации проекта участвуют школы 55 регионов страны, проведено 86 ВКС-интерактивных уроков.

Обозначены следующие задачи проекта:

– создание системы современных интегрированных интерактивных уроков по всем предметам школьного цикла для всех классов;

– освоение педагогами новых научных концепций, системно-деятельной основы современного образования;

– разработка системы уроков развития речи как методики обучения сочинению-рассуждению от начальной школы до 11 класса;

– освоение новых технологий системной подготовки к итоговому экзамену по русскому языку в 9-ом классе и к ЕГЭ по русскому языку в 11 классе, а также к выпускному сочинению;

– освоение новых технологий и методик реализации ФГОС НОО и ООО второго поколения.

Применяются виды научно-методического сопровождения: аналитический, диагностический, мониторинговый, прогностический.

В целевую группу проекта РИП вошли: руководители образовательных организаций, зам. руководителей по УВР, руководители научно-методических кафедр ПМО учителей, учителя, педагог-психолог.

Процесс научно-методического сопровождения проекта обеспечивали следующие структуры: творческие группы, методические объединения, предметно-методические кафедры, научно-методический и педагогический советы. Информационное сопровождение работы над проектом «Текстовое пространство как методология гуманитарного образования» обеспечивалось работой сайта Фонда поддержки образования и школьным сайтом.

Организационная работа реализации проекта осуществлялась через интерактивные уроки, конференции, семинары, лекции, совещания, заседания научных обществ, круглых столов, предметных методических объединений, в работе которых приняли участие не только учителя нашей гимназии, но и всех школьниц РИП, имеющие ВКС-оборудование.

Коллективная деятельность школ, входящих в РИП, позволила развить системно-деятельностное интерактивное пространство, направленное на интеграцию, систематизацию изучения учебного материала на всех уровнях общего образования. Мы смогли создать вертикаль системы развития речи, которая в течение всех лет обучения способствует подготовке учащихся к творческим заданиям, предусмотренным материалами ОГЭ и ЕГЭ.

Учителя начальных классов формировали и совершенствовали навыки написания сочинения-рассуждения с элементами рассуждения по картине, применяли проектные методики и мини-исследования, работу в микрогруппах и группах, парах, успешно осваивали технологии личностно-ориентированного обучения и игровые технологии.

Опыт проведения ВКС-уроков развития речи по формированию навыков написания сочинения-рассуждения на основе алгоритмов с применением современных образовательных технологий накоплен и представлен

учителями Русановой Е.Н., Сафоновой М.Н., Звековой С.В., Дмитриевой Н.А.

Интерактивные уроки русского языка в 5-7-х классах в режиме ВКС проведены на основе анализа текста с применением исследовательских и проектных методик, личностно-ориентированных, диалоговых технологий, работы в малых группах, обсуждения сложных рисунков, бортовых журналов, стратегии зигзагов, моделирования сочинений.

В методический арсенал учителей 1-4-х классов и русского языка входят: урок-деловая игра, урок-экскурсия, театральное представление. Учителя истории и обществознания успешно освоили опыт проведения интерактивных ВКС-уроков в 5 классах.

Удалось выстроить систему уроков развития речи как методику обучения рассуждению в устной и письменной формах; разработать систему подготовки к ОГЭ по русскому языку, литературе, истории, обществознанию, к итоговому сочинению по литературе в 11 классе, к ЕГЭ по русскому языку, литературе, математике и другим. Проведено всего 86 интерактивных уроков. В том числе уроки Беднарской Л.Д. «Требования ЕГЭ как импульс к обучению тексту-рассуждению (часть С) по всем предметам школьного цикла», «Интенсификация подготовки к ГИА. Часть А»; уроки Савостиковой А.Б. «Подготовка к написанию сжатого изложения ГИА-9», Урок-обучение написанию сочинений в 11 кл., «Система ценностей человека в кризисном 20 веке (по повести В. Распутина «Прощание с Матерой»); Гуровой В.Я. «Жанр святочного рассказа в русской и мировой литературе», «Подготовка к ГИА-9 и ЕГЭ по литературе»; Снегиревой И.С. «Тема праведничества в русской литературе (рассказы Лескова «Несмертельный Голован» и Солженицына «Матрёнин двор»)» и многие другие.

Каждый проведенный интерактивный урок является определенным этапом на пути реализации проекта. Всего в ходе работы над общим проектом реализованы следующие мини-проекты: «Мой друг», «Выставка любимых книг» «Создание фотоальбома», «Сообщение для первоклассников» и другие. Одним из направлений мониторинга реализации проекта можно рассматривать итоги ГИА в 2015 году – средний балл выпускников по большинству предметов превысил средний балл по городу и региону.

№ п/п	Класс	Темы сочинения-рассуждения	Сроки
1.	3А	Русский язык. Развитие речи. Устное сочинение-описание с элементами рассуждения по картине В.Серова «Портрет Мики Морозова». Проект «Мой друг»	29.11.2011 г. Русанова Е.Н.
2.	4Б	Русский язык. Развитие речи. Сочинение-рассуждение «Моя любимая книга». Проект «Выставка любимых книг»	24.01.2012 г. Сафонова М.Н.
3.	4А	Русский язык. Развитие речи. Сочинение-описание с элементами рассуждения «Рассматриваем старинные фотографии» Проект «Создание фотоальбома»	12.03.2013 г. Русанова Е.Н.
4.	4В	Русский язык. Развитие речи. «Учимся рассуждать. Составление текста-рассуждения с опорой на наблюдение (в виде доклада)». Проект «Сообщение для первоклассников»	24.09.2013 г. Звекова С.В.
5.	2А	Русский язык. «Изменение названий предметов по числам». Проект «Наблюдаем за изменением слова»	16.01.2014 г. Сафонова М.Н.
6.	2А	Русский язык. Развитие речи. Сочинение-описание с элементами рассуждения по картине Т.Мавриной «Васильки на окне». Проект «Создание картинной галереи»	14.10.2014 г. Русанова Е.Н.

В целом работа в формате ВКС направлена на создание системы проектной деятельности, что обеспечивает инновационный характер образовательного пространства гимназии.

Объектом проекта является и процесс освоения ФГОС НОО и ООО второго поколения, которые мы реализуем, опираясь на метод проектирования, вооружение учащихся 1-4, 5-7 классов технологиями добывания (получения) знаний, формирования и совершенствования УУД.

И как результат – ученики начальной школы успешно проходят итоговую аттестацию, качество знаний учащихся 2-4 классов составляет 80%.

Два года ВКС-уроки в формате ФГОС проводят учителя русского языка и литературы, истории и обществознания, математики, работающие в 5-6 классах, обеспечивая преемственность результатов, достигнутых в начальной школе. На основе дифференцированного, личностно-ориентированного, предметно-ориентированного обучения учителя формируют и совершенствуют навыки проектной и исследовательской работы. Оправдывает себя групповая и парная работа, драматизация, инсценирование, упражнения «займи позицию», мини-сочинения, викторины, коллажи.

Результатом работы над проектом «Текстовое пространство как методология гуманитарного образования» стала система ВКС-уроков, использование современных образовательных технологий, победы в творческих конкурсах различных уровней, в муниципальном, региональном и заключительном этапах Всероссийской олимпиады школьников. Ежегодно более 30 учащихся становятся победителями и призерами муниципального этапа, 10-15 – регионального и Всероссийского.

В 2014-2015 учебном году цели и задачи проекта «Текстовое пространство как методология гуманитарного образования» реализованы в полной мере, в результате чего мы сумели в процессе инновационной деятельности в рамках РИП выработать технологии подготовки к ЕГЭ и ОГЭ, накопили опыт работы по ФГОС НОО и ООО второго поколения на основе системно-деятельностного подхода. В результате работы был создан буклет и сборник интерактивных уроков.

Однако при проведении интерактивного урока учителю приходится использовать приемы и методы работы, которые должны быть «смотрибельными», что приводит к минимуму письменных работ. Тем не менее работа по текстовому пространству носит перманентный характер, и инновационная работа будет продолжена.

И.Н. ИВАНЕНКО

директор, муниципальная гимназия №39 (Орел)
E-mail: orel_school39@mail.ru

I.N. IVANENKO

Director, Municipal gymnasium № 39 (Orel)
E-mail: orel_school39@mail.ru

**НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПО УПРАВЛЕНИЮ ИННОВАЦИОННЫМИ
ПРОЦЕССАМИ В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ ФГОС НОО И ООО**

**NEW EDUCATIONAL TECHNOLOGIES FOR MANAGEMENT OF INNOVATIVE PROCESSES
IN THE CONDITIONS OF INTRODUCTION OF FGOS NOO AND LTD COMPANY**

В статье представлены новые образовательные технологии в условиях введения ФГОС НОО и ООО на примере муниципальной гимназии №39 города Орла.

Ключевые слова: образовательные технологии, инновационные процессы, ФГОС НОО и ООО, гимназия №39 (Орел).

In the article new educational technologies in the conditions of introduction of FGOS NOO and Ltd company on the example of municipal gymnasium № 39 of the city of the Orel are provided.

Keywords: educational technologies, innovative processes, FGOS NOO and Ltd company, gymnasium № 39 (Orel).

Общеизвестно, что участие в региональной инвестиционной программе «Развитие сетевого взаимодействия и освоение формата видеоконференцсвязи как важнейший этап деятельности инновационных образовательных учреждений» тому, кто сознательно и осмысленно работает в рамках Программы «Гимназический союз России», приносит ощутимые результаты в реализации Основных образовательных программ, в освоении современных образовательных технологий по управлению инновационными процессами введения ФГОС второго поколения, в совершенствовании профессионального мастерства и инновационной компетентности учителя.

Программа «Гимназического союза России» носит инновационный характер. Новые образовательные технологии, которые мы применяем при проведении ВКС-уроков, позволяют нам управлять инновационными процессами при реализации ФГОС НОО и ООО второго поколения в системе аналитико-диагностической и прогностической работы.

ВКС-оборудование – огромная привилегия и преимущество и в то же время ответственность: имеется большая возможность приобщения к передовому опыту лучших школ страны, но и обязательство работать в инновационном режиме, управлять инновационным процессом на основе освоения новых образовательных технологий.

Седьмой год наша гимназия работает в условиях реализации ФГОС НОО и ООО второго поколения, и эта работа идет успешно. Седьмой год мы проводим уроки в формате ВКС по внедрению ФГОС второго поколения прежде всего в рамках межрегионального проекта Всероссийской национальной обра-

зовательной Программы «Гимназический союз России» «Текстовое пространство как методология гуманитарного образования».

Программа проекта направлена на обеспечение системно-деятельностного подхода к обучению, интерактивна, нацелена на интеграцию и систематизацию изучения учебного материала от начальной школы до 11 класса. Это обеспечило выстраивание сквозной вертикальной системы развития речи с начальной школы, которая в течение всех лет обучения готовит учащихся к творческим заданиям. Педагогический коллектив гимназии сумел реализовать следующие задачи проекта: создать систему современных интерактивных уроков по всем предметам школьного цикла, освоить современные образовательные технологии, обеспечивающие системно-деятельностный подход, позволяющие управлять инновационным процессом на основе научных концепций современного образования. Кроме того, представлена система уроков развития речи как методики обучения высказыванию, рассуждению в устной и письменной формах.

В 2014-2015 учебном году учителя начальных классов формировали и совершенствовали навыки сочинения-описания с элементами рассуждения по картине. Учителя применяют проектные методики и мини-исследования, организуют работу в микрогруппах и группах, парах, успешно осваивают технологии личностно-ориентированного обучения и игровые технологии.

Опыт проведения ВКС-уроков развития речи по формированию навыков написания сочинения-рассуждения с применением современных образовательных технологий накоплен и представлен учителями Русановой Е.Н.,

Сафоновой М.Н., Звековой С.В., Дмитриевой Н.А.

Обеспечивая преемственность обучения, учителя русского языка и литературы, работающие в 5-х классах, совершенствуют заложенные в начальной школе навыки написания сочинений-описаний по картине с элементами рассуждения. Так, например, учителями Савостиковой А.Б. и Портновой Е.Н. проведен ВКС-урок по описанию картины И.И. Левитана «Золотая осень» (6 «Б» класс) и картины В.М. Васнецова «Аленушка» (5 «А» класс). Интерактивные уроки русского языка в 6-7-х классах в режиме ВКС проведены на основе анализа текста с применением исследовательских и проектных методик, личностно-ориентированных, диалоговых технологий, работы в малых группах, обсуждения сложных рисунков, бортовых журналов, стратегии зигзагов, моделирования сочинений. В методический арсенал учителей 1-4-х классов и русского языка входят: урок-деловая игра, урок-экскурсия, театральное представление.

Учителя истории и обществознания успешно освоили опыт проведения интерактивных ВКС-уроков в 5 классах, овладели приемами моделирования сочинений, составления и применения алгоритмов, в 6-х классах органично и умело используются тексты учебника, диаграммы, таблицы, персонификации, драматизации, мини-сочинения.

Учителя начальных классов умело совершенствуют универсальные учебные действия:

регулятивные: на основе таких видов деятельности, как преднамеренные ошибки, поиск информации в предложенных источниках, взаимоконтроль, заучивание материала наизусть, диспут;

познавательные: действия «найди отличия» (можно задавать их количество); «на что похоже?»; поиск лишнего, лабиринты, упорядочивание, составление схем-опор, работа со словарями, с разного вида таблицами;

коммуникативные: составление заданий, отзыв на работу товарища, диалоговые ситуации.

В нашей гимназии накоплен опыт работы по текстовому пространству учителями математики в формате ВКС-уроков в условиях внедрения ФГОС ООО второго поколения. Учителя совершенствуют УУД, обеспечивая

метапредметность на основе работы с математическими текстами. Управляя инновационными процессами, учителя математики используют мозговые штурмы, блиц-опросы, уроки-соревнования, уроки-консилиумы.

Работа на основе анализа текста, которую мы осуществляем в образовательном пространстве гимназии на ВКС-уроках (и в учебном процессе в нашей образовательной организации), обеспечивает метапредметность обучения и достижение метапредметных результатов. Практика работы в рамках РИП позволяет нам применять современные технологии-инновации, в том числе по новым ФГОС: дифференцированное обучение, предметно-ориентированные технологии, личностно-ориентированное обучение, диалоговые технологии, информационно-коммуникационные технологии, технологии критического мышления, через чтение и письмо, игровые технологии.

О пользе проведения бинарных и интерактивных уроков говорилось на недавно проведенной в режиме ВКС научно-практической конференции РАНХ и ГС совместно с Фондом поддержки образования по правовому просвещению и образованию, а также медиации. Благодаря ВКС-аппаратуре и компьютерам можно слушать лекции, проводить уроки и участвовать в них, выступать на конференциях. Применение ВКС-технологий позволило школам управлять качеством образования, добиваться повышенного и высокого уровня предметных результатов в начальной школе и 5-6-х классах в условиях освоения ФГОС НОО и ООО второго поколения, добиваться высоких результатов в балльном исчислении в период итоговой аттестации.

Однако отметим, что проведение ВКС-уроков не позволяет осуществлять письменные самостоятельные работы, так как паузы невозможны, к тому же требуется серьезная подготовительная работа, что накладывает дополнительные эмоциональные и психологические нагрузки на учителя.

Конечно, необходима детальная корректировка планов работы с целью консолидированного участия в РИП гимназий Ливен и Болхова, а так же Покровского и Мезенского лицеев.

М.В. МАРТЫНОВА

кандидат педагогических наук, старший преподаватель, кафедра социальной работы и психолого-педагогических наук, Орловский государственный институт
E-mail: mariya19852704@yandex.ru

M.V. MARTYNOVA

Candidate of Pedagogics, Senior Lecturer, Department of social work and psycho-pedagogical sciences, Orel State Institute of culture культуры
E-mail: mariya19852704@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL SOCIO-CULTURAL COMPETENCE

Статья посвящена рассмотрению вопроса о необходимости реализации социально-культурного компонента в деятельности учреждений социальной сферы и роли в этом процессе профессиональной социально-культурной компетентности занятых здесь специалистов.

Ключевые слова: социальная сфера, социально-культурная компетентность, повышение квалификации.

The article considers the issue of the need for the implementation of the socio-cultural component in the activities of social institutions and the role of professional socio-cultural competence of professionals in this process.

Keywords: social, socio-cultural competence, training.

Современные условия функционирования и развития социальной сферы требуют от работников, занятых в учреждениях различного типа (комплексных центрах социального обслуживания населения, центрах социальной помощи семье и детям, социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних и др.), высокого уровня профессионализма, который включает не только владение организационно-управленческими, психолого-педагогическими, социально-коммуникативными, правовыми компетенциями. Все большее значение в деятельности учреждений данной сферы начинает приобретать социально-культурная составляющая.

В настоящее время социально-культурная деятельность рассматривается многими исследователями как одно из эффективных средств, помогающих преодолеть и решить различные социальные патологии и проблемы. Например, научно доказано, что социально-культурная деятельность является эффективным способом преодоления одиночества людей пожилого возраста, формирования их социальной активности; средством профилактики девиантного поведения детей, подростков и молодежи и т.д. Все это обуславливает владение определенным уровнем социально-культурной компетентности людьми, работающими с социально уязвимыми категориями и группами населения.

В современных педагогических исследованиях социально-культурная компетентность рассматривается как интегративное свойство личности, характеризующее ее теоретическую и практическую готовность к социокультурной деятельности, в том числе, знаниевую обоснованность поведенческих актов на основе осмыс-

ленно принятых решений; определяющее ценностные ориентации личности и способствующее их формированию [5].

Она может быть охарактеризована через ряд специальных компетенций:

– готовность осознанно использовать технологии социально-культурной деятельности и технологии ее педагогического регулирования в работе с различными категориями населения (детьми, подростками, молодежью и др.);

– способность применять различные формы и методы социально-культурной деятельности в интеллектуальном, эстетическом, нравственном и патриотическом развитии личности детей, подростков и молодежи;

– готовность к разработке и реализации зрелищно-игровых досуговых и других технологий, учитывающих специфику социокультурного развития общества (сценарное мастерство, специфика постановки, выразительные средства);

– готовность содействовать решению проблем клиента учреждения путем мобилизации собственных сил, физических, психических и социальных ресурсов клиента;

– способность находить организационно-управленческие решения и нести за них ответственность;

– способность находить новаторские решения в организации и подготовке педагогических программ социально-культурной направленности для различных категорий населения, нуждающихся в социальной помощи и др.

В учреждениях социальной сферы содержание социально-культурной деятельности тесно связано с

определенными социальными проблемами различных категорий населения (пожилые люди; люди с ограниченными возможностями жизнедеятельности, дети из неблагополучных семей и др.) и направлено именно на оптимизацию и создание благоприятных условий для решения этих проблем, а также на удовлетворение их интересов и потребностей в социально-культурной сфере.

Посетителями данных учреждений являются не только «проблемные категории населения» (попавшие в трудную жизненную ситуацию, ведущие асоциальный образ жизни люди и др.), но и категории людей относительно благополучные, отличающиеся достаточно высоким духовным потенциалом. Их интересы нуждаются в социально-культурной защите, поскольку они оказались в ситуации «прогрессирующего сужения культурного пространства своей жизнедеятельности».

Основными субъектами социально-культурной деятельности в учреждениях социальной сферы являются работающие здесь специалисты. Они заняты работой с различными категориями населения: детьми, молодежью, пожилыми людьми и др. Их профессиональная деятельность протекает в различных условиях, в том числе и социально-культурной среде. Специалисты учреждений социальной сферы, занимающиеся разработкой, организацией и осуществлением социально-культурной деятельности с населением, нуждающимся в социальной помощи, создают оптимальные условия для ее развития и совершенствования. Они:

- прогнозируют развитие личности;
- планируют и организуют различные культурно-досуговые мероприятия;
- координируют социально-культурную деятельность «учреждений-смежников»;
- руководят коллективами и культурными объединениями, сложившимися на базе какого-либо учреждения;
- регулируют характер, объем, частоту, направленность культурно-досуговых мероприятий;
- контролируют ход выполнения намеченных мероприятий;
- учитывают проделанную работу и отчитываются за ее состояние;
- анализируют позитивные и негативные моменты в деятельности учреждений, отделов, отделений.

Социально-культурная деятельность учреждений социальной сферы реализуется преимущественно в рамках различных программ, разрабатываемых их специалистами. Они отслеживают ситуацию и строят социально-культурную деятельность в соответствии с интересами и потребностями человека. При этом социальное предполагает выход представителей отдельных групп населения на такой уровень компетенции, который позволил бы им вступать в обычные социальные контакты и взаимодействие. Культурное подразумевает насыщение деятельности людей конкретным культурным содержанием, освоение ими культурных ценностей, норм и традиций, указание на качество и сферу

проявления их культурной активности, на результаты их творчества и обмена в процессе их социально-культурной деятельности. Социальное начало в технологиях предусматривает различные формы взаимодействия индивидов между собой и с окружающей их средой, а культурное предполагает либо получение определенных результатов этого взаимодействия, либо насыщение технологий конкретным дидактическим материалом из различных видов и жанров искусства, общественной практики.

На этапе реализации социально-культурных мероприятий программы специалист осуществляет: наблюдение за изменением поведения участников (достигнут ли желаемый результат?); регулирует содержание, объем, частоту социально-культурных мероприятий; следит за изменением потребностей обратившихся в учреждение социальной защиты населения (меняются потребности, интересы – меняется содержание социально-культурной деятельности).

Каждый опытный специалист знает, какие порой огромные усилия нужно приложить, чтобы снять или хотя бы поколебать сложившиеся в сознании обратившихся в учреждение людей заблуждения, негативные наслонения, стереотипы. Опираясь на межличностное общение людей, специалист оказывает определенное влияние на весь ход процесса реализации системы социально-культурных мероприятий, направленных на достижение определенного результата. Он с помощью вовлечения человека в социально-культурную деятельность «активизирует способности личности, формирует социально-значимые потребности, установки и ценностные ориентации».

Социально-культурная работа, осуществляемая специалистом учреждения социальной сферы, должна быть направлена на формирование у человека творческого уровня деятельности, когда он самостоятельно может решать возникающие у него проблемы, планировать свою деятельность и достигать положительных результатов, тем самым переходить из объекта воздействия в активный субъект. Причем деятельность такого учреждения должна не дублировать, а дополнять деятельность других социальных институтов (учреждений культуры, производственного коллектива, семьи и др.).

Проведенный нами анализ психолого-педагогической литературы, собственные исследования, а также опросы специалистов-практиков учреждений социальной сферы показали, что больше половины из них испытывают недостаток теоретических и практических знаний, умений в вопросах, связанных с разработкой, организацией, осуществлением и педагогическим регулированием социально-культурной деятельности.

Анкетирование 158 специалистов 9 учреждений социального обслуживания г. Орла и области показало, что их профессиональному развитию в социально-культурной сфере мешают следующие факторы:

- ограниченные ресурсы – 113 человек (71,5%);
- недостаток времени – 32 человека (20%);
- отсутствие специалистов, у которых можно

было бы поучиться – 27 человек (17%).

Стимулируют профессиональное развитие специалистов в социально-культурной сфере следующие факторы:

- интерес к работе – 96 человек (61%);
- возможность творчества – 53 человека (33,5%);
- интерес к социально-культурной деятельности со стороны клиента – 63 человека (40%).

Успешное выполнение специалистом возложенных на него функций в данной области возможно при условии его профессиональной социально-культурной компетентности.

Особое значение в вопросе формирования и развития социально-культурной компетентности приобретает непрерывная работа по повышению квалификации сотрудников социальной сферы. Непрерывность повышения квалификации, необходимость обеспечения цельности и сбалансированности всех звеньев ее системы, а также охвата всех типов учреждений данной группы и всех категорий занятых в них работников, так или иначе связанных с социально-культурной деятельностью, требуют дальнейших структурных изменений.

Центральное место в системе повышения квалификации работников социальной сферы необходимо уделять их практической социально-культурной подготовке с различными категориями и группами населения. Для этого необходимо, прежде всего, привлекать обучающихся и преподавателей вузов культуры, владеющих определенным набором социально-культурных компетенций и способных не только передать свои знания, но и показать, как необходимо их применять в практической профессиональной деятельности.

Формирование профессиональной социально-культурной компетентности работников социальных служб возможно в условиях вуза, в рамках курсов повышения квалификации. Повышение квалификации работников социальных служб является неотъемлемым элементом их профессиональной деятельности. Оно обеспечивает мобильное развитие профессиональной сферы, предоставляя специалистам возможность постоянно совершенствоваться в условиях быстро меняющихся технологий и требований общества к данной профессии [3]. Эта система включает в себя отраслевые институты повышения квалификации, курсы, институты, факультеты переподготовки и дополнительного образования в высших и средних специальных учебных заведениях, постоянно действующие курсы и семинары при областных Департаментах социальной защиты населения. Задача этих учреждений состоит в том, чтобы осуществлять переподготовку всех категорий работников социальной сферы: имеющих специальную профессиональную подготовку; имеющих неспециальную профессиональную подготовку; не имеющих никакой специальной профессиональной подготовки. Все они направлены на приращение имеющихся знаний и умений, полученных в высшем или среднем профес-

сиональном учебном заведении; переосмысление уже сложившейся системы знаний, навыков, опыта; корректировку установок и подходов; овладение новейшими технологиями социальной работы и затрагивают основные аспекты и направления профессиональной деятельности специалиста.

Так, например, в Псковской области на базе Псковского государственного педагогического университета им. С.М. Кирова (ПГПУ) действует Центр повышения квалификации социальных работников и специалистов социальной сферы. Основными программами повышения квалификации здесь являются: 72-часовой семинар «Социальная работа в учреждениях, организациях и службах социального обслуживания. Теория. Технология. Анализ. Мониторинг. Планирование»; 72-часовые вечерние курсы «Консультирование и посредничество в социальной работе»; выездные 9-дневные курсы повышения квалификации, которые проходят на базе учреждений системы социальной защиты населения других городов.

В Санкт-Петербургском государственном институте психологии и социальной работы уже более 10 лет успешно реализуются программы повышения квалификации специалистов различных сфер, в том числе социальной работы. Они представляют собой комплекс теоретических и практических занятий, строго отвечающий уровню государственных требований, а также потребностям в современных знаниях и навыках. Повышение квалификации включает в себя краткосрочное (72-100 часов) и длительное (свыше 100 часов) виды обучения и представлено модульными учебными программами («Повышение компетентности работников социальных служб»), а также работой в рамках учебной лаборатории «Творческие мастерские», где реализуются следующие направления деятельности: «Методы арт-терапии в консультировании», «Социальная реабилитация средствами трудотерапии», «Психолого-педагогическое сопровождение инклюзивного образования детей с выраженными нарушениями в здоровье», «Психологические основы музыкотерапии», «Семейное консультирование и семейная системная психотерапия» и др.

Специалисты учреждений социальной сферы г. Орла проходят повышение квалификации в рамках научно-практических конференций, круглых столов, организуемых Департаментом социальной защиты населения, опеки и попечительства Орловской области; курсов по дополнительной образовательной программе повышения квалификации, действующих на базе Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева («Администрирование и управление в сфере социальной работы», «Современные технологии социальной работы с несовершеннолетними группы риска», «Особенности и технологии разрешения конфликтов в социальной среде», «Коррекционно-развивающие технологии с детьми с трудностями в обучении» и др.). Целью данной деятельности является содействие и помощь специалистам в развитии и совершенствовании

методов работы с проблемными семьями, с детьми, оказавшимися в трудном социальном положении и другими социально уязвимыми категориями граждан.

В современных условиях специалисты социальной сферы должны быть высокообразованными, способными глубоко анализировать и обобщать жизненные явления, иметь практику работы с людьми. Зачастую на них лежит ответственность не только в предоставлении психолого-педагогической, социально-экономической, социально-бытовой, социально-правовой помощи, но и в удовлетворении социально-культурных потребностей и интересов различных категорий и групп населения. Это требует от специалистов владения комплексом специальных компетенций, включающих аспекты организации и осуществления социально-культурной деятельности, ее педагогического управления в отношении определенных категорий и групп, а значит, формирование социально-культурной компетентности работников социальной сферы является неотъемлемой составляющей системы непрерывного профессионального образования.

Проведенный анализ психолого-педагогической литературы, собственные исследования, а также опросы практиков показали, что в системе деятельности по повышению квалификации специалистов со-

циальной сферы нередко недооценивается значение и роль социально-культурного направления работы с населением.

Выходом из сложившейся ситуации является профессионализация обучения в вузах, осуществляющих подготовку специалистов социальной сферы, а также периодическое проведение повышения квалификации сотрудников учреждений в различных ее формах (организация и проведение научно-практических конференций, круглых столов, курсов повышения квалификации и др.), затрагивающих основные аспекты и направления профессиональной социально-культурной деятельности.

Важным аспектом в вопросе формирования социально-культурной компетентности работников является взаимодействие учреждений социальной сферы и учреждений культуры. Большую роль также играет вопрос самообразования и самосовершенствования специалистов социальной сферы в этой области. Наличие у них интереса, высокого уровня мотивации к получению знаний, освоению новых форм, методов социально-культурной деятельности будет способствовать формированию и развитию социально-культурной компетентности.

Библиографический список

1. *Ильченко О.М.* Развитие профессиональной компетентности педагогов социокультурной сферы в процессе переподготовки [Электронный ресурс]: Специальность 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (Ольга Михайловна Ильченко). Челябинск, 2008. 166 с.
2. *Козырева О.А.* Условия развития профессиональной компетентности педагога в процессе повышения квалификации [Электронный ресурс]: Специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (Ольга Анатольевна Козырева). Томск, 2004. 216 с., ил.
3. *Копанцева Е. С.* Повышение квалификации работников социальных служб в Республике Хакасия / Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22-23 апреля 2010 г. СПб.: СпбГИПСР, 2010. С. 203-206
4. *Муниц Е.С.* Формирование социальной компетентности специалистов по социальной работе в процессе обучения в вузе [Электронный ресурс]: Специальность 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (Евгений Семенович Муниц). Калининград, 2009. 287 с.
5. *Муравьева Н.Г.* Понятие социокультурной компетенции в современной науке и образовательной практике // Вестник Тюменского государственного университета, 2011. №9, С.136-143

References

1. *I`chenko O.M.* Development of professional competence of teachers of social and cultural sphere in the training process [electronic resource]: Speciality 13.00.05 “Theory, a technique and organization of welfare activity”: the dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences (O.M. I`chenko). Chelyabinsk, 2008.
2. *Kozyreva O.A.* Terms and conditions of development of professional competence of the teacher in the process of professional development [electronic resource]: Speciality 13.00.01 “General pedagogy, history of pedagogy and education”: the dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences (O. A. Kozyreva). Tomsk, 2004. 216 pp., Ill.
3. *Kopantseva E.S.* Improving of social workers of training in the Republic of Khakassia / Psycho-social work in modern society: problems and solutions: materials of the international scientific-practical conference, Saint-Petersburg, April 22-23, 2010. SPb .: SpbGIPSR, 2010. Pp. 203-206
4. *Munits E.S.* Formation of social competence of social work professionals in the learning process at the university [electronic resource]: Speciality 13.00.05 “Theory, technique and organization of welfare activity”: the dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences (E. S. Munits). Kaliningrad, 2009. 287 p.
5. *Muraveva N.G.* The concept of social competence in modern science and educational practice // Vestnik of Tyumen State University, 2011. №9. Pp. 136-143

И.Ю. ПОПОВА

старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail:kornblume5@rambler.ru

I.YU. POPOVA

Senior lecturer, Department of Foreign Languages, Orel State University named after I.S. Turgenev
E-mail:kornblume5@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

FORMATION OF COMMUNACATIVE COMPETENCE OF STUDENTS IN THE PROCESS OF TEACHING FOREIGN -LANGUAGE COMMUNICATION

Статья посвящена проблеме формирования коммуникативной компетентности студентов, её формам и методам. Автор акцентирует внимание на сущности понятия «коммуникативная компетентность», описывая личный опыт, определяет способы её формирования в процессе обучения иноязычному общению.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, иноязычное общение, коммуникативная ситуация, опорно-смысловая таблица.

The article is devoted to the problem of the formation of communicative competence of students, its forms and methods. The author pays attention to the essence of the concept «communicative competence». Describing the personal experience, she defines the ways of its formation in the process of teaching foreign-language communication.

Keywords: communicative competence, foreign-language communication, a communicative situation, a basic and semantic table.

Реализация компетентного подхода в высшей школе обуславливается стремительными процессами глобализации и информатизации мирового пространства. В настоящий момент модернизация образования на компетентностной основе является ответом системы образования на радикальные изменения, которые происходят в производственной сфере, на рынке труда, в профессиональных структурах, в области социальных коммуникаций.

Совет Европы определяет базовые компетенции, необходимые любым специалистам. Одно из главных мест среди них занимает компетенция, определяющая владение устным и письменным общением, весьма важным в работе и в общественной жизни. К этой группе относится владение несколькими языками, принимающее всё возрастающее значение сегодня, когда взаимодействие с зарубежными партнёрами не только возможно, но и обязательно для достижения наилучших результатов. Поэтому одной из главных задач обучения иностранному языку в образовательном стандарте третьего поколения является формирование коммуникативной компетентности студентов, которая предполагает у них умение использовать иностранный язык в различных ситуациях общения для достижения любых целей.

Обратимся к понятию «компетентность». «Современный словарь иностранных слов» определяет его следующим образом: «Компетентный –

1. обладающий компетенцией – кругом полномочий какого-либо лица или кругом дел, вопросов, подле-

жащих чьему-либо ведению.

2. Обладающий основательными знаниями в какой-либо области; знающий, веский, авторитетный» [4, с. 374].

Р.П. Мильруд рассматривает компетентность как комплекс компетенций, то есть наблюдаемых проявлений успешной продуктивной деятельности, и отмечает, что «компетентность – это комплексный личностный ресурс, обеспечивающий возможность эффективного взаимодействия с окружающим миром в той или иной области и зависящий от необходимых для этого компетенций» [1, с. 31]. Кроме того, этот учёный определяет основные компоненты коммуникативной компетенции: «лингвистический (знание грамматики и лексики), дискурсивный (коммуникативное употребление языка), прагматический (достижение коммуникативной цели), стратегический (преодоление коммуникативных неудач) и социокультурный (владение нормами поведения)» [1, с. 32].

В настоящее время компетентность рассматривается как системное понятие, состоящее из мотивов, целей, ценностных ориентаций, знаний, умений, навыков, рефлексии, способности и готовности к результативной деятельности. Компетенция – это основа формирования компетентности, её структурная единица. Она осваивается личностью в образовательном процессе. В отличие от коммуникативной компетенции, коммуникативная компетентность в современной науке определяется как интегративный личностный ресурс, обеспечивающий

успешность коммуникативной деятельности.

И.Р. Рыбина своё видение понятия «коммуникативная компетентность» определяет как «интегративную личностную характеристику, представляющую собой совокупность ценностно-смысловых ориентаций, коммуникативных знаний, умений и навыков, готовности и способности, обуславливающих формирование опыта эффективной коммуникативной деятельности в ситуациях реальной действительности» [2, с. 135].

Акцентируем внимание на том, что основой формирования компетентности является компетенция. С позиции теории речевой деятельности составляющими коммуникативной компетенции являются компетенции в говорении, чтении, аудировании, письме. Они формируются на базе грамматической и лексической компетенций, которые входят в ядро языковой компетенции.

Процесс формирования коммуникативной компетенции и компетентности у студентов является долгим и кропотливым. Основу коммуникативной компетенции составляют коммуникативные умения, сформированные на основе языковых знаний и навыков:

- умение осуществлять диалогическое общение и монологическое высказывание с целью выражения собственного мнения;
- умение читать аутентичные тексты (изучающее, ознакомительное, просмотровое чтение);
- умение составлять открытки, личные и деловые письма;
- умение понимать на слух аутентичные тексты.

Отметим, что прочность овладения языковым материалом достижима при комплексном обучении всем видам речевой деятельности.

Формирование иноязычной коммуникативной компетентности представляет собой прохождение нескольких уровней: адаптивного, репродуктивного, эвристического и креативного [3, с. 15].

Начальный уровень – адаптивный, студент может пересказывать, воспроизводить тот материал, который был прочитан. Второй уровень – репродуктивный, обучающийся способен не только передавать информацию, но и трансформировать её, применять к заданной ситуации. Эвристический уровень включает в себя первые два уровня, но студент может моделировать речевую деятельность в разнообразных ситуациях в пределах конкретной темы. На креативном уровне обучающийся имеет возможность применять коммуникативные умения в любой речевой ситуации. К каждому уровню развития иноязычных способностей к устной речи должны применяться разные методические приёмы.

Рассмотрим формы и методы обучения, имеющие не только учебное, но и жизненное обоснование и помогающие формировать коммуникативную компетентность путём моделирования коммуникативных учебных ситуаций. В первую очередь, это организация парной и групповой работы, где у каждой из сторон отсутствует какая-либо информация; разнообразные деловые, ролевые, языковые игры на основе диалогов и полилогов; составление языкового портфеля; различные виды со-

циологических опросов; метод проектов; проблемные дискуссии; выполнение творческих заданий; использование аудио-визуальных средств, мультимедийных технологий, интернет-ресурсов.

Формирование коммуникативной компетентности студентов неязыкового вуза происходит при помощи упражнений, которые содержат ситуации, сочетающие диалогическую и монологическую, продуктивную и репродуктивную речь.

В рамках вузовских занятий наиболее частым видом репродуктивной речи является пересказ. С психолингвистической точки зрения пересказ включает 4 основные стадии: восприятие текста, удержание его в памяти, смысло-языковую его перестройку для последующего изложения и само изложение.

Он используется как средство проверки понимания прочитанного или прослушанного текста (при чтении и аудировании) и как вид репродуктивной речи (говорение). От пересказа как классического речевого упражнения требуется полнота изложения текста и использование слов и оборотов речи из текста. Разнообразные коммуникативные упражнения приближают условно-учебное общение к естественному. Следует отметить, что в естественных условиях пересказ характеризуется лаконичностью передаваемого содержания, резюмированностью, включением оценки, трансформацией языковых средств. Этим особенностям необходимо уделять больше внимания, например, при выполнении упражнений и разыгрывании ситуаций, где требуется подводить итоги сделанному или сказанному.

В ходе проводимой нами опытно-экспериментальной работы мы пришли к осознанию того, что успешность общения во многом зависит не только от умения говорить, но и от умения слушать. Для развития умения активного слушания студентам даётся краткий теоретический материал по рассматриваемой теме, а также приводятся правила слушания. Далее они получают возможность закрепить теорию на практике.

Процедура выполнения одного из упражнений по развитию умения активного слушания может осуществляться следующим образом. Студенты разбиваются на пары (по желанию или по указанию преподавателя). Один из членов пары – рассказчик, другой – слушатель. Задача рассказчика – говорить на заданную тему. Задача слушателя – слушать и изредка задавать наводящие вопросы или стимулировать продолжение разговора другими способами, когда у рассказчика возникают затруднения. Через несколько минут члены пары меняются ролями. Затем проводится групповое обсуждение упражнения, в частности, процесс его выполнения (положительные моменты, ошибки слушания, допущенные или замеченные партнерами по общению) и содержание (то, о чем говорили студенты, выполняя упражнение). Данное упражнение может проводиться неоднократно при изучении различных тем.

Для достижения цели – формирования у студентов неязыкового вуза коммуникативной компетентности – при организации занятий преподавателю необходимо

включать в свой арсенал психотехнические упражнения, которые связаны непосредственно с мыслью, чувством и воображением, так как они подчиняют технику произнесения творческой мысли говорящего.

Для создания коммуникативной ситуации как формы функционирования процесса общения, надо учитывать существенные характеристики делового общения: передача сообщения вербальными и невербальными средствами, адекватное восприятие и взаимодействие субъектов общения, функциональное назначение (деловая беседа, консультации, презентации, деловые переговоры), виды контактности, уровневый характер общения.

Суть коммуникативных ситуаций представляет собой непринуждённую, конкретную реакцию обучающихся на комплекс условно-реальных или воображаемых обстоятельств. Коммуникативные ситуации являются типичными фрагментами для делового взаимодействия, консультаций, бесед. Организация переговоров и бесед характеризуется тремя стадиями:

1. создание позитивной атмосферы взаимодействия;
2. применение техники постановки вопросов и проведения интервью;
3. применение техники завершения бесед и переговоров.

Для успешного формирования коммуникативной компетентности студентов технология применения опорно-смысловых таблиц может быть очень эффективной. Она поможет развитию кратковременной и долговременной памяти и включает в себя следующие этапы:

1. предъявление опорно-смысловой таблицы;
2. проговаривание текста за диктором в записи или за преподавателем;
3. проговаривание текста вместе с диктором в записи или с преподавателем;
4. коллективный рассказ «по цепочке»;
5. воспроизведение текста полностью отдельным студентом.

Длительность работы по опорно-смысловой таблице будет зависеть от объёма тематического содержания и степени усвоения студентами грамматического и лексического материала на предыдущих занятиях.

Как правило, опорно-смысловая таблица используется в течение нескольких занятий по 10-15 минут. После работы с ней над монологом можно переходить к работе над диалогами и полилогами. Наш опыт применения опорно-смысловых таблиц в целях формирования коммуникативной компетентности студентов позволяет судить о том, что при их использовании повышается мотивация, а объём и качество речи на иностранном языке значительно увеличивается.

Следует акцентировать внимание на том, что иноязычная коммуникативная компетентность может быть оценена количественно (языковые знания), качественно (виды речевой деятельности – коммуникативные умения) и «компетентно» в том или ином виде продуктивной коммуникативной деятельности в общении на иностранном языке. В сложившейся мировой практике языковые знания как составляющая предметной компетенции, а также различные виды речевой деятельности (говорение, слушание, чтение, и письмо) оцениваются количественно при помощи тестов. Это соответствует положению о том, что любое «качественное» явление можно оценить «количественно» с помощью шкал и баллов, но при этом может быть потеряна важная информация.

Наиболее лучшим способом аттестовать готовность студентов к применению иностранного языка в реальной продуктивной коммуникативной деятельности и личностному росту в ряде стран Европы считается участие студентов в различных языковых проектах, которые связаны с их будущей профессиональной деятельностью, а также конфиденциальная характеристика (confidential reference), направляемая по месту требования. Эта характеристика позволит сделать вывод о том, насколько у студента сформирована иноязычная коммуникативная компетентность, готов ли он к продуктивной коммуникативной устной или письменной деятельности.

Таким образом, иноязычная коммуникативная деятельность будет способствовать формированию у студентов коммуникативной компетентности, которая в свою очередь обеспечит в дальнейшем их успешную профессиональную деятельность.

Библиографический список

1. Мильруд Р.П. Компетентность в изучении языка. // Иностранные языки в школе. 2004. № 7. С. 30-36.
2. Рыбина И.Р. Иноязычная коммуникативная компетентность личности в аспекте современного образования: Материалы научно-практической конференции «Российская наука сегодня: проблемы и перспективы» / Орёл: «Картуш», 2014. С. 132-140.
3. Рыбина И.Р. Педагогические условия формирования здоровьесберегающей компетентности учащихся на уроке: автореф... дис. канд. пед. наук. Орёл, 2011. 24 с.
4. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология. Л.М. Баш, А.В. Боброва М. : Цитадель, 2011. 923 с.

References

1. Milrud R.P. Competence in studying a language. Foreign languages at school. 2004. № 7. Pp. 30-36.
2. Rybina I.R. Foreign-language communicative competence of the personality in the aspect of modern education: Materials of scientific and practical conference "Russian science today: problems and prospects". Orel: Kartush, 2014. Pp. 132-140.
3. Rybina I.R. Pedagogical conditions of the formation of health saving competence of pupils at a lesson: author's abstract for the degree of candidate of pedagogical sciences. Orel, 2011. 24 p.
4. The modern dictionary of foreign words: interpretation, word usage, word formation, etiology. L.M. Bash, A.V. Bobrova. M.: Citadel, 2011. 923 p.

О.В. САДЫКОВА

старший преподаватель, кафедра информатики и МПИ, Нижневартровский государственный университет

E-mail: nggu-it@mail.ru

Т.Б. КАЗИХМЕДОВ

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра информатики и МПИ, Нижневартровский государственный университет

E-mail: ktifik@yandex.ru

O.V. SADYKOVA

Senior Lecturer, Department of informatics and MPI, Nizhnevartovsk State University
E-mail: nggu-it@mail.ru

T.B. KAZIAHMEDOV

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of informatics and MPI, Nizhnevartovsk State University
E-mail: ktifik@yandex.ru

ПРОЦЕСС ПОСТРОЕНИЯ МЕТОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИНФОРМАТИКИ И ИКТ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОБУЧЕНИЯ НА ПРОФИЛЬНОМ УРОВНЕ

THE PROCESS OF BUILDING A METHODOLOGICAL SYSTEM OF TEACHING INFORMATICS AND ICT ON LEARNING OUTCOMES AT THE PROFILE LEVEL

В статье рассмотрены вопросы построения методической системы функционирования профильного обучения с точки зрения ее эффективности, целесообразности и условий дифференциации содержания обучения старших школьников, углубленного изучения цикла профильных дисциплин, обеспечения преемственности между общим, средним профессиональным и высшим образованием.

Статья посвящена комплексному исследованию широкого спектра научных подходов к пониманию сущности и структуры, формируемых у учащихся компетенций, представлена классификация, охарактеризованы их основные компоненты.

Ключевые слова: профильные классы, профильное образование, преемственность, ключевые компетенции.

Questions of functioning of system of profile training are presented in the article from the point of view of its efficiency, expediency and conditions of differentiation of the content of training of the senior school students, profound studying of a cycle of profile disciplines, ensuring continuity between the general, secondary professional and higher education

The article is devoted to complex research of a wide range of the scientific approaches to understanding of essence and structure formed at pupils of competences, classification is presented, their main components are characterized.

Keywords: profile classes, profile education, continuity, core competencies.

Реализуемое на старшей ступени общего образования профильное обучение для обучающихся следует понимать как помощь выпускникам школы в выборе своей будущей профессии (в профориентации). Также необходимо отметить, что изучение любой дисциплины на профильном уровне готовит школьников непосредственным образом не только к поступлению в вузы, но и, что, на наш взгляд, более важно, – к успешному обучению на направлениях подготовки, соответствующих профилю обучения в школе. Поэтому многие педагоги, родители и анкетированные нами в течение ряда лет студенты университета и колледжа отмечают необходимость «согласованности» комплекса дисциплин профильного обучения по содержанию, степени сложности и т.д. с вузовским.

Профильный курс информатики завершает процесс обучения информатике и ИКТ на уровне общего образования и для его успешной реализации необходимо как можно более полное освоение программы данной дисциплины, начиная с включенного в состав общего образования уровня дошкольного образования, хотя

на этом уровне мы не говорим о полном освоении информатики, а только о том, что комплекс элементов информационных технологий и их дидактические возможности сглаживают переход к учебной деятельности. А это является залогом оптимального получения знаний в школе. Поэтому реализации профильного курса обязательно должно предшествовать изучение данной дисциплины на всех уровнях и желательно, на наш взгляд, на каждом уровне повышать ее профильность.

Таким образом, школьная программа предпрофильного и профильного курсов информатики, реализуемая в контексте профессиональной ориентации, должна складываться из следующих четырех разделов:

1. Теоретические основы профессиональной деятельности в области информатики.
2. Технологические средства профессиональной деятельности.
3. Виды профессиональной деятельности.
4. Социальные аспекты информатизации.

Для девяти наиболее востребованных специальностей отрасли описаны требования к работникам: обра-

зованию, знаниям, умениям, опыту работы, личностным качествам. Для каждой специальности эти требования разделены по уровням квалификации. Это специальности: «Программист», «Специалист по информационным системам», «Специалист по системному администрированию», «Менеджер по продажам решений и сложных технических систем» и «Специалист по информационным ресурсам». Они не предъявляют каких-либо требований к практическому опыту работы специалистов, а в большинстве случаев для указанных специальностей достаточным является уровень среднего профессионального образования, в ряде случаев даже достаточно подготовки на уровне квалифицированного рабочего (служащего), но в большинстве, конечно, необходима подготовка на уровне специалиста среднего звена. В результате логично говорить о том, что для случаев достаточности подготовки на уровне квалифицированного рабочего (служащего) общеобразовательная организация может обеспечить готовность своих выпускников к трудовой деятельности сразу после ее окончания. Эту задачу, по нашему мнению, и решает профильное обучение. Требования к решению этой задачи определены содержанием Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС).

Несмотря на то, что Федеральные государственные образовательные стандарты начального, основного общего и среднего (полного) общего образования устанавливают различные требования к личностным, предметным и метапредметным результатам освоения основной образовательной программы, в объединяющей своей цели они ориентированы на преемственное становление личностных характеристик обучающихся, формируя «портрет выпускника школы».

Так, например, ФГОС начального общего образования формулирует основные задачи реализации образования по информатике в следующем виде: развитие логического и алгоритмического мышления, воображения, обеспечение первоначальных представлений о компьютерной грамотности. В основной школе эти задачи формулируются уже в приближении дисциплины к профильному обучению, а именно: развитие алгоритмического мышления, необходимого для профессиональной деятельности в современном обществе; развитие умений составить и записать алгоритм для конкретного исполнителя; формирование знаний об алгоритмических конструкциях, логических значениях и операциях; знакомство с одним из языков программирования и основными алгоритмическими структурами — линейной, условной и циклической. На старшей ступени общего образования мы видим не столько развитие определенных компетенций по дисциплине, сколько непосредственное погружение обучающихся в изучение содержания практической деятельности специалиста в области информационных технологий: владение навыками алгоритмического мышления и понимание необходимости формального описания алгоритмов; сформированность представлений о важнейших видах дискретных объектов и об их простейших свойствах,

алгоритмах анализа этих объектов, о кодировании и декодировании данных и причинах искажения данных при передаче; систематизацию знаний, относящихся к математическим объектам информатики; умение строить математические объекты информатики, в том числе логические формулы.

Достижение запланированных результатов конкретизируется в процессе построения методической системы обучения предмету, конкретных вариантов учебно-методических комплексов, включающих в себя как средства обучения, так и средства контроля результатов обучения.

Наиболее часто упоминающейся конкретизированной формой представления предметных результатов обучения является кодификатор, предложенный И.Г. Семакиным в статье «Предметные результаты обучения информатике на профильном уровне в X-XI классах» [1].

Среди видов профессиональной деятельности им выделены три направления, охватывающие большинство специальностей в области информатики и информационных технологий:

1. Программирование.
2. Компьютерное моделирование
3. Эксплуатация и разработка информационных систем

Кодификатор является основой для разработки учебных и контрольных материалов по дисциплине. Он отражает все изучаемые темы, а также все приобретаемые учащимися знания и умения. По мнению автора, он может служить основой для текущего контроля результатов обучения. Для итогового контроля такой кодификатор избыточен. Формой итогового контроля является Единый государственный экзамен. Все позиции кодификатора ЕГЭ по информатике полностью включены в данный.

На наш взгляд, вышеуказанные направления не охватывают весь перечень профильных для школьной дисциплины «Информатика», направлений подготовки, реализуемых на факультете информационных технологий и математики НВГУ. Поэтому, в соответствии с кодификатором нами выделены 4 вида и соответствующие им направления подготовки:

1. Программирование. 09.03.01 Информатика и вычислительная техника (ИиВТ) [2].
2. Эксплуатация и разработка информационных систем. 09.03.02 Информационные системы и технологии (ИСиТ) [3].
3. Компьютерное моделирование. 01.03.02 Прикладная математика и информатика (ПМИ) [4].
4. Методика обучения и воспитания. 44.03.01 Педагогическое образование (информатика) [5].

С учетом специфики нашего Университета нами разработан кодификатор результатов обучения «Информатике и ИКТ» на профильном уровне. (таблица)

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES

Кодификатор результатов обучения «Информатике и ИКТ» на профильном уровне

Элемент содержания	Профильный уровень	Компетенции: 09.03.01 ИиВТ 09.03.02 ИСиТ 01.03.02 ПМИ 44.03.01 ПО (информатика)
Теоретические основы профессиональной деятельности		
1.1. Понятие информации. Информационные процессы	Знать: различные подходы к определению понятия «информация» в философии и в частных науках	ОК-1 способностью использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции ОК-1 владением культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения, умение логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь ОК-1 способностью использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции ОК-1 способностью использовать основы философских и социогуманитарных знаний для формирования мировоззренческой позиции
1.2 Измерение информации. Содержательный (вероятностный подход)	Знать: 1) определение бита как единицы информационного содержания сообщения; 2) формулу Хартли; 3) понятие о вероятности определенного исхода события; 4) связь между вероятностью и количеством информации в сообщении. Уметь: Решать задачи на измерение информации, заключенной в сообщении об итоге некоторого события, используя содержательный подход в равновероятном приближении и в приближении разной вероятности	ОК-10 использует основные законы естественнонаучных дисциплин в профессиональной деятельности, применяет методы математического анализа и моделирования, теоретического и экспериментального исследования, ПК-2 осваивать методики использования программных средств для решения практических задач ОПК-2 способностью использовать основные законы естественнонаучных дисциплин в профессиональной деятельности, применять методы математического анализа и моделирования, теоретического и экспериментального исследования, ПК-25 способностью использовать математические методы обработки, анализа и синтеза результатов профессиональных исследований ОПК-1 способностью использовать базовые знания естественных наук, математики и информатики, основные факты, концепции, принципы теорий, связанных с прикладной математикой и информатикой, ПК-2 способностью понимать, совершенствовать и применять современный математический аппарат ОК-3 способностью использовать естественнонаучные и математические знания для ориентирования в современном информационном пространстве
1.3 Алфавитный (объемный подход к измерению информации)	Знать: 1) связь между информационным весом символа алфавита и частотными характеристиками символов; 2) формулу Шеннона. Уметь: 1) решать задачи на измерение информации, заключенной в тексте, с алфавитной точки зрения с учетом различных частотных характеристик символов; 2) использовать формулу Шеннона для вычисления средней информативности символов алфавита с учетом их частотных характеристик	ОК-10, ПК-2 ОПК-2, ПК-25 ОПК-1, ПК-2 ОК-3

Элемент содержания	Профильный уровень	Компетенции: 09.03.01 ИиВТ 09.03.02 ИСиТ 01.03.02 ПМИ 44.03.01 ПО (информатика)
1.4 Передача информации по техническим каналам связи	Знать: 1) модель Шеннона передачи информации по техническим каналам связи; 2) теореме Шеннона о предельной скорости передачи информации по каналам связи; 3) о методах борьбы с потерей информации при передаче	ОК-10, ОК-12 имеет навыки работы с компьютером как средством управления информацией, ПК-2 ОПК-1 владением широкой общей подготовкой (базовыми знаниями) для решения практических задач в области информационных систем и технологий, ОПК-6 способностью выбирать и оценивать способ реализации информационных систем и устройств (программно-, аппаратно- или программно-аппаратно-) для решения поставленной задачи ОПК-2 способностью приобретать новые научные и профессиональные знания, используя современные образовательные и информационные технологии, ПК-5 способностью осуществлять целенаправленный поиск информации о новейших научных и технологических достижениях в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сеть «Интернет») и в других источниках ПК-2 способностью использовать современные методы и технологии обучения и диагностики
1.5 Системы счисления	Знать: 1) основные понятия позиционных систем счисления: цифра, алфавит, размерность алфавита, базис системы счисления, основание системы счисления; 2) что такое развернутая форма записи числа в позиционной системе счисления; что такое смешанные системы счисления: 2-10, 2-8, 2-16. Уметь: 1) записывать натуральный ряд чисел в любой системе счисления; 2) переводить числа из десятичной системы счисления в десятичную с использованием схемы Горнера; 3) переводить десятичные числа (целые и дробные) в другие системы счисления; уметь осуществлять быстрый перевод чисел между системами с основанием 2, 8, 16	ОК-10, ОК-12, ПК-2 ОПК-2, ОПК-6, ПК-25 ОПК-1, ПК-2 ОК-3 способностью использовать естественнонаучные и математические знания для ориентирования в современном информационном пространстве

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES

Элемент содержания	Профильный уровень	Компетенции: 09.03.01 ИиВТ 09.03.02 ИСиТ 01.03.02 ПМИ 44.03.01 ПО (информатика)
1.6. Логистические основы информатики	<p>Знать:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) понятия формальной логики: высказывание, умозаключение; 2) понятия алгебры логики: логическая величина, логическая константа, логическая переменная; 3) все логические операции и правила их выполнения (таблицу истинности); 4) что такое логическая функция; основные законы алгебры логики; 5) основные элементы логических схем; 6) методы решения логических задач: метод рассуждений, табличный метод, построение и упрощение логических формул; 7) что такое предикат. <p>Уметь:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) формализовать высказывания к виду логических формул; 2) строить таблицу истинности для логических формул и функций; 3) приводить логические формулы к нормальной форме, используя законы алгебры логики; 4) строить логические схемы по данной логической формуле; 5) для данной логической схемы записывать соответствующую логическую формулу; 6) применять различные методы для решения логических задач; 7) записывать предикаты – логические функции на области числовых значений аргументов. 	<p>ОК-10, ОК-12, ПК-2 ОПК-2, ОПК-6, ПК-25 ОПК-1, ПК-2, ПК-11 способностью к организации педагогической деятельности в конкретной предметной области (математика и информатика) ОК-3, ППК-7 готовностью использовать систематизированные теоретические и практические знания для постановки и решения исследовательских задач в области образования</p>
Технологические средства профессиональной деятельности		
2.1. История развития ЭВМ	<p>Знать:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) базовые принципы устройства ЭВМ (принципы фон Неймана); 2) понятие архитектуры ЭВМ, семейства ЭВМ; 3) типы современных компьютеров. 	<p>ОК-10, ОК-11 осознает сущность и значение информации в развитии современного общества; владеет основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, ОК-13 способен работать с информацией в глобальных компьютерных сетях, ПК-2, ПК-9 участвовать в настройке и наладке программно-аппаратных комплексов, ПК-10 сопрягать аппаратные и программные средства в составе информационных и автоматизированных систем ОПК-6, ПК-11 способностью к проектированию базовых и прикладных информационных технологий, ПК-13 способностью разрабатывать средства автоматизированного проектирования информационных технологий ОПК-1, ПК-2, ПК-7 способностью к разработке и применению алгоритмических и программных решений в области системного и прикладного программного обеспечения, ПК-11 ПК-4 способностью использовать возможности образовательной среды для достижения личностных, метапредметных и предметных результатов обучения и обеспечения качества учебно-воспитательного процесса средствами преподаваемого предмета</p>

Элемент содержания	Профильный уровень	Компетенции: 09.03.01 ИиВТ 09.03.02 ИСиТ 01.03.02 ПМИ 44.03.01 ПО (информатика)
2.2. Логические основы ЭВМ	Знать: 1) реализацию элементов логических схем с помощью переключательных моделей; 2) назначение сумматора в составе процессора; 3) назначение триггера в компьютере. Уметь: 1) изображать переключательные схемы для несложных логических формул; 2) для несложной переключательной схемы записывать соответствующую логическую формулу	ОК-10, ОК-12, ОК-13, ПК-2, ПК-9, ПК-10 ОПК-2, ОПК-6, ПК-25 ОПК-1, ОПК-4, ПК-2, ПК-11 ПК-4
2.3. Память ЭВМ	Знать: 1) виды внутренней памяти ЭВМ: ОЗУ (динамическая, статическая память), ПЗУ, видеопамять; 2) основные свойства и характеристики устройств внешней памяти	ОК-10, ОК-12, ОК-13, ПК-2, ПК-9, ПК-10 ОПК-6, ПК-11, ПК-13 ОПК-1, ОПК-4, ПК-2, ПК-7, ПК-11 ПК-4
2.4. Состав и назначение основных элементов персонального компьютера, работа на ПК	Знать: 1) что такое открытая архитектура ПК; 2) состав микропроцессора; 3) основные характеристики микропроцессора; 3) состав и структуру материнской платы ПК. Уметь: 1) определять основные параметры микропроцессора с помощью сервисной программы (например, CPU-Z); 2) ориентироваться в прайс-листах компьютерных фирм; 3) выбирать адекватные и аппаратные программные средства для выполнения определенного вида работы на компьютере	ОК-10, ОК-12, ОК-13, ПК-2, ПК-9, ПК-10 ОПК-6, ОПК-4, ПК-11, ПК-13 ОПК-1, ПК-2, ПК-7, ПК-11 ОК-7 способностью использовать базовые правовые знания в различных сферах, ПК-4, ПК-13 способностью выявлять и формировать культурные потребности различных социальных групп
2.5. Представление чисел в памяти ЭВМ	Знать: 1) о двух форматах представления в памяти целых и вещественных чисел; 2) представление целых чисел в формате с фиксированной запятой; 3) правило вычисления диапазона целых чисел, представимых в памяти компьютера; 4) особенности целочисленной компьютерной арифметики; 5) особенности вещественной машинной арифметики. Уметь: 1) получать представление целого десятичного числа в памяти компьютера; 2) уметь по представлению целого числа в памяти компьютера определять соответствующее десятичное число	ОК-10, ОК-12, ОК-13, ПК-2, ПК-9, ПК-10 ОПК-6, ПК-11, ПК-13, ПК-25 ОПК-1, ОПК-4, ПК-2, ПК-7, ПК-11 ОК-3, ПК-4
2.6. Представление графической информации в компьютере	Знать: 1) RGB модель цвета, понятие битовой глубины цвета; 2) связь между битовой глубиной кодирования и количеством цветов (оттенков). Уметь: вычислять информационную емкость цветного изображения с заданной цветностью и разрешающей способностью	ОК-10, ОК-11, ОК-12, ОК-13, ПК-2, ПК-9, ПК-10 ОПК-6, ПК-11, ПК-13, ПК-25 ОПК-1, ОПК-4, ПК-2, ПК-7, ПК-11 ОК-3, ПК-4

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES

Элемент содержания	Профильный уровень	Компетенции: 09.03.01 ИиВТ 09.03.02 ИСиТ 01.03.02 ПМИ 44.03.01 ПО (информатика)
2.7. Представление звука в компьютере	<p>Знать:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) различие между аналоговым и дискретным сигналами; 2) сущность АЦП при записи аналогового звукового сигнала в цифровом формате; 3) связь между частотой дискретизации сигнала и периодом дискретизации; 4) понятия: количество уровней квантования, битовая глубина кодирования; 5) связь между этими характеристиками. <p>Уметь:</p> <p>выполнять взаиморасчеты между величинами: частота дискретизации, битовая глубина кодирования звука, время записи звука, размер кода (звукового файла) без сжатия и с заданным коэффициентом сжатия</p>	<p>ОК-10, ОК-11, ОК-12, ОК-13, ПК-2, ПК-9, ПК-10 ОПК-2, ОПК-6, ПК-11, ПК-13, ПК-25 ОПК-1, ОПК-4, ПК-2, ПК-7, ПК-11 ОК-3, ПК-4</p>
2.8. Системное и служебное (сервисное) программное обеспечение	<p>Знать:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) состав и функции операционной системы (ОС); 2) функции и основные типы файловых систем в ОС; 3) назначение основных сервисных программ: файл-менеджеров, архиваторов, антивирусных программ, программ дефрагментации жесткого диска и др.; 4) классификацию прикладного ПО; 5) назначение и состав инструментального ПО (систем программирования). <p>Уметь:</p> <p>определять список программ, установленных на компьютере;</p> <p>инсталлировать на компьютере и удалять средства ПО;</p> <p>работать с основными сервисными программами (файл-менеджерами, архиваторами, антивирусными программами, программами дефрагментации жесткого диска);</p> <p>устанавливать драйверы внешних устройств;</p> <p>диагностировать ошибки в работе ПО и устранять простейшие неисправности его работы</p>	<p>ОК-10, ОК-11, ОК-12, ОК-13, ПК-2, ПК-9, ПК-10 ОПК-1, ПК-12, ПК-13 ОПК-1, ОПК-4, ПК-2, ПК-7, ПК-11 ПК-4</p>
2.9. Технологии обработки текста	<p>Знать:</p> <p>прикладное ПО для создания математических и др. научных текстов;</p> <p>о назначении настольных издательских систем.</p> <p>Уметь:</p> <p>настраивать в текстовом процессоре режимы проверки правописания;</p> <p>осуществлять автоматический перевод текстов;</p> <p>пользоваться словарем синонимов и тезаурусами;</p> <p>осуществлять статистический анализ текста средствами текстового процессора;</p> <p>осуществлять сканирование и оптическое распознавание текстов;</p> <p>уметь пользоваться каким-либо редактором формул</p>	<p>ОК-10, ОК-11, ОК-12, ОК-13, ПК-2, ПК-9, ПК-10 ОПК-1, ПК-12, ПК-13 ОПК-1, ОПК-4, ПК-2, ПК-7, ПК-11 ОК-4 способностью к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия, ПК-4</p>

Элемент содержания	Профильный уровень	Компетенции: 09.03.01 ИиВТ 09.03.02 ИСиТ 01.03.02 ПМИ 44.03.01 ПО (информатика)
2.10. Технологии обработки графической информации	<p>Знать: цветовые модели RGB и CMYK и их соотношение (цветовой круг); принципы технологии растровой и векторной графики; основные понятия технологии трехмерной графики: сцена, моделирование сцены, наложение текстуры, источники света, виртуальная камера, визуализация.</p> <p>Уметь: получать изображение в растровом и векторном графическом редакторе; получать не сложные 3D-рисунки средствами доступного редактора трехмерной графики</p>	<p>ОК-10, ОК-11, ОК-12, ОК-13, ПК-2, ПК-9, ПК-10 ОПК-1, ПК-12, ПК-13 ОПК-1, ОПК-4, ПК-2, ПК-7, ПК-11 ОПК-1 готовностью сознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладать мотивацией к осуществлению профессиональной деятельности</p>
2.11. Технология мультимедиа	<p>Знать: различие между цифровым и синтезированным звуком; назначение программ работы со звуком: плееров, аудиокодеков, редакторов звука; что такое виртуальная реальность, мультимедийные симуляторы; о возможностях создания мультимедийных эффектов в компьютерных презентациях; форматы цифрового кодирования видеоинформации; аппаратное и программное обеспечение работы с видео.</p> <p>Уметь: создавать эффекты анимации в компьютерных презентациях; вставлять видео и звуковые фрагменты в компьютерные презентации; осуществлять несложный видеомонтаж с помощью специального ПО</p>	<p>ОК-10, ОК-11, ОК-12, ОК-13, ПК-2, ПК-9, ПК-10 ОПК-1, ПК-12, ПК-13 ОПК-1, ОПК-4, ПК-2, ПК-7, ПК-11 ОПК-1, ОПК-2 способностью осуществлять обучение, воспитание и развитие с учетом социальных, возрастных, психофизических и индивидуальных особенностей, в том числе особых образовательных потребностей обучающихся</p>
2.12. Технология табличных вычислений (электронные таблицы)	<p>Знать: способы передачи данных в электронной таблице (ЭТ) между разными листами рабочей книги; назначение и способы фильтрации данных в ЭТ; использование функций подбора параметра и поиска решений в ЭТ.</p> <p>Уметь: осуществлять передачу данных между разными листами рабочей книги; строить все виды диаграмм и графиков в ЭТ; осуществлять выборки данных из таблицы средствами фильтрации; решать задачи на поиск экстремума функции с помощью средства «Поиск решения»; вычислять корни нелинейного уравнения с помощью средства «Подбор параметра»</p>	<p>ОК-10, ОК-12, ПК-2 ОПК-2, ОПК-4, ПК-24 способностью обосновывать правильность выбранной модели, сопоставляя результаты экспериментальных данных и полученных решений, ПК-25 ОПК-1, ОПК-4, ПК-2, ПК-7, ПК-11 ОК-3 способностью использовать естественнонаучные и математические знания для ориентирования в современном информационном пространстве, ОПК-1, ОПК-2</p>

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES

Элемент содержания	Профильный уровень	Компетенции: 09.03.01 ИиВТ 09.03.02 ИСиТ 01.03.02 ПМИ 44.03.01 ПО (информатика)
2.13. Сетевые технологии. Классификация компьютерных сетей	Знать: классы и топологии локальных сетей; различие между физической и логической топологиями локальной сети; разновидности каналов связи в глобальных сетях; о назначении системного администрирования	ОК-10, ОК-12, ПК-2 ОПК-1, ОПК-5 способностью использовать современные компьютерные технологии поиска информации для решения поставленной задачи, критического анализа этой информации и обоснования принятых идей и подходов к решению, ОПК-6 ОПК-3 способностью к разработке алгоритмических и программных решений в области системного и прикладного программирования, математических, информационных и имитационных моделей, созданию информационных ресурсов глобальных сетей, образовательного контента, прикладных баз данных, тестов и средств тестирования систем и средств на соответствие стандартам и исходным требованиям, ПК-5 ОК-6 способностью к самоорганизации и самообразованию
2.14. Организация Интернета	Знать: структуру Интернета; что такое сетевые протоколы TCP/IP; четыре уровня сетевых протоколов (сетевая модель DoD); что такое URL-адрес, доменное имя (DNS)	ОК-10, ОК-12, ОК-13, ПК-1 разрабатывать бизнес-планы и технические задания на оснащение отделов, лабораторий, офисов компьютерным и сетевым оборудованием, ПК-2, ПК-4 разрабатывать модели компонентов информационных систем, включая модели баз данных, ПК-5 разрабатывать компоненты программных комплексов и баз данных, использовать современные инструментальные средства и технологии программирования, ПК-9 участвовать в настройке и наладке программно-аппаратных комплексов, ПК-10 сопрягать аппаратные и программные средства в составе информационных и автоматизированных систем, ПК-11 инсталлировать программное и аппаратное обеспечение для информационных и автоматизированных систем ОПК-1, ОПК-4, ОПК-5, ОПК-6 ОПК-3, ПК-5 ОК-6, ОПК-1 готовностью сознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладать мотивацией к осуществлению профессиональной деятельности
2.15. Службы Интернета	Знать: что такое технология «клиент-сервер»; основные типы услуг Интернета: WWW, E-mail, FTP, ICQ, IP-телефония, видеоконференции. Уметь: создавать FTP-аккаунт на бесплатном хостинге; скачивать файлы из Интернета с использованием менеджера загрузки, файлообменников; создавать почтовый ящик на бесплатном почтовом сервере; использовать FTP-менеджер для закачивания файлов на веб-сервер	ОК-10, ОК-12, ОК-13, ПК-1, ПК-2, ПК-4, ПК-5, ПК-9, ПК-10, ПК-11 ОПК-1, ОПК-4, ОПК-5, ОПК-6 ОПК-3, ПК-5 ОК-6, ОПК-1

Элемент содержания	Профильный уровень	Компетенции: 09.03.01 ИиВТ 09.03.02 ИСиТ 01.03.02 ПМИ 44.03.01 ПО (информатика)
2.16. Веб-технологии	Знать: способы создания сайтов; назначение языка HTML, структуру HTML-документа; основные теги для управления на веб-странице: цветом, форматами текста, шрифтами, встраиванием рисунков (графики), гиперссылками, таблицами; основные правила веб-дизайна. Уметь: создавать простой сайт на языке HTML по образцу с использованием графики, гиперссылок и таблиц; проектировать несложный сайт и создавать сайт на языке HTML; проектировать и создавать веб-сайт с использованием конструктора сайтов	ОК-10, ОК-12, ОК-13, ПК-1, ПК-2, ПК-4, ПК-5, ПК-9, ПК-10, ПК-11 ОПК-1, ОПК-4, ОПК-5, ОПК-6, ПК-11 ОПК-3, ПК-5 ОК-6, ОК-7, ОПК-1
2.17. Защита информации в компьютерных сетях	Знать: средства и способы защиты информации в компьютерных сетях, основные методы шифрования данных	ОК-10, ОК-12, ОК-13, ПК-1, ПК-2, ПК-4, ПК-5, ПК-9, ПК-10, ПК-11 ОПК-1, ОПК-4, ОПК-5, ОПК-6, ПК-11 ОПК-3, ПК-5 ОК-7
Виды профессиональной деятельности		
3.1. Программирование		
3.1.1. Определение и свойства алгоритма	Знать: 1) о задачах, решаемых в рамках теории алгоритмов; 2) об алгоритмических машинах (Тьюринга, Поста), нормальном алгоритме Маркова; 3) об алгоритмической разрешимости задач	ОК-10, ОК-11, ОК-12, ПК-2, ПК-3, ПК-10 ОПК-6, ПК-12 ОПК-3, ПК-7 ОК-3, ОПК-1, ПК-13 способностью выявлять и формировать культурные потребности различных социальных групп
3.1.2. Основные алгоритмические конструкции. Способы описания алгоритмов	Знать: 1) об алгоритмической множественности; 2) этапы алгоритмического решения задачи. Уметь: 1) описывать типовые алгоритмы обработки массивов (поиска, сортировки и др.) в форме блок-схемы, на АЯ или/и на языке программирования; 2) оценить сложность алгоритма (по памяти и по времени исполнения)	ОК-10, ОК-11, ОК-12, ПК-2, ПК-3, ПК-10 ОПК-6, ПК-12 ОПК-3, ПК-7 ОК-3, ОПК-1
3.1.3. Вспомогательные алгоритмы	Знать: Базовые принципы структурного программирования	ОК-10, ОК-11, ОК-12, ПК-2, ПК-3, ПК-10 ОПК-6, ПК-12 ОПК-3, ПК-7 ОПК-1
3.1.4. Языки и системы программирования	Знать: 1) какие существуют парадигмы программирования; 2) об уровнях языков программирования (машинно-ориентированные, высокого уровня); 3) о способах трансляции (компиляция, интерпретация). Уметь: 1) хорошо ориентироваться в среде одной из систем программирования; 2) самостоятельно создавать многокомпонентные программные проекты; 3) осуществлять отладку и тестирование программы	ОК-10, ОК-11, ОК-12, ПК-2, ПК-3, ПК-10 ОПК-6, ПК-12, ПК-13 ОПК-3, ПК-7 ОПК-1

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES

Элемент содержания	Профильный уровень	Компетенции: 09.03.01 ИиВТ 09.03.02 ИСиТ 01.03.02 ПМИ 44.03.01 ПО (информатика)
3.1.5. Структура программы, типы данных и операторы языка программирования	<p>Знать:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) что такое алфавит, синтаксис и семантика языка программирования; 2) типы и структуры данных в изучаемом языке программирования; 3) операторы изучаемого языка программирования; 4) правила описания подпрограмм и обращения к ним; 5) правила работы с файлами данных. <p>Уметь:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) программировать обработку числовой и символьной информации; 2) программировать типовые задачи обработки массивов (вычисления, поиск, сортировка); 3) программировать обработку записей с вводом и выводом в файлы; 4) описывать и использовать в программе подпрограммы-функции и процедуры; 5) применять метод последовательной детализации при составлении программ 	<p>ОК-10, ОК-11, ОК-12, ПК-2, ПК-3, ПК-10 ОПК-6, ПК-12, ПК-13 ОПК-3, ПК-7 ОПК-1, ОПК-2 способностью осуществлять обучение, воспитание и развитие с учетом социальных, возрастных, психофизических и индивидуальных особенностей, в том числе особых образовательных потребностей обучающихся</p>
3.1.6. Рекурсивные методы программирования	<p>Знать:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) что такое частично-рекурсивная функция; 2) правила программирования рекурсивных подпрограмм-функций и процедур. <p>Уметь:</p> <p>Для заданной частично-рекурсивной функции составлять рекурсивные подпрограммы-функции и подпрограммы-процедуры</p>	<p>ОК-10, ОК-11, ОК-12, ПК-2, ПК-3, ПК-10 ОПК-6, ПК-12, ПК-13 ОПК-3, ПК-7 ОПК-1, ОПК- 2</p>
3.1.7. Объектно-ориентированное и визуальное программирование	<p>Знать:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) базовые понятия ООП: класс, объект, инкапсуляция, наследование, полиморфизм; 2) назначение системы объектно-визуального программирования (например, Delphi, Visual Basic); 3) основные элементы среды (интерфейса) системы программирования; 4) понятия «Проект», «Форма»; 5) основные элементы управления и их свойства (метка, поле редактирования, командная кнопка); 6) события, методы обработки событий; 7) что такое консольное приложение; 8) что такое оконное приложение; 9) последовательность создания оконного приложения. <p>Уметь:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) составлять несложные программы в технологии ООП; 2) программировать консольное приложение в системе объектно-визуального программирования; 3) конструировать интерфейс оконного приложения; 4) программировать несложные процедуры методов обработки событий; 5) программировать несложные графические построения 	<p>ОК-10, ОК-11, ОК-12, ПК-2, ПК-3, ПК-10 ОПК-6, ПК-12, ПК-13 ОПК-3, ПК-7 ПК-8 способностью проектировать образовательные программы, ОПК-1, ОПК- 2</p>
3.2. Компьютерное моделирование		

Элемент содержания	Профильный уровень	Компетенции: 09.03.01 ИиВТ 09.03.02 ИСиТ 01.03.02 ПМИ 44.03.01 ПО (информатика)
3.2.1. Основы системного анализа	Знать: 1) в чем заключается системный подход в исследовательской деятельности; 2) этапы системного анализа: анализ, синтез; 3) варианты моделей систем: «черный ящик», модель состава, структурная модель. Уметь: 1) выделять составные части системы (элементы, подсистемы); 2) определять внутрисистемные связи	ОК-1 владеет культурой мышления, способен к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения, ОК-10, ОК-12, ПК-2, ПК-4, ПК-6, ПК-9 ОПК-6, ПК-12, ПК-13 ОПК-1, ОПК-3, ПК-2, ПК-7 ПК-8
3.2.2. Классификация и формы представления информационных моделей	Знать: отличие детерминированных и имитационных (стохастических) моделей. Уметь: приводить примеры использования имитационных моделей	ОК-1, ОК-10, ОК-12, ПК-2, ПК-4, ПК-6, ПК-9 ОПК-5, ПК-22 способностью проводить сбор, анализ научно-технической информации, отечественного и зарубежного опыта по тематике исследования, ПК-25, ПК-26 способностью оформлять полученные рабочие результаты в виде презентаций, научно-технических отчетов, статей и докладов на научно-технических конференциях ОПК-1, ОПК-3, ПК-2, ПК-7 ПК-7 способностью организовывать сотрудничество обучающихся, поддерживать активность и инициативность, самостоятельность обучающихся, развивать их творческие способности
3.2.3. Математическое моделирование и вычислительный эксперимент	Знать: 1) виды математических моделей: дескриптивные, оптимизационные, многокритериальные; 2) этапы разработки математической модели; 3) что такое вычислительный эксперимент. Уметь: 1) описывать математические модели для некоторых задач физики (например: движение в поле силы тяжести, распределение температуры); 2) осуществлять вычислительный эксперимент на компьютере на математических моделях физики; 3) разрабатывать компьютерные модели для некоторых экономических задач (например: транспортная задача, задача об использовании сырья, задача теории расписания); 4) осуществлять вычислительный эксперимент на моделях экономических задач	ОК-1, ОК-10, ОК-12, ПК-2, ПК-4, ПК-6, ПК-9 ОПК-5, ПК-22, ПК-25, ПК-26 ОПК-1, ОПК-3, ПК-2, ПК-7 ОК-3, ПК-7
3.2.4. Имитационное моделирование	Знать: 1) основные признаки имитационной модели; 2) о применении аппарата математической статистики в имитационном моделировании; 3) в чем состоит задача теории массового обслуживания. Уметь: осуществлять вычислительный эксперимент на готовой модели системы массового обслуживания	ОК-1, ОК-10, ОК-12, ПК-2, ПК-4, ПК-6, ПК-9 ОПК-5, ПК-22, ПК-25, ПК-26 ОПК-1, ОПК-3, ПК-2, ПК-7 ОК-3, ПК-7
3.3. Использование и разработка информационных систем		

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES

Элемент содержания	Профильный уровень	Компетенции: 09.03.01 ИиВТ 09.03.02 ИСиТ 01.03.02 ПМИ 44.03.01 ПО (информатика)
3.3.1. Модели данных в информационных системах	Знать: 1) что такое граф, дерево; 2) что такое инфологическая модель предметной области; 3) типы связей в инфологической модели. Уметь: 1) изображать структурную модель системы в виде графа (дерева); 2) строить ER-диаграммы для нее сложных систем	ОК-10, ОК-11, ОК-12, ОК-13, ПК-1, ПК-2, ПК-3, ПК-4, ПК-5, ПК-6, ПК-9, ПК-10, ПК-11 ПК-11, ПК-12 ОПК-1, ОПК-3, ПК-2, ПК-5, ПК-7 ПК-8
3.3.2. Общее понятие о базах данных	Знать: какие модели данных используются в БД	ОК-10, ОК-11, ОК-12, ОК-13, ПК-1, ПК-2, ПК-3, ПК-4, ПК-5, ПК-6, ПК-9, ПК-10, ПК-11 ОПК-1, ОПК-5, ОПК-6 ОПК-3, ПК-5, ПК-7 ПК-8
3.3.3. Многотабличные базы данных. Способы связывания таблиц и типы связей	Знать: 1) что такое нормализация данных; 2) основы организации многотабличной БД; 3) что такое схема БД; 4) что такое целостность данных; 5) этапы создания многотабличной БД с помощью реляционной СУБД. Уметь: 1) осуществлять нормализацию данных до 3-й нормальной формы; 2) строить схему многотабличной БД	ОК-10, ОК-11, ОК-12, ОК-13, ПК-1, ПК-2, ПК-3, ПК-4, ПК-5, ПК-6, ПК-9, ПК-10, ПК-11 ОПК-1, ОПК-5, ОПК-6 ОПК-3, ПК-5, ПК-7 ПК-8, ПК-9 способностью проектировать индивидуальные образовательные маршруты обучающихся
3.3.4. Создание базы данных средствами СУБД	Знать: этапы создания многотабличной БД. Уметь: создавать многотабличную БД средствами конкретной СУБД (например, MS Access)	ОК-10, ОК-11, ОК-12, ОК-13, ПК-1, ПК-2, ПК-3, ПК-4, ПК-5, ПК-6, ПК-9, ПК-10, ПК-11 ОПК-1, ОПК-5, ОПК-6 ОПК-3, ПК-5, ПК-7 ПК-8, ПК-9
3.3.5. Основные операции с данными в СУБД	Знать: организацию запроса на выборку в многотабличной БД. Уметь: 1) составлять запросы для манипулирования данными в многотабличной БД с помощью конструктора запросов; 2) реализовывать запросы с использованием вычисляемых полей; 3) создавать отчеты	ОК-10, ОК-11, ОК-12, ОК-13, ПК-1, ПК-2, ПК-3, ПК-4, ПК-5, ПК-6, ПК-9, ПК-10, ПК-11 ОПК-1, ОПК-5, ОПК-6 ОПК-3, ПК-5, ПК-7 ПК-8, ПК-9
Социальные аспекты информатики		

Элемент содержания	Профильный уровень	Компетенции: 09.03.01 ИиВТ 09.03.02 ИСиТ 01.03.02 ПМИ 44.03.01 ПО (информатика)
4.1. Понятие и классификация информационных ресурсов общества	Знать: 1) основные отличия между материальными, энергетическими, финансовыми и информационными ресурсами; 2) способы и формы хранения цифровых информационных ресурсов	ОК-1 владеет культурой мышления, способен к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения, ОК-4 способен находить организационно-управленческие решения в нестандартных ситуациях и готов нести за них ответственность, ОК-8 осознает социальную значимость своей будущей профессии, обладает высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности, ПК-1, ПК-7 готовить презентации, научно-технические отчеты по результатам выполненной работы, оформлять результаты исследований в виде статей и докладов на научно-технических конференциях ОК-1 владением культурой мышления, способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения, умение логически верно, аргументированно и ясно строить, ОК-2 готовностью к кооперации с коллегами, работе в коллективе, знание принципов и методы организации и управления малыми коллективами устную и письменную речь, ОК-5 способностью научно анализировать социально значимые проблемы и процессы, умение использовать на практике методы гуманитарных, экологических, социальных и экономических наук в различных видах профессиональной и социальной деятельности, ОПК-4 ОК-1 способностью использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции, ОК-6 способностью работать в команде, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия ПК-10 способностью проектировать траектории своего профессионального роста и личностного развития
4.2. Информационный рынок	Знать: 1) назначение рынка информационных товаров и услуг; 2) что такое информационный товар (продукт); 3) что такое информационные услуги; 4) проблемы информационной безопасности; 5) основные правовые аспекты информационной области	ОК-1, ОК-4, ОК-8, ПК-1, ПК-7 ОК-1, ОК-2, ОК-5, ОПК-4 ОК-1, ОК-6 ПК-10, ПК-11 готовностью использовать систематизированные теоретические и практические знания для постановки и решения исследовательских задач в области образования
4.3. Информатизация. Информационное общество	Знать: 1) перспективы развития информационного общества; 2) основные проблемы информационного общества; 3) об информатизации процессов управления проектами (планирование и организация деятельности людей); 4) о средствах и методах информатизации учебного процесса	ОК-1, ОК-4, ОК-8, ПК-1, ПК-7 ОК-1, ОК-2, ОК-5, ОПК-4 ОК-1, ОК-6 ПК-10, ПК-13 способностью выявлять и формировать культурные потребности различных социальных групп

Библиографический список

1. *Семакин И.Г.* Предметные результаты обучения информатике на профильном уровне в X-XI классах. // Информатика и образование 2012 №1
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС) по направлению 09.03.01 Информатика и вычислительная техника (ИиВТ).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС) по направлению 09.03.02 Информационные системы и технологии (ИСиТ).
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС) по направлению 01.03.02 Прикладная математика и информатика (ПМИ).
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС) по направлению 44.03.01 Педагогическое образование (информатика).

References

1. *Semakin I.G.* Subject outcomes of teaching computer science at the profile level in the X-XI classes. // Science and education, 2012, No. 1.
  2. Federal state educational standard of higher education (FSES) in the direction 09.03.01 Informatics and computer engineering (Iivt).
  3. Federal state educational standard of higher education (FSES) in the direction 09.03.02 Information systems and technologies.
  4. Federal state educational standard of higher education (FSES) in the direction 01.03.02 Applied mathematics and Informatics (MI).
  5. Federal state educational standard of higher education (FSES) in the direction 44.03.01 Pedagogical education (computer science).
-
-

УДК 519 (072) 53 (072)

UDC 519 (072) 53 (072)

В.Д. СЕЛЮТИН

доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой алгебры и математических методов в экономике, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

E-mail: selutin_v_d@mail.ru

И.В. КОРОГОДИНА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра физики, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации

E-mail: ekorogodin@yandex.ru

V.D. SELYUTIN

Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Algebra and Mathematical Methods in Economics, Orel State University named after I.S.Turgenev

E-mail: selutin_v_d@mail.ru

I.V. KOROGODINA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of Physics, Academy of Federal Guard Service of Russia

E-mail: ekorogodin@yandex.ru

ПРОВЕРКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ ФУЗИОНИЗМА ФИЗИКИ С МАТЕМАТИКОЙ НА ОСНОВЕ СТОХАСТИКИ В РАМКАХ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

TEST OF THE EFFECTIVENESS OF THE IMPLEMENTATION OF THE IDEA OF FUSIONISM OF PHYSICS WITH MATHEMATICS BASED ON STOCHASTICS WITHIN THE TECHNICAL UNIVERSITY

В статье представлена новая методика реализации идеи фузионизма физики с математикой на основе стохастики при обучении студентов технического вуза и описывается проверка ее эффективности в ходе педагогического эксперимента

Ключевые слова: инженерное образование, интеграционный подход, стохастика, вероятностное мышление, идея фузионизма.

The article presents a new method of implementing the idea of fusionism of physics with mathematics based on the stochastics in the training of students of technical University and its efficiency has been described during the pedagogical experiment.

Keywords: engineering education, integration approach, stochastics, probabilistic thinking, the idea of fusionism.

Повышение качества образования является важным направлением реформирования системы высшей школы. Появление и развитие новых отраслей промышленности, основанных на достижениях современной науки, поднимают престиж инженерных специальностей. Усиление наукоемкости предъявляет новые требования к уровню физико-математического образования. Высокая степень профессионализма, фундаментальность знаний и широта кругозора способствуют легкой адаптации выпускника технического вуза к большому кругу приложений, делает его конкурентоспособным в современном мире.

Процесс обновления содержания физико-математического образования нашел отражение в разработке и реализации интеграционных подходов в преподавании физики с дисциплинами естественнонаучного цикла, в частности с математикой. Поиск путей и методов интеграции базовых дисциплин технического вуза, прочно утвердившихся в учебном плане, обусловлен изменением глубины и детализации фундаментальных знаний, необходимых современному инженеру. Развитие элементной базы электроники, применение новых материалов с уникальными свойствами, внедрение инноваций в промышленность требуют

еще большей системности физико-математических знаний, основанной на вероятностном стиле мышления, в структуру которого входят суждения о степени вероятности ожидаемых событий при исследовании реальных случайных процессов.

Знакомство с вероятностно-статистическими подходами к анализу реальных явлений обогащает систему взглядов на мир осознанными представлениями о закономерностях в массе случайных фактов, содействует формированию современного научного мировоззрения, особых философских взглядов, овладению специфической методологией, характерной для многих разделов современной науки и техники [3, С. 64].

В этой связи одним из главных звеньев, способствующих соединению физики с математикой, может выступать наука о случайном – стохастика, приобретающая глубокий естественнонаучный смысл и нарастающую роль в формировании целостной картины мира и естественнонаучного стиля мышления, необходимых современному инженеру.

Единство теорий и методов изучения реальных природных явлений и объектов, особый интеграционный потенциал стохастики позволяют говорить о возможности использования наиболее тесной формы интеграции,

основанной на идее фузионизма, выражающей одновременное изучение различных разделов в тесном переплетении их между собой (рис. 1).

Рис. 1. Стохастика как содержательно-методологическое ядро реализации идеи фузионизма физики с математикой.

Анализ содержания курсов физики и математики технического вуза показал, что стохастику можно рассматривать как содержательно-методологическое ядро при реализации идеи фузионизма физики с математикой, которое способно объединить в целостное единство компоненты математического и физического образования, стимулирует деятельное проявление дисциплин естественнонаучного цикла, сохраняя при этом определенную и необходимую степень свободы компонентов системы высшего образования. Это означает, что стохастика может выступать как системообразующий фактор при реализации идеи фузионизма в ходе подготовки будущего инженера. Поэтому возникает необходимость применения фузионистской формы интеграции, которая позволила бы при изучении различных разделов математики и физики использовать их общие корни происхождения [1, С. 9].

Сущность такой формы интеграции дисциплин позволяет естественным образом одновременно развивать как физические, так и математические знания, умения и навыки обучающихся. При стохастической обработке результатов лабораторного эксперимента (подсчет погрешностей, построение графиков, вычисление средних значений величины) студенты приходят к выводу о том, что экспериментальные данные носят вероятностный характер, а значит, результаты эксперимента можно рассматривать в качестве случайных величин, выпадающих с определенной частотой. В дальнейшем, исследуя физические модели (электронный газ, шумы, радиоактивность), у обучающихся формируются представления о частоте события, законе распределения и функции распределения. Построение стохастической модели (распределение молекул по скоростям и энергиям, энергетические зоны в кристаллах, т.п.) и исследование ее характеристик создают условия не только для развития физических и математических знаний студентов, но и учат их судить о степени вероятности события, оценке ожидаемого результата, а значит, создают условия для развития у обучающихся элементов вероятностного мышления.

Использование идеи фузионизма физики с математикой при формировании вероятностного мышления проходит поэтапно. Это связано с особенностями мыслительного процесса обучающихся.

лительного процесса обучающихся.

На первом этапе при проведении лабораторных работ студенты получают и анализируют экспериментальные данные реальных физических величин. Определяя их значения, проводя построение графиков, вычисляя погрешности измерений, студенты постепенно учатся использовать стохастический анализ в качестве инструмента в суждениях о степени вероятности ожидаемых событий. Они знакомятся с такими стохастическими понятиями, как случайная величина, абсолютная и относительная погрешности, статистическая зависимость, корреляция и др. Кроме того, на этом этапе также предусматривается выполнение обучающимися отдельных стохастических заданий по анализу данных лабораторного эксперимента в качестве дополнительных вопросов при отчете лабораторных работ [2, С. 78-80].

На втором этапе при изучении темы «Элементы статистической физики» студенты впервые сталкиваются с необходимостью построения стохастической модели при рассмотрении учебного материала, связанного с распределениями частиц. Возникает проблемная ситуация, когда явно или смутно проявляется осознанное затруднение, пути преодоления которого требуют от обучающихся поиска новых знаний, в том числе и математических, и новых способов действия. В решении задач стохастического содержания и берет начало процесс вероятностного мышления. Построение стохастических моделей уместно при изучении таких разделов курса физики, как «Кинетическая теория газа» (распределения Максвелла и Больцмана, модель системы в термостате, др.), «Зонная теория твердых тел» (распределения Гиббса, Бозе и Ферми, др.).

На третьем этапе дальнейший поиск решения задач стохастического содержания, связанный с вероятностным мышлением студентов, осуществляется в форме прогнозирования. В этом случае большое значение придается выполнению работ лабораторного практикума (например, «Изучение распределения термоэлектронов по скоростям»), основанных на изучении систем, содержащих большое количество частиц. Вероятностный характер полученных измерений создает условия для использования вероятностного мышления при описании реальных физических моделей. Действительно, стохастический анализ эксперимента требует от студентов применения более широкого круга ранее усвоенных стохастических знаний, элементов вероятностного мышления, их личного опыта, на основе которых можно определить характер неизвестного. Обучающиеся имеют возможность сделать прогноз и оценить результат, сравнить экспериментальные данные, полученные в разных условиях эксперимента, применить теоретические знания на практике. При этом происходит формирование знаний междисциплинарного характера как по дисциплине «Физика» (наиболее вероятная скорость, средняя кинетическая энергия частиц, квантОВО-механическая и статистическая вероятность, др.), так и по дисциплине «Теория вероятностей и математическая статистика» (вероятность, среднее арифметическое,

функции плотности распределения и распределения, др.).

При этом математика предоставляет обучающемуся аппарат для изучения случайных величин (вероятность события, статистическая вероятность, случайная величина, функция распределения, дисперсия, законы распределения и др.), а физика – физические модели (кинетическая теория газов, квантовые теории твердого тела и др.).

При проведении педагогического эксперимента требовалось ответить на вопрос о влиянии фузионистского комплекса «Стохастический анализ физических моделей» на качество знаний студентов. Учитывая прикладной характер понятий и методов стохастики, в качестве критерия эффективности фузионистского обучения в техническом вузе было выделено умение студентов решать прикладные физические задачи стохастического содержания [1, С. 13-16].

Учебные занятия в контрольной группе проводились традиционным способом, а в экспериментальной группе – с использованием фузионистского комплекса «Стохастический анализ физических моделей».

В срезовую работу нами были включены четыре задачи различного уровня сложности. Первые две из них – это задачи на уровне минимальных программных требований и среднего уровня сложности. Решение этих задач предусматривает применение стохастических знаний в стандартных условиях или при небольших отклонениях от них. По сложности они соответствуют большинству задач учебника. Другие две задачи физико-математического содержания, которые проверяют дальнейшее математическое развитие студентов, при их решении требуется применение знаний стохастического характера. Здесь приходится анализировать сложные физические явления, самостоятельно выбирать математические модели для их описания, использовать понятия и методы элементарной стохастики.

Приведем один из вариантов контрольной работы.

1. По результатам измерения температуры воздуха получены следующие статистические сведения: $+3^{\circ}\text{C}$; $+1^{\circ}\text{C}$; 0°C ; 0°C ; $+4^{\circ}\text{C}$; $+5^{\circ}\text{C}$; $+2^{\circ}\text{C}$; $+1^{\circ}\text{C}$; $+2^{\circ}\text{C}$; $+2^{\circ}\text{C}$; $+3^{\circ}\text{C}$; $+4^{\circ}\text{C}$; $+6^{\circ}\text{C}$; $+5^{\circ}\text{C}$; $+4^{\circ}\text{C}$; 0°C ; $+1^{\circ}\text{C}$; $+2^{\circ}\text{C}$; $+4^{\circ}\text{C}$; $+1^{\circ}\text{C}$; $+3^{\circ}\text{C}$; $+3^{\circ}\text{C}$; $+3^{\circ}\text{C}$; -2°C ; -1°C ; -3°C ; $+4^{\circ}\text{C}$; $+1^{\circ}\text{C}$. Найдите размах, квартильную разность, среднее линейное отклонение. Чему приближенно равно математическое ожидание температуры воздуха?

2. Амплитуда напряжения на выходе усилителя имеет плотность распределения $f(x) = 0,25x^{-0,5}$, причем все возможные значения амплитуды напряжения (выраженные в вольтах) принадлежат отрезку $[0, 4]$. Найдите функцию распределения амплитуды сигнала на отрезке $[0, 4]$ данного устройства.

3. Во сколько раз изменится значение максимума функции $f(E)$ распределения молекул идеального газа по энергиям, если температура газа увеличится в 2 раза? Решение пояснить графиком.

4. Какая часть молекул водорода, находящегося при температуре T , обладает скоростями, отличающи-

мися от наиболее вероятной скорости не свыше чем на 5 м/с? Задачу решить для двух значений T : 1) $T = 400 \text{ K}$; 2) $T = 900 \text{ K}$. Решение пояснить графиком. Результаты контрольной работы представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Результаты контрольной работы

	Число студентов, %				
	Не реши-ли ни одной задачи	Решили первую задачу	Решили вторую задачу	Решили третью задачу	Решили четвертую задачу
ЭГ(58)	6,9 %	69,0 %	51,7 %	63,8 %	55,2 %
КГ(57)	3,5 %	71,9 %	64,9 %	28,1 %	17,5 %

Сравнительные данные контрольного среза отражены в диаграмме. Результаты эксперимента показывают, что количество студентов, решивших первые две задачи (стандартные), в контрольной группе несколько выше, чем в экспериментальной группе, а число студентов, решивших две следующие задачи (физико-математические), заметно различается (рисунок 2).

Из этого следует, что при введении в практику обучения физике и математике фузионистского комплекса «Стохастический анализ физических моделей», основанного на понятиях и методах элементарной стохастики, умения решать стандартные стохастические задачи существенно не изменяется, а умения решать задачи физико-математического содержания заметно улучшаются, при этом обоснование решения всех задач в экспериментальной группе более полно.

Рис. 2. Анализ результатов контрольной работы.

Статистическая обработка данных, позволяющая судить о степени сформированности умения студентов решать задачи определенного уровня была проведена по медианному критерию, которая применяется для выявления некоторого свойства в двух совокупностях на основе изучения членов двух независимых выборок из этой совокупности. В нашем случае таким свойством является степень овладения студентами умения решать задачи, где каждая задача оценивалась по трехбалльной системе.

Обработка данных педагогического эксперимента подтвердила на уровне значимости 0,05, что су-

щественное различие в степени сформированности проверяемого умения у студентов контрольной и экспериментальной групп обусловлено различием методик обучения.

Таким образом, результаты всей опытно-экспериментальной работы подтверждают теоретические выводы и положения о том, что использование

идеи фузионизма физики с математикой на основе стохастики в рамках технического вуза будет способствовать повышению качества знаний будущих инженеров, направленных на формирование навыков вероятностного мышления, обеспечивая высокий уровень образовательных услуг.

Библиографический список

1. *Корогодина И.В.* Реализация идеи фузионизма математики с физикой в технических вузах на основе стохастики: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Орел, 2006. 18 с.
2. *Селютин В.Д., Корогодина И.В.* Стохастические методы обработки результатов лабораторных работ по физике: учебно-методическое пособие / В.Д. Селютин, И.В. Корогодина. Орел: ОГУ, 2005. 97 с.
3. *Юшин В.Н.* Норма хаотичности в процессе эволюции образовательной системы. Образование и общество. 2011. №1 (66). С. 63-67.

References

1. *Korogodina I.V.* The idea of fusionism mathematics with physics in technical universities on the basis of stochastics: Abstract of Dis. ... Cand. of Pedag. Sc. Orel, 2006. 18 p.
  2. *Selyutin V.D., Korogodina I.V.* Stochastic methods for processing the results of laboratory work in physics: textbook / V.D. Selyutin, I.V. Korogodina. Orel: Orel State University, 2005. 97 p.
  3. *Yushin V.N.* Chaotic Norm in the Process of Evolution of Educational System. Education and society. 2011. №1 (66). Pp.63-67.
-

К.В. СКВОРЦОВ

кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и межкультурных коммуникаций, Московский государственный университет путей сообщения
E-mail: skv-kv@mail.ru

K.V. SKVORTSOV

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of department of Russian and cross-cultural communication, Moscow State University of Railway Engineering
E-mail: skv-kv@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ НОРМ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

TRANSFORMATION OF BEHAVIOURAL NORMS OF THE STUDYING YOUTH IN CONDITIONS MODERN SOCIETY

В данной статье рассматриваются проблемы норм поведения учащейся молодежи, межличностные отношения и отношения в социуме, роль культурных аспектов в становлении личности, культура, вопросы духовности и нравственности. Предложены некоторые умозаключения по данному аспекту проблемы.

Ключевые слова: социально-культурный аспект, речевая коммуникация, культура общества, духовность, нравственность, стабильность и устойчивость культурно-образовательного процесса, цивилизационный принцип.

In this article the problems of standards of behavior of the studying youth, the interpersonal relations and the relations in society, a role of cultural aspects in formation of the personality, culture questions of spirituality and morality are considered. Some conclusions on this aspect of a problem are offered.

Keywords: welfare aspect, speech communication, culture of society, spirituality, morality, stability and stability of cultural and educational process, civilization principle.

В конце двадцатого века в российском обществе наблюдается снижение нравственного и духовного уровня. Вместе с тем важность роста нравственного и духовного уровня личности, как и актуальность самой постановки вопроса, не осознаны должным образом. Это связано с деятельностью Римского клуба (А. Кинг и Б. Шнайдер “Первая глобальная революция”), где в качестве основных неотложных задач, стоящих перед человечеством, указываются:

- демографическая,
- экологическая,
- продовольственная,
- энергетическая.

Таким образом, ни одна из них не может получить сколько-нибудь удовлетворительного решения без повышения в обществе уровня нравственности и духовности. Отметим, некоторые авторы поднимают вопрос о нравственности, но при этом вместо конкретного анализа проблемы ограничиваются общими и формальными лозунгами о поисках новых принципов, вместо того, чтобы обратиться к простым, но вечным истинам, к сожалению, забытым.

Следует вспомнить, что специально придуманные нормы морали для регулирования социальных отношений в различные исторические эпохи доказали свою несостоятельность. Конкретная методика обучения и воспитания учащейся молодежи зависит от культурно-образовательного уровня. Но конечная цель нравствен-

ного и духовного воспитания, безусловно, является абсолютной и объективной истиной. Грустно осознавать, что ни одно из многочисленных политических движений, активно действующих в стране, не ставит в числе своих приоритетных задач повышение нравственного и духовного уровня учащейся молодежи, не разрабатывает конкретную программу осуществления. Некоторые социологи и психологи подчеркивали, что человеческому менталитету свойственны ожидания бедствий и даже конца света в конце каждого столетия. Так и мы с вами – любая эпоха, ее начало – это кризисы, ожидания чего-то такого, катаклизмы, войны и революции. С наступлением нового века состояние фрустрации у населения постепенно настроения проходят – общество ждет следующее начало столетия, замерев в тихом ожидании века нового. Может быть, это тревога за нравственное положение в обществе – только отражение подобных апокалипсических настроений? Однако это не так.

Попробуем проанализировать последствия, которые влечет за собой нравственное и духовное состояние современного общества. Именно от нравственности и духовности зависит его прогрессивное развитие, устойчивость и благосостояние. Тем не менее, подчеркивал русский хирург Н.И. Пирогов: «То, что имеет основанием истину, следует напоминать, не боясь показаться надоедливым». Несомненно, нравственность и духовность связаны с существующей системой образования

и культурной средой обитания. Считается, что образование в широком смысле этого слова состоит из общего образования, профессионального образования и духовно-нравственного воспитания. Первым двум, как правило, уделяется достаточно много внимания, их содержанию и методам практического осуществления, что в целом приводит к достаточно хорошим результатам. Вопросы же духовно-нравственного воспитания, да и самого состояния нравственности и духовности. Вопрос о влиянии общего и профессионального образования на формирование нравственных и духовных сторон учащейся молодежи исследован недостаточно. Достигнуть высокого уровня нравственности общества нельзя с помощью лишь одного общего и профессионального образования. Сознание, формируемое от безысходности и бесперспективности, оперирует многими категориями, чтобы обрести практическую ценность. Одним из аспектов активизации становятся инновационные процессы. Они многогранны, но для отбора эффективного воздействия на современную среду обитания отдадим предпочтение следующим:

- а) сервисному пространству;
- б) законам сотрудничества;
- в) синергетическим потокам, формируемыми культурой выбора;
- г) антисциентизму;
- д) росту востребованности сервисной деятельности;
- е) гибким технологиям в обустройстве среды обитания.

Избранные направления обретают практическую значимость, вливаются в культурно-образовательные отношения, превращая их в мотивацию для устранения разрушительных ошибок прошлого. Инновационные подходы определены становлением сервисного пространства, с его определяющими компонентами. В его обновленном содержании следует переосмыслить характер связей, специфику сотрудничества. Прошлое, отмеченное традициями конфликтности, война всех против всех дают уроки – так больше жить нельзя.

М.П. Нечаев считает, что «термин “культурно-образовательная среда” трактуется нами как совокупность институциональных, социальных и духовных факторов и условий, непосредственно окружающих ребенка в процессе его обучения, что собственно и составляет культуру образовательной организации. Отечественная педагогика, определяя культуру школы как социального института, основывается на осознаваемую или неосознаваемую совокупность взглядов на мир, общество, а также на ценности, принципы, традиции, ритуалы, писанные и неписанные правила, привычки, нормы поведения, внутренние условия жизни учебного заведения»[1].

Инновационные подходы в формировании сервисного пространства – это возрождение ценности человеческой индивидуальности, превращение ее из рабсилы в творческого инициативного деятельного субъекта в обновленной реальности. Чему необходимо научиться? Чем овладеть, чтобы индивид вырос до деятеля социально-культурных отношений к таким инновационным? Мобилизирующим

средством может стать внедрение наряду с клиентурным порядком цивилизационного принципа распределения. Повышению эффективности процесса реализации функций социально-культурной деятельности, призвано способствовать строгое соблюдение принципов системности. Важнейшим системным принципом целостности для инновационной системы (сущностная характеристика которой – новизна) являются: старое, современное и новое. Именно единство старого, современного и нового является первичным по отношению к каждому из этих элементов (в т.ч. новому) и обеспечивает наиболее оптимальное развитие инновационного комплекса функций в теории социально-культурной деятельности.

Функции в теории социально-культурной деятельности являются взаимосвязанными сторонами состояния и развития общества. В широком историческом контексте традиции можно (и нужно) рассматривать как необходимое условие развития функций социально-культурной деятельности. Общество, утратившее традиции, историческую память деградирует, поскольку прерывается связь между поколениями, возникает и расширяется маргинализация, постепенно разворачиваются и иные деструктивные процессы. С другой стороны, общество не может существовать, не изменяясь.

Следовательно, единство инновативности и традиционности, которое фиксируется в общесистемном принципе преемственности, является предпосылкой развития функций в теории социально-культурной деятельности. Иными словами, всякая инновация как разновидность системной (нормативной) девиации провоцирует процессы, которые можно обозначить как отторжение старого, мобилизацию современного и экспансию нового.

Поэтому в каждом конкретном случае инновация, связана с необходимым отрицанием прежних норм и правил; она характеризуется проявлением творчества, оригинальности, отходом от общепринятых традиций. Но такими способностями обладают лишь избранные члены общества, так называемое «творческое меньшинство», как его обозначали А. Тойнби или Х. Ортега-и-Гассет. Здесь основным является вопрос о принятых в социально-культурной деятельности критериях отбора, которые одним инновациям не дают распространяться, а другим позволяют прорываться. Очевидно, важнейшим критерием отбора функций социально-культурной деятельности являются объективные потребности общественного развития...соответственно, объективно выраженные интересы большинства членов общества через интерденденцию [2].

Эффективность функций социально-культурной деятельности определяется состоянием инновационного климата общества, т.е. таким состоянием, при котором базовые социальные институты (экономические, политические, культурно-духовные) и общественное сознание характеризуются высокой позитивной восприимчивостью к инновативным изменениям. Поскольку социально-культурная деятельность является специализированной областью общественной практики, то вполне естественно,

что постепенно будет прописана функция «выравнивания социальных структур общества». Социально-культурная деятельность может дать инновативный импульс внесистемной детерминации, редуцируемой системным меньшинством, через создание своеобразных (нормативных ниш), обеспечивающих жизненное внутрисистемное пространство для инновативного меньшинства, а также для субъектов как неконформистского поведения (принципиального манифестируемого отклонения). На внесистемный (контркультурный) характер направленности на социально-культурную деятельность стали обращать внимание учёные в последнее время, обращаясь к темам девиантного поведения человека (например, А.Д. Жарков)[3], у которого сознание во многом зависит от того, какие эмоциональные и мотивационные состояния, та или иная проблемная ситуация вызывает у него самого.

Мировоззрение личности – система взглядов на мир в целом, на отношение человека к обществу, природе, самому себе; оно должно формироваться на внутреннем чувстве правдивости, справедливости. Правдивость – есть целостное представление об обществе, человеке, которое находит выражение в системе как общечеловеческих ценностей и идеалов, так и национальных социальных групп общества. Принцип правдивости – это отношение личности не только к настоящему, но и к прошлому, и к ожидаемому будущему. Оно скрепляет в единое целое духовный мир людей. На основе знаний и представлений возникали, формировались и развивались традиции во всех сферах человеческой деятельности[4].

В соответствии с принципом духовно-ценностная составляющая социально-культурной деятельности строится на прочном научном фундаменте. Каждый факт, процесс, явление жизни, природы и общества необходимо анализировать с позиций принципа правдивости, в тесном единстве и взаимосвязи с другими природными и общественными процессами, фактами, явлениями в их противоречивой сущности.

Поэтому в современных условиях чрезвычайно важным становится принцип «возвышенности» как для специалистов социально-культурной деятельности [5], так и для личности. Механизм сохранения и развития общечеловеческих ценностей средствами социально-культурной деятельности строится на соответствии трех областей бытования общечеловеческих ценностей и трех типов систем ценностей. Это общие личностные ценности, ценности, общие для человечества, и ценности сферы деятельности государств или союза государств. По нашему мнению, исходной является система личностных или общеличностных ценностей. Среди такого рода ценностей исходная, центральная и важнейшая, – жизнь человека, выступающая в качестве онтологической (бытийной) основы всех других ценностей [6].

Важнейшей общечеловеческой исходной ценностью, фундаментальной основой всех остальных общечеловеческих ценностей является жизнь. Для молодого человека главным является – быть, т.е. жить и продлевать свою жизнь. Жизнь всегда считалась высшей, ис-

ходной ценностью. Отметим, уже на ранних стадиях существования истории общества возникли идеи, представления, а далее различные более или менее развернутые мифологические учения о бессмертии души, т.е. о том, что жизнь каждого человека в её разных формах вечна. Люди не могли, и многие до сих пор не могут себе представить, что смерть – это абсолютный конец существования.

Людям, которым предлагают перебраться на новую производственную территорию, приходится много взвешивать, пересматривать вынужденную ротацию до детального предела. Практика «взвешивания» становится практикой самооценок. Для российского общества это данность традициям, устоям веков. Современные мегаполисы, ставшие местом концентрации причин конфликтов, не могут создать условия для «баланса интересов». Инновации для формирования сервисного пространства начинают осуществляться от целесообразного проекта, название которого может стать «уход от выживаемости». Одна из системных характеристик личности, позволяющая прогнозировать её будущее, – это направленность жизнедеятельности, которая представляет собой совокупность важнейших задач, обуславливающих смысловое единство активного и целенаправленного поведения личности. Среди многообразия целей личности можно выделить две фундаментальные: это быть личностью и стремиться реализовать себя.

Уместно привести материалы профессора А.Д. Жаркова, говоря об образовательных технологиях. Таковыми могут быть:

- активные методики проведения занятий, т.е. диспуты, дискуссии, мини-конференции;
- деловые игры;
- мозговой штурм;
- игровое моделирование проектов;
- практические лаборатории;
- спонтанные инновации: педагогическая разминка, экспертные группы, анализ конспектов.

«Отмеченные предпосылки для исследования реализованы в определенных выводах, гипотезы, что должно послужить активизации интереса к поставленной теме. Автор считает культурно-образовательный процесс – это объемное изучение исторической специфики России, из которой можно извлечь уроки для модернизации современных социально-культурных отношений для жизнестойкости российского народа в условиях XXI века» [7].

Думается, для решения отмеченной стратегии не хватает объемной критики как поиска неиспользуемых реальных возможностей. Отмеченное устремление как практика в обеспечении достойных результатов отмечалось давно. Учение критицизма как суммарность способов устранения устаревающих аспектов в человеческой деятельности возникла давно, но мало кого оно привлекало. С её законами не считались, ибо критика привлекала внимание, заставляла сопоставлять «идею» с её реальным воплощением. Однако человеческий эгоизм, уверенность в собственной справедливости расширя-

ли путь к авантюризму со страшными последствиями. Заложенные природой в личности задатки могут быть развиты, преобразованы и превращены в самые разнообразные способности в процессе организованной деятельности, целенаправленного обучения и воспитания. Становление природных сил личности происходит и в процессе повседневного вовлечения в жизненно важную деятельность. Но наиболее эффективного развития интеллектуальные, эмоциональные, физические силы личности достигают в результате целенаправленного обучения и воспитания.

Принцип стимулирования в социально-культурной деятельности проявляется за счет активизации нравственно-волевых сил с развитием непосредственного интереса к делу. Овладение жизненным опытом молодежью было, есть и будет для личности серьезным трудом, который способствует преодолению внешних и внутренних препятствий, побуждает к волевому самостимулированию, самопреодолению и самоограничению. Результат достигается путем включения в деятельность стимулов личности: собственной воли, преодоления себя, своей лени, в гармоничном сочетании с пробуждением многостороннего интереса. Интерес личности к делу появляется как под влиянием чисто внешних причин: любопытства, увлечения новизной дела, так и развитием внутреннего стремления к радости преодоления и самоутверждения.

Принцип дифференцированного подхода в социально-культурной деятельности всегда реализовывался с учетом как общевозрастных, так и сенситивных периодов развития личности в процессе воспитания и формирования ее общечеловеческих и индивидуальных задатков. Различие возрастных периодов в самой общей форме заключается в обращенности личности к внешнему миру в целях накопления необходимого жизненного опыта; в активизации внимания к себе самому, своему внутреннему миру и осмысления своего места в обществе, в настойчивом самоутверждении своей индивидуальности.

Таким образом, принципы социально-культурного процесса являются его закономерностями, отражающими реальные зависимости и связи между его компонентами и элементами. Принципы социально-культурной деятельности не являются раз и навсегда данными и неизменными [8]. Развитие жизни, изменение характера общественных отношений, достижения науки и практики деятельности учреждений социально-культурного и культурно-досугового типа предполагают как исследование новых принципов, отвечающих требованиям современности, так и изменение существа уже сложившихся принципов. Все деяния, мало результативные разговоры о патриотизме и гражданском обществе будут демагогией, если индивид не построит свой дом (достижение осознанной влюбленности). Важнейшим, новым структурным элементом инфраструктуры социально-культурной деятельности можно считать появление нового механизма хозяйствования и управления предприятиями и организациями, который включает в себя эле-

менты хозрасчета, развитие платных услуг, кооперативов, арендных и акционерных отношений, индивидуальных форм деятельности, основанных на частной собственности, и многое другое [9].

Необходимость изыскивать финансовые средства для обеспечения научной деятельности заставляет учреждения социально-культурного и культурно-досугового типа участвовать в коммерческой деятельности. Коммерческая деятельность в большинстве случаев осуществляется за счет резкого сокращения программ культурно-просветительной, художественно-публицистической и культурно-развлекательной направленности, числа любительских объединений, клубов по интересам, любительских коллективов художественной самодеятельности и прикладного творчества.

С другой стороны, происходят позитивные процессы. Многообразие форм собственности в инфраструктуре социально-культурной деятельности повлекло за собой многообразие программ и действий, появление целого спектра, не имеющих в прошлом, аналогов учреждений, организаций, фирм, довольно прочно и эффективно заполняющих образовавшиеся ниши в сети государственных, ведомственных, профсоюзных учреждений культуры.

Возникают новые формы социально-культурной деятельности, основанные на широком использовании новейших достижений науки и техники. Одним из объективных факторов развития социально-культурной деятельности являются значительно возросшие культурные связи с зарубежными странами, что способствует активному внедрению в городскую культурную жизнь форм и видов социально-культурной деятельности, не имевших аналога, но весьма привлекательных, прежде всего, для молодежи. Это повышает требования к специалистам, которых готовят в вузах культуры и искусств, и которые должны оказывать воздействие на развитие социально-культурной деятельности. Рассматривая инфраструктуру социально-культурной деятельности, следует выделить и такой аспект, как изменившиеся материальные возможности различных групп населения к приобщению ценностям духовной и материальной культуры.

Социально-культурная инфраструктура, создающая необходимые условия для многообразных занятий и действий участников и посетителей, во многом является следствием объективно складывающихся интересов государства, общества, общественных организаций, социума, личностно осознанных потребностей отдельных личностей и социальных групп, удовлетворяемых в тех или иных видах деятельности.

Среди научных подходов наиболее известные в социально-культурной деятельности: деятельностный, системный, функциональный, структурный и другие. А парадигмы, теории, синтагмы, научные концепции и механизмы их реализации для влияния социально-культурной деятельности на личность, коллектив, социум, А.А. Жарковой – парадигмальный подход к развитию личности в условиях социально-культурной деятельности.

При этом зачастую недооценивается значение инструментальности, которая связана с другой категориальной характеристикой методологии социально-культурной деятельности – рефлексивностью. Последняя способствует выбору оптимальных способов осуществления самопознания, самосовершенствования, саморазвития, самовоспитания, самоформирования личности. С точки зрения парадигмы педагогической регуляции социально-культурной деятельности, разработанной А.А. Жарковой, *рефлексия* – это цикл действий по сбору информации, оцениванию ситуации, отбору критериев оптимальности и ограничений, принятию решения о выборе способов деятельности и коррекции самоконтроля деятельности в условиях досуга.

Это позволяет методологически целесообразно выстроить проблемное поле темы исследования, а также раскрыть целостные характеристики предмета, достичь цели, решить поставленные задачи. Однако без характеристики внутреннего процесса, протекающего в жизни, методологический подход не является полным для исследования многих феноменов. Поэтому необходимо обратиться к теоретическим основаниям избранной темы исследования, концептуальным и технологическим подходам.

Научная концепция (в педагогике) – система взглядов, определяющих понимание явлений и процессов, объединенных фундаментальным замыслом, ведущей идеей. Концепция указывает способ построения системы средств обучения и воспитания на основе целостного понимания сущности этих процессов. В концепции особое внимание уделяется принципам как ориентирам для разработки стратегии педагогической деятельности. Концептуальные принципы определяют разработку соответствующих теорий [10].

Среди научных концепций в социально-культурной деятельности, признанной и наиболее часто используемой в современных диссертационных исследованиях, является научная концепция автора учебника, профессора А.Д. Жаркова «О ценностно-ориентированном, активно-деятельностном подходе к целостному технологическому процессу в учреждениях культуры и образования» [11].

Методология «Теории, методики и организации как социально-культурной деятельности» как самостоятельная научная дисциплина, на наш взгляд, включает следующие сущностные характеристики:

- иерархичность: потребности, цели, ценности всегда выстраиваются (могут быть выстроены) в определённую иерархию, имеют устойчивый (пусть в определённых временных границах) порядок предпочтений;
- последовательность: на смену удовлетворённой потребности или достигнутой цели приходит другая; более «высокие» потребности возникают на базе удовлетворения более «низких»;
- дискретность: всегда можно объективно зафиксировать границы определённых этапов в процессе удовлетворения потребностей или достижения целей и ценностей;

– логичность: предыдущий этап удовлетворения или достижения не противоречат настоящему;

– сравнимость: сложный процесс потребностей (целей, мотивов, интересов, психологических установок);

– искусство овладения средствами и орудиями труда. Характер и стиль строительства воспринималось как дело Божьей воли.

Здесь следует подчеркнуть, что взаимодействие механизмов стабилизации и инновации носит дискретный характер мировой цивилизации, определяющий исторический переход от одного паттерна развития к другому. Под паттерном следует понимать пространственно-временную определенность развития, а инновации есть бифуркационные точки мировой истории, моменты ее дискретных разрывов [12].

Социально-культурные механизмы не требовали специального анализа, ибо были органично сбалансированы. В результате борьбы инновации, дающие положительный эффект, одерживали победы над устаревшими порядками. Следовательно, история движется вперед через поражения своих порядков и преобразованием победившего нового, что соответствует закону развития на принципах положительной обратной связи.

Каждому времени нужен «человек действующий». Гегель отмечал, что «индивид не может определить цель своего действия, пока он не действовал» [13]. Именно эта мысль и лежит, на наш взгляд, в основе социально-культурной деятельности, где слово «деятельность» стало одним из ключевых. Сегодня решающую роль в судьбах мира призваны сыграть интеллект и фундаментальное знание. Ф. Бэкон подчёркивал: «Знание – это сила. От добродетели перейдём к могуществу и власти и рассмотрим, можно ли найти где-нибудь такое могущество и такую власть, какой способно образование наделять и с помощью которой возвеличивается человеческая природа» [14].

Поэтому актуальна разработка и адекватное использование специфических социально-культурных средств разрушения стереотипов о личности, ее психологии, в которой сталкиваются различные культуры, обречена не включаться полностью ни в одно из них.

Инновационные изменения в любом цивилизованном обществе отражаются в социально-культурной системе. Стремление к усилению динамики развития общества сталкивается с широким кругом проблем сохранения передового опыта, накопленного в социально-культурной деятельности, переходе ее в состояние педагогического регулирования процессами воспитания, образования, культуры.

Поэтому тревожащее всех современное «общество рисков» – это всего лишь оборотная сторона медали нынешнего цивилизационного развития. Ее же лицевой стороной является «инновационное общество».

Инновационная культура, обретая собственные законы в своем проявлении, осуществляется при наличии обновленного информационного порядка. Зарождение антикризисного сознания не может происходить без ин-

формационной новизны. Думается, что проявление охватывает весь институализированный мир. Информация укрепляет размышление о перспективах мира и осуждает то, что с надрывом цепляется за консервативные привычки. Для усиления антикризисного сознания в рамках культурно-образовательных процессов будут отдаваться предпочтения: рыночному обновлению и политической культуре с обогащением личностного потенциала.

Рынок представляет информацию по достижению продуктивности через модернизацию средств производства профессионального уровня молодежи, занятой в создании востребованных предметов потребления. Своевременная информация в какой-либо отрасли настораживает её размах или сужении, её вкладе в товарное производство, о рабочих местах, о стиле реализации того, что определит темпы градостроительства. Рынок становится регулятором обогащения или разорения организаторов. Доходы от рынка составляют благополучие одних и обнищание других. Владение информацией о рынке позволяет обращаться к законам товарообмена, спад или подъём экономики. В информационном поле рыночных отношений следует сочетать свободные и регулируемые от управления государственных органов. Научные подходы требуют регулируемых подходов, чтобы предопределить хаос и обнищание масс, что неизбежно создает потрясения в обществе.

Цивилизованному обществу необходимы личная воля и самосознание для того, чтобы утвердить себя в понимании того, что своим умом и душой можно преодолеть трудности и в силах добиться желаемого. Зачастую личности хочется в это верить, но не хватает внутренних сил. Цель и идеал в человеческой жизни приобретает внутреннюю целеустремленность, которая помогает личности познать себя и ощутить повышенную моральную ответственность за дела свои, формирует самоограничение, столь трудно дающееся в их поведении.

Антикризисное мышление в большей степени нуждается в переориентации политической культуры. В современных условиях при повышенной агрессивности политическая культура отстает от своей природной значимости. Информационный порядок для создания антикризисного мышления заключается в пропаганде ненасилия. Категория «ценность» всегда являлась объектом интереса философской, психологической и педагогической науки, что нашло отражение во множестве теорий, научных подходов, научных концепций. Современные исследователи отождествляют понимание ценностей с убеждениями – М. Рокич, Г.Е. Залесский; установками – И.Н. Истомина; мотивами – А. Маслоу; потребностями – Е.И. Головаха, В.А. Василенко, А. Маслоу; идеалами – И.С. Нарский; смысловыми образованиями – Б.С. Братусь, В. Франкл, Т.В. Корнилова, Г.Л. Бунинайте; отношениями с бытием – А.В. Битуева; отношениями между личностью и смыслом – Дж.Ройз.

В педагогике ценность определяется как предмет, явления и свойства, которые нужны членам определенного общества или отдельной личности в качестве

средств удовлетворения своих материальных и духовных потребностей и интересов, направленных на достижение общественных целей. Понятие «ценность» рассматривается: в философии – как «сложившаяся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемая людьми форма их отношений к общезначимым образцам культуры и тем предельным возможностям, от осознания которых зависит способность каждого индивида проектировать будущее, оценивать “иное” и сохранять в памяти прошлое; в психологии – “установка”, “жизненная позиция”, “значение” и “личностный смысл”»[15].

Теории Л.Н. Толстого, М. Ганди всегда остаются идеалами общественного сознания. Преодолеть современный античеловеческий порядок можно только полной гуманизированных процессов. Как это сделать? Все начинается с раскрытия гуманизма в каждом из индивидов. Чему учиться и как учиться в политике при формировании обновленной реальности? Думается, что вновь следует обратиться к историческому опыту. Например, ненасилие победило в процессе освобождения Индии от английской колонизации. Тактика бойкота привела к победе без кровопролития.

Воспитание – в социально-культурном смысле – совокупность формирующих воздействий общественных институтов, обеспечивающих передачу из поколения в поколение идеалов, традиций, обычаев, обрядов, ритуала (социализация и инкультурация личности). Сущностные показатели, которые соответствуют высоким достижениям современной культуры, свидетельствуют о развивающихся способностях личности к жизнедеятельности в современных условиях жизни.

Формирование – процесс роста личности в результате влияния объективных и субъективных факторов, наследственности, среды, целенаправленного воспитания и собственной активности личности (самовоспитания, самообразование). Это самое широкое понятие, включающее в себя процессы развития, социализации и воспитания.

Теория социально-культурной деятельности изучает процесс целенаправленного развития социализации, воспитания, формирования личности специально организованной воспитательной системы в условиях досуга, обеспечивающей взаимодействие специалистов, их актива и учреждений социально-культурного и культурно-досугового типов. Система социально-культурного образования включает учреждения дошкольного, дополнительного образования детей, среднего специального образования, вузы культуры и искусств.

Поэтому теория социально-культурной деятельности складывается как новый образ науки, включающий в себя:

- цели;
- субъектов, реализующих цели;
- деятельность – отношения, возникающие между ее участниками и объединяющие их;
- освоенную субъектами воспитания среду и управление, обеспечивающие единство компонентов

воспитательной системы и развитие этой системы [16] в условиях досуга в соответствии с реальным миром человека, реальными структурными ценностными ориентациями, психологическими установками.

Образование – одна из важнейших сфер разработки теории социально-культурной деятельности [17]. Путь к достижению нового информационного порядка основан на культуре мышления. Таким видом из средств на пути обновленной реальности является специфика социологического сознания: «оставаться мудрым при возвышении мелочей».

Т.Г. Киселева и Ю.Д. Красильников считают, что «для современной социокультурной ситуации общества по-прежнему характерны недостаточная развитость действующих в сфере досуга общественных структур, кризис социально-нравственных идеалов, культуры в целом, глубокое отставание всей социально-культурной сферы вследствие многолетней изоляции страны от широких контактов со многими цивилизованными странами, от своих «исторических корней» [18].

Инновационная культура – явление многогранное, динамичное, осложнённое консервативной практикой, субъективизмом и практикой ожидаемых успехов. Однако в её содержании могут быть явления и результаты мало предполагаемые во всех аспектах инновации, которые требуют устойчивых связей и гибкости подходов. Думается, что инновации обладают важным отличием – они обусловлены силой индивидуальных устремлений – «любви к себе». Отмеченный принцип составляет преобразующий характер. Личность, набирая силу своей значимости, постоянно ощущает собственные изъяны, ей не хватает соучастия, многообразия, последовательности перехода от абстракции к реальным результатам. Сохранение необходимых биоэнергетических потоков требует совершенствования межличностных связей. Физическое развитие как компенсация дефицита энергетических потоков приводит к выбору форм, средств в реализации свободного времени. Из процессов формируется культура отдыха, обновление маршрутов. Индивидуальное самочувствие – важнейшее условие инновационных действий, которое является причиной смены рода занятий, устремлённости к переменам, поиска эффективной адаптации. Инновация в образе жизни индивида, социальных групп становится неизбежной, необходимой, в ней складывается искусство выбора, преодоление ригидности.

В теории социально-культурной деятельности наиболее значимы следующие теоретические изыскания, отличающиеся широтой и методологической основательностью – это «Теория социально-культурной деятельности» Т.Г. Киселевой, Ю.Д. Красильникова; «Синергетика досугового общения» Ю.А. Стрельцова; «Парадигмальный подход к развитию личности в условиях социально-культурной деятельности»

А.А. Жарковой; «Теория и технология культурно-досуговой деятельности» А.Д. Жаркова. В этом ряду можно назвать учёных, разрабатывающих узкие направления теоретико-методологических исследований социально-культурной педагогики, которые в современной динамике научного знания оказывают возрастающее влияние на процессы его интеграции и дифференциации (например, исследования С.М. Оленева, А.Ю. Бутова, В.М. Подвойского, Ю.М. Лагусева, Е.В. Утина).

Среди научных подходов к поиску теорий социально-культурной деятельности следует выделить системно-функциональный подход, позволяющий расчленить систему культурно-просветительной работы на социально-культурную и культурно-досуговую деятельность.

По своей сути социально-культурная деятельность носит человеко-творческий характер, ориентирована на человека, на исчерпывающее раскрытие заложенного в нем потенциала, на его совершенствование.

В этом смысле социально-культурная деятельность – воспитательная деятельность. Отсюда цель социально-культурной деятельности – поддерживать высокий моральный уровень жизни общества, как одной из важнейших ценностей цивилизации. Как отмечал В.С. Библер, «теория существует в форме отщепления организации труда от самого процесса труда, в форме возрастающей независимости технологических новаций от субъективных способностей отдельного работника, от его виртуозности, навыка, опыта» [19].

Формирование практико-ориентированной и объективно-истинной теории – насущная задача современной социально-культурной деятельности.

По этой причине социально-культурные характеристики объектов «выпадают» из теоретической деятельности: ведь для того чтобы их обнаружить, необходимы исследования, имеющие разумную природу. Отсюда необходима концентрация на личности при разработке педагогических моделей развития, социализации, воспитания, формирования.

В условиях формирования обновленной реальности, думается, можно сформировать теорию инновационности с внедрением как научно-теоретического, так и научно-технического прогресса в обустройстве российской действительности. При общей ориентации на формирование рыночной экономики в стране пока не смогли создать нормальных основ для активного развития рынка культурных и досуговых услуг. Нет признаков того, чтобы структура средств развития культуры и досуга в стране претерпела изменения, соответствующие общим переменам, а те изменения, которые произошли, скорее, свидетельствуют об упадке культуры, а не о её подъеме.

Библиографический список

1. Гегель Г.В. Соч. Т. 4. М., 1959. С. 212–213.
2. Бэкон Ф. Соч.: В 2т., Т. 1. М., 1977. С. 134.
3. Библер В.С. Мышление как творчество: Введение в логику мыслительного диалога. М.: Политиздат, 1975. С. 283.
4. Жарков А.Д. Теория, методика и организация социально-культурной деятельности: Учебник для вузов культуры и искусств. М.: МГУКИ, 2012. С. 136.
5. Жарков А.Д. Теория, методика и организация социально-культурной деятельности: Учебник для вузов культуры и искусств. М.: МГУКИ, 2012. С. 86–87.
6. Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М., 1995.
7. Жарков, А.Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности: Учебное пособие. М.: МГУКИ, 2007.
8. Жарков А.Д. Теория, методика и организация социально-культурной деятельности: Учебник для вузов культуры и искусств. М.: МГУКИ, 2012.
9. Жаркова А.А. Игра – выразительное средство культурно-досуговой деятельности: учебно-метод. пос. М.: МГИК, 2016.
10. Жаркова А.А. Развитие личности в условиях социально-культурной деятельности на основе парадигмального подхода: теоретические аспекты: Монография. М.: МГУКИ, 2010.
11. Жаркова А.А. Технологии организации праздничных программ: Учебное пособие. М.: МГУКИ, 2014.
12. Кувачин В.А. Твой рай и ад: Человечность и бесчеловечность человека (Философия, психология и стиль мышления гуманизма). СПб.: Алетея, М.: Логос, 1998.
13. Оленев С.М. Взаимодействие культур и диалог культур. Диалог культур в контексте проблем современного общества. Часть 1. МГУКИ. М., 2007.
14. Оленев С.М. Детерминация культуругенетического процесса: информационные и метаинформационные факторы: Монография. МГУКИ. М., 2010.
15. Нечаев М.П. О моделировании системы целей воспитания в классном коллективе. Воспитание школьников. М.: Школьная пресса, 2009. № 4. С. 23–26.
16. Нечаев М.П. Моделирование развития культурно-образовательной среды в условиях системных изменений. Педагогическое образование и наука. М.: Ремдер, 2014. № 4. С. 17.
17. Скворцов К.В. Современные тенденции регулирования российского образования в социально-культурной сфере: монография. М., 2012.
18. Хмелев В.В. Концептуальные и методологические аспекты формулирования сервисологии – науки синергетического типа. М., 2008.
19. Хмелев В.В. Сервисная культура. М., 2009.

References

1. Hegel G.V. Col. V. 4. M, 1959. Pp. 212-213.
2. Bacon F. Col.: In 2 v., V. 1. M, 1977. Page 134.
3. Bibler V. S. Thinking as creativity: Introduction to logic of cogitative dialogue. M.: Politizdat, 1975. P. 283.
4. Zharkov A.D. Theory, technique and organization of welfare activity: The textbook for higher education institutions of culture and arts. M.: MGUKI, 2012. P. 136.
5. Zharkov A.D. Theory, technique and organization of welfare activity: The textbook for higher education institutions of culture and arts. M.: MGUKI, 2012. Pp. 86-87.
6. Durkheim E. Sotsiologiya. Her subject, method, mission. M, 1995.
7. Zharkov A.D. Theory and technology of cultural and leisure activity: Manual. M.: MGUKI, 2007.
8. Zharkov A.D. Theory, technique and organization of welfare activity: The textbook for higher education institutions of culture and arts. M.: MGUKI, 2012.
9. Zharkova A.A. Game – a means of expression of cultural and leisure activity: educational method. settlement of M.: MSUC, 2016.
10. Zharkova A.A. Development of the personality in the conditions of welfare activity on the basis of paradigmally approach: theoretical aspects: Monograph. M.: MGUKI, 2010.
11. Zharkova A.A. Technologies of the organization of festive programs: Manual. M.: MGUKI, 2014.
12. Kuvakin V.A. Your paradise and hell: Humanity and brutality of the person (Philosophy, psychology and style of thinking of humanity). SPb.: Алетея, М.: Logos, 1998.
13. Olenev S. M. Interaction of cultures and dialogue of cultures. Dialogue of cultures in the context of problems of modern society. Part 1. MGUKI. M, 2007.
14. Olenev S. M. Determination of kulturogeneticheskyy process: information and metainformation factors: Monograph. MGUKI. M, 2010.
15. Nechayev M.P. About modeling of system of the purposes of education in cool collective. Education of school students. M.: School press, 2009. № 4. Pp. 23-26.
16. Nechayev M.P. Modeling of development of the cultural and educational environment in the conditions of system changes. Pedagogical education and science. M.: Remder, 2014. № 4. P. 17.
17. Skvortsov K.V. Current trends of regulation of Russian education in the welfare sphere: monograph. M, 2012.
18. Hmelev V.V. In Conceptual and methodological aspects of a formulation of a servisologiya – science of synergetic type. M, 2008.
19. Hmelev V. V. Service culture. M, 2009.

Т.И. СМАГИНА

старший преподаватель, кафедра романской филологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: smagina.tat@mail.ru

T.I. SMAGINA

Senior lecturer, Department of Romance philology, Orel State University named after I.S. Turgenev
E-mail: smagina.tat@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ БАКАЛАВРА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ К РАЗВИВАЮЩЕМУ ОБУЧЕНИЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

THEORETICAL MODEL OF FORMATION OF PROFESSIONAL READINESS OF PEDAGOGICAL EDUCATION BACHELOR FOR THE DEVELOPING TEACHING OF YOUNG SCHOOL - CHILDREN

В статье предлагается применительно к условиям реформирования современного образования теоретическая модель формирования профессиональной готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников.

Ключевые слова: теоретическая модель, формирование профессиональной готовности, бакалавр педагогического образования, младший школьник.

In relation to the conditions of modern education reformation the article gives the theoretical model of formation of professional readiness of pedagogical education bachelor for the developing teaching of young school – children.

Keywords: theoretical model, formation of professional readiness, pedagogical education bachelor, young school – children.

Исследование проблемы развивающего начального обучения в контексте требований современного образования позволило утверждать, что актуальной проблемой педагогического образования в бакалавриате является необходимость подготовки компетентных учителей иностранного языка, готовых к профессиональной деятельности в системе развивающего обучения младших школьников.

Под *профессиональной готовностью бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников* предлагается понимать интегративное образование личности студента, в основе которого лежит система личностно-профессиональных ориентаций, знаний и умений, включающая мотивационный, когнитивный, операционно-деятельностный, рефлексивно-оценочный компоненты, уровень сформированности которых является достаточным для успешного выполнения профессиональной деятельности в системе развивающего обучения, для создания своего собственного профессионального образа мира.

Формирование профессиональной готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников представляет собой педагогический процесс, направленный на поэтапное формирование устойчивой мотивации будущего учителя к развивающему обучению младших школьников; системы психолого-педагогических, предметно-методических знаний, преобразованных в личностные, ценностные убеждения, а также системы умений, уровень сформированности которых является

достаточным для успешного самостоятельного выполнения профессиональной деятельности в парадигме развивающего обучения; рефлексивной позиции и опыта творческой деятельности.

Структурно данный процесс рассматривается как самостоятельная система, являющаяся подсистемой целостного образовательного процесса в вузе, включающая целевые установки, специально разработанное содержание поэтапного формирования готовности бакалавра, субъект-субъектное взаимодействие участников образовательного процесса, контекстно-деятельностную технологию обучения, а также результаты педагогической деятельности преподавателей и учебной деятельности студентов.

Исследование и конкретизация понятия «формирование профессиональной готовности бакалавра педагогического образования к реализации развивающего обучения младших школьников» как педагогического процесса позволили разработать теоретическую модель формирования соответствующей готовности.

При ее проектировании учитывались следующие положения:

1. процесс формирования указанной готовности является подсистемой целостного образовательного процесса подготовки в бакалавриате, а значит, и сам является системой;

2. цель процесса формирования профессиональной готовности является одной из составляющих общей цели вузовской подготовки учителя иностранного языка;

3. в процессе учебной деятельности студентов предусмотрено поэтапное формирование каждого из компонентов профессиональной готовности, что обеспечит адекватность системы подготовки ее цели и прогнозируемому результату – сформированной готовности.

Теоретическая модель формирования профессиональной готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников представляет собой дидактическую систему, включающую четыре структурных блока: целевой, содержательный, технологический, результативно-оценочный (см. рис. 1.).

Целостное понимание дидактической системы формирования готовности позволяет выделить ее системообразующие, интегративные свойства, не сводимые к свойствам отдельных структурных элементов.

Целевой блок обусловлен нормативными требованиями, опирается на социальный заказ и современное состояние развития образования, содержит цель и научное обеспечение модели, определяет содержание элементов, составляющих теоретическую модель формирования готовности.

В контексте настоящего исследования группа задач процесса формирования готовности соотносится с компонентами готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников. Цель достигается на основе использования указанных в модели подходов и принципов.

Содержательный блок включает дисциплины инвариантного блока – общепрофессиональной и профессиональной подготовки и вариативного, который предусматривает специальную подготовку студентов и включает интегративный курс «Развивающее обучение младших школьников иностранному языку», самостоятельную работу студентов, организованную как самостоятельная творческая деятельность по разработке фрагментов преподавания иностранного языка младшим школьникам, педагогическую практику и научно-исследовательскую работу студентов, направленные на углубление и творческое применение студентами интегративных знаний и умений организации развивающего обучения.

Такое содержание формирования профессиональной готовности студентов делает процесс обучения более эффективным, мотивирует их на ценностное отношение к развивающему обучению, формирует рефлексивную позицию, направляет на саморазвитие и самосовершенствование.

Технологический блок рассматриваемой модели реализует положения целевого блока и представляет собой требования к поэтапной организации формирования готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников.

Специально организованные *педагогические условия* способствуют эффективному формированию профессиональной готовности будущего учителя к указанному виду деятельности.

Результативно-оценочный блок составляют кри-

терии, их показатели и уровни сформированности готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников.

Методологической основой для определения критериев оценки готовности к развивающему обучению служит деятельность как процесс формирования этой готовности в сознании, ценностях, профессиональных действиях личности учителя. Диалектикой соотношения этих двух наиболее важных компонентов – сознания и деятельности и обусловливается установление основных критериев оценки результатов по формированию готовности. Поскольку основные характеристики готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников представлены через содержание структурных компонентов этой готовности, являющихся системным образованием, то в качестве критериев, отвечающих требованиям необходимости и достаточности, объективности и устойчивости, в настоящем исследовании выступают *мотивационный, когнитивный, операционно-деятельностный и рефлексивно-оценочный критерии*. Такой подход, по нашему мнению, позволяет оценить все свойства, атрибуты рассматриваемого объекта – готовности, как ее субъективную сторону (мотивы, ценности, рефлексия), так и объективную (знания, умения, навыки).

Следовательно, каждый критерий рассматривался как совокупность отдельных показателей, отражающих те или иные признаки, конкретные характеристики каждого компонента готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников, как количественно-качественные параметры, определяющие уровень (высокий: профессионально-творческий, средний: профессионально-продуктивный, низкий: ситуативно-репродуктивный) достигнутых результатов в процессе формирования этой готовности.

Таким образом, *теоретическая модель формирования профессиональной готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников* представляет собой дидактическую систему, являющуюся подсистемой целостного образовательного процесса подготовки в бакалавриате по направлению «Педагогическое образование» (профиль «два иностранных языка»), направленную на реализацию механизма формирования готовности студентов к профессиональной деятельности в системе развивающего обучения и предполагающую научное обоснование методологических подходов и дидактических принципов к определению целей обучения, отбору и структурированию содержания обучения, выбору форм, методов и средств обучения, контролю результатов обучения и его коррекции.

Представленная теоретическая модель формирования профессиональной готовности характеризуется целостностью, системностью, так как все указанные компоненты взаимосвязаны между собой и работают на конечный результат.

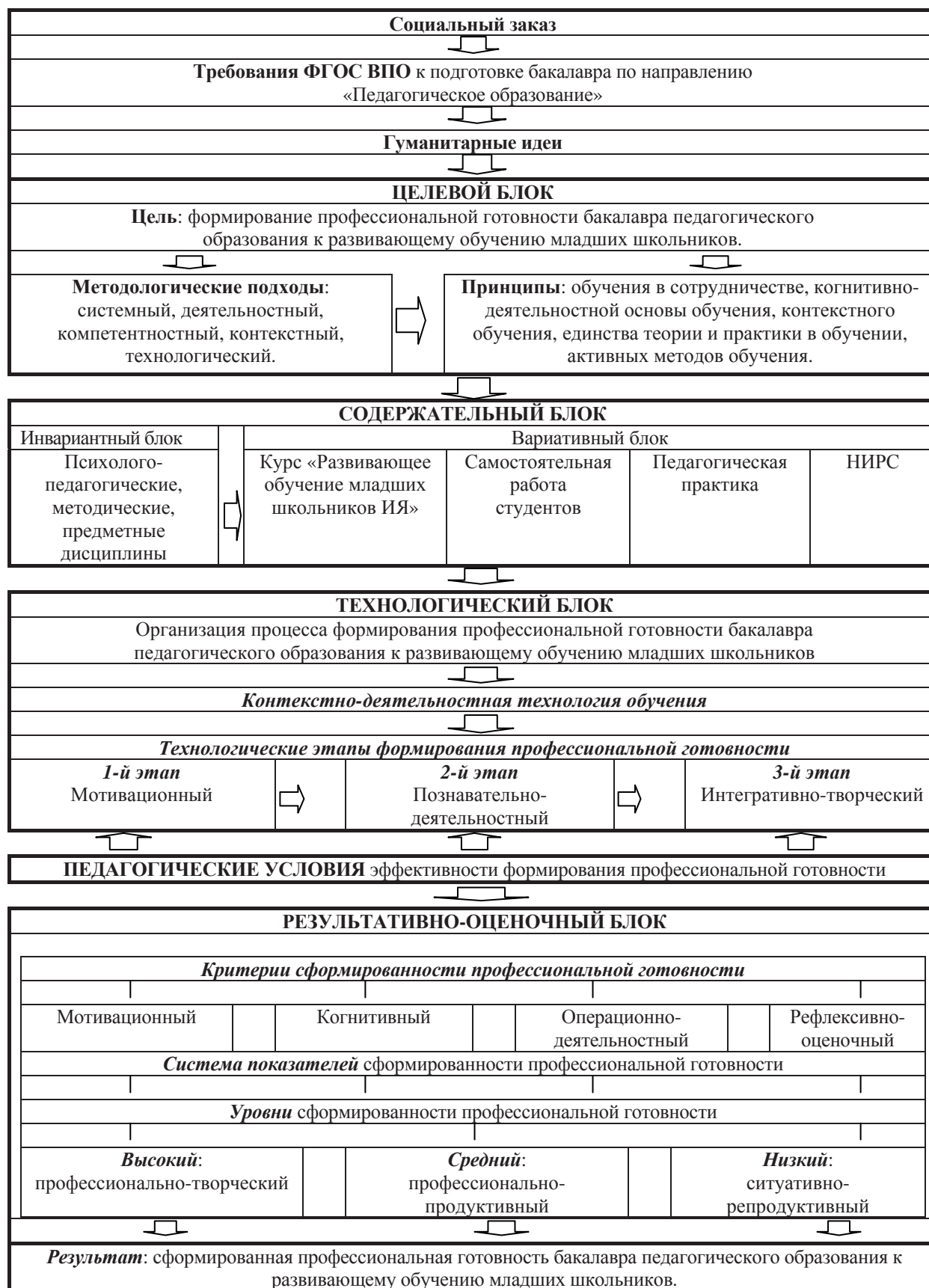

Рис. 1. Теоретическая модель формирования профессиональной готовности бакалавра педагогического образования к РО младших школьников.

Библиографический список

1. *Образцов П.И., Смагина Т.И.* Компетентностный подход к формированию модели выпускника вуза – бакалавра по направлению «Педагогическое образование» // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 3. Ч. 2. С. 225-235.
2. *Смагина Т.И.* Контекстно-деятельностная технология формирования профессиональной готовности бакалавра – будущего учителя к развивающему обучению младших школьников иностранному языку. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5 (55). С. 270-274.

References

1. *Obraztsov P.I., Smagina T.I.* Competence approach to the formation of a model of the graduate – Bachelor in “Pedagogical education” // Proceedings of the TSU. Humanitarian sciences. 2013. Is. 3. Part 2. Pp. 225-235.
  2. *Smagina T.I.* Context-operating technology of professional readiness of a bachelor – a future teacher – for the developing teaching of young school-children a foreign language // Scientific Notes of Orel State University. Series: humanitarian and social sciences. 2013. №5(55). Pp. 270-274.
-
-

Е.А. СМАГИНА

аспирант, кафедра непрерывного образования и новых образовательных технологий, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: katenka019@rambler.ru

E.A. SMAGINA

Graduate student, Department of continuous education and innovative educational technologies, Orel State University named after I.S.Turgenev
E-mail: katenka019@rambler.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ПРОФИЛЬ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК»)

PROFESSIONAL PROJECT COMPETENCIES OF PEDAGOGY BACHELORS (SKILLS PROFILE «FOREIGN LANGUAGE»): AN OVERVIEW

В статье дается авторская характеристика профессиональных компетенций в проектной деятельности бакалавров педагогического образования (профиль «Иностранный язык»). Автор доказывает актуальность формирования рассматриваемых компетенций, а также подробно раскрывает их структуру.

Ключевые слова: проектная деятельность, иностранный язык, профессиональная компетенция, бакалавр педагогического образования.

The article gives a general outline of professional project competencies as part of pedagogy bachelors' (skills profile "Foreign Language") training. The author emphasizes the topicality of acquiring professional competences by bachelors of pedagogy and elaborates on the structure of the competences.

Keywords: project activities, foreign language, professional competence, bachelor of pedagogy.

Смена образовательной парадигмы, а также инновационные процессы в социально-экономической и политической жизни России и всего мира ставят систему высшего профессионального образования перед необходимостью внедрения системных изменений в систему подготовки бакалавров педагогического образования в вузе.

Как показал анализ современных научных исследований, в последнее время в центре внимания ученых находятся проблемы становления и развития профессиональных компетенций будущего педагога по нескольким направлениям:

1. общекультурные компетенции педагога (Е.И. Балакирева, Т.Ф. Краснопевцева, Г.А. Палуткова и др.);

2. компетенции, обеспечивающие готовность педагога к профессиональному педагогическому и социально-педагогическому творчеству (Т.Ф. Асафова, О.В. Воронова, А.Н. Загребина, Т.В. Горбунова, Ю.В. Гришина, Л.И. Павлова, Л.Е. Паутова, М.В. Мусийчук, С.А. Родионова, Л.В. Сабанова, Т.Н. Томилова и др.);

3. научно-исследовательские компетенции педагога (Л.А. Даринская, Е.Л. Макарова, Т.М. Талманова, А.Ю. Скорнякова, Н.А. Сухина, Л.А. Черняева, О.Г. Чугайнова, Р.М. Чумичева, Т.А. Шкерина и другие);

4. методическая компетенция учителя (Т.Б. Руденко, Н.В. Ипполитова и др.);

5. информационно-коммуникативная компетенция

учителя (М.Н. Евстигнеев, В.В. Котенко, С.Л. Сурменко, П.В. Сысоев, С.В. Тришина и др.);

6. мультимедийные компетенции учителя (С.М. Кашук, Б.А. Крузе, Н.М. Саукова и др.).

Необходимость формирования у будущих педагогов перечисленных компетенций не вызывает сомнений, поскольку все они характеризуют специалиста, способного ответить на вызовы современного социального заказа и, значит, востребованного на рынке труда.

Однако, очевидно, что вне поля зрения исследователей в области теории и практики подготовки бакалавров педагогического образования остается проблема становления и развития компетенций, отвечающих за готовность и способность студентов осуществлять **проектную деятельность**, которая входит в структуру целей подготовки будущих педагогов в вузе.

Актуальность формирования компетенций в проектной деятельности у бакалавров педагогического образования по профилю «Иностранный язык» обусловлена современным социальным заказом системе педагогического образования и отражена в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата), согласно которому будущий академический бакалавр педагогического образования должен быть подготовлен к таким видам профессиональной деятельности, как педагогическая, проектная, исследовательская, культурно-просветительская.

Современное понимание проектной деятельности бакалавра педагогического образования включает в ее содержание проектирование содержания образовательных программ и современных педагогических технологий с учетом особенностей образовательного процесса, задач воспитания и развития личности через преподаваемые предметы, а также моделирование индивидуальных маршрутов обучения, воспитания и развития обучающихся, а также собственного образовательного маршрута и профессиональной карьеры.

Таким образом, мы считаем, что профессиональные компетенции в проектной деятельности необходимо рассматривать как комплексный ресурс личности, который обеспечивает возможность осуществления эффективной и разносторонней проектной деятельности, включающей не только проектирование образовательных программ, но и разработку индивидуальных образовательных траекторий обучающихся, траекторий собственного профессионального роста и личностного развития.

Неотъемлемыми характеристиками бакалавра педагогического образования, владеющего профессиональными компетенциями в проектной деятельности, должны быть:

- готовность к самореализации и достижению новых целей;
- проблемный взгляд на содержание своей деятельности и творческое решение педагогических задач;
- готовность к активной преобразовательной деятельности, направленной на самосовершенствование и усовершенствование образовательной среды.

Вышесказанное позволяет рассматривать проектную деятельность как системообразующую, стержневую в общей структуре профессиональной деятельности бакалавра педагогического образования, т. к. она детерминирует формирование других ключевых компетентностей, являясь не только целью, но и средством эффективного развития личности в процессе образования.

Проектная деятельность обеспечивает содержательную и технологическую стороны профессионального роста будущего специалиста. Она является интегративным качеством личности, характеризующим способность к систематической самостоятельно организуемой самообразовательной деятельности, направленной на

продолжение собственного образования в общекультурном и профессиональном аспектах.

Таким образом, профессиональные компетенции в проектной деятельности выступают одним из важнейших проявлений социальной и профессиональной зрелости бакалавра педагогического образования.

Содержание компетенций в проектной деятельности раскрывается нами как интегративная целостность планируемых результатов на основе знаний, умений, владений, способностей которыми должен обладать будущий бакалавр педагогической деятельности по профилю «Иностранный язык».

При определении перечня компонентов данной компетенции мы опирались на принципы, согласно которым они должны быть:

1. исчерпывающими (перечень компетенций должен «полностью перекрывать все важные рабочие области»);
2. дискретными (каждая компетенция должна относиться к конкретному виду деятельности, который может быть четко отделен от других);
3. сфокусированными (каждая компетенция должна быть четко определена);
4. доступными (все компетенции должны быть «доступным образом сформулированы», что требует некоторой универсальной формулировки);
5. конгруэнтными (компетенции должны «усиливать долгосрочные цели»);
6. современными (система компетенций должна обновляться и должна отражать настоящие и будущие (предсказуемые) потребности образования [Подчалимова, Т.Н. *Проектирование содержания дополнительного профессионального образования руководителей школ: теория и практика* / Т.Н. Подчалива. – Курск, 2001. – 494 с.].

Приведем разработанный состав компетенций в проектной деятельности в виде их содержательных карт.

Перечисленный набор структурных компонентов был выявлен в результате анализа сущности и особенностей функционирования проектной деятельности бакалавра педагогического образования по профилю «Иностранный язык» и, на наш взгляд, в полной мере обеспечивает ее успешную реализацию в профессии педагога в области иностранных языков.

Содержательная карта способности проектировать образовательные программы (ПК-8)

Компонент компетенции	Содержание компонентов компетенции	Характеристика компонентов компетенции
Мотивационный	Наличие соответствующих мотивов и установок, отношение к деятельности в сфере ПК-8.	<ul style="list-style-type: none"> – выраженность профессионально значимых мотивов; – ценностно-смысловое отношение к профессиональной деятельности по проектированию образовательных программ; – ориентированность на применение компетенций в проектировании образовательных программ для решения задач деятельности профессиональной; – сознательное накопление профессионального опыта в разработке образовательных программ.

Когнитивный	Знания в области содержания, структуры, методов, способов и приемов осуществления проектной деятельности в сфере ПК-8.	<ul style="list-style-type: none"> – владение базовыми теоретическими понятиями в области проектирования образовательных программ; – владение знаниями о содержательном наполнении и структуре образовательных программ; – <i>знание нормативных документов, регламентирующих деятельность в образовании</i> – владение знаниями о способах и приемах разработки образовательных программ.
Информационный компонент	Умения и навыки осуществления проектной деятельности в сфере ПК-8.	<ul style="list-style-type: none"> – умения работы с нормативно-правовыми документами с целью поиска информации, необходимой для разработки образовательных программ; – умения извлекать, систематизировать, анализировать и отбирать необходимую информацию, а также организовывать, преобразовывать, сохранять и передавать ее обучающимся.
Профессионально-деятельностный компонент	Умения и навыки осуществления проектной деятельности в сфере ПК-8.	<ul style="list-style-type: none"> – умения и навыки проектирования образовательных программ в соответствии с современными нормативными требованиями; – умения проектирования образовательных программ на русском и английском языках.

Содержательная карта способности проектировать индивидуальные образовательные маршруты обучающихся (ПК-9)

Компонент компетенции	Содержание компонентов компетенции	Характеристика компонентов компетенции
Мотивационный	Наличие соответствующих мотивов и установок, отношение к деятельности в сфере ПК-9.	<ul style="list-style-type: none"> – выраженность профессионально значимых мотивов; – осознание роли индивидуальных образовательных маршрутов для развития личности обучающихся и достижения ими учебных и профессиональных результатов; – эмпатия, толерантное отношение к студентам; – ориентированность на применение компетенций проектированию индивидуальных образовательных маршрутов студентов для решения задач деятельности профессиональной; – сознательное накопление профессионального опыта в проектировании индивидуальных образовательных маршрутов студентов.
Когнитивный	Знания в области содержания, структуры, методов, способов и приемов осуществления проектной деятельности в сфере ПК-9.	<ul style="list-style-type: none"> – владение базовыми понятиями в области проектирования индивидуальных образовательных маршрутов студентов; – владение знаниями о способах и приемах проектирования индивидуальных образовательных маршрутов студентов; – владение системой знаний о планировании, организации учебной, учебно-профессиональной и квази профессиональной деятельности студентов; – владение знаниями о критериях оценивания различных видов учебной деятельности
Аналитический компонент	Умения и навыки осуществления проектной деятельности в сфере ПК-9.	<ul style="list-style-type: none"> – умения отбора и применения адекватного аналитического инструментария; – умения анализа индивидуальных личностных, учебных и профессиональных потребностей студентов.
Профессионально-деятельностный компонент	Умения и навыки осуществления проектной деятельности в сфере ПК-9.	<ul style="list-style-type: none"> - умения и навыки проектирования индивидуальных образовательных маршрутов студентов в соответствии с их индивидуальными потребностями; - умения планирования учебной деятельности студентов; умения организации работы по реализации плана индивидуального образовательного маршрута студента; - умения оценивания, анализа и корректировки результатов реализации плана индивидуального образовательного маршрута студента; - умения отбора и создания банка релевантных ресурсных материалов аналитического и учебного характера.

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES

Профессионально-коммуникативный компонент	Умения и навыки осуществления профессиональной коммуникации в сфере ПК-9	умения изложения информации в сфере ПК-9 с учетом возможностей ее понимания студентами; - умения организации коммуникативного взаимодействия со студентами в академической среде, использование партнёрских воздействий, использование демократического стиля, формирование интереса студентов к излагаемой информации; умения организации научного общения в сфере ПК-9 согласно нормам научного общения.
---	--	--

Содержательная карта способности проектировать траектории своего профессионального роста и личностного развития (ПК-10)

Компонент компетенции	Содержание компонентов компетенции	Характеристика компонентов компетенции
Мотивационный	Наличие соответствующих мотивов и установок, отношение к деятельности в сфере ПК-10.	<ul style="list-style-type: none"> – выраженность и устойчивость мотивов профессионального роста и личностного развития; – осознание важности личностного и профессионального развития; – ценностно-смысловое отношение к проектированию траектории своего профессионального роста и личностного развития; – ориентированность на целенаправленную работу по планированию и разработке траектории своего профессионального роста и личностного развития; – ориентированность на рефлекссию и самостоятельную оценку процесса и результатов следования индивидуальной траектории личностного и профессионального развития.
Когнитивный	Знания в области содержания, структуры, методов, способов и приемов осуществления проектной деятельности в сфере ПК-10.	<ul style="list-style-type: none"> – владение знаниями в области механизмов самостоятельного оценивания, самоуправления и рефлексии собственной образовательной и профессиональной деятельности; – владение знаниями о содержательном наполнении и структуре индивидуального образовательного маршрута; – владение знаниями о способах и приемах разработки индивидуального образовательного маршрута.
Рефлексивный компонент	Умения и навыки осуществления проектной деятельности в сфере ПК-10.	<ul style="list-style-type: none"> – умения критически оценивать содержание и результаты своей образовательной и профессиональной деятельности;
Профессионально-деятельностный компонент	Умения и навыки осуществления проектной деятельности в сфере ПК-10.	<ul style="list-style-type: none"> – умения и навыки планирования, разработки и корректирования индивидуального образовательного маршрута; – умения экстраполировать индивидуальный положительный опыт на решение новых образовательных и профессиональных задач.

Библиографический список

1. *Байдено В.И.* Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: методическое пособие. Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006.
2. *Беспалько В.П.* Слагаемые педагогической технологии. Москва, 1989.
3. *Беспалько В.П.* Природосообразная педагогика. Москва: Народное образование, 2008.
4. *Подчалимова Т.Н.* Проектирование содержания дополнительного профессионального образования руководителей школ: теория и практика. Курск, 2001.

References

1. *Baidenko V.I.* Identifying the content of graduates' competences as a necessary stage of developing the State Educational Standard of Higher Professional Education. Moscow: Research centre of the problems of specialists training quality, 2006.
2. *Bespalko V.P.* Nature-aligned pedagogy. Moscow: Public Education, 2008.
3. *Bespalko V.P.* Components of pedagogical technology. Moscow, 1989.
4. *Podchalimova T.N.* Designing the content of supplementary professional training of school headmasters: theory and practice. Kursk, 2001.

Л.А. ТЕРЕХОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра математического и информационного анализа экономических процессов, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: lterehova@mail.ru

L.A. TEREKHOVA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of mathematics and information analysis of economic processes, Orel State University named after I.S. Turgenev
E-mail: lterehova@mail.ru

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ» В СТРУКТУРЕ «ТРАДИЦИОННОГО» ШКОЛЬНОГО КУРСА МАТЕМАТИКИ

METHODS OF STUDYING THE CONCEPT OF "GEOMETRIC PROBABILITY" IN THE STRUCTURE OF THE "TRADITIONAL" SCHOOL MATHEMATICS

В статье показано, как изучение стохастического понятия «геометрическая вероятность» способствует укреплению внутрипредметных и межпредметных связей школьного курса математики, усилению его прикладной направленности и значимости для современного человека. Приведенные примеры реализуют принцип наглядности, расширяют представления школьников о вероятности случайных событий, знакомят их с парадоксами теории вероятностей.

Ключевые слова: элементы стохастики, геометрическая вероятность, внутрипредметные связи школьного курса математики, когерентно-интегративный подход.

The article shows how the study of stochastic concept of «geometric probability» promotes intrasubject and interdisciplinary connections of school mathematics course, strengthens its applied orientation and importance for the modern man. These examples implement the principle of visibility, expand the representation of schoolchildren about the probability of random events, introduce them to the paradoxes of probability theory.

Keywords: stochastic elements, geometrical probability, Intra Communication school mathematics, coherently integrated approach.

Введение элементов логики, комбинаторики, статистики и теории вероятностей (элементов стохастики) в школьный курс математики направлены на решение определенных образовательных задач. С одной стороны, на формирование у учащихся: умения извлекать, анализировать и обобщать окружающую их информацию, с другой – на понимание того, что они живут в мире случайностей и закономерностей. Всё это способствует развитию представлений у учащихся о математике как методе научного познания окружающего мира. Умение анализировать и оценивать вероятности наступления тех или иных событий способствует формированию вероятностного стиля мышления и представлению о математическом моделировании и о его роли при анализе окружающего мира. Кроме того, введение элементов стохастики направлено на иллюстрацию прикладной направленности школьного курса математики, что способствует приобщению школьников к поисковой, творческой деятельности и развитию исследовательских способностей [5]. Также введение вероятностно-статистической составляющей в курс математики направлено на повышение интереса учащихся к изучению математики, развитию логического и вероятностно-статистического мышления. Таким образом, введение элементов стохастики в школьный курс

математики направлено не только на формирование у учащихся новых понятий и представлений [8], но и на обогащение «традиционной» математики, укрепление ее внутрипредметных и межпредметных связей, усиление ее прикладной направленности и значимости для современного человека.

В настоящее время сложилось несколько подходов к введению элементов стохастики в школьный курс математики, на основе которых разработаны учебники и учебно-методические комплексы, которые отличаются не только последовательностью изложения материала, но и методикой его подачи. Тем не менее все авторы выделяют общие понятия, которые должны быть сформированы у школьников в процессе обучения. К таким понятиям относятся: элементы комбинаторики, частота и вероятность случайного события, геометрическая вероятность, элементы статистики, моделирование случайных экспериментов, закон распределения случайной величины и нормальное распределение случайной величины, теорема Бернулли и т.д.

Рассмотрим методику введения понятия «геометрическая вероятность» в школьном курсе математики. О значении изучения данной темы в курсе алгебры и начал математического анализа сказано в пособии [6, С. 165]:

– реализуется принцип наглядности в обучении

математике, что особенно важно для учащихся с доминантой наглядно-образного мышления;

- расширяются представления школьников о вероятности случайных событий;

- осуществляется интеграция курсов планиметрии и теории вероятностей и математической статистики, что ведет к более глубокому пониманию изучаемого материала и реализации внутрипредметных связей курса математики в целом;

- классическая, статистическая и геометрическая вероятности обобщаются до аксиоматической вероятности.

Анализ различных учебников и учебно-методические комплексы показал, что разные авторы предлагают вводить это понятие в 8, 9 или в 11 классе. Соответственно, по-разному подходят они и к методике введения понятия. Во многих учебных пособиях не приводится определение данного понятия, а дается лишь описательное определение на основе анализа примеров. Такой подход объясняется тем, что при проведении экспериментов, учащиеся сталкиваются с ситуациями, которые имеют бесконечное число исходов. В этом случае использование классического определения вероятности недопустимо. Поэтому, чтобы преодолеть недостаток классического определения вероятности, вводят геометрические вероятности – вероятности попадания точки в область, отрезок, часть плоскости и т.д.

Рассмотрим методику введения данного понятия с точки зрения когерентно-интегративного подхода [7], основным средством которого является решение задач. Геометрическая линия школьного курса основана на решении задач трёх основных видов – на вычисление, на построение и на доказательство. Однако в практике обучения задачи на доказательство используются реже, чем остальные. Это объясняется тем, что задачи на вычисление являются в большей части задачами алгебры, основанными на геометрическом материале. Задачи на построение отражают специфическую особенность курса геометрии. Задачи на доказательство являются интегративными по своей природе и способствуют усилению внутрипредметных связей.

Покажем на конкретных примерах, что геометрический подход к вероятности события не зависит от геометрического пространства: отрезок, часть плоскости и т.д. Классическим примером введения понятия геометрической вероятности является опыт с рулеткой. Данная задача также является иллюстрацией принципа наглядности при обучении математике.

Пример 1. Проводится опыт с рулеткой радиусом $r=4$ см., разделенной на 12 равных секторов, два из которых заштрихованы (рисунок 1). В центре рулетки закреплена стрелка, которая раскручивается и останавливается в случайном положении. Найдите вероятность того, что Дима, вращая её, попадёт в заштрихованный сектор. Имеет ли значение, как заштрихованы сектора рулетки?

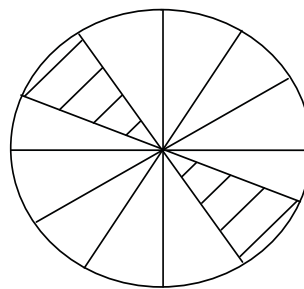

Рис. 1.

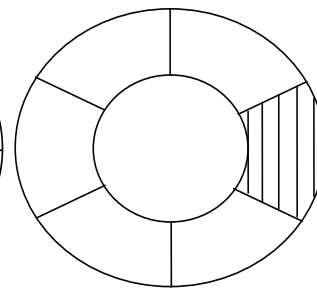

Рис. 2.

Решение. Данную задачу, можно решать несколькими способами. Всего рулетка разделена на 12 равных секторов (значит равновероятных), в любой из которых может попасть Дима, но только 2 из них заштрихованы, поэтому вероятность того, что Дима попадёт в заштрихованный сектор, равна $\frac{2}{12} = \frac{1}{6}$.

Рассмотрим решение этой задачи с геометрической точки зрения. Так как площадь круга (рулетки) находится по формуле $S_{рул} = \pi R^2$, то, согласно условию задачи, площадь нашей рулетки равна $S_{рул} = 16\pi$ (см.2). Поскольку рулетка разделена на 12 равных секторов, значит их площади равны и поэтому порядок закрашивания секторов рулетки не имеет значения, так как их площади равны. Так как рулетка разделена на 12 равных

частей, то площадь одного сектора $S_{сек} = \frac{1}{12} S_{рул}$ и составит таким образом $S_{сек} = \frac{16}{12} \pi = \frac{4}{3} \pi$ (см.2). Поскольку

только 2 сектора заштрихованы, то площадь заштрихованной части будет равна $S_{з.ч} = 2S_{сек}$. Тогда искомая ве-

роятность будет $p = \frac{2 \cdot \frac{4}{3} \pi}{16\pi} = \frac{1}{6}$.

Таким образом, при введении понятия геометрической вероятности, мы не только основывались на понятиях равнозначности и классического определения вероятности, но и привлекли к решению задачи понятия «традиционной» математики: площадь круга, часть числа, действия с дробями, что является примером укрепления внутрипредметных связей школьного курса математики.

Геометрическое решение данной задачи можно усложнить, для этого необходимо изменить вид рулетки, например, как показано на рисунке 2. Если сектора рулетки, на которые поделена вертушка сделать неравными, то такую задачу можно решить только геометрически.

Приведем пример еще одной задачи, решение которой основано на геометрической интерпретации и направлено на реализацию принципа практической значимости в обучении математике.

Пример 2. На соревнованиях по Стендовой стрельбе участники соревнуются в стрельбе по движущейся мишени, которая представляет собой круг $R=50$ см (рис. 3). Мишень движется прямолинейно, проходя

расстояние $a=5\text{м}$. Определить вероятность попадания спортсмена в движущуюся мишень, при условии, что уровень подготовки спортсменов одинаковый.

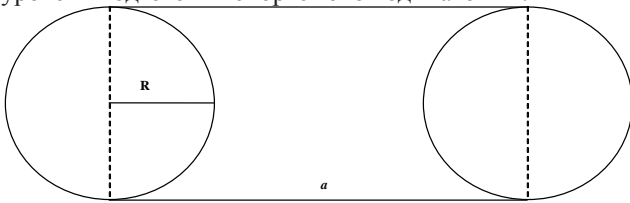

Рис. 3.

Решение. Используя геометрическое определение вероятности $p = \frac{S_i}{S}$, где S_i – площадь мишени, S – общая площадь, заемаемая мишенью при движении. Так как площадь мишени находится по формуле $S_i = \pi R^2$, $S = S_0 + S_i = 2aR + \pi R^2$, тогда вероятность будет находиться по формуле $p = \frac{\pi R^2}{\pi R^2 + 2aR}$,

$$p = \frac{\pi \cdot 0,5^2}{\pi \cdot 0,5^2 + 2 \cdot 5 \cdot 0,5} = \frac{\pi}{\pi + 20} \approx 0,14.$$

Поскольку понятие геометрической вероятности основано на отношении пространственных величин, то данное понятие может быть введено не только с помощью понятия площади фигур, но и с помощью таких понятий, как график функции на координатной плоскости.

Пример 3. Лиза изобразила на координатной плоскости график функции $y=3$ и обозначила на нем точки $A(-4;3)$, $B(6;3)$. Какова вероятность, что точка, наудачу поставленная на отрезке AB , окажется в I четверти?

Поскольку число исходов в этой задаче бесконечно, то мы не можем подсчитать количество точек, лежащих на прямой AB и BC . Поэтому для определения вероятности рассматриваемого события нам необходимо воспользоваться понятием длины отрезка. На координатной плоскости построим график функции $y=3$ и обозначим на нем точки $A(-4;3)$, $B(6;3)$ (рисунок 4). Точку пересечения функции $y=3$ с осью ординат обозначим буквой C .

Вероятность, что точка, наудачу поставленная на отрезок AB , окажется в I четверти, найдется как отношение длины отрезка CB к длине отрезка AB , т.е.

$$p = \frac{l_{CB}}{l_{AB}}$$

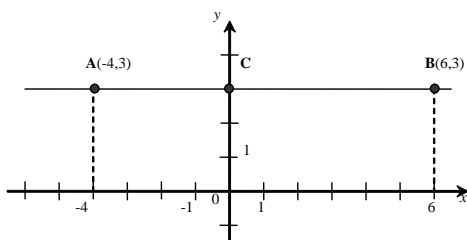

Рис. 4.

Длина отрезка CB , согласно рисунку, равна 6 ед., а длина отрезка AB равна 10 ед. Таким образом, вероятность, что точка, наудачу поставленная на отрезок AB ,

окажется в I четверти, равна $p = 0,6$.

Рассмотрим, как можно с помощью аналогичной задачи укрепить внутрипредметные связи школьного курса математики с такими понятиями, как: координатная плоскость, теорема Пифагора, понятие иррационального числа.

Пример 4. Маша изобразила на координатной плоскости график функции $y = x$ и обозначила на ней точки $A(-2; 2)$ и $B(5; 5)$. Какова вероятность, что точка, наудачу поставленная на отрезке AB , окажется в I четверти?

Построим на координатной плоскости график функции $y = x$ и обозначим на нем точки $A(-2;-2)$, $B(5;5)$ (рис. 5).

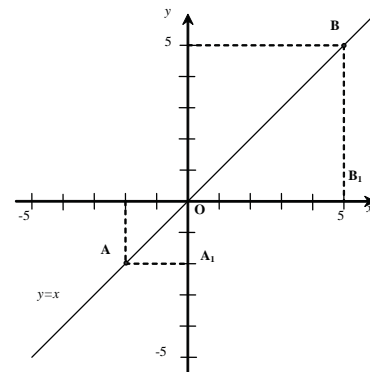

Рис. 5.

Вероятность, что точка, наудачу поставленная на отрезок AB , окажется в I четверти, найдется как отношение длины отрезка OB к длине отрезка AB , т.е.

$$p = \frac{l_{OB}}{l_{AB}}$$

Длина отрезка AB складывается из длин двух отрезков OB и OA , т.е. $l_{AB} = l_{OB} + l_{OA}$. Длину отрезка OB найдем, рассмотрев $\triangle OBB_1$: $OB = \sqrt{OB_1^2 + BB_1^2}$, $OB = \sqrt{25 + 25} = 5\sqrt{2}$.

Длина отрезка OA находится аналогично и равна $OA = 2\sqrt{2}$. Таким образом,

$$l_{AB} = l_{OB} + l_{OA} = 5\sqrt{2} + 2\sqrt{2} = 7\sqrt{2}. \text{ Вероятность равна } p = \frac{5\sqrt{2}}{7\sqrt{2}} = \frac{5}{7}$$

Рассмотрим классическую задачу о встрече, которая демонстрирует связь геометрической линии с элементами стохастики [1, С. 27-28].

Пример 5. Коля и Оля договорились встретиться в центральном парке с 12.00 до 13.00. Пришедший первым ждет другого в течении 30 минут, после чего уйдет. Какова вероятность, что они встретятся, если каждый из них с одинаковой вероятностью может прийти в любой момент времени в течение заданного часа?

Решение. Обозначим время прихода в парк Коли через x , а Оли – через y (для удобства будем выражать время в минутах, прошедших после 12 часов). Тогда точка с координатами (x,y) будет случайной точкой в квадрате на плоскости Oxy . Каждая точка этого квадрата – это

один из возможных исходов. Встреча состоится, если выполняется условие $|x - y| < 30$. Множество таких точек удовлетворяющих этому условию, лежит на заштрихованной плоскости, представленной на рисунке 6.

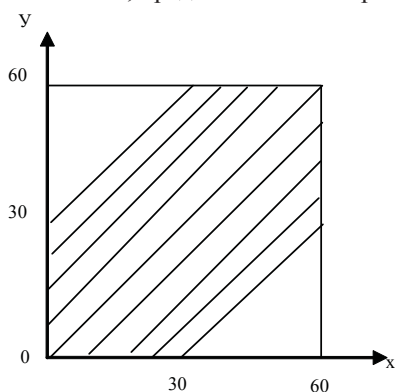

Рис. 6.

Площадь заштрихованной части можно найти, вычитая из площади квадрата площади двух равных треугольников: $S_{з.ч} = 60^2 - 2 \cdot \frac{1}{2} \cdot 30 \cdot 30 = 2700$.

Искомую вероятность встречи находим как отношение «благоприятной» площади ко всей площади квадрата: $p = \frac{2700}{3600} = \frac{3}{4}$.

Мы рассмотрели несколько задач, связывающих классическое определение вероятности и её вычисление с помощью геометрических понятий: координаты точек на плоскости, длина, площадь фигуры и математических понятий: действие с дробями, часть числа, иррациональные числа, приближенные вычисления. Однако геометрическая линия школьного курса математики содержит в себе и понятие угла.

Пример 6. На деревянную поверхность с высоты 1 м бросают много гвоздей. Опытным путем установлено, что воткнутся лишь те гвозди, которые соприкоснутся с доской под углом более 60° . Определите, сколько нужно бросить гвоздей, чтобы не менее 10 из них воткнулись в поверхность доски. Если падение гвоздей считать случайным событием, а все исходы равновероятными.

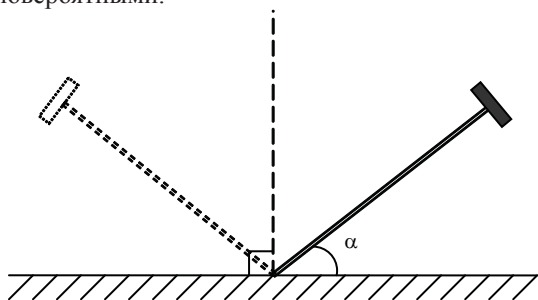

Рис. 7.

Решение. Пространство случайных событий данной задачи составляют различные углы образуемые гвоздями с поверхностью доски (рисунок 7). Между крайними

положениями гвоздя, вертикальным и горизонтальным, возможны любые варианты углов $0^\circ \leq \alpha \leq 90^\circ$. Однако, благоприятными по условию задачи являются углы

больше 60° . Таким образом, $p(\alpha) = \frac{30^\circ}{90^\circ} = \frac{1}{3}$, то есть

воткнется в доску каждый третий гвоздь. Поэтому, чтобы в доску воткнулось не менее 10 гвоздей, их надо взять в 3 раза больше.

Следует отметить, что взаимодействие элементов стохастики с геометрической линией школьного курса математики не только позволяет решать ряд задач с бесконечным числом исходов, но и познакомить школьников с классическими парадоксами теории вероятностей. В качестве примера рассмотрим задачу о длинах случайных хорд [2, С. 50-51]. Этот пример расширяет представления школьников о вероятности случайных событий, осуществляет интеграцию планиметрии и элементов стохастики.

Пример 7. Если хорда выбирается наудачу в заданном круге, то какова вероятность того, что ее длина больше радиуса круга?

Решение. Пока выражение «наудачу» не уточнено, задача не имеет определенного ответа. Рассмотрим несколько вариантов расположения хорды относительно центра окружности (рис. 8).

Пусть радиус круга равен R.

1. Допустим, что расстояние хорды от центра круга равномерно распределено от 0 и R. Поскольку правильный шестиугольник со стороной R можно вписать в круг, для определения искомой вероятности найдем расстояние d стороны этого шестиугольника от центра и разделим на величину радиуса. Заметим, что d – высота правильного треугольника со стороной R. Из планиметрии известно,

$$\text{что } d = \sqrt{R^2 - \frac{R^2}{4}} = R \frac{\sqrt{3}}{2}.$$

Следовательно, искомая вероятность равна отношению длины хорды к радиусу окружности, т.е. $\frac{R\sqrt{3}}{2R} = \frac{\sqrt{3}}{2}$.

2. Пусть середина хорды равномерно распределена во внутренности круга. Из рисунка видно, что хорда длиннее радиуса, когда середина хорды находится на расстоянии, меньшем d, от центра. Таким образом, все точки круга радиуса d, концентрического с исходным кругом, являются геометрическим местом точек середины хорд. Площадь этого круга, деленная на площадь исходного, равна $\frac{\pi d^2}{\pi R^2} = \frac{d^2}{R^2} = \frac{3}{4}$. Следует заметить, что

эта вероятность равна квадрату выражения, полученного в первом случае.

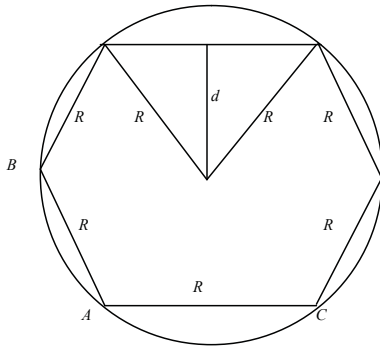

Рис. 8.

3. Допустим, что хорда определяется двумя точками на окружности исходного круга. Пусть первая точка попала в точку А (рис. 8). Для того чтобы хорда была короче радиуса, вторая точка должна попасть на дугу ВАС, длина которой есть $\frac{1}{3}$ длины окружности. Следовательно, вероятность того, что хорда длиннее радиуса, равна $1 - \frac{1}{3} = \frac{2}{3}$.

Таким образом, в зависимости от того, как интерпретировать расположение хорды внутри окружности, мы получаем разные значения вероятностей $\frac{\sqrt{3}}{2}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{2}{3}$ одной и той же задачи.

Рассмотрим еще один пример, показывающий связь геометрического определения вероятности с такими понятиями школьного курса математики, как построение графиков функции, площадь криволинейной трапеции, определенный интеграл.

Пример 8. Некоторое устройство генерирует случайные сигналы, лежащие на координатной плоскости в области, ограниченной кривыми $y = 0$, $y = 3 - 2x - x^2$. Для эксперимента необходимы сигналы, лежащие в области над прямой $y = 1 - x$. Каковы шансы, что очередной сигнал будет благоприятным?

Решение. Построим график функций (рис.9) и най-

дем абсциссы точек их пересечения:

$$1 - x = 3 - 2x - x^2.$$

Решая это квадратное уравнение, получаем две точки пересечения с абсциссами: $x = 1$ и $x = -2$. Так как вероятность попадания в заштрихованную область определяется как отношение площади криволинейной трапеции ADC к площади криволинейной трапеции EADC, то $p = \frac{S_{ADC}}{S_{EADC}}$.

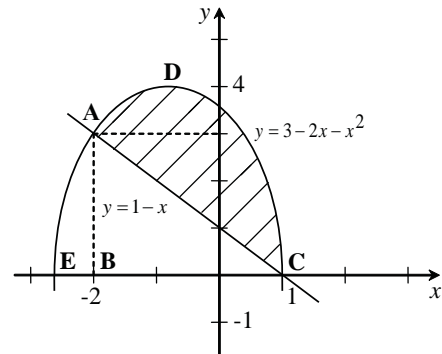

Рис. 9.

Так как $S_{EADC} = \int_{-3}^1 (3 - 2x - x^2) dx = \frac{32}{3}$, а $S_{ADC} = \int_{-2}^1 (3 - 2x - x^2) dx = \frac{27}{3}$, тогда искомая вероятность равна $p = \frac{27}{32} \approx 0,84$.

Таким образом, мы рассмотрели примеры, позволяющие соединить понятие «геометрическая вероятность» с разнообразными темами школьного курса математики и тем самым укрепить его внутрипредметные связи. Данные задачи отражают практическую значимость математики, реализуют принцип наглядности, расширяют представления школьников о вероятности случайных событий, иллюстрируют межпредметные взаимосвязи курса математики, алгебры, начал анализа и планиметрии.

Библиографический список

1. Бунимович Е.А., Булычев В.А. Вероятность и статистика в курсе математики общеобразовательной школы: лекции 1-4. М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2005. 128 с.
2. Мостеллер Ф. Пятьдесят занимательных вероятностных задач с решениями. М.: Издательство «Наука» главная редакция физико-математической литературы, 1975. 112 с.
3. Ткачева М.В. Элементы статистики и вероятность: учеб. пособие для 7-9 кл. общеобразоват. учреждений / М.В. Ткачева, Н.Е. Федорова. 2-е изд. М.: Просвещение, 2005. 112 с.
4. Бродский И.Л., Мешавкина О.С. Вероятность и статистика. 10-11 классы. Планирование и практикум для учителя. 104 с.
5. Лебедева Е.В., Селютин В.Д. Прогнозирование как способ осуществления прикладной направленности курса теории вероятностей и математической статистики // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2014. № 1(57). С. 393-399.
6. Егорченко И.В. Методика изучения элементов комбинаторики, теории вероятностей и математической статистики: учеб. пособие. Саранск, 2011.
7. Селютин В.Д., Терехова, Л.А. Стохастика в канве школьной математики: учебно-методическое пособие. Орёл: изд-во ООИУУ, 2007. 106 с.
8. Селютин В.Д. Методика формирования первоначальных статистических представлений учащихся при обучении математике. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / НИИ содержания и методов обучения АПН СССР. Москва, 1985. 18 с.

References

1. *Bunimovich E.A., Bulychev V.A.* Probability and statistics in mathematics courses of secondary school: lectures 1-4. М.: Teaching University «First of September», 2005. 128 p.
  2. *Mosteller F.* Fifty entertaining probabilistic problems with solutions. М.: Publishing house «Science» major revision of physical and mathematical literature, 1975. 112 p.
  3. *Tkacheva M.V.* Elements of statistics and probability: Manual for 7-9 grades of a general educational institutions / M.V. Tkacheva, N.E. Fedorova. 2nd ed. М.: Education, 2005. 112 p.
  4. *Brodsky I.L., Meshavkin O.S.* Probability and statistics. 10-11 grades. Planning workshop for teachers. 104 p.
  5. *Lebedeva E.V., Seljutin V.D.* Anticipation as a way of the applied orientation of a course in probability theory and mathematical statistics // Scientific notes of Orel State University. Series: humanities and social sciences. 2014. № 1 (57). Pp. 393-399.
  6. *Egorchenko I.V.* Methods of studying the elements of combinatorics, probability theory and mathematical statistics: Textbook. Saransk 2011.
  7. *Seljutin V.D., Terekhova L.A.* Stochastics in canvas of school mathematics: a teaching aid. Orel: Publishing House OOIUU, 2007. 106 p.
  8. *Seljutin V.D.* Methodology of the initial statistical representations of pupils at studying of mathematics. Abstract of dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences / Research Institute of content and teaching methods of the USSR APN. Moscow, 1985. 18 p.
-
-

Л.А. ХОДЯКОВА

доктор педагогических наук, профессор, кафедра методики преподавания русского языка, Московский педагогический государственный университет

И.К. ГЕРО

аспирант, кафедра методики преподавания русского языка, Московский педагогический государственный университет

L.A. KHODYAKOVA

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of teaching methodology of Russian language, Moscow Pedagogical State University

I.K. GERO

Graduate student Department of Methods of teaching the Russian language, Moscow Pedagogical State University

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВИДОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЦИИ СЛОВА, ЖИВОПИСИ, МУЗЫКИ

INTERACTION BETWEEN THE TYPES OF SPEECH ACTIVITY ON BASIS OF INTEGRATION OF WORD, PAINTING AND MUSIC

В статье рассматривается интеграция видов речевой деятельности и близких по тематике и смыслу произведений живописи и музыки, в процессе которой активизируется каждый вид речевой деятельности, сохраняя свою специфику и взаимодействие с другими видами речевой деятельности; приводятся теоретические обоснования использования интеграции разных видов искусства – живописи и музыки – для развития речи школьников; показываются способы, методы и приемы активизации видов речевой деятельности средствами живописи и музыки на примере виртуальной ролевой игры.

Ключевые слова: интеграция слова, живописи и музыки, внутренняя и внешняя речь, активизация, разные виды речевой деятельности, предметные, метапредметные, личностные достижения, ролевая игра, кластер, компьютерные технологии, интерактивные методы обучения.

The article deals with the integration between the types of speech activity, topical and semantic close works of art as well as musical compositions. In the process of integration all types of speech activity promote by keeping their specific character and interaction with the other types of speech activity. The author is focusing on the theoretical justification of using the integration of the different art forms, painting and music, in order to develop the speech of schoolchildren. Furthermore the means, methods, techniques of activation of the speech skills by means of painting and music by the example of virtual role-playing game are shown in the article.

Keywords: integration of word, painting and music, internal and external speech, activation, different types of speech activity, objective, metadisciplinary, personal achievements, role-playing game, cluster, computer technology, interactive methods of education.

Современная стратегия образования направлена на создание условий для усвоения школьниками знаний во взаимосвязи, позволяющей получить представление о целостной картине мира. Интеграция слова – русского языка, речи – и близких по тематике произведений живописи и музыки является одним из условий осуществления этой стратегии.

Взаимодействие самых распространенных и доступных в образовательном пространстве видов искусства – живописи и музыки, соответствующих друг другу по тематике, идейному содержанию и средствам художественной выразительности, способствует развитию ассоциативного мышления школьника, усилению воздействия на эмоциональную сферу и, как следствие, на его речевую деятельность. Слово, живопись и музыка, сохраняя свою специфику, имеют много общих признаков: выполняют одинаковые функции (коммуникативную, познавательную, кумулятивную, ценностно-ориентирующую, воспитательную, культууро-

ведческую, эмоционально-эстетическую, ассоциативную и др.); обладают сопоставимыми художественными особенностями (гармония, пространство, время, цвет, динамика, ритм, образ, композиция, эмоциональность и др.), воплощаются в жанрах (портрет, пейзаж, сказка, рассказ, повесть и др.). Подобное сходство дает основание для их интеграции при активизации речевой деятельности на уроках развития речи. Чтобы убедиться в этом, сопоставим слово, живопись и музыку по одному из общих признаков, например, на основе коммуникативной функции:

Итак, при внешней разнице слово, зрительный образ и звук оказываются сопоставимы, передают красоту окружающего мира, потому что «позитивна содержательная суть всего искусства» [4, с.24], а традиционным эталоном позитивности является центральная категория эстетики – прекрасное. Эстетическое воспитание в методике преподавания русского языка является одной из трех основных познавательных целей обучения, потому что школа готовит учащихся к жизни, развивая необхо-

позиции сопоставления	слово	живопись	музыка
Коммуникативная функция	Слово служит средством общения и сообщения от эмпатии (сопереживания) до диалога культур. Слово обладает объективным значением и эмоционально-экспрессивной окраской	Произведение изобразительного искусства является предметом общения, дающим коммуникантам яркую и интересную тему для общения, вызывает сильные эмоции, сопереживание изображённому на картине	Музыкальное произведение является предметом общения, объединяет людей вокруг позитивного идеала, совместного переживания эмоций, вызванных музыкальным произведением, дающим коммуникантам яркую и интересную тему для общения

димое каждому человеку «умение видеть прекрасное, понимать и ценить его» [6, с.39].

Соприкосновение с искусством развивает слух, мышление, логику, память, воспитывает вкус. Обращение к произведениям искусства сообразно природе, благотворно воздействует на физическую и духовную жизнь человека, на его здоровье и психику, а сочетание разных видов искусства, объединенных одной темой, мыслью, настроением, создает двойную мотивацию, что усиливает эмоциональное воздействие на учащихся, стимулирует их речевую деятельность.

В процессе интеграции происходит взаимопроникновение искусств, которые вызывают сильную эмоциональную реакцию обучающегося, становясь мощным стимулом к речевому высказыванию (устному и письменному), дают тему и программу высказывания, позволяют соединить изучение языка с усвоением культурных ценностей, накопленных народом за века богатой и сложной истории, с активной деятельностью учащихся по добыванию знаний и выработке навыков слушания, чтения, говорения, письма и с определением индивидуальной траектории в путях, способах и формах учебной работы.

Образы живописи и музыки активизируют процесс самопознания ребенка, который выражается в поисках адекватного выражения в слове впечатлений, чувств, мыслей. Музыкальное произведение развивает **слушание**, так как ставит сложную задачу перевода музыкальных эмоциональных знаков в смысловые, вербальные, способствует развитию фонематического слуха, влияющего на правильное интонирование фразы, а значит, на расстановку знаков препинания; на правильное восприятие фонетического облика слова и, следовательно, на орфографическую грамотность. Целенаправленное внимание к музыкальным деталям – мелодии, аккордам, темпу, тембру, инструментам и т.д. – стимулирует аудирование: учит при слушании речи находить ключевые слова, различать главную и второстепенную информацию, определять проблему и авторскую позицию (достигаются предметные результаты). Адекватное восприятие звучащей информации ученик может применить во всех областях жизни (достигаются метапредметные результаты). При одновременной работе с однотематической живописной картиной «воображаемое слушание», которое возникает в процессе созерцания полотна, поддерживается музыкальной изобразительностью, насыщенной чувствами, эмоциями, что, в свою очередь, развивает способность чувствовать прекрасное (достигаются личностные результаты). Приведем пример устного

высказывания семиклассника на основе рассмотренной картины (В.А. Тропинин «Гитарист») и прослушанной музыкальной пьесы (Г.А. Свиридов «Романс»): «На картине В. Тропинина изображён бедный человек, судя по его неяркой и небогатой одежде, но у него есть гитара, значит, он не одинок. Когда на него помотришь, сначала становится грустно, потому что глаза музыканта грустные. Но он весёлый, румяный, потому что играет и поёт. Сочетанием грусти и веселья художник передал русский характер своего героя. Гитарист вкладывает душу в гитару. Насколько добрее душа, настолько красивее поёт гитара. Мелодия Г. Свиридова подходит герою картины: она стремительная, летящая, немного похожа на вальс. Но в то же время задумчивая, как будто человек грустит о чем-то или что-то вспоминает» (Алексей Вишняков).

Живопись и музыка (объекты для зрительного и слухового наблюдения) активизируют **говорение** – процесс перехода мысли из внутренней речи во внешнюю, экспрессивную, речь. Мысль возникает в виде «кода внутренней речи» не в словах, а в форме визуального или слухового образа, пронизанного отдельными предикативными словами. Чтобы стать полноценной, как называет Н.И. Жинкин, «натуральной речью» [1, с. 37], предметно-изобразительный код должен наложиться на синтаксическую матрицу, которая заполняется словами из лексикона говорящего. Для того чтобы у школьника появилась потребность в речи, «необходимо стимулировать у учащихся возникновение мысли» [2, с. 59]. Говорение реализует замысел высказывания, который исходит из предмета мысли, а мысль стимулируется живописными и музыкальными образами, производящими мощное эмоциональное воздействие, что, в свою очередь, приводит в движение процесс поиска слов, перевод слов из пассивного словаря, представляющего собой узнавание слов, в активный через слуховое и зрительное восприятие; составление предложений, обеспечивающее механизм перехода от одного типа грамматических конструкций к другому с целью передачи впечатлений слушателю или читателю.

Тесное взаимодействие (интеграция) слова, живописи и музыки комплексно обогащает словарный запас и синтаксические средства выражения мыслей и чувств обучающихся, способствует развитию речевого интонирования, выражающего и подчеркивающего смысл прочитанного, умения выявлять значимые детали в процессе сопоставления и соотнесения вербальных и невербальных текстов.

Использование на уроках русского языка произведений живописи и музыки, соответствующих друг дру-

гу по теме, мысли, настроению, усиливает мотивацию к чтению, поскольку вызывает интерес, новые впечатления, порой удивление, создает эффект новизны и тем самым побуждает к различным целевым установкам при чтении (просмотровое, ознакомительное, изучающее). Чтение – сложный процесс, так как в устной речи понять содержание помогают жесты, паузы, интонация, сила голоса, а при чтении анализ и истолкование слов происходят без дополнительной помощи. Эти усилия ведут «к дальнейшему умственному развитию. В частности, читая, ребёнок учится по-новому связно строить свою речь» [8, с. 354].

При просмотрном чтении артефакты служат зрительной и слуховой поддержкой в восприятии общего смысла читаемого текста. Совместное действие зрения и слуха опирается на ассоциативные связи, возникающие в сознании читающего, и помогает прогнозировать содержательный план текста.

В процессе ознакомительного чтения произведения живописи и музыки служат дополнительным образным выражением содержания текста, позволяющим адекватно понять его текстовую информацию путем вероятностного прогнозирования при быстром чтении.

При изучающем чтении, в процессе которого осуществляется полное и точное понимание текста с последующим воспроизведением извлеченной информации в устной или письменной форме [приводится по 5, с. 271-275], произведения искусства презентуют в образной форме фрагменты текстовой информации, позволяют установить адекватность воспринятой информации, выделить главное и второстепенное в содержании текста, выявить фоновую лексику, ключевые слова, языковые образно-выразительные средства, слова с культурным компонентом значения путем наглядной семантизации лексики; помогают воспроизвести и интерпретировать прочитанный культуроведческий текст.

Например, семиклассники начинают активно использовать образные выражения: «Музыка вызывает умиление», «нежность», «ощущение чистоты и тихой радости», «острой любви к Родине» – о музыкальной пьесе Е.П. Дербенко «Край березовый»; выделять интонацией значимые слова, определения: «Хочется зайти в картину и окунуться в чистоту радости разноцветного снега, услышать пищущий голос Петрушки, увидеть грустно-веселый танец игрушки, желающей стать человеком» – о картине Б.М. Кустодиева «Балаганы».

Произведения живописи и музыки являются эффективным материалом для развития **письменной речи**, в частности при обучении написанию сочинений, поскольку при отсутствии одномоментной обратной связи, общей ситуации для пишущего и адресата данные артефакты своим образным содержанием позволяют осуществить долгосрочное планирование письменной речи, более тщательно обдумать содержание, логическую, лексическую и синтаксическую структуру речевого произведения. Эмоциональное восприятие произведений искусства помогает выразить свое отношение к предмету речи, чувства; более полно, развернуто, точно

оформить свою письменную коммуникацию, отобрать лексику в соответствии с темой артефактов, более точно семантизировать ее способом наглядности, распределить предметные признаки по микротемам, выделить смысловые структуры и внутренние связи между предложениями в создаваемом тексте.

Известно, что письменная речь отстает от внутренней, объединяющей внешнюю речь с мышлением. Этот сложный процесс перехода от внутренней речи к внешней восполняется презентацией произведений живописи и музыки, помогающими объединять разрозненные факты в общий контекст, раскрывать тему и основную мысль сочинения на материале артефактов, строить трехчастную композицию текста (вступление, основная часть, заключение), описывать детали, фон, элементы, мелодии, аккорды, явления с опорой на произведения живописи и музыки, передавать настроение, употреблять оценочные слова и слова, обозначающие разные признаки предметов, изображенных на картине, звучащей мелодии.

В качестве примера приведем фрагмент сочинения учащейся 6-ого класса по картине И.И. Левитана «Золотая осень» и музыкальной пьесе П.И. Чайковского «Октябрь. Осенняя песнь»: «На картине в правом нижнем углу начинается река, она ведет нас вовнутрь, в чудесную русскую осень. И сразу слышится шелест листьев, нежный, холодный ветерок колышет золотые листочки. Приятно! А небо высокое и прозрачное. Лёгкие, плавные облака не спеша проплывают по небу. Звуки осени как музыка, а природа – музыкальный инструмент, на котором играет осень.

Музыка Чайковского тоже повествует об осени. Первая часть пьесы «Октябрь. Осенняя песня» плавная, спокойная – только иногда упадёт листочек. Во второй части появляются порывы мелодии – это ветерок ловит листья, падающие с деревьев и уносит их на другой берег. В третьей части ветерок затихает и последний лист, скользя по воздуху, опускается на землю. И снова тишина и покой.

Музыка и картина в великолепном сочетании образуют сказку, в которую хочется попасть» (Ксения Зотова).

Таким образом, произведения живописи и музыки, взаимодействуя и гармонично дополняя друг друга, усиливают эмоциональное воздействие на чувственную сферу, мыслительную деятельность учащихся и активизируют каждый вид речевой деятельности, сохраняя его специфику и взаимодействие с другими видами речевой деятельности, то есть происходит естественная их интеграция.

Покажем, как мы осуществляем интеграцию видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) на основе интегрирования произведений живописи и музыки в учебном процессе, на уроке при подготовке к сочинению.

Методический комментарий к уроку

Подготовка к сочинению как акту творчества тре-

бует как от учащихся, так и от учителя больших мыслительных и речетворческих усилий, активизации всех видов речевой деятельности, поэтому важно сделать эту учебную деятельность интересной, привлекательной для учащихся, использовать интерактивные методы. К числу таких методов относится виртуальная ролевая игра на основе интеграции живописи и музыки, смоделированная с помощью компьютерных технологий.

В соответствии с требованиями программы развития речи шестиклассники учатся описывать пейзаж, природу. Известно, что описательный тип речи является более трудным для учащихся, чем повествовательный, поскольку создание такого текста требует аналитического подхода к объекту речи: необходимо выявить одномоментные признаки предмета или свойства, состояние субъекта, его качественные характеристики в определенный момент действия, определить их значимость и порядок изложения. Работа над описанием пейзажа предполагает формирование следующих умений: 1) наблюдать, 2) выделять главное, особенное в описываемом пейзаже, 3) уместно использовать «пейзажную» лексику в сочинении, 4) отличать описательный тип от других типов речи, 5) соединять фрагменты разных типовых значений в тексте, 6) производить лингвостилистический анализ готового текста-описания, 7) строить по образцу текст-описание природы.

Формирование указанных умений проходит успешнее на материале произведений живописи и музыки, соответствующих друг другу по теме, смыслу и настроению, например, для сочинения-описания природы отобраны картина Н.П. Крымова «Зимний вечер» и музыкальная пьеса А.И. Головина «Далёкое». Эти произведения сопоставимы, так как схожи по своим художественным особенностям: созерцательному настроению, вызывающему размышления о мире и человеке; трехмерному пространству, устремлённому вдаль и ввысь, от земли к небу; неспешному ритму движения, прозрачной палитре красок и звуков, вызывающих светлые эмоции, чувство надежды, тихой радости и тепла.

Активизации речевой деятельности средствами живописи и музыки в процессе ролевой игры способствует создание кластера, требующего аналитико-синтетической деятельности учащихся по интеграции слова, живописи и музыки и создание сочинения-описания с элементами повествования.

Тема урока: Подготовка к сочинению-описанию природы по картине Н.П. Крымова «Зимний вечер» и музыкальной пьесе А.И. Головина «Далёкое».

Цели урока:

1. подготовить учащихся к сочинению-описанию природы на основе ролевой виртуальной игры по картине и музыкальной пьесе;

2. научить шестиклассников объединять различные виды речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) на основе интеграции живописи, музыки и текста;

3. активизировать «пейзажную» и искусствоведческую лексику в высказывании, научить уместно употре-

блять ее в речи;

4. обогатить речь учащихся образно-выразительными средствами русского языка, способствующими более яркому описанию произведений искусства;

5. показать особенности интегрированного текста сочинения;

6. расширить культурный кругозор учащихся за счет интегрирования речи и искусства.

Создание культурного фона урока-игры (оборудование): презентация картины Н.П. Крымова «Зимний вечер» и музыкальной пьесы А.И. Головина «Далёкое» через мультимедийное устройство; текст Н. Сладкова «Январь» (упр. 278 учебника); компьютер, интерактивная доска.

Накануне урока шестиклассники под руководством учителя готовят материалы для ролевой виртуальной игры: читают биографические статьи о художнике и композиторе, знакомятся с некоторыми их произведениями; распределяют роли.

Ход урока.

Виртуальная игра: распределение ролей (ведущий, композитор А.И. Головин, группа студентов – Дмитрий, Нина, Виктор, Тамара, Вера, Антон, Лиля).

Ведущий. Ребята, вообразите, что вы студенты Музыкальной академии и пришли на занятие к современному композитору Андрею Ивановичу Головину, который родился в 1950 году в Москве и в настоящее время преподаёт в Российской академии музыки имени Гнесиных, учит одаренных студентов сочинять музыку. Головин в своем творчестве следует традициям русской и зарубежной классической музыки XIX-XX веков, соединяя красивую мелодию и гармоничное многоголосие с расширенной тональностью и использованием диссонансов в аккордах. Его музыка отличается глубокой эмоциональностью и импрессионизмом, то есть наглядностью образов, что роднит её с живописью.

Перед началом занятия один из студентов обратил внимание на картину, которая висит на стене над роялем.

Дмитрий. Андрей Иванович, скажите, пожалуйста, почему именно картина Н.П. Крымова «Зимний вечер» находится в комнате, она как-то связана с Вашим музыкальным творчеством?

Головин. Да, связана. Я рад, что вы обратили на нее внимание. Эта картина вдохновила меня на создание пьесы «Далёкое», а принадлежит она кисти известного художника Н.П. Крымова. Кто-нибудь из вас знает об этом художнике?

Нина. Я не только знаю о художнике Крымове, но и люблю его творчество. Он ученик И.И. Левитана, но в отличие от своего учителя, изображавшего осень как свое любимое время года, Крымов любил зиму, которую запечатлел на многих своих картинах. Одной из самых любимых его картин была «Зимний вечер», в которой он выразил самое дорогое для себя: переживание мира в человеческой душе и в природе, ведь картина написана в 1919, во время Гражданской войны, и напоминает о добре и покое.

Головин. Вы правильно поняли смысл полотна. Обратите внимание, композиция картины построена

так, как будто делится по горизонтали на землю и небо: земные заботы людей и духовную сторону жизни. Не случайно почти в центре, хотя и на заднем плане, изображен храм. Вот эта скрытая тревога и изображенная на картине размеренная жизнь людей, стремящихся, несмотря ни на какие трудности, к спокойной и мирной жизни, к созиданию, и вдохновили меня на создание музыки «Далёкое». Послушайте музыкальную пьесу.

Антон. А почему Вы назвали свою музыкальную пьесу «Далёкое»?

Головин. Я так назвал свое произведение, потому что события на картине для меня – это что-то далекое, ушедшее и этим дорогое мне.

Лиля. На ней такие далекие просторы земли и неба! И такие уютные дома под покровом деревьев! Хочется очутиться там. Картина близка мне своим лирическим настроением.

Тамара. Я думаю, что содержание живописного и музыкального произведений хорошо соотносятся между собой: звуки мелодии поднимаются снизу вверх, как и на картине, возы с сеном и люди, идущие по тропинке, движутся по диагонали снизу картины вверх, к селу, к храму.

Вера. А я слышу в аккомпанементе переключку басов и верхних нот, как будто звонят колокола к вечерней службе в том самом храме, который изображен на картине.

Дмитрий. Мне понравилось, что в музыке много высоких острых звуков, создающих ощущение, что нас как будто покалывают иглы мороза, морозного воздуха, замечательно переданного на картине Крымова. В конце пьесы эти высокие нотки как будто улетают в небо и там зажигаются сверкающими звездами.

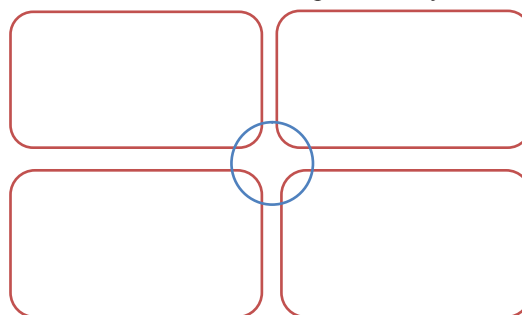
Виктор. Под впечатлением картины и музыки, объединенных одним смыслом и настроением, я вспомнил некоторые строчки из эссе Н. Сладкова «Январь», которые описывают, кажется, именно этот пейзаж и музыку: «Земля утонула в дремучих сугробах» – ведь на картине тоже изображен глубокий снег, и мы не можем точно понять, что находится на переднем плане – поле или речка, тонкие прутики куста или жесткие стебли травы. В музыке это же изображает неспешное движение мелодии, рисующей, как тяжело продвигаются по глубокому снегу люди и повозки.

Антон. В тексте упоминается «холодный свод неба», который на картине создается холодной палитрой красок, а в музыке отрывистыми высокими звуками.

Головин. Вы, мои дорогие студенты, очень верно поняли идею, настроение этих произведений, гармонично дополняющих друг друга. Вы сумели услышать музыку, увидеть картину и выразить свои знания и впечатления в слове, объединив, таким образом, живопись, музыку, слово (текст) в процессе слушания, говорения, чтения. А теперь попробуйте составить кластер, который поможет вам подготовить устное сочинение-описание с элементами повествования на тему «Зима в слове, живописи и музыке» (см. схема 1)

Схема 1.

Соотнесение слова, картины и музыки

Задание на дом: на основе устного коллективного сочинения, созданного вами на уроке во время игры, дома напишите сочинение на тему о зиме, используя произведение живописи, музыки, текст (можно стихотворение). Проведенная ролевая игра поможет вам написать сочинение по любым другим произведениям на тему «Зима» в свободной форме – эссе.

Приведем пример сочинения ученицы 6-ого класса.

«Русский художник Н.П. Крымов написал картину «Зимний вечер», к которой как нельзя лучше подходит музыка композитора А.И. Головина «Далёкое». Я думаю, что автор не случайно дал именно такое название своей музыкальной пьесе. Оно показывает, что душа именно русского человека стремится вывысь.

Картина «Зимний вечер» имеет необычную композицию. Небольшое село располагается почти ровно посередине, между небом и землёй. Это показывает, что человек живёт на земле, но стремится вверх, к небу, и тем самым достигает полной гармонии.

Хаты стоят очень близко друг к другу. Это значит, что в селе люди живут дружно, словно в одном большом доме.

В первой части пьесы слышны оstinатные, то есть повторяющиеся аккорды. Они похожи на тихие шаги или на взмахи крыльев. Но чьи это крылья? Может, это ангел прилетел из церкви, изображённой на заднем плане, чтобы заботливо укрыть дома пушистым снежным одеялом? Повторяющиеся ноты и аккорды символизируют и то, что всё на земле – вечно, и то, что время, отведённое для нашей жизни, идёт вперёд. Они как тихие размышления о вечном и незабвенном.

Во второй части этого произведения слышится перезвон колоколов. Он, как и снег, как и деревья, будто укрывает маленькую деревеньку.

А небо... Оно похоже на рассветное, потому что имеет зеленовато-синий оттенок, а такой цвет обычно присущ небу, когда желтые солнечные лучи проходят сквозь него. Но, приглядевшись к картине, по исходящим от неё спокойствию и умиротворённости можно понять, что это именно вечер.

Когда смотришь на это полотно и слышишь третью часть пьесы, кажется, что начинают зажигаться звёздочки, хотя они не нарисованы. А всё потому, что звучат отдельные высокие отрывистые нотки, будто вспыхивают в небе маленькие огоньки.

Очень важной деталью является тропинка, проходящая по диагонали снизу вверх. По ней идут люди, и, если проследить за её направлением, она приведёт к храму как к чему-то высшему, к тому, что (а может, кого) можно понять только всей душой, всем сердцем. Люди направляются домой по узкой тропинке, протоптанной совсем недавно. Хоть краски и не могут передать звук, можно услышать, как скрипит снег под ногами людей, каркают вороны, фыркают лошади, везущие сено. Все они спокойны, никто не мешает им.

Когда смотришь на картину и слышишь музыку, хочется глубоко вздохнуть, порадоваться, что есть такая тёплая и бесконечно любимая Родина!» (Ксения Кузнецова)

Анализ сочинения показал, что творческая работа ученицы отличается полнотой раскрытия темы и основной мысли, последовательностью изложения мыслей, стройностью композиции. Сочинение демонстрирует лексическое богатство, использование синонимов и антонимов, эпитетов, сравнений, метафор. Ясно выражено эмоциональное отношение автора сочинения к описываемому.

Считаем, что подобные результаты достигнуты благодаря организованной интеграционной работе по взаимодействию разных видов речевой деятельности (аудирования, говорения, чтения, письма) на основе интеграции живописи, музыки, вербального текста и интерактивных методов обучения.

Библиографический список

1. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. М., 1964. № 6. С. 26–38.
2. *Зимняя И.А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном. М., 1985.
3. *Иванова С.Ф.* О возможностях объединения усилий учителей-словесников и преподавателей музыки в борьбе за речевую культуру и грамотность // Межпредметные связи в преподавании русского языка: сборник статей из опыта работы: пособие для учителя; сост. Н.Н. Ушаков. М.: Просвещение, 1977. С. 56–67.
4. *Коллинз С.* Классическая музыка от и до: пространство, наполненное гармонией. М.: ИТД «Гранд», 2000. 287 с.
5. Методика преподавания русского языка в школе: учебник для студ. высш. пед. учеб.заведений / М.Т. Баранов, Н.А. Ипполитова, Т.А. Ладъженская М.Р. Львов. Под ред. М.Т. Баранова. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 368 с.
6. Методика развития речи на уроках русского языка: 2-е изд., испр. и доп. Под ред. Т.А. Ладъженской. М.: Просвещение, 1991. 239 с.
7. Педагогическое речеведение: Словарь-справочник. Под ред. Т.А. Ладъженской и А.К. Михальской. М.: Флинта, Наука, 1998. 312 с.
8. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. 2-е изд. М.: Просвещение, 2002.
9. *Ходякова Л.А.* Живопись на уроках русского языка. 0 М.: Флинта, Наука, 2000. 352 с.

References

1. *Zhinkin N.I.* About code transitions in inner speech // Questions of linguistics. M., 1964. No. 6. Pp. 26-38.
2. *Zimnyaya I.A.* Psychological aspects of teaching speaking in a foreign language. M., 1985.
3. *Ivanova S.F.* On the possibilities of combining efforts of the teachers-philologists and teachers of music in the struggle for voice culture and literacy // Interdisciplinary connections in teaching Russian: collected articles from experience: a guide for teachers; ed. N.N. Ushakov. M.: Education, 1977. Pp. 56-67.
4. *Collins C.* Classical music: the space filled with harmony. M.: ITD «Grand», 2000. 287 S.
5. Methods of teaching Russian language at school: a textbook for stud. ouch. PED. proc.institutions / M. T. Baranov, N.. Ippolítov, T. A. Ladyzhenskaya, M. R. Lvov, ed. by M. T. Baranova. M.: Publishing center «Academy», 2001. 368 p.
6. Methodology of the development of speech on the lessons of the Russian language: 2nd ed. Rev. and DOP. / under the editorship of T. A. Ladyzhenskaya. M.: Education, 1991. 239 p.
7. Pedagogical speech study Dictionary-Reference / under the editorship of T. A. Ladyzhensky and K. A. Michalski. M.: Flinta, Nauka, 1998. 312.
8. *Rubinstein S.L.* Problems of General psychologyn. 2nd ed. M.: Education, 2002.
9. *Khodyakov L.A.* The Painting on the lessons of the Russian language. M.: Flinta, Nauka, 2000. 352 p.

М.П. НЕЧАЕВ

доктор педагогических наук, доцент, зав. кафедрой воспитательных систем, Академия социального управления

НОВОЕ СЛОВО В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Развитие культурно-образовательного процесса в антикризисной политике современного общества: монография / К.В.Скворцов. М.: МГИК, 2016. 129 с.

Проблема культурно-образовательной среды и ее влияния на развитие личности обучающегося в учреждениях социально-культурного типа занимает одно из важных мест в системе проблем современного образования. В настоящее время внимание ученых и педагогов-практиков привлечено к вопросу изучения педагогического потенциала культурно-образовательной среды в современном обществе и возможностей его использования в процессе создания условий для самореализации личности.

Как в ходе образовательного процесса, так и при освоении различного рода социальных практик, учащаяся молодежь находится во взаимодействии с множеством объектов, под действием разнообразных внешних (по отношению к нему) факторов. Совокупность такого рода объектов и факторов, влияющих на ход и результативность образования, составляет сущность культурно-образовательной среды.

Проблема, которую рассматривает автор монографии, на первый взгляд может показаться академической. Но она имеет абсолютно прикладное, практическое значение, важное для поиска и реализации потенциала образовательных организаций социально-культурной направленности как пространстве возможностей для успешного социального лифтинга обучающихся.

В первой главе представлен глубокий ретроспективный анализ процесса становления и укрепления кризисного сознания в жизнедеятельности европейского сообщества.

Отметив трагичность последствия кризисного сознания, автор полагает, что следует представить принципы антикризисного развития альтернативой отсталости, консерватизма, агрессивности. Предпосылки антикризисного сознания сформировались в условиях борьбы с институтом церкви, феодализмом и возникновением капиталистических отношений на ранней стадии формирования современного общества.

На пороге XX века происходят новые изменения во всех сферах жизни и деятельности индивида. Впереди ждут новые горизонты развития, становления, падения и вновь возрождения и всего, и всех.

Вторая глава посвящена исследованию специфики антикризисной направленности культурно-образовательного процесса современного мира. Представляя антикризисную модель культурно-образовательного процесса, автор монографии выстраивает систему антикризисных мер, идущих от культурно-образовательных отношений, развивающихся в странах современного мира, включая и российское общество. В этой системе выделяются следующие компоненты:

1. культура созидательно-преобразующих процессов, создаваемая вероисповедованием;
2. реформирование процесса церковного просветительства;
3. опережающее образование в учебных заведениях;
4. историческое сознание у молодого поколения;
5. гуманизация развития современной экономики;
6. активизация современного социального действия среди членов социальных групп;
7. генновационность в организации расселения людей, снижение роста мегаполисов;
8. динамичность в обеспечении благополучия как укрепления ценностей в жизни отдельного индивида;
9. реализация учения о Царстве Небесном.

Третья глава монографии раскрывает роль научно-технической революции и инноваций в развитии личностного потенциала индивида. Описывая аспекты культурно-образовательных отношений, автор расширяет пути и методы для возвращения равновесности в систему «Человек – Природа – Общество», т.е. возвращения человека к самому себе.

Содержание вышеобозначенных глав монографии позволяет читателю осмыслить важнейшие современные теоретико-методологические проблемы педагогического регулирования самореализации молодежи и увидеть их концептуальные решения в современной педагогической науке.

В процессе проведенного автором исследования сформирована научно-теоретическая база процесса совершенствования педагогического регулирования социально-культурной молодежи в учреждениях социально-культурного типа, основанная на принципах лично-ориентированного подхода.

Предлагаемая авторская научная концепция педагогического регулирования может быть использована в процессе осуществления деятельности организаций социально-культурной сферы при управлении качеством процессов самореализации молодежи. Данная педагогическая система может стать основанием развития и совершенствования молодежной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Таким образом, монография Скворцова К.В. «Развитие культурно-образовательного процесса в антикризисной политике современного общества» будет интересна научным работникам, аспирантам, преподавателям гуманитарных дисциплин в системе высшего образования, а также всем тем, кто неравнодушен к проблемам социализации подрастающего поколения.

Н.Н.СМОГОЛЬ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра истории русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

**МЯТЕЖНЫЙ ВЕК, МЯТУЩИЙСЯ ДУХ, ТРЕВОЖАЩЕЕ СЛОВО
(О НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ТВОРЧЕСТВА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА)**

Леонид Андреев в контексте культуры XX века. Е.А. Михеичева. Брянск. БГУ имени академика И.Г. Петровского, 2016. 185 с.

Леонида Андреева сложно отнести к авторам, обделённым вниманием читателей и научного сообщества. Более пяти тысяч откликов на произведения оставили только современники писателя. За век с небольшим свет увидело множество публикаций: сборников статей, монографий, диссертационных трудов, – содержащих многоаспектный анализ его жизни и творчества, детализирующих особенности художественного метода. И тем не менее каждое новое исследование оставляет за собой право на дополнение этого сложного феномена по имени Леонид Андреев. Подтверждением этому может служить монография доктора филологических наук, профессора Орловского государственного университета имени И.С.Тургенева Екатерины Александровны Михеичевой «Леонид Андреев в контексте культуры XX века» – научное изыскание не менее тематически полифоничное, чем сам объект исследования.

Автор предлагает синтез биографических, критических, литературоведческих материалов, опирается на тексты различной родо-жанровой природы, а также на публицистику, дневниковые записи, эпистолярное наследие. В художественном методе выявляются такие составляющие, как интригующее содержание, роль символа, «размытость» фабулы, интерес к метафизическим проблемам, жанровая синкретичность, углублённый психологизм, трансформированный в андреевской драматургии в панпсихизм, и другие.

Отличительной особенностью монографии следует считать построение концентрической системы

культурного взаимодействия Андреева со своими современниками, отстоявшими от него на определённой дистанции в зависимости от философских взглядов, художественных подходов, социального статуса и личных взаимоотношений.

Горький и Андреев, как показывает сопоставительный анализ избранных произведений, сближены в своём творчестве «теорией двойственности человеческого сознания», антиклерикальным пафосом, бунтарским началом, религиозным еретичеством и жадной антропоцентрического переустройства мироздания. В свою очередь, современников отдаляет друг от друга отношение к таким оппозициям, как индивидуальность-коллектив (как вариант человек-народ), кризис-исход, свет-тьма и др. «Исповедь» Горького калькирует религиозный идеал на народное самосознание, «Жизнь Василия Фивейского» Андреева оставляет человека в мучительных онтологических исканиях.

Творческая полемика с менее известным художником слова начала XX века Е.Н.Чириковым и его подходами к разрешению конфликта в драме «Евреи» рассматривается как шлифовка Андреевым собственной драматургической концепции, раскрывшейся в пьесах «К звёздам», «Савва», «Чёрные маски», «Анатэма». Более подробно новаторство исследуемого автора в области сценического искусства характеризуется в главе «К теории психологической драмы: Чехов – Андреев – Замятин».

Два земляка-орловца, Андреев и Зайцев, ещё более

тесно сближаются «общностью творческих поисков», «художественно-эстетических позиций», двойственностью героев, что в монографии подчёркивается через сопоставительный анализ множества произведений, в том числе рассказов «Елеазар» и «Жемчуг», «Так было» и «Чёрные ветры».

Несколько опосредованным представляется влияние на творчество Андреева интерпретации ницшеанской идеи сверхчеловека, выполненной Соловьёвым в связи с её явной популярностью на рубеже веков. По сути, писателя и философа сближает лишь желание найти среди парадоксальных черт этой специфической личности, «пересаженной» на русскую почву, отторжение неприглядной действительности и необходимость сближения с окружающими людьми, что актуализирует мысль о смерти или сам её факт (статья «Идея сверхчеловека» – «Рассказ о Сергее Петровиче», «Мысль», «Тьма», «Рассказ о семи повешенных»).

Волеизъявление человека в протесте против быта и бытия достигает своего пика в акте самоубийства. Этот суицидальный феномен нашёл отражение в отдельном очерке монографии, поскольку жизнь и творчество Андреева дают весьма богатый материал для освещения данного аспекта танатологической тематики, равно как и ведущие тенденции серебряного века в целом. Е.А.Михеичева объединяет для анализа три произведения порубежной эпохи: «Весной», «Молчание» и «Рассказ о Сергее Петровиче», – в которых обнаруживает движение от автобиографизма к космизму, от конкретного к абстрактному, от реализма к символизму, от социально-бытового к метафизическому.

В монографии уделяется внимание жанровой природе произведений, ставших результатом новаторских поисков. «Взаимные ассоциации» в творчестве Андреева и Замятина обнаруживаются на базе антиутопий, созданных впервые в мировой художественной практике. Речь идёт о романе «Мы» и «Дневнике Сатаны», предвосхитивших трагические события отечественной истории XX в. В своё время обоих авторов объединял интерес к сказочной манере повествования, дополненной элементами сатиры и философскими обобщениями («Большим детям сказки» – «Храбрый волк», «Орешек», «Фальшивый рубль и добрый дядя», «Негодяй», «Земля»). Как ни странно, мотивы именно этих своеобразных произведений впоследствии вывели писателей на осмысление сложнейших социально-политических проблем, перетекающих в неизбежный морально-нравственный кризис.

Механизм возможного влияния творчества Андреева на писателей, живших уже в советскую эпоху, прослеживается в нескольких главах и во многом объясняет их принадлежность к «внутренней эмиграции» и невозможность адаптироваться к новому режиму. Сходство Андреева с Платоновым исследователь видит в особом взгляде на мир, «обратном зрении», которое даёт художнику слова шанс освободиться от «всего привычного, давно наскучившего» и увидеть мир «неожиданно новым», лишённым «жизненных стереотипов».

Как оказывается, даже если «стереть случайные черты», увидеть мир прекрасным по множеству причин всё равно не получается – гармония личности разрушена, духовное начало безальтернативно разминулось с физическим, политические идеи, узурпировав сознание, обнаружили свою несостоятельность. Интертекстуальные связи рассматриваются на примере двух романов: «Сашка Жегулёв» (1911) и «Чевенгур» (1930), – неким образом продолжающих традиции психологического романа Достоевского с его героями-«двойственниками», мучительными исканиями смысла жизни и своего места в мире.

Переключка Булгакова с Андреевым выявляется через интерес к инфернальным образам («Некто в сером», Анаэма, Сатана – Мефистофель из «Театрального романа», Воланд из «Мастера и Маргариты»). Связывает авторов и мотив безумия, коррелирующий с красным цветом и смертью. Но булгаковская концепция любви оптимистична в силу спасительного характера этого чувства, андреевская традиционно безысходна в свете трансцендентальной потерянности человека в эпоху апокалиптической безысходности, что и выявляется в монографии на ряде примеров.

Не только в России, но и в Европе первые годы XX века ознаменовали крах прежних мировоззренческих концепций и начало утверждения тоталитарных идей, поэтому авторы, независимо от страны проживания, забили тревогу по поводу закрепощения человека во всех сферах его жизнедеятельности. Е.А.Михеичева в прозе Леонида Андреева и Франца Кафки обнаруживает «формулу железной решётки», которая может быть как вовне, так и внутри человека. У русского писателя логическое построение, абсолютизирующее несвободу («Мои записки»), противопоставляется идее «открытых дверей» («Мысль», «Призраки»). У австрийского автора порабощение и попытка освобождения от него показаны через элементы фантастики, абсурда («Превращение», «В исправительной колонии», «Голодарь»). Оба писателя оперировали как автобиографическим опытом, так и социальными реалиями, позволившими придать произведениям глубинный психологизм и особую силу воздействия.

Идейная доминанта анализа андреевских произведений в ряде глав дополняется интересом к предметному миру: топосам (город-деревня, сад-лес и т.д.), временным координатам, определяющим широкую, зачастую аллегоричную темпоральную парадигму. Теме художественно-философских и поколенческих связей посвящена глава об отце и сыне, Леониде и Данииле Андреевым.

Свод наблюдений над текстами Леонида Андреева, знакомство с его окружением и углубление в личность самого писателя, творческие параллели с его современниками и последователями, взгляд филологов различных поколений действительно могут быть полезны «преподавателям высшей и средней школы, студентам гуманитарных вузов и просто – людям читающим», как и заявлено в аннотации к монографии.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, советник при ректорате по педагогическому образованию, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, директор департамента научно-методической и издательской деятельности, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат филологических наук, начальник отдела организации научных мероприятий и академического развития, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ХОВАНСКАЯ Е.А. (технический секретарь редакционной коллегии) – кандидат педагогических наук, начальник отдела сопровождения научных публикаций, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

АЛЕКСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии, начальник бюро переводов, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

АЙЗЕНШТАТ М.П. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, сектор «История исторических знаний», Институт всеобщей истории РАН;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

АРЗАКАНЯН М.Ц. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр истории международных отношений, Институт всеобщей истории РАН;

АРСЕНТЬЕВА Н.Н. – доктор филологических наук, профессор, Гранадский университет (Испания);

БЕДНАРСКАЯ Л.Д. – доктор филологических наук, профессор, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ВИДМАРОВИЧ Н.П. – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Загребский университет (Хорватия);

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, зав. кафедрой всеобщей истории, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка как иностранного, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, руководитель НИИ филологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

КОВАЛЕВ П.А. – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ЛАРИОНОВА Л.Г. – доктор педагогических наук, профессор, кафедра теории языка и русского языка, Южный федеральный университет;

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор, кафедра английской филологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ЛЬВОВА С.И. – доктор педагогических наук, профессор, лаборатория дидактики русского языка, Институт содержания и методов обучения Российской академии образования;

МАЙМЕСКУЛОВА А.Л. – доктор наук, экстраординарный профессор, университет Казимира Великого, Институт нефилологии и прикладной лингвистики (Польша);

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

МИХАЛЬЧЕНКО С.И. – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ фундаментальных и прикладных исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

НИКОНОВА Т.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора, Воронежский государственный университет;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ОБРАЗЦОВ П.И. – доктор педагогических наук, профессор, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, академик Международной академии информатизации и академии педагогических и социальных наук;

ПАСТЕРНАК Е.Л. – доктор филологических наук, доцент, кафедра французского языкознания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

ПОГОСЯН В.А. – доктор исторических наук, зав. отделом геноцидологии, Институт арменоведческих исследований, Ереванский государственный университет (Армения);

ПОНШОН Т. – доктор филологических наук, профессор, Реймский университет, Шампань-Арденн (Франция);

РЕТИНСКАЯ Т.И. – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой романской филологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ТАМИН М. – доктор филологических наук, почетный профессор, Реймский университет, Шампань-Арденн (Франция);

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, заслуженный профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ЧЕКОВА-ДИМИТРОВА И. – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы, Софийский университет «Святого Климента Охридского» (Болгария);

ЧЕЛЫШЕВА И.И. – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом индоевропейских языков и сектором романских языков, Институт языкознания РАН, член Итальянского лингвистического общества;

ЧЕРЕПАНОВА Л.В. – доктор педагогических наук, профессор, кафедра русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет;

ЧИКАЛОВА И.Р. – доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и методики преподавания истории, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, ведущий научный сотрудник, Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (Белоруссия);

ШИ ХУНШЭН – кандидат филологических наук, профессор, Аньхойский университет, директор центра по изучению России (Китай);

ЯМАГУТИ Р. – доктор филологических наук, факультет гуманитарных наук, Университет Досея, г. Киото (Япония).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Общие правила. Статья объемом 4-15 страниц набирается в текстовом редакторе MS-Word 97–2003 *.doc (**версия MS-Word 2007*.docx, *.docm не принимается!!!**) либо RTF и называется по фамилии автора, предоставляется в редакцию в электронном виде, идентичном печатной версии, одним файлом и на бумаге формата А4. Размер шрифта 14 pt, через один интервал **без переносов**. **Пробелы и табуляция в начале абзаца недопустимы!** Параметры документа: верхнее поле – 25мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм.

К статье обязательно прилагаются: универсальная десятичная классификация (УДК), инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация (40-50 слов), ключевые слова (5-6 слов), библиографический список (References), не более 10-15 источников.

Вся информация предоставляется **на русском и английском языках**. Сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактный телефон (**без сокращений**) помещаются в начале статьи после фамилии автора (авторов). **Важно! Авторское право оформляется перечислением фамилий всех авторов через запятую.**

Формулы и специальные символы (например, греческие буквы) в статье набираются текстом (пункт меню «Вставка – Символ – Symbol»), кеглем 10 pt. Для сложных формул используется редактор формул Math-type 5.0 и ниже. Длина формулы вместе с номером не должна превышать 8 см. **Таблицы** в тексте набираются стандартными средствами MS-Word (пункт меню «Таблица – Добавить таблицу»). Таблица должна иметь заголовок и ссылку в тексте статьи. Ширина таблицы – 82 или 170 мм, шрифт в таблице – 9 pt.

Иллюстрации. Каждый рисунок должен быть представлен отдельным файлом (форматы: *.tif, *.jpg, *.pdf, *.eps, *.ai). **В MS-Word не вставлять! Рисунки и графики** должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме. Графики, содержащие серые заливки, должны быть заменены на штриховку или на черную/белую заливку. Графики, схемы и диаграммы следует выполнять в формате MS-Excel (*.doc) и MS-Word (*.xls). Также для изготовления графиков, схем и диаграмм подходит векторный графический редактор: Adobe Illustrator (*.ai). Надписи на рисунках выполняются шрифтом Times New Roman 8 pt. Толщина линий на рисунках должна быть не менее 0,5 pt. Ширина графика, схем или диаграмм – 82 или 170 мм.

Рисунки-фотографии, полученные с цифровой камеры, и другие растровые изображения, на которых отсутствует какой-либо текст, представляются в виде файлов формата *.tif или *.jpg без сжатия (разрешение не менее 300 dpi). Подписи к рисункам размещаются в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь названия.

Иллюстрации, выполненные в графическом редакторе Paint, не принимаются, т. к. данный редактор не обеспечивает необходимого качества после сохранения файла.

Запрещается вставлять в статью сканированные рисунки (графики, диаграммы)!

При несоблюдении указанных требований к иллюстрациям редакция оставляет за собой право рисунок удалить или отклонить статью.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.0.5-2008. В списке все работы перечисляются по алфавитному принципу: сначала отечественные авторы (или зарубежные, опубликованные на русском языке), затем – зарубежные. При упоминании отдельных фамилий авторов в тексте им должны предшествовать инициалы (фамилии иностранных авторов при этом приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи библиографические ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках. Библиографические списки должны быть переведены на английский язык.

Порядок составления списка: а) автор(ы) книги или статьи; б) название книги или статьи; в) выходные данные. При авторском коллективе до 4-х человек включительно упоминаются все авторы (с инициалами после фамилий), при больших авторских коллективах упоминаются три первых автора и добавляется «и др.» (в иностранной литературе «et al»). Если в качестве авторов книг выступают их редакторы или составители, после фамилии последнего из них в скобках следует ставить «ред.» (в иностранных ссылках «ed.»).

В библиографическом описании книги (после её названия) приводятся город (где она издана), после двоеточия – название издательства, после запятой – год издания. Если ссылка даётся на главу из книги, сначала упоминаются авторы и название главы, после точки – с заглавной буквы ставится «В кн.»: («In») и фамилия(и) автора(ов) или редактора(ов), затем название книги и её выходные данные.

В библиографическом описании статьи из журнала (после её названия) приводятся название журнала, через точку – год издания, затем после точки – номер отечественного журнала (для иностранных журналов номер тома), после заглавной буквы «С» с точкой помещаются цифры первой и последней (через тире) страниц и ставится точка.

В конце статьи обязательно должна быть надпись «статья публикуется впервые», ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несёт автор (авторы). Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Статья, содержащая некачественный перевод, и/или перевод, сделанный через электронный переводчик, будет отклонена.

Редакция не осуществляет перевод.

Статьи лиц, не имеющих учёной степени, заверяются их научными руководителями и печатью организации.

Редколлегия оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. Статьи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, отклоняются без рассмотрения.

Адрес учредителя:

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»
302026, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская д. 95.
www.oreluniver.ru E-mail: info@oreluniver.ru

Адрес редакции:

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»
302026, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская д. 95, каб. 237
www.oreluniver.ru E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

Материалы статей печатаются в авторской редакции

Право использования произведений предоставлено авторами на основании
п. 2 ст. 1286 Четвертой части Гражданского Кодекса Российской Федерации

И.о. ответственного редактора: Дудина Е.Ф.
Технический редактор: Кирсанов М.А.
Перевод: Александрова А.П.
Компьютерная верстка: Корявкина О.С.
Дизайн обложки: Никифоров А.В.
Корректурa: Рыбкина О.А.

Подписано в печать 15.09.2016 г.
Дата выхода в свет 20.09.2016 г.
Формат 60x84 1/8 Объем 44,86 усл. п. л.
Тираж 1000 экз. Цена договорная. Заказ № 81

Отпечатано с готового оригинал-макета на полиграфической базе
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»
302026, г. Орел ул. Комсомольская, 95
Тел./факс (4862) 74-09-30